

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Сборник статей участников
IV международной научной конференции
25-26 апреля 2008 года
Челябинск

Том 1

Челябинск
2008

УДК 800(063)
ББК 81
С 48

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор Л.А. Нефедова (отв. ред.)
кандидат филологических наук Е.Е. Аникин
кандидат филологических наук, доцент Г.Р. Власян
кандидат филологических наук, доцент О.Л. Заболотнева
кандидат филологических наук, доцент Е.В. Ньюнэйбер
кандидат филологических наук, доцент Н.С. Олизько
кандидат филологических наук, доцент И.В. Степанова
кандидат педагогических наук, доцент О.Н. Ярошенко

С48 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г., Челябинск. Т. 1 / [редкол.: д.филол.н., проф. Л. А. Нефедова (отв. ред.) и др.] – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – 618 с.

ISBN 978-5-87039-209-7

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в IV международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В трех томах сборника освещаются общетеоретические вопросы фундаментальных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета.

Сборник издается в авторской редакции

УДК 800(063)
ББК 81

ISBN 978-5-87039-209-7

© ГОУ ВПО «Чел ГУ», 2008
© ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008

КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ХХІ ВЕКА

S.S. Avakimyan
California, USA

WAYS OF EXPRESSING POSITIVE REACTIONS OR EVALUATIONS

As David Crystal (2003) argues, when we look at the use of the English language, ‘we are faced immediately with a bewildering array of situations, in which the features of spoken or written language appear in an apparently unlimited number of variations and combinations’ [Crystal 2003: 286].

There is an outstanding number of ways in which one can express a positive reaction or evaluation. The first thing one can notice in the English speaking cultures is the willingness with which people express their approval or positive reaction and various ways they do it. In Russian culture people tend to be more restrained and reserved. Therefore, the aim of this paper was to explore some of the various ways of giving a positive reaction to stimuli and to observe underlying reasons for the probable differences and similarities. Variables like “Nice, well done!” or “Wow, cool” as reaction to some stimuli became the target of this study and made up the data for the analysis.

For this study there were collected 30 utterances of positive reaction over a period of approximately four weeks. The data was basically collected on the Monterey Institute of International Studies campus, both inside and outside class. The recorded data included the information about gender, age, current occupation or social status and region of the origin of the participants, since “sociolinguistic variables are sensitive ... to ‘macro’ social variables for speakers: sex, age, social class, race and place”..., and also “to the degree to which the speaker wishes to accommodate to the speech of the person addressed and the formality of the situation” [Hudson 1999: 202].

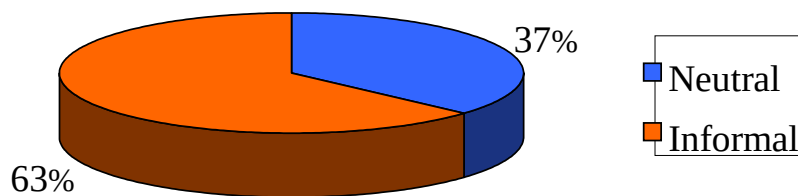
The participants included teachers and students of the Monterey Institute of International Studies, females and males. For the study gender, age, the relationships between the people who took part in an interaction were chosen as major variables.

Gender variable has two levels: males and females, *relationships* are sorted out into casual and professional. Besides the data collected was also examined according to the *formality of the occasion*, or *degree of formality* that can crucially affect communicative behaviour. Proceeding from this criterion the data is subdivided into: formal, informal and neutral.

By informal we mean an utterance that is used in normal conversation, but may not be suitable for use in more formal contexts, particularly in writing e.g. essays or business letters, for example *That's awesome!* or *Cool!*. A neutral utterance is defined as an utterance that can be most common and appropriate both for formal and informal speech or writing, but would not normally be used in ordinary conversations, for example *Good, that's nice!* or *Yes, fine!* [Longman Dictionary of Contemporary English: 2001 (cover page), Collins Cobuild English Dictionary: 1995].

In general, utterances that are marked as neutral appear less frequently across the data, than informal ones (see Chart 1). This might be explained by the fact that most of the speakers were students.

Chart 1. Two variants of positive reaction to stimuli

First, we wanted to find out if there was any gender difference in expressing a neutral or informal positive reaction to a stimulus. Second, it was interesting to see if there was any difference between the use of the neutral and informal variants amongst the two relationship groups of casual and professional.

The results of the study reveal that positive reactions or responses may vary according to relationships and, to some extent, gender. Out of the 30 data samples, it appears that in a casual conversation people are more likely to make an informal utterance, whereas in a professional one they choose to sound neutral. With regard to gender, it seems that females have a slightly higher tendency to produce a neutral response.

Concerning the gender variable, it is noteworthy that both males and females tend to use informal ways of positive reaction more frequently than neutral ones, though they are both aware of and use a lot of different ways in which positive reaction can be expressed. However, women, as compared to men, were most likely to use the informal variant, rather than neutral. In this study, 69% of the women used informal phrases, while only 31% used neutral. It seems that this picture contradicts with both Trudgill [1974, cited in Mesthrie et al. 2000: 222-224] and Labov's [1972, cited in Mesthrie et al. 2000: 222-224] works who found that women tend "to use more "prestige" or high status language features" while men "more vernacular language features". On the other hand, it is possible to assume that informal variant (*It's*

awesome! Cool!) is considered to be more prestigious and popular, especially among students who represent a significant part of the participants since the study was conducted on the MIIS campus.

The explanation of women's preferring informal utterances that seems more convincing lies in the following differences of female and male behaviour: "females tend to put more effort than men into keeping a conversation going by giving supportive feedback ..." [McCormick 1994, cited in Hudson 1999: 142] and it's informal way of interaction that allows closer relations between the interlocutors.

The second variable – relationships witness the most significant differences between two variants: those who were speaking in a casual conversation with a friend were far more likely to use the informal variant. Neutral positive responses were uttered only in conversations between the interlocutors with professional relationship. This can be explained as the use of different registers in order to accommodate various situations. According to Mesthrie, Swann, Deumert, and Leap, the register one uses "varies according to whether s/he is speaking to family members, addressing a public gathering, or discussing science with professional colleagues" [Mesthrie, Swann, Deumert, & Leap 2000: 72-73].

The results also support Trudgill's findings [Trudgill 1974, cited in Wardhaugh 2006: 170] who found out that the less formal a situation is, the less standard the speech is used and vice versa. He argues that we adjust our speech based on the setting and expectations in that setting. Therefore, as people spoke with friends and fellow students, they were in a more casual atmosphere and found the informal types of positive reactions to be more appropriate (e.g. *What language do you speak? - Russian. – Awesome! or I bought a car yesterday. – Wow, cool!*). However, in relationships of greater formality, such as with co-workers or professors, only neutral variant seems to be used (e.g. *I think we can copy and paste it. – Yes, brilliant!*).

Finally, the attempt was made to see if there was any evidence of gender influence on the choice of linguistic items within the framework of relationships of the participants. The analysis showed that in conversations between the people with casual relationships 21.4% of males used a neutral variant while only 6.25% females employed it. In my way of thinking, this male / female difference has an implication that "the male style" is good for public speaking, report making..., "while the female style is more 'private', suitable for establishing rapport" [Tannen 2007: 76-77]. It seems to be suggestive of the fact that male "conversations are negotiations in which people try to achieve and maintain the upper hand, if they can"..., and female "conversations are negotiations for closeness in which people try to seek and give confirmation and support..." [Hudson 1999: 141].

With regard to the lexical expression of the data recorded it is noteworthy that the informal adjective “cool” when used for expressing approval, as an equivalent of *great*, *very good* is the most frequent (36.7%) among younger speakers, while “awesome” which “became very fashionable amongst the valley girls in California in the 1980s” [Crystal 2008] is less often used (26.7%), mostly by the people about 30. So it seems true that *awesome* is “still around but, for many, it's dated now” [Crystal 2008]. An informal exclamation “wow” to express that one is impressed, or pleased makes up 13.3% of all response, while informal “OK” when used to say that you find it satisfactory or acceptable makes up 6.7%.

Neutral ways of positive reaction are *nice* and *good* (10% each) and some other more emotional ways are *exciting*, *wonderful*, *brilliant*, *perfect* and *great* (3.3% each).

Thus, on analyzing how positive response variables can be determined by such matters as relationships, gender, age and formality of the occasion, it is possible to assume that there is definitely a difference in the use of the variants. However, further research is needed before these findings can be considered conclusive and reliable.

Meanwhile, this study proves that there is no single-style or single-variety speaker. A speech community has a choice of positive response varieties. The existence of patterned or accepted variation in communication makes it possible to vary our speech in positive reaction to different stimuli.

For a EFL and ESL teacher it is of vital importance to introduce their students to the richness of language resources and to teach them how to make use of it. As educators we should also make students aware of the fact that communication is a complex but rule-governed behaviour, which depends on linguistic and on social factors alike (e.g. age, gender, social status, formality of the occasion, closeness of relationships, etc.). It is important to make learners well aware of the fact that any user of language is constantly responding to and signaling some social information.

References

1. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of The English Language* [Text] / Crystal. - 2nd ed.. - Cambridge, UK: Cambridge University Press., 2003.
2. Crystal, D. “Keep your English up to date” [Electronic resource] / Crystal // http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/uptodate3_awesome
3. Hudson, R.A. *Sociolinguistics* [Text] / Hudson. - 2nd ed. - Cambridge: Cambridge University Press., 1999.
4. Mesthrie, R., Swann, J., Deumert, A., & Leap, W. *Introducing sociolinguistics* [Text] / Mesthrie, R., Swann, J., Deumert, A., & Leap, W. - Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000.
5. Tannen, D. *You just don't understand. Women and men in conversation* [Text] / Tannen. - New York: HarperCollins, 2007.
6. Wardhaugh, R. *An introduction to sociolinguistics* [Text] / Wardhaugh. - 5th ed. - Malden, Mass: Blackwell, 2006.

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (ОТ АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ)

«Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
Несутся искусство, любовь и история –
По **параболической траектории!**
Судьба, как ракета, летит по **параболе**
Обычно во мраке и реже – по радуге»

А. Вознесенский

Современное художественное пространство, создаваемое автором, меняется, движется по **параболической проекции**. В рамках содержания настоящей статьи, прежде всего, представляется целесообразным уточнить наше понимание понятий «**когнитивное моделирование**» и «**ментальное художественное пространство**», которые нередко в специальных исследованиях сближаются. Максимальное сближение в использовании лексем «когнитивный» и «ментальный» объясняется, прежде всего, их сходной этимологией. Так лексема когнитивный восходит к фр. *cognitif* < лат. *cognoscere* – понимать, **сознавать**, по Словарю иностранных слов и выражений – **связанный с сознанием**, мышлением [Словарь 2002: 288] **ментальный**, в свою очередь восходит к франц. *mental* < лат. *mens (mentis)* – ум, **мышление, душевный склад**, в современном толковании – относящийся к **мышлению**, умственным способностям человека. [Там же: 376]. Нам представляется, что уже здесь высвечивается ядро различий, т.к. **сознание** предполагает динамику, развитие; а **душевный склад** – скорее постоянен, статичен. Соответственно, под **когнитивным моделированием** мы понимаем динамический процесс, связанный с предварительным перебором различных возможных вариантов, как автором, так и при чтении читателем. **Ментальное же пространство** представляется нам **итогом** творческого процесса, относительно статичным результатом выбранной художественной картины мира, что естественно не ограничивает динамики развития событий в сюжете. Это может, в свою очередь, быть обозначено как **когнитивная нарративная проекция**, что также допускает различные повороты сюжета: «литературный лес» У. Эко или же «сад расходящихся троп» Х.Л. Борхеса [Эко 2003].

Наиболее интересными для исследователя являются случаи, когда развитие событий в художественном произведении намеренно движется у автора по **параболической траектории**, нарушающей канонический нарративный ряд. Наиболее часто это происходит у современных авторов в литературе постмодернизма.

Писатели этого направления очень высоко ценят разнообразные текстовые литературные технологии, создавая свои версии различных миров. Преобладают самые

различные специальные приемы: эстетический эксперимент, мир как хаос, двойное кодирование, интертекстуальность, авторские маски, безличность, маргинальный характер, различные интеллектуальные игры. Появляются абсолютно новые темы и герои. Так, если западный постмодернизм восстает против массовой культуры, обращается к проблемам молодых, феминизму, то русский постмодернизм отрицает коммунистический тоталитаризм, соцреализм, мораль, концепцию нового человека, веру в идеалы.

Далее сопоставим технику прототипного нарративного ряда построения с маргинальным характером некоторых постмодернистских рассказов.

В ментальном художественном пространстве обычно действуют участники (актанты) и происходят события. Развитие событий чаще всего регламентируется нарративными закономерностями эпического жанра. Напомним, что классическая нарративная структура организуется шестью базовыми функциями: Резюме (1), Ориентация (2), Осложнение (3), Оценка (4), Решение или Результат (5), Итог – Кода (6); причем наиболее значимы Осложнение (3) и Решение (5).

Однако писатели нередко изменяли эту структуру, используя (вначале в своем воображении) различные когнитивные игры этой структуры. Особое развитие данное явление получило, как уже отмечено, в литературных текстах постмодернизма. Соответственно, позднее читатели невольно становятся участниками этих когнитивных игр, мысленно также перебирая возможные варианты их развития и «отклонения» от нарративной структуры. Особый интерес представляют случаи с **«открытыми концами»** или же предоставление читателям возможности выбрать из нескольких предлагаемых возможных вариантов – один наиболее привлекательный для них.

Заметим, что зарубежная когнитивная поэтика объясняет когнитивные процессы создания ментального пространства автором моделированием определенных схем; так, интересный вариант анализа сознания читателя предлагает в своих работах Кэтрин Эммот, что может оказаться очень полезным в качестве метода интерпретации текста.

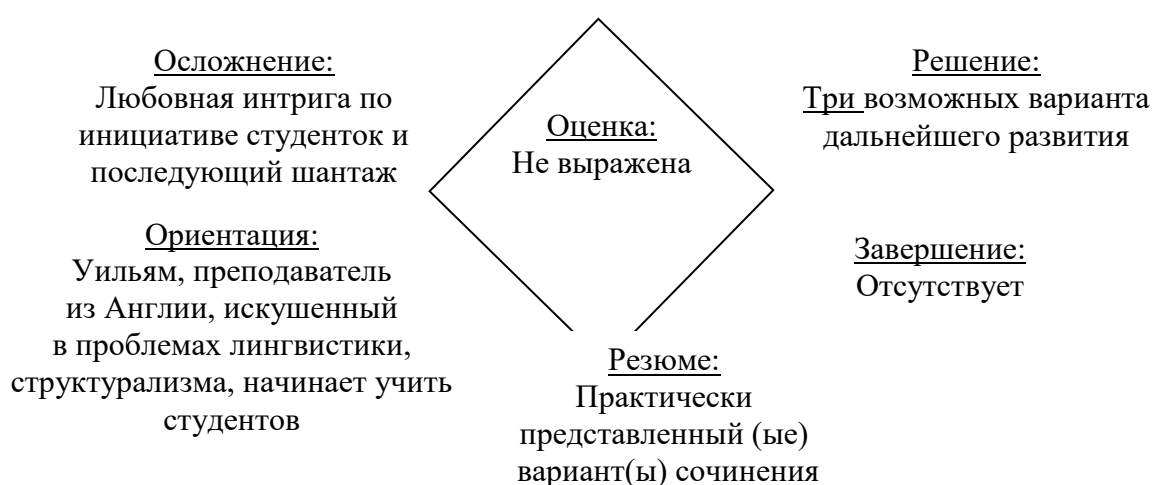
Используем в качестве материала своего анализа рассказ Малькольма Брэдбери «Composition» («Сочинение»).

Данный рассказ повествует о работе по контракту Уильяма, преподавателя университета небольшого американского западного городка. Он приехал из Англии учить студентов первокурсников писать сочинения. Унылая практическая работа с нерадивыми студентами искушенного в области лингвистики, структурализма, пишущего диссертацию преподавателя неожиданно прерывается неординарным событием. Студентки приглашают его к себе в комнату, где они проживают вдвоем,

раздеваются, провоцируя его на интимное сближение. Довольно приятно проведенный вечер переходит в утро отрезвления. Уильям получает письмо, шантажирующее его, с весьма откровенными фотографиями, сделанными накануне. Студентка требует повысить оценку за сочинение своей подруге, иначе ... А дело может дойти до его увольнения с позором. Уильям впадает в глубокую депрессию, мысленно перебирая возможные варианты развития событий. Всего их предлагается три. Писатель оставляет выбор за самим читателем. Представим структурную схему рассказа, а также когнитивные варианты сознания Уильяма в данном рассказе.

Схема 1

**Базовая нарративная модель
схемы рассказа «Composition» М. Брэдбери**

Представим кратко три продолжения сочинения, которое из тестового задания может реализоваться в самой жизни Уильяма.

Вариант А

Уильям исправляет оценку студентке на более высокую (по требованию шантажистки), а само письмо рвет и выбрасывает.

Вариант В

Уильям берет красный карандаш, исправляет орфографические ошибки (всего три) в полученном письме, исправляет оценку автору на более низкую, запечатывает конверт и посылает письмо шантажистке.

Вариант С

Уильям пишет нежное письмо студентке, автору-шантажистке, выражая желание продолжить интимные отношения, даже если это приведет к крушению всей его карьеры. Читатель также получает возможность перебора вариантов.

Рассказ имеет «открытый конец», выбор единственного варианта – за читателями.

Теория контекстуальных фреймов

Кэтрин Эммот переносит идею существования различных текстовых миров в дискурсивную плоскость, моделируя в своей теории сознание читателя. Ее теория получает название «теории контекстуальных фреймов» (contextual frame theory). В качестве материала анализа она выбирает развлекательную литературу.

Цель исследования К. Эммот – моделирование процесса понимания читателями изменений сюжета («twists in the tale» и «plot reversals») в нарративе [Emmot 2003: 145-159].

К. Эммот относит свою теорию к когнитивной поэтике, постулируя существование в литературном тексте особых «ключей», позволяющих читателю создавать в своем сознании литературные текстовые миры. При изменениях в тексте сюжета читатели (или герои текста), следуя по «тропе сада», делают ошибочные ложные предположения по причине отсутствия существенной информации или же в случае, когда их намеренно «обманывает» автор, направляя по ложному пути.

Теория контекстуальных фреймов содержит ряд базовых понятий: **контекстуальный мониторинг**, **фреймовые предположения** (assumptions) и **внутрифреймовые выводы** (within – frame inferences). **Контекстуальный мониторинг** подразумевает выявление информации о действующих лицах в конкретной ситуации, именуемой **контекстуальным фреймом**. **Фреймовые предположения** используют основные схемы знаний о физических, перцептуальных и поведенческих характеристиках участников в определенных ситуациях: не подтверждающиеся предположения (default assumptions – Type 1), не подтвержденные из-за различных особых обстоятельств, например, из-за мистических проявлений (ghost stories, fiction), неожиданных явлений (вроде: - человек проходит через стену). В результате этих нарушений проектируемые фреймы не реализуются полностью или же частично (когда не вся ситуация разворачивается в тексте). Фреймы могут быть **ретроспективными**, **проспективными**, может происходить **изменение фрейма**, когда самое существенное не излагается, а дается на периферии фрейма (в подтексте).

В анализируемом нами рассказе, в соответствии с методикой К. Эммот читатель имеет возможность проводить **контекстуальный мониторинг**, используя даваемую автором информацию о преподавателе Уильяме и его студентках в особых ситуациях **контекстуальных фреймах**: например, визита Уильяма к студенткам и его «падении», а также при получении им письма. **Фреймовые предположения** эксплицированы в форме когнитивного моделирования автором возможных событий проспективного характера.

Однако в нашем рассказе с «открытым концом» данная интересная методика все же не полностью срабатывает, хотя подобная авторская структура несомненно «льстит» интуиции читателя, которого приглашают стать соавтором рассказа.

В заключении проведенного исследования сама К. Эммот подчеркивает, что хотя когнитивные умения используются читателями при любой интерпретации в процессе чтения, а не только при их столкновении со «скачками» в нарративе и другими изменениями сюжета, тем не менее предлагаемая ею теория контекстуальных фреймов помогает интерпретаторам преодолевать ошибочные предположения и обращать большее внимание на «ключи» – подсказки самого автора: межфреймовые указания, представленные в тексте ранее, что способствует более адекватной реализации их ожиданий. Когнитивный подход к чтению активизирует внимание к предшествующим подтекстовым указаниям автора, а также к специальным стилистическим маркерам. Теория К. Эммот не ведет к одной единственно правильной, интерпретации, но обращает наше внимание на сам процесс чтения, не мешая дополнительному удовольствию, получаемому при использовании предполагаемой методики.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов и выражений [Текст] /Авт. Сост. Е.С. Зенович. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 778 с.
2. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах [Текст] / У. Эко; пер. с англ. А. Глебовской. – СПб: «Симпозиум», 2003 – 285 с.
3. Emmot, C. Reading for Pleasure: a Cognitive Poetic Analysis of «Twists in the Tale» and other Plot Reversals in Narrative Texts [Text] / Emmot // Cognitive Poetics in Practice. Ed. by J. Gavins. – London: Routledge, 2003. – P. 145-159.

Материал для анализа рассказа М. Брэдбери извлечен из издания: Modern British Short Stories. Ed. By M. Bradbury. London: Penguin Books, 1988.– 448 p.

Л.В. Бабина, И.Ю. Макарова
Тамбов, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ДЕНОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода, характеризующегося повышенным интересом к выявлению типов знания, механизмов и процедур получения знания и способов их языкового представления, особое внимание уделяется изучению производных слов. Поскольку производные слова играют важную роль в обработке знаний. Они существуют как огромная база данных и являются, в то же время, порождающей средой, которая снабжает говорящих схемами соединения определенных

структур знания с определенными словообразовательными конструкциями, механизмами словообразовательного моделирования [Кубрякова 2004: 393].

Интересным материалом для исследования вышеуказанных процессов являются деноминативные глаголы, которые уникальны по своему характеру. Их необычность заключается в том, что они, передавая информацию о действии, произведены от имен существительных, основная функция которых называть предмет.

Изучение английских деноминативных глаголов позволило выявить пропозициональные структуры, которые выступают как когнитивные модели, аналоги словообразовательных моделей в системе репрезентации знаний. К числу основных моделей можно отнести USE AS INSTR, USE AS MEANS, PUT OBJ PLACE, DO AS / LIKE ACTOR. Когнитивные модели, представляющие собой упрощенные варианты того, что ими репрезентируется, с одной стороны, используются при создании новых слов. С другой стороны, они применяются при интерпретации деноминативных глаголов в том случае, когда производные глаголы не воспроизводятся, то есть не используется репродуктивная стратегия обращения с языковым материалом.

Формирование значений деноминативных глаголов по когнитивным моделям происходит в том случае, когда производящее имя существительное относится к определенной таксономической категории, то есть в его семантике отражено то, как обозначаемый им объект концептуализируется человеком в той или иной ситуации.

Производящие имена существительные образуют таксономические категории, среди которых категории Человек, Животное и Объект отражают естественные категории объектов окружающего мира. В свою очередь категория Объект включает в себя ряд категорий, среди которых можно назвать Инструмент, Средство, Место и Помещаемое, строящиеся на основе синтаксических отношений.

Концептуальная структура, соотносимая с производящим именем существительным, рассматривается как объемный фрейм, состоящий из формального, конститутивного и целевого подфреймов [Боярская 1999]. Конститутивный подфрейм содержит информацию о внешнем виде объекта. Концептуальные характеристики целевого подфрейма передают знания о действиях, связанных с объектом. Формальный подфрейм определяет объект как принадлежащий определенной категории суперординатного (более абстрактного) уровня.

Конститутивный и целевой подфреймы включают собственный и инферентный слоты. Собственные слоты: собственно-конститутивный и собственно целевой содержат концептуальные характеристики по умолчанию, которые выявляются на основе анализа значения производящего имени существительного. Инферентные слоты: конститутивно-

инферентный и инферентно-целевой содержат концептуальные характеристики по выбору, которые выводятся на основе анализа характеристик по умолчанию, а также экстралингвистического знания об объекте, обозначаемом производящим именем существительным.

Как было сказано выше, формирование значений английских деноминативных глаголов, образованных от существительных определенных таксономических категорий (инструмент – *to fork, to knife, to chopstick*, etc.; средство – *to glue, to shampoo, to brick*, etc. и другие), происходит на основе когнитивных моделей. При этом в концептуальной структуре, соотносимой с производящим существительным, перспективизируются концептуальные характеристики по умолчанию формального подфрейма и собственно-целевого слота целевого подфрейма. Эти характеристики содержат знания о принадлежности объекта определенной категории и о типичных действиях, связанных с объектом, обозначаемым именем существительным. Указанные характеристики конкретизируют атомарные предикаты когнитивных моделей. Например, при формировании значения деноминативного глагола *to nurse* во фрейме, соотносимом с производящим существительным, перспективизируется характеристика ‘human being’ формального подфрейма и характеристика ‘to look after ill or injured people’ собственно-целевого слота. За счет этих характеристик атомарный предикат наполняется конкретным смыслом (DO AS ACTOR → LOOK AFTER PATIENT MANNER).

Исключение в данном случае составляют деноминативные глаголы, произведенные от существительных, обозначающих части организма человека и животного (*to claw, to finger, to shoulder* и др), и от существительных таксономической категории Животное (*to mouse, to pig, to snake* и др.). В семантике имен, обозначающих части организма человека и животного, отражены лишь онтологические характеристики объекта, анализ которых позволяет выявить характеристики собственно-конститутивного слота конститутивного подфрейма и формального подфрейма концептуальной структуры, соотносимой с производящим существительным. При интерпретации деноминативного глагола перспективизируются именно эти характеристики. На их основе выводится информация о возможных действиях, совершаемых при помощи той или иной части организма. Выводная информация отражается характеристиками по выбору инферентно-целевого слота целевого подфрейма, которые и позволяют конкретизировать атомарный предикат пропозиции, репрезентируемой деноминативным глаголом. Например, при формировании значения деноминативного глагола *to claw* в концептуальной структуре, соотносимой с производящим именем существительным, перспективизируются характеристики ‘nail of the toe

of an animal or bird', 'sharp', 'hard', 'curved' собственно-конститутивного слота и характеристика 'instrument' формального подфрейма. На их основе выводится характеристика 'used to tear' инферентно-целевого слота, которая позволяет конкретизировать атомарный предикат пропозиции (USE AS INST → CHANGE OBJ WITH INST).

В случае интерпретации деноминативного глагола, произведенного от существительного таксономической категории Животное, конкретизация атомарного предиката происходит при обращении к синтаксической конструкции, содержащей деноминативный глагол, и соотносимой с ней структуре знания. Концептуальные характеристики фрейма, репрезентируемого производящим существительным, определяют аргумент пропозиции, репрезентируемой деноминативным глаголом. Эти характеристики, как правило, антропоморфны, то есть приписаны животному человеком. Они отражают экстралингвистическое знание о животном, являются характеристиками по выбору и располагаются в конститутивно-инферентном слоте фрейма.

Если производящее существительное обозначает полифункциональный объект, то формирование значения деноминативного глагола в процессе его интерпретации сильно зависит от контекста – синтаксической конструкции, содержащей глагол, и соотносимого с ней знания. Например, глагол *to bottle* в предложении *We were stoned and bottled by spectators as we marched down the street*. Атомарный предикат в данном случае восстанавливается за счет знания, передаваемого синтаксической конструкцией, а концептуальная структура, соотносимая с производящим существительным, позволяет выявить аргумент, согласующийся с атомарным предикатом в единую пропозициональную структуру, репрезентируемую производным глаголом. В рамках фрейма перспективизируются концептуальные характеристики по умолчанию конститутивного подфрейма и/или концептуальные характеристики по выбору целевого подфрейма. При восстановлении атомарного предиката интерпретация деноминативных глаголов, как правило, осуществляется за счет когнитивных механизмов перспективизации, соединения и достраивания. Механизм перспективизации подразумевает выдвижение на передний план определенного участка концептуальной структуры, соотносимой либо с производящим именем существительным, либо с синтаксической конструкцией, отражающей информацию, важную в данной ситуации для говорящего и слушающего. Действие механизма перспективизации позволяет выявить, либо конкретизировать атомарный предикат. Под механизмом соединения понимается объединение атомарного предиката и именного концепта в

пропозициональную структуру, передаваемую деноминативным глаголом, благодаря естественному согласованию предиката и аргумента пропозиции. Механизм достраивания восстанавливает недостающие элементы пропозиции, репрезентируемой деноминативным глаголом, за счет обращения к структуре знания, соотносимой с глаголами той лексико-семантической группы, которой принадлежит данный производный глагол.

Таким образом, в современном английском языке формирование значения деноминативного глагола осуществляется как на основе когнитивных моделей, так и за счет действия когнитивных механизмов перспективизации, соединения и достраивания. При этом в процессе формирования значения деноминативного глагола участвуют как производящее имя существительное и репрезентируемая им структура знания, так и контекст – синтаксическая конструкция, содержащая деноминативный глагол, и соотносимое с ней знание. Разной оказывается лишь степень участия этих концептуальных структур в данном процессе.

Список литературы

1. Боярская, Е.Л. Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных [Текст] : дисс... канд. филол. наук / Е.Л. Боярская - Калининград, 1999. - 217с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560с.

В.В. Багичева
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯНКИ ДЯГИЛЕВОЙ

Смерть и жизнь – субстанции, постижение сути которых всегда занимали человека. Где я был, когда меня не было, и куда я уйду, когда меня не станет? – вечные вопросы бытия.

Смысл понятий «жизнь» и «смерть» (и даже само значение данных слов) невозможно постичь отдельно друг от друга: жизнь по большому счету это не смерть, а смерть – это то, что уже не жизнь. Анализ лексикографического материала показывает, что и словарные дефиниции лексемы «смерть» подчёркивают лишь идею отрицания бытия. Описания непосредственно смертного процесса словари не предлагают, что объясняется «отсутствием коллективного опыта человечества в данной области» [Дзюба 2001: 130]. Но, несмотря на свой «внекультурный» характер, именно смерть становится самым двигателем культуры, искусства, преодолевающего время и побеждающего

смерть своих создателей (Дзюба). Именно в искусстве существует (пусть иллюзорная!) возможность выработать какие-то коллективные «способы борьбы со смертью».

В рок-поэзии, как отмечалось многими исследователями (Ю.В. Доманский, А.В.Лексина, Иеромонах Григорий (Лурье) и др.), тема смерти является центральной. «Игра слов «рок – судьба» и «рок–музыка» порождает игру смыслов-символов и придает статусу смерти решающую роль в рок-поэзии, поскольку рок всегда продуцирует смерть» [Лексина 2003: 186]. Причём в русской рок-поэзии игра слов перерастает в игру на бытийном уровне, уровне собственной судьбы, жизни.

Проанализировав тексты панк-рок поэта Янки Дягилевой, относящиеся к периоду конца 80-ых годов, мы выявили 60 лексем с семой «смерть», из которых 35 глаголов, 21 существительное, 4 прилагательных и 1 наречие.

Специфика поэтического текста заключается в том, что, помимо прямых номинаций, в нём используются косвенные номинации, то есть метафоры, ассоциативные образы. Что касается анализируемого материала, то целесообразнее, на наш взгляд, говорить **об образных характеристиках смерти** в произведениях Янки Дягилевой. Смерть так же, как жизнь, воспринимается ею как процесс.

В результате анализа были выявлены следующие ассоциативно-образные смыслы, которые связаны с номинациями смерти:

1. Смерть как прекращение бытия вообще. Данная образная характеристика смерти связана с представлением о живом, одушевленном, то есть имеющим душу, поэтому умирать могут не только люди и одновременно существующие с ними боги, но и неживые объекты. В этом смысле можно говорить о гиперболизации смерти: смерть как исчезновение всего сущего.

а) Смерть человека, бога:

*До – это такая страна была
Ее сейчас **нет**, потому что
Все кто там жил, **уже умерли**.
Вот и все.*

Смерть представляется тем единственным критерием, который разделяет обычных людей (одинаковых, как будто одетых в одинаковые картонные маски) и людей необычных. Необычные люди не скрываются под масками, видят мир таким, какой он есть, и умирают от одиночества. Но их смерть – это падение звезды.

*Это звезды **падают** с неба
Окурками с верхних этажей.*

б) Смерть абстрактных сущностей словесно представлена с помощью глаголов: *сохнуть, вымирать,дохнуть, погасить*:

*И **сохнут** ключи в пустыне, а взрыв потрясает сушу,*

Когда умирает богиня, когда оставляет души...

Даже время наделяется способностью умирать. Для обозначения смерти времени используется метафоры «труп веков» и «черная оправа времени» (траурная рамка).

2. Смерть как отсутствие проявлений жизни. Отмечается отсутствие движения и реакции. Интересно употребление фразеологического сочетания «лыко не вяжет» в значении «не сочетается, не взаимодействует»:

Лыко не вяжет внутри кровь с кислородом...

3. Смерть как покой, отдых. Внешнее бытие обуславливает усталость от жизни, стремление к покою, которое возможно, по мнению поэта, только в смерти. Это традиционное для русского менталитета понимание смерти как успокоения (ср.: за упокой души).

*Параллельно пути черный спутник летит
Он утешит спасет – он нам **покой** принесет...*

4. Смерть как освобождение. Жизнь представляется как тяжелый труд, болезнь, усталость. Жизнь всегда сопровождается грехом, без которого не может существовать, так как человек на земле грешен. Смерть воспринимается поэтом не как наказание, а как освобождение:

а) от тягот жизни, от совершаемых вольно или невольно грехов:

*Перед костром по росту построение
Тоскующих по месту под мостом
Стреляющих в упор по представлению о жалости:
Животворящей смертью по суете постылых ситуаций
По выходам и выводам...*

б) от болезни, усталости:

Лексические средства (*излечиваться, медицинский, больница*) объединены семой «излечение от болезней жизни»:

*Звездам мы становимся подругами
Навсегда от сил земных **излечиваясь**...*

5. Смерть как следствие одиночества. Каждый в момент смерти одинок, но – парадокс – если человек одинок в жизни, то он тоже умирает.

*Очень просто в море **тонет** остров
Очень верно, если **безответно**
Очень в точку, если в **одиночку**...;
Смерть от одиночества, вмещающего мир...*

6. Смерть как акт прощения. Просьба о прощении – это последнее, что человек оставляет в жизни. Освобождение от жизни не происходит, если прощения нет:

*Ждем с небес перемен – видим петли взамен
Он придет, принесет, Он утешит **спасет**
Он поймет, Он **простит**, ото всех **защитит**...*

7. Смерть как забвение. Лирическая героиня не верит в значительность жизни, потому что после смерти забудут всех: и богов, и людей, и саму жизнь (*красный цветок, свежий глоток*). Идея забвения, потери памяти воплощается с помощью лексических средств (глаголов): *забыли, не вспомним, забудут, забывать, забывать, насовсем позабыть*.

*А в стороне, у порога ключья холста лежали
Люди забыли бога, люди плечами жали...*

8. Смерть (чужая) как утрата смысла жизни. Данная текстовая репрезентация отражает факты биографии Янки Дягилевой - человека, убитого смертями близких и самых любимых его людей: матери (октябрь 1986 года), А.Башлачева (февраль 1988 года) и ребенка (?). В текстах стихотворений встречается неоднократное указание на февраль и октябрь, что само по себе является упоминанием смерти. С этими смертями Янка потеряла веру в жизнь и утратила страх смерти. Смерть становится не страшной: самое дорогое она уже забрала. Но и жизнь больше не нужна (*«кто остался тот и дурачок»*).

*После облома после аборта
Прощаются руки со струнами...*

9. Смерть как убийство. В этой группе можно выделить две разновидности убийства: убийство естественное (животным ради поддержания жизни) и убийство неестественное (человека человеком):

а) убийство как акт уничтожения недостойных, не согласных с существующим строем, не принимающих официальную мораль:

*Пристрелить ненужных – тех, кто отдал все, что мог
Полууничтоженных под пятитонный пресс;*

Недопокалеченному выбить костыли

Недопокареженных – под гусеницы вновь.

б) убийство как наказание, казнь за инакомыслие:

Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по трамвайным рельсам...

в) убийство как насильственное лишение жизни:

*Обыденный аборт в обрушенном овраге
Желанных жизнесхем живая красота...*

10. Смерть как самоубийство. Отсутствие смысла жизни заставляет героиню все чаще задумываться о насильственном прекращении собственной жизни. Часто в стихотворениях встречается слова со значением умерщвления себя: суицид, утопиться, выстрел, мерцающий клинок, свинцовый покой.

*Лифт сломался
Сорвался суицид – пешком пойдешь – успеешь обломаться*

Тяжелые шаги на лестнице...

Янка Дягилева — уникальное и недостаточно хорошо изученное явление в отечественной рок-культуре. Концептуальный анализ художественных текстов позволяет описать и обобщить когнитивные представления поэтессы о концепте *смерть*, выявить некоторые закономерности построения ее поэтического мира. Исследование содержит материал, который может быть использован при дальнейшем изучении специфических закономерностей мышления определенной эпохи.

Список литературы

1. Дзюба, Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой [Текст] : дисс. ...канд.филол. наук / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург, 2001.
2. Лексина, А.В. Танатология в русском роке [Текст] / А.В. Лексина // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь: Твер. гос. Ун-т, 2003. – Вып. 7. – 263 с.
3. Летов, Е., Дягилева, Я., Рябинов, К. Русское поле экспериментов [Текст] / Летов, Е., Дягилева, Я., Рябинов, К. – М.: Дюна. 1994. – 301 с.

Н.В. Багичева
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРА РОДСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТИЖЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

Изучение метафорического способа отражения действительности – одно из перспективных направлений когнитивной лингвистики. В настоящее время пристальное внимание ученых направлено на постижение связи национального языка и мышления. И именно в метафоре «стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Илюхина 1990: 15]. Подобно пятилетнему ребенку, который овладевает ассоциативным мышлением и наконец постигает суть метафоры, мы пытаемся понять структуру и механизм этого явления и, более того, в этой попытке разрушаем, ломаем образ, развинчиваем его «на гайки и пружинки», чтобы увидеть, «что у него внутри».

Метафора, по справедливому замечанию А.П. Чудинова, – это «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать **потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы** (выделено нами – Н.Б.). Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это **особого рода схемы**, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001: 39]. В связи с этим выделяются сферы-источники и сферы-доноры (сферы-мишени) метафорической экспансии.

В качестве сферы-донора мы рассматриваем концептосферу «Семья», так как семья относится к реалиям, которые в жизни этноса занимают видное место и вследствие этого получают, по словам Н.А. Илюхиной, богатую историко-культурную «ауру». Едва ли есть смысл специально останавливаться на том, насколько важны в жизни каждого человека создание семьи и межличностные отношения с близкими и дальними родственниками. Отметим, что для русского менталитета является традиционным метафорическое сопоставление России, Родины, земли, рек и т.п. с членами семьи (*Волга-матушка, хлеб-батюшка, мать Россия*). Сами носители языка входят в эту семью как сыновья, дочери, братья и сестры (*сын Земли, дочь страны*). Это происходит по той причине, что все слова, обозначающие родство, обладают очень яркими ассоциативными семами: мать – *любящая, самая родная и любимая, не способная предать свое дитя*; отец – *заботящийся о материальном достатке семьи, защищающий членов своей семьи, глава семьи* и т.п. Поэтому издревле в один ряд ставятся мать и родная земля: *Тогда киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебе и дела нет; нас чуть было не взяли печенеги: видно, тебе не жаль родной земли, ни матери-старухи, ни детей»* [Соловьев 1989: 34].

Лексика родства относится к тем группам слов, на материале которых оттачивает свои исследовательские приемы не одно поколение ученых. Постоянное использование существительных со значением родства как базы для отработки все новых методик дает основание некоторым исследователям искать аналогии для роли этой лексической группы совсем в других сферах: по словам Т.П. Ломтева, «семантическое поле, выраженное терминами родства, стало полигоном, на котором испытываются разные методы анализа» (1964); по наблюдениям американского антропологиста А. Wallac, «с методической точки зрения, термины родства служат для исследователей – представителей антропологистики тем же, чем крысы, для исследователей в области экспериментальной психологии» (1965). Особый интерес исследователей к терминам родства, разумеется, не случаен, так как эта лексическая группа «является одной из важнейших в словарном фонде языка» (О.Н. Трубачев) и, добавим, одной из древнейших. Замечательно об этом сказал поэт:

*Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женица – блюстительница пепла
Из древней самки выявила лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы. ...
И человечество питалось
И плодилось*

*Пред оком грозного
Взыскующего Бога.
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский долг, религия, семья (М. Волошин).*

Безусловно, метафора родства своего рода предсказуемая метафора. На поверхности лежит извечное противопоставление своего чужому. Но именно тем и живуча данная метафора, что отношения собственности, определение своего места в жизненном пространстве и определение своих и чужих будет вечно волновать человека. Поэтому, беря за анализируемый материал сферу-мишень, мы имеем уникальную возможность проследить «обратную связь» мышления. Кто в этом мире позаботится о нас, кто не предаст, на кого можно положиться? Что в этом мире мы помечаем как свой близкий круг, в каком пространстве нам живется комфортно, как происходит освоение этого пространства хотя бы ментально? При ответе на эти вопросы первым вербализатором станут термины родства, «опередить» которые смогут лишь, на наш взгляд, слова, обозначающие части человеческого тела. Это начало выхода человека в социум, налаживание человеком связи с окружающим миром: *Олег сел княжить в Киев и сказал: «Это будет мать русским городам»* [Соловьев 1989: 34].

Когнитивная метафора считается также одним из способов изучения ментальных процессов и постижения национального сознания. Метафора – это «своеобразный отпечаток истории, культуры народа, идеологии общества» [Илюхина 1998: 187].

Интерес к менталитету «вспыхнул» в общественном сознании в связи с перестроечными процессами в обществе. Хотя, надо признать, о специфичности загадочной «русской души», «русского национального характера» любили говорить всегда.

Категория «менталитет» ведет свое происхождение от прилагательного *mentalis*, появившегося в 14 веке и обозначавшего в средневековой схоластике принадлежность разуму, рассудку, уму. Заслуга введения этой категории в научный обиход принадлежит французским ученым М. Блоку и Л.Февру.

Особая заслуга в определении категории ментальности принадлежит исторической антропологии – направлению в международной историографии, возникшему в 60-70-е годы XX века. Под ментальностью изначально понимали «коллективную душу», коллективную «психею», включающую в себя ценностные установки, культурные формы, символы и мифы (Альфонс Дюпрон).

В трудах выдающихся французских исследователей, таких, как Ж. Ле Гофф, эта категория находит свое развитие. Ментальность, по Ле Гоффу, - сфера воображаемого. Воображение же не воспроизводит, а пересоздает реальность, претворяет ее в образы,

рожденные фантазией, вдохновением, поэтическим чувством. Источниками сведений о мире воображаемого служат, в первую очередь, произведения литературы и изобразительного искусства. Изучить мир воображаемого – значит проникнуть вглубь коллективного сознания общества.

К сфере эмоций относит ментальность А. Буро - французский медиевист. Эмоции рассматриваются им как проявление коллективного начала, а идеи – как проявление начала индивидуального. Многие историки, отмечает Буро, в целях анализа коллективных эмоций «большинства» идут на некоторую подтасовку источников: выбирают источники, ориентированные на объединяющие людей моменты, обозначая их как коллективную ментальность. Эта мысль А. Буро удивительным образом переплетается с высказыванием Н.М. Карамзина, создателя «Истории государства Российского»: «И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина» [Карамзин 1988: 32].

Однако, на наш взгляд, самым замечательным «открытием» для лингвистики является мысль М.Фуко о том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит и соответствующие ментальные конструкции. Ментальность, таким образом, превращается в своего рода «грамматику согласия».

Об этом же, на наш взгляд, говорит и немецкий историограф Герд Телленбах: «Ментальность – это естественное, само собой разумеющееся, часто даже импульсивное поведение и реагирование; произвольный, мало подверженный воздействию сознания образ мышления. Это хорошо проявляется в идиомах, передаваемых из уст в уста, пословицах, топосах, когда об их происхождении и точном значении не задумываются, и когда они **естественно, почти произвольно** (выделено нами – Н.Б.), всплывают в подсознании» [см. об этом: Русакова 2000: 264]. Подчеркнутые нами слова в полной мере можно отнести к метафоре.

Основатель отечественного историко-антропологического направления в философии А.Я. Гуревич определяет ментальность как «невольные послания» эпохи, «в них эпоха как бы помимо собственной воли «проговаривается» о самой себе, о своих секретах» [см. об этом: Русакова 2000: 288]. Возьмем на себя смелость перефразировать это высказывание на «лингвистический манер»: ментальность (и отражающая эту ментальность когнитивная метафора) – это «послания» скорее не эпох, а определенного народа, его языкового сознания.

Исследователи когнитивной метафоры чаще всего за основной объект изучения берут определенную понятийную область. Мы же, предлагая исследовать регулярно возникающие концептообразы при использовании определенной концептосферы, преследуем (аналогично Н.А. Илюхиной) несколько иные цели: установить закреплённость ассоциативных связей за определенными денотативными сферами; выявить важные стороны национально-культурной специфики слова. Инструментом для решения обеих задач может послужить когнитивная метафора.

Список литературы

1. Илюхина, Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте [Текст] / Н.А. Илюхина. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1990. – 204 с.
2. Карамзин, Н.М. Предания веков [Текст] / Сост., вступ. Ст. Г.П.Макогоненко; комм. Г.П. Макогоненко и М.В.Иванова; Ил. В.В.Лукашова. – М.: Правда, 1988. – 768 с.
3. Русакова, О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи [Текст] / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 2000. – 354с.
4. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) [Текст] : монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Н.Л. Байдикова
Москва, Россия

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Непрерывно развивающийся мир и человек находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. Человек активно преобразует окружающую действительность. Посредником между человеком и познаваемым миром выступает язык, который «создает возможности для упорядочения и систематизации в памяти множества знаний для построения характерной для каждого данного этнокультурного коллектива языковой картины мира» [Маслова 2005: 11]. Изучением вопросов кодирования, переработки, хранения и передачи информации занимается когнитивная лингвистика, получившая интенсивное развитие за последние несколько десятилетий в рамках современной антропоцентрической парадигмы.

Когнитивная лингвистика открывает определенные перспективы в изучении языка в целом и его отдельных аспектов: «Подчеркивая особую значимость когнитивного подхода в лингвистике, мы хотели бы отметить, что он позволяет подойти по-новому не только к определению языка – он ставится в один ряд с такими когнитивными способностями, как восприятие, внимание, память и т. п., – но и рассмотреть в этом свете по-новому главные черты его устройства и организации, а следовательно, дать более адекватную интерпретацию составным частям системы языка

и их соотношению» [Кубрякова 2007: 327 – 328]. Эта цитата Е. С. Кубряковой относится к лексике и грамматике, но вполне правомерно было бы утверждать, что когнитивное направление придает новый ракурс исследованию всех систем и явлений языка. Словообразование представляет собой один из языковых механизмов, обеспечивающих номинацию новых понятий и явлений действительности и их категоризацию, и поэтому не может быть обойдено вниманием когнитивной лингвистики.

Для изучения словообразовательных процессов в контексте когнитивной теории требуется, прежде всего, уточнить сам термин «словообразование», который трактуется отечественными и зарубежными лингвистами весьма неоднозначно и противоречиво. Кроме того, по поводу отдельно взятых его значений также существуют расхождения во взглядах.

Рассматривая словообразование как процесс образования новых слов, лингвисты единодушны в том, что в процессе словообразования используется языковой материал данного языка: «Словообразование – это образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств» [Кубрякова 1998: 467]. «Словарь лингвистических терминов» определяет словообразование как «образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ (баз) данного языка в разных комбинациях по определенным моделям, включающим правила чередования звуков, определяющим тот или иной характер соединения и т.п.» [Ахманова 1969: 424].

Другие вопросы, касающиеся сущности словообразовательного процесса, вызывают у языковедов разногласия, что отражается в отсутствии единства терминологии. В отечественной литературе среди терминов, обозначающих сам процесс образования слов в языке и речи, можно встретить такие, как «словообразование», «словопроизводство», «основообразование», «деривация», причем разные ученые вкладывают в них разное содержание.

Лингвисты рассматривают взаимоотношение терминов «словообразование» и «словопроизводство» с трех позиций: как синонимичные понятия [Ахманова 1969: 424], объем значений термина «словообразование» превосходит объем значений понятия «словопроизводство» [Смирницкий 1998: 70] и наоборот [Торопцев 1980: 76].

В зарубежных исследованиях словообразовательные процессы обозначаются терминами “word-formation”, “word-building”, “derivation”, “compounding”, и отношения между ними также не отличаются упорядоченностью и единообразием.

Р. Квирк и С. Гринбаум используют термины «словообразование» (“word-formation”) и «деривация» (“derivation”) как синонимы. Основными словообразовательными средствами они считают аффиксацию, конверсию и словосложение (“compounding”) [Quirk, Greenbaum 1975: 430]. Г. Марчанд разделяет этот подход к соотношению понятий «словообразование» и «деривация» [Marchand 1966: 2 – 3].

Авторы грамматики “The Cambridge Grammar of the English Language” рассматривают деривацию в более узком значении, как процесс присоединения аффиксов к основе слова. Наряду с деривацией, по их мнению, словосложение и конверсия составляют три основных способа словообразования в современном английском языке [Cambridge Grammar 2002: 1631].

Обозначение структурных элементов, принимающих участие в словообразовании, также не отличается единообразием в англоязычной научной литературе. Р. Квирк и С. Гринбаум называют термином “base” (базой, основой) форму слова, которая подверглась словообразовательному изменению, а термином “stem” (основой) – ту часть слова, которая остается после удаления всех аффиксов [Quirk, Greenbaum 1975: 430 – 431]. В отечественном языкознании эти структурные элементы слова обычно называются «производящей основой» и «корнем» соответственно.

Р. Хадлстон и Дж. Пуллум выделяют в морфологической структуре слова два основных компонента: основу (“base”) и аффиксы (“affixes”). Понятие основы (“base”) в их трактовке – очень широкое, соответствующее русскоязычным терминам «корень», «производная основа», «производящая основа» [Cambridge Grammar 2002: 1624 – 1626].

М. Бергман выделяет в слове основу – “stem”, которая остается после удаления флексии, основу – “base”, от которой было образовано слово при помощи словообразовательных аффиксов, и корень – “root” – простейший конечный составляющий элемент слова [Bergman 1988: 18].

Таким образом, в англоязычной словообразовательной терминологии нет достаточно четкого разграничения структурных элементов слова, участвующих в словообразовательном процессе. Это объясняется тем, что в английском языке корневая морфема очень часто совпадает по своему звуковому составу с основой, а основа – с самостоятельным словом (если оно неизменяемо) или так называемой «основной формой» (если слово имеет несколько словоформ). Для словообразовательного анализа в русском языке, напротив, важно различать такие понятия, как «корень» и «основа», а последнюю подразделять на «производящую основу» и «производную основу». В русском языке, который принадлежит к языкам флективного типа, подавляющее

большинство слов являются двухморфемными: они состоят из основы и словоизменительного аффикса.

Итак, словообразовательная терминология в современном отечественном и зарубежном языкознании не отличается однозначностью и единообразием. Эта терминологическая неупорядоченность вызывается рядом причин. Во-первых, ученый вправе для своих конкретных исследовательских целей использовать многозначный термин в каком-либо из его значений, придавать ему новое значение или вводить новый термин. Во-вторых, термины, используемые для описания словообразовательных процессов в разных языках, отражают особенности морфологического строя этих языков. И в-третьих, разногласия в использовании и понимании словообразовательной терминологии могут объясняться социальными, когнитивными и прагматическими аспектами словопроизводства в данном языковом сообществе.

Третья из перечисленных причин еще мало исследована. Словообразование достаточно изучено с точки зрения его механизмов, структурных элементов, типов и моделей. В последнее время внимание лингвистов привлекает также семантическая сторона словопроизводства. Однако познавательная природа этого процесса пока остается в тени. Большой потенциал для дальнейших исследований представляет когнитивный подход, в рамках которого словообразование следует рассматривать как **познавательный** процесс, в ходе которого с помощью ментальных операций на основе старых знаний происходит категоризация нового знания и появление новых слов в речи, языке и ментальном лексиконе.

Список литературы

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608с.
2. Кубрякова, Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека [Текст] / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики/ Сост. Л. Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. 327 – 342.
3. Кубрякова, Е.С. Словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова // Большой энциклопедический словарь. Языковедение/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 467 – 469.
4. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
5. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 260с.
6. Торопцев, И.С. Словопроизводственная модель [Текст] / И. С. Торопцев. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1980. – 146 с.
7. Bergman, M. W. The Visual Recognition of Word Structure. Left-to-Right Processing of Derivational Morphology [Text] / M. W. Bergman. – Sneldruk Enschede, 1988. – 248 p.
8. The Cambridge Grammar of the English Language/ R. Huddleston, G. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1842 p.

9. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation: A Synchronic-diachronic Approach [Text] / H. Marchand. – University of Alabama Press, 1966. – XX, 379 p.

10. Quirk, R., Greenbaum, S. A University Grammar of English [Text] / R. Quirk, S. A. Greenbaum. – London: Longman, 1975. – XI, 484 p.

И.В. Белкина
Белгород, Россия

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБЛИГАТОРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ФРЕЙМА «ПРИОБРЕТЕНИЕ»

Проблема концептуализации языком окружающей человека действительности остается чрезвычайно актуальной. В рамках когнитивной лингвистики предполагается изучение различных структур знания, лежащих в основе языкового функционирования, одним из наиболее распространенных методов исследования структур репрезентации знаний признается фреймовый анализ.

Целью данной статьи является обобщающее описание языковых способов и средств актуализации фрейма «приобретение». В данной работе репрезентация фрейма «приобретение» продемонстрирована на примере актуализации облигаторных компонентов. Эти компоненты универсальны, кодирующие фрейм для оперирования им в мышлении носителя языка.

Фреймы представляют собой разного рода связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире [Кобозева 2000: 65]. Разработка подобных когнитивных структур связана, в первую очередь, с работами Ч. Филлмора, Дж. Лаккофа, М. Минского. Во фреймах, когнитивных структурах, стоящих за значением слова и обеспечивающих его понимание, выделяются иерархически упорядоченные элементы – компоненты, более мелкие единицы, составляющие какой-либо аспект фрейма, и образующие его пропозитивную часть (Р. Лангакр, Д. Норманн, Д. Руммельхарт). Пропозиция, по мнению большинства исследователей включает, наряду с диктумом – реальными знаниями об объекте, модус как оценку субъектом диктальных знаний, их эмоциональное восприятие [Представление и использование знаний 1990: 57].

Наряду с пропозитивной частью, фрейм содержит концептуальный план [Beaugrande 1991], как инструкцию по его использованию, т.е. стратегии субъекта, знания о стилевых, коннотативных возможностях означивания ситуации, прагматические компоненты.

В соответствии с иерархической структурой и основными свойствами фрейма, модель фрейма «приобретение» выглядит следующим образом.

Облигаторными компонентами фрейма являются ПРИОБРЕТАТЕЛЬ, сам ПРОЦЕСС ПРИОБРЕТЕНИЯ, ПРИОБРЕТАЕМОЕ. Необлигаторные компоненты представлены СПОСОБОМ приобретения (физическое действие, ментальность, эмоциональное восприятие) и ИСТОЧНИКОМ (бывший владелец или место, в котором находится предмет до момента приобретения).

Выделение облигаторных и необлигаторных компонентов в структуре фрейма определяет специфику значений глаголов приобретения, отражающих роль приобретателя, а также различные виды приобретаемой сущности. В качестве основных семантических понятий, входящих, на наш взгляд, в семантические роли приобретателя могут быть следующие пары признаков: +/- приложение усилий, +/- волеизъявление, +/- контролируемость, +/- осознаваемость. Особенности проявления перечисленных выше признаков ПРИОБРЕТАТЕЛЯ позволяют выделить его возможные семантические роли: ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Инициатор (приобретает объект для себя, прилагая усилия), ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Деятель (прилагая усилия, приобретает объект в пользование другого лица), ПРИОБРЕТАТЕЛЬ, осознающий результат (не прилагает усилий, но осознает результат приобретения). Рассмотренный аппарат семантических ролей субъектов при глаголах приобретения и составляющих их признаков отражает существующие субъектно-предикатно-объектные отношения между субъектом-приобретателем, глаголом и приобретаемыми объектами внешнего материального и нематериального мира.

Глаголы приобретения на системно-парадигматическом уровне обозначают преднамеренный или непреднамеренный характер действия, который детерминирован семантическим признаком «участие субъекта в выполнении действия». При актуализации преднамеренных действий реализуются субъектно-ориентированные признаки, а именно: приложение усилий, волеизъявление, контролируемость, осознаваемость: ...and he worked with all his power to gain the credit (Mowat E.); Liquor was ten times more expensive than before the war, and almost impossible to obtain (Pope D.).

Существенно отметить двойственную природу признака «приложение усилий», основанную на понимании усилия как физического или умственного напряжения. Специфика физического действия приобретения объекта состоит в том, что это значение содержит компонент передачи, благодаря чему становится возможным осуществление данного действия: He obtained an old musket, with a few charges of powder and ball (Melville H.). Особенность «приложения умственных усилий» может заключаться в том,

что само действие по приобретению объекта не является конечной целью субъекта, который имеет в виду совершение каких-то других действий с помощью этого объекта. Действие по приобретению объекта является, таким образом, как бы промежуточным этапом, действием-средством, характеризующимся целенаправленным характером участвовать в других видах деятельности: Or he may decide to teach...by staying on in Cambridge to get a master's degree for this possible purpose (Cozzens G.J.).

На преднамеренный характер выражаемых глаголами приобретения значений может указывать также семантика существительных в позиции ПРИОБРЕТАЕМОГО. В этой позиции встречаются существительные, в значении которых присутствует признак «положительность» по отношению к интересам субъекта, благодаря чему достигается семантическое согласование смысловых компонентов. Приобретаемое выражается существительными конкретной и абстрактной семантики, обозначающими различные виды прибыли (affection, approval, award, credit, devotion, emolument, fame, money, preference, subsidy и др.). Такое своеобразие в употреблении глаголов является, по-видимому, отражением опыта человеческих отношений, который показывает, что добиваться, стремиться можно лишь к тому, что оценивается положительно.

Возможность глаголами приобретения обозначать непреднамеренное действие реализуется в результате деятельности субъекта, специально не направленной на приобретение объектов, и связана с погашением признака «приложение усилий»: He got penal servitude for life (Crane S.).

Анализируя семантическую структуру ядерных глаголов, активизирующих фрейм «приобретение», мы приходим к выводу о том, что верификация их значений определяется валентностью глаголов на определенные типы объектов (существительные положительной семантики) и на основе знаний, стоящих за концептом «приобретение».

Исследование показало, что актуализация фрейма «приобретение» периферийными глаголами происходит в условиях, когда при активизации мыслительного образа используются существительные той же семантики в позиции приобретаемого, которые участвуют в репрезентации фрейма ядерными глаголами (ср., например, get money (ядерный глагол) – make money, earn money (периферийные глаголы)). Во-первых, зная способность ядерных глаголов сочетаться с существительными положительной семантики, можно восстановить типичное для периферийных глаголов согласование функции со своими аргументами: ...medicine from which she derived little benefit (Hammet D.). Если существительное в позиции объекта не принадлежит указанным типам, оно не функционирует в качестве ПРИОБРЕТАЕМОГО и актуализация концепта «приобретение» в глаголах становится менее вероятной. Так, в

примере: I was winning my daily battle with the tormented mind (Mortimer Jh.) наблюдается переход от фрейма «приобретение» к фрейму «одерживать победу», и глагол win становится компонентом нового фрейма.

Другой путь актуализации фрейма «приобретение» периферийными элементами заключается в том, что при обращении к фрейму можно использовать некоторые векторы связи, типичные для обозначенного действия, т.е. определить тот объект, с которым действие может быть связано самой естественной и непосредственной связью чисто онтологически, например: earn – money, score – points и т.д.

Таким образом, сближение периферийных глаголов с ядерными глаголами фрейма «приобретение» обнаруживается по линии активной преднамеренной деятельности, требующей усилий для достижения результата или по линии непреднамеренной деятельности, без приложения усилий.

Итак, изучение лексических репрезентаций фрейма «приобретение» позволило нам выявить определенную совокупность разнородных по своему типу знаний, связанных в англоязычном социуме с универсальной ситуацией приобретения. Содержательный минимум концепта, формируемый представлением о типовой ситуации приобретения, был расширен в первую очередь за счет выявления ролей приобретателя, а также типов приобретаемых объектов. Выделение и описание фрейма дало возможность эксплицировать комплекс представлений, связанных с универсальной ситуацией приобретения, а также установить характер изменений, затронувших содержательную сторону концепта.

Список литературы

1. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350с.
2. Представление и использование знаний [Текст] – М.: ИНИОН, 1990.
3. Beaugrande, R. Linguistic theory: The discourse of fundamental works [Text] / Beaugrande. – L, N.Y.: Longman, 1991.

Е.П. Беляева
Архангельск, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ПРОТОТИПА В ЛИНГВИСТИКЕ

Как хранится в памяти человека информация о единицах языка? Этот вопрос является одним из актуальных в современной когнитивной семантике, особенно, когда речь идет о лексемах с развитой сетью значений. Лексические значения – это «своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об окружающей нас действительности. Значения слов покоятся на специфической форме отражения

действительности – обобщении и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, то есть отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений» [Кацнельсон 1986: 13].

Идеи прототипической семантики, согласно которой вся информация хранится в памяти человека в свернутом виде по интуитивно выделяемому наиболее заметному признаку, занимают центральное место в когнитивной лингвистике. В связи с этим, на первый план выходит проблема толкования значений слов. А.Вежбицкая считает, что даже самые сложные структуры концептов конкретной лексики организованы по весьма простым схемам. Благодаря существованию таких универсальных схем, образующих каркас всех значений слов одной концептуальной области, говорящие легко запоминают значения всех индивидуальных лексических единиц, которые предстают как варианты одного базисного концептуального инварианта [Wierzbicka 1985: 115].

В предпринятом нами исследовании мы во многом опираемся на труды Р.Лангакера, где одним из ключевых является понятие ментального опыта индивида [Langacker 1984, Langacker 1987 и др.]. Р.Лангакером для описания семантики слова широко используется понятие прототипа-схемы. Так, образование концепта TREE в сознании человека, по его мнению, происходит следующим образом: прежде всего человек ассоциирует слово *tree* с такими высокими лиственными деревьями как дубы, вязы, клены. Мысленно составляется схематическая репрезентация их общих черт TREE-1 (ствол + ветви + листья), которая функционирует как прототип. Сосны ассоциируются с данной категорией по двум признакам, но поскольку у них нет листьев, и они, таким образом, не соответствуют в полной мере схеме TREE-1, составляется следующая схема TREE-2 (“further schema”, в терминологии Р. Лангакера), в которой объединяются общие черты TREE-1 и сосен (ствол + ветви). Она, в свою очередь, начинает функционировать в качестве прототипа для периферийных членов категории, например, пальм. Пальма разделяет с прототипом TREE-2 один общий признак – наличие ствола. У нее нет ветвей, но есть листья. Создается новая, еще более абстрактная схема TREE-3 (ствол + листья), которая опять же выступает в качестве прототипа для еще более удаленных членов категории. По мере удаления от центрального прототипа-схемы признаки, входящие в состав дальнейших схем, становятся все более абстрактными. С точки зрения автора, *fruit tree* будет производно от прототипа TREE-1, а прототип TREE-2 служит основой для метафорического расширения в таких примерах как *genealogical tree* или *structural tree* на базе признака «ветвистой структуры» [Langacker 1987: 371-375]. Идея Р.Лангакера о наличии нескольких прототипов внутри одной категории представляется очень важной,

поскольку в его теории прототип выступает не только как центральный или лучший представитель категории (TREE-1), но и как инвариант, некая абстрактная характеристика, которая в равной мере присуща всем членам категории (TREE-3).

И.К.Архипов считает, что в основе формирования значений слова при полисемии лежит некий идеальный конструкт, емкая конфигурация смысла, обеспечивающая надежную мотивационную базу для широкого круга значений. [Архипов 1998: 16]. Лексический прототип, имеет общие черты с когнитивным прототипом, понимаемым как «лучший представитель класса», но в отличие от прототипа когнитивного, обращенного вовне, то есть ориентированного на способы языковой категоризации предметов мира, лексический прототип ориентирован вовнутрь лексико-семантической системы конкретного языка, то есть является продуктом переосмысления сложившейся семантической структуры слова [там же: 9]. Лексический прототип включает в себя минимальный пучок интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для отождествления предмета мысли. При этом следует особо подчеркнуть схематичность, собирательность прототипических признаков. Наше мышление невербально по своей природе, а прототипы, предназначенные для хранения информации, должны быть удобны для удержания в формах сознания.

Изучая семантику многозначных глагольных лексем, мы пришли к выводу, что в роли прототипа выступает ментальный образ-картинка, которым кодируется наиболее типичная ситуация, описываемая данным глаголом. Мы полагаем, что в ряде случаев в долговременной памяти человека могут существовать две когнитивных модели лексемы: номинативно-непроизводное значение, которое является «ближайшим» прототипом, и «дальнейший» прототип-инвариант, который используется для формирования более отвлеченных значений лексемы.

Рассмотрим изложенное выше на примере многозначного английского глагола *charge*. Глагольная лексема *charge* (ult. < L *carrus*, wagon) [WNWD] характеризуется большим разнообразием значений. В качестве номинативно-непроизводного значения в большинстве словарей указывается “to load or fill to capacity” [LDCE, COED]. В результате семантического анализа обнаруживается, что нетривиальный семантический признак “TO LOAD WITH SMTH” служит основой целого ряда значений лексемы, например:

They charged their guns.
They charged the furnace with ore.
It requires electricity to charge up its batteries.
The music is charged with excitement.
Water is highly charged with calcium carbonate.

Можно предположить, что он и является ближайшим прототипом лексемы *charge*. Значения, приведенные ниже, как представляется, сформировались на основе дальнейшего прототипа “TO SUBJECTS SMB TO SMTH BURDENSOME”, который обладает более высокой степенью абстракции, но, тем не менее, сохраняет инвариантный прототипический компонент “LOAD (BURDEN)”:

Please charge the bill to my account.

He was charged for his crime.

I have no option but to charge you strictly to say nothing about it.

- “How much do you charge?” – “Six pounds a night”.

The bullfighter stepped aside as the bull charged.

Система значений слова, таким образом, представляет собой закрепленное знаком отражение действительности через призму обыденного сознания. Возможность сведения всего разнообразия лексико-семантических вариантов многозначного слова к варьированию инварианта их системы свидетельствует о проявлении одного из фундаментальных когнитивных законов организации и функционирования языка – элегантной экономии [Архипов 2000: 38].

Теория прототипов в лингвистике должна найти свое отражение в лексикографической практике. Как справедливо отмечает А.Вежбицкая, «понятие прототипа должно доказать свою пригодность через семантическое описание, а не через семантическое теоретизирование» [Вежбицкая 1997: 224].

Список литературы

1. Архипов, И.К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики [Текст] / И.К. Архипов // *Studia Linguistica*. Вып. 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков / отв. ред. Н.А. Кобрина, О.Е.Филимонова, Н.М. Юликова. – СПб.: Тест-Принт, 1998. – С. 5-22.
2. Архипов, И.К. Природа и диапазон семантического варьирования слова: к проблемам прототипической семантики [Текст] / И.К. Архипов // *Современные проблемы теории языка* Сб. статей, посвященный юбилею М.В.Никитина / отв. ред. И.Б. Руберт. – СПб: РГПУ им. А.И.Герцена, 2000. – С. 33-39.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. под ред. М.А. Кронгауза; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
4. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д.Кацнельсон; отв. ред. А.В. Десницкая. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1986. – 298с.
5. Langacker, R.W. Active Zones [Текст] / R. W. Langacker // *Berkeley Linguistic Society*. – 1984. – № 10. – Berkeley, CA: University of California Press. – P. 172-188.
6. Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites [Текст] / R. W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
7. Wierzbicka, A. Lexicography and Conceptual Analysis [Текст] / A. Wierzbicka. – Ann Arbor: Karoma, 1985. – 368 p.
8. The Compact Oxford English Dictionary. Second Edition [Текст] / Prep. by J.A.Simpson and E.S.C. Weiner. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 2386 p. – COED.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. New Edition [Текст] / Ed. by A.Gadsby. – Bungay, Suffolk: Longman, 1995. – 1690 p. – LDCE.

Е.А. Блинова
Ульяновск, Россия

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ

В современном языкознании в связи с попытками исследовать особенности категоризации мира материалистическая концепция времени сменяется концепциями, в которых время (наряду с пространством) представлено как первоэлемент, как базовая когнитивная структура, участвующая в построении различных моделей мира. Подчеркивая значимость исследования категории времени в русле когнитивного подхода, Е.С. Кубрякова отмечает, что результаты познания свойств времени оптимальным образом закодированы в языке, поэтому исследование языковых темпоральных структур позволяет объективировать ментальные формы и постичь концептуализацию мира человеческим сознанием и психикой [Кубрякова 2004: 52].

Категория времени как одна из главных бытийных (онтологических) категорий, образующих концептуальную основу мира, изучается в рамках фреймовой семантики, прототипической семантики, в концептуальной теории метафоры. Во фреймовой модели представления знаний логико-мыслительная категория времени входит в смысловой каркас стереотипной ситуации (фрейма) как ее необходимый компонент, фиксируя прагматически значимые для носителей языка отрезки опыта, связанные с восприятием времени.

Прототипическая семантика связана с изучением процессов категоризации объектов окружающего мира и языковых единиц. По мнению Н.Н. Болдырева, глагол является базовой единицей языка, поскольку он обнаруживает наибольшее количество морфологических и синтаксических категорий, преломляя через них различные типы знаний о мире [Болдырев 2001: 41]. Болдырев проводит анализ прототипических характеристик глагола, в число которых входят такие гиперкатегории как антропонимичность, субъектность, темпоральность-аспектуальность и объектность. Категория темпоральности-аспектуальности охватывает в его концепции качественную характеристику события (фазовая дискретность, локализация во времени и т.д.). Анализируя различное соотношение этих прототипических глагольных признаков с функциональной точки зрения, т.е. в предложении-высказывании, Н.Н.Болдырев приходит к выводу о существовании особых языковых механизмов категоризации

событий и формирования смысла высказывания, имеющих закономерный характер [Болдырев 2001: 54].

Когнитивная теория метафоры исходит из того, что весьма значительные фрагменты языка основаны на осмыслении ненаблюдаемых явлений в терминах явлений наблюдаемых. «Метафора покрывает лакуны в словаре буквальных наименований» [Блэк 1990: 137]. В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 1990] рассматривается метафорическое понятие TIME IS MONEY 'ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ'. Анализируя примеры, в которых понятие времени измеряется в «денежном эквиваленте» (You are *wasting* my time; You need to *budget* your time; You don't *use* your time *profitably*), авторы заключают, что в современной культуре большинства стран метафора ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ проявляется весьма многообразно. Она охватывает практически все социальные сферы и проникает в повседневную деятельность людей (повременная оплата телефонных разговоров, почасовая оплата труда, тарифы за пользование гостиницей, годовые бюджеты, проценты по займам и т.п.).

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют помимо структурных метафор, ориентационные и онтологические метафоры, которые, на наш взгляд, также могут быть соотнесены со временем. Ориентационные метафоры связаны с пространственной ориентацией. В любом языке можно найти множество примеров ориентационных метафор, посредством которых представлены в языке временные отношения (*Впереди ее ждало светлое будущее; До Нового года осталось пять дней; near future; before 10 o'clock*). Согласно М. Блэку, когнитивный механизм метафоры состоит в актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций [Блэк 1990: 145]. Следовательно, идея построения языковой модели временных отношений по пространственной схеме является частью общей системы представлений и импликаций, составляющих эмпирический опыт человека. Процесс познания мира заключается в упорядочении когнитивных структур — пространственной структуры как совокупности областей сущего и временной структуры как последовательности сопряженных областей сущего [Кравченко 1996: 23].

Онтологические метафоры — это способ трактовки событий, действий, эмоций, идей и других нефизических объектов как предметов и веществ. Онтологические метафоры времени имеют узкий диапазон использования — способ обозначения явления, его количественную характеристику или другие аспекты (*I have little time — У меня мало времени; I have time on my hands — У меня есть свободное время*), но с их помощью становится возможным описать множество ситуаций «бытового» времени.

Таким образом, подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

Метафора является одним из наиболее продуктивных средств, с помощью которых происходит вербализация темпоральной действительности и ее моделирование по образу и подобию предметного мира. Это относится к так называемым идентифицирующим метафорам, которые обеспечивают отображение свойств уже существующей реалии, осуществляя наречение того, что имеет место в мире как сущее, отображено в форме понятия и ищет вербального выражения [Телия 1988: 192]. Столкнувшись с необходимостью выразить языковыми средствами течение времени, человек избрал идею движения (*время идет, прошло два часа*), акцентируя стремительность этого движения посредством метафор *время летит, бежит*. Измерение времени стало проводиться в *отрезках*, соответствующих определенному интервалу (секундам, минутам, часам, дням, суткам, сезонам, годам, столетиям и т.п.). *Движение, течение, ход, отрезок времени* – всё это идентифицирующие метафоры, являющиеся результатом процесса объективации, продуктом лингвокреативной техники в сфере эмпирической деятельности человека.

Современная языковая картина мира «сплетена» как из примитивных, архаических представлений о времени, сохранившихся до наших дней (циклическая модель времени), так и из понимания времени на основе определения хронологической последовательности исторических событий (линейная модель времени). Изучение линейной и циклической моделей времени предполагает привлечение широкого культурного, языкового и эмпирического контекста, в рамках которого категория времени может рассматриваться как лингвокультурологическая категория. Такой комплексный подход позволяет глубже проникнуть в особенности концептуализации и семантизации времени в различных языковых картинах мира. Так, например, А.Зализняк и А.Шмелев обращают внимание на то, что время суток в русской языковой картине мира, в отличие от западноевропейской, основано не на астрономическом времени, а на времени человеческой деятельности. «*Днем* по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого утра, но до наступления вечера («утро» – это время начала человеческой дневной деятельности, а «вечер» – это время, когда дневную деятельность пора заканчивать)» [Зализняк, Шмелев 1997: 237]. Конечной целью изучения времени в лингвокультурологическом аспекте является «выявление динамичной связи универсальных свойств данной категории с чертами национально-исторического, культурного своеобразия жизни народа, а также описание особенностей

выражения в постоянных, инвариантных составляющих структуры времени культурно-исторического типа нации, определенного этапа и уровня её развития» [Михеева 2006].

В рамках когнитивной парадигмы знания предлагаются и другие подходы к изучению категории времени. В частности, М.Н.Конновой и Н.В.Руновой разрабатывается проблема метонимической концептуализации времени в техноцентричной модели, ориентированной на компьютерные технологии [Коннова, Рунова 2007].

Таким образом, категория времени достаточно широко и под разным углом зрения представлена в современных исследованиях, выполненных в русле когнитивного направления. Можно констатировать, что изучение категории времени прошло длительный эволюционный путь от представления ее как языковой (в большей степени грамматической) категории до признания ее универсальной когнитивной структурой и базовой частью языковой картины мира.

Список литературы

1. Зализняк, А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности [Текст] / А.Зализняк, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 229-240.
2. Блэк, М. Метафора [Текст] / М.Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.133– 152.
3. Болдырев, Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания [Текст] / Н.Н.Болдырев // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т.60, №2. – С.40 -55.
4. Коннова, М.Н., Рунова Н.В. Метонимическая концептуализация времени (на материале современного английского языка) [Текст] / М.Н. Коннова, Н.В. Рунова // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. статей I Международной научной конференции, посвященной 75-летию Астраханского государственного университета. – Астрахань, 2007. – С. 99-101.
5. Кравченко, А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке [Текст] / А.В. Кравченко // Известия АН Серия литературы и языка. – 1996. – №3. – С.3-24.
6. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] / Дж.Лакофф, М. Джонсон // Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>, свободный.
8. Михеева, Л.Н. Языковое время как лингвокультурологическая универсалия: междисциплинарный подход к изучению [Электронный ресурс] / Л.Н. Михеева // Режим доступа: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2006/01/145.html>, свободный.
9. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988. – С.173-205.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЗНАЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Культурная среда, в которой находится познающий субъект, играет важную роль в познании мира человеком (наряду с другими факторами). С усилением интереса к человеческому фактору в языке вырастает и интерес исследователей к такому неотъемлемому от этого фактора явлению, как культура, что подтверждается появлением и развитием новых научных отраслей (лингвокультурологии, антропологической культурологии).

Однозначного толкования этого многопланового понятия, охватывающего все сферы жизни личности и общества, нет. Но разнообразные определения едины в том, что все производные культуры – создание рук, интеллекта человека и его эмоционального восприятия. И поскольку это понятие напрямую связано с человеком, неоднозначным существом, то естественно, что и у него множество трактовок. Многообразие толкований объясняется также и тем фактом, что они связаны с определенным направлением в изучении теоретической концепции, используемой различными исследователями, например, описательным, ценностным, деятельностным, функционистским, эволюционистским, поведенческим, нормативным, психологическим, предметно-вещественным, структурным, коммуникативным и т.д. Учитывая трудность формулирования рассматриваемого феномена, мы придерживаемся современного обобщенного понимания культуры, данного одним из крупнейших специалистов по вопросам межкультурной коммуникации С.Г.Тер-Минасовой. В своей последней работе она пишет, что культурой принято называть образ жизни, привычки, традиции, мировоззрение, менталитет, систему ценностей, другими словами, всё то, что составляет внутренний и внешний мир человека [Тер-Минасова 2007: 6]. То есть это мир человека, включающий межличностные отношения и способы видения, понимания и преобразования окружающего мира.

Языковые стереотипы и способы индивидуального выражения также представляют собой элемент современной культуры, культуры речи, культуры мысли, культуры общения [Лазуткина 1994: 56]. Однако культура не только выражается в актах коммуникации, но и формируется в них. Поскольку человек не только действует в том или ином природном и социальном окружении, но и взаимодействует с другими людьми, то он обязательно коммуницирует с ними, то есть обменивается информацией, способствующей «созданию обществом коллективного знания» [Каменская 1990: 11]. Межличностное общение в таком случае можно определить как коммуникативно-

познавательный процесс, структура которого образуется, главным образом, структурами действий порождения и интерпретации текстов (сообщений). Сменяя друг друга, эти действия образуют не прерывающийся никогда континуум [Дридзе 1980: 31]. Постоянно контактируя с другими индивидуальными сознаниями, являющимися носителями тех или иных культурных представлений, а также с окружающим предметным миром, относящимся к культурному плану, индивидуальное сознание осмысливает и репродуцирует как свое место в этом мире, этом социокультурном пространстве, так и свое знание об отношениях предметов и явлений этого мира друг к другу. Добываемые в соприкосновении с внешним миром знания и впечатления перерабатываются на разных уровнях индивидуального сознания, превращаясь в «глубинные» и «поверхностные» познавательные структуры [Дридзе 1980: 110]. В результате взаимодействия коллективное культурное наследие индивидуализируется и, в то же время, обогащается индивидуальным знанием.

Таким образом, индивидуальное мировосприятие объективно в том плане, что оно представляет собой культурный компонент определенной эпохи. Но, преломляясь через внутренний мир познающего индивида, оно приобретает черты субъективного.

Усвоение культуры всегда связано с активностью индивида. Он соотносит предлагаемые культурой программы деятельности, поведения и общения с накопленным индивидуальным опытом и часто варьирует эти программы, вносит в них изменения. Культура, таким образом, не является застывшим образованием. Индивидуальный опыт превращается в социальный, и в культуре появляются новые феномены, закрепляющие этот опыт. Любые изменения в культуре возникают только благодаря творческой активности личности. Таким образом, культура – это мир творческих новаций – способов и результатов познания, интеллектуальных и образных отражений действительности и её практического преобразования.

Язык выступает по отношению к культуре в нескольких функциях. Во-первых, он *отражает* культуру, как реальный мир, так и национальный характер, менталитет, мироощущение, мировосприятие, систему ценностей народа. Во-вторых, он *сохраняет* культурные ценности (в фольклоре, в литературе, в формах письменной и устной речи). В-третьих, он *передает* сохраненные в нем культурные ценности из поколения в поколение. В-четвертых, язык через заложенные в нем видение мира, менталитет, т.е. через культуру, *формирует* личность человека. В-пятых, язык *свидетельствует* о происходящих изменениях в культуре, так как они необходимо отражаются в нем. Таким образом, язык – это важнейшее средство объективации культуры (Тер-Минасова С.Г.).

Поскольку язык – часть культуры и общества, то можно согласиться с утверждением, что все языковые категории являются категориями социально-культурных форм.

Если обратиться к художественному тексту как репрезентанту культурологической информации, то важно отметить, что социокультурное пространство, в котором находится человек, выражается автором как эксплицитно, так и имплицитно. Рассказ о жизни субъективен, но социокультурное содержание интерсубъективно. Человек сам представляет мир, в котором он жил, или живет, или будет жить. Текст – это конструирование мира и конструирование человеком самого себя. Каждый текст включает как обязательный компонент внетекстовые реалии. И часто именно они определяют степень понимания текста тем или иным реципиентом. Но каждое вновь происходящее понимание текста не адекватно предыдущему, что объясняется, с одной стороны, наличием разных фоновых знаний, а с другой стороны, тем, что внетекстовые реалии с течением времени могут восприниматься иначе. Каждая эпоха трактует художественное произведение по-своему, в свете событий своего времени. Не существует единичной интерпретации текста. Подобное меняющееся восприятие внетекстовых реалий, в свою очередь, объясняется тем, что, согласно Н.А.Кобриной, культура (как и язык) – результат творческой ментальной деятельности человека [Кобрина 2003: 228].

Рассмотрение в художественном тексте социокультурного пространства личности через призму лингвопрагматической категории лица, кодирующей информацию индивидуального характера, отражающей субъективное восприятие говорящим объективной действительности и несущей на себе печать коммуникативной «заданности», дает возможность познания мира, поскольку эта категория эксплицирует различные модели межличностных отношений, складывающихся в социуме. В связи с тем, что человек, как правило, стремится расширить свои познания о том, в какие ситуации попадают люди и как они решают встающие перед ними проблемы, то передача текстом (или предложением-высказыванием) прагматического смысла способна вызвать у читателя ответную реакцию.

Постоянное взаимодействие человека с окружающей его средой является источником познания и формирования плана действия, обеспечивающего человеку достижение той или иной практической (теоретической) цели на каждый данный момент его действий [Колшанский 2006: 27].

Человек неотделим от социума и живет, взаимодействуя с другими людьми. Вступая в жизнь, люди присваивают отношения, сложившиеся в данном социуме на тот исторический момент, в который они родились, и превращают их в свои –

индивидуальные – отношения. Социальную жизнь общества образуют в совокупности такие сферы, как экономика, политика, культура, религия, межличностные отношения на уровне семьи, школы, работы, государственных институтов и т.д. Человек учится выполнять особые социальные роли, то есть учится вести себя в соответствии с ролью ребенка, студента, служащего, супруга и т.д. Он ищет себя, свое место в этом мире, ориентируясь на всю совокупность окружающих факторов. Так, в следующем фрагменте маленькая девочка задается вопросом «А кто я на самом деле?» Разные характеристики со стороны людей, с которыми она общается, заставляют её задуматься в поисках своего «Я». Осознание своей индивидуальности, выражаемое личным „ich“, становится недостаточным, поскольку не дает понимания сути своей личности:

Plötzlich wurde es für eine ganze Weile still. Schließlich rief sie ihrer Mutter zu: „Mutti, wer bin ich nun eigentlich wirklich?“...

Mutter sagte: „Wer du wirklich bist? Das kommt darauf an.“

„Worauf?“

„Na, auf den Standpunkt, von dem aus du betrachtest wirst.“

„Das verstehe ich nicht. Ich kann doch niemand anders sein als ich. Aber wer bin ich denn?“...

„Siehst du“, sagte Mutter leise, „das alles bist du: die dumme Gans und der Glauben an die heutige Jugend, feige und eine Stütze der Klasse. Na?“

„Aber wer bin ich nun wirklich? Was du erzählst hast, sind Sachen, wie die anderen mich sehen. Ich finde mich aber nicht feige, zum Beispiel. Wer bin ich denn ohne die andern?“ [K.Bolte. Ich sehe mich. S.7-8].

Согласно некоторым концепциям, культура начинается с возникновения эмоционально-ценностной ориентации, если понимать культуру как ценностное освоение и созидание мира и эмоциональное отношение к освоенным и созданным ценностям [Есин, Касаткина 1994: 10]. В связи с этим восприятие другой культуры через призму отрицательных эмоций, возникших на фоне контраста между своей и чужой культурой, ведет к созданию общего отрицательного впечатления о ней. В следующем примере репрезентируется мировосприятие русской культуры американцем через призму отрицательных явлений, с которыми он сталкивается (шум, грязь, постоянно недовольные русские, ругающие не только своих руководителей страны, но и американских). На основе того, что он видит у себя в стране, у него складывается негативное отношение ко всей нации. Такое представление о русских становится частью его знаний о мире. Парцеллированные обороты, эллипсы, бессубъектные конструкции

репрезентируют пренебрежительный тон собеседника, а также его превосходство по отношению к другой нации:

„Interessant. Rußland und doch ganz anders. Faszinierend.“

„Ach ja? Ich finde's halb so faszinierend.“... „Schmutzig und laut. Und überall diese alten, klagenden Russen. Gehen mir furchtbar auf die Nerven. Sitzen vor ihren Häusern in der Sonne, haben es besser als ihre armen Vettern in der Heimat und mäkeln trotzdem an allem herum. Eine Plage, weiß Gott. Schimpfen über Stalin, schimpfen über Gorbatschow, schimpfen über Jelzin. Und über Clinton“ [U.Schmid. Der Zar von Brooklyn. S.87].

Поведение человека в обществе определяется теми нормами, которые позволяют ему чувствовать себя комфортно в своем окружении. Диапазон допустимой комфортности определяется системой этических норм, принятых обществом, или группой индивидов, имеющих равный социальный статус [Наумов 2006: 59]. Соответственно, несоблюдение принятых в обществе норм поведения со стороны одного участника коммуникативного акта и несоответствие личным представлениям со стороны другого участника вызывает у обоих отрицательное отношение друг к другу, эксплицированное риторическим вопросом, с одной стороны, и инверсией, с другой:

In meiner Gereiztheit hatte ich schon längst keine Angst mehr um ihn, ich war nur noch wütend. Ich fragte ihn, was ihn denn meine Kragenbinde, meine Stiefel, meine Mütze angingen, ob er wohl glaube, er müsse meinen Unteroffizier vertreten, und: „Überhaupt“, sagte ich, „da sagt ihr dauernd, man soll mit seinen Sorgen zu euch kommen, und wenn man euch seine Sorgen erzählt, werdet ihr wütend.“ – „Euch, ihr?“ sagte er keuchend vor Wut, „haben wir vielleicht Brüderschaft getrunken?“ – „Nein“, sagte ich, „getrunken haben wir sie nicht“, aber er hatte natürlich von Theologie keine Ahnung [Böll H. Als der Krieg ausbrach. S.47-48].

Разные нормы обращения к слугам в разных культурах также отражают специфическое восприятие отношений «хозяин - слуга». В азиатских странах принято обращение на «ты» как к слуге, так и к господину. В то время как в европейском обществе обоюдное обращение на «вы» свидетельствует о взаимном уважении и репрезентирует модель отношений «работодатель - работник»:

„Du gehst fort aus diesem Lande, Herr“, sagte er schluchzend, „was soll ich nun ohne dich anfangen?“

„Du bist jung und stark. Es wird dir leicht sein, das Brot zu verdienen.“...

„Soll der bei uns wohnen, gnädiger Herr?“ fragte die Tini.

„Ich meine fast“, antwortete Purgstaler. „Geben Sie mir doch die Hand! Und seien Sie nicht außer sich! Wie geht's Ihnen denn?“

„Einen besseren Diener finden Sie nicht, gnädiger Herr, und einen braveren auch nicht“ [B.Frank. Die Monduhr. S.64].

Мировоззрение определяется тем социальным положением, которое занимает человек. Достичь как можно более высокого положения в обществе, иметь высокооплачиваемую должность – цель современного жителя мегаполиса. Добившись всего этого, человек попадает в другой социальный мир. И, соответственно, жизнь в более богатом и экономически развитом регионе страны обуславливает пренебрежительное отношение к людям из другого, бедного, региона. Помимо отрицательной коннотации это выражается в следующем фрагменте утвердительно-вопросительным предложением:

... “Sie fahren wohl zum ersten Mal durch’n ehemaligen Arbeiter- und Bauernstaat, was?“

Fred sah vom Fenster weg. Schon seit einer Weile spürte er, dass ihn der rotgesichtige Mann gegenüber beobachtete...

Er grinste breit, „...Oder besser gesagt, Arbeitslose und Hornochsen!“, und lachte schallend [Arjouni J. Magic Hoffmann. S.327].

Лингвистические исследования способствовали осознанию того, что прагматическое воздействие (осуществление коммуникативных интенций и интерпретация воспринимаемых сообщений) подвержено влиянию существующих в голове человека схем и других когнитивных структур, определяемых культурой, поскольку именно в ней заложено отношение к миру как отдельного познающего субъекта, так и группы субъектов. Не только форма, но и содержание речи человека в тех или иных ситуациях определяется различными психологическими, национально-культурными, социальными факторами. Кроме того, они чаще всего имплицитно поданы в тексте. Поэтому лингвисты приходят к осознанию необходимости учета именно этих факторов. Рассмотрение лингвопрагматической категории лица вносит существенный вклад в их изучение.

Список литературы

1. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология [Текст] : учеб. пособие для фак. журналистики и филолог. фак. ун-тов / Т.М. Дридзе; под ред. проф. А.А.Леонтьева. – М.: Высш. школа, 1980. – 224с.
2. Есин, А. Б., Касаткина, Т. А. Система эмоционально-ценностных ориентаций [Текст] / А.Б. Есин, Т.А. Касаткина // Филологические науки. – 1994. – №5-6. – С. 10-16.
3. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация [Текст] : учеб.пособие для ин-тов и фак-тов иностр.яз. / О.Л. Каменская. – М.: Высш.шк.,1990. – 152с.
4. Кобрина, Н. А. Язык как среда культурного обитания его носителей [Текст] / Н.А. Кобрина // Филология и культура : мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / Отв. ред. Н.Н.Болдырев. Редкол.: Е.С.Кубрякова, Т.А.Фесенко и др. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – С. 228-231.

5. Колшанский, Г. В. О языковом механизме порождения текста [Текст] / Г.В. Колшанский // Статьи разных лет. Развитие идей ученого в трудах его соратников и учеников. Коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам на основе идей Г.В.Колшанского. – М.: МГЛУ, 2006. – 260с.
6. Лазуткина, Е. М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы [Текст] / Е.М. Лазуткина // Филологические науки. – 1994. – №5-6. – С. 56-65.
7. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности [Текст] / В.В. Наумов. – М.: КомКнига, 2006. – 240с.
8. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики... [Текст] : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286с.
9. Arjouni, J. Magic Hoffmann [Text] / J. Arjouni // Einfach nur Geschichten. Deutschsprachige Erzähler. Herausg. von Daniel Keel und Daniel Kampa. – Diogenes Verlag. Zürich, 2006. – S. 327-344.
10. Böll, H. Als der Krieg ausbrach [Text] / H. Böll // Verteidigung der Zukunft. Deutsche Geschichten 1960-1980. Herausg. von Marcel Reich-Ranicki. – Piper München Zürich, 1995. – S.36-53.
11. Bolte, K. Ich sehe mich [Text] / K. Bolte // Deutsche Kurzgeschichten 5.-6.Schuljahr. Von Winfried Ulrich. – Reclam Verlag Ditzingen, 1973. – S.6-9.
12. Frank, B. Die Monduhr [Text] / B. Frank // Notwendige Geschichten 1933-1945. Herausg. von Marcel Reich-Ranicki. – Piper München Zürich, 1994. – S. 52-82.
13. Schmid, U. Der Zar von Brooklyn [Text] : Roman / U. Schmid. – Fr/M, 2000. – 516s.

И.З. Борисова
Якутск, Россия

ПРОБЛЕМА АВТО- И ГЕТЕРО СТЕРЕОТИПОВ НА ПРИМЕРЕ НАРОДОВ ЯКУТИИ

Статья подготовлена при поддержке проектов РГНФ
06-04-79407 а./Т, 07-04-79404 а/Т

Стереотипы восприятия тех или иных явлений и качеств, в нашем случае стереотипы восприятия друг другом близко соседствующих народов, связанных общностью исторического развития, различных проблем социального характера, нередко являются причиной межнациональных конфликтов. Стереотипы о различных народах, которые становятся предметом националистических анекдотов, невольно вызывают стереотипизированное отношение к представителям тех или иных народов именно с этой характеристикой. Так, француз – безалаберный и любвеобильный, англичанин – чопорный и сухой, немец – пунктуальный и воинственный, чукча – тупой и забавный, русский – веселый, простоватый и безответственный, чеченец – злобный и мстительный, еврей – хитрый и предприимчивый, бельгиец – европейский чукча, герой анекдотов, туповатый и скупой. Часто стереотип становится причиной межнациональных стычек и конфликтов.

Этнические стереотипы, также как и выявление авто- и гетеростереотипов народов Якутии в силу различных социолингвистических проблем и негласной табуизированности самой тематики не становились объектом научных исследований.

Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным сегодня вопрос о сохранении культурной самобытности, языков коренных народов Севера. Острой проблемой можно считать этот вопрос в нашей республике, где проживает 24 674 человек, относящихся к шести национально-этническим сообществам: эвенкам, эвенам, долганам, эскимосам, юкагирам и чукчам. Также по исследованиям специалистов из Института проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (ИПМНС СО РАН) наблюдается уменьшение численности коренных народов, говорящих на своём родном языке. Всё это является следствием российской, якутской глобализации, экономической зависимости, психологических причин утраты национального самосознания.

Государственная идеология с ее одномерным взглядом на историю заявляла, что прошлое всегда хуже будущего. Поэтому в официальной пропаганде утверждалось, что начинается подлинное развитие освобожденных от царизма народов, в том числе и народов Севера, и осуществляется «скачок» от «первобытного» общества к социализму, минуя определенные ступени и стадии исторического развития.

Данные психологические и социологические причины, порождённые неправильными экономическими отношениями, являются причиной маргинализации части коренных народов. Явление маргинализации как следствие утраты своей культуры характеризуется общим состоянием депрессии, безнадёжности, пьянства и других антисоциальных явлений.

Авто- и гетеростереотипы народов, населяющих обширную территорию Якутии, не становились темой научных исследований в свете формирования языковой личности. Между тем, наблюдение, опрос, запись, как бытовых рассказов, так и националистических анекдотов, просмотр некоторых застывших выражений, которые определяют стереотипное восприятие соседствующих народов, позволяют констатировать наличие большой скрытой напряженности в плане межнационального, стереотипного взаимовосприятия. Данное обстоятельство и предположение о взаимообусловленности авто- и гетеростереотипов при развитии языковой личности, вторичной и третичной языковой личности, в целом языковой судьбы народов, подталкивают нас к сопоставительному изучению явления методом направленного ассоциативного анализа.

Прежде всего, был определен возраст опрашиваемых - 17-23 , и народы - русские, якуты и северные малочисленные народы Севера в лице эвенов эвенков и юкагиров. Определен список слов – стимулов, которые составляют слова, определяющие наименование той или иной национальности. Представители трех разных национальностей записывают ассоциации на слова- стимулы: «Якут», «Эвенк», «Русский», «Юкагир», «Эвен». Слова были даны в общем списке наиболее употребительных слов – стимулов, которые обычно используются при изучении языкового сознания. Первый этап эксперимента был проведен среди этнических эвенов, эвенков, юкагиров- школьников Саха – канадской школы (2003, 2004), которые самоидентифицируют себя со своими предками и воспитываются в духе уважения культуры своего народа. Параллельно был проведен опрос якутских детей, в основном учащихся выпускных классов, будущих студентов. Опрос дал интересные результаты, которые подтвердили наши наблюдения и общую гипотезу темы. Второй этап эксперимента был проведен в Якутском госуниверситете среди студентов – русских, эвенов, эвенков, якутов- с первого по пятый курсы (2005) и среди 38 школьников- юкагиров от 12-16 лет, 45 студентов в возрасте от 17-ти до 23-х лет.(2006)

Краткий анализ ассоциаций дает характеристику авто и гетеростереотипов народов, проживающих на территории Якутии. Результаты опроса среди малочисленных народов были в некоторых отношениях неожиданными. Так, абсолютными лидерами при характеристике русских по частотности употребления оказались слова «добрый», «отзывчивый». Именно такими представляют себе русских малочисленные народы Якутии. К русским отношение более терпимое и положительное, чем к якутам.

В Республике Саха (Якутия) в разное время наблюдались проявления межэтнической нетерпимости, имеет место мало изученная проблема бытового национализма. Причиной данных негативных явлений является стереотипное восприятие другого народа, его культуры. Нередко негативный стереотип существует не только между народами, соседствующими с недавних исторических времен, но и между народами, которые испокон веков считаются местным населением. Стереотипы складываются на фоне исторических событий - войн, завоеваний, различных контактов. Иногда они, в самом деле, являются результатом метко подмеченного векового наблюдения за народом. Но в большинстве случаев они – результат соперничества и недоброжелательности, чувства превосходства над чужими. Автостереотипы различных народов не совпадают со стереотипами чужих, то есть с гетеростереотипами. Например, среди якутов имеется следующий стереотип о братских малочисленных народах Севера - они вспыльчивы и не думают о завтрашнем дне (не делают запасы). Автостереотип

малочисленных народов утверждает, что они чистосердечны и открыто выражают свои мысли и эмоции, а запасы не делают, потому что берут от природы только то, что необходимо. Гетеростереотип о якутах, сложившийся у северных народов утверждает, что якуты лживы и хитры. Автостереотип якутов о себе: ловкий, умелый, умеющий найти общий язык со всеми.

Как показывает анализ, отрицательные черты, наиболее часто встречающиеся в ответах представителей малочисленных народов, говорят о самоуничижительном отношении к себе, о наличии комплексов, которые, прежде всего, связаны с исторической судьбой этих народов. Отрицательные, то есть критические замечания в основном наблюдались у якутов при характеристике малочисленных народов Севера (эвенков, эвенов) и малочисленных народов Севера (в основном, эвенков) при характеристике якутов. В каждом ответе преобладали слова «вспыльчивые», «обидчивые», «злопамятные». И наоборот, неумеренные похвалы приписывают в свой адрес якуты. Автостереотипы ставят их в положение самых лучших из всех населяющих Республику народов. Более положительный образ русских в ассоциациях наблюдается у северных народов. Что касается мнения русских студентов, то оказалось, что они не смогли охарактеризовать северные народы, это объясняется скорее всего тем, что русские в большинстве случаев не различают коренных народов Республики.

Таким образом, как показывает анализ гетеро- и автостереотипов, представители разных национальностей имеют стереотипное восприятие друг друга. Отрицательный характер стереотипов соседствующих народов связан, естественно, с историческими фактами. Внутреннее невосприятие друг друга якутами и малочисленными народами Севера, которое проявляется в ассоциациях, может стать темой другого исследования, но в рамках данного исследования оно рассматривается именно в контексте развития вторичной языковой личности. Известно, что многие северные народы забыли свой родной язык и потеряли национальную идентификацию. Данное обстоятельство усилено стереотипным образом якута, который был сформирован в ходе исторического развития взаимоотношений данных народов- « хитрый, сильный, умелый, ловкий, знающий, себе на уме.» Предполагается, что исторический опыт общения с народом, вытеснившим малочисленные народы с насиженных мест, породил стереотип, который был достоин подражания. Такое отношение, продиктованное экономическим превосходством народа-завоевателя, заставил многих представителей малочисленных народов забыть свои корни. Налицо факт влияния вторичной языковой картины на судьбу генетически первичной языковой картины мира. У оленекских эвенков, почти полностью обьякученных, есть выражение, которое употребляется при характеристике этнических

якутов, при проявлении положительных хозяйских черт- «Саха буоллаҕа дии»- «Он же якут». Выражение «сатабыллаах саха», распространенное среди северных народов характеризует якутов как ловких, умелых, то есть достойных подражания. Признание положительных качеств смешано с чувством ревности и неприязни, которое проявляется в ассоциациях. Стереотипное, негативное отношение к своей культуре и языку перевоспитало и деформировало национальное самосознание многих представителей малочисленных народов. Это уничижительное отношение к себе, вспыльчивость, обидчивость, недоверие. Такая же тенденция отмечается и у якутов по отношению к русскому языку и русской культуре. Признание русского языка и культуры как признаков элитарности, избранности, позволило воспитать 2-3 поколения маргиналов, совершенно чуждых якутской нации. Обрусевшие потомки, как правило, относятся к своей стране, к народу пренебрежительно, свысока. Здесь происходит та же картина, что и в случае с малочисленными народами Севера. Выражения «убайдар, эдьийдэр» - «старший брат, старшая сестра» показывают отношение якутов к русской культуре и к русскому языку как превосходящим их собственную культуру и язык. Это связано с историческим фактом присоединения Якутии к Российской империи, дальнейшей политикой Советского Союза. Пьянство, духовное обнищание многих представителей народа ведет к постепенной утрате языковой и культурной идентификации. Объясняется это отрицательным влиянием положительного стереотипа о чужом и отрицательным и уничижительным стереотипом к собственному народу. Данная тема является условно табуизированной как в научной, так и популярной литературе, между тем глубинные процессы, которые проявляются при простом ассоциативном анализе, наталкивают на мысль о необходимости широкомасштабных психолингвистических и социокультурных исследований в данной области.

Как показывает анализ, стереотипное, негативное отношение к своей культуре и языку перевоспитало и деформировало национальное самосознание многих представителей малочисленных народов. И именно преодолев стереотипы, представители всех народов сколь малочисленными они бы не были, будут чувствовать себя равноправными членами мирового сообщества.

Стереотипы мешают нормальному непредвзятому восприятию чужого, воспитанию толерантности, искажают мнение и о собственном народе. Данные изучения авто и гетеро стереотипов могли бы быть учтены при разработке языковой политики в национальных республиках.

ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Огромную роль в отражении индивидом окружающего мира играет система восприятия. «Когнитивная парадигма языкового анализа должна исходить из того, каким образом реальность преломляется и отражается в языковом сознании человеческого социума. Это предполагает обращение к феноменологии восприятия» [Кравченко 1996: 27]. Способ восприятия влияет на формирующийся в сознании человека образ окружающей действительности.

Как считает А. Вежбицкая, во всех культурах для людей важно зрительное восприятие, и важно описание того, что они видят. «Главным каналом поступления информации о мире является зрительное восприятие. Доминантность зрительной системы определяется также тем, что она играет роль внутреннего канала связи между всеми анализаторными системами и является функциональным органом – преобразователем сигналов» [Кравченко 1996: 27]. По данным глоссария, зрительное восприятие – это совокупность процессов построения зрительного образа окружающего мира. Из этих процессов самые простые обеспечивают восприятие цвета, которое может сводиться к оценке светлоты, или видимой яркости, цветового оттенка, или собственно цвета, и его насыщенности. При этом механизмы цветового восприятия имеют врожденный характер. Создание зрительного образа окружающей действительности имеет субъективный характер и неразрывно связано с социально-культурным, эстетическим и психологическим аспектами развития личности в социуме и вне его. Однако следует признать, что цветовое восприятие является единым для всех людей. И, не смотря на поразительные элементы сходства, языковая концептуализация различна в разных культурах. Культура находится в тесном взаимодействии с биологическим устройством индивида при формировании цветовых понятий, так как именно мозг, а не сознание формируется в соответствии с нашей общей человеческой природой.

Цвет или сочетание цветов может восприниматься каждым человеком индивидуально, в зависимости от его опыта, от культурно-исторического контекста и многих других факторов, т. е. индивидуальной картины мира данного человека. Это в свою очередь предполагает образование индивидуальной цветовой картины мира.

Понятие «цветовая картина мира» напрямую связано с проблемой универсального восприятия цвета. Цветовые ощущения возникают в мозгу человека, а не в окружающем мире. Связь между представлением цвета в сознании и языковым

представлением о цвете может быть опосредована понятием» [Антоненко 2001: 37]. Данные чувственного восприятия субъективны, а понятия могут быть общими.

Современной наукой рассматривается проблема отражения индивидом объективного мира и его взаимодействия с ним в виде соотношения концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ). Языковую картину мира называют еще наивной картиной мира, потому что «образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян 1995: 629]. В отличие от систематизированной и непротиворечивой научной картины мира наивная картина мира состоит из «подчас противоречащих друг другу тезисов, фактов и утверждений *ad hoc*, которые соединены прихотливо мозаичным (несистемным) образом и создают у носителя языка иллюзорную уверенность, что в рамках своей национальной культуры он найдет ответы на все основные вопросы бытия» [Караулов 1999: 156]. Итак, возникает вопрос о концептуальной картине мира.

Концептуальная картина мира является элементом культурной картины мира, последняя «специфична и различается у разных народов» и может быть определена как «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представления человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [Андреева 2002: 54]. Зрительное восприятие здесь играет первостепенную роль. Таким образом, становится очевидна тесная взаимосвязь концептуальной системы и цветовой картины мира (ЦКМ). ЦКМ является частью общей концептуальной системы (когнитивной системы, картины мира) человека. И провести границу между этими двумя понятиями можно лишь условно. По определению М. П. Одинцовой, «языковая картина мира образуется посредством образов мира, запечатленных в семантике языка, другими словами она вербализует концептуальную картину мира. Цветовая картина мира включена в культурную и концептуальную картины мира. Роль цвета в ККМ различна у различных народов и даже отдельных индивидов. В свою очередь, ЦКМ реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, идиоматических выражениях, словосочетаниях и других вербальных средствах, она органично входит в лексическую систему языковой картины мира» [Одинцова 2000: 79].

ЦКМ как компонент концептуальной системы имеет усложненную структуру. Когнитология – сравнительно молодая наука, и в ней еще не сформировалось окончательное понимание того, как устроена когнитивная система человека, нет общепризнанной модели человеческого сознания. Однако можно представить несколько утверждений относительно ЦКМ.

Концепты являются элементами, составными частями ЦКМ. Понятие концепт – когнитивное понятие, которое представляет собой совокупность знаний и представлений индивидом об окружающей действительности. Концепты, относящиеся к цвету, позволяют развивать не только символические смыслы, но и смыслы, связанные с культурными явлениями. Таким образом, очень важно при анализе какого-либо художественного произведения «выявлять» такие концепты с целью получения информации о собственно цветовом признаке и различных смыслах, относящихся к нему.

Кроме концептов (цветовых концептов) важно актуализировать цветовые слова (колоративы, цветообозначения и т. д.), так как они являются результатом выражения цветовых концептов. Однако языковая ограниченность таких слов может привести к некоторым трудностям понимания. Так, «словарным коррелятом» [Успенский 2007: 55] русского *пурпурный* или *пурпуровый* является англ. *purple*; тем не менее, это совсем другой цвет, который ближе к *фиолетовому*, чем к *розовому* или *красному*. Словарь Ушакова дает следующее определение: «Темно-красный или ярко-красный, алый, багряный цвет» [Там же]; греч. *порфира*, лат. *purpura* (багряная одежда как знак верховной власти) переводится как *багряница*. Сравним определение Оксфордского словаря: «mixtures of red and blue in various proportions, usually containing also some black and white, or both, approaching on the side to crimson, and on the other to violet» [Там же]. При этом в Средние века и англ. *purple* означало различные оттенки *красного* цвета. Так же русское слово *багряный* имеет множество значений. Ранее данное слово обозначало густо-красный цвет, позже смесь красного с синим (Словарь Академии Российской определяет последнее значение как просторечное), ср.: «Багровый, имеющий цвет червлёный, пурпуровый, густокрасный. В простореч[ии] показывающий цвет красный, смешанный с синетою» [Там же]. В результате исследователи геральдики вынуждены признать, что нет точного определения цвету пурпура: он может изображаться лиловым, лилово-красным, темно-синим и т. д. Американская исследовательница Э. Рош ввела понятие прототипа. Она полагает, что прототип – это такой член категории, который максимально полно воплощает характерные для данной категории свойства и особенности, поэтому цветообозначения можно классифицировать по принципу соотнесенности с цветовым прототипом, *изумрудный* – «это такой *зеленый*», *салатовый* – «это такой *зеленый*»; где *зеленый* – это прототип, имя категории, а оттенки – члены категории. Категория понимается как имеющая центр и периферию, т.е. «более прототипических» и «менее прототипических» членов [Rosch 1977]. В примерах,

приведенных выше (*purple*, например) целесообразно использовать данный постулат для классификации цветообозначений и их понимания.

Следующий важный аспект цветовой картины мира – это «привязанность к пространству». Пространство, в свою очередь, тоже является одним из важнейших концептов культуры. Если мы говорим о модели мира, то в этом мире цвет всегда относится к какому-либо объекту, который так или иначе представлен в пространстве. Поэтому так важно определять степень актуализации тех или иных объектов.

Итак, цвет, цветовая картина мира субъективны и существуют в сознании субъекта. Наиболее полно они могут быть исследованы в когнитивном аспекте, так как «цветовой язык ментален по своей природе. За цветом люди видят смыслы» [Маслова 2001: 105]. А смысл, как известно, может быть разным, в зависимости от символа, который закодирован в контекстах различных культур.

Список литературы

1. Андреева, К. А. Тимофеева А. Лингвоцветовая картина мира и диалог культур [Текст] / К.А. Андреева // *Language and Literature*, 2002.
2. Антоненко, П. П. Сравнение семантики прилагательных в русском и английском языках [Текст] / П.П. Антоненко // *Лингвистика и литературоведение*. – М., 2001.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. П. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1995.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М., 1992.
5. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты категоризации [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2001.-208с.
7. Одинцова, М. П. Критическая реплика по поводу попытки А. Вежицкой построить этнопсихологический портрет русского человека по данным русского языка [Текст] / М. Одинцова // *Язык. Человек, Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Ч.1/* под ред. М.П. Одинцовой. – Омск, 2000.
8. Успенский, Б. А. *Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство* [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320с.
10. Rosch, E. Human categorization [Text] / Rosch // N. Warren (ed). *Studies in cross-cultural psychology*. – N. Y., 1977.

О.А. Брильц
Челябинск, Россия

УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ (на примере процесса коммуникации)

Знакомясь с новыми сведениями, мы, осознавая это или нет, пытаемся понять информацию, а не просто увидеть набор знаков или услышать некоторое скопление звуков. Но для успешного понимания необходимо выполнение некоторых условий.

Под условием мы будем понимать такое отношение понимания к явлениям объективного мира, без которого оно не может существовать. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту среду, обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются.

При исследовании понимания человеком содержания текстов, сюжетов картин, работы механизмов, поступков людей выделяют разные условия понимания: умение извлекать следствия из подлежащих пониманию знаний, опираясь на прошлый опыт, объединение элементов понимаемого знания в целостную структуру в соответствии с некоторой целью, распознавание плана поведения человека и так далее. В.В. Знаков выделяет четыре основных условия понимания: мнемические, целевые, эмпатические, нормативные [Знаков 1994: 171-178].

Суть мнемических условий состоит в том, что человек понимает только то, что находит отклик в его памяти. Для понимания всегда нужны некоторые предварительные знания о понимаемом. Что касается процесса коммуникации, то для взаимопонимания эти знания должны быть сходными, касаться одних и тех же сторон, свойств объекта. Однако знания используются не в том виде, в котором они хранятся. Человек преобразует их согласно целям и задачам своей деятельности.

Из этого следуют целевые условия понимания: человек понимает обычно только то, что соответствует его гипотезам, прогнозам, целям. На основе целевых условий понимания появляется возможность построения моделей ментальных программ. Таким образом, для понимания является важной возможность предвидеть ситуацию, в которую может оказаться включенным объект деятельности, сопоставление разных точек зрения на него. Другим необходимым условием понимания является формирование своего видения объекта, объективного содержания предлагаемой к пониманию информации и взаимодействия с обсуждаемым объектом. В коммуникации важно правильно сформулировать гипотезу о таком видении углах зрения партнера на объект. В противном случае может возникнуть скрытое непонимание, которое при дальнейшем общении будет только усугубляться. Так, например, коммуникант А сообщает некоторую информацию С1 коммуниканту В, а коммуникант В, восприняв эту информацию, уверен что речь идет о сведениях С2. При этом и коммуникант А, и коммуникант В уверены, что была передана и воспринята одна и та же содержательная информация. Предположим ситуацию, что коммуникант В не согласен с информацией С2 и проявляет отрицательную реакцию по отношению к А, который в свою очередь негодует, так как информация С1 не соответствует реакции В. Так, вместо сближения, коммуниканты все больше отдаляются от точки понимания.

В общении знать чужие точки зрения нужно для обмена знаниями об объективном содержании предмета обсуждения. Необходимость обмена знаниями вытекает из мнемического условия понимания. Общение продуктивно, если обмен способствует появлению такой межиндивидуальной основы понимания темы, которая содержит пересекающиеся элементы содержания, присутствующие в точке зрения каждого субъекта.

Правильность предположения о знании предмета понимания в значительной степени зависит от прошлого опыта общения между коммуникантами. Однако, при длительном общении формируются стереотипы, затрудняющие проникновение во внутренний мир человека.

Нужно заметить, что чем более значим предмет для человека, тем глубже он стремится понять его. Поэтому важно спрогнозировать отношение партнера к объекту. Это отношение напрямую зависит от взаимоотношений между коммуникантами. Только при положительных и нейтральных отношениях происходит ориентация на понимание, а не на простое выполнение какой-то задачи.

Но взаимопонимание требует не только проникновения во внутренний мир другого человека, построения его модели. Субъект должен выдвинуть гипотезу о том, как в реципиенте происходит процесс отражения. В ходе взаимного отражения участников рефлексия выполняет задачу той обратной связи, которая способствует не только формированию стратегии поведения партнеров, но и коррекции понимания внутреннего мира каждым из них.

В основе эмпатического условия понимания лежит мысль о том, что невозможно понять другого человека, не вступив с ним в личные отношения. С.Л. Рубенштейн отмечал, что в каждом познавательном процессе «всегда имеется какое-то отношение личности к миру, субъекта к объекту, сознания к предмету» [Рубинштейн 1957: 341]. Следовательно, при анализе понимания следует обращать внимание не только на систему отношений познающего субъекта, но и его партнеров по деятельности.

Для достижения понимания субъекты должны исходить из одних и тех же норм общения и соотносить предмет обсуждения с одинаковыми социальными образцами, нормами поведения. Ключевой момент в определении любой социальной нормы заключается в указании на должное, необходимое, то есть такое положение дел в обществе, которое соответствует принятым в нем ценностям. Поэтому обращение коммуникантов к ценностно-нормативной оценке высказывания всегда означает составление ими отображенной в высказывании конкретной социальной ситуации с той, какой, по их мнению, она должна быть в соответствии с писанными и неписанными

законами общества. Индивидуальная специфика понимания всегда зависит от той системы ценностей, социальных норм, с которой человек соотносит понимаемое.

Чаще всего под пониманием мы подразумеваем своего рода соглашение, то есть принятие чужого мнения о чем-то как своего собственного, то есть дружеский настрой на понимание. Значит, чтобы понять мы заранее должны верить в возможность этого, хотеть этого.

Тогда необходимым условием понимания является настроенность на него, которая основывается на вере, доверии. Все знания и логические операции мы начнем использовать для достижения понимания только тогда, когда поверим в необходимость понимания объекта.

При понимании текст надо «отнести к самому себе» (как к реципиенту), то есть сделать текст как бы своим, как бы созданным тобой. В этом соотнесении проявится критическая оценка собственного «предпонимания» текста.

Любая попытка понять – это своего рода диалог. При минимальном количестве участников происходит субъектно-объектная коммуникация. И такой «разговор есть не что иное, как взаимное побуждение к выработке идей» [Гадамер 1988: 236]. Во время диалога есть больше шансов достигнуть понимания, прийти к конечному результату понятости и убедиться, что понимание одной и той же информации коммуникантом и реципиентом близки.

К условиям возможности понимания относятся также традиции и авторитет. Учет традиций и авторитетов – это подъем от чисто индивидуальных процессов понимания к нагружению понимания накопленными в социуме опытом и знаниями. Это уже движение к теоретическим формам ориентации в мире. При этом доверие и к традициям, и к авторитетам скорее всего имеет психологическую природу. Однако доверие к традициям в общем и целом предпочтительнее доверия к авторитету, поскольку в традиции отливается опыт больших человеческих сообществ. Но «масса» вряд ли думает и понимает достаточно глубоко. Там, где требуется глубина и логическая обоснованность (в «специальных случаях»), предпочтение, пожалуй, надо отдавать авторитету. Правда, все зависит от объема индивидуального духовного и практического опыта авторитета.

Таким образом, в процессе коммуникации для адекватного восприятия реципиентом передаваемой информации должны выполняться следующие условия: во-первых, реципиент должен иметь представление о существенных качествах объекта; во-вторых, информация от коммуниканта должна быть на данный момент наиболее актуальной для реципиента из всего потока сведений; в-третьих, реципиент в процессе

восприятия объекта должен суметь сформировать образ из имеющихся в его распоряжении множеств. Из этого следует, что для понимания необходимо, чтобы коммуникант и реципиент обладали хотя бы приблизительно равными объемами множества смыслов. Множество смыслов реципиента может быть меньше множества смыслов коммуниканта, тогда созданный коммуникантом образ не сможет найти полного отображения во множестве смыслов реципиента, что приведет к неполному, ошибочному пониманию или непониманию. Наиболее вероятно, что при отсутствии полных совпадений во множествах смыслов коммуниканта и реципиента, последний будет подбирать возможные варианты из имеющихся в наличии. От точности этого подбора и зависит адекватность понимания, степень приближения к тому, что сообщал коммуникант.

Список литературы

1. Гадамер, Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Г.Г. Гадамер – М., Прогресс, 1988. – 486с.
2. Знаков, В.В. Понимание в познании и общении [Текст] / В.В. Знаков – М., 1994. – 235с.
3. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Н. Рубинштейн – М., 1957. – 441с.

Л.В. Бронник
Краснодар, Россия

КОНЦЕПТ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В последнее время в когнитивной науке появляется много альтернативных концепций, отрицающих традиционный подход к когниции. Толчком к их появлению послужила неудовлетворенность аксиомами вычислительной парадигмы – мозг подобен компьютеру, мыслить – значит совершать операции над символами, единица когнитивного анализа статична, не зависит от контекста, имеет четкие границы и определяется в виде дефиниции-списка ее атрибутивных свойств. И самое главное – до сих пор не представлены убедительные аргументы биологического основания компьютерной метафоры. Одна из альтернатив получила название *динамического подхода к когниции*, или *динамизма*. Согласно центральному тезису этой гипотезы, естественная когниция – это сложные динамические взаимодействия субъекта познания с окружающей средой [Eliasmith 1996: 441].

Толчком к развитию и распространению динамической модели когниции послужили успехи в области *теории динамических систем* (ТДС). Одно из ключевых понятий в контексте ТДС – эмерджентность. Эмерджентные процессы описывают

коллективное поведение крупных ансамблей, взаимодействие в которых вызывает нелинейные изменения посредством положительных и отрицательных обратных связей. Эмерджентность реализуется в двух направлениях: 1) детерминация «снизу-вверх», в результате которой возникают единицы и процессы с новыми свойствами и областями взаимодействия; 2) детерминация «сверху-вниз», когда свойства системы более высокого уровня управляют поведением системы более низкого уровня [Thompson, Varela: 419].

Параллельно с динамизмом набирает силу представление о *когниции как о функции живой материи* (embodied cognition). Когнитивные проблемы, считают сторонники этого направления, должны рассматриваться в системе координат «мозг – материальное тело как его физическое воплощение – окружающая среда» [там же: 418]. Справедливость этой установки, на наш взгляд, не вызывает сомнения. Когниция не была бы эффективной, ее невозможно было бы наблюдать, если бы она не была связана с телом и физическим миром вне тела, поскольку этот мир находится в непрерывном потоке изменений, хотим мы этого или нет. Совмещая понятие эмерджентности и идею материального воплощения когниции (на основании универсальности законов физического мира, а человек – это, прежде всего, физический объект), мы можем обосновать алгоритм исследования концепта как динамического феномена. Начинать следует с объяснения динамики мозга на физическом уровне как более элементарном уровне организации нервной материи. Следующий этап направлен на поиск нервных механизмов когниции. Таким образом, чтобы понять механизм возникновения и эволюции концепта, мы должны двигаться снизу вверх:

1-й уровень – уровень физических единиц и процессов;

2-й уровень – уровень единиц и процессов нервной системы;

3-й уровень – уровень концептуальных единиц и процессов.

Цель данной работы - представить алгоритм исследования динамической природы концепта и рассмотреть данные нейронауки (*2-й уровень*), объясняющие факт его возникновения и эволюции.

Начиная с 1980-х гг. представители нейронауки и когнитивной науки предпринимают значительные усилия по сближению исследований мозга и когниции. В результате оформилась новая область знаний – когнитивная нейронаука, основная задача которой – объяснить, как нейробиологическая материя порождает когнитивные функции. Интерпретация данных нейрофизиологических экспериментов в терминах ТДС (ее также называют теорией хаоса) показывает, что мозг- это динамическая система, находящаяся в непрерывном состоянии детерминированного хаоса. Каким

образом неупорядоченное (нелинейное) взаимодействие между элементами нервной системы приводит к разнообразным вариантам сложного и координированного поведения когнитивной системы? Сегодня полагают, что структуры и порядок в биологических системах возникают вследствие процесса *самоорганизации* без участия каких-либо внутренних или внешних организующих сил.

Во многих теориях мозга принципу самоорганизации отводится ключевая роль в когнитивном развитии. Самоорганизация признается фундаментальной характеристикой мозга. Суть этого явления заключается в следующем: в определенной фазе развития в системе царит хаос, но в результате относительно малых адаптивных изменений элементы системы приходят в упорядоченное состояние. Иначе говоря, фундаментальный принцип системной самоорганизации описывает возникновение глобального порядка (порядка на макроуровне) вследствие локальных взаимодействий. Данный принцип распространяется и на мозг, в котором локальные взаимодействия между соседними нейронами вызывают упорядочивание всей системы и, в конечном итоге, генерируют когерентное (согласованное) поведение системы. Свойства мозга не являются суммой свойств отдельных нейронов, но возникают (*to emerge*, отсюда *emergence* – эмерджентность) в результате динамического взаимодействия нейронов в системе головного мозга [von der Malsburg 1995: ftp].

Следует иметь виду, что понимание близости применительно к мозгу отличается от привычной для нас обыденной топологии. Мозг – это в высшей степени дистрибутивная система, в которой многочисленные процессы происходят параллельно при отсутствии единого координирующего центра. Каким образом осуществляется управление и интеграция в пространственно-удаленных участках головного мозга, чтобы в результате возникло когерентное (согласованное) восприятие и поведение? Большинство исследователей мозга в этом вопросе единодушны – управление нервной активностью реализует механизм *синхронизации* [Thompson, Varela 2001: 418-419]. Синхронизация относится к фундаментальным нелинейным феноменам и играет важную роль в различных областях науки и техники. Явление синхронизации обнаруживают и в «живых» системах, начиная с уровня отдельной клетки и вплоть до уровня социальной организации людей. Синхронизация как динамическая модальность нервной активности интерпретируется по-разному: как когерентное поведение ансамблей нейронов [Aertsen, Bonhöffer, Krüger 1987], как синхронизация серии колебательных пиков [Singer 1993] как хаотическая динамика в гамма-диапазоне нервной ритмической активности [Freeman 1995]. Очевидно, что разногласия вызывает не факт существования синхронизации как механизма нервной интеграции, опирающегося на взаимодействия между ансамблями

нейронов, а специфика природы таких взаимодействий. Но для исследования высших когнитивных функций эти различия не имеют принципиального значения.

Итак, какие следствия для изучения динамической природы концепта имеют достижения в области нейронауки?

1. Интуитивное представление о динамической сущности концепта получает эмпирическое подтверждение, основанное на объективных методах нейроисследований (электроэнцефалограммы, магнитоэнцефалограммы, позитронно-эмиссионной томографии, функционального магниторезонансного сканирования и т.д.).

2. Динамические теории нервной активности могут служить своеобразным мостом, по которому можно преодолеть эпистемологическую пропасть между объяснением динамики физического и когнитивного уровней организации мозга. Когниция есть функция не просто физической материи, но «живой», нервной материи.

3. Принцип эмерджентности позволяет объяснить образование и динамику концепта через понятие самоорганизации – концепт как ментальная структура когнитивного уровня возникает и развивается вследствие активного взаимодействия ансамблей (больших групп) нейронов, упорядочивающих путем синхронизации свои колебания.

4. Свойства концепта, или измерения его пространственно-временной структуры, не выводимы из свойств отдельных нейронов или групп нейронов. Чтобы представить качественное описание концепта, следует обратиться к более высокому уровню когнитивной организации – уровню символических абстракций (в первую очередь, к естественному языку). Согласно тому же принципу эмерджентности, язык как система более высокого порядка способна управлять концептуальной системой через ряд параметров (детерминация «сверху-вниз»). Хрестоматийный постулат о языке как об одном из средств доступа к ментальным ресурсам сознания получает еще одно теоретическое обоснование.

Список литературы

1. Aertsen, A., Bonhöffer, T., Krüger, J. Coherent activity in neuronal populations [Текст] / A. Aertsen, T. Bonhöffer, J. Krüger // *Physics of cognitive processes* / E. R. Caianiello, ed. – World Scientific Publishing, 1987. – pp. 1-34.
2. Eliasmith, C. The third contender: A critical examination of the dynamicist theory of cognition [Текст] / C. Eliasmith // *Journal of Philosophical Psychology*. – 1997. – Vol. 9. – No. 4. – pp. 441-463.
3. Freeman, W. J. Chaos in the brain: possible roles in biological intelligence [Текст] / W. J. Freeman // *International Journal of Intelligent Systems*. – 1995. – Vol. 10. – No.1. – pp. 71-88.
4. Singer, W. Synchronization of cortical activity and its putative role in information processing and learning [Текст] / W. Singer // *Annual review of physiology*. – 1993. – Vol. 55. – pp. 349-374.

5. Thompson, E., Varela, F.J. Radical embodiment: neural dynamics and consciousness [Текст] / E. Thompson, F.J. Varela // Trends in Cognitive Sciences. – 2001. – Vol. 5. – No. 10. – pp. 418-425.

6. von der Malsburg, C. Self-organization in the brain [Электронный ресурс] / C. von der Malsburg // The Handbook of Brain Theory and Neural Networks / M. A. Arbib, ed. – Cambridge: The MIT Press // Режим доступа: <ftp://ftp.neuroinformatik.ruhr-uni-bochum.de/pub/manuscripts/articles/Mal2002a.ps.gz>. 2002, свободный.

Е.А. Быганова
Москва, Россия

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В РЕЧИ (на материале немецкоязычных текстов)

Понятие социального статуса изучалось в социолингвистике, лингвосемантике, психолингвистике и других областях науки о языке. Исследователи (В. И. Карасик, В. И. Беликов, Л. П. Крысин, В. Х. Файт и другие) дают различные определения социального статуса, но всех их объединяет представление о статусе как о положении человека в социальной системе с определенными правами и обязанностями и определенным (ожидаемым) поведением.

В работах некоторых исследователей понятие социального статуса объединяется с понятием социальной роли как одной категории. Так, Т. А. ван Дейк в работе «Язык. Познание. Коммуникация» предлагает выделять при анализе социальных контекстов следующие категории: 1) *позиции*, к которым относятся роли, статусы и т. д.; 2) *свойства*, например, такие как: пол, возраст и т.д.; 3) *отношения*, например, превосходство, авторитет; 4) *функции*, например, отец, слуга, судья и т.д. [Дейк 1989: 23].

Таким образом, можно сказать, что границы категории социального статуса размыты и очень часто пересекаются с понятием социальной роли.

В данной статье под социальным статусом мы понимаем соотносительную позицию индивида или группы, определяемую социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование и т.д.), природными признаками (пол, возраст и т.д.), а также престижем и местом в структуре власти. Социальный статус включает также совокупность прав и обязанностей у индивида, связанную с выполнением им определенной социальной роли [Соц.энц.словарь 2000: 343]. Под ролью же понимается ожидаемое поведение, которое мы ассоциируем с определенным статусом [Волков, Добреньков 2003: 153].

Кроме того, различают внешний и внутренний статус. Внешний (сформированный) статус – статус, возникший в результате предшествующей деятельности, известной профессиональному сообществу; внутренний статус (формируемый ситуативно) – статус, возникающий в результате коммуникативного взаимодействия в данной коммуникативной ситуации [Маслова 2007: 10].

Социальный статус рассматривается в данной статье как категория. В лингвистике существует два взгляда на понятие категории: первый связан с классической Аристотелевской теорией, второй – с когнитивной наукой. Согласно классическому взгляду категории представляют собой сущности, объединяющие единицы со сходными (общими) свойствами (чертами). Однако в последние десятилетия активно разрабатывается другой взгляд на понятие категории, разрабатываемый когнитологами. В семидесятые годы прошлого столетия благодаря исследованиям Э. Рош и Дж. Лакоффа активно разрабатывается идея о том, что категоризация представляет собой процесс, базирующийся на прототипах. При этом границы категорий размыты, а сами категории имеют внутреннюю структуру, где некоторые их элементы представляют категорию лучше, чем другие, т.е. являются прототипическими членами.

Нас, в первую очередь, интересует языковая категория, которая в широком смысле представляет собой любую группу языковых элементов, выделяемую на основании к.-л. общего свойства; «в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака...» [Языкознание. БЭС 1998: 215].

То есть категорию социального статуса мы рассматриваем как группу различных языковых средств, выражающих положение человека в обществе. При этом с точки зрения прагмалингвистики данную категорию будут выражать единицы языковых уровней: лексического, грамматического, просодического.

Остановимся подробнее на грамматическом уровне. Категория социального статуса может быть выражена в сфере грамматической стилистики через виды модальности, вводные конструкции, разновидности императива, различные виды инверсии, частицы. Например:

“Brandes, halten Sie *mal*!” [Kästner 2006: 18].

Частицу *mal* (что соответствует русск. –ка: остановите-ка) чаще используют люди с более высоким статусом по отношению к слушающему с более низким статусом.

Приведем еще несколько примеров, подтверждающих вышесказанное. В разговоре со своим ассистентом (с низким статусом) профессор (с высоким статусом) чаще использует частицы:

„Sie wollen, dass ich da für die Assistenten reingehe?“ fragte Veronika.

„Ja. Sonst kriegen wir dort eine destruktive Null von den Germanisten. Und wen nehmen wir sonst? Sie kennen sich doch bei den Philologen einigermaßen aus. Wen gibt’s denn da bei den Dozenten?“ [Schwanitz 2005: 69].

Частое употребление частиц людьми с более высоким статусом объясняется тем, что говорящий с высоким статусом обращается с собеседником как с хорошо знакомым человеком (он также может назвать его на «ты»), а люди с более низким статусом обращаются обычно к слушающему как к малознакомому человеку (т. е. используют только обращение «Вы», внимательно слушают, отвечают очень вежливо и т.д.).

Категорию социального статуса с точки зрения прагмалингвистики на грамматическом уровне способны реализовывать также особые грамматические формы, характерные для того или иного диалекта или наречия. Например, употребление неправильных форм личного местоимения и окончаний прилагательных (или их отсутствие) типичны для берлинского наречия (Berlinisch). Рассмотрим монолог носителя данного наречия, работницы туалета (Klosettfrau):

«Guten Tag ooch, junger Mann. Ick setze mir zu Ihnen, da können wir quatschen. Ick fahr rein zum Stadtbahnhof, wo ick jetze arbeite. Wat, Sie kennen mir nich? Na, gucken Sie mir mal richtig an, ick bin doch Erna Große, ick hatte mit meinem Mann die Kneipe in Spreetal, mir müssen Sie doch kennen! Mein Mann hieß Hans, un alle nannten ihn Hanne, un weil wir zwei so unzertrennnlich warn, nannten mir die Gäste auch Hanne. Sie müssen mir erkennen, auch wenn ick so jugendlich aussehe. Det macht die neue Perücke, die ick auf dem Haupte trage. Ick fühl mir tatsächlich zwanzig Jahre jünger mit diss feinondulierte Haar» [Roehricht 1975: 137].

Характерные черты берлинского наречия: употребление местоимения, отклоняющегося от нормы- форма mir вместо mich, отсутствие окончаний у прилагательных и у указательных местоимений могут говорить об отсутствии образования и, соответственно, о низком статусе говорящего. Сюда же можно отнести следующий пример, содержащий отклонение от нормы, где вместо союза «da» в начале придаточного предложения стоит «weil», глагол «dürfen» с неверной формой в первом лице - вместо глагола «können», также наблюдается нарушение рамочной конструкции.

„Weil Hanne immer Kopfschmerzen hatte, sollte er nich eingezogen werden, aber die Ärzte ham gesagt, er würde simalieren...“ [Roehricht 1975: 139].

„Ick dürr gar nich daran denken, weil der immer so anständig war zu mir un so gut“ [Roehricht 1975: 137].

Статус может проявляться и на синтаксическом уровне. Так, в следующем примере отсутствует глагол «sein»:

„Die Männer alle schwul- na ja, nicht alle, aber viele, und Frauen ganz schrille Tussis“ [Schwanitz 2005:74].

Высказывание принадлежит студентке, которая в потоке речи (может быть, из-за волнения и эмоционального возбуждения) дважды опускает глагол-связку. В любом случае, нарушение нормы и наличие сленга свидетельствует о том, что автор высказывания молод, не очень образован, соответственно, не может обладать высоким статусом.

Следует также отметить, что грамматические средства выражения социального статуса невозможно рассматривать в отрыве от лексических или просодических средств. Только совокупность элементов всех языковых уровней дает возможность идентифицировать личность и определить ее социальное положение. Кроме того, нельзя исключать невербальные средства общения (например, похлопывание собеседника по плечу, что характеризует лицо, совершающее данный жест, как человека с более высоким социальным статусом по отношению к собеседнику).

Подводя итог, можно отметить, что грамматические средства выражения категории социального статуса имплицитно (по сравнению с лексическими средствами) или косвенно указывают на положение, занимаемое человеком в обществе.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. Дейк.- М: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
3. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект) [Текст] : автореф. дисс... канд.филол.наук / Л.Н. Маслова. – Москва, 2007. -24 с.
4. Социологический энциклопедический словарь: На рус., англ., нем., фр. и чеш. языках [Текст] / Ред.-координатор Г.В. Осипов; Ин-т соц.-полит. исслед. Ин-т социологии РАН. - М.: Норма: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. - 480 с.
5. Социолнгвистика [Текст]: учебник /В. И. Беликов, Л.П.Крысин. - М.: РГГУ, 2001. – 436 с.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
7. Kästner, E. Drei Männer im Schnee [Text]: Roman. – М.: Менеджер, 2006. – 256 с.
8. Lewandowski, Th. Linguistisches Wörterbuch [Text]. Band 2. – Heidelberg, 1994.- 584 S.
9. Veith, W. H. Soziolinguistik [Text].- Tübingen: Narr, 2002. – 275 S.
10. Roericht, K. H. Meine Privatgalerie [Text]. Monologe.- Henschelverlag. – Berlin, 1975.- 150 S.

11. Schwanitz, D. Der Campus [Text]: Roman.-München: Goldmann Verlag, 2005. – 383 S.

А.В. Вандышева
Шахты, Россия

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Языковой феномен коммуникативной или «политической», корректности, зародившейся в 70-е годы в США, приобретает все большее значение не только в западном, но и в российском обществе, а также языкознании.

Коммуникативная корректность, наблюдаемая в американском обществе, безусловно, обязана своим возникновением и распространением самой англо-американской (и – шире – западной) картине мира, в том числе языковой. Однако следует отметить, что термин «политкорректность» не является прерогативой американского общества. Так, и в западноевропейских, и в русском языках мы можем встретить политические и социокультурные эвфемизмы разного рода, по своим функциям напоминающие американскую коммуникативно-корректную лексику.

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет собой гендерный аспект политической корректности. Речь идет об установлении полной симметрии в назывании мужчин и женщин и вообще употреблении слов, семантически связанных с идеей пола. Так, в европейских языках уже практически исчезли специальные обращения к незамужней женщине (*miss, mademoiselle, Fräulein* и т. д.). Их либо вообще не употребляют, либо употребляют по отношению к значительно более узкому кругу адресатов, например, только к девочкам.

По свидетельству М.Кронгауза, довольно популярны опыты пародирования политически корректных изменений как в языке, так и в поведении. Наиболее знамениты «Политически корректные истории на ночь» Дж. Ф. Гарнера (1994), где по-новому, политически корректно, рассказываются известные сказки: «Красная шапочка» и др. Менее известен у нас в стране «Словарь (и руководство по использованию) политически корректной лексики» Г. Бирда и К. Серфа. В нем рассматриваются и издевательски обсуждаются реальные предложения по усовершенствованию языка в сторону абсолютной справедливости. Чтобы показать его ироническую направленность, достаточно упомянуть, что посвящен он некоей даме по фамилии *Кауфман*, изменившей в судебном порядке свою фамилию на *Кауфнерсон* [Кронгауз 1999: 9]. Тем не менее, многие из политически корректных изменений уже необратимы и являются ярким примером сознательной правки языка.

Н.О.Орденкова в своем исследовании, посвященном феномену политкорректности, указывает на несостоятельность политкорректного дискурса, что проявляется в ряде примеров экстремального изменения написания слов. Например, в написании слова “*history*” было усмотрено прямое указание на форму притяжательного местоимения мужского рода 3-го лица, хотя, как утверждает исследовательница, слово “*history*” греческого происхождения и к притяжательному “*his*” в современном английском языке никакого отношения не имеет. Чтобы избежать прямого указания на мужской пол, было предложено радикально новое написание слова - “*herstory*” [Орденкова 2003: 15].

В современном английском языке довольно часто подобные переименования встречаются в словарях последних изданий и различных специальных пособиях по устранению «дискриминирующего по половому признаку» языка. В языке прессы в последнее время стали появляться такого рода замены, в статьях как авторов женщин, так и мужчин. Однако тенденции такого рода замены и преобразования в языке только намечаются. Группой исследователей под руководством Г. С. Двиняновой был проведен анализ британской прессы (“*The Daily Telegraph*”) по его гендерной ориентации. При исследовании соотношения гендерной лексики заголовков и текстов статей выяснилось, что несмотря на разнообразные гендерные указатели, вынесенные в заголовок, в тексте статьи у мужчин в 80% указывается социальный профессиональный статус, у женщин в 90% — социальный статус относительно мужчины и/или потомства [Двинянова 2001: 179]. Поэтому на данном этапе еще стоит говорить о существовании гендерных стереотипов, отражающих доминирующее положение мужчин в современной Великобритании.

В США наблюдается несколько иная ситуация. Крупнейшие книжные издательства выпускают пособия, где показаны подходы к проблеме справедливого и сбалансированного изображения обоих полов, и где говорится о том, что к мужчинам и женщинам следует подходить, прежде всего, как к индивидуумам, а не как к представителям противоположных полов. В прессе встречается множество замен и изменений гендерно маркированных слов.

Американская исследовательница Ф.У. Фрэнк провела опрос среди своих студентов-журналистов (17 человек). Студентам было представлено 10 политически «некорректных» старых наименований (из них 3 – гендерно маркированные), а также их новые политически корректные варианты, и предлагалось указать на те, которые они реально употребляют в повседневной речи. Результаты опроса следующие:

1) 9 чел. (52%) употребляют *Chairperson*, 5 (29%) - *Chairman*, 2 (11%) – *Chair*;

2) 7 (41 %) употребляют *Mankind*, 5 (29%) - *Humankind*, 4 (23%) упомянули *Humanity* (интересно отметить, что данное слово в список предложенных слов включен не был) 1 (.5%) – *Man*;

3) 12 (70%) употребляют *Prostitute*, 4 (23%) - *Hooker*, 1 (.5%) используют в своей повседневной речи и *Prostitute*, и *Hooker*, 0 употребляют новое политкорректное *Sex Worker*.

Яркой иллюстрацией может послужить реальный пример из жизни, представленный на учебном сайте для студентов-журналистов <http://www.worldenough.net/picture/English/classroom/PC.doc>.

Ср.: *A professor of linguistics from Central Europe went to the US to give lectures to American students. He referred to a group of **female students** by the word 'girls'. Later on he was informed by his American colleagues that this could have been interpreted as a form of harassment. Although he meant well as he associated the word 'girls' with positive characteristics (youth, beauty), in America this could sound patronizing, sexist and offensive.*

На церемонии награждения Оскара теперь также говорят политически правильно: “*And the Oscar goes to ...*” вместо ранее употребляемого “*And the winner is...*”. Хотя стоит отметить, что на церемонии 2006 года несколько раз можно было услышать прежнее “*And the winner is...*” Кроме того, интересен тот факт, что на официальных встречах, международных саммитах по-прежнему можно увидеть табличку с надписью *Chairman*.

В современных англоязычных словарях приводятся специальные таблицы или приложения, указывающие, как нужно употреблять свободный от дискриминации язык. Так, словарь *Cambridge International Dictionary of English* 1995 года издания приводит целую таблицу, в которой сравнивается старый ‘антифеминистский’ язык и новый, устраняющий неравенство по половому признаку. Например, используя местоимение «он» (he) при обозначении врача, мы подразумеваем, что женщины не могут работать врачами или, что они менее компетентны. Поэтому многие, говорящие или пишущие на английском языке, теперь стараются употреблять так называемый «современный, равноправный в половом отношении язык» (modern non-sexist language).

Анализ газетных публикаций, фрагментов словаря и текстовый материал художественных произведений современных авторов позволяет сделать вывод, что англоязычные издательства и средства массовой информации в большинстве случаев следят за правильным и корректным словоупотреблением и приводят необходимые разъяснения людям, не желающим оскорбить чувства других в отношении их половой принадлежности. Замена происходит чаще в словах, называющих профессии. Однако, по нашим наблюдениям, подобного эффекта не произошло при замене слов, содержащих

компонент *-man* или другую, обозначающую тот или иной пол. Достаточно редки замены, типа *manpower* – *human resources*, *mankind* – *people* и др. Эти словоупотребления встречаются в основном только в словарях и учебных пособиях. Однако следует отметить, что британские издательства в данном направлении являются более консервативными, чем их американские коллеги.

Ср.: *An Austrian **teenager** held prisoner for eight years says her captor made **her** call him "master" for the first year, a newspaper report says....A **policewoman** who has interviewed Ms Kampusch told Austrian state TV that **her** captor had said he had singled **her** out.* (BBC News) Last Updated: Friday, 25 August 2006, 14:26 GMT 15:26 UK).

Ср.: “*Do **teen girls** make fitness a habit?*” – подзаголовок американской газеты USA TODAY (November, 2006). В конце 2005 года немецкий язык пополнился еще одним «женским» вариантом названия типично мужского вида деятельности: *die Kanzlerin* в связи с избранием на эту должность представительницы женского пола Ангелы Меркель. В русскоязычном дискурсе данное новшество никак себя не проявило. Обычно говорят и пишут: *Федеральный канцлер Ангела Меркель*. В английском языке данное наименование также не приобрело гендерного маркера.

Ср.: *Журнал Форбс признает канцлера Германии самой влиятельной женщиной в мире.* (Телепередача «Новости» от 1.09.2006г.).

Ср.: *Gordon Brown was due to meet **Angela Merkel**, the German **chancellor**, at Downing Street today, as the government was again forced to defend its refusal to hold a referendum on the EU treaty.* (“The Gardian“).

Ср.: ***Bundeskanzlerin** Angela Merkel hat in Budapest mit dem ungarischen Ministerpräsidenten Ferenc Gyurcsány über die Zukunft des Kosovo gesprochen.* <http://www.bundeskanzlerin.de/Web/BK/DE/Homepage/home.html>.

В связи с этим необходимо отметить, что тексты, написанные в соответствии с требованиями политкорректности, вызывают наибольшую сложность при переводе. С одной стороны, при переводе необходимо учитывать современные веяния и тенденции в системе языка, с другой стороны, мы не можем констатировать, что эти изменения происходят равномерно во всех странах (и соответственно, в языках). В стремлении наиболее точно выразить мысль языка оригинала, переводчики рискуют допустить грубые ошибки, так как в языке перевода основными ориентирами могут выступать иные, а зачастую и противоположные ценности.

Список литературы

1. Двинянова, Г.С. Язык и гендер в призме англоязычных исследований [Текст] / Г.С. Двинянинова // Материалы междунар. науч. конф. «Изменяющийся языковой мир». – Пермь, 2001. – С. 173-174.

2. Кронгауз, М.А. Sexus, или Проблема пола в русском языке [Текст] / М.А. Кронгауз // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996. – С. 510-525.

3. Орденова, Н.О. Феномен политической корректности и его выражение в языковой деятельности людей (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.О. Орденова. – М., 2003. – 24 с.

Л.Н. Венедиктова
Челябинск, Россия

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Термин «языковая личность» рассматривается в лингвистике в неразрывной связи с терминами «картина мира» и «культурный концепт».

Первое обращение к языковой личности связано с именем Л.Й. Вайсгербера, говорившего о зависимости всей жизни человека от родного языка, о взаимосвязи родного языка и духовного формирования человека. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно, носителями культуры в языке являются языковой коллектив и индивидуум. Коллектив как этнос и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания.

Язык является неотъемлемым компонентом сознания, его инструментом. Он выступает как посредник между человеком и картиной мира, отображаемой им в языковых формах. Это и есть связь человека с картиной мира, содержащейся в языке, на котором он говорит, с кругом представлений, образов и понятий, запечатленных в языке. Язык конкретного человека не существует сам по себе. Он формируется языком других людей, которые принадлежат одному народу, имеют общую культуру и традиции.

Связанное с понятием «языковая личность» понятие «языковое сознание» нашло отражение в трудах В. Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона и других. Так лингвистика вышла на исследование человека, владеющего языком, на исследование языковой личности.

Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н. Караулова. Под языковой личностью ученый понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)», различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью

[Караулов 1987: 3]. Данное определение допускает двойственную интерпретацию: статическую и динамическую. В первом случае, индивид выступает в качестве личности, то есть субъекта социальных отношений, обладающего своим неповторимым набором личностных качеств. Во втором случае, можно предположить, что на определенном этапе индивид еще не является личностью, т.е. не обладает отличительными социально обусловленными характеристиками.

Языковую личность можно охарактеризовать с позиций лингвистического сознания и речевого поведения, т.е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Языковое сознание опредмечивается в речевой деятельности, т.е. в процессах говорения (письма) и понимания. Речевая деятельность осуществляется индивидуумом и обусловлена его социопсихофизиологической организацией. Речевая деятельность и речевая организация человека тесно взаимосвязаны, но могут быть и противопоставлены как явления и сущность.

В речевой организации человека выделяются пять аспектов:

1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение,

2) коммуникативная потребность, т.е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, на языковой коллектив, на носителей культуры,

3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели. Компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить.

4) языковое сознание как активное вербальное отражение во внутреннем мире внешнего мира [Лурия 1998:24],

5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [цит. по: Карасик 2002: 9].

Компоненты речевой организации человека неоднородны, наиболее конкретным является акт речевого поведения, наиболее абстрактным – языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве.

Важнейшим компонентом речевой организации человека является языковое сознание. В.В. Красных противопоставляет два принципиально различных типа ментальных образований: знания и представления. Знания трактуются как относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы, представления – как относительно лабильные, субъективные и индивидуальные сущности, включающие собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними коннотации и

оценки. В индивидуальном и групповом языковом сознании знания и представления образуют целостное единство. При этом выделяются три набора знаний и представлений: индивидуальное когнитивное пространство, коллективное когнитивное пространство, когнитивная база [Красных 1998: 41-45].

Первый набор представляет собой уникальную совокупность всех знаний и представлений данного человека как личности, второй набор – это совокупность знаний и представлений, определяющих принадлежность человека к той или иной социальной группе. Причем, поскольку любой индивид входит в те или иные малые и большие группы, коллективное когнитивное пространство в его сознании является «лоскутным» образованием, включающим информационные фрагменты различных систем. Третий набор содержит необходимые знания и представления, объединяющие всех носителей этих знаний и представлений в «национально-лингво-культурное сообщество» [Красных 1998: 96].

Исследование языковой личности – лингвистическая персонология, по терминологии В.П. Нерознака, - неизбежно вовлекает в сферу интересов лингвистов те вопросы, которые объединяют всех специалистов, изучающих человека с различных позиций. Важнейшим вопросом теории языковой личности является выделение типов языковых личностей.

Типология языковых личностей может строиться на различных основаниях в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности, либо языка.

С позиций этнокультурной лингвистики выделяют типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества, где действует оппозиция «свой – чужой». Условно можно разграничить следующие типы языковых личностей:

1) человек, для которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде,

2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде. Здесь можно говорить о ксенолекте, т.е. такой разновидности языка, которой пользуются эмигранты, люди, длительно живущие в чужой стране либо люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации,

3) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения [Карасик 2002:12].

С позиций психолингвистики противопоставляются типы личностей, выделяемые в психологии, и рассматриваются языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей.

С позиций социокультурной лингвистики выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам – возраст, пол, уровень образования, стиль жизни.

Хрестоматийно известна функциональная типология персонажей волшебной сказки в работе В.Я. Проппа «Морфология сказки» (1928). Это герой, вредитель, посредник, даритель и другие.

Одним из подходов к изучению языковой личности может быть выделение релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного представителя определённой этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального или невербального поведения и выводимой ценностной ориентации: русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер. Модельная личность представляет собой прототипный образ, границы которого весьма вариативны, и стереотип поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры и представителей других этнокультур.

Рассматривая частночеловеческую языковую личность, В.П. Нерознак выделяет два основных ее типа: стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и нестандартную языковую личность, которая объединяет в себе «верхи» и «низы» культуры языка [Нерознак 1996: 114].

К верхам культуры автор относит писателей, мастеров художественной речи, рассматривая креативную языковую личность в её двух ипостасях – «архаисты» и «новаторы». Низы культуры объединяют носителей, производителей и пользователей маргинальной языковой культуры. Показателем принадлежности говорящего к маргиналам автор считает ненормативную лексику – арготизмы, сленг, жаргон и ненормативные слова и выражения.

Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Применительно к коммуникативной личности, В.И. Карасик выделяет познавательный, поведенческий и ценностный планы этого понятия [Карасик 2002: 26].

Когнитивный план языковой личности – это степень освоения мира человеком через язык. Говоря о когнитивных характеристиках человека говорящего, исследователи

обычно рассматривают картину мира в виде коллективной концептосферы, осуществляют фреймовый анализ представлений, получивших языковое выражение, и устанавливают ментальные основания для вариативных языковых образований. Ментальные образования, концепты, имеют различную природу и основаны на опыте человека, как личном, так и общественном. Эти образования многомерны. Концепты шире, чем понятия, если относить понятия к мышлению, а концепты – к сознанию. В лингвистике противопоставление образа и описания терминологически оформлено как денотат и сигнификат значения.

Познавательный аспект языковой личности освоен в лингвистике как семантика языковых единиц или как семантика общения. Этот аспект включает проблемы наименования и системных отношений в языке, динамику смысла, соотношение между значением и понятием и значением и смыслом.

Лингвистически релевантной единицей для языковой личности является концепт как фрагмент жизненного опыта человека. Повторяясь, эти фрагменты фиксируются в памяти, и если они существенны для индивида, то неизбежно связаны с переживаниями, что способствует фиксации соответствующего опыта и рефлексивной деятельности по отношению к нему.

Познавательный аспект языковой личности концентрирует наше внимание на проблемах языкового сознания. При всей его текучести и континуальности языковое сознание системно, т.к. любой его компонент, любые единицы, которыми оно оперирует, неизбежно связаны с другими единицами. Эта связь базируется на определённой иерархии актуальных для человека признаков.

Поведенческие характеристики языковой личности – это совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип. Говоря о человеке в аспекте его коммуникативного поведения, мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности, т.е. общение рассматривается как деятельность, имеющая мотивы, цели, стратегии и способы их реализации.

Прагмалингвистика представляет собой совокупность теорий и концепций, которые относятся к речи как реальному общению и в ней акцент сделан на целостном смысле языковых единиц, выводимом как из значения, так и из ситуации общения.

Для характеристики языковой личности в поведенческом аспекте существенное значение приобретает теория речевых актов. Центральным моментом в речевом акте является иллокуция как тип речевого воздействия. Наиболее существенным признаком для выделения того или иного типа речевого действия является интенция говорящего.

Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции.

Коммуникативные стратегии являются важной характеристикой поведения языковой личности. Стратегии общения представляют собой «цепочку решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств» либо «реализацию набора целей в структуре общения» [Макаров 1998: 137]. Стратегии общения прямо соотносятся с интенциями коммуникантов: если интенции носят глобальный характер, то имеются в виду собственно стратегии дискурса, внутренне присущие ему. Если же речь идёт о достижении частных целей в рамках того или иного жанра определенного типа дискурса, то говорят либо о локальных стратегиях, либо о коммуникативных тактиках.

Ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. Эти нормы закреплены в нравственном кодексе народа, отражают историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком. Нравственный кодекс народа выражается в языке лишь частично. К числу языковых индексов такого кодекса относятся универсальные высказывания и другие прецедентные тексты (по Ю.Н. Караулову), составляющие культурный контекст, понятный среднему носителю языка, правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов. Существуют общечеловеческие ценности (этические и утилитарные), ценности, свойственные определенному типу цивилизации, ценности, характеризующие определенный этнос, а также подгруппы внутри этноса. Наконец, выделяются ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности личности. Соответственно, коммуникативную личность можно охарактеризовать в ценностном аспекте по соотношению доминантных ценностей и по степени их дифференциации.

Коммуникативные стратегии, представляющие собой реализацию интенций участников общения, зависят от доминант поведения, принятых в данной лингвокультуре. Доминанты поведения закреплены в оценочных пресуппозициях значений слов и высказываний, а также в принципах общения.

Список литературы

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н.Караулов. - М.: Наука, 1987. – 264с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И.Карасик. - Волгоград: Перемена, 2002. – 480с.
3. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] : монография / В.В.Красных. – М.: Диалог МГУ, 1998. – 352с.

4. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины [Текст] / В.П.Нерознак // Сб. науч.тр.Моск.гос.лингв.ун-та. - №426. - Язык. Поэтика. Перевод. - М.: 1996. – С. 112-116.
5. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М.Л.Макаров. - Тверь: Изд-во Твер.ун-та, 1998. – 200с.
6. Лурия, А.Р. Язык и сознание [Текст] / А.Р.Лурия. - М.: Изд-во Моск.гос.ун-та, 1998. – 336с.

Ю.А. Власова
Челябинск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРОФЕССИИ НА ЛИЧНОСТЬ

В центре внимания современной психолингвистики находятся проблемы взаимодействия и взаимовлияния носителей разных культур, а следовательно, и разных языковых сознаний.

Межкультурную коммуникацию можно рассматривать как «общение носителей корпоративных культур» [Харченко 2000: 177] – представителей объединений или союзов, создаваемых, например, на основе профессиональных интересов.

Взаимодействие по типу человек-человек может быть непосредственным и опосредованным. Общение людей предполагает обмен информацией, установление и поддержание контакта, регулирование межличностных отношений. Именно в контактах человека с другими людьми проявляется его социальный статус, важной характеристикой которого является речь.

«Выражение социального статуса представляет собой индикацию принадлежности человека к той или иной общественной группе и вытекающие отсюда права и обязанности человека» [Карасик 2002: 6].

Профессиональное общение характеризуется тем, что права и обязанности у собеседников разные и неравноправные. Именно от специалиста зависит, насколько успешным будет это взаимодействие.

Как влияет профессия на личность, каковы признаки профессиональной деформации личности, – эти вопросы по-прежнему остаются в центре внимания исследователей.

Для профессионала его профессия – это образ жизни, у него особое видение окружающего мира. Сознание профессионала наполнено своим специальным содержанием. Разница между профессионалом и непрофессионалом состоит в том, что «в сознании специалиста существуют более полные и точные образы предметов их труда» [Безносков 2004: 63], прочно и надежно хранится вся информация об объекте

деятельности. Вслед за Е.А. Климовым, можно предположить существование особых «образов мира» в разнотипных профессиях.

В ходе своей трудовой деятельности человек совершенствует профессиональные знания, формирует профессиональные привычки, определяет стиль мышления и стиль общения. Профессия вынуждает человека глубоко изучить и усвоить узкоспециализированный, искусственный язык и за счет этого расширить свое мировоззрение в строго определенном направлении.

В связке врач – больной, адвокат – клиент, производитель – потребитель лишь первый член пары является активным субъектом своей узкопрофессиональной деятельности, их клиенты занимают пассивные позиции.

Соблюдение статусной дистанции достигается также путем использования специальной речи – профессионального языка и жаргона, выполняющих специальную социальную функцию: с одной стороны, человек, говорящий на специальном языке, хочет доказать свою принадлежность к определенной группе, с другой стороны, носитель жаргона подчеркивает свой особый статус к тем, кто не является членами этой группы. «Задача профессиональной речи – не только обеспечить точное и емкое обозначение предметного мира соответствующей профессии, но и отстранить профанов, которые своими поверхностными суждениями наносят вред профессионалам, подрывая престиж профессии» [Карасик 2002: 67].

В процессе профессионального труда человек, выступая только как субъект деятельности, проявляет исключительно субъективные качества – специальные навыки, умения, знания. Субъект-профессионал относится к человеку как к предмету своих узких профессиональных интересов и обязанностей.

Сущность профессиональной деформации заключается в том, что «под влиянием исполнения профессиональной роли у человека изменяются те или другие свойства личности, возникает профессиональный тип личности, который проявляется и вне профессиональной сферы» [Безносков 2004: 185].

В нашей работе мы исследуем процесс опосредованного взаимодействия профессионала и непрофессионала на примере инструкций по применению.

В ходе анкетирования мы выяснили, что составлять инструкции должны «узкие специалисты, изобретатели или производители товаров и услуг».

Например, инструкции по применению лекарственных препаратов. Такие инструкции рассчитаны на представителей различных категорий населения, большая часть которого не являются специалистами в области медицины.

Понятие «профессионал» разделяется по двум основаниям – форме и содержанию деятельности.

Составляя инструкцию, врач в эти моменты не выполняет свои профессиональные обязанности – лечить людей, а, следовательно, не является субъектом специализированной деятельности, при этом формально оставаясь специалистом в своей области. Содержательно он занят другим видом деятельности. В этом случае профессионала можно рассматривать как личность, так как он не занимается «собственно деятельностью, совершает профессионально недеятельностные акты» [Безносов 2004: 37].

Признаком профессиональной деформации врачей, особенно характерным для эпохи научно-технической революции, является так называемая «потеря больного», когда врач не видит перед собой живого человека. Это находит свое выражение в стандартизации общения врача с больным, которое зачастую сводится к языку голых цифр, формул, произносятся специфические, непонятные больному выражения; в своеобразном профессиональном жаргоне и его неоправданном использовании; в отсутствии дружелюбия; в игнорирования психологического состояния пациента; в формальном подходе к людям, когда профессионал не относится к человеку как к личности, индивидуальности во всей полноте ее проявлений, а рассматривает его лишь в одной какой-то плоскости: пациент, клиент, штатная единица и т.д.

Критерием профессионального мастерства является степень удовлетворенности пациента, клиента тем или иным сервисом. И это зависит не только от качества предоставляемых услуг, но и от умения специалиста грамотно воздействовать на образ мира собеседника, используя такое орудие деятельности как профессиональный язык и язык соответствующей науки, с учетом влияния профессионального поведения и мировоззрения на личность.

Список литературы

1. Безносов, С.П. Профессиональная деформация личности [Текст] / Безносов С.П. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
2. Карасик, В.И. Язык социального статуса [Текст] / Карасик В.И. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333с.
3. Харченко, Е.В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики [Текст] // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М., 2000. – 320 с.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ В ЖУРНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Особый интерес в связи с проблемой понимания вызывают журнальные «глянцевые» издания. Важнейшая функция журнальных «глянцевых» изданий – популяризация различных новых явлений, пришедших в большинстве своем из зарубежных культур, ознакомление с новшествами в сфере моды, технологий, бизнеса, туризма. Современные журнальные издания в основном имеют рекламно-информационный характер, поэтому в состав текстов журнальных изданий входит значительное количество новых единиц (неологизмов, иноязычных слов и вкраплений и т.п.), которые могут затруднять понимание текста.

Коммуникативной целью автора журнального текста является воздействие на модель мира читателя. Речевое поведение авторов или авторских объединений обусловлены их коммуникативными намерениями, которые реализуются посредством воздействия на реципиента. В рамках журнальной коммуникации генеральной стратегической целью является побуждение читателя к мыслительным (ознакомление и запоминание информации) и физическим (приобретение, посещение и др.) операциям. Часто намерение автора не ориентировано на передачу какой-то новой информации, но при этом автор имеет возможность влиять на сознание читателя через доверительный образ адресанта (автора), который формирует сообщение с учетом стереотипов, концептуальной системы адресата [Чернышова 2003: 41-68].

Учитывая массовость получателя информации и однонаправленность ее передачи (от автора к читателю), можно предположить, что автору журнальной статьи необходимо обеспечить максимально простое и одновременно эффективное восприятие и понимание текста. Поэтому важнейшее речевое намерение автора, без которого не реализуется генеральная стратегия воздействия, – заинтересовать читателя в получении информации и создать оптимальные условия для ее понимания.

Для достижения генеральной цели воздействия автору необходимо использовать в тексте ряд вспомогательных речевых стратегий. Например, вспомогательная речевая *стратегия информирования* направлена исключительно на передачу информации. Как правило, автор строит текст без использования эмоционально-экспрессивных языковых единиц, создавая нейтральный тон коммуникации. Речевая *стратегия дискредитации* часто используется в текстах, направленных на разрушение положительного образа конкурента (фирмы, кандидата на выборах и т.п.). Автор может использовать тактику обвинения, и даже оскорбления, для достижения поставленной цели.

Особое место в реализации генеральной стратегии воздействия занимает **речевая стратегия понимания**. Данная стратегия направлена на обеспечение автором адекватного восприятия и понимания текста. Стратегия понимания коррелирует со всеми вспомогательными стратегиями, т.к. без понимания текста не возможна реализация ни одной стратегии, в том числе и стратегии воздействия. Стратегия понимания является обязательным элементом для достижения авторской цели.

Речевая стратегия понимания журнального текста, также как и генеральная стратегия воздействия, реализуется в соответствии с законами журнальной коммуникации. Выделим основные требования для эффективной реализации стратегии понимания:

1. Во-первых, как известно, журнальный текст – это **письменный текст**. В связи с этим ресурсы, которыми может пользоваться автор, обеспечивая адекватное понимание информации, ограничены. Отсутствие непосредственного контакта с реципиентом сужает возможности автора в разъяснении каких-то деталей излагаемой информации. Автор не может пользоваться такими вспомогательными средствами, как мимика, жесты. А главное, в случае непонимания или недопонимания со стороны читателя, у последнего нет возможности уточнить, что именно имеется в виду. С другой стороны, читатель может обращаться к тексту неограниченное количество раз, что содействует выполнению актуальных коммуникативных задач и реализации коммуникативного намерения автора текста. Для журнальной коммуникации, функционирующей в виде письменной речи, характерно тяготение к нормативности и стандарту; письменная речь отличается относительной устойчивостью, подготовленностью по сравнению с устной речью. В связи с этим можно ожидать, что стратегия понимания в большинстве случаев будет успешно реализована.

2. **Дефицит печатного пространства** также является определяющим фактором в организации речевого поведения участников журнальной коммуникации. Автору приходится максимально сжато излагать информацию, что ограничивает возможности использования дополнительных пояснений, комментариев. Реализация речевой стратегии понимания должна согласовываться с принципами лаконичности и доступности.

3. Важным критерием в разработке стратегии понимания является **техническая и материальная оснащенность** журнального издания. Как вспомогательное средство в процессе освоения информации читателем могут выступать иллюстрации, графическое оформление текста. Не последнюю роль в процессе восприятия информации играет качество печати.

Все вышеперечисленные критерии реализации речевой стратегии понимания являются объективными требованиями эффективной коммуникации. Однако в каждом отдельном авторском тексте необходимо учитывать наличие субъективного компонента.

Важнейшим условием успешной реализации речевой стратегии понимания является именно авторская интенция обеспечить адекватное понимание текста. Учитывая односторонность журнальной коммуникации, можно заключить, что реализация стратегии понимания будет успешной лишь в том случае, если автору удастся спрогнозировать уровень языковой и внеязыковой компетентности читателя. Даже при доминирующей позиции автора в данного рода коммуникации читатель тоже обладает воздействующим потенциалом, т.к. автор вынужден считаться с интересами аудитории, в противном случае он рискует лишиться возможности реализовать свои коммуникативные намерения. Выбор средств для достижения данной коммуникативной цели остается за автором (или авторским коллективом). По замечанию О.С. Иссерс, «...язык как инструмент воздействия не может быть "нормальным" зеркалом - он (вне зависимости от воли говорящего) всегда в той или иной степени оказывается кривым зеркалом, "кривизна" которого определяется коммуникативными задачами автора и его картиной мира» [Иссерс 1996: 71-74].

Средством реализации речевой стратегии являются речевые тактики. Интересно, что в журнальной коммуникации авторы доводят одну и ту же информацию до читателя, используя разные речевые тактики, при этом каждый реализует как генеральную стратегию воздействия, так и стратегию понимания. О.С. Иссерс отмечает, что «каждый говорящий обладает разными ресурсами речевого контроля за поведением партнера, что дает основание говорить об индивидуальном стратегическом стиле» [Иссерс 2003: 29]. Поэтому реализация речевой стратегии, и, в частности, стратегии понимания, в рамках каждой конкретной коммуникативной ситуации будет носить авторский характер.

Проблема реализации стратегии понимания особенно актуальна для журнальных текстов, содержащих слова иноязычного происхождения, и, в частности, иноязычные вкрапления. В ходе комплексного анализа журнальных текстов, содержащих иноязычное вкрапление, были выделены различные речевые тактики, реализующие стратегию понимания. К их числу относятся: тактика дефиниции, тактика перевода, тактика описания, контекстуальная тактика, а также тактика визуализации или визуального связывания.

Ярким примером демонстрации речевых тактик, реализующих стратегию понимания, может послужить статья «Закрытые вечеринки под открытым небом», где автор в самом заголовке раскрывает смысл описываемого явления, название которого

выражено в тексте иноязычным вкраплением. «...Но летом перспектива запереть себя в душном пространстве мало привлекает. Вот и придумали *ОпенЭйры (Open Air)* – закрытые вечеринки на свежем воздухе, когда знакомые или объединенные общими интересами люди выезжают за город, чтобы хорошенько оторваться. Основные составляющие *ОпенЭйра*: большое скопление народа (чем больше, тем веселее) и наличие музыки (это когда вокруг одной поляны грохочут несколько мощных колонок, пара прожекторов освещает скачущую толпу – и над всем этим на сцене возвышаются музыканты). Снопы света падают на сцену, подтанцовка заводит толпу, все стараются пожать ди-джею руку...» (журнал «Серебряный кофе», Томск, №26, 08.2006).

Сначала автор дает краткое определение понятию «*ОпенЭйр*». Затем вводит подробное описание данного явления. Также используется тактика перевода (переводческая транскрипция) для облегчения восприятия иноязычного вкрапления; текст сопровождается фотографиями, позволяющими наглядно оценить описываемое мероприятие.

В совокупности речевые тактики, используемые в тексте, позволяют эффективно реализовать стратегию понимания, а значит, обеспечивают успешность коммуникации.

Список литературы

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284с.
2. Чернышова, Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект) [Текст] : учебное пособие / Т.В. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003. – 178с.

Н.Г. Воронова
Барнаул, Россия

МОДАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕКСТА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОДУЦЕНТА

Определение языковой личности как «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1989: 3], позволяет рассматривать текст как модель языковой личности – антропотекст (термин Н. Д. Голева). По мнению И. Р. Гальперина, «текст ... представляет собой сознательно организованный результат речетворческого процесса» [Гальперин 1981: 3]. Закономерности организации текста находят выражение в категориях, в число которых на правах обязательной входит категория модальности. Именно модальность, за которой стоит способность человека выражать свое отношение к сообщаемому и сообщаемого к действительности, может рассматриваться как

текстообразующая категория, обуславливающая закономерности организации антропотекста. В организации антропотекста исключительно важную роль играют как объективная, так и субъективная модальности. Первая, являясь стратегической категорией, наводящей «основные онтологические мосты между текстом и реальностью» [Руднев 2000: 5], определяет характер модальной структуры текста. Вторая, тактическая, обуславливает ее вариативность.

С целью выявления и описания модальной структуры антропотекста (текста, рассматриваемого в аспекте моделирования языковой личности) был проведен эксперимент, в котором приняло участие 75 человек, принадлежащих к одной возрастной и социальной группе (студенты-филологи младших курсов). Каждому испытуемому была предъявлена репродукция картины Г. Курбе «Борцы» (1853) без указания атрибутивных данных (имя художника, название, год создания и проч.). Участникам эксперимента предлагалось письменно описать изображение. Задание формулировалось следующим образом: «Рассмотрите репродукцию и опишите ее, опишите то, что вы на ней видите. Не задумывайтесь надолго над стилем и орфографией, пишите спонтанно». Формулировка задания исключала определенные варианты его выполнения. На вопрос некоторых испытуемых, уточняющий речевой жанр работы («Написать сочинение?», «Писать сочинение-описание картины?»), экспериментатором давался положительный ответ. Никакой другой дополнительной информации, например, пояснения не понятных испытуемому деталей изображения и проч., экспериментатор не давал. Время выполнения задания и его объем в среднем составляли от 15 до 30 минут и менее одной тетрадной страницы на каждое описание.

Использование в эксперименте репродукции картины было продиктовано следующими соображениями. К произведению искусства человек относится не как к сплошному вымыслу, а как к своего рода действительности, с которой он соотносит содержание собственного текста. В то же время эта «своего рода действительность» имеет знаковую, а значит, редуцированную форму существования. При восприятии знаково редуцированной действительности человек оказывается в ситуации, требующей от него модального самоопределения.

Условия проведения эксперимента (имеющийся у всех реципиентов опыт написания сочинения-описания картины, отсутствие подготовки к выполнению задания, а также связи задания с индивидуальными и групповыми интересами испытуемых) обусловили сходства и различия полученных текстов описаний. Так, некоторые тексты были озаглавлены. В ряде текстов были отмечены усвоенные в школьном практикуме по развитию речи речевые формулы. Индивидуальные особенности реципиентов,

жизненный опыт, общекультурный уровень, словом, все то, что определяется как «картина мира», сказались в отборе и компоновке материала описания, а также речевом почерке пишущего. В то же время обобщение языкового материала позволило обнаружить сходства и различия иного рода, а именно: более или менее общие тенденции в описании предложенной репродукции картины.

По особенностям представления изображенного на репродукции картины в ее описании были выделены три группы текстов. Тексты каждой из трех групп являются однородными в сравнении с текстами других групп и в то же время разнородными в пределах выделенной группы. Однородны они в плане общей для них объективной модальности. Если воспользоваться известной терминологией, но в ином, нежели привычный для нее контекст употребления, то можно говорить о текстах с условным, императивным и изъявительным (декларативным) модусами как «конфигураторами» содержания. Причиной разнородности текстов внутри выделенных групп является субъективная модальность.

Представляемая таким образом модальная структура текста обнаруживает себя на всех уровнях описания языковой личности, содержательно специфицируя каждый из них.

Приведем описание текстов с императивной модальной структурой.

Модус текстов данной группы может быть представлен следующим образом: автор воспринимает изображенное на картине, фокусируя свое внимание на особенностях его (изображения, наглядного сообщения, передаваемого художником) функциональной организации. Для него актуален вопрос о функции, функциональной предназначенности изображенного на картине. Содержательно-концептуальная информация текстов с императивной модальностью разнородна.

В нескольких текстах варьируется мысль о том, что для художника была важна сама борьба, а не соревнование, которое было всего лишь поводом, возможностью увидеть и запечатлеть борьбу: *Для автора картины важны только двое. <...> Все действие происходит на стадионе, но мы видим лишь ту часть пространства, где находятся спортсмены. И можно сделать вывод, что автору картины важен лишь момент сражения. Эти два борца – единственные герои¹.*

В другой части текстов с императивной модальностью варьируется мысль о единстве человека и природы, гармонии их отношений: *Сразу же бросается в глаза гармония человека и природы. Красота природы сливается с красотой и силой человеческого тела. Почему-то борцы ассоциируются с природными стихиями:*

¹ Орфография и пунктуация оригиналов сохранены.

каждый из них силен, и победит кто-то один. Обнаженные тела подчеркивают единение и неразрывность человека и природы, рельефные мышцы, свидетельствующие о силе наводят на мысль о силе природы: о сильном ветре, палящем солнце. Невольно задумываешься о том, что человек все-таки часть природы, как бы он ни пытался от нее обособиться.

Наконец, авторы некоторых текстов данной группы видят в изображенном на картине некое противоречие, противопоставление: *Это Я вижу картину на которой изображены двое мужчин. На мой взгляд это достаточно противоречивый рисунок. Потому что на фоне природы, такого красивого пейзажа показаны борющиеся мужчины. Природа, это символ добра и спокойствия, именно ее защищает человек, создавая определенные группы и организации по защите ее. А эти мужчины в моем понимании символизируют агрессию, зло, деспотичность.*

В необходимости такой, а не иной интерпретации изображенного на картине авторов текстов данной группы убеждают колорит и композиция картины, изображение борцов – положение тел, движения рук, позволяющие художнику выделить то, ради чего картина и была написана.

Таким образом, предметом описания в текстах с императивной модальностью являются закономерности функциональной организации изображенного на картине. Описание строится по схеме: изображено X; изображение X есть средство изображения Y. Здесь X и Y находятся в отношении функции и ее переменной. Функциональная предназначенность X заключается в том, чтобы давать представление об Y. Здесь Y фиксирует ту или иную определенность видения X, которая возникает в результате или как следствие формирования в процессе восприятия изображения общего эмоционального настроя, мироощущения реципиента. Эмоция определяет избирательность автора текста в восприятии изображенного на картине.

В текстах с условной модальной структурой реализуется установка автора на стереотипизацию описываемого изображения, вследствие чего содержание текстов данной модальности является малоструктурированным и обладающим низкой системной организацией: *На картине изображены двое молодых мужчин крепкого телосложения, которые борются друг с другом. Битва происходит в специально отведенном для этого месте, но не на ринге. Возможно, это специальная площадка для борьбы. Мужчины борются по правилам, так как они применяют различные приемы. Возможно, со стороны, с которой они наблюдали эту картину находятся зрители. Они за границами этой картины, но они все же есть. Возможно, этот поединок происходит в древности. День для поединка выбрали теплый, солнечный,*

приблизительно полдень. Можно предположить, что такие поединки происходят довольно часто.

Яркой особенностью текстов с изъяснительной модальной структурой является перевод описания во «внекартинный», повествовательный регистр: *Голубое небо, зеленая трава, мягкий свет солнца – спокойствие. Но среди этого спокойствия двое борцов. Вокруг публика, которая жаждет борьбы, действия. Зрелища. Эти борцы скорее вынуждены драться друг с другом. Это рабы. Своеобразная арена станет для одного из них смертным одром, ведь зрители будут требовать чтобы победитель подтвердил свою победу смертью соперника. Это жестокий принцип борьбы, но для окружающих важно лишь действие, а не несчастные судьбы этих борцов.*

Спокойствие нарушается криками толпы...

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139с.
2. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] / Ю. Н. Караулов // Язык и личность: Сб. статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – 211с.
3. Руднев, В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста [Текст] / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 432с.

Ю.А. Воронцова
Белгород, Россия

РЕМИНИСЦЕНЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВОК ТЕКСТОВ СМИ

Язык является мощным средством коммуникативного воздействия на массовое поведение. Он позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интерпретировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку.

Авторитет внушающего что-либо обычно поддерживается специальными приемами, усиливающими это воздействие, – принятыми в обществе представлениями, манерой речевого поведения. Само же эмоциональное воздействие предполагает использование специальных языковых средств, специального подбора слов и специального построения фраз. Поэтому в качестве эмоционально-оценочных актуализаторов в СМИ очень часто используются реминисценции. Поскольку реминисценции не только известны, но и прочно закреплены в сознании носителей русского языка. К тому же «коммуникация на новый современный манер требует от его

участников большого количества историко-культурных знаний и навыков, умения эти знания облекать в слово и воспринимать в слове» [Бурвикова, Костомаров 2003: 428]. А употребление в текстах СМИ стереотипного, понятного для адресата устойчивого выражения является сигналом принадлежности к данному социуму, сигналом связи с его культурой и традициями, так как реминисценции составляют «расхожий инвентарь массового искусства и осознаются обществом как неотъемлемая часть его социального бытия» [Винокур 1980: 177].

Эффективное речевое воздействие (применительно к текстам СМИ) – это такое воздействие, которое позволяет донести до адресата основную мысль сообщения (информации) с реализацией коммуникативных установок адресанта и достигнуть эмоционального и интеллектуального единства адресанта и адресата в понимании политического, экономического, социального, морально-нравственного, культурного и т.п. смысла высказывания.

В соответствии со своим коммуникативным намерением адресант отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым денотативным значением и прагматическим потенциалом, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. В результате текст приобретает определенное прагматическое содержание, обладающее возможностью произвести некоторый коммуникативный, модальный и эмоционально-экспрессивный эффект на адресата.

Традиционно коммуникативная установка (задача) трактуется как предрасположенность адресанта к передаче определенной информации с расчетом на достижение ее планируемого результата. Семантические параметры коммуникативной установки на адресата могут быть соотнесены с возрастным, национальным, социальным, интеллектуальным, эмоциональным и другими аспектами языковой личности. Коммуникативное намерение адресанта должно согласовываться с этими аспектами. Другими словами, каждый текст (в данном случае текст СМИ) рассчитан на определенную модель адресата. «Удовлетворение presupпозиции адресата составляет одно из важнейших условий эффективности» коммуникации [Арутюнова 1981: 358]. В свою очередь установка на определенную модель адресата, носящая коммуникативно-прагматический характер, предопределяет конкретные параметры порождаемого адресантом высказывания, это отражается и в отборе языковых средств.

Коммуникативная востребованность реминисценций (независимо от их происхождения) в качестве номинативных единиц эмотивно-оценочного характера обусловлена желанием адресанта и обозначить референтную ситуацию, и выразить

собственное отношение к ней, и отправить эту информацию адресату, тем самым воздействовать на него определенным образом. Причем, адресант в условиях нарративного сообщения с помощью реминисценций реализует разнообразные коммуникативные установки, например:

1. Дать характеристику описываемой ситуации: *...Хотели подарок, а получилось как всегда...* (НТВ, «Сегодня» 8.01.2003) – о том, что в поселке Валдай власти хотели сделать новогодний подарок населению в виде нового отопительного котла, но система отопления не выдержала, жители остались без тепла. Ср.: *Хотели как лучше, а получилось как всегда.*

2. Сформировать определенное мнение адресата: *Дело Литвиненко: между законом и паранойей (заголовок). ...В ожидании результатов следствия оказались «перемыты косточки» всем версиям. Но самой близкой для публики, которая помнит «холодную войну», вновь оказался «кремлевский заговор»...* (АиФ №52, 2006). Сложность и противоречивость описываемого фрагмента действительности актуализируется с помощью значения реминисценций *перемыты косточки* (ср.: *перемывать / перемыть косточки* – «сплетничать, злословить, судачить о ком-либо»), *холодная война* – «враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении Советского Союза...». Реминисценции призваны сформировать у читателей негативное впечатление.

3. Воздействовать на эмоциональную и интеллектуальную сферы языковой личности: *Неожиданно для всех, а в первую очередь для России, Польша взяла да и наложила вето на начало переговоров о заключении соглашения России с Евросоюзом. Причина – ...в запрете импорта польского мяса, овощей в Россию, из-за которых Польша теряет до одного миллиона евро. Найти бы чиновника по фамилии Сусанин для улаживания этого конфликта* (АиФ №52, 2006). С помощью прецедентного имени *Сусанин* автор рассчитывает на понимание читателями «закадрового» смысла фразы.

4. Создать комический эффект: *Премьер-министр Канады с удивительным тактом замял скандал, вызванный заявлением своей советницы: она назвала президента США «слабоумным». Жан реабилитировал Джорджа с грациозностью бегемота: «он совсем не идиот. Он – друг» Скажи мне, кто твой друг...* (КП №220, 2002). В данном случае автор рассчитывает на читательскую эрудицию. Адресаты без особых усилий восстановят усеченную часть пословицы *и я скажу кто ты*, которая является главной частью смысла всего текста.

Неистовый Ж. (В. Жириновский) предложил судить и «расстрелять... 10 министров, 10 депутатов, 10 чиновников, 10 генералов на Лобном месте». Для примера, чтобы они стухнули и начали пахать на благо России.

Не уточнил, правда Ж., как отбирать кандидатов. По алфавиту? Ну тогда уж по алфавиту Людоедки Элочки. Он на «Ж» начинается (помните, «Ж-железно!!!»). Для примера... (КП 23.01.2004). Упоминание персонажа из произведения И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев».

5. Передать информацию: *Русские прорубили окно в Вашингтон (заголовок) (АиФ №1-2, 2007) – о первом американском политике из России. Русские прорубили окно в Вашингтон* представляет собой реминисценцию из «Медного всадника» А.С. Пушкина (ср.: *Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море*. Выражение *Окно в Европу* восходит к «Письмам о России» итальянского писателя Альгаротти). Подобные статьи, содержащие нейтральную информацию, обладают познавательной ценностью, так как они не только повышают уровень информированности читателя, но и способствуют накоплению житейского опыта.

6. Сделать критическое замечание: *...Новогоднюю благодать портят вороватые чиновники, прижимистые олигархи, вечно недовольная нами Европа. Несмотря на массовое разоблачение «оборотней», продолжает расти коррупция. Сквозь пальцы прокуратуры и чекистов продолжает утекать за границу миллиарды натыренных долларов... (АиФ №52, 2006). В данном случае реминисценция сквозь пальцы (ср.: *смотреть сквозь пальцы* – «сознательно не замечать что-либо предосудительного»)) выражает негативную оценку итогов работы правительства.*

Таким образом, воздействие в текстах СМИ обусловлено зависимостью употребления языковых единиц (реминисценций) от целей сообщения и адресата, а также от коммуникативного намерения говорящего. Адресант для достижения поставленных коммуникативных установок в текстах СМИ должен уметь выбирать языковые средства не только наиболее точные в смысловом отношении, ситуативно уместные и максимально выразительные, но и ориентированные на массового адресата.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. – Т. 40, 1981. – № 4. – С. 356-367.
2. Бурвикова, Н.Д., Костомаров, В.Г. Единицы лингвокультурного пространства (в аспекте проблемы толерантности) [Текст] / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллект. моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 426-440.
3. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц [Текст] / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 238 с.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ СЕРОГО ЦВЕТА

Цветовая сфера составляет глубинный пласт когнитивного пространства. Это мощный гносеологический аккумулятор, хранящий богатую информацию о сложных процессах постижения человеком окружающей действительности. Цвет является условным знаком, за которым скрываются «потаянные смыслы разноликого бытия».

Как визуально воспринимаемое явление, цвет в сознании человека ассоциируется с предметом, не случайно в словарях цветовые лексемы определяются через отнесенность к типичному носителю данного цвета, например: *зеленый* – цвет травы, *черный* – цвет угля, *белый* – цвет снега [Ожегов 1998: 871]. Исследователи при описании языка концептов цвета также рассматривают его во взаимосвязи с одним конкретным и универсальным для всех языков объектом, носителем этого цвета: *желтый* – с солнцем, *красный* – с огнем (см., например: [Вежбицкая 1997]).

В зависимости от гносеологической, эмоционально-оценочной, эстетической значимости для человека, в процессе развития концепт «Цвет» обогащается дополнительными смыслами, т.е. наращивает символический ореол.

Понимание символа в науке неоднозначно. В философии, культурологии и литературоведении символ – это «условный знак какого-то понятия, явления, идеи», например, пять колец – символ Олимпийских игр [Кузнецов 2006], чаша и змея – символ медицины. Данные символические смыслы – результат исторически и культурно сложившихся связей между явлениями и предметами действительности. Символ в таком понимании – это нечто внешнее по отношению к языку.

Лингвистика же занимается изучением языкового символа, т.е. исследует символический потенциал, заложенный и реализованный в языке. Лингвистический символ, возникающий в результате сочетаемости вербальных компонентов, складывается в коллективном языковом сознании. На способность концепта приобрести символические составляющие влияют не столько его концептуальные признаки, отражающие свойства явления действительности, сколько отношение к этому явлению языкового коллектива.

Цвет в русском языковом сознании выступает как особый способ осмысления мира, как мерило действительности. Это глобальное аксиологическое явление, посредством которого познается окружающее людей пространство. Каждый цветовой концепт имеет индивидуальный символический потенциал. Серый цвет среди богатого спектра цветовых концептов на первый взгляд кажется самым «безликим». Тем не менее

он интересно представлен в языке и имеет собственную систему символических значений.

В мифолого-культурологических словарях серый цвет предстает как символ старости и мудрости, см., например: [О'Коннелл, Эйри 2007: 114-115], или «ассоциируется с землей и произрастанием» [Словарь символов 1994: 555].

Языковой материал дает совершенно другую информацию. Серый цвет называют «смешанным» цветом, рожденным в результате сочетания белого и черного, причем, как отмечает А. Вежицкая, «в случае со «смешанными» один компонент всегда ощущается как более весомый... Серый представляется как разновидность черного, а не белого» [Вежицкая 1997: 278].

В словарях *серый* толкуется через апелляцию к денотату. Так, МАС определяет его как «цвет пепла, получаемый при смешении черного с белым», С.И. Ожегов трактует как «цвет пепла, дыма», словарь под ред. С.Н. Кузнецова – как «цвет пепла, дыма, асфальта, мыши».

Е.В. Рахилина считает такое толкование далеким от действительной семантики слова *серый* (в словарях представлена попытка отождествить серый цвет, не имеющий ясного прототипа, с близким по цветовому значению пепельным, для которого связь с прототипом прозрачна) и предлагает трактовать его посредством идеи «плохо видный». Отсюда «явно выраженная отрицательная оценка (серый цвет – безусловно «плохой») и коннотации безликости, стертости (*ночью все кошки серы*). Серые звери, отмечает автор, тоже «незаметные», прячущиеся – мышь, волк, заяц». Идея безликости не позволяет сочетаться слову *серый* с именами, обозначающими что-то хорошо видимое: *флаг, знак* и т.п. [Рахилина 2000: 180]. Как нам представляется, признак «плохо видный» не является единственно определяющим для содержательного пространства концепта «Серый». Он не достаточно отражен и в семантической структуре основного имени концепта, зафиксированной в толковых словарях [СО; СТС; МАС]: 1. Цвет пепла. 2. *Перен.* Болезненно бледное (о лице). 3. *Перен.* Пасмурный, тусклый (о погоде). 4. *Перен.* Бесцветный, ничем не замечательный, заурядный, неинтересный; посредственный, безликий. 5. *Перен.* Необразованный, малокультурный.

Как нам кажется, семантическое пространство языка концепта «Серый» можно представить цепочкой логически связанных умозаключений, помогающей проследить процесс постижения человеком мира сквозь призму серого цвета.

- Серый цвет возник в результате смешения контрастных, полярных цветов – черного и белого (*серый материал, серый волк*).

- В итоге он не черное и не белое, а нечто **неопределенное, безликое** (*Рабочее помещение не должно быть серым и безликим*).

- Неопределенность делает его **неярким** (*Одевайтесь в цветную одежду! Надоела серость на улицах*), **непраздничным, обыденным** (в этом сером будничном платье), **нездоровым** (серое лицо), **пасмурным** (серый, ненастный день).

- Вследствие неяркости он **не выделяется** (*серая мышь; Люди возмущены, что к ним относятся как к серой безликой массе*).

- Следовательно, является **невидным** и, конечно, **незаметным** (*серый кардинал; Ни один автомобиль в свадебном кортеже не останется серым*),

- Последнее позволяет ему быть **нелегальным** (*серый товар, серый импорт, серые поставщики*).

- Все эти признаки серого цвета вызывают **отрицательные, безрадостные эмоции** (*Среди серых, хмурых лиц / Ты молчишь и ненавидишь*).

- Это нечто нейтральное, обыденное, не выделяющееся **является неинтересным для русского языкового сознания** (*серая жизнь, серый писатель*),

- А неинтересное не способствует познанию, постижению культуры. Таким образом, в гносеологической сфере появляются новые концептуальные признаки «необразованное» и «некультурное» (*Он еще совсем серый, ему многому нужно учиться*). В некоторых контекстах *серый* приобретает оттенок значения не просто «некультурный», а «противник, гонитель культуры и образованности». Ср., например, символическое значение слова *серый* в повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом»: «Дон Рэба организовал «охранную гвардию» – «Серые роты». Он словно не знал ничего, кроме параноической задачи – истребить культуру». «Серые штурмовики», «серые офицеры», «серые люди, стоящие у власти» – повторение этой «цветовой» характеристики создает ощущение присутствия гнетущей силы, стремящейся уничтожить культуру, интеллигенцию, любое проявление неординарности и свободной мысли.

- Особый символический оттенок, близкий к «необразованному, некультурному», – «простой, **грубый**, неотесанный» – мы встречаем в словаре В. И. Даля: «Серый мужичок, серяк – простой грубый рабочий, черный, лапотник» [Даль 1980: 381]. Но здесь же отмечается еще один (относящийся уже к эмпирической сфере) признак – «**грубый**, плохого качества», который не зафиксирован в современных словарях и, по-видимому, уже неактуален: «Серая бумага – грязного цвета, самая простая, низкой руки» [Даль 1980: 381].

Вместе с тем нельзя утверждать, что серый цвет рождает однозначно отрицательные ассоциации. *Серый* в первом значении, в определенной сочетаемости – *серые глаза, серый палантин* – может иметь положительную оценку. Вспомним «сероглазого короля» А.Ахматовой или Ирэн в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси – «даму в сером», идеал изысканности, утонченности. Не случайно также наличие синонимов у *серого*, которые помогают сделать акцент не только на отрицательных оттенках (*мышинный, мышастый, землистый*), но и на положительных (*серебристый, жемчужный, дымчатый*) или неоднозначно оцениваемых (*пепельный, стальной*).

В последние годы, прежде всего в неформальной Интернетовской публицистике, можно встретить полемически заостренное переосмысление оценочного ореола концепта «Серый». Авторы пытаются уйти от черно-белого, полярно-конфронтационного мышления к гармонии и толерантности, обыгрывая значение промежуточности серого цвета, слияния в нем черного и белого, а значит – хорошего и плохого, стремясь полемически, эпатажно поменять устоявшийся знак оценки с отрицательного на положительный. Отсюда – появляющиеся в Интернете «манифесты», подобные «Хартии Серости» некоего Владислава Серого, который рассматривает серость как *«преобразующую силу для борьбы и равновесия, хаоса и порядка, понимания и отрицания, любви и ненависти»*, или Интернет-дневнику «Серость: путь к свободе» пользователя под ником skeetalez, интерпретирующего серость как новую, третью силу: *«Между светом и тьмой есть полумрак. Серость, где свет не столь ярок, чтобы ослепить вас, а тьма не столь густа, чтобы лишить вас видения. Среди двух крайностей полумрак всегда будет свободой»*.

Таким образом, в семантическом пространстве языка концепта «Серый» выделяются несколько логически связанных признаков эмпирической сферы: «неопределенное» – «неяркое» – «невыведенное» – «незаметное», – которые, перемещаясь в другие сферы, рождают новые признаки: в эмоциональной – «безрадостное», в оценочной – «неинтересное» и, наоборот, «уравновешивающее», в гносеологической – «некультурное», «необразованное», в сфере правосознания – «нелегальное».

Список литературы

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежицкая; пер. с англ., отв. ред. М.А Кронгауз, вст. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – Т. 4. – М.: «Русский язык», 1980.
3. О'Коннелл, М., Эйри, Р. Знаки и символы. Иллюстрированная энциклопедия [Текст] / О'Коннелл, М., Эйри, Р. – М., 2007. – С. 114-115
4. МАС: Словарь русского языка [Текст] : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. Яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т.4. – 794 с.
5. СТС: Современный толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2006. – 960 с.

6. СО: Ожегов, С.И и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
7. Словарь символов [Текст]. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
8. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

О.В. Дробышева
Челябинск, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

В современном обществе весьма актуальна проблема гармоничности мужского и женского начала в человеке. Одно из проявлений этой проблемы, заключается в том, что в результате обострения противоречия своего биологического пола и психологических ощущений половой идентификации человек утрачивает свою гендерную целостность, что влечет определенные социальные трудности. Еще в начале 20 века интерес ряда исследователей был сфокусирован на взаимоотношении биологического пола и коммуникации. К середине 70-х годов психологи разработали и стали активно применять Гендерный подход в рассмотрении коммуникативных дифференциаций мужчин и женщин, что позволило успешнее решать актуальные социологические проблемы. Вслед за психологами лингвисты установили, что гендерная идентификация личности находит отражение в языковой системе, речевой деятельности, особенностях коммуникации. Это стало причиной появления нового направления социолингвистики, занимающегося изучением языковых дифференциаций мужчин и женщин.

Различия в вербальном поведении мужчин и женщин были замечены лингвистами довольно давно. Еще в 19-ом столетии они обратили внимание, что во многих случаях мужчины и женщины говорят по-разному, а в отдельных ситуациях их речь может различаться значительно.

Так, мужской и женский стили письма – это предпочтения в использовании тех или иных языковых средств мужчинами и женщинами в письменной речи. Термин не следует путать с термином "женское письмо". Исследования, проведенные на базе русской письменной речи обычных носителей языка, установили определенные статистические закономерности, свойственные мужскому и женскому стилям письма. Следует заметить, что одним из первых исследований в отечественной лингвистике в данной области была работа Т. Б. Крючковой [1975], которая экспериментально изучала особенности мужской и женской русской письменной речи. Ею было установлено, что женщины употребляли больше местоимений и частиц, в речи женщин также наблюдалась тенденция к более частому употреблению частиц "не" и "ни", а у мужчин -

к более частому употреблению существительных. Исследование в этой же области (высчитывались специальные параметры, измеряющие определенные характеристики речи: связанность, динамизм, качественность, предметность, сложность и прочее, используемые при лингво-статистическом анализе текста), выявило, что мужской письменной речи, при сравнении ее с женской, присущи следующие особенности: 1) предложения по своей длине в среднем короче женских; 2) большая частота грамматических ошибок; 3) более высокая частота использования существительных и прилагательных; в свою очередь, гораздо меньше глаголов и частиц.

Мужчины употребляли также больше качественных и притяжательных прилагательных, причем качественные прилагательные употреблялись в основном в положительной степени (а не в сравнительной или же превосходной степенях). Помимо этого, мужчины значительно чаще использовали прилагательные и существительные женского рода, т. е. существовала явная ориентация на использование слов, "противоположных" по роду; 4) превалировали рационалистические оценки, оценок с социальной точки зрения делалось крайне мало. Эмоциональных и сенсорных оценок в речи мужчин также меньше; мужчины выделяли чаще эстетическую, нежели этическую сторону предмета или явления окружающей действительности; 5) именно мужчины изображают мир и действительность в большем разнообразии качественных характеристик, красок и признаков, чем это делают женщины; 6) при анализе синтаксической структуры женских и мужских текстов было выявлено, что мужчины чаще используют подчинительную, а не сочинительную связь; 7) реже встречаются восклицательные и вопросительные предложения; 8) реже используются неполные предложения и эллиптические конструкции; 9) обратный порядок слов менее свойственен мужской письменной речи [Горошко 1998: 37].

По мнению Т.В. Гомон, можно выделить комплекс поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи. К поверхностным признакам относится компетентное описание фрагментов действительности, где традиционно главенствуют женщины: приготовление пищи, ориентация в проблемах моды, воспитания, домашнего хозяйства, или мужчины: ремонт техники, домашний труд при помощи слесарных и подобных инструментов, знание спортивных команд и т.п. Следует также различать психолингвистические навыки мужской (женской) письменной речи [Гомон 1990: 131]. К ним относятся **мужская письменная речь**: (использование армейского и тюремного жаргона; большое количество абстрактных существительных; частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: конечно, несомненно, очевидно; употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета

или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие приемов при передаче эмоций; сочетания официально и эмоционально-маркированной лексики при обращении к родным и близким людям; использование газетно-публицистических клише; употребление нецензурных слов как вводных и однообразие используемых нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы; преобладание глаголов активного залога; частое употребление переходных глаголов; несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи. **Женская письменная речь:** наличие множества вводных слов определений, обстоятельств, местоименных подлежащих, дополнений; наличие модальных конструкций, выражающих различную степень предположительности, неопределенности: может быть, по-видимому, по-моему; склонность к употреблению престижных, стилистически возвышенных форм, клише, книжной лексики; использование коннотативно нейтральных слов и выражений; большое количество эвфемизмов; употребление оценочных высказываний; большое количество эвфемизмов; употребление оценочных высказываний; употребление слов и словосочетаний с дейктическими лексемами вместо называния лица по имени; большая образность речи при описании чувств; многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных; инвективы, как правило, задевают биофизиологические характеристики женщины: внешность, возраст, сексуальность; в инвективах высокую частотность обнаруживают зоонимы, преобладают ругательства – существительные и глаголы в страдательном залоге; высокочастотным является также использование конструкций (наречие + наречие); часто употребляются простые и сложносочиненные предложения; наблюдается преобладание синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации; высокая эмоциональная окраска речи в целом.

В целом письменная речь мужчин и женщин очень незначительно отличается по использованию тех или иных частей речи. Вне зависимости от намеренного искажения признаков письменной речи есть ряд параметров, которые в совокупности дают возможность с большой степенью вероятности определить текст как мужской или женский [Ощепкова 2003: 61].

Мужской текст короче женского, в нем больше ошибок, меньше отрицательных частиц и приставок, меньше терминов семантической безысключительности, разнообразие словаря – больше (причем, мужчины склонны употреблять лексику, относящуюся к периферии словаря) и меньше речевых клише. Качественный анализ мужских текстов показал, что в них намного меньше описаний и упоминаний своих эмоций, особенно не согласующихся с образом "настоящего мужчины". Женский текст,

напротив, напоминает больше речь в состоянии эмоционального напряжения: в нем будет много отрицательных частиц, терминов семантической безысключительности, речевых клише и штампов, часто употребляемых неправильно, кроме того, в текстах женщин часто присутствуют и упоминания своих собственных разнообразных эмоций. Кроме того, при имитации речи лица противоположного или своего пола, т.е. искажении признаков текста, морфологические различия будут увеличиваться и изменяться в зависимости от того, речь лица какого пола имитируется [Ощепкова 2003: 79].

Однако возникает вопрос, к каким текстам "мужским" или "женским" следует относить тексты сексуальных меньшинств или гермафродитов. По мнению В.П. Беянина "мужские" и "женские" тексты не всегда совпадают с физиологическим полом автора. В подтверждение этого положения можно указать факт, что тексты некоторых писателей, например, Г. Мопассана, могут быть определены как "женские", хотя их автор – мужчина [Беянин 2000: 248]. Разрешить данное противоречие помогает патологический подход к тексту, указывающий, какая акцентуация может быть присуща автору текста, исходя из особенностей употребления им языковых средств. Так, например, автором типично "женских" текстов может быть мужчина с истероидной акцентуацией, а женщина с паранойяльной акцентуацией, напишет, скорее "мужской" текст [Ощепкова 2003: 94]. То есть, при определении пола автора текста речь должна идти скорее о таких психологических характеристиках как маскулинности и феминность или о его акцентуации.

Список литературы

1. Беянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе [Текст] / В.П. Беянин. – М.: Триволла, 2000. – 248с.
2. Гомон, Т.В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой [Текст] : дисс. канд. юрид. наук / Т.В. Гомон. – М., 1990. – 148с.
3. Горошко, Е.И. Язык и гендер [Текст] / Е.И. Горошко // Дайджест теоретических материалов информационного листа «Посиделки» 1996-1998 г.г. – Санкт-Петербург, 1998. – С.34-39.
4. Крючкова, Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами [Текст] / Т.Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики / Под.ред.Ю.А. Сорокина,А.Н. Шахнаровича. - М., 1995. – С. 186-199.
5. Ощепкова, Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматические аспекты) [Текст] : дисс. канд. филол. наук / Е.С. Ощепкова. – М., 2003. – 140с.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Исследование коммуникативных стратегий и тактик является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Этот исследовательский объект изучается в работах многих зарубежных и российских ученых (см.: Верещагин, Ротмайр, Ройтер 1992; Гойхман, Надеина 1997; Дейк 1989; Иссерс 2003; Макаров 2003; Паршина 2004; Пионтковски 2003; Сафонова 2001; Седов 1998; Янко 2001 и др.).

Как пишет О.С. Иссерс, термин «коммуникативные стратегии» вошел в активное употребление с середины 80-х годов XX века, что отражает усиление *прагматического подхода* в языкознании [Иссерс 2003: 52]. О.С. Иссерс замечает, что стимулом для возросшего интереса к прагматическому подходу явились экстралингвистические факторы, а именно формирование социального заказа на знание закономерностей человеческого общения, а также потребность в информации, учитывающей феномен жизни человека со всеми его психическими, социальными и этнокультурными характеристиками. Это привело к интенсивному взаимодействию гуманитарных дисциплин и появлению исследований, посвященных общим и частным проблемам философии коммуникации и различных теорий, интерпретирующих процессы речевого общения. К числу данных теорий можно отнести исследования коммуникативных стратегий [Иссерс 2003: 14].

Л.М. Макаров отмечает, что стратегии общения представляют собой «цепочку решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств» либо «реализацию набора целей в структуре общения» [Макаров 1998: 137].

Близкую трактовку можно обнаружить в исследовании Т.Е. Янко, которая под коммуникативной стратегией понимает выбор коммуникативных намерений, распределение квантов информации по коммуникативным составляющим и выбор порядка следования коммуникативных составляющих в предложении [Янко 2001: 38-39].

Стратегии общения в самом широком плане определяются, по мнению А. А. Романова [Цит. по: Макаров 1998: 138], как «тип или линия поведения одного из коммуникантов в конкретной ситуации общения, которые соотносятся с планом достижения преимущественно глобальных (а иногда и локальных) коммуникативных целей в рамках всего сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа».

Таким образом, коммуникативная стратегия представляет собой совокупность лингвистических и экстралингвистических действий говорящего, направленных на оптимальное решение его коммуникативных целей и задач в меняющихся условиях общения.

Стратегия самопрезентации в той/иной степени присутствует при любых условиях коммуникации в качестве вспомогательной стратегии [Иссерс 2003: 74]. В этой связи нельзя не отметить суждения А.В. Олянича, продуктивно развивающего презентационную теорию дискурса. Ученый выделяет презентационную функцию в качестве особой функции языка и речи (дискурса). Мы солидарны с мнением А.В. Олянича утверждающего, что «... мир стал ярче, иллюстративнее, демонстративнее, на его просторах возникла реальная опасность затеряться и не получить от него того, что задумала получить конкретная личность. В то же время возникли колоссальные возможности заявить о себе и добиться реализации своих потребностей, “упаковав” намерения в привлекательный образ» [Олянич 2004: 9]. Таким образом, от успешной реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности зависит реализация всех остальных ее интенций.

Проблема самопрезентации была поставлена, в первую очередь, основателями «символического интеракционизма». Идеи классиков этого направления (Ч. Кули, Дж. Мид, Г. Блумер, М. Кун, Т. Макпартленд, И. Гоффман, Т. Шибутани и др.) во многом определяют современное представление о самопрезентации человека.

Начало экспериментального изучения самопрезентации в американской психологии относится к концу 60 годов, в 70-е г наблюдается всплеск интереса к проблеме со стороны общих и социальных психологов, исследовавших макиавеллизм (социальную желательность) как характеристику личности. В 80-е годы социально-психологические исследования посвящены вопросу реинтерпретации психологических феноменов с позиции теории управления впечатлением.

Современные концепции самопрезентации можно условно разделить на мотивационные, личностные и ситуационные.

Мотивационные теории анализируют процесс самопрезентации с точки зрения базовых мотивов, на реализацию которых направлена самопрезентация. Так, по мнению Е. Джонса и Т. Питтмана (1982), в основе процесса самопрезентации лежит мотив власти, т.е. стремление поддержать и расширить влияние в межличностных отношениях. Согласно Джонсу и Питтману, можно выделить пять основных стратегий самопрезентации. Каждая стратегия направлена на достижение одного из пяти видов власти (власть обаяния, власть эксперта, власть страха, власть наставника и власть

сострадания). Р. Аркин (1981) и А. Шутц (1998) рассматривают самопрезентацию как поведенческую реализацию мотивации достижения и мотивации избегания неудачи и выделяют в соответствии с этими мотивами приобретающую самопрезентацию и защитную самопрезентацию. Для приобретающей самопрезентации характерен выбор адекватных ролей и задач (соответствующих социальному положению, образованию и пр.), выбор социальной среды, соответствующей уровню идентификации субъекта (общение с равными себе по статусу индивидами). Защитная самопрезентация чаще всего не осознается и проявляется в том, что субъект выбирает неадекватную для решения своих задач среду: либо руководствуясь заниженными требованиями, либо – непомерно высокими.

Личностные теории самопрезентации акцентируют внимание на личностных характеристиках субъекта самопрезентации, т.е. пытаются выявить индивидуальные особенности, связанные со склонностью субъекта управлять впечатлением о себе у партнера по взаимодействию. Среди таких индивидуальных особенностей выделяют, в частности, публичное самосознание (А. Фенигстейн, 1987) и самомониторинг (М. Снайдер, 1987).

Ситуационные теории самопрезентации рассматривают те детерминанты самопрезентации, которые связаны с особенностями ситуаций взаимодействия. Так, М. Лири и Р. Ковальски (1990) связывают самопрезентацию с такими характеристиками ситуации как степень публичности, значимость целей взаимодействия для субъекта, зависимость от объекта самопрезентации и др. Б. Шленкер (2003) отмечает, что большое значение для регуляции процесса самопрезентации имеют нормы и правила взаимодействия, принятые в данной культуре или социальной группе.

В данном исследовании понятие «самопрезентация» мы используем в известной степени как синоним к понятиям «самопредставление», «самоидентификация», «самоподача», «построение своего имиджа» и «самореклама». Это понятие активно изучается в психологии, социологии и политологии. В последнее время оно все чаще стало привлекать внимание также и лингвистов (см.: Иссерс 2003; Паршина 2004; Почепцов 2002 и др.).

Самопрезентация понимается нами эмоциональная «самоподача» оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях.

Коммуникативная стратегия самопрезентации неоднородна по своему отражению в коммуникативных тактиках (совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия).

В рамках стратегии самопрезентации выделяются следующие основные тактики:

1. Тактика акцентирования положительной информации о себе. О.С. Иссерс называет эту тактику «игрой на повышение». Суть данной тактики заключается в том, чтобы продемонстрировать себя в наиболее выгодном свете, создать достойный образ, понравиться окружающим. Одним из самых распространенных приемов реализации тактики положительной самопрезентации является выражение жизнеформирующих приоритетов, ценностей, принципов: «Wer aufhört zu lernen, ist tot!» (из интервью со всемирно известным джазменом Би Би Кингом).

2. Тактика акцентирования отрицательной информации о себе («игра на понижение» в терминологии О.С. Иссерс). Тактика направлена на демонстрацию нестандартных индивидуальных качеств личности, призванных привлечь внимание адресата. Так, в интервью журналу «Der Spiegel» режиссер нашумевших фильмов «Pulp Fiction» и «Kill Bill» Квентин Тарантино признается в употреблении наркотиков: «Ich habe tatsächlich schon mal Cannabis geraucht in meinem Leben. Na und?». Подобные заявления прессе вызывают огромный интерес у читателей / зрителей и приносят их адресантам огромную популярность.

3. Тактика акцентирования отрицательной информации о себе близка тактике эпатирования, продиктованной желанием выделиться среди своих конкурентов. Как правило, стремление продемонстрировать свою оригинальность характерно для людей творческих профессий и подростков. Тактика эпатирования реализуется через отрицание привычных схем поведения или отрицание ценностных ориентиров в данном микросоциуме. Заявления короля эпатажа, американского рок-музыканта Мэрлина Мэнсона, никогда не оставляют публику равнодушной и являются материалом для многих музыкальных критиков: «Ich repräsentiere gleichermaßen den amerikanischen Traum und Alptraum so wie Marilyn Monroe und Charles Manson. Jede Gesellschaft braucht eine Figur wie mich, eine ureigene, atmende Verkörperung des Teufels».

4. Тактика привлечения внимания к себе, акцентирующая внимания адресатов на достоинствах и успехах адресантов. Часто данная тактика реализуется с помощью конструкций *ich habe* + перечисление достижений и *ich bin* + набор качеств: «Erstens habe ich schon einen Oscar. Und zweitens bin ich längst ein A-Liga-Regisseur» (из интервью с Квентином Тарантино).

5. Тактика самовозвеличивания, суть которой заключается в том, чтобы минимизировать похвалу себя и максимизировать неудовлетворенность собой. Данный замысел реализуется путем выдвижения определенных положительных характеристик, исходящих из уст авторитетного человека, за которыми следует комментарий автора,

призванный якобы опровергнуть то, что было сказано о нем: «Ja, es glauben immer alle, dass ich so ein großer Denker bin. Aber ganz ehrlich? Die meiste Zeit denke ich über den größten Mist nach» (из интервью с Райяном Адамсом).

Задачи самопрезентации тесно связаны с интенцией адресанта и с коммуникативной ситуацией в целом. Самопрезентация служит для обозначения многочисленных тактик и ходов, используемых людьми с целью контроля и управления впечатлением, которое они могут произвести на окружающих.

Список литературы

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
2. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Твер. Ун-та, 1998. – 200 с.
3. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса [Текст] : монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
4. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи [Текст] / Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

Л.В. Евсеева
Новороссийск, Россия

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕР»

Трансформация общественно-политического строя в начале 90-х годов XX века стала причиной того, каждая из стран СНГ стала развиваться своим собственным путем: этический, национально-специфический элемент культуры стал полем научного интереса философов, культурологов, психологов, философов... Исследователями, занимающимися проблемами связи языка и мышления, формирования картины мира мужчин и женщин, непосредственных носителей определенного языка и локальной культуры, стали активно обсуждаться вопросы реставрации фрагментов языковой картины мира, выявление национально-специфических черт гендерно-ревалентных структур в сознании.

Феминистическая лингвистика возникла в языкознании в 60-х годах XX века. Ее возникновение обусловлено многочисленными причинами и целого ряда событий. К одной из важнейших можно отнести расцвет философии постмодернизма и появление когнитивной эволюции. Феминистическая критика языка значительно выделяется среди множества направлений в языкознании из-за его ярко выраженного междисциплинарного характера в подходах и методах анализа. Она является как бы продолжением критической лингвистики и становится ее продолжением, т.к. находится

на стыке гендерных исследований языка. Предшественницей постмодернистской теории была структуралистическая философия, целью которой явилось осознание необходимости повышения научности гуманитарного знания через выявление и описание структур в человеческом социуме, психике, сознании и языке и как следствие в мировоззрении. Феномены свободы, воли, эмоций, восприятия не представляли научный интерес, т.к. не подлежали возможности их описания по средствам математических методов. Постмодернистская философия предметом исследования представила критику логоцентрической традиции, т.е. переосмыслила возможность обнаружения рациональной истины, существующей вне человеческой деятельности и независимо от нее. Постмодернистская философия не разделяет действительность и ее восприятие и осмысление, стирая границу между реальностью и миром, отраженным сознанием.

Существование объективной истины ставится под сомнение, само познание реальности считается возможным лишь через языковые формы, т.е. действительность есть результат опосредованности дискурсивной практики. Но сам дискурс не конгруэнтен реальности, а лишь раскрывает феномен власти и подчиненности в обществе. Мишель Фуко отождествлял характеристики дискурса с властными функциями и считал, что все понятия предстают перед человеком не в естественном виде, а как результат дискурса: «Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого преддискурсивного поведения которое делало бы его благосклонным к нам. Дискурс, скорее следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, – во всяком случае, – как некую практику, которую мы им навязываем»[Фуко 1986: 80].

Теоретической базой для феминистской критики языка послужили работы Вильгельма фон Гумбольда выдающегося немецкого философа гуманиста. Так, по мнению немецкого мыслителя «язык есть выражение национального духа, определенный «промежуточный мир», находящийся между мышлением и внешним миром он является той силой, которая превращает мир в идеи, вербализуя и меняя при этом собственный мир, не только создает некий образ мира, но и оказывает действенное на мысли и поступки людей и на разум в целом»[Гумбольдт 1985].

Гипотеза «лингвистической относительности» как концепция сформировалась в 30-х годах прошлого столетия. Отталкиваясь от данной гипотезы следует констатировать тот факт, что язык является не только продуктом общества, но и служит средством формирования его мышления и мировоззрения и являет собой способ познания внешнего мира. «Сам характер познания действительности зависит от языка,

на котором мыслит познающий, организует его в понятия и распределяет значение так, а не иначе»[Уорф 1960] Более того, по мнению Бенжамина Уорфа, наш детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, более того, наши подсознательные процессы включены в сферу влияния и придают ему некоторые типические черты [Уорф 1960]

Безусловно, мощным философским течением, значительно повлиявшим на теоретико-концептуальную базу феминистско-лингвофилософии стал постструктурализм. Центральной темой постструктурализма является «осмысление всего неструктурного в строе» парадоксов, возникающих при попытке познания человека и окружающего мира с помощью языковых структур редуccionизма, построение новых практик чтения»[Руднев 2000]. Идея различия и множественности противостоит логоцентризму. Актуальной представляется тема, взятая на вооружение теоретиками феминизма «о значимости контекста в определении роли и речевых актов и текстов, а так же важность особенности структуры взаимосвязей языка с сознанием и мышлением человека»[Водак 1997]. Что касается аритической лингвистики, то ее цель совпадает с проблематикой феминистской лингвистики, а именно – анализ видимых и невидимых структурных отношений доминирования, дискриминации власти и контроля, выраженных в языке. Исследователи, интересующиеся данным направлением, разделяют точку зрения Ю.Хабермаса по поводу того, что «язык есть средство доминирования и социальной силы. Он служит для законодательного закрепления отношения организованной власти. Насколько законодательно закрепленные (легитимные) отношения власти не выражены, настолько язык идеологизирован»[Водак 1997]. Следует заметить, что идейным вдохновителем лингвистической критики предшествовало появление мощной теоретической базы в рамках философской мысли. Как следствие, напрашивается вывод, что фиминистская критика языка по своим взглядами близка как к концепции критической лингвистике, так и к гендерным исследованиям. Исследовательским полем критической лингвистики является проявление интереса к разоблачению неравенства и несправедливости, где артикулируется проблема пола, т.е. «языкового» неравенства мужчин и женщин. Объектом пристального анализа как в критической лингвистике, так и в феминистской лингвистике является языковое поведение в естественных речевых ситуациях, имеющих общественную значимость (социальные институты, средства массовой информации).

В современное время выделяются несколько направлений в феминистской критике языка. Интересующее нас направление представляет исследование дискриминации образа женщины в языковой картине мира или «ассиметрии в системе

языка, направленных против женщин»[Водак 1997]. Представители данной концепции полагают, что язык есть зафиксированный результат мужского видения мира, навязанные мужчиной ценности и оценки. Следовательно, все языки функционирующие в нашем обществе, являются мужскими. Образ же женщины, отражаемый в языке, изобилует негативными коннотациями и характеристиками.

Исследуя лексикон языка, обнаруживается, что именно он отражает негативные дефиниции в отношении женщин. Понятия «человек» и «мужчина» отождествляются, а во многих европейских языках эти два понятия взаимозаменяемы, женские формы обычно становятся производными от мужских, а не наоборот (учитель – учительница, студен – студентка, преподаватель – преподавательница), лексические средства, описывающие женщин и их качества, имеют часто негативный окрас. В европейских языках образ женщины описывается как собирательный образ негативных качеств и это ярко проявляется во фразеологии, где женщинам противопоставляются мужчины как носители положительных начал и качеств. В переводе с английского языка примерно фразеологизма обозначают следующее: «Мужчины – это сильный пол, Мужчины должны быть хозяевами, а женщинам следует или подчиняться. Место женщины – дома. Это мужской мир (мир человека). (Men a the stronger sex, Men should be bosses and women should work for them, A woman's plas is in the home, it's a man's world). В данном случае проявляется жесткий сексизм в языке.

В контексте данного исследования интерес представляет концепция С.Л.Бем, где рассматривается роль культуры в процессе гендерной самоидентификации индивида. Автор считает, что социальная значимость разделения между мужчиной и женщиной сильно преувеличена, они воспринимаются обществом сквозь призму культуры, в пространстве которой они находятся. Согласно убеждению американской исследовательницы, гендерная самоидентификация личности, оценка транслируемой информации по гендерным характеристикам происходит под влиянием «линз гендера». С.Л.Бем определяет «линзы» как «скрытые предписания в отношении пола и гендера», которые невзирая ощутимые перемены в общественном сознании, остаются «внедренными в культурные дискурсы, общественные институты и души людей»[Бем 2004]. Эвристическую ценность исследовательской идеи составляет тот факт, что формирование гендера проходит параллельно процессу как социализации, так и инкультурации индивида. Человек поступательно усваивает гендер как когнитивную структуру и строит свое мировоззрение, свою личность в соответствии с ней. Автор отводит личности деятельную позицию в создании идентификационной модели собственного гендера. По мнению Бем, поступающая гендерная информация являет

собой «текст» и его понимание зависит от активной позиции читателя. Идея об активной позиции человека в момент создания образа отражаемой действительности, получила продолжение в отечественной психологии. В теории создания гендера С.Бем акцентирует внимание на важности роли культуры как философской базы в процессе гендерной самоидентификации человека. Культура представляет разнообразный спектр значений – это и традиции, и общественная мораль, и особый способ мышления, и особенности общественно-политического развития, и язык, и современная социальная модель отдельно взятого сообщества.

Таким образом, язык отражает и фиксирует распределение в обществе гендерных ролей, когда мужчина представляет нечто творческое, а женщина олицетворяет семейный уют, на фоне домашнего очага, воспитание детей, заботу и сплетни с соседками. Язык долгое время отражал сущностное проявление профессиональной дискриминации женщины. В профессиональной характеристике женщины зачастую подчеркивались и подчеркиваются несколько знания и умение, сколько эмоциональные качества. Иные ученые, занимающиеся проблемами гендера, считают, что социум определяет гендерную идентичность личности, следовательно необходимо рассматривать вопросы связанные с гендерной проблематики под углом ментального контекста. В процессе инкультурации человек усваивает как социальные, так и ментальные установки, которые передаются посредством языка как часть общекультурной этноспецифичной языковой картины мира и в то же время является средством и фундаментом формирования индивидуальной картины мира. Знакомясь с языком, ребенок становится включенным в общество и приобщается к культуре, т.о. в процессе развития и интериоризации новых «полоролевых» установок, в сознании личности происходят изменения, что влечет за собой изменения и в структуре концепта. Исходя из сказанного можно утверждать, что процесс изменения когнитивной структуры осуществляется благодаря новой информации, воспринимаемая носителем языка как значимая в эмпирическом плане и накладываемая на ранее существующие когнитивные структуры. Базовые структуры, называемые «законами» в когнитивной структуре, выполняют стереотипы, т.к. в их основе лежит «гендерно-ролевая идеология, которая в течение исторического (а так же эпохального и социально-концептуального) опыта народа сформировалась на основе выгодных и практических, с точки зрения безопасности и развития, функций женщин и мужчин»[Церетели 2003].

Необходимо подчеркнуть, что формирование когнитивных гендерных структур невозможно анализировать в отрыве от философского обоснования фундаментальных представлений о мире. От исторического контекста, от общенациональной языковой

картины мира. Исследование массива научной литературы, посвященной гендерным исследованиям, позволяет сделать вывод о том, что гендер представляет многоаспектное явление, которое требует комплексный подход с привлечением широкого интегративного методологического аппарата разных наук.

Список литературы

1. Беем, С. Линзы гендера: трансформации взглядов на проблему неравенства полов [Текст] / С. Беем. – М., 2004.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак; пер. с англ., и нем., ВГПУ. – Волгоград: «Перемена», 1997.
3. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс. 1985.
4. Руднев, В.П. Словарь культуры XX в. [Текст] / В.П. Руднев. – М., 2000.
5. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Новое в лингвистике [Текст] / Б.Л. Уорф. – М., 1960. – Вып.1.
6. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет [Текст] / М. Фуко. – М., 1996. – С.80.
7. Церетели, М.О. Традиционная культура, гендерные стереотипы и установка [Текст] / М.О. Церетели // Мир психологии. – № 3. – 2003.

А.Г. Еренская
Челябинск, Россия

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Язык – не просто средство коммуникации, выражения и передачи мысли, он служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации, которая репрезентируется в концептуальной картине мира. Человек как носитель языка одновременно является носителем определенной национально-культурной ментальности и индивидуального способа восприятия действительности. Поскольку язык – это лучшее средство проникновения в сферу ментального, внутреннего мира людей, он является одним из важнейших средств идентификации личности.

Для современной лингвистики человек в языке и конкретная языковая личность, в частности, представляют собой важный объект научного анализа. Изучение различных аспектов языковой личности находится в центре внимания ряда отечественных ученых: Г.И. Богина, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, В.А. Масловой, В.В. Наумова, Н.Н. Розановой и др. Существует множество определений данного понятия. Одно из них принадлежит Г.И. Богину: языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи», будучи носителем речи, человек обладает способностью к использованию языковой системы в целом [цит. по Кубиц 2005: 17].

Согласно В.В. Наумову, под языковой личностью подразумевается носитель языка, способный реализовывать в речевой деятельности некую совокупность языковых средств, характеризующих определенную часть языкового коллектива в данный промежуток времени [Наумов 2006: 12].

Способность языковой личности порождать и воспринимать речь в большей степени реализуется за счет устойчивых речевых образцов или языковых привычек, которые являются бессознательными маркерами личности или языкового коллектива, объединенного общими признаками (социальными, возрастными, половыми). Отсюда следует, что анализ речевых характеристик личности с целью ее идентификации должен осуществляться с опорой на речевую организацию той группы носителей языка, к которой принадлежит данный индивид.

В исследовании В.В. Наумова выделено пять параметров, позволяющих идентифицировать языковую личность.

1. Психоэмотивная составляющая языковой личности.

Психическое состояние индивида, реализующееся в выражении эмоций, содержит важную информацию о человеке: его социальной принадлежности, возрастных характеристиках и др. Речь в состоянии эмоциональной напряженности отличается снижением словарного разнообразия, возрастанием количества клише, слов-паразитов, увеличением количества неконтролируемых жестов, резких колебаний темпа и тона речи, снижением полноты и адекватности восприятия речевой информации, увеличением протяженности высказывания и количества пауз. Характер психического фона обуславливает не только изменения в лексической и грамматической организации речи, но и отклонения в плане выражения высказывания. Даже отсутствие звучания речи (молчание) или паузы хезитации могут свидетельствовать о психическом состоянии индивида.

2. Социальные характеристики языковой личности.

Основными социальными характеристиками языковой личности являются образование и профессия человека. Социальная среда, в которой происходит становление личности, влияет на формирование языкового ядра личности. И, наоборот, речевая деятельность индивида является производной социального поведения, ее планом выражения. Речевое поведение выбирается языковой личностью в зависимости от ее принадлежности к определенной социальной группе.

Рассуждая об особенностях речевой деятельности индивида, представляющего тот или иной социум, Наумов приводит схему трехкомпонентного определения свойств языковой личности, предложенную Н.А. Фоминой: 1) уровневая структура языка

(фонетика, грамматика, лексика); 2) типы речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение); 3) степени владения языком (правильность речи, интериоризация, насыщенность речи языковыми средствами и пр.).

Согласно исследованию С.С. Дашковой, коммуникативный тип языковой личности в определенной мере также влияет на речевые свойства личности: «интроверты выявляют тенденцию к большей вариативности в ответах по сравнению с экстравертами». Устные высказывания интровертов характеризуются большей длиной предложений, употреблением значительного числа служебных частей речи. Экстраверты проявляют высокое словарное разнообразие, используя больше существительных и предложений для выражения замысла речи.

3. Возрастной и гендерный аспекты языковой личности.

Различия по полу и возрасту имеют особенно большое значение в тех случаях, когда слабо или вовсе не идентифицированы социальные и антропологические характеристики индивида. Идентификация представителей той или иной возрастной или половой группы может основываться не только на соответствующих данному возрасту и полу тембральных параметрах, но и на содержательном аспекте речи (лексике, грамматике, фразеологии). Так, женщинам свойственны фатические речевые акты, гиперболизированная экспрессивность, обилие эмоционально-оценочной лексики; для речи мужчин характерны терминологичность, стремление к точности, снижение экспрессивных средств и намеренное огрубление высказываний. В целом, у женщин отмечается тенденция сдерживать выражение отрицательных эмоций, а у мужчин – положительных.

4. Национальная принадлежность языковой личности.

Индивидуальная интерпретация языка всегда детерминирована сложившимися в национальном сознании языковыми стереотипами. Носитель языка интуитивно чувствует соответствие (или несоответствие) норме употребляемых в речи языковых единиц. Специфика национального речевого выражения ярче всего раскрывается в сопоставительном анализе идиоматики, сравнений, метафор. Кроме того, распознавание национальной принадлежности может осуществляться через фонетические характеристики индивида. С большей уверенностью можно идентифицировать принадлежность индивида к региональным вариантам национального языка.

5. Параязыковые характеристики языковой личности.

Каждый социум формирует свой инвентарь невербальных средств коммуникации, обусловленный культурой, национальной ментальностью, психофизиологическими особенностями людей. Процесс идентификации личности предполагает способность

фиксации параязыковых средств и их корректной интерпретации. При этом кинесика представляется главной составляющей параязыка, она обладает неограниченным потенциалом в выражении особенностей личности. В то же время отмечается необязательный характер жестов и мимики, которые могут использоваться индивидом произвольно [Наумов 2006].

Таким образом, языковая личность, с одной стороны, явление социальное, проявляющее национальную ментальность, так как существует в пространстве культуры, отраженной в национальном языке; а, с другой стороны, содержит индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, обладание индивидуальным самосознанием. Идентификация языковой личности осуществляется за счет ее психоэмотивных составляющих, социальных и антропологических характеристик, принадлежности к определенному полу, возрасту, нации, а также использования параязыковых средств.

Список литературы

1. Кубиц, Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Кубиц. - Челябинск, 2005. – 258 с.
2. Наумов, В.В. Лингвистическая идентификация личности [Текст] / В.В. Наумов. – М.: КомКнига, 2006. – 240 с.

В.А. Ермакова
Караганда, Казахстан

ЗНАЧЕНИЕ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК КОГНИТИВНЫЕ УРОВНИ ПОСЛОВИЦЫ

Проблема исследования значения пословицы является одной из наиболее сложных в паремиологии. Ряд паремиологов, в первую очередь те, кто занимаются вопросами функционирования пословиц в речи, полагают, что описать значение пословицы возможно только при его актуализации в контексте. Подобные заключения обусловлены тем, что многие метафорические пословицы являются открытыми метафорами, т. е. допускающими различные интерпретации [Серль 1990: 322].

Другие исследователи не столь категоричны: они считают, что значение пословицы представляет собой семантический потенциал, а конкретное значение определяется контекстом и ситуацией. А. Крикманн отмечает, что определенные значения пословицы возникают только при ее актуализации в контексте, а вне-контекстный способ изучения значения пословицы дает гипотетические результаты [Krikmann 1994: 41]. Контекстный способ изучения значения трудно применим на

практике, что предлагает искать некий комбинированный подход к определению значения.

В.В. Гвоздев выделяет два типа значения пословицы — инвариантное и конкретно-ситуативное. Инвариантное значение формируется на основе ряда конкретно-ситуативных значений, конкретно-ситуативное является реализацией инвариантного значения в речевом акте [Гвоздев 1983: 4].

Следует сказать, что проблема рассмотрения значения пословицы является частью общей проблемы соотношения значения и смысла языковой единицы в современной лингвистической теории. Научная литература, посвященная соотношению значения и смысла, обширна и насчитывает огромное число исследований, которые рассмотрены например, в работах А.И. Варшавской и И.В. Кочкаревой.

Значение — это стабильная, постоянная часть содержания языкового знака, общая у говорящих на одном языке. Значение - план содержания языковых знаков, а смысл — текстовая функция, то, что имеется в виду и может реализовываться как языковыми, так и неязыковыми средствами. При одинаковом значении и обозначении (внеязыковой референции) смысл может быть разным. Ю.И. Левин называет референциальное значение пословицы ее смыслом, подчеркивая при этом, что смысл пословицы в большей степени зависит от ситуации употребления, чем смысл слова. Значение же пословицы — это то содержание, которое может быть передано с помощью метаязыка, без учета языковых и образных характеристик пословицы [Левин 1984: 109-110]. В общей сложности насчитывается около 50 различных признаков смысла и значения.

Под значением пословицы мы понимаем ее содержание как виртуального знака, следовательно придерживаемся точки зрения о возможности изучения пословиц вне контекста, а под смыслом пословицы — ее актуализованное в речи содержание, т. е. референциальное значение.

В соответствии с концептуальной теорией значения Р.В. Лангакера, семантическая структура значения характеризуется как особый вид концептуальной структуры, что является основой когнитивного подхода к семантике языковой единицы. Исходя из этого, значение пословицы может рассматриваться как концептуальное отображение определенного «участка» мира, как определенное знание о мире, свойственное социуму. Надо сказать, что еще в 1974 г. А.А. Леонтьев писал о том, что «значение — это социально кодифицированная форма общественного опыта» [Леонтьев 1974 : 130]. Таким образом, возможно говорить о когнитивном уровне значения в пословице.

М. Джонсон подчеркивает, что когнитивный подход к значению показывает возможность по-разному рассматривать одну и ту же ситуацию и доказывает закономерность существования различных моральных ценностей и правил [Johnson 1992: 361]. Пословичный фонд служит ярким тому подтверждением. Если можно обнаружить значительное численное преобладание пословиц с одним значением над пословицами с противоположным значением, то можно сделать заключение о преобладании в обществе определенного взгляда на проблему, отраженного в пословичной картине мира.

Как отмечает Г.Л. Пермяков, пословица обладает внутренней языковой структурой, которая понимается им в смысле, близком к гумбольдтовой «внутренней форме», и обозначает особенности отношения паремиологического знака к его смыслу [Пермяков 1975: 262].

А.А. Потебня определял внутреннюю форму слова «как отношение содержания мысли к сознанию». Внутренняя форма, с его точки зрения, — это единственное объективное значение слова, его этимологическое значение. Внутренняя форма - это категория прежде всего семантическая. Внутренняя форма — это условное название, по существу, это не форма, а один из компонентов значения. Однако формальная структура языкового знака связана с ней самым непосредственным образом и оказывает на нее влияние, например в отношении объема. Если внутренняя форма — это способ представления значения, то формальная структура играет здесь не последнюю роль.

При рассмотрении понятия внутренней формы встает вопрос о его соотношении с понятиями образности, мотивировки и мотивированности. Образность понимаемая как «совмещенное видение двух явлений». Мотивировка — это явление диахроническое, это признак, положенный в основу возникновения языковой единицы, а мотивированность — это синхронная связь значения с семантикой прототипа, т. е. свободного словосочетания, соответствующего той или иной фразеологической единице. Понятие внутренней формы шире понятий образности, мотивировки мотивированности. Внутренняя форма рассматривается как ассоциативно-образное основание, как сложная концептуальная модель, над которой говорящий и слушающий совершают когнитивные операции [Артемова 1991: 2]. Внутренняя форма — это категориальный признак фразеологической единицы, а образность — факультативный.

Внутреннюю форму пословицы, вслед за Е.В. Ивановой, мы определяем как буквальное значение пословицы, непосредственно выводимое из значений составляющих ее компонентов и связей между ними, в его соотношении со значением пословицы.

Исследования показывают, что внутренняя форма многих фразеологических единиц ясно осознается и способствует их пониманию. Полевые исследования за рубежом доказали, что фразеологические единицы с прозрачной внутренней формой воспринимаются информантами быстрее, следовательно степень понимания значения напрямую зависит от возможности установить семантические связи между компонентами внутренней формы и компонентами значения. Внутренняя форма добавляет к семантике фразеологической единицы смысловые и оценочно-стилистические признаки. В то же время, имеет место и обратная тенденция: у часто употребляемых фразеологических единиц внутренняя форма стирается, отступает на задний план при функционировании единицы в речи, и тогда становится вполне справедливым замечание Н.Н. Амосовой о том, что фиксированность идиомы отодвигает на задний план ее первичную мотивировку, мотивировка заслоняется традиционной условностью целостного значения идиомы [Амосова 1963: 79]. Аналогичная ситуация имеет место и в пословицах. Внутренняя форма пословицы важна для понимания ее значения и во многом определяет его понимание, и в то же время внутренняя форма пословицы может не осознаваться говорящим или осознаваться в незначительной степени, уступая место значению. При этом пословица воспринимается как целостный знак и значение ее компонентов и отношение между ними не играют роли в процессе коммуникации. Так обстоит дело с частотными, широко употребляемыми пословицами.

В рамках когнитивного подхода внутренняя форма — это некий отрезок знания о мире, что позволяет говорить о когнитивном уровне внутренней формы пословицы.

На основе анализа когнитивных уровней значения и внутренней формы пословиц, образующих пословичный фонд языка, возможно установить закрепленное в пословичных знаках представление данного народа об устройстве мира, т. е. описать пословичную картину мира.

Список литературы

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л., 1963.
2. Артемова, А.Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ф. Артемова. – СПб., 1991.
3. Гвоздев, В.В. Место пословиц в ряду структурно-семантических образований в языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Гвоздев. – М., 1983.
4. Левин, Ю.И. Провербиальное пространство [Текст] / Ю.И. Левин // Паремнологические исследования: Сб. статей. – М., 1984. – С. 108-126.
5. Леонтьев, А.А. Психология общения [Текст] / А.А. Леонтьев. – Тарту, 1974.
6. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда [Текст] Г.Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей. – М., 1975. – С. 247-274.

7. Серль, Дж. Р. Метафора [Текст] / Серль // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 307-341.

8. Johnson, M. Philosophical implications of cognitive semantics [Text] / Johnson // Cognitive linguistics. – 1992. – Vol. 3. N 3-4. – P. 345-366.

9. Krikmann, A. On denotative indefiniteness of proverbs [Text] / Krikmann // FF Communications, Vol. LXXX. N 211. – Helsinki, 1994.

Е.Н. Заречнева
Барнаул, Россия

МЕТОДИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ученые-когнитивисты (Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина, А.А. Залевская, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, Е.В. Лукашевич и др.), занимаясь изучением концептов, языкового сознания, реконструкцией языковой картины мира, применяют концептуальный анализ (далее – КА) как метод научных исследований, состоящий в мысленном или фактическом разложении концепта на составные части, с целью его разностороннего рассмотрения.

Для составления методической интерпретации КА и для понимания того, что входит в его компетенцию, мы рассмотрели целевые установки ученых при осуществлении исследования концепта, а также методы и приемы, используемые ими при его анализе. Фактологическую базу составили работы вышеназванных ученых, а также методический комментарий в диссертациях, посвященных концептам. Всего 25 источников.

Познавательные установки ученых-когнитивистов при осуществлении КА можно соотнести с тремя подходами к анализу концептов:

1. Текстocентрический подход. Проводя анализ концепта как смысловой структуры текста, ученые изучают его реализацию в творчестве определенного писателя или поэта, выявляя «специфику их концептосферы» (2), «концептуальную картину мира» и др.

2. Культурологический и лингвокультурологический подходы. Любой концепт функционирует в рамках какой-либо культуры, наполняется культурно значимыми смыслами, поэтому учеными он рассматривается как культурный феномен, «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2000], «вербализованный культурный смысл» [Воркачев 2005: 76]. КА используется в триаде «язык – сознание – культура» для выявления «специфики национальной концептосферы» (3); «специфики концепта, который является частью национальной культуры»; «культурного стереотипа»,

«этнокультурной специфики» (3), «культурного опыта народа», «культуроспецифического» и др.

3. Когнитивный подход. КА изучает концепт как структуру знания, как глобальную мыслительную единицу, как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90], с целью исследования «русского менталитета», «национальных особенностей мышления» и «национальной когнитивной базы»; «значимых приоритетов в понимании действительности», «языковой», «ценностной», «концептуальной картин мира» (3) и «концептуальной системы носителей языка»; «языковой концептуализации» и др.

Исследование концепта и собственно КА начинается с обоснования значимости и актуальности концепта для носителей языка на современном этапе его развития, определения его типа и (поддерживаем мнение С.Г. Воркачева) областей бытования, «представляющих собой типы сознания, в которых эти концепты объективируются» [Антология концептов 2005: 275].

В целом КА представляет собой собственно исследование всех компонентов концепта, а в его структуре, вслед за В. А. Пищальниковой и Е.В. Лукашевич, мы выделяем пять компонентов: **понятие** (совокупность наиболее существенных признаков предмета, явления, которые отражены в словарях); **представление** (наглядно-чувственный образ, картинка, возникающая в сознании носителя языка и зависящая от его индивидуальных особенностей: опыта, возраста, научной подготовки и др.); **предметное содержание** (признаки, отражающие вовлеченность предмета, явления в какой-либо вид деятельности); **эмоции и оценку** (выражают определенные чувства индивида и положение предмета, явления для индивида на субъективной шкале «хорошо-плохо»); **индивидуальные ассоциации** (единичные признаки, которые не интерпретируются с помощью известных лексикографических и фоновых знаний, а представляют субъективный опыт индивида) [Пищальникова 1996, 2002, Лукашевич 2002: 16].

Изучение вышеназванных компонентов концепта предполагает определенную логику, а также использование разных методов и приемов с учетом аспектов исследования: собственно лингвистического, психолингвистического, когнитивного и лингвокультурологического.

Рассмотрим этапы КА с лингвокультурологической точки зрения (в их выделении мы опираемся на методику Н.Л. Мишатиной) [Мишатиная 2005: 11].

I. **Словарный этап** КА направлен на определение базовых когнитивных признаков концепта на основе обращения к лексикографическим и энциклопедическим источникам, на исследование ядра концепта и представляет понятийное и историко-культурное моделирование.

Задачи словарного этапа КА: определить понятийные признаки концепта через анализ лексического значения его имени по словарям; выявить историческое развитие и современное состояние имени концепта через установление его «внутренней формы» по этимологическим словарям.

Для создания понятийной модели имени концепта применяют **дефиниционный, компонентный, семантический, сравнительный** анализы значений имени концепта и членов его синонимического ряда, дериватов для установления лексического и понятийного значения имени концепта; выявления инвариантных и выделения варьирующихся концептуальных признаков, которые позволяют разграничить лексемы, номинирующие концепт [Антология концептов 2005: 250], а для создания историко-культурной модели имени концепта с целью выявления его социокультурных и психологических особенностей, определения семантической эволюции используются **этимологический, историко-культурный, словообразовательный и лексико-грамматический** анализы.

II. **Контекстуальный этап** КА направлен на исследование таких компонентов концепта, как представление, предметное содержание, эмоции и оценка, и представляет контекстуально-метафорическое моделирование, и проводится с целью определения места концепта в языковой картине мира и языковом сознании носителя языка, выявления когнитивных стереотипов, свойственных национальной концептосфере народа, уточнения актуального значения имени концепта через его представленность в русских поговорках, фразеологизмах, афористических, художественных и публицистических текстах. По мнению И.А. Стернина, «поговорки не всегда отражают смысл, актуальный для современного состояния сознания» [Стернин 2001: 82], поэтому необходимо обращение к народно-поэтическим и книжно-литературным формулам, речевым контекстам (слово на уровне микротекста, текста и в диалоге культур). Анализ разговорных, просторечных, жаргонных употреблений имени концепта в современной устной речи и публицистике позволяет обнаружить некоторые новые смыслы, «присоединившиеся» к концепту в последнее время» [Стернин 2001: 136].

Для создания контекстуально-метафорической модели применяются **контекстуальный (контекстный, контекстологический) и метафорический** анализы, которые направлены на выявление культурного содержания концепта через анализ

сочетаемых свойств его имени, и реализуются в совокупности приемов и методов (компонентного анализа, когнитивной интерпретации, метафорической репрезентации концепта, анализа фразеологических единиц и др.).

III. Ассоциативный этап КА проводится с целью определения психологически реального значения лексемы, вербализующей концепт, и предполагает обращение к сознанию носителя языка для исследования всех структурных компонентов концепта, ценностных коннотаций и мотивационно-прагматических установок, экспликации системы оценок, сравнения стереотипного и индивидуального.

Для построения ассоциативной модели концепта используется **ассоциативный эксперимент** (свободный, направленный, цепной [Горошко 2001: 16]), **метод интроспекции** («совмещение исследователя и объекта исследования в одном лице»), **рефлексия** («отражение ситуации самоисследования на дополнительном, внутреннем экране» [Фрумкина 2003:10]).

В концепте представлены разновременные наработки культуры, культурная жизнь разных эпох, поэтому результатом КА в любом случае является создание конструкта – обобщенной модели концепта, представляющей его реальное содержание, которое до конца неисчислимо, так как концепт разворачивается в процессе мыслительной деятельности разными сторонами.

В рамках лингвокультурологического аспекта интегративный метод КА помогает познать путь от слова к системе знаний человека о том или ином явлении, и в распоряжении ученых имеется разнообразный набор методов и приемов, в основе которых лежит когнитивная интерпретация результатов исследования.

Список литературы

1. Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 348 с.
2. Воркачев, С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. - №4. – С. 76-83.
3. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Текст] / Е.И. Горошко. – Харьков; М.: Изд. Группа «РА – Каравелла», 2001.
4. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
5. Мишатина, Н. Л. Лингвокультурологические задачи на уроках развития речи [Текст] / Н.Л. Мишатина // РЯШ – 2005. – №4. – С.11.
6. Пищальникова, В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект: Монография [Текст] / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – 95с.
7. Пищальникова, В.А. Основания динамической теории значения: когнитивный аспект [Текст] / В.А. Пищальникова // Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 3-20.

8. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
9. Стернин, И.А., Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – Воронеж, 2001.
10. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

О.С. Зубкова
Курск, Россия

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ МЕТАФОРЫ-ТЕРМИНА

Проблема изучения профессиональных языков и отраслевых терминологий всегда привлекала внимание языковедов, но в последнее время она стала особенно актуальной в связи с активным исследованием специфики образа мира в разнотипных профессиях. В современной лингвистике общепризнанно, что термин – абсолютная универсалия, его наличие в языке обязательно и закономерно, глубинно обусловлено как экстралингвистическими факторами (социальной сущностью и культурной обусловленностью языка), так и самой природой языка как системы. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Реформатского о том, что терминология как совокупность слов — это «слуга двух хозяев»: системы лексики и системы научных понятий [Реформатский 2003].

Считаем необходимым обратиться к исследованиям термина с позиций психолингвистики, где в центре исследования находится язык как отражение человеческого опыта терминоведения, так как именно она обладает «преимущественным» правом на изучение интересующего нас объекта.

Поскольку предметом нашего исследования является медицинская метафора-термин, дальнейшее внимание мы сосредоточим на обсуждении именно этого феномена. Под медицинской метафорой-термином нами понимается рожденное в профессиональном дискурсе индивидуально созданное и закрепленное словарной статьей словосочетание, состоящее из слова из классического языка и лексемы литературного дискурса. Медицинская метафора-термин фиксирует познавательную деятельность врача и относится к профессиональному сленгу. Следует особо подчеркнуть, что медицинская метафора-термин ограничена рамками профессионального общения [Лебедева, Зубкова 2006: 63].

Язык, которым пользуются медики, принято называть научным, следовательно, он метафоричен по своей сути. Метафоры являются неотъемлемой частью медицинского дискурса и представляют собой некое направление движения бессознательной

творческой активности медика, участвуя в создании «инвариантного профессионального образа мира» (термин А.А. Леонтьева). Метафоры медицинских текстов эксплуатируют смыслы, вырабатываемые сознанием человека, опираясь на индивидуальную картину мира. Выявление скрытых отличительных характеристик предмета или явления, хорошо знакомых человеческому сознанию, дает возможность их переноса в область медицины и способствует более четкому определению сложных профессиональных понятий.

Терминотворчество является неотъемлемой составной частью номинативной деятельности людей, по-своему интерпретирующей внеязыковую и языковую действительность. Опираясь на свой «инвариантный профессиональный образ мира», формирование которого есть одна из задач обучения специальности, врач извлекает необходимую информацию, связанную с заболеванием человека. При этом медицинская метафора-термин не только раскрывает и систематизирует знание, но и выполняет и *эвристическую* функцию, способствуя открытию нового знания.

Необходимо уточнить, что под «инвариантным профессиональным образом мира» мы, вслед за А.А. Леонтьевым, понимаем «процесс формирования инвариантного образа мира, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира и способного служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в нем» [Леонтьев 1997: 273]. Поскольку инвариантный образ мира представляет собой абстрактные модели, описывающие общие черты в видении мира различными людьми, то можно утверждать, что он непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами, а не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми. Наряду с текучими, индивидуальными характеристиками эти личностно-смысловые образования имеют и некоторую культурную «сердцевину», единую для членов социальной группы или общности и фиксируемую в понятии значения в отличие от личностного смысла [Ibid]. Например: «синдром Ромео и Джульетты» - «инфантильность подростковой психики (негибкость и максимализация) со сверхценным идеализированным отношением к объекту любовной привязанности и недооцененной ценности жизни» [Ребер 2001: 209].

Подходя к медицинской метафоре-термину как ментальной сущности, средству познания действительности, концептуальному образованию, позволяющему мыслить об объектах одной области через призму другой, полагаем, что функционирование медицинской метафоры-термина обусловлено влиянием глобального контекста, который, по мнению С.В. Лебедевой [Лебедева 2006], доминирует у человека в процессе всех видов деятельности. Поскольку человек, в нашем случае врач, живет и действует в окружающей его социальной среде, то он получает информацию от окружающей среды

и ориентируется в ней, формирует сознательные образы действительности, создает планы и программы действий, сличает результаты своей деятельности с исходными намерениями, переживает эмоциональные состояния и корректирует допускаемые ошибки [Лурия 2007: 14]. Следовательно, медицинская метафора-термин, вероятно, представляет собой динамичную когнитивную структуру, интегрирующую разноприродный опыт познания мира человеком.

Психолингвистическая концепция значения позволяет нам говорить о том, что «жизнь» медицинской метафоры-термина в медицинском дискурсе должны определять разного рода факторы: предметность, перцептивно-когнитивно-аффективные образования (концепты), разного рода функциональные ориентиры, стоящие за словом у индивида [Залевская 2005: 431-432]. На основании того, что знания человека об окружающей действительности имеют предметную природу и разворачиваются в пределах глобального контекста с обязательным участием контекста внутреннего, заметим, что огромное значение для процесса понимания медицинской метафоры-термина имеет прежний опыт человека и предметное восприятие соответствующих изображений.

Процесс понимания воспринимаемого сообщения, по мнению А.Р. Лурия, ни в какой мере нельзя считать простым процессом усвоения значения слов [Лурия 2007: 287]. Понять медицинскую метафору-термин, например, «болезнь кленового сиропа» (наследственная болезнь, обусловленная нарушением обмена Валина, лейцина и изолейцина, проявляющаяся с 3-5-го дня жизни рвотой, судорогами, расстройствами дыхания, цианозом, запахом мочи, напоминающим запах сиропа сахарного клена; в дальнейшем наблюдаются задержка психического и физического развития, стойкие невротические нарушения; наследуется по аутосомно-рецессивному типу) [Энциклопедический словарь медицинских терминов 1982: 149] совсем не означает понять значение лексем «болезнь», «сироп», «клен». Процесс декодирования или понимания сообщения есть всегда путь расшифровки общего смысла, который стоит за воспринимаемым сообщением или, иначе говоря, сложный процесс выделения наиболее существенных элементов высказывания, превращение развернутой системы сообщения в лежащую за ним мысль [Лурия 2007: 288].

Значение словосочетания не сводится к понятию и протекает на подсознательном уровне, взаимодействуя с продуктом предшествующего опыта человека, и охватывает все многообразие увязываемых со словом чувственных впечатлений. Происходит включение словосочетания в многогранный «внутренний» контекст, изначально являющийся перцептивно-когнитивно-аффективным, вербальным и невербальным.

Например: амбулаторный автоматизм – наиболее выраженная форма эпилептического автоматизма. В этом состоянии больные сохраняют внешне правильное поведение, производят впечатление нормальных, имея иногда только рассеянный, несколько безучастный вид. В подобном состоянии они имеют склонность к перемене места: уходят, совершают иногда отдаленные путешествия. Придя в себя, они оказываются иной раз далеко, в незнакомом месте, сохраняя лишь смутное воспоминание о происшедшем [Судебная психиатрия 1949: 178].

Итак, медицинская метафора-термин представляет собой переживание сравнения, при котором сначала имеет место эффект медицинской метафоры, восприятие ее образа, ее предметность, а лишь потом развертывание сжатого смысла, стоящего за ней. При этом, обогащая лексикон индивида, она заставляет по-новому смотреть на мир, заставляя пропускать результаты «чужого» сравнения через призму своего перцептивного когнитивно-аффективного опыта.

Список литературы

1. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды [Текст] / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Ерилова С.Л. Антропометричность политической метафоры [Текст] / С.Л. Ерилова // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: межвузовский сборник научных трудов. – Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 2002. – С. 26 - 28.
3. Лебедева, С.В., Зубкова, О.С. Медицинская метафора в современном языке [Текст] : монография / С.В. Лебедева. – Курск: Изд-во КГУ, 2006. – 129 с.
4. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
5. Лурия, А.Р. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.
6. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь [Текст] / А. Ребер. – The Penguin - М.: Вече-АСТ, 2001. – 1500 с.
7. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] : учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. – М., Аспект Пресс, 2003. – 536 с.
8. Судебная психиатрия: учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов [Текст] / под редакцией проф. А.Н. Бунеева, доц. Ц.М. Фейнберга, проф. А.М. Халецкого. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. - 400 с.
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х томах. Около 60 000 терминов [Текст] / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, - Т.1. А – Йореса способ. 1982. – 464 с.

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РОДА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В латыни, основы которой вобрал в себя испанский язык, грамматический и естественный род материальных объектов совпадали не часто. И упразднение в историческом процессе категории среднего рода, соотносящейся с неодушевлёнными предметами и предполагавшего разделение на мужской и женский род только в пределах класса одушевлённых предметов, приводит к упрощению и, в то же время, обезличиванию данной категории в испанской грамматике.

Род в современном испанском языке выступает лишь формальным показателем грамматической категории, лишённым какой-либо семантической референции.

Однако, с разделением в современных науках понятий: «пол биологический» (sexo) и «пол социальный» (genero), открываются новые возможности как морфологического, так и семантического анализа лингвистического материала. Гендерный подход к языковому материалу предполагает макро- и микроуровни анализа. Последний даёт возможность сосредоточиться на соотношении грамматической категории рода с идеей биологического и социального пола путём представления их языковыми средствами, на разного типа коннотациях...[Кулакова 2006: 116]. По замечанию А.В.Кириловой, «...анализу в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании» [Кирилина 2000].

В связи с «гендерными асимметриями» и доминирующей маскулинностью, присущей испаноязычной культуре [Фирсова 2007: 161], нельзя не говорить о гендерно релевантных изменениях, происходящих в самом испанском языке. Термин «сексизм» (sexismo), как его трактует Большой Словарь Испанской Королевской Академии (el Diccionario de la Real Academia), означает досл.: «дискриминация по полу, рассмотрение одного из полов, как низшего по положению, значению...» (discriminación de personas de un sexo por considerarlo inferior al otro). Женское в испанском обществе всегда в той или иной мере занимало «страдающую» сторону. И лингвистика здесь явно не исключение. Мужской род в испанском языке имеет двоякое значение: с одной стороны это характерная референция к мужчине, с другой – он грамматически оправдан в отношении обоих полов. Здесь, фундаментальным примером служит существительное hombre, переводимое, как «мужчина» и как «человек». Неудивительно, что во многих примерах слово можно истолковать неоднозначно: «Los hombres de esta empresa son buenos profesionales». Здесь женщины даже если и подразумеваются в переводе слова hombres

как «люди», их присутствие явно завуалировано использованием только существительных мужского рода.

Альваро Гарсия Месегер, автор известной книги: «Гендерная дискриминация в языке» (*El sexismo en el lenguaje*), а также исследователь этого феномена в лингвистике, выделяет два типа «сексизма»: согласно форме (слова и их сочетаемость) – лингвистический сексизм (*sexismo lingüístico*), а также согласно внутреннему содержанию – социальный сексизм (*sexismo social*) [Mesenguer 1994]. Примером «социального сексизма» служит: «*Las mujeres son menos inteligentes que los hombres*», где сама идея, а не подбор слов выражает дискриминацию по отношению к женщине. В предложении же: «*Los varones y las hembras son inteligentes por igual*» сексизм лингвистический заключается в использовании слова *hembra* (со второстепенным значением «самка») в отношении женского пола.

Когда речь идёт о подборе гендерно нейтральной лексики, во избежание «лингвистического сексизма» под особое внимание исследователей попадают парные существительные, имеющие общий корень и окончания –о и –а, соотносимые с мужским и женским родом в испанском: *amigo –amiga; niño - niña; alumno – alumna*. Здесь, существительные на –о , грамматически соотносимы с обоими полами, однако, во избежание гендерного неравенства в значении множественного числа предлагается использовать, например, более нейтральное *alumnado* вместо *alumnos* (ученики) или *infancia* вместо *niños*, которые опять же при определённом контексте исключают женщину.

В связи с проблемой гендерного неравенства ряд новых слов возникает в области профессий. Как отмечает Н.М. Фирсова, хотя из-за социальных условий неравенства полов в общественной жизни в испаноязычных странах, ряд профессий, специальностей, должностей был закреплён почти исключительно за лицами мужского пола, тем не менее в испанском языке кроме форм мужского рода кодифицированы параллельные формы женского рода [Фирсова 2002: 74]. В академическом словаре (*Real Academia Española*) находим следующие примеры:

ministro -ministra alcalde – alcadesa

diputado –diputada presidente – presidenta

Однако, по мнению многих исследователей, «установление норм может быть продуктивным, только если оно основывается на реальной современной социолингвистике» [Виноградов 2001] и, зачастую употребление в речи слов с «искусственными» женскими окончаниями оказывается объективно не нормативным.

Интересным для исследования также представляется стилистическое использование категории рода, где стилистический эффект строится на ситуационной несовместимости грамматических родовых форм и биологического пола. Здесь, как отмечает Н.М. Фирсова, важен экстралингвистический фактор, а именно например, тот момент, что к мужчинам применяются слова женского рода [Фирсова 2002: 75]:

acémila – (разг.) осёл, дурак;

caradura – наглец, нахал;

Es una vasa. (Он дрянь, болван).

В данном случае к экспрессивно-эмоциональной окрашенности присоединяется также и оценочная, а именно уничижительная характеристика (презрительность, высмеивание к.-л. качеств). Если вернуться к понятию сексизма в языке, то и здесь можно говорить о неслучайном выборе слов с окончаниями, маркирующими женский род, для обозначения низких качеств мужчины.

Таким образом, изменения в обществе влекут за собой неизбежность попыток новообразований в языке. Однако, по мнению некоторых исследователей, не следует путать понятия «грамматический род» и «пол». И причину того, что существует «лингвистическая половая дискриминация», не стоит искать в самой языковой системе. Здесь, скорее «виновата» та патриархальная культура, которую так неизменно наследует поколение за поколением в испаноговорящих странах.

Список литературы

1. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации [Текст] / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания. – М., 2000.
2. Кулакова, Н.В. Лингвистические аспекты гендерологии [Текст] / Н.В. Кулакова // Университетские чтения. – М., 2006.
3. Раевская, М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI – XVII вв.) [Текст] / М.М. Раевская. – М.: КомКнига, 2007.
4. Фирсова, Н.М. Отражение маскулинности в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов; К проблеме национально-культурной семантики лексических единиц в испанском языке; Лексико-семантические расхождения между пиренейским и латиноамериканскими вариантами испанского языка [Текст] / Н.М. Фирсова // Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. – М., АСТ, 2007. – С. 154 – 180.
5. Фирсова, Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка [Текст] : уч. пособие / Н.М. Фирсова. – М.: РУДН, 2002.
6. Alvaro García Mesenguer Igualdad Lingüística: el sexismo en el lenguaje [Text]. – Malaga, 1994.
7. Academia Española. Diccionario de la lengua española [Text]. – Madrid, 2002.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В МНОГОЯЗЫКОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

Проблема лингвистического конфликта (далее – ЛК) как специфической формы отношений между языками в многоязыковых обществах является одним из центральных вопросов современных социолингвистических исследований. *Актуальность* темы определяется последующей возможностью использования полученных результатов при анализе генеративных процессов формирования лингвистической идентичности социальной группы, проявляющихся на уровнях функционирования языковых систем и влекущих за собой изменения в их внутренних структурах. Общая глобализация современного общества определяет ЛК как самую распространенную форму языковых контактов во всем мире.

В силу *новизны* вопроса пока еще не сформирована достаточная теоретическая и практическая база проблемы ЛК. Первая попытка обосновать ситуацию ЛК с точки зрения историко-географических, политико-экономических и культурных условий была сделана в 1990 г. группой языковедов университета г. Маннхайм (Германия) в форме проекта «*Региональная идентичность в Западной Европе*», под эгидой проф. Г. Боссонга (на примере ситуации ЛК между каталанским, окситанским и французским языками в Бельгии). Тем не менее, обозрение проблемы ЛК продолжает ограничиваться анализом определенных ситуаций языковых контактов конкретных стран (работы *С. Бесерры, О. Альбы, Р. Караведо, М. Альвара, Ф. Мартинеса Мартина, Гонсалеса Ферреро, Р. Уильямсона и др.*). Как результат, отсутствует фундаментальная теоретическая база по вопросу ЛК; большинство же работ по теме основывается на общих социолингвистических исследованиях *Дж. Гамперца* и *А. Беннетт*.

Прежде чем приступить к определению понятия ЛК, необходимо дать краткий обзор экстра- и чисто лингвистических предпосылок формирования такой ситуации между контактирующими языками.

С точки зрения *гео- и демолингвистической* ситуации, ЛК является результатом сосуществования и контактирования двух или более языковых систем с формальным статусом языка. Так как любой язык выражает концепты идентичности этнической группы-носителя, то ЛК возникает как результат этнического конфликта с целью защитить идентичность языковой группы. Другими словами, в основе ЛК присутствует антагонизм *коммуникативной эффективности*, которая предполагает унифицированное использование конкретного языка, и *принцип идентичности языковой группы*, который поддерживает региональный, или этнический, языковой вариант [Báez de Aguilar 1997:

36]. Кроме того, ЛК имеет социальный аспект, поскольку как феномен ЛК проявляется вследствие контактирования этнических групп в общественном образовании. Именно поэтому при определении ЛК важно иметь ввиду двойственный характер этого понятия: с одной стороны, ЛК - *социальное явление* конфронтации между этническими группами на уровне употребления языков как признака самоидентификации, с другой стороны, ЛК является исключительно *языковым явлением*, проявляющемся на уровне практического использования языков в условиях тесного контакта. Необходимо рассматривать ЛК в альянсе социального и языкового подходов: конфронтация между группами является предпосылкой будущих изменений внутренних структур языков. ЛК присутствует не во всех многоязычных обществах, а только в тех, где его появлению содействует лингвистическая политика страны. Это дает возможность говорить об *искусственности* ЛК как языкового явления. Чаще всего конфликтные отношения между языками встречаются на территориях тех регионов, которые входят в состав большего национального объединения с унифицированной лингвистической политикой. В пользу социально-политического характера ЛК говорит тот факт, что идиоматическое противостояние в условиях ЛК отображает общественно-политическую оппозицию в социальных структурах. Согласно проф. Вильярроэль [Villarroel 1990: 85], языки как структуры «*ни враждуют, ни противостоят*» друг другу: именно социальные общины, одновременно определяемые как идиоматические, устанавливают либо кооперативные, либо антагонистические отношения, определяя характер языковых контактов. Возвращаясь к определению явления ЛК как социолингвистического, можно утверждать, что этот феномен проявляется в ситуациях тесного социального контакта (к примеру, в условиях трудовой миграции), который может нести угрозу установленным культурным и политическим традициям языковой общины-адресата. Укреплению ситуации ЛК содействует и современная политика лингвистической унификации в многоязыковых странах, которая сегодня осуществляется в рамках процессов глобализации и социальной либерализации [Pujadas 1993: 35]. Вышеуказанные факторы определяют как наиболее благоприятную геолингвистическую среду для формирования ЛК ареалы больших городов и мегаполисов, в условиях которых контактирование языков в социальном, политическом и культурном сечениях происходит каждый день на всех уровнях социальных институтов [Báez de Aguilar 1997: 19]. ЛК регулируется лингвистической политикой страны путем изменений в законодательной базе [Status Change of Languages 1992: 5]. В то же время, лингвистическая политика становится генератором ситуации ЛК, поскольку она практически всегда ориентируется на унификацию, вызывая, таким образом, недовольство лингвистически

дискриминированной группы. Лингвистическая унификация ориентирует лингвистическую политику в тех случаях, когда языковой вопрос определяет экономическую силу и престиж [Ninyoles 1975: 71].

Как уже было сказано, ЛК определяется двойственным характером своего проявления: социальным и лингвистическим. Переход от социальной стадии проявления к лингвистической чаще всего прослеживается на примере языковых контактов второго поколения контактирующих групп вследствие принудительной социализации, которая разрывает географические границы между ними и провоцирует смешание носителей языков на всех уровнях общества [Báez de Aguilar 1997: 30]. Именно на этом этапе проявляются языковые изменения с характеристиками ЛК. В ситуации ЛК происходит стереотипное распределение носителями каждого языка контактирующих языков на язык «*лингвистического мы*» и «*язык чужих*». Язык «лингвистического мы» маркирует расхождения с другими группами и подчеркивает принадлежность к собственной группе, хотя и не всегда именно этот язык «нас» становится средством политического, экономического и социального контроля [Villarroel 1990: 10]. Из контактирующих языков только один приобретет статус языка «средства контроля», и именно это приводит к конфликтованию между группами-носителями других языков, которые продолжают самоидентифицироваться с собственными языками. Между языками в ситуации ЛК формируются определенные *типы отношений*. В первую очередь, в ситуации ЛК один из языков приобретает статус доминантного, остальные же языки являются носителями статуса доминированных [Freixeiro 1999: 105]. В зависимости от политических ориентров в многоязыковом обществе на практическом уровне отношения ЛК между языками могут приобретать формы простого контактирования, разграничения, либо распределения. Важным фактором при установлении отношений между языками в условиях ЛК является уровень и характер родства либо его отсутствия языков непосредственно на системном уровне: чем сильнее структурная дивергенция между языками, тем глубже языковой конфликт. Однако, ЛК проявляется не только на языковом, но и на уровне использования контактирующих языков. Необходимо отметить, что конфликтуют только нормированные, или литературные, регистры языков в ситуации контакта [Villarroel 1990: 46]; это объясняется социально-демографическими предпосылками, указанными выше. Последствия ЛК различаются по отношению к одному и тому же языку в контакте с другими языками. При общем обзоре, ЛК в качестве социально обусловленного явления отражается как на *уровне структуры языка* (фонетика, морфосинтактика, лексика), так и на уровнях употребления языков – *прагматическом, контактном и лингвистической компетенции*. Последствия

ЛК не проявляются только на одном уровне, но на всех уровнях одновременно, обуславливая формы проявления ЛК на каждом из них [Martín Vide 1996: 328-329]. Принимая во внимание вышесказанное, сформулируем понятие *ЛК* как специфической формы языковых контактов в многоязыковых обществах, которая искусственно формируется в результате конфликтования экстралингвистического плана (исторические, социальные и политические предпосылки), и касается исключительно литературного регистра контактирующих языков, которые вследствие такой ситуации модифицируются как на исключительно языковом уровне, так и на уровне использования.

Список литературы

1. Báez de Aguilar, F. El conflicto lingüístico de los emigrantes castellanohablantes en Barcelona. Universidad de Málaga, Málaga, 1997. – 229 p.
2. Freixeiro Mato, X. Lingua galega: normalidade e conflito. Edicións Laiovento, 1999. – 164 p.
3. Herreras, J. Lenguas y normalización en España. Editorial Gredos, Madrid, 2006. – 390 p.
4. Martín Vide, C. (ed.). Elementos de lingüística. Ediciones OCTAEDRO, S.L., Barcelona, 1996. – 476 p.
5. Ninyoles, R. Estructura social y política lingüística. Editorial Fernando Torres, Valencia, 1975. – 71p.
6. Pujadas, J. Etnicidad. Identidad cultural de los pueblos. EUDOMA, S.A, 1993. Madrid. – 96 p.
7. Status change of languages. Edited by Ulrich Ammon and Marlis Hellinger. Walter de Gruyter, Berlin – New York, 1992. – 547 p.
8. Villarroel López, J. Euskera versus castellano: un conflicto lingüístico. Ellacuria, S.A.L., Bilbao, 1990. – 91 p.

О.А. Карамалак
Магнитогорск, Россия

МНОГОЗНАЧНОСТЬ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ XXI ВЕКА

В настоящее время когнитивная природа многозначности является актуальной проблемой лингвистики в свете новой когнитивной парадигмы, в центре изучения которой находится человек. Многозначность свойственна только человеку как «homo symbolicus» [Deacon 1997], в связи с нашей врожденной способности к «символической референции» и врожденной ценностной системой при лингвистическом, социальном и культурном взаимодействии человека со средой, где доминирующей является знаковая (языковая) ценность [Златев 2003]. Многозначность – это своего рода приспособляемость человека к лингвистическим взаимодействиям. «Создание для каждого отдельного объекта, факта, явления или класса объектов, фактов, явлений отдельного обозначения повлекло бы непомерное раздувание лексической системы, что

весьма затруднило бы ее использование. Полисемия служит языковой экономии» [Песина 2005: 16].

Человек обладает способностью как генерализировать, абстрагировать, делать выводы (умозаключения), так и специфицировать. Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь как от «конкретного» к «абстрактному», так и от «абстрактного» к «конкретному» и зависит от ментального склада говорящего (например, какое из полушарий более активно), возрастного, социального, культурного и других факторов. «Организм начинает осваивать языковые знаки, получая через коммуникативные взаимодействия ориентирующие «рекомендации» о назначении этих знаков. Наблюдая, как другие используют знаки и, используя их сам, организм познает некий диапазон их эффективности. Используя знаки в конкретных взаимодействиях (смысл), организм приобретает знания о назначении знака, о возможностях знака как «инструмента» [Глыбин 2006: 37].

Ребенок в процессе развития, а также физического, социального и лингвистического взаимодействия запоминает слова и их значения. Со временем человек начинает задумываться, например, почему слово «ручка» мы используем, говоря ласково о руке: «он поцеловал ее прелестную ручку», о части мебели, служащий опорой для рук «ручка дивана», о «дверной ручке», «ручке чемодана или чайника», а также под ручкой мы можем подразумевать письменную принадлежность «шариковая ручка». При этом мы генерализируем свой предыдущий опыт, полученный о данном слове, и путем абстракции приходим к выводу, что ручка – это нечто, связанное с рукой, предметы за которые держатся или берутся рукой. Услышав, слово «ручка» в определенной речевой ситуации, мы без труда на основе имеющегося опыта выводим актуальное значение. Значит, возможно, в сознании формируется абстрактный пучок семантических компонентов, который является следствием многочисленных актуализаций лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова.

С другой стороны, 2-х летний ребенок, говоря «бабах» может подразумевать «удар», «больно», «звук удара», а также «мяч» и вообще любой шарообразный предмет [Зализняк 2004: 40]. Этот пример свидетельствует о том, что онтологически существует развитие многозначности от «абстрактному» к «конкретному» и, наоборот, (предыдущий пример с *ручкой*). Следует признать, что пока лингвисты не пришли к единому мнению относительно того, как формируется многозначность в онтогенезе.

Мы считаем, что многозначность существует, прежде всего, как лингвистическое явление, артефакт, созданный человеком и изучается нами в роли *наблюдателей* (по У. Матуране), которые «созерцают» рассматриваемую сущность. Мы учитываем то, что

наблюдателю в принципе недоступны некоторые фрагменты ниши наблюдаемого явления. «...Ниша и окружающая среда пересекаются лишь в той мере, в какой организация наблюдателя и организация организма поддаются сравнению, но и в этом случае всегда найдутся части окружающей среды, которые никогда не могут пересечься с областью взаимодействий (нишей) организма, а также части ниши, которые никогда не могут пересечься с областью взаимодействий наблюдателя [Матурана 1996: 100-101]. Следовательно, как наблюдатели, мы можем лишь *описывать* функционирование многозначности, опираясь на свой личный когнитивный опыт.

Многих лингвистов волнует вопрос относительно того, как многозначные слова представлены в ментальном лексиконе. Отказ от взглядов на репрезентацию значений в структуре полисемантов, предполагающих, что слово присутствует в сознании во всей системе значений, послужил поводом обращения к гипотезе существования содержательного ядра многозначного слова. Следовательно, в семантике когнитивной парадигмы XXI века все большее распространение получает прототипическая теория организации многозначных слов (И.К. Архипов, С.А. Песина, Е.П. Беляева, Д.Н. Новиков и др.). Все значения и употребления многозначных слов не случайны и не произвольны – они связаны между собой.

И. К. Архипов основывается на концепции Д. К. Мамардашвили, которая говорит о том, что реальный мир живет в «вечном настоящем». Каждый миг он «вибрирует», воссоздаваясь заново. Поэтому мы живем там, в некоторой точке действительной жизнью, но только на какие-то «мгновения». – Ждать нельзя – цейтнот [Мамардашвили 1996: 96, 158]. «Исходя из реальностей мира и сознания, пребывающих в «вечном настоящем», приходится отказаться от каких-либо решений, подразумевающих удержания в активном сознании «готового знания». С учетом цейтнота, в условиях которого происходит познание, для «прокатывания колеса» по всей цепочке значений blow 1 – blow 5 нет времени, ибо в фокусе активного сознания «здесь и сейчас» не могут встать и достаточно долго оставаться пять концептов, не говоря уже о мысленных переходах от blow 1 к blow к 2 blow к 3 и т. д. Из сказанного следует, что значения многозначного слова никогда не предстают в фокусе активного реального сознания носителя языка целиком все сразу «здесь и сейчас». Поскольку реальный механизм формирования значения оказывается втиснутым в крайне узкие временные рамки, искать решения, очевидно, следует в сфере максимально экономных способов хранения в долговременной памяти информации о существующих структурных и семантических характеристиках слова, которые и выступают в качестве исходной базы всех ЛСВ [Архипов 2001: 93, 94].

Следовательно, можно предположить, что системная информация о единицах языка в памяти индивида находится в более компактном виде, каждое многозначное слово «имеет» более или менее постоянное смысловое ядро.

И. К. Архипов вводит термин «лексический прототип» (ЛП) (содержательное ядро) – целостный образ в сознании носителя языка, связываемый с тем или иным словом, выраженный вербализованными признаками. Это пучок минимальных интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для отождествления предмета мысли [Архипов 2001: 34; Песина 2005: 76-82].

«Концептуальной базой для образования ЛП является номинативно-непроизводное (НН) значение, первое значение, та как оно первым приходит в голову при осмыслении той или иной лексемы и частотные компоненты абстрактного характера, характерные для большинства ЛСВ полисеманта. ЛП способствует актуализации ЛСВ с наименьшими когнитивными усилиями, отвечая принципу экономии. Он также обеспечивает семантические связи между значениями, не давая распасться многозначному слову на омонимы. ЛП «обладает» идентифицирующими признаками и, являясь своего рода стереотипами в рамках обыденного мышления, создается у членов языкового коллектива в результате единообразного членения действительности» [Песина 2005: 78, 82, 300].

«Содержание ЛСВ слова *выводится* (is inferred) в качестве частной актуализации ЛП с учетом языкового контекста знака, речевой ситуации и картины мира. Говорящий не «подгоняет» некие фиксированные («застывшие») значения, забираемые со «склада» памяти, с тем, чтобы они «совпали» с условиями ситуаций, а «выпускает» звуковые или графические формы знаков, соответствующие формам ЛП, находящихся в его голове, с надеждой или уверенностью, что слушающий сможет восстановить задуманные им смыслы, исходя из ЛП, находящихся в его голове, и в соответствии с конституциями. Со своей стороны, слушающий выводит прямые (расширенные или суженные и т. п.) и переносные значения, «прикладывая» ЛП этого слова к различным ситуациям. При этом он использует принципиально ту же схему вывода значений на базе ЛП, что и говорящий. В функционировании именно интерпретационного, а не механического подхода – «положили значение в склад памяти, забрали» – заключается творческий характер речемыслительной деятельности [Архипов 2001: 50, 108].

В заключении отметим, что исследования многозначности в русле когнитивной лингвистики, предполагающей изучение проблем сознания и познания приобретают новые ракурсы рассмотрения и оказываются в центре внимания ученых, поскольку представляют благоприятный материал для изучения концептуализации, категоризации,

развития и функционирования языкового сознания, деятельности мыслительных структур и т.д. [Песина 2005: 6].

Список литературы

1. Архипов, И. К. Человеческий фактор в языке [Текст] : учеб.-метод. пособие (Материалы к спецкурсу) / И.К. Архипов. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2001. – 110с.
2. Глыбин, В. В. «Эпистемологические миражи» лингвистики [Текст] / В.В. Глыбин // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 31 - 44.
3. Зализняк, А. А. Феномен многозначности и способы его описания [Текст] / А.А. Зализняк // *Вопросы языкознания*. – М. Наука, 2004. – С. 20 - 45.
4. Матурана, У. Биология познания [Текст] / У. Матурана // *Язык и интеллект*. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95 - 142.
5. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте [Текст] : монография / С.А. Песина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 325с.
6. Deacon, T. *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain* [Text] / Deacon. – New York: Norton, 1997.

З.Я. Карманова
Москва, Россия

РИТОРИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Значительным достижением лингвистики XX века является признание в лингвистике философского, феноменологического, когнитивного, антропоцентрического, синергетического («синергетическое движение в языке») и металингвистического подходов и допущение использования соответствующего понятийно-терминологического аппарата в лингвистических исследованиях. Лингвистика вступила в «межпарадигматический период» (Ю.С.Степанов), поскольку именно этот «посредующий мир» мы находим, исследуя проявления языковых феноменов в жизни, мышлении и действиях носителей языка [Вайсгербер 1993: 158-162].

Однако, несмотря на то, что «надгробное слово» чистой лингвистике уже произнесено [Леонтьев 1995: 307-308], до сих пор нет убедительной теории риторического слова, способной охватить слово во всем объеме его актуализаций в дискурсе и во всей глубине его внутренней формы, слово в его «внутреннем замысле». Накопленный фактический материал и опыт исследования языковых и риторических фактов и явлений достигли своей критической массы и могут служить основой для синтеза знаний и выработки адекватных подходов, методов и метаязыка анализа феномена риторического слова, обладающих значительной объяснительной силой. Для

продуктивного синтеза накопленных знаний необходим поиск того «болевого нерва», который онтологически связывает разные подходы в изучении феномена риторического слова.

В концепциях слова разных авторов проявляется стремление понять слово, исходя из внутренних оснований человека, во всем «объеме человеческой мысли». Это - стремление проникнуть в то «средостение, где мысль входит в сцепление со словом» (В.Гумбольдт); при этом утверждается некий имманентный онтологический ментальный конструкт, который определяет всю речемыслительную деятельность языковой личности («внутренние основания», «зажигающее жизненное начало», «внутренняя сила» у В.Гумбольдта, «собственные начала» у К.П.Зеленецкого, «психические обертоны» у У.Джеймса, «внутренний органон» у С.С.Хоружего и др.). Совершенно очевидно, что речь идет о рефлексии, актуализующейся в процессе коммуникации в виде направленных энергийно-смысловых векторов сознания и действующей в пределах фундаментальных предикатов сознания или горизонтов сознания. В.Гумбольдт отмечал, что сущность мышления состоит в рефлексии, и «язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии», когда человек пробуждается к самосознанию [Гумбольдт 2000: 301-302]. Сложный и многогранный спектр «собственных начал» ментально-рефлексивного аппарата языковой личности делает проблему исследования, анализа и адекватного описания риторического слова чрезвычайно сложной проблемой.

Признание конструкта рефлексии в качестве ключевого онтологического фокуса феноменологической модели внутренней формы слова и, соответственно, метаязыка анализа позволяет понять слово в его внутреннем замысле и во всем объеме представлений в сознании человека. Рефлексивная компонента (=рефлексема) признается онтологической составляющей слова. Феноменологическая сущность слова являет себя через внутреннюю форму слова, представляющую собой (мета)смысловую матрицу определенной конфигурации, состоящую из векторов фундаментальных предикатов сознания (=рефлексивные векторы) человека, актуализованных в момент соорганизации мысли и слова. Динамическое становление мысли в слове и слова в мысли в процессе коммуникации предполагает формирование специфических «пучков» рефлексивных векторов, адекватных каждой конкретной ситуации, которые и составляют функциональную (мета)смысловую матрицу. Матрица, по определению М.К.Мамардашвили, - это «качество моего способа видения мира» [Мамардашвили 1993: 347-348]. В ней отражается вся совокупность мысленных представлений языковой личности относительно мыслимого предмета. В спонтанной языковой практике люди оперируют (мета)смысловыми матрицами, или определенными текстами сознания,

интуитивно или на основе интерпретации полученных представлений. О возможности «разом схватить все употребление слова» писал Л.Витгенштейн, представляя его как «непосредственное моментальное понимание» [Витгенштейн 1994, с.158].

Являясь сложнейшей самоорганизующейся системой, языковое сознание осуществляет непрерывные и разнообразные трансакции по соорганизации мысли слова, и «линейно развертывающаяся речь оказывается своеобразной знаковой моделью деятельности сознания» [Березин, Головин 1979: 74]. Становление мысли в слове (и наоборот) предполагает движение рефлексии в смыслах и к смыслам («энергийно-смысловая подвижность», по А.Ф.Лосеву), т.е. синергию мысли и слова. Синергетический подход к проблемам риторики позволяет ввести в лингвистическую парадигму категории динамики, интенсивности и энергии – энергии мысли и энергией смыслового становления. Использование терминологического и понятийно-концептуального аппарата синергетики в лингвистических исследованиях в качестве метаязыка анализа различных риторических актуализаций в дискурсе позволяет понять и описать живое слово дискурса в его разнообразных спонтанных, случайных и стохастических проявлениях.

Синергетический подход перестраивает лингвистическое мировоззрение и идеологию лингвистики, открывает новые стороны и явления языка и слова и «позволяет снять некие психологические барьеры, страх перед сложными системами» [Князева, Курдюмов 2002: 83-85]. Господствовавший до сих пор линейный одномерный подход оказался не в состоянии объяснить сложный и многообразный мир языка и необыкновенную разнообразие, изощренность и глубину риторических актуализаций в различных ситуациях дискурса, все многообразие, сложность, открытость к изменениям, смысловую неопределенность, динамику и диалектику различных языковых и риторических структур дискурса. Синергетический подход позволяет существенно расширить горизонты и перспективы лингвистического анализа дискурсных явлений и позволяет обратиться к изучению «дополнительных синергетических «подробностей», которые ранее выносились за скобки, включая сферу неустойчивого в поведении системы [Киященко 1997: 54-55].

Без дальнейшего расширения лингвистической парадигмы применительно к живой стихии языка дискурса невозможно объяснить многие нестандартные, оригинальные речевые актуализации, где имеют место (раз)ветвление смыслов, неустойчивые смыслы, рассеивание смыслов, возникновение новых смысловых качеств и т.д. Как отмечает Б.Тошович, «в исследованиях языковых отношений лингвисты идут только по проверенным путям, создавая шаблон в мышлении и их представлении», и

необходимо выйти из шаблона и своеобразной «языковой тюрьмы», «сменить теоретические очки» и «вступить в запутанный и трудно осознаваемый мир корреляций» [Тошович 2003: 324]. Широкий спектр синергетических параметров (энтропия, бифуркация, флуктуации, моменты и режимы обострения, аттракторы, репеллеры, диссипация, фрактал, хаос). Объектом лингвистики должно стать слово в контексте внутреннего (ментально-рефлексивного) мира языковой личности с ее нелинейным мышлением во всем (много)(разно)образии его параметров.

Общее направление лингвистических исследований – на постижение внутреннего потенциала риторического слова (внутренняя форма слова) и ментально-рефлексивных механизмов формирования (мета)смысловых матриц слова. Именно рефлексивный конструкт, являющийся «болевым нервом» всей системоречимыследеятельности человека, позволяет связать воедино философские, феноменологические, синергетические и другие металингвистические аспекты и подходы в теории слова. Лингвистика «внешних форм», которая по определению В.В.Виноградова, «без всякой философии» [Виноградов 1980], не связанная с законами и принципами становления мысли в слове в сознании языковой личности, должна уступить место лингвистике «внутренних форм». (Мета)смысловой анализ внутренней формы слова должен составлять сущность феноменологического описания риторического слова.

Список литературы

1. Березин, Ф.М., Головин, Б.Н. Общее языкознание [Текст] / Ф.М.Березин, Б.Н.Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
2. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Й.Л.Вайсгербер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы [Текст] / В.В.Виноградов. - М.: Изд-во «Наука», 1980. – 360 с.
4. Витгенштейн, Л. Философские работы [Текст] / Л.Витгенштейн; сост. М.С.Козловой. – Ч.1. - М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 520 с.
5. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию; общ. ред. Г.В.Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – С.35-298.
6. Киященко, Л.П. Синергетика обобщенных представлений [Текст] / Л.П. Киященко // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 50-68.
7. Леонтьев, А.А. Надгробное слово «чистой» лингвистике [Текст] / А.А. Леонтьев // Лингвистика на исходе XX века: Тез. докл. Междунар. конф. – М.: Филология, 1995. – Т.2. - С. 307-308.
8. Князева, Е.Н., Курдюмов, С.П. Синергетическое расширение антропного принципа [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс – Традиция, 2002. – С.80-106.
9. Мамардашвили, М.К. Картезианские размышления [Текст] / М.К. Мамардашвили. – М.: Изд. группа «Прогресс»; «Культура», 1993. – 352 с.

КОНЦЕПЦИИ, ОЦЕНИВАЮЩИЕ РОЛЬ ЯЗЫКА В МЫШЛЕНИИ

Социально-культурные нормы поведения людей определяются их индивидуальным и коллективным менталитетом, который закреплён в языковом сознании представителей сообщества. Перцептивное сознание трансформируется в номинативно – языковое мышление. Таким образом, язык отображает различные языковые картины, формирует, и детерминируют различные социальные культурные нормы, различные мировоззрения.

Проблему соотношения языка и мышления можно рассматривать в соотношении материально идеальное: мышление – идеальная сторона, а языка, как знаковая система материальна. «Язык – это материальное образование, представляющее собой определённую систему, позволяющую выражать мысли, хранить их, передавать и преобразовывать. Мышление...– идеальная система с отличными языка элементами». [Кобзарь 1979: 76].

В современных фундаментальных лингвистических исследованиях значительное место занимают проблемы взаимоотношения языка и мышления, языка и культуры. Проблемы, возникающие в ходе исследований, связаны с многокомпонентностью, многоступенчатостью и многофункциональностью названных объектов. Подходы к решению частных проблем взаимосвязи языка и мышления (гносеологический, бингвальный, психонейрофизиологический и др.) можно считать односторонними.

Из трёх известных видов мышления – конкретно–действительного, образного и логического - на языковом материале функционирует только логическое, очень многие авторы соотносят язык с мышлением (В.З. Панфилов, Ф. М, Березин, Б. Н, Головин, А. С. Мельничук). А. Р. Лурия считает, что соотносить следует два процесса – речь и мышления - и две системы – язык и сознание.

Впервые проблема взаимосвязи языка и мышления была поставлена Вильгельмом Гумбольдтом в его работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества». Гумбольдт полагал, что человеческий опыт, инкапсулированный в содержательные аспекты языка, формирует мышление людей, языковые картины мира, их мировоззрение. Поэтому сколько языков, столько и языковых картин мира, мировоззрений, типов мышления. Идеи Гумбольдта получили свое развитие в европейской традиции в неогумбольдтианстве (Trier, Weissgerber), а в американской традиции – в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Гипотеза Сепира-Уорфа и гипотеза Гумбольдта не получили пока статус теорий, так как

нет убедительных доказательств того, что различие языков определяет различие в стилях мышления и что различные типы обыденного мышления определяют разнообразие языков. В когнитивной науке проблема соотношения языка и мышления была поставлена в центр исследований.

«Удивительно красивую» (Ю. Д. Апресян) гипотезу взаимосвязи языка и мышления создали на оригинальной основе Сепир - Уорф. Гипотезу лингвистической относительности следует рассматривать, как комплекс теорий. Уорф неоднократно ссылался на принцип относительности Эйнштейна, чтобы сформулировать свой принцип лингвистической относительности [Уорф 1960: 176]. Соссюр тоже использовал принцип относительности, чтобы объяснить природу лингвистических ценностей, как систему реляционных форм, а не субстанций. Относительностью Соссюр объясняет и произвольность знака. «...означающее немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него в действительности нет никакой естественной связи» [Соссюр 1977: 32]. Гипотеза Уорфа совпадает с теорией Сепира в том, что они рассматривали язык как систему ценностных зависимостей, где определяющими и релевантными оказываются не сами элементы системы, а отношения между ними.

Уорф применял теорию гештальтов и теорию фигуры – фона для того, чтобы показать онтолого-психологические и информационные основания для различных мировоззрений. Сепир и Уорф выделяли лингвистическое нелингвистическое мышление, при этом для них решающим оказывается понимание языка в процессе познавательной деятельности (language in cognitions). Язык вовлечен в познание только в процессе лингвистического мышления и оказывается нерелевантивным в процессе нелингвистического мышления.

Для них важно было установить область лингвистического мышления и показать его границы. Уорф, как и Сепир, разграничивал два уровня функционирования языка: когнитивный и коммуникативный. При этом когнитивный уровень представленный лингвистическим мышлением, Уорф связывал с таким понятием, как Нама и Рупа, взятыми из индийской философии. С современной точки зрения эти понятия коррелируют с механизмами словообразования, фразообразования и морфологии. Коммуникативный уровень представлен понятием Арупа, которое в современной лингвистике охватывает область коммуникативного синтаксиса и дискурса. В процессе глоттогенеза когниция связана со словообразовательной, фразообразовательной и морфологической номинацией (сам Уорф не употреблял термин «номинация»), а процесс коммуникации представляет собой использование указанных номинативных

средств с опорой на фреймовые механизмы сознания, поэтому язык в процессе познания – это реализация лингвистического мышления средствами номинации, а не модусом коммуникации.

В теориях Соссюра и Хомского рассматривается язык в целом, его возникновение, устройство и функционирование. Версия Соссюра представляет интерпретативный структурализм. Соссюр ставил вопрос об условиях возможности существования языка как особого человеческого феномена. «...язык никогда не существует вне общества, ибо язык это семиологическое явление. Его социальная природа одно – из его внутренних свойств...»[Соссюр 1977: 37]. Такой подход можно сравнить с Кантовским к условиям человеческого познания, сопоставляя язык с листом бумаги, где «мысль – лицевая сторона, а звук – оборотная». Соссюр приходит к мысли, что в языке нельзя отделить ни мысли от звука, ни звук от мысли».

Соссюр приходит к выводу, что роль языка в отношении мысли заключается в том, чтобы служил звеном между мыслью и звуком, то есть Соссюровское понимание языка является знаковым, *langue* – это язык вообще, а не конкретный национальный язык. При трансформации языка в процессе коммуникации конкретный национальный язык последний приобретает признаки знаковой системы, в которой знак понимается как единство звука и значения на уровне психических сущностей. Язык как инвариант и язык как материализованное образование относятся Соссюром к ментальным психическим сущностям, что говорит о том, что Соссюр рассматривал их как психический механизм.

Проблема взаимосвязи языка и мышления является центральной в лингвистике и философии языка Холмского. Лингвофилософские исследования Холмского близки взглядам Соссюра, а его лингвистику можно рассматривать, как порождающий структурализм. Холмский обосновал врожденный характер языковой способности, приравняв его к другим модулям мозга. Умение видеть и слышать является врожденным, языковую способность тоже можно считать врожденной, так как, будучи одним из фундаментальных свойств сознания, выступает в качестве условия овладения языком и его использования. Эту способность можно оценить как языковой трансцендентальный принцип. Трансцендентальность, теория которая была разработана Кантом, представляет собой врожденное свойство сознания. Таким образом, Кант доказывал врожденность познавательной способности человека

В работах Хомского «Принципы и параметры синтаксической теории» (1981) и «Минималистическая программа» (1995) языковая способность понимается как

универсальный язык, как совокупность универсальных предпосылок, лежащих в основе всех языков мира.

Глава английских «аналитиков языка» Джордж Мур и под его влиянием Людвиг Витгенштейн переходит от анализа символического логико-математического языка к логическому анализу естественного языка и тех наивных смыслов, из которых складывается языковая картина мира и обыденное сознание человека. Это течение аналитической философии (или лингвистической философии) считает необходимым устранять недоразумения, возникающие между людьми из-за «неправильного» употребления языка. «Философия есть битва против околдовывания нашего разума средствами нашего языка». «Результат философии - это обнаружение тех или иных проявлений простой бессмыслицы и ссадин, которые мы получаем в процессе понимания, наталкиваясь на границы языка» [Витгенштейн 1977: 112].

Сложность проблемы взаимосвязи мышления и языка обусловлена сложностью и противоречивостью их природы. Оба эти явления сочетают в себе социальное и биологическое, в чем проявляется наиболее общая специфика языка и мышления. С одной стороны, язык и мышление представляет собой порождение мозга человека как *Homo Sapiens*, с другой стороны, язык и мышление являются социальными продуктами.

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985.
2. Кобзарь, И. Мышление и язык. «Язык» логики [Текст] / И. Кобзарь – М., 1979.
3. Соссюр, Ф. де Природа языкового знака / Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977.
4. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. - М.: Прогресс, 1960. - С.169 - 182.

О.Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В развитии любой науки, в том числе и языкознания, происходит поэтапная смена научных парадигм. Термин «парадигма научного знания» был введен Т. Куном в его работе «Структура научных революций» (1962, русский перевод – 1977). Т. Кун определяет парадигму как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун 1977: 11]. В истории языкознания выделяется три научные парадигмы –

сравнительно-историческая, системно-структурная и когнитивная (антропоцентрическая).

Сравнительно-историческая парадигма связана с господством сравнительно-исторического метода в исследовании языка, активно использовавшимся в XIX веке. *Системно-структурная* парадигма характеризуется пристальным вниманием к объекту познания, слову. *Когнитивная парадигма* опирается на принцип антропоцентризма и возникает в результате осознания того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко 1996: 6].

Как уже было отмечено в исследованиях последнего времени, «предмет когнитивной лингвистики – особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке» [Попова, Стернин 2002: 3]. Рассуждения о «психологизме в языкознании» встречаются в работах В. Вундта, А.А. Потебни, Г. Штейнталя.

Уже А.А. Потебня осознавал роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке. Свидетельством этого являются его рассуждения о понятиях, остающихся вдали, и понятиях сильнейших, выдвигаемых вперед, участвующих в образовании новых мыслей [Потебня 1993: 83].

Предпосылки для формулирования объекта когнитивной парадигмы присутствуют и у И.А. Бодуэна де Куртене, писавшего, что «из языкового мышления можно выявить целое своеобразное знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» [Бодуэн де Куртене 1963: 312].

Предметом когнитивной науки является устройство и функционирование человеческих знаний, а сформировалась она в результате работ по созданию искусственного интеллекта. Складывающаяся на этой основе теория оказалась неспособной объяснить познавательные процессы человека и описать эти механизмы, что вызвало необходимость в междисциплинарном синтезе. Когнитивная наука объединила усилия философов, психологов, нейрофизиологов, лингвистов, специалистов в области искусственного интеллекта.

Свою роль в становлении когнитивной лингвистики сыграли также данные лингвистической типологии и этнолингвистики, позволяющие определить, что в

структурах языков универсально, и подталкивающие к поиску внеязыковых причин универсалий и разнообразия.

Зарубежные исследования по когнитивной лингвистике длительное время представляли собой совокупность индивидуальных исследовательских программ, слабо связанных либо вовсе не связанных между собой [Паршин 1996: 30]. Практически параллельно развивались теория прототипов и категориальная семантика Э. Рош, теория концептуальной метафоры и структурирования непредметного мира Дж. Лакоффа–М. Джонсона, теория этнокультурной семантики ключевых культурных концептов А. Вежбицкой, теория структурирования пространства и фонообразования Л. Талми, «ролевая» когнитивная грамматика Р. Лангакера, теория фреймов М. Минского и Ч. Филлмора.

Тем не менее, все исследования были объединены тем, что в центре внимания находилась «связь знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания, мышления, поведения и практической деятельности; преломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в сознании субъекта и фиксирование его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей» [Рябцева 2000: 3].

К настоящему времени когнитивная лингвистика представлена в России и в мире несколькими мощными направлениями, каждое из которых отличается своими установками, своей областью и особыми процедурами анализа. Основными центрами когнитивной лингвистики за рубежом являются отделения Калифорнийского университета в Беркли и Сан-Диего, Центр когнитивной науки Университета штата Нью-Йорк в Буффало. В Европе когнитивная лингвистика активно развивается в Германии и Голландии.

В России достаточно продуктивно работают когнитивные школы в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Воронеже, Иркутске, Кемерове, Тамбове, Челябинске. Для всех названных школ характерно общее для представителей когнитивной парадигмы «стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают» [Писаренко 2000].

В целом же достаточно сложно описать основные течения, которые сформировались в русле когнитивной парадигмы в данный момент, настолько они разнообразны, отличны своими установками и методиками анализа. Обзор существующих тенденций потребовал бы специального труда. Сложность подобной задачи усугубляется тем обстоятельством, что, несмотря на значительное количество

работ, посвященных когнитивной лингвистике, и в западной, и в отечественной традиции отсутствует единое и общепринятое определение термина «когнитивный». На это обстоятельство указывает ряд исследователей, среди которых А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина. Так, Р.М. Фрумкина отмечает, что «к сожалению, термин «когнитивный» размыт и почти пуст» [Фрумкина 1996: 55], а Е.С. Кубрякова говорит о «некоторой неясности и расплывчатости самого термина «когнитивный» или даже понятия когнитивной лингвистики» [Кубрякова 1999: 4].

В результате, как отмечает Н.К. Рябцева, «многие из «когнитивных» лингвистических исследований таковыми не являются, а многие семантические исследования, не ставя перед собой собственно когнитивных задач, по существу выполняют именно их» (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, И.Б. Левонтиной и др.) [Рябцева 2000].

Подобная ситуация вызывает к жизни попытки сопоставить теоретические и практические результаты деятельности различных школ, перевести их терминологический аппарат на один язык, выявить их сходства и различия. В качестве наиболее интересных изысканий этого типа можно назвать статью Е.В. Рахилиной (2000), посвященную «переводу» основных терминов и задач когнитивной парадигмы на язык Московской семантической школы и монографию А.П. Чудинова, в одном из разделов которой проводится сопоставительный анализ теории когнитивной метафоры с теорией регулярной многозначности [Чудинов 2001]. Исследования такого рода имеют немаловажное значение, поскольку позволяют эксплицировать общность многих моментов когнитивной парадигмы и традиционных российских семантических направлений, до этого скрытых за специфичной для каждого из подходов терминологией.

В рамках когнитивной парадигмы наблюдается активное изучение различных областей языкознания – словообразования, морфологии, синтаксиса. Особое внимание уделяется исследованию семантики, разрабатываются ее разные виды – концептуальная, прототипическая, фреймовая.

Е. С. Кубрякова детально описывает круг проблем, требующих рассмотрения в когнитивном аспекте. Это проблема соотношения концептуальных систем с языковыми, научной и обыденной картин мира – с языковой, проблемы соотношения когнитивных или же концептуальных структур нашего сознания с объективирующими их единицами языка, проблемы роли языка в осуществлении процессов познания и осмысления мира, в проведении процессов его концептуализации и категоризации [Кубрякова 1999: 4–5].

Таким образом, когнитивная парадигма возникает как результат принципиально нового подхода к языку, и процесс концептуализации действительности, механизмы формирования концептуальной картины мира и отдельных концептов, а также их объективация в языке являются одной из основных областей рассмотрения современной когнитивной парадигмы.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртене, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / Бодуэн де Куртене. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 1 – 391 с.
2. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
3. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–12.
4. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 288 с.
5. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев, 1993.
6. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е.В. Рахилина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
7. Фрумкина, Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике [Текст] / Р.М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55–76.
8. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.

Н.С. Котова
Ростов-на-Дону, Россия

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СМЕНЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕГИСТРОВ В АСПЕКТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АМБИВАЛЕНТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Использование различных способов смены лексических регистров является типичным для текстов как отечественной, так и зарубежной литературы. Рассмотрим значимость этого приема репрезентации амбивалентной языковой личности на материале масскультового английского текста, соотнесенного с американской реальностью середины прошлого века: Segal E. Love Story / Сигал Э. История любви/.

Главный герой, юрист, спортсмен Оливер Баррет Четвертый, рыцарственный, но порой грубоватый, особенно с родителями, и его возлюбленная, затем жена, душевная и обаятельная Дженни, представлены в разных плоскостях соответствия с первой реальностью. Первый план смены регистра – представление неудачи в семантических координатах успеха:

«Part of being a big winner is the ability to be a good loser. There's
no paradox involved. It's a distinctly Harvard thing to be able to turn any

defeat into victory...

By the middle of the second period, we were beating Dartmouth 0-0. That is, Davey Johnston and I were about to perforate their nets. The Green bastards sensed this, and began to play rougher. Maybe they could break a bone or two before we broke them open.

«Тот, кто хочет побеждать, должен уметь проигрывать. И это не парадокс. Способность обратить любое поражение в победу – типично гарвардская черта ... К середине второго периода мы выигрывали у Дартмута 0:0... Иными словами, Дейви Джонстон и я вот-вот должны были распечатать их ворота...»

Во внутренней речи Оливера чередуются семантически исходные и семантически вторичные именованности.

Оливер ЯЛ-1 признает ничейный счет, возможное поражение и представлен соответствующими номинациями: **К середине второго периода ...0:0; обратить любое поражение...**

Оливер ЯЛ-2 определяет ничейный счет как выигрыш («кодируясь» на перспективу), этому представлению служат вторичные лексические единства: К середине второго периода мы **выигрывали** у Дартмута 0:0... и т.п.

Отмеченный первый план смены регистра системно подготавливает вторую плоскость. В этом втором плане амбивалентность явлена тем же системным способом, сменой лексических регистров, с элементом внутреннего противоречия, представленного в оценках ситуации:

We were pretty much all alone out there, and it was dark and cold and late. I kissed her again. But not on the forehead, and not lightly. It lasted a long nice time. When we stopped kissing, she was still holding on to my sleeves.

"**I don't like it**," she said.

"What?"

"**The fact that I like it.**"

«Поцелуй был долгим.

-Мне это не нравится, - пробормотала Дженни.

-Что?

-Что мне это нравится...»

На одной ступени оценочной рефлексии ЯЛ-1, она представлена позитивом: поцелуй нравится. На другой, более глубокой ступени, – представлена ЯЛ-2, исходная оценка сменилась негативом: тот первый позитив (с оттенком эмоциональной

зависимости от заманчивого поцелуя...) - не нравится. Такие контексты подтверждают закономерность, выявленную В.Ю.Меликяном в сфере внутренней антонимии, а В.И.Карасиком в координатах оценочной энантиосемии, при которой в значении совмещены знак позитивной оценки и знак негативной оценки.

В подобной «семантической атмосфере» вполне закономерно развитие амбивалентности при взаимодействии персонажей. Оно определяется третьим планом. Героиня отваживается передать по телефону отцу Оливера (с которым он враждует) добрые слова от сына, последний возмущен таким поступком, «вербальной самодеятельностью» жены. Герой в первый (и в последний) раз обрушивается на юную горячо любимую супругу в негативном семантическом регистре (соответствующие средства выделены в контексте):

«Three of us. Three of us just standing (I somehow imagined my father
being there as well) waiting for something. What? For me?
I couldn't do it.

Didn't Jenny understand she was asking the impossible? Didn't Jenny understand she
was asking the impossible? That I would

have done absolutely anything else? As I looked at the floor, shaking my
head in adamant refusal and extreme discomfort, Jenny addressed me with a
kind of whispered fury I had never heard from her:

"You are a heartless bastard," she said. And then she ended the
telephone conversation with my father, saying: "Mr. Barrett, Oliver does
want you to know that in his own special way...

She paused for breath. She had been sobbing, so it wasn't easy. I was
much too astonished to do anything but await the end of my alleged
"message".

"Oliver loves you very much," she said, and hung up very quickly.

There is no rational explanation for my actions in the next split
second. I plead temporary insanity. Correction: I plead nothing. I must
never be forgiven for what I did.

I ripped the phone from her hand, then from the socket-and hurled it
across the room.

"God damn you, Jenny! Why don't you get the hell out of my life!"

I stood still, panting like the animal I had suddenly become. Jesus
Christ! What the hell had happened to me?

..."Jenny, I'm sorry-"

"Stop!" She cut off my apology, then said very quietly, "Love means not ever having to say you're sorry."»

Перевод сохраняет общезыковую основу представления АЯЛ путем смены регистров, и это акцентируется формальными отличиями – лексическими средствами, нехарактерными для английского языка или не использованными в английском тексте (например, введение позиции предиката и ее замещение лексемой **заорал**):

«...Нас было трое в этой комнате (мне показалось, что отец тоже здесь /во время телефонного разговора с ним. – Н.К./). И все трое чего-то ждали. Чего? Чтобы я переборол себя? Но это было выше моих сил.

-Ты просто бессердечный негодяй, - процедила она. Затем сказала в трубку:

-Мистер Баррет. Оливер хочет сказать вам, что по-своему он...

Я был настолько изумлен, что не прервал ее, а молча ожидал окончания моего мнимого «послания».

-Оливер вас очень любит, - быстро проговорила она и бросила трубку. Тому, что я сделал в следующее мгновение, нет объяснения...У меня вообще нет оправдания. Нельзя мне простить то, что я сделал.

Я вырвал у нее телефон и в бешенстве швырнул его через всю комнату.

- Черт тебя возьми! – заорал я.- Не суйся в мою жизнь! Оставь меня наконец в покое!

Я застыл на месте, дыша тяжело и хрипло, точно какой-то зверь, в которого я внезапно превратился.

...Господи, что на меня нашло? Я повернулся к Дженни. Но она исчезла.

Я искал ее повсюду.

- Дженни, прости меня. Мне очень жаль и...

-Не надо... Любовь – это когда ни о чем не надо жалеть. Я действительно так думаю. Ты ни в чем не виноват».

Здесь взаимодействуют достаточно типичные грани АЯЛ.

Оливер-ЯЛ-1 - , представлен лексическими средствами негатива, они выступают как семантически исходные.

- God damn you, Jenny! Why don't you get the hell out of my life! - Черт тебя возьми!- Не суйся в мою жизнь! Оставь меня наконец в покое!

Проклятье **God damn** относится к лексике сленга, причем отмечается его характерность для американского варианта английского языка [ODE 1987: 371]. Лексическое единство **hell out of** определяется как разговорный [ODE 1987: 400]. С этими средствами сниженного регистра коррелируют и русские соответствия.

Оливер ЯЛ-2 осуждает, отрицает себя и представлен семантически вторичными в данном плане средствами позитива: сопереживания, сожаления, контактоустановления:-

Jenny, I'm sorry – -Дженни, прости меня. Мне очень жаль.

Амбивалентность подтверждается невозможностью контактно соположить два вида средств: – именно в силу у их семантико-функционального контраста, ср. неприемлемое преобразование: ... *" *God damn you, Jenny! Why don't you get the hell out of my life! Jenny, I'm sorry -"*

**Не суйся в мою жизнь! Оставь меня наконец в покое! Дженни, прости меня.*

Это широко распространенное, типизированное взаимодействие заслуживает, однако, углубленного внимания как типовое проявление именно АЯЛ, а не какой-либо иной сущности. Два лексически контрастных представления тесно связаны с «лексикализацией» внутренней борьбы Оливера, временной утраты человеческой сущности, см.: Чтобы я **переборол себя?** Но это было выше моих сил; Я застыл на месте, дыша тяжело и хрипло, точно **какой-то зверь, в которого я внезапно превратился....** Господи, что на меня нашло.

Раздвоение, представленное сменой регистров, является принципиально типичным. Оно может проследиваться уже в текстах классики. Более того, некоторые из них становятся прецедентными, причем именно аспект АЯЛ позволяет раскрыть природу функционирования лексем в теоретико-лингвистическом измерении, с учетом взаимодействия разноязычных сред и различных периодов.

Список литературы

1. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / Ed. A.S.Hornby. Delhi, 1987.

Ю.В. Кристафорова
Челябинск, Россия

ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (на материале глаголов современного английского языка, содержащих отрицательно–эмотивную коннотацию)

В естественном языке разные знаки могут обозначать один и тот же предмет или ситуацию (синонимия), а один и тот же знак может обозначать разные предметы или ситуации – полисемия. Потребность в обозначении новых объектов и ситуаций обеспечивается главным образом за счет использования уже существующих языковых единиц в новых значениях, то есть за счет полисемии.

В рамках данной статьи нами были рассмотрены изменения значений многозначных глаголов английского языка, содержащих отрицательно – эмотивную оценку.

Как известно, под оценкой понимается « суждение говорящего, его отношение-одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [Ахманова 2004: 305]. Глаголы, относящиеся к данной группе, несут в себе негативный, эмоциональный оттенок значения. Например, у глагола to shoot – одно из значений: застрелить, расстреливать; у глагола to beat – бить, биться и т.п.

В значении полисемантических глаголов, содержащих агрессивную коннотацию, таких как to shoot, to hit, to beat, to strike, добавились значения, которые все больше связаны со спортом, у некоторых глаголов – to shoot, to hit – эти значения занимают более доминирующие позиции, чем в начале XX века.

Спорт, в современном мире, занимает важное положение в жизни каждого человека и это не могло не отразиться в языке. Спортивные баталии стали более агрессивными и, по нашему мнению, естественно, что глаголы с отрицательной коннотацией добавляют такого рода значения.

Например, у глагола to shoot на вторую позицию, после основного значения «расстреливать, застрелить кого-то, используя оружие», вышло значение – бить по мячу. (To shoot II) ***Sport.. to kick or throw a ball in a sport such as football or basketball towards the place where you can get a point*** [Longman 1995: 1315])

Michael turned and shot the ball, making a 3 pointer in the final second.

(Майкл повернулся и бросил мяч, заработав 3 очка в последнюю секунду.)

В словарях того времени эти значения были периферийными, либо вовсе не были включены в значения глаголов:

To shoot

7. in games: to make a play by propelling in a certain manner the object played with.

[Funk and Wagnalls 1925]

To hit

4. in sport:

a) to make something such as a ball move by hitting it with a bat , stick

b) to get a point or some points by hitting a ball etc

[Longman 1995: 677]

В целом - же, значения полисемантических глаголов, содержащих отрицательную коннотацию, за практически столетний период не претерпели особых изменений, что подтверждают следующие примеры:

To beat

1. *бить, колотить, ударять*
2. *выбивать*
3. *отбивать, биться*
4. *ковать*
5. *побивать, побеждать*
6. *превосходить*
7. *лавировать* [Аракин 1954: 81].

To beat

1. *бить*
2. *взбивать*
3. *побивать*
4. *бить*
5. *биться*
6. *стучать*
7. *отбивать* [Collins 1996: 40].

Но у глаголов появилось больше значений дополнительно к уже имевшимся и практически не одно значение не было сокращено, только из доминирующих было перенесено в периферийные. Например, *to strike* в значении - бастовать. Словари конца XX века ставят это значение на периферию. Нам кажется, что это связано с тем, что значение «бастовать» уже не является столь актуальным, каким было в начале XX века, в современном обществе стараются не решать проблемы таким способом, а пытаются прибегнуть к конституционным мерам.

Если доминирующие значения глаголов с агрессивной коннотацией не претерпели изменений, то периферийные значения приобрели всё более жестокий и агрессивный характер, и некоторые глаголы потеряли значения, в которых негативные коннотации не присутствовали. Так, например, в семантике значений глагола *to shoot* не просматриваются такие значения, как – испускать свет, определять высоту солнца, – которые присутствовали в словарях в первой половине XX века.

Что касается глагола *to hit*, современные словари выделяют еще два новых значения:

- *находить, напасть*

- ограбить, убить,

то есть помимо уже существующих отрицательных коннотаций, в обиход вошли еще значения с более агрессивными и эмоционально-окрашенными компонентами. Что подтверждают и англоязычные словари.

(To hit - 1. to touch someone or something quickly and usually hard with your hand, a stick etc, 2. to move into something quickly and hard, 3. to move a part of your body quickly and hard against something so that it hurts you, 4. in sport: a). To make something such as a ball move by hitting it with a bat, stick, b). to get a point or some points by hitting a ball etc, ... [Longman 1995: 677]).

She hit him playfully over the head with her newspaper. (Она легонько ударила его по голове газетой.)

Рассматривая изменения значений глаголов, можно сделать вывод о том, что называя новые явления человек, чаще всего использует известные семантические структуры.

Окружающая нас объективная действительность находится в постоянном движении и развитии. Периферийные значения полисемантических глаголов с отрицательной коннотацией приобретают все более отрицательный характер.

Очень многие проблемы решаются посредством насилия, создается более совершенное оружие, возрастает количество преступлений и это не могло не отразиться в языке. Часто встречаются ситуации, когда человек вынужден прибегать к более эмоционально-выразительным словам.

Такого рода расширение, продвижение от простого к сложному, от наглядного, наблюдаемого к абстрактному, ненаблюдаемому – общий принцип когнитивной деятельности человека [Кустова 2004: 23]. С течением времени меняются когнитивные основы некоторых семантических понятий и по объективным причинам в современном мире усиливается и отрицательная окраска глаголов, описывающих эти явления.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Англо-русский словарь. Гос. издательство иностранных и национальных словарей [Текст] / В.Д. Аракин. - М., 1954.
2. Кузнецова, Э. В. О путях выделения компонентов значений слов при описании семантических групп [Текст] / Э.В. Кузнецова // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. - С.107-117.
3. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова.- М., 2004.
4. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте [Текст] : монография / С.А. Песина. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 325с.
5. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. Third Edition., 1995.
6. The Practical Standard Dictionary of the English Language [Text]. Funk and Wagnalls company New York and London, 1925.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ВНИМАНИЕ» ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫМ СЛОВСОЧЕТАНИЕМ *PAU ATTENTION*

Современные исследования в области когнитологии указывают на то, что язык является неотъемлемым компонентом когниции [Вишнякова 2006: 40], системой (деятельностью) переработки, передачи и хранения информации [Кравченко 2000: 20]. В связи с этим ученые предполагают наличие определенных когнитивных структур схематизации опыта, которые содержатся в сознании человека и находят свое отражение в языке. Одной из таких структур является фрейм – «организованная ментальная картинка», отражающая знания о стереотипной ситуации, организующее концептуальное начало, обеспечивающие, как семантическое единство, так и формирование, модификацию значения объективирующей его лексики.

В результате ряда экспериментов в области теории фреймов доказано, что, сравнительно с другими частями речи способность активировать фреймы, в высокой степени проявляется у глагола. Дело в том, что глагол (и соотносящееся с ним по денотативному статусу глагольно-именное словосочетание) в большей степени наделен способностью в свернутом виде номинировать сложные структуры знания, репрезентировать целое событие [Кубрякова 1992: 85]. Это означает, что семантика глагольной лексемы представляет собой не просто обозначение действия, состояния или процесса, а описывает целую ситуацию, где обозначенное глаголом действие, процесс или состояние одновременно воспринимаются с событиями, предметами или явлениями.

Учитывая объект исследования, мы предполагаем, что концептуальная модель экстралингвистической ситуации внимания может быть представлена в виде фрейма. Фрейм «внимание» является сложной моделью, отношения внутри которой можно описать с помощью подфреймов произвольного и непроизвольного внимания. Подфрейм «произвольное внимание» состоит из обязательных (компоненты: СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ОБЪЕКТ, СТИМУЛ; признаки «ментальность», «сконцентрированность», «направленность») и факультативных (компоненты: ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ/ЦЕЛЬ, СТЕПЕНЬ, НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ АКТИВНОСТЬ, ПРОЯВЛЕНИЕ ВНИМАНИЯ; признаки: «непосредственность/опосредованность», «перцепция», «интерес», «настороженность») элементов, находящихся в иерархической зависимости.

На языковом уровне данный подфрейм актуализируется рядом глагольных лексем, проявляющим различные способности к описанию ситуации произвольного внимания на функциональном и системном уровнях. С целью упорядочивания и установления иерархии единиц, объединенных подфреймом «произвольное внимание» мы обращаемся

к описанию типичного представителя, прототипа рассматриваемого подфрейма.

Употребляя термин «прототипический», мы ссылаемся на мнение Ч. Филлмора о том, что с глагольной лексемой связана сцена-прототип, которая определяет основное содержание, которое, в свою очередь, вкладывается в глагол при условии отсутствия какой-либо добавочной информации [Филлмор 1983: 81]. Опираясь на указанное определение, мы предполагаем, что прототипом глагольных лексем подфрейма «произвольное внимание» является глагольно-именное словосочетание (ГИС) *pay attention (to sb/sth)*, поскольку оно в наиболее нейтральном и общем виде описывает ситуацию произвольного внимания, покрывает значения всех лексических единиц, актуализирующих подфрейм. В связи с этим его немаловажной особенностью является способность трактовать значения многих ГИС и глаголов в толковых словарях, например: *focus 1. to concentrate on something and pay particular attention to it* [Macmillan 2005].

Толкование самого сочетания *pay attention (to sb/sth)* доказывает отмеченную стилистическую нейтральность: *pay attention (to sb/sth) to listen to, watch, or consider something or someone very carefully* [Macmillan 2005].

Определение ГИС *pay attention (to sb/sth)*, системно актуализирующего концептуальный признак «непосредственность», в качестве «лучшего образца» не случайно, поскольку сцена-прототип, вызываемая данной единицей, смещает акцент на СУБЪЕКТ фрейма как определяющий компонент, в то время как актуализация концептуального признака «опосредованность» влечет за собой нивелирование этого обязательного компонента и указывает на лидирующую роль компонента СТИМУЛ. Итак, согласно словарным дефинициям, в прототипическом значении исследуемого ГИС описывается ситуация произвольного внимания, которая заключается в том, что некто осознанно обращает внимание на неодушевленный/одушевленный объект реальной действительности, а это означает, что данное ГИС своим значением способно актуализировать все обязательные компоненты и признаки фрейма «внимание».

Из определения также вытекает способность прототипической единицы описывать весь процесс внимания без акцента на видовые и качественные характеристики, что находит подтверждение в языковом материале, например:

It is a wonder, the way she pays such acute attention to detail than others would regard of no importance [Huth 1999: 359].

Однако *pay attention (to sb/sth)* также свободно используется носителями языка при описании какого-то конкретного вида внимания, о чем можно судить, проанализировав прилегающий контекст, который позволяет интерпретировать значение

pay attention (to sb/sth) в зависимости от акцента на признаках «ментальность»/«перцепция», например:

“... It was her dad’s face I paid attention to” [Johnson 1997: 257].

People are unlikely to pay much more attention to his decisions just because there has been some fiddling with the constitution [British ... ABD: 1403].

Кроме того, анализ фактического материала показывает некоторое численное преобладание данного сочетания над глагольными единицами рассматриваемого фрейма. Такая частотность обусловлена способностью сочетания pay attention (to sb/sth) участвовать в описании ситуации не только внешнего и внутреннего внимания, но и отражать произвольность процесса, как самостоятельно, так и в совокупности с целым арсеналом языковых средств, таких как модальные глаголы, конструкции с императивом, глагол do в позиции усилителя значения и др., например:

“And do pay attention, Sebby. ...” [Peters 1988: 134].

Не менее важной особенностью ГИС pay attention (to sb/sth) является подвижность элементов структуры при включении в ее состав средств актуализации факультативных компонентов. Так, с целью акцента на качестве процесса внимания (СТЕПЕНЬ) существительному attention может предшествовать прилагательное в нулевой (положительной), сравнительной или превосходной степени сравнения, например:

“...And yet never once did I see you pay her the slightest attention except that which always exists between childhood friends. ...” [Peters 1988: 55].

Подводя итог вышесказанному, отметим правомерность выделения ГИС pay attention (to sb/sth) в качестве прототипа подфрейма «произвольное внимание» на основании способности описывать ситуацию произвольного внимания в наиболее полном виде без учета дополнительной информации, способности трактовать значения других лексических единиц, быть стилистически нейтральным, частотным. Однако необходимо подчеркнуть тот факт, что определение прототипа является только начальным этапом исследования. Дальнейшая работа ведется со всеми глагольными лексемами исследовательского корпуса с целью определения ядерно-периферийного положение каждой единицы на основании соотнесения ее семантики с семантикой прототипа при учете механизма профилирования того или иного элемента фрейма в семантической структуре лексемы. Это позволяет выйти в своем лингвистическом анализе на уровень, как фреймовой, так и межфреймовой синонимии и вскрыть семантические особенности глагольных лексем, не доступные в рамках традиционного подхода к семантике лексических единиц.

Список литературы

1. Вишнякова, О. Д. Семиотика концептов – новое направление когнитивистики [Текст] / О. Д. Вишнякова // Вестник университета / Гос. ун-т управления. – М., 2006. – № 8 (24). – С. 39-43. – (Социология и управление персоналом).
2. Кравченко, А. В. Когнитивный анализ слова [Текст] / А. В. Кравченко ; Иркут. гос. экон. акад. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. – 282 с.
3. Кубрякова, Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка : модели действия : [сб. ст.] / РАН, Ин-т языкознания. – М., 1992. – С. 84-90.
4. Филмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики [Текст] / Ч. Филмор // Прикладная лингвистика : [сб. ст.]. – М., 1983. – С. 74-122. – (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 12).
5. British National Corpus. Simple Search of BNC-World [Electronic resource] / University of Oxford. – Oxford, 1992. – Mode of access: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>.
6. Huth A. Wives of the Fishermen / A. Huth. [Text] / J. Krantz. McGowan F. A Kept Woman / F. McGowan. Krantz J. The Jewels of Tessa Kent. – L. : The Reader's Digest Association Limited, 1999. – 479 p. – (Of love and life).
7. Johnson, J. K. The Miracle Baby [Text] / J. K. Johnson. – Richmond : Mills&Boon, 1997. – 299 p.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners : International student edition [Текст]. – Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2005. – 1691 p.
9. Peters, C. The False Bethrothal [Text] / C. Peters. – Richmond : Mills & Boon, 1988. – 255 p.

И.Р. Куралева
Санкт-Петербург, Россия

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

Категории понимаются в когнитивной лингвистике как множество неравноправных членов. Мы считаем, что категория посессивности (КП) может быть рассмотрена как прототипическая категория в силу следующих причин:

(1) Одной из главных особенностей когнитивных категорий является отсутствие четких границ. КП пересекается с такими категориями как локативность, бытийность, качество, состояние. *"В этом году у нас будет спецкласс –... "* [Н.Толстая], где кроме отношений посессивности представлены отношения локативности и бытийности; *"У вашего дедушки есть прелестная вещь..."* [Н. Толстая], где отношения посессивности совмещены с отношениями локативности, бытийности и качественности и т.п.

(2) Размытость границ КП, пересечение ее с другими категориями приводит к тому, что отдельные языковые единицы приобретают дополнительные значения.

(3) Таким образом, КП может быть признана аналогичной естественным категориям, которые имеют прототипическое строение, т.е. все члены которых обладают

не полностью повторяющимися признаками. Выделяется лучший образец своего класса, который олицетворяет прототип, вокруг которого группируются и остальные члены категории.

КП включает в себя широкий спектр различных отношений (отношения собственности, части и целого, родства и др.). Задача состоит в том, чтобы выяснить, каким образом все эти настолько разные семантические отношения попадают под одну рубрику "посессивность".

Прототипический подход предполагает объединение различных отношений в КП за счет установления «посессивного прототипа», прототипа КП. Другие отношения, составляющие данную категорию, рассматриваются как отклонение от прототипа или как метафорически понимаемое его расширение [Taylor 1999: 301].

Дж. Тейлор предлагает рассматривать «посессивный прототип» как посессивность, понимаемую в узком смысле, т.е. как отношение собственности между человеком и вещью. Другие отношения – это отклонения от прототипа.

С рассмотренным посессивным прототипом, который был предложен Тейлором, согласны многие отечественные лингвисты [Л.И. Лухт 1977, А.В. Бондарко 1996, К.Г. Чинчлей 1996, Н.Г. Виноградова 2002].

Самое главное, что дает прототипический подход для изучения КП – это понятия прототипа и периферии, позволяющие объединить очень разные в семантическом плане отношения, которые и составляют КП и выражаются в языке посессивными конструкциями.

Р.В. Лангаккер предложил схематизированную характеристику посессивности, которая «является попыткой синтеза теории прототипов и категоризации на базе схем» [Лангаккер 1997: 167]. Р.В. Лангаккер считает, что для КП схематическая характеристика представлена в способности использовать понятие одной единицы как точку отсчета для целей установления ментального контакта с другой, т.е., иными словами, схематизированное значение посессивности заключено в понятии «когнитивная точка отсчета» («cognitive reference point»). Р.В. Лангаккер предлагает не один прототип для КП, а целых три. Так, посессивными прототипами являются отношения собственности, родства и отношения «части и целого», они же есть концептуальные архетипы, в которых функция точки отсчета, как считает Р.В. Лангаккер, достаточна очевидна.

Итак, посессор – это точка отсчета (reference point), обладаемое – цель или мишень (target). Выражение «*машина Джона*» указывает на определенную машину. Для того чтобы определить, какая из бесчисленных машин имеется в виду, первое, что

нужно сделать – это определить личность самого Джона, предполагаемый референт, в данном случае машина, «расположен» (метафорически говоря) поблизости от Джона.

Важно иметь в виду, что при данном подходе участники такого взаимоотношения никак не конкретизируются, не определяются, т.е. такой подход исключает любой конкретный тип отношений между точкой отсчета и целью. Дж.Тейлор показывает это на примере с машиной Джона. Так, *машина Джона* может означать машину, которой он владеет, равно как машину, которую он взял напрокат, кроме того, это может быть украденная им машина, и, наконец, предположим, что Джон - дизайнер машин, тогда, это может быть машина, которую он спроектировал. Фактически, как замечает Дж. Тейлор, здесь может быть перечислены любые прагматически убедительные отношения [Taylor 1999: 301].

Одним из достижений данного подхода является использование понятия «точка отсчета», которое четко объясняет, почему поссессивы обычно не обратимы. Мы говорим *хвост кота*, и было бы странно, если бы *хвост* был точкой отсчета для животного, частью которого он является. *Кот* – это «целое», поссессор и, поэтому, точка отсчета.

Таким образом, схематизированный подход Р.В. Лангаккера определил схему, на основе которой строится вся КП: поссессор - это точка отсчета, обладаемое - цель. Данная схема является универсальной характеристикой КП, поскольку отражает врожденные способности человека, независимые от национальности и языка.

Мы считаем, что подход Р.В. Лангаккера выявляет особенности семантической структуры КП (отношения между поссессором и обладаемым), которые не нашли своего отражения в рассмотренной ранее концепции Дж. Тейлора. Поэтому не рассматриваем концепцию Р.В. Лангаккера как альтернативную прототипическому описанию КП, она выступает как обобщающее дополнение по отношению к концепции Дж. Тейлора.

Р.В. Лангаккер основывается на анализе семантической структуры КП, но не идет дальше обозначения ее формальных аспектов. Обозначив посссора как точку отсчета, а обладаемое как цель, Р.В. Лангаккер указал на наличие определенных функций, которые выполняются субъектом по отношению к объекту и, соответственно, объектом в отношении субъекта. Так, объект, будучи целью, направляет и мотивирует действия субъекта. Субъект как точка отсчета определяет объект.

При построении своей концепции Р.В. Лангаккер не учитывает особенности языковых форм выражения КП, в частности разницу между атрибутивными и предикативными конструкциями. Атрибутивные конструкции в языке не раскрывают всего спектра значений КП, их задача – указать на принадлежность объекта, но они не раскрывают специфики взаимоотношений субъекта и объекта (*машина Джона*).

Характер взаимоотношений субъекта и объекта выражается предикатом, который отсутствует в атрибутивной конструкции. Значения КП располагаются в диапазоне от значения собственности до значения наличия, а разница значений в атрибутивной конструкции нивелируется, в то время как предикативная конструкция позволяет выявить все оттенки значений.

Одним из методов когнитивной лингвистики является метафорический анализ, который опирается на ряд положений, разработанных такими учеными, как Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004].

Метафорический анализ может быть эффективно применен к изучению структуры КП. Он состоит в том, что посессивные высказывания, непопадающие под определение прототипа, рассматриваются как метафоры. Метафора понимается как процесс осмысления и переживания явлений одного рода в терминах другого. Во всякой метафоре должна быть донорская и рецепиентная (или область мишени) зоны [Рахилина 2000: 360]. В нашем случае в качестве донорской области выступает прототипическая модель, основанная на представлении об отношении собственности. Когда отношения с объектом обладания не укладываются в прототипическую схему, в посессивном высказывании возникают новые значения, которые определяются как метафорические. Система метафорических значений, с одной стороны, связана с прототипом, а с другой стороны, образует конкретное наполнение общего значения КП.

Список литературы

1. Бондарко, А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 220 с.
2. Виноградова, Н.Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке [Текст] / Н.Г. Виноградова Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 19 с.
3. Лакофф, Дж; Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Лангаккер, Р.В. Модель, основанная на языковом употреблении [Текст] / Р.В. Лангаккер // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1997. №4. С.159-174.
5. Лухт, Л.И. Категория бытия и обладания (французско-румынские параллели) [Текст] / Л.И. Лухт // Категория бытия и обладания. – М.: Наука, 1977. С.125-144.
6. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. 416 с.
7. Чинчлей, К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации [Текст] / К.Г. Чинчлей // ТФГ. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С.100-118.
8. Taylor, J.R. Possession [Text] / J.R.Taylor // Concise encyclopedia of grammatical categories. Ed. By Keith Brown, Jim Miller. – Elsevier, 1999. P.300-303.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Бурное развитие постмодернистских концепций языка не уничтожило традиционные взгляды на его роль и функцию в культуре. В наше время язык продолжает оставаться средством коммуникации и взаимопонимания людей, ставящих перед собой вполне определенные цели и стремящихся самоорганизоваться для их достижения. Именно для обеспечения последнего и существует необходимость в разработке адекватных современности концепций языка, в частности – в когнитивной лингвистике.

По определению В.З. Демьянкова, «когнитивная лингвистика» – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации. На научном жаргоне последних лет эта задача ставится так: каковы «репрезентации» знаний и процедуры их обработки?» [Демьянков 1994: 21]. При этом, «центральная задача когнитивной лингвистики формулируется как описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего. Говорящий-слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и соотносящая языковую информацию на различных уровнях. Цель когнитивной лингвистики, соответственно, – в исследовании такой системы и установлении важнейших принципов ее, а не только в систематическом отражении явлений языка. Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т.е. какова «когнитивная действительность» [Демьянков 1994: 22].

Основополагающее понятие когнитивной лингвистики – «когниция», отличие которой от знания в том, что она «внеположена истинностному значению и оперирует как (истинным) знанием, так и заблуждениями. Ее характеризуют процедуры обращения со знаниями и мнениями (некоторые из которых могут быть ошибочными и неадекватными) вместе с их связями. Знаниям и мнениям приписываются репрезентации, которые когниция как процедура порождает и использует» [Демьянков 1994: 24]. При этом «когниция» выходит за пределы языка: «И при эволюции видов, и в развитии индивидов когнитивные структуры, интерпретирующие воспринимаемые предложения и инициирующие продуцируемые предложения, устанавливаются в период

предъязыкового развития, в результате усвоения адаптивного поведения. Как современному ребенку, так и гуманоидам, еще не имевшим языка, необходимо: осознавать значимость состояний и событий вокруг себя; научиться соответственно действовать [Демьянков 1994: 30].

На уровне языковых структур различение понятий и когний «проходит по следующей линии: понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем, опираясь на логические соображения; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности, – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций. Своеобразная мода на термин концепт в научной и художественной литературе конца XX-начала XXI века была вызвана интересом к реконструкции тех сущностей, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом. Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений, старых концептов, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия» [Демьянков 2005: 5]. Таким образом, «Когниция дает процедурный ключ к пониманию и целого текста, и его частей» [Демьянков 2005: 6].

Таким образом, когнитивистский подход к языку исходит из задачи обеспечения понимания знания (воплощенного в тексте или речи). Расширение классического подхода заключается в явном (по возможности) учете и анализе внеязыковых факторов, влияющих на понимание, – затрудняющих или облегчающих его. Поэтому когнитивная лингвистика все более широко обращается к тем наукам и дисциплинам, предметом которых и являются те или иные факторы, так или иначе влияющие на понимание, т.е. на функционирование языка. При этом она стремится оставаться в рамках объективистской парадигмы, чтобы сохранить статус научности. Но именно такое ее стремление подвергается критике со стороны так называемых некогнитивистов, указывающих на отсутствие в когнитивистских концепциях субъекта.

Фундаментальную «когнитивистскую ошибку» они видят «в использовании эпистемологических категорий и схем для описания и объяснения всех, в том числе некогнитивных, феноменов духа (сознания, психики). Речь идет не о каком-то частном методологическом уклоне, характерном для того или иного философского течения или исторического периода. Даже самый беглый обзор истории философской мысли под указанным углом зрения позволяет заметить, что эпистемология всегда имела отчетливо выраженную тенденцию к расширению своего предметного поля – вплоть до включения

в его границы всего "внутреннего мира" человека; в этом предельном случае духовная активность субъекта определялась в целом как "познание", идеальные продукты этой активности – как "знания", внешнепредметные действия и их объективированные результаты – как реализация и опредмечивание знаний и т.п.» [Максимов 2003]. С этой точки зрения, «когнитивизм... обозначает концепцию, редуцирующую сознание к знанию, т.е. трактующую все компоненты сознания (включая и ценностно-интенциональные) как когнитивные феномены...» [там же].

Современный нонкогнитивизм – это «не какая-то компактная философская позиция или концепция, это скорее некоторое множество разноплановых методологических положений, конкретизирующих общий тезис о том, что сознание (духовная жизнь, ментальность, психика, идеальное и т.п.) не сводится к знанию и познанию, т.е. включает в себя и некогнитивные элементы... Нет нужды, например, в специальном доказательстве того, что некоторые реалии психики – воля, аффекты, побуждения, потребности и т.д. – не являются "знаниями" (в широком смысле этого слова), т.е. не являются "образами" или "моделями" чего-либо (или, во всяком случае, не могут быть редуцированы целиком к своим когнитивным составляющим, если таковые вообще имеются)» [Максимов 2003]. Смысл спора между когнитивистами и нонкогнитивистами в том, что первые утверждают, что «что оценки, нормы, идеалы и т.п. принадлежат к корпусу знания и потому могут поверяться на истинность или ложность. Правда, фактически предметом когнитивистской интерпретации были не любые оценки и нормы, а лишь те, которые выражаются в объективно-безличной форме – моральные, эстетические и некоторые другие» [там же], тогда как вторые «доказывали, что ценностные суждения органически связаны с теми аффективно-конативными феноменами психики, некогнитивность которых общепризнанна, поэтому ценностные суждения неререферентны, они не могут быть истинными или ложными» [там же].

Как можно видеть, суть разногласий в том, насколько *ценности* могут быть или считаться нормативными, т.е. обязательными, в культуре. Вся проблема в том, что ценности, по природе своей, имеют смысл, задаваемый не определениями, доказательствами или обоснованиями, а факторами, выходящими за пределы науки и научного мышления вообще. Поэтому для теоретической лингвистики здесь возникает альтернатива: либо продолжать пытаться «втиснуть» ценности в рамки рациональности и работать с тем, что в эти рамки «вместится», не обращая внимания на то, чему не хватило места, либо разрабатывать лингвистические концепции нового типа – двуслойные, включающие два, ранее считавшиеся несовместимыми, вида реальности: знаниевую (мыслительную) и ценностную (эмоциональную). В первом случае

когнитивная лингвистика заведомо сужает предмет собственного исследования, ограничивая его только тем, что поддается ее методам; во втором – требуется выход в более широкий контекст исследования, объединяющий эти два вида реальности неким естественным образом.

Таким образом, в когнитивной лингвистике делается попытка расширения рациональных оснований анализа языкового дискурса за счет учета внеязыковых факторов. Однако, здесь возможны два пути: расширять традиционную лингвистическую парадигму или рационализировать эти факторы.

Список литературы

1. Грязнова, Ю.Б. Функции знания и понимания в современном интеллекте [Электронный ресурс.] / Ю.Б. Грязнова // Режим доступа: <http://www/philosophy.ru/library/>. 1998, свободный.
2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 17-33.
3. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. - 2001. - № 1.
4. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. - № 3. – С. 5-10.
5. Максимов, Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли [Электронный ресурс.] / Л.В. Максимов // Режим доступа: <http://ethics.iph.ras.ru/works/Kognitivism/1.html/>. 2003,. свободный.
6. Мележик, М.Ю. К вопросу о когнитивной природе текста. Язык. Дискурс. Текст. [Текст] / М.Ю. Мележик // П Международная научная конференция, посвященная юбилею профессора Г.Ф. Гавриловой: Труды и материалы. Ч.1.- Ростов н/Д: Изд. РГПУ, 2005. – С. 212.

О.В. Магировская
Тамбов, Россия

КОГНИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ НА УРОВНЕ ВОСПРИЯТИЯ

В сознании субъекта познания как активной координаты речемыслительного процесса осуществляется целый ряд отдельных, но в то же время тесно взаимосвязанных когнитивных действий. Контакт человека с миром начинается в рамках восприятия как одной из форм чувственного мышления, представляющей собой «непосредственное отражение предмета или явления в целом, как совокупности определенных признаков» [Гречко 2003: 121].

Восприятие как особый тип когнитивной деятельности задействует работу органов чувств, которые выступают в роли каналов получения информации о мире объектов и явлений реальной действительности. Способность субъекта познания

чувственно воспринимать физическую реальность в большинстве языков профилируется посредством особой группы глаголов – глаголов чувственного восприятия. В английском языке это, прежде всего, глаголы *to see, to hear, to feel, to smell, to taste* и все производные от них.

Средства актуализации процесса восприятия разнообразны и многочисленны. К ним относятся единицы, содержащие в своей семантике указание на наблюдаемость объекта или контакт с ним. Так, например, компонент «зрительное восприятие объекта» включен в семантическое значение глаголов, объединенных целым рядом значений: 1) «видеть/наблюдать/замечать» (*to observe, to sight, to notice, etc.*); 2) «появляться в поле зрения» (*to emerge, to appear, to turn/show up, to enter, to open up before one's eyes, to come into view, come in sight, etc.*); 3) «указывать на наблюдаемое свойство, признак» (*to flush, to shine, etc.*); 4) «выражать чувства и эмоции (мимикой, поведением)» (*to express, to show, to neglect, to ignore, to adore, etc.*); 5) «занимать определенное положение в визуально воспринимаемом пространстве» (*to jut out, protrude, stick up, stick out, etc.*); 6) «осуществлять воспринимаемые органами зрения движения/действия» (*to nod, to smile, to run, to wave, to fall, to burn, etc.*); 7) «менять визуально воспринимаемые свойства» (*to grow / turn white (red, pink), to loom large, etc.*) и др. Далеко неполный список лексических единиц с семантическим потенциалом указывать на события и их характеристики, наблюдаемые со стороны, может быть значительно расширен большим количеством существительных и прилагательных (*expression, look, visibility, apparent, megascopic, scorn, etc.*).

На уровне восприятия субъект познания выступает как наблюдатель. В зависимости от его активности выделяется два основных типа рассматриваемой когнитивной деятельности: нецеленаправленное (непреднамеренное, неосознанное) восприятие и целенаправленное (сознательно регулируемое) восприятие. Их различие наглядно формулируется С.Л. Рубинштейном: «Воспринимая, человек не только *видит*, но и *смотрит*, не только *слышит*, но и *слушает*, а иногда он не только смотрит, но *рассматривает* или *всматривается*, не только слушает, но и *прислушивается*; он часто активно выбирает установку, которая обеспечит адекватное восприятие предмета...» [Рубинштейн 2000: 226].

В языке факт активности/пассивности наблюдателя репрезентирован таким категориальным признаком глагола, как акциональность / неакциональность. Активность наблюдателя («активное восприятие» в терминологии Г. Лича [Leech 1975]) профилируется акциональными глаголами, пассивность («инертное состояние» в терминологии Г. Лича [Leech 1975]) - неакциональными. Особенность глаголов первой

группы заключается в том, что они актуализируют действие наблюдателя, представленного в синтаксической структуре предложения-высказывания агенсом. Неакциональные глаголы репрезентируют собственно воспринимаемую ситуацию, объекты и их свойства, выявленные в результате данного типа когнитивной деятельности. Их семантика включает указание на то, что определенное действие (свойство, состояние, процесс) предполагает тот или иной способ его восприятия субъектом познания (например, *'to taste' – to have a particular taste* [LDCE 1992: 1084]; *'to feel' – to give, produce the stated sensation, seem* [LDCE 1992: 374]). Различие вышеуказанных способов восприятия прослеживается в нижеприведенных парах примеров:

I always taste food before adding salt [LDCE 1992: 1084]. - *This soup tastes of chicken* [LDCE 1992: 1084].

I can't feel where the light switch is [LDCE 1992: 374]. – *Your hands feel cold* [LDCE 1992: 374].

В английском языке активная деятельность наблюдателя имеет формы лексической и грамматической актуализации. В глагольных парах *to hear – to listen*, *to see – to look* четко прослеживается противопоставление относительно семантического указания на активность и целенаправленность восприятия. *To listen* и *to look* включают его в свою семантику (*'to listen – to give attention in hearing, to take notice; hear or consider with thoughtful attention'* [LDCE 1992: 611], *'to look – to turn the eyes so as to see something'* [LDCE 1992: 619]), эксплицируя признак активной деятельности; *to hear*, *to see*, наоборот, репрезентируют, прежде всего, физическую способность к восприятию (*'to hear – to receive (sounds) with the ears'* [LDCE 1992: 485]; *'to see – to use the eyes; have or use the power of sight'* [LDCE 1992: 945]). Грамматически это выражается в возможности образования форм прогрессива для глаголов *'to listen'* и *'to look'* и невозможности такой грамматической формы для глаголов *'to hear'* и *'to see.'*

Язык, таким образом, предоставляет средства материализации различных аспектов восприятия. В нем находят актуализацию как фигура наблюдателя, выступающая в роли пространственно-временной точки отсчета, так и способ осуществления наблюдения. (Подробный анализ особенностей репрезентации наблюдателя в языке дан в работах Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, А.В. Кравченко, Т.Л. Верхотуровой и др.).

Особый интерес для лингвистики (прежде всего, ее когнитивного направления) на современном этапе развития данной науки имеет исследование восприятия как деятельности, в рамках которой осуществляется первичная концептуализация и

категоризация мира. Выявление языковых категорий, репрезентирующих вышеуказанные когнитивные процессы, предполагает выявление особенностей восприятия. В качестве основных представляется необходимым выделить следующие:

1. Чувственная (эмпирическая) основа.

В основе данного типа когнитивной деятельности лежит чувственно-практический опыт, предполагающий получение информации (всегда конкретной и индивидуальной) по пяти каналам восприятия, в роли которых выступают органы зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния. Данные системы, хорошо развитые у человека, служат источником получения информации о различных признаках наблюдаемых объектов, процессов и явлений окружающего мира.

2. Ограниченность физиологическими возможностями.

В силу того, что в фокусе когнитивной деятельности наблюдателя находится только чувственно-воспринимаемая реальная действительность, рассматриваемый этап процесса познания обусловлен физиологическими особенностями и возможностями человека. С одной стороны, ограничение накладывается степенью развитости органов восприятия у человека. С другой стороны, ограничение предполагает включенность наблюдателя в определенные пространственно-временные рамки, за пределами которых восприятие невозможно.

3. Отражательный (предметный) характер.

На уровне восприятия познание предполагает получение знаний о предметах и явлениях окружающей реальности относительно перцептивно воспринимаемых признаков. Субъект познания созерцает окружающий его мир как самостоятельный, отдельный объект, имеющий особое устройство, свою онтологию. А.Н. Леонтьев в этой связи отмечает: «Именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не *в* сознании, а *вне* его сознания – как объективное «поле» и объект его деятельности» [Леонтьев 2000: 97].

4. Первичность в рамках интегрированной когнитивной деятельности субъекта познания.

Восприятие – начало координат всей познавательной деятельности, ее элементарное звено. На уровне данной когнитивной деятельности вычленяются и формируются конкретные концепты. Они включены в фоновые знания субъекта познания, т.к. фиксируются в сознании человека в совокупности ядерных концептуальных признаков, служащих основными опознавательными признаками концепта. Данный этап познавательной деятельности, таким образом, создает когнитивное основание для решения дальнейших, более сложных задач познания,

закключающихся в осмыслении реальной действительности во всем многообразии связей и отношений ее объектов, одним из которых выступает сам субъект познания.

Анализ концептуализации и категоризации мира в систему первичного непосредственного (созерцательного, обыденного, эмпирического) знания и особенностей языковой репрезентации данных когнитивных процессов представляется интересным и перспективным, т.к. может в определенной степени объяснить принципы речемыслительной деятельности на различных этапах познания.

Список литературы

1. Гречко, В.А. Теория языкознания: Учеб. пособие [Текст] / В.А. Гречко. – М.: Высшая школа, 2003. – 375 с.
2. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 511 с.
3. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
4. LDCE - Longman Dictionary of Contemporary English [Текст]. – London: Longman, 1992. – 1229 p.
5. Leech, G.N. Semantics [Текст] / G.N. Leech. – Harmondsworth a.o.: Penguin Books, 1977. – 386 p.

А.Е. Мажитова
Караганда, Казахстан

МЕТАЯЗЫК РЕКЛАМЫ В СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ МИРА

Все вопросы о сущности метаязыка сводятся к происхождению этого термина, смысл которого по словарю логики представлен следующим образом: метаязык – (от греч. meta - после, за, позади) - язык, средствами которого исследуются и описываются свойства другого языка, называемого предметным, или объектным. Например, когда мы начинаем изучать иностранный язык, знакомиться с его выражениями, с его грамматической структурой, системой времен, падежей и т. п., мы пользуемся для описания свойств этого пока еще не известного нам языка своим родным языком, который и выступает в данном случае в качестве метаязыка (М). Смешение объектного языка и М. приводит к противоречиям и парадоксам. В естественном языке явного различия между объектным и М. нет: мы пользуемся одним и тем же языком и для того, чтобы говорить о внеязыковых объектах, и для того, чтобы говорить о самом языке. Только интуиция помогает нам избежать путаницы и противоречий. Однако всегда существует опасность того, что неразличение объектного и М. приведет к противоречию. Поэтому в науке, в частности в металогике и метаматематике, проводится четкое разделение этих двух языков. К метаязыкам обычно предъявляются следующие требования: 1) в нем должны быть средства для описания синтаксических

свойств объектного языка, в частности средства для построения выражений объектного языка; 2) М. должен быть настолько богат по своим выразительным возможностям, чтобы для каждого выражения объектного языка в нем существовала формула, являющаяся переводом этого выражения; 3) логический словарь М. должен быть, по крайней мере, столь же богат, как и логический словарь объектного языка; 4) в М. должны быть дополнительные переменные, принадлежащие к более высокому типу, чем переменные объектного языка, и т.д.

В словаре литературных терминов определение метаязыка – как языка описания, языка "второго порядка", при помощи которого описываются языки-объекты. Для того чтобы отличить метаязык от языка-объекта, он строится как терминологическая система. Чем строже эта система, тем более научной является дисциплина, которая пользуется этой системой. Во всяком случае, так считалось всегда в XX в. до постструктурализма и постмодернизма, научных и философских парадигм, которые именно в расплывчатости и неясности М. видят адекватность изучаемому объекту.

Ю. А. Гастев и В. К. Финн по трудам авторов Тарского А., Клини С. К., Чёрча А., Карри Х. Б. дают обобщенное определение термину «метаязык». Метаязык - одно из основных понятий современной логики и теоретической лингвистики, используемое при исследовании языков различных логико-математических исчислений, естественных языков, для описания отношений между языками различных «уровней» и для характеристики отношений между рассматриваемыми языками и описываемыми с их помощью предметными областями. По их мнению, метаязык – это язык, используемый для выражения суждений о другом языке, языке-объекте. С помощью М. изучают структуру знакосочетаний (выражений) языка-объекта, доказательства теорем о его выразительных (и, быть может, дедуктивных) свойствах, об отношении его к др. языкам и т. п. Изучаемый язык называется также предметным языком по отношению к данному М. Как предметный язык, так и М. могут быть обычными (естественными) языками. М. может отличаться от языка-объекта (например, в учебнике английского языка для русских русский язык является М., а английский — языком-объектом), но может и совпадать с ним или отличаться лишь частично, например специальной терминологией (русская лингвистическая терминология — элемент М. для описания русского языка; т. н. семантические множители — часть М. описания семантики естественных языков)».

Необходимо отметить, что понятие «Метаязык» (М.) было введено и стало весьма плодотворным в связи с изучением формализованных языков - исчислений, строящихся в рамках математической логики. В отличие от формализованных предметных языков, в этом случае М., средствами которого формулируется метатеория (изучающая свойства

предметной теории, формулируемой на предметном языке), является, как правило, обычным естественным языком, точнее некоторым специальным образом, ограниченным фрагментом естественного языка, не содержащим всякого рода двусмысленностей, метафор, «метафизических» понятий и т.п. элементов обычного языка, препятствующих использованию его в качестве орудия точного научного исследования (т.е. метаматематика). При этом М. сам может быть формализован и (независимо от этого) оказаться предметом исследования, проводимого средствами метаязыка, причём такой ряд можно «мыслить» растущим бесконечно. При всём сказанном, М. как орудие метатеоретического исследования формализованных языков, допускающих достаточно богатые в логическом отношении интерпретации, должен быть во всяком случае «не беднее» своего предметного языка (т. е. для каждого выражения последнего в М. должно иметься его имя-«перевод») и должен содержать выражения более высоких «логических типов», нежели язык-объект (т.е. типов теория). При невыполнении этих требований (что заведомо имеет место в естественных языках, если специальными соглашениями не предусмотрено противное) возникают семантические парадоксы (антиномии).

Метаязык рекламы в лингвокультурологическом пространстве на данный момент находится в состоянии самоорганизации, когда происходит саморазвитие систем, использующих новые потоки информации, так как сама по себе рекламная деятельность в Казахстане находится на этапе формирования и становления эпохи нового времени. Как известно ещё В. Гумбольдт описывал в своих работах идею о языке как работе духа и теоретико-методологическую базу учения В. Гумбольдта о языке составляет антропологический подход, в соответствии с которым адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурной и духовной жизнью. Всем своим анализом языка Гумбольдт показывает, что «язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном, а целое обладает всепроникающей силой» [Гумбольдт 1859: 102]. Основным в лингвистической концепции Гумбольдта является учение о тождестве «духа народа» и его языка («язык народа есть его дух и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное»).

С целью определения метаязыка рекламы в контексте синергетического видения мира обратимся к декларации Ролана Барта: «Логика учит нас плодотворному разграничению языка-объекта и метаязыка. Язык-объект – это сам предмет логического исследования, а метаязык - тот неизбежный искусственный язык, на котором такое исследование ведется. Логическое мышление как раз и состоит в том, что отношения и

структуру реального языка (языка-объекта) я смогу сформулировать на языке символов (метаязыке)» [Барт 1994: 131].

В свою очередь идея системности под различными названиями – системный подход, системная идеология, системное движение – стала ведущей парадигмой методологической культуры XX века. Мы видим, что представления о системности мироздания пронизывают философскую мысль Запада и Востока от самых ее начал, хотя можно сказать, что ранее возникло «чувство» необходимости системного подхода ко всему сущему, в отличие от осознанной системной парадигмы. Другими словами, вопрос о границах системного представления не ставился более четко, чем в настоящее время, системность скорее всего отождествлялась с целостностью.

Синергетику как междисциплинарное направление исследований, среди прочих ее отличительных черт, обычно отмечают, что это новое, молодое, недавно возникшее, “становящееся” направление научного поиска. И если связывать дату рождения синергетики с началом 70-х годов нашего века, когда появились работы Германа Хакена, который ввел термин “синергетика” в научную литературу, то срок ее существования выглядит сравнительно небольшим. Однако уже с этой точки зрения философско-методологическое, мировоззренческое осмысление синергетики – задача актуальная.

Также необходимо сделать выводы о том, что преломление метаязыка рекламы через синергетическое видение мира дает возможность не только ограничиваться языковым пространством того времени, в котором мы существуем, но и расширяет рамки своего воздействия при рассмотрении динамики данного метаязыка, что и является синергетическим подходом.

Формируется новое синергетическое видение мира. Это означает смену парадигмы, радикальный концептуальный переход от бытия к становлению, от стабильности к самоподдерживаемому развитию (sustainable development), от образов порядка к хаосу, генерирующему новые упорядоченные эволюционирующие структуры, от систем, поддерживающих свое равновесие посредством отрицательной обратной связи (гомеостазис), к быстрым процессам эволюции благодаря нелинейной положительной обратной связи, от эволюции к коэволюции, взаимно согласованной эволюции различных сложных систем.

Новый синергетический стиль мышления является нелинейным, эволюционным, а также холистическим. Это современный этап развития традиций кибернетики, системно-структурного анализа и теории информации, многие элементы которых претерпевают дальнейшие существенные изменения.

В заключение необходимо отметить, что сам «рекламный» язык это результат работы специалистов многих отраслей знаний, начиная от филологов и лингвистов, заканчивая копирайтерами и психологами. Язык в рекламе должен отвечать следующим критериям: в минимальном объеме текста должно быть максимальное количество запоминающей и убедительной информации, при этом, конечно, нельзя забывать и об этических, грамматических и прочих правилах и нормах.

Список литературы

1. Барт, Р. Литература и метаязык [Текст] / Барт Р. // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 131 – 132.
2. Гумбольдт, В. О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода [Текст] / В. Гумбольдт. – СПб., 1859.

Т.А. Муллина
Краснодар, Россия

КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Когнитивная лингвистика является в настоящее время наиболее динамично развивающимся направлением в науке о языке. Во многих работах по проблемам когнитивистики продолжают предлагаться различные подходы к лингвокогнитивным исследованиям, уточняются базовые понятия концепта, концептосферы, языковой картины мира, структуры концепта, акцентируется различие между концептом и словом, концептом и значением и т.д.

Проблема концептов в своем основании опирается на сознание, мышление и отражательные функции мозга. «Лингвистический энциклопедический словарь» дает следующее определение концепту: «Понятие (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связи; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике». В целом в современной теории концептов отмечаются тенденции многоаспектного осмысления термина и понятия концепт.

Д.С.Лихачев понимает концепт как «алгебраическое выражение значения» и использует психологический подход к пониманию концепта, трактуя его с точки зрения отдельного носителя языка или с позиций «человеческой идиосферы». Содержание концепта включает как соответствующее значение, так и совокупность ассоциаций, оттенков, связанных с личным и культурным опытом носителя.

А.Вежицкая предлагает рассматривать «концепты как инструменты познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде некоторых объяснительных конструкций. По А.Вежицкой, концепты обладают этноспецификой и поэтому могут быть использованы для сопоставления культур разных народов с целью изучения их своеобразия и общих черт.

В.Н.Телия под концептом понимает совокупность всех характеристик данного реального объекта, в отличие от прототипа, который соотносится с типовым представлением об означаемом. Таким образом, В.Н.Телия не ограничивает содержание понятия «концепт» набором существенных признаков, а включает в него все признаки объекта, трактуя концепт как «знание, структурированное во фрейм» [Телия 1996: 95-95].

Ю.С.Степанов считает, что эти ментальные образования (концепты) – прежде всего явления духовной культуры, представляющие собой «сгустки культурной среды в сознании человека». Концепты он трактует как основную составляющую культуры в ментальном мире человека. Такое понимание можно назвать культурологическим.

Концепт существует в культурно-историческом пространстве и определяет менталитет народа, а также представляет собой бытийно-культурное образование, «определяемое языком и складом мышления, типом мировосприятия этого народа» [Карасик 1997: 126]. Именно поэтому конкретные формы, через которые концепт реализуется, всегда ориентированы на определенный этнос.

По мнению многих исследователей, концепты, как явления культуры, относятся к коллективным ценностям, представляя собой элементы коллективного сознания, но в их своеобразном преломлении в индивидуальных сознаниях отдельных носителей языка. И хотя, несомненно, они обрастают множеством личностных ассоциаций, концепты для представителей одной культуры имеют много общего.

Концепт – это сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего обычный человек, а не «творец культурных ценностей» сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Концепт существует в сознании человека не в виде четких понятий, а как пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний.

Изучение характеристик концепта, зафиксированных языком, предоставляет возможность определения и прогнозирования его скрытых характеристик, а в конечном итоге, моделирования национальной картины мира.

Список литературы

1. Карасик, В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) [Текст] / В.И. Карасик // Концепты. Науч. тр. Центроконцепта. – Архангельск, 1997. Вып. 2.

2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1996.

Н.Л. Мышкина
Пермь, Россия

К ОСНОВАНИЯМ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Построение синергетической (интегральной) теории языка затруднено, так как учету подлежит множество внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на динамические процессы в языковой системе. Между тем именно множественность факторов влияния обуславливает нелинейный характер развития языковой системы. Поэтому важной проблемой, которую предстоит решать при разработке интегральных теорий языка, считаем вопросы о категориальных характеристиках языка как синергетической системы, единицах его анализа и интерпретации; без их решения едва ли возможно создание адекватной теории эволюции языка и его единиц. Необходимым моментом при разработке интегральной теории языка выступает создание метаязыка, что предполагает выбор и определение терминов для описания свойств языка, обеспечивающих его функционирование как открытой нелинейной саморазвивающейся системы.

Любая синергетическая теория направлена, как известно, на вскрытие законов функционирования того или иного объекта как саморазвивающейся системы, и она должна иметь достаточную объясняющую и прогностическую силу для тех процессов в системе, которые описываются данной теорией. Иными словами, синергетическая (интегральная) теория характеризует те из процессов, протекающих в системе, которые влияют на динамику системы.

Преимущество синергетического подхода видится в возможности исследования динамических процессов исходя из любой точки их развития. Если изучение динамики языка в диахронии связан с реконструкцией происходивших в нем изменений [Дрожащих 2006; Пятаева 2007], а синхронический анализ саморазвивающихся систем направлен на моделирование какого-либо этапа в развитии языка или же динамических процессов в тексте [Демидова 2008; Моисеева 2007; Москальчук 2003; Мышкина 1999 и др.], то перспективный анализ (в рамках синергетической парадигмы его проблемы очерчены лишь в самых общих чертах) предполагает прогнозирование возможных линий развития языковой системы. Но и в том, и в другом, и в третьем случае особое внимание уделяется нелинейным процессам и процессам аттракции.

В настоящее время в языкознании на первый план выходит проблема исследования смысла, что обусловлено, с одной стороны, востребованностью языковых

профессий, с другой стороны, потребностью в развитии информационных технологий и в разработке искусственного интеллекта. Изучение смысла в рамках синергетической парадигмы, несомненно, перспективно, об этом свидетельствуют результаты исследований, связанных с моделированием процессов развития смысла единиц разных языковых уровней – фонетического, лексического, категорематического, текстового. В контрадиктно-синергетической лингвистике разрабатывается концепция энергетической природы смысла [Мышкина 1999; 1998]. Исследования, проведенные в русле контрадиктно-синергетической лингвистики, свидетельствуют о значительной эвристической и объяснительной силе данной концепции. Энергетическая трактовка смысла развивает те из воззрений, сложившихся в классическом языкознании, которые связаны с энергийными концепциями языка, с представлением о смысле как о сущности и с концепциями о силе слова, о напряжении предложения и текста, об иллокутивной силе высказывания и о природе воздействия суггестивных текстов. Именно на представлении о смысле как об энергии сущности базируется наше понимание многомерности, многоплановости, многослойности смысла языковых единиц и, следовательно, языка в целом, ибо, как известно, сущность не дана нам явно, а проявляется в явлениях, видимостях, кажимостях в своем движении бытия. С динамикой энергии сущности неразрывно связана и реализация энтелехии языка. Поэтому к основным вопросам интегральной теории относим проблему составляющих смысла и определение условий реализации энтелехии.

Исходя из данных контрадиктно-синергетического исследования языка [Богданова 2006; Демидова 2008; Мышкина 1999; Словикова 2004; Шевченко 2004; см. также статью И.В. Звездаковой в настоящем сборнике] считаем, что смысловое пространство языка и его единиц образуется как традиционно выделяемыми денотативными, сигнификативными и коннотативными значениями, так и архетипическими и эзотерическими смыслами. Значения языковых единиц – это наиболее проявленные составляющие смысла, хотя и они могут не получить эксплицитного выражения (например, значение *предметности* у существительных). Иными словами, они могут быть имплицитны. Архетипические и эзотерические смыслы – скрытые смыслы. К настоящему времени многие из них получили толкование в словарях символов и в словарях мифов, что делает возможным их лингвистическое моделирование.

В своем взаимодействии смысловые составляющие той или иной языковой единицы актуализируют, по нашим наблюдениям, пять планов: предметно-ситуативный (фактуальный), интеллектуальный (идейный), оценочный, гедонистический (эмотивный)

[Мышкина 1991; 1998] и поэтический [Демидова 2008]. Эти планы стремятся к согласованию с планом выражения, что обуславливает текучесть плана выражения и плана содержания или, иными словами, материальной и смысловой субстанций.

Проблема категории энтелехии редко ставится в современной науке, хотя ее решение способствовало бы разработке программ экспертной оценки художественных произведений. А.Ф. Лосев характеризует ее как развернутую и проанализированную энергию, в которой фиксируют «ее материальную причину (т.к. энтелехия говорит о существовании и бытии), ее эйдетическую причину (т.к. она мыслится как определенным образом организованная энергия) и, наконец, наличную в энергии действующую и целевую причину» [Лосев 1975: 701]. По П.А. Флоренскому, у каждого процесса есть наиболее значительная стадия. Он трактует ее как цель всех стадий, как энтелехию всего процесса, как символического представителя развивающегося творения человека или природы, как ее душу [Флоренский 1993: 200-201].

Если исходить из наших наблюдений, то носителями энтелехии языка следует считать прежде всего поэтические тексты, а факторами ее реализации выступают: а) согласованность формы и содержания, б) устремленность всех планов и измерений (как явных, так и скрытых) в их синергии к цели, в) наличие скрытой идеи как способа их гармонизации и как центра притяжения (аттрактора). Думается, реализация энтелехии может свидетельствовать о воплощенности прекрасного.

Для определения степени выраженности этих факторов целесообразно использовать комплекс методов на основе принципов контрадиктно-синергетического подхода. Как следует из определения энтелехии А.Ф. Лосева, она характеризует динамические системы, но, на наш взгляд, она может реализоваться и в саморазвивающихся системах. При ее анализе необходимо, прежде всего, выделить последовательность состояний системы (иными словами, построить ее фазовый портрет), а затем с помощью функторного анализа установить смысловую структуру исходного состояния системы, а также определить наиболее значимые для ее развития смысловые составляющие в других состояниях.

Установлению степени согласованности планов и измерений языковых единиц, моделированию динамики текстовой системы служат метод симметрии-асимметрии и метод интерпретации. Как дополнительные средства используются методы анализа энергетических характеристик языка, а также метод позиционного анализа на основе метроритмической матрицы, предложенный Г.Г. Москальчук [Москальчук 2003], который позволяет оценить соответствие текста (а также и иных языковых единиц) критериям прекрасного.

Воплощенная энтелехия языка – сравнительно редкий феномен. Данная категория реализуется в полной мере лишь в тех произведениях и в тех единицах языка (это могут быть единицы любого уровня), в которых гармонично сочетаются цель и средства с эзотерическими духовными смыслами. Тем не менее, интегральная теория языка не может игнорировать данный феномен, так как он и есть сосредоточие цели саморазвития языка.

Список литературы

1. Богданова, И.А. Функционирование архетипического концепта *вода* в текстах народного и индивидуального творчества: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук [Текст] / И.А. Богданова. – Челябинск, 2006. – 23 с.
2. Демидова, Е.В. Моделирование динамики поэтических смыслов с позиций контрадиктно-синергетического подхода: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук [Текст] / Е.В. Демидова. – Тюмень, 2007. – 24 с.
3. Дрожащих, Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней [Текст] / Н.В. Дрожащих. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2006. – 254 с.
4. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1975. – 760 с.
5. Моисеева, И.Ю. Синергетическая модель текстообразования: Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук [Текст] / И.Ю. Моисеева. – Челябинск, 2007.
6. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
7. Мышкина, Н.Л. Лингводинамика текста: Контрадиктно-синергетический подход: Дисс. ... д-ра филол. наук. [Текст] / Н.Л. Мышкина. – Пермь, 1999. – 428 с.
8. Мышкина, Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 152 с.
9. Пятаева, Н.В. Генетическая парадигма «давать//дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка»: Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук [Текст]. – Уфа, 2007.
10. Словицова, Е.Л. Динамика развития смыслообразной системы рекламного текста (контрадиктно-синергетический подход): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук [Текст]. – Челябинск, 2004. – 19 с.
11. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П.А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.

Л.А. Нефёдова
Челябинск, Россия

ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА КАК АКТИВНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Если рассматривать текст с позиции восприятия, то он предстает в качестве продукта, объекта, инструмента, а также формы речевого общения. С восприятием текста в ходе речевого общения соотносятся критерии оценки взаимопонимания в различных ситуациях.

Текст является моделью отражения процесса познания, закрепленного в языковой картине мира, где накопление когнитивного опыта опосредуется языком. Он

представляет собой уникальную модель, которая, с одной стороны, отражает связь с миром, а с другой – является средством активации репрезентации знаний отдельного человека.

Процесс восприятия текста осуществляется через набор (систему) эталонов, существующих в семантической компетенции индивидуума в виде лексических структур. Итог смыслового восприятия текста зависит от двух основных групп факторов: 1) от особенностей самого речевого сообщения, т.е. от его содержательной структуры и 2) от индивидуальной системы знаний реципиента. Индивидуальная система знаний реципиента существует в виде набора эталонов в сознании индивида. Система эталонов, через которую «пропускается» текст как единство формы и содержания, является «ядром» механизма восприятия.

По мнению В.П. Белянина, при восприятии текста он как бы монтируется в сознании читателя из последовательно сменяемых друг другом отрезков, относительно законченных в смысловом отношении. Затем происходит сопоставление элементов текста. После этого в процессе осознания структуры содержания текста как целого возможна перестройка их первоначального соотношения. Параллельно происходит осознание некоторого общего смысла (концепта) текста, который в значительной степени формируется в процессе опознания его возможного подтекста. Возникающая у читателя проекция текста является результатом включения содержания текста в смысловое поле реципиента [Белянин 2003: 113].

Взаимопонимание коммуникантов предполагает пересечение их знаний, в частности, выраженных в вербальной форме. Взаимодействие слова и индивида в плоскости вербального знания сказывается в том, что каждое порождаемое автором текста слово, а также прочитанное (услышанное) реципиентом слово текста актуализирует в его памяти некоторую группу слов, семантически связанных, зацепленных с этим словом, т.е. активизируется его когнитивная деятельность.

Тезаурус любого умственно сформировавшегося человека представляет собой не сумму изолированных понятий, а систему, элементы которой определенным образом связаны друг с другом, субъективный образ мира, в котором представления и понятия соответствуют объектам и классам объектов и явлений действительности, а связи между понятиями являются отражением связей между этими объектами и явлениями. При этом тезаурус адресата никогда не совпадает полностью с тезаурусом адресанта.

Восприятие текста может рассматриваться как соотношение модели мира в голове субъекта (картины мира) с моделью мира, отображаемой в тексте. Окружающий нас предметный мир мы воспринимаем как целое только при условии, что в нем есть

опорные элементы, отображенные в нашем сознании в виде наглядных образов. Они являются образами отдельных предметов, включенных в единую действительность и по сравнению с образом целого мира – константных. При восприятии текста роль образов предметов в нем выполняет образ содержания.

Даже тогда, когда носитель языка не говорит, а только думает про себя, создаваемый им во внутренней речи текст нуждается в поддержке собственного восприятия; носитель языка как бы контролирует процесс создания текста.

Смысловое восприятие и интерпретация текста реципиентом (читателем) представляет собой сложную, речемыслительную деятельность, носящую «процессуально результативный» и одновременно познавательный-коммуникативный характер. Процесс смысловой переработки текста представляет собой поэтапный синтез смыслового содержания на базе перцептивного и параллельно происходящего содержательного анализа речевых цепей, выделение в их семантическом содержании значимых в данном контексте семантических компонентов и одновременный синтез этих компонентов в осмысленное целое – «образ содержания» текста [Леонтьев 1979: 142].

Исследователи восприятия текста (А.Р. Лурия, В.В. Красных, Ю.С. Зеленев и др.) выделяют поверхностный уровень восприятия, где происходят процессы расшифровки воспринимаемых языковых кодов, восприятие контекста в самом широком смысле, и глубинный уровень, где происходят процессы расшифровки глубинного смысла, пресуппозиции (общего фонда знаний, которыми обладают коммуниканты).

Для адекватного восприятия текста (от вербально зафиксированного плана выражения до глубинного плана содержания – концепта) крайне важна конситуация в целом, охватывающая отношения как поверхностного, так и глубинного уровней [Красных 2001: 227].

Уровневость перцептивно-мыслительной деятельности реципиента, воспринимающего текст, связана с работой двух параллельно функционирующих подсистем: лингвистическая система постоянно передает лингвистическую информацию в общую когнитивную систему, которая, учитывая уже имеющееся знание, интерпретирует воспринятую речь (Брудный 1976; Леонтьев 1979; Биева 1984; Богин 1986 и др.).

Исследователи восприятия текста выделяют разнообразные опоры, которыми пользуются реципиенты при восприятии текста. Условно их разделяют на поверхностные и глубинные [Залевская 2000: 257].

К поверхностным относятся такие графические опоры, как подчеркивание или разрядка. К глубинным опорам относятся опоры на фреймы, сценарии, экстралингвистическую ситуацию и т.д.

Когда текст задан как объект восприятия – он интерпретируется с учетом множества универсальных стратегий, которые позволяют каждому реципиенту, взаимодействующему с данным текстом, строить свою особую картину мира, обогащая ее извлекаемой из текста информацией.

Классической работой, посвященной стратегиям восприятия, стало совместное исследование Т.А. Ван Дейка и В. Кинча, в которой они выделяют следующие типы стратегий при восприятии текста:

1) пропозиционные стратегии, представляющие собой первый этап восприятия, на котором имеет место «стратегическое конструирование пропозиций»;

2) стратегии локальной когерентности, в рамках которых происходят установление значимой связи между предложениями текста;

3) макростратегии, при помощи которых можно получить несколько уровней макропропозиций, в совокупности образующих макроструктуру текста (суть, общее содержание, тема, топик текста);

4) схематические стратегии (близкие к понятиям антиципации и предвосхищения) – адресат должен представить себе тему дискурса, в то время как отправитель уже знает тему продуцируемого сообщения;

5) стилистические стратегии помогают реципиенту понять, почему выбор между альтернативными способами выражения приблизительно одного и того же значения был сделан в пользу именно того средства, которое используется в тексте, и какую дополнительную нагрузку по замыслу адресанта несет это средство [Ван Дейк, Кинч 1988: 166-169].

Восприятие человеком информации об окружающем мире происходит через призму концептуальной системы, носящей культурно-обусловленный характер, при этом роль и содержание концептов в различных культурах не совпадают. На процесс восприятия текста оказывают влияние как «встроенная» в сознание концептуальная картина мира, так и особенности личности человека.

Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет (в том числе и другого человека) и в его пространственных измерениях, и во времени, и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного

фрагмента мира, присущий тому или иному этносу. Адекватное восприятие текста предполагает знание культурного компонента содержащихся в нем лексических единиц.

Восприятие как активный когнитивный процесс следует рассматривать с точки зрения выявления процедур, его структурирующих и регулирующих. С позиций того, какое знание активизируется посредством этих процедур.

Важной причиной, влияющей на смысловое восприятие текста, является также влияние различных психологических установок. Подвижный характер моделей понимания свидетельствует об инкорпорированности в них установочных механизмов. Вербальная установка, под которой понимается особое состояние предварительной готовности субъекта к речевой деятельности, является важным фактором, определяющим адекватное/неадекватное построение модели воспринимаемого текста.

Список литературы

1. Белянин, В.П. Психолингвистика [Текст] / В.П. Белянин. – М.: Флинта, Моск. психолого-социальный инс-т, 2003. – 232с.
2. Дейк, Т. Ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. №23. – М.: 1988. – С. 153-211.
3. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382с.
4. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М.: ИТД ГК «Гнозис», 2001. – 270с.
5. Леонтьев, А.А. Восприятие текста как психологический процесс [Текст] / А.А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979. – С.18-30.

А.В. Новикова
Пермь, Россия

ДИХОТОМИЯ «ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ МИР – ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Современный этап развития лингвистики отмечается обращением ученых к разработке новой языковой парадигмы – семантики возможных миров, представляющей новый взгляд на художественное пространство и возможности языка. Одним из основных принципов, лежащих в основе лингвистической теории семантики возможных миров, является положение о том, что структура языка и составляющие его языковые средства объективируют и определяют семантику возможных миров. Данное положение является принципиально важным для нашего исследования, так как языковые средства рассматриваются нами как модальные показатели отнесенности актуализированной ситуации к семантическому пространству возможных миров в плане потенциальности, нереальности и ирреальности относительно действительного положения дел. Модальные

значения потенциальности, нереальности и ирреальности определяют, на наш взгляд, модальное содержание языковой категории возможности.

Содержание любого из возможных миров является, несомненно, продуктом субъекта, представляющим особую трансформацию онтологии действительного мира. Связь возможного мира с действительным очень важна. Эта та нить, которая связывает самые смелые фантазии с реальностью и не дает превратиться им в безумие, болезнь.

Понятие действительного мира получает в теории возможных миров двоякую трактовку. С одной стороны, погружаясь в художественный мир автора, мы соглашаемся принять правила игры созданного им мира и воспринимаем его как действительный. С другой стороны, как автор, так и читатель осознают, что это лишь один из возможных миров. Так, автор может маркировать свой текст как историческую прозу, хронику или же научную и реалистическую фантастику. Это означает, что автор сам определяет и задает степень трансформации онтологии действительного мира. Данное положение наглядно описывает один из важных для нас принципов построения семантики возможных миров, согласно которому возможный мир всегда истинен с точки зрения внутренней референции к художественному тексту и невозможен с точки зрения внешней референции к действительному миру. По П. Рикеру, разработавшему понятие расщепленной референции, «косвенная, или внутренняя, референция построена на руинах референции прямой, или внешней» [Рикер 1990: 426]. Это означает, что манифестируемый автором в произведении возможный мир может напрямую не соответствовать действительному миру, а, создавая своеобразную онтологию, отражать, имитировать его [Тураева 1994: 110].

Неотъемлемая связь возможных миров с действительным миром привела к выделению дихотомии «действительный мир – возможные миры» с главенствующей позицией действительного мира. Это означает, что онтология действительного мира является строительным элементом семантического пространства возможных миров. Варьируя степень трансформации онтологии действительного мира, авторы маркируют свои произведения как жанр фантастики или жанр интеллектуальной прозы. При этом, создавая образ возможного мира, они различными стилистическими средствами соотносят возможный мир с действительным. Так, согласно имеющимся в литературе данным произведения реалистической фантастики соотносятся с действительным миром через эстетический идеал [Бардасова 1995: 145], а в мире фэнтези основообразующими остаются принципы морали, этики, основные ценности мира реальной действительности [Мисник 2006: 14].

В связи с тем, что семантика возможных миров представляет своеобразную трансформацию онтологии действительного мира, в ряде работ дихотомия «действительный мир – возможные миры» получает интерпретацию как «первичный мир – вторичные миры». При этом художественный мир автора является вторичным миром (Э.В. Бардасова, Е.Е. Бразговская, О.В. Емельянова и др.). Мы не используем понятия первичного и вторичного миров, так как художественный мир автора считаем своего рода отражением диалектического развития объективного мира, определяющегося совокупностью таких категорий как необходимость, возможность и действительность. С точки зрения внутренней референции автор маркирует художественный мир как действительный и формирует внутри него семантическое пространство возможных миров в плане потенциальности, нереальности и ирреальности, определяющих модальное содержание категории возможности. Иными словами мы рассматриваем художественный мир как действительный мир, относительно которого автором актуализируется семантическое пространство возможных миров.

Наличие различных точек зрения относительно определения составляющих дихотомии «действительный мир – возможные миры» объясняется различием в подходах, используемых лингвистами в попытках интерпретации новой языковой парадигмы – семантики возможных миров. В современной лингвистике представлены, прежде всего, логико-семантический и концептуальный подходы.

Логико-семантический подход основывается на эпистемическом понимании логиками возможных миров, описывающих те или иные, не обязательно реализованные, состояния и отвечающие правилам, истинным в определенной системе [Бразговская 2006: 91]. Основой высказываний, описывающих возможные состояния и положения дел, являются пропозиции, трактуемые как абстрактные сущности, функции из множества возможных миров, определяющие истинностные значения [Столнейкер 1985: 421].

При исследовании проблем семантики возможных миров лингвисты также обращаются к логическим понятиям пропозиции, экстенционала и интенционала и рассматривают категорию возможных миров в рамках интенциональных контекстов (см. работы Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, З.Я. Тураевой). В частности, в концепции Н.Д. Арутюновой в качестве интенционала выступает категория правды, обладающая градуированным свойством и актуализирующая целый ряд интерпретаций экстенционала, или истины [Арутюнова 1991: 24-26], а Ю.С. Степанов трактует интенционал как воображаемый мир, существующий вне времени [Степанов 1985: 90]. Пропозиции трактуются как семантические структуры, которые актуализируют то или

иное возможное содержательное состояние действительного мира [Падучева 1985: 16] и обладают истинностными характеристиками только в рамках модели создаваемого возможного мира [Емельянова 1995: 38-39].

Для большинства ученых понятие пропозиции связано с понятием ситуации, поэтому любое рассмотрение пропозиции связывается с ситуацией. Чаще всего под ситуацией понимается внеязыковой отрезок или фрагмент мира, характеризующийся взаимодействием элементов разных типов – предметов и признаков. Совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, обуславливает в момент «сказывания» отбор языковых элементов при формировании самого высказывания [Гак 1973: 358].

Понятие ситуации имеет для нас первостепенное значение, так как в основе любого суждения о мире, действительном или возможном лежит ситуация, как доступная наблюдению, так и непосредственно не данная в наблюдении. Данная внеязыковая реальность актуализируется с помощью языковых средств, анализ которых позволяет нам охарактеризовать ситуацию в плане возможности, необходимости и действительности и выделить модальные показатели, что позволит адекватно охарактеризовать типологические признаки того или иного типа возможных миров. Понятием пропозиции мы не оперируем, так как анализ актантно-предикатной структуры не позволяет в полной мере выявить своеобразие возможного мира.

Не менее актуальным представляется подход к семантике возможных миров с позиции концептуальной лингвистики, где дихотомия действительного и возможных миров интерпретируется как концепт «Свой» - «Чужие». Родоначальником данной теории считают Ю.С. Степанова. Описывая константу «Мир» как некий постоянный принцип культуры, Ю.С. Степанов отмечает, что концепт «Мир» в культурном отношении является производным от концепта «Свой» - «Чужие», в нем соединяются компоненты: концепты «Место (пространство)», «Свой, свой народ», «Закон, законность», «Мораль, этика» [Степанов 1997: 40-41].

Мы не придерживаемся концептуального подхода, так как он ориентируется в большей степени на содержательный компонент концепта, представленный в определенной языковой культуре. Релевантным для нас является референциально-ситуативный анализ художественного текста в плане актуализации категорий возможности, необходимости и действительности, так как именно референциально-ситуативный подход позволит типологизировать возможные миры по степени трансформации онтологии действительного мира.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Истина: фон и коннотации [Текст] / Н.Д. Арутюнова// Логический анализ языка. Культурные концепты. - М.: «Наука», 1991. – С. 21-30.
2. Бардасова, Э.В. Концепция «возможных миров» в свете эстетического идеала писателей-фантастов А. и Б. Стругацких: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / Э.В. Бардасова. – Казань, 1995.
3. Бразговская, Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста): монография [Текст] / Е.Е. Бразговская. - Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет», 2006.
4. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В.Г. Гак// Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.:«Наука», 1973 – С. 349-372.
5. Емельянова, О.В. Жанровая обусловленность референциальных характеристик художественного текста (на материале научной фантастики): дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / О.В. Емельянова. – СПб, 1995.
6. Мисник, М.Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: автореф. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук [Текст] / М.Ф. Мисник. – Иркутск, 2006.
7. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) [Текст] / Е.В. Падучева. - М.: «Наука», 1985.
8. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение [Текст] / П. Рикер// Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990 – С. 416-434.
9. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: «Наука», 1985.
10. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: «Языки русской культуры», 1997.
11. Столнейкер, В.С. Прагматика [Текст] / В.С. Столнейкер// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16 - М.: «Прогресс», 1985 – С. 419-438.
12. Тураева, З.Я. Лингвистика текста и категория модальности [Текст] / З.Я. Тураева. //ВЯ. - №3 - М.: «Наука», 1994 - С. 105-114.

А.В. Павлова
Оренбург, Россия

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИИ (на материале категории «болезнь» в английском языке)

Теория категорий появилась еще в античности: Платон и Аристотель представляли категории как строго ограниченный набор предметов, обладающих общей характеристикой. Однако в 30-х годах XX века с появлением теории языковой относительности Сепира и Уорфа было отмечено, что между некоторыми языковыми значениями границы не так то легко определить (длина и ширина, температура – холодный, теплый, горячий и пр.). Особенно привлекала своей неоднозначностью категория цвета, которая рассматривалась как пример языковой относительности: делался вывод, что категория цвета имеет условный характер.

В данной статье, опираясь на систематизированное учение о категориях, предложенное Н. Н. Болдыревым, категоризация определяется как деление мира на категории, т.е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов и событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов). Таким образом, категоризация есть подведение всего, что окружает человека, под некие общие разряды. В этом смысле категоризация соответствует типизации составных частей мира. Типизация, т. е. подведение под тип («рубрику опыта»), происходит постоянно и независимо от сознания отдельного человека. Обобщается то, что человек видит, что делает, о чем размышляет, что оценивает через свою призму чувств. Категория, как правило, получает наименование или даже несколько наименований в языке.

Вслед за Б. Ли Уорфом языковые расхождения в именовании некоторых смыслов или смысловых пар, а также логических отношений [Уорф 1960] называются различиями в способе категоризации. В настоящее время термин *категоризовать* (*catagorize*) употребляется чаще всего в значении «членить, подводить под родовое имя, обобщать» [Михеев, Фрумкина 1991: 46]; об этом можно судить по таким контекстам как *членение на категории, структура категории, наивная категоризация, категория мебели, любви, цвета* и т. д.

Главными для человека являются повседневные категории, за которыми стоят повседневные понятия, в отличие от научных категорий, которые являются либо слишком общими, либо слишком специальными для человеческого сознания. При этом любая повседневная категория характеризуется наличием, с одной стороны, объектов категории, с другой стороны, признаков, по которым данные объекты считаются принадлежностью категории. Например, категория БОЛЕЗНЬ включает в себя такие объекты как болезнь как процесс (*the period of being ill/unwell*), болезнь как состояние (*the state of being ill/unwell*) и т. д.

Категоризация может происходить на разных иерархически упорядоченных уровнях. Один из уровней категоризации признается как базовый, остальные – как суперординатный и субординатный. Базовому уровню, который является срединным уровнем таксономической иерархии, придается особенно важное значение.

Обыденное сознание оперирует именно базовым уровнем, не требующим специальных теоретических знаний об объектах. На этом уровне восприятие и категоризация объектов осуществляется гештальтно, т. е. нерасчлененно. К этому уровню относятся концепты, обозначаемые такими словами, как счастье, любовь, смерть, усталость, радость, болезнь и пр. Они требуют наименьших когнитивных затрат

при их восприятии и обработке: легче всего отличить болезнь от здоровья, но стоит опуститься на уровень (разные виды болезней) или подняться на уровень выше (физическое состояние), и таких когнитивных усилий требуется намного больше. Базовый уровень в первую очередь усваивается детьми и включает наиболее короткие базовые слова, составляющие основу словарного запаса языка и использующиеся в наиболее нейтральных контекстах. Большинство информации хранится именно на базовом уровне.

Рассматривая ментальную структуру, представляющую болезненное состояние человека, как категорию в английском языке, следует отметить, что эта структура, прежде всего, включает в себя такие объекты как *ailment* (an illness that is not very serious), *burnout* (the condition of being ill or tired because you have been working too hard), *complaint* (an illness that affects a particular part of your body), *contagion* (a disease that can be passed from person to person by touch), *discomfort* (a feeling of slight pain or of being physically uncomfortable), *disease* (an illness which affects a person, animal, or plant), *illness* (a disease of the body or mind, or the condition of being ill), *indisposition* (a slight illness), *infection* (a disease that affects a particular part of your body and is caused by bacteria or a virus), *malaise* (a general feeling that you are slightly ill or not happy in your life), *sickness* (the state of being ill, a particular illness), etc. Кроме того, как суперкатегория эта структура состоит из подчиненных категорий (субкатегорий), таких как чувство боли, больной (субъект болезни), болезненная часть тела (объект болезни), лечение и т.д. Например, категория больной (субъект болезни) в английском языке представлена такими объектами как *case* (an example of a disease or a person who has a disease), *inpatient* (someone who stays in a hospital while they receive treatment), *outpatient* (someone who goes to a hospital for treatment but does not stay for the night), *patient* (someone who is receiving medical treatment from a doctor or in a hospital), *the sick* (people who are ill), *shut-in* (someone who is ill or disabled and cannot leave their house very easily), etc.

Очевидно, прототипическим объектом можно считать серьёзную болезнь, которая отражается вербально в виде многочисленных языковых выражений в английском языке, например: *be (flat) on your back* (to be so ill that you cannot get out of bed), *to feel bad* (to feel ill), *be in a bad way* (*informal* to be very ill, unhappy, or injured, or not in a good condition), *to be in (a) critical condition*, *to be confined to bed*, *to be on the danger list* (*British English* to be so ill that you may die), *to be at death's door* (to be very ill and likely to die), *to be fighting for your life* (be so ill or injured that you might die), etc. Существование категории не зависит от степени типизации объектов, которые ее представляют.

Поэтому объектами категории могут быть типы объектов мира или сами индивидуальные объекты [Шафиков 2006].

Таким образом, категоризация есть ключ к пониманию человеческого мышления, то есть, в конечном случае, к пониманию того, что представляет собой человек, а исследование категории «болезнь» показывает, какими наименованиями объективируется болезненное состояние человека в английском языке.

Список литературы

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика [Текст] : курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев.. - Тамбов: Издательство ТГУ, 2000. - 123 с.
2. Михеев, А.В., Фрумкина, Р.М. Категоризация концептуальные классы [Текст] / Михеев, Фрумкина // Семантика и категоризация. - М., 1991. - С. 45-59.
3. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание [Текст] / Уорф // Новое в лингвистике. - М.: 1960.- №1.-С. 169-182.
4. Шафиков, С.Г. Любовь: категория или концепт [Текст] / Шафиков // Языковые и речевые единицы в разных языках. – Уфа, РИО БашГУ, 2006. – С.3-36.

Ю.С. Питеркина
Нижний Тагил, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНОЙ КАРТИНЫ МИРА РЕБЁНКОМ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Владение языком, способность к речевому общению является неотъемлемым свойством человека, отличающим его от других живых существ, поэтому процессу овладения языком и речью уделяется много внимания специалистами различных областей науки, в том числе и лингвистами. Благодаря овладению языком в речевой деятельности язык становится достоянием каждого отдельного индивида, средством общения, а также средством мышления и осознания действительности.

Усвоение языка начинается у человека в раннем детстве и происходит по законам психического развития. «Ребёнок за короткое время овладевает родным языком и в норме уже к четырём годам может успешно пользоваться в общении с другими людьми» [Плотникова 2007: 7]. В ходе развития ребёнка это усвоение становится всё более полным. Ребёнок усваивает в языке такое количество информации, которое могло бы отвечать его потребностям не только в общении, но и потребностям мышления, потребностям в осознании, потребностям в любой сознательной деятельности, в освоении окружающей его действительности. В период среднего дошкольного возраста (4-5 лет) происходит постепенное отделение речи от непосредственного практического опыта. Ребёнок может уже воспринимать речь вне ситуации, может поделиться со взрослыми своими впечатлениями.

Развитие речи в дошкольном детстве как овладение родным языком является процессом, многоаспектным по своей природе. «Это овладение составляет необходимейшую базу формирования полноценного мышления человека, в развитых формах представляющего собой мышление языковое, словесно-логическое, становление которого осуществляется как преобразование начальных, исходных форм детского мышления — наглядно-действенного и наглядно-образного. Они сохраняются, функционируя во взаимодействии со словесно-логическим мышлением, которое постепенно становится ведущей формой мыслительной деятельности, точнее — деятельности речемышлительной, осуществляющейся на базе лексических, грамматических и т.п. средств языка» [Сохин: материалы Интернета].

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. «Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян: материалы Интернета]. Эти знания вербализуются в единую языковую картину мира. «Языковая картина мира — исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [материалы Интернета]. Различают морфемную, морфологическую, грамматическую и лексическую картины мира. Мы подробнее остановимся на лексической картине мира и рассмотрим, как лексическая картина мира представлена в языковом сознании ребёнка среднего дошкольного возраста.

В словаре ребёнка четырех-пяти лет, по нашим наблюдениям и наблюдениям специалистов, имеются единицы, обозначающие номинацию предмета, функцию предмета, свойства предмета и т.д. Наличие в словаре ребенка указанных семантических объединений находит отражение в программах развития речи в ДОУ. В «Программе воспитания и обучения в детском саду» под ред. М.А. Васильевой работа по формированию словаря детей среднего дошкольного возраста направлена на то, чтобы «на основе углубления знаний о ближайшем окружении, расширения представлений о предметах, явлениях, событиях, выходящих за пределы привычного окружения, пополнять и активизировать словарь детей... Вводить в словарь детей существительные, обозначающие профессии; глаголы, характеризующие трудовые действия, однотипные действия (бежит, мчится)...» [Васильева 2004: 9, 104].

Однако в номинации этих фрагментов предметного мира наблюдаются некоторые особенности, обусловленные уровнем овладения единицами системы языка и познавательными процессами. К пяти годам завершается процесс овладения

артикуляцией звуков, ребенок умеет воспроизводить слова любого звукового состава. Ошибки произносительного характера встречаются только в словах малоупотребительных и незнакомых детям. Неправильное произношение слова часто определяется тем, что ребёнок стремится осмыслить форму слова, придать звучанию мотивированность. В речи ребенка представлены слова всех категориально-грамматических классов. В нашем исследовании мы останавливаемся прежде всего на именах существительных, так в первую очередь ребенок познает предметный мир и называет объекты этого предметного мира.

Известно, что у ребенка среднего дошкольного возраста познавательные процессы опережают процесс формирования словаря, что приводит к номинативному дефициту. Номинативный дефицит в своём словаре ребёнок компенсирует словотворчеством. Детское словотворчество – это закономерный этап в овладении ребёнком родным языком, яркое проявление процесса усвоения системы формо- и словообразования. Словотворчество в детском возрасте выполняет прежде всего компенсирующую функцию, восполняя недостаточность лексикона ребёнка для удовлетворения коммуникативных потребностей дошкольника.

Рассматривая детское словотворчество в аспекте овладения лексической семантикой, нужно отметить, что появление подобных слов в речи ребёнка свидетельствует о переходе к новому уровню осмысления слова. «Значение, которое раньше ребёнком воспринималось целостно, теперь представляет собой композицию смыслов составляющих слово частей» [Плотникова 2007: 124].

«Период творческого взлёта в овладении языком наблюдается у детей в возрасте 3-5 лет, когда ребёнок не только изобретает новые слова, но и переименовывает уже существующие в языке «готовые» единицы, даёт им новые толкования» [Гридина 2006: 50]. Создавая потенциальные слова, используя в собственной речи узуальные единицы, ребенок стремится к осознанию процесса номинации действительности и к объяснению собственной номинации. Ребенок стремится к мотивированности номинативных процессов, о чем убедительно свидетельствуют множественные записи детских высказываний.

Лиза, 4 года.

– Мама, купи мне *пузак*. [Л.А. Останина]

В данном примере номинативный перенос произошёл на основе сходства внешних признаков. Наполненный рюкзак походит на живот, раздувшийся от большого количества пищи. В процессе номинации актуализируется семантический компонент «круглый», не актуальный для семантики единиц «рюкзак», «пузо», «живот», что, с

одной стороны, подтверждает факт своеобразного отражения в языковом сознании каждого носителя языка семантики слова, с другой стороны, показывает, какие семантические компоненты актуальны для ребенка в процессе номинации.

Лиза, 4 года.

– Какие вкусные *кусарики*! [Л.А. Останина]

Номинативный перенос в данном примере можно рассмотреть по аналогии с ранее приведенным примером и дополнить, что в этих примерах можно усматривать и явление агглютинации в детской речи. В качестве семантического компонента, воспринимаемого как наиболее значимого в процессе номинации, здесь выступает характер действия.

Значимо, что обращаясь к агглютинации в процессе называния явлений, ребенок мотивирует собственные неологизмы, доказывая правомерность их появления и необходимость образования слов, отсутствующих в системе языка. Логика ребенка такова: он придумал новое явление, он же создает новое слово для номинации этого явления.

Мальчик, 5, 6 мес.

«Я автоботаником буду. Автоботаник – это знаешь кто? И цветы изучает, и автомобили ремонтирует» [Харченко 2005: 16].

Очевидно, во взрослой жизни ребенку хочется реализовать себя сразу в двух различных областях. Соединяя эти области в своем сознании, он соединяет и корневые морфемы, с помощью которых данные области можно обозначить.

Произвольное толкование семантики слова с опорой на ложную мотивацию его значения наблюдается в ряде других примеров.

Алёша, 5 лет.

– Мама, а что такое "транспорт"? Это транспорт, который возит в тир? [материалы Интернета]

Семантику сложного слова (а именно так воспринимает ребенок слово «транспорт») ребенок трактует как сумму семантических компонентов производящих слов.

Исследователи неоднократно утверждали, что в процессе номинации ребенок отдает предпочтение мотивированным единицам, что и наблюдается в приведенных примерах.

Даша, 4 года.

Вместе с дедушкой смотрели из окна в бинокль. Через какое-то время Даше снова захотелось посмотреть в окно, и она говорит: «Дедушка, дай мне *глазник*» [пример автора].

В данном примере номинативный перенос обусловлен функцией предмета и, возможно, близостью семантики слов «бинокль» и «глазник» (разг. глазной врач). Ребёнок отмечает противоречие между названием и реальными свойствами известного ему предмета, не понимает, почему предмет, который прикладывают к глазам, называется бинокль, а не глазник. В данном случае Даша выделила характерные свойства обозначаемого предмета и эти свойства использовала как семантическую основу номинации.

Мотивированность номинативных процессов в детской речи часто противоречит фактам языка, но для ребенка является актуальной.

Мальчик, 5 лет.

Набрал блестящих пуговиц.

– Какой я богатый, я богатырь! (о богатом человеке) [Харченко 2005: 37]

В данном примере наблюдаем семантическое смешение слов, в звучании которых много общего. Установление подобных семантических связей на основе формальной близости происходит, по мнению Т.А. Гридиной, при достижении ребёнком соответствующего уровня языковой компетенции (в результате расширения словарного запаса, усвоения значений готовых слов)...[Гридина 2006: 65]. По мнению мальчика, богатый человек – это большой, смелый и могучий человек, соответственно, богатырь – это тоже смелый, могучий и ещё богатый человек. Ребенок расширяет семантику лексической единицы.

Однако в силу возрастных особенностей ребенок чаще не воспринимает расширение семантики слова, в том числе за счет развития переносного значения слова.

Даша, 4 года.

Мы прибирались дома. После того, как Даша отказалась помогать, я назвала её лентяйкой. Она заплакала и сказала:

– Не называй меня больше лентяйкой, меня в садике так ребятки называют!

– Почему они тебя так называют?

– Потому что я в садике прибираюсь [пример автора].

В данном примере лексемы «лентяйка» реализуют значения: 1) ленивый человек (значение, зафиксированное в словаре); 2) предмет для мытья полов (значение, появившееся в результате обыгрывания первого).

Видимо, у кого-то из детей мама дома моет полы лентяйкой и по аналогии с действием «убирать», «наводить чистоту», дети присвоили такое значение слову, обозначающему субъект действия. Номинация произошла по смежности значений, т.е.

наблюдается перенос названия орудия действия на субъект действия. Таким образом, человек, который прибирает, т.е. делает помещение чистым, называется лентяйкой.

Т.А. Гридина отмечает, что «в детских инновациях, как в зеркале, отражается работа языкового механизма, позволяющая его использовать как гибкий «инструмент» номинации и коммуникации, что для ребёнка является и способом освоения языковой картины мира, и способом выражения собственных ценностных ориентиров восприятия действительности посредством «коррекции» уже готовых единиц (слов, грамматических форм) и изобретения новых» [Гридина 2006: 23]. Подобную коррекцию мы наблюдаем в следующем примере.

Девочка, 5 лет.

О шортах.

– Это безрукавка, а это *безногавка* [В.К. Харченко 2005: 30].

Номинация произошла на основе общности функции. Ребёнок по аналогии с безрукавкой, т.е. с жилетом, образовал новое слово «безногавка». Если жилет - это одежда без рукавов, то шорты – это одежда без ног (без штанин).

Таким образом, в процессе номинации явлений окружающей действительности ребенок среднего дошкольного возраста создает лексическую картину мира, несколько отличающуюся от лексической картины мира взрослого человека. В лексической картине мира, создаваемой ребенком, наиболее актуальными оказываются мотивированные слова, неологизмы, механизм возникновения которых прозрачен в плане манифестации семантики компонентами их морфемной структуры. Стремлением к использованию мотивированных единиц обусловлен и номинативный перенос. В наших примерах номинативный перенос был связан с такими признаками, как характер действия, внешний вид предмета, действие и субъект этого действия. Номинативный перенос в детской речи нередко приводит к расширению значения слова.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.krugosvet.ru, свободный.
2. Гридина, Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи [Текст] : учеб. пособие / Т.А. Гридина. – М.: Наука: Флинта, 2006. – 152 с.
3. Плотникова, С.В. Лексикон ребёнка: закономерности овладения словарём и методика его развития [Текст] : учебное пособие / С.В. Плотникова; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 216 с.
4. Программа воспитания и обучения в детском саду [Текст] / под ред. М.А. Васильевой, В.В. Гербовой, Т.С. Комаровой. – М.: Издательский дом «Воспитание дошкольника», 2004. – 208 с.
5. Сохин, Ф.А. Психолого-педагогические проблемы развития речи дошкольников [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.voppsy.ru, свободный.
6. SolNet.EE - портал СОЛНЫШКО (Юмор в коротких штанишках).

7. Харченко, В.К. Словарь современного детского языка: ок. 10 000 слов: свыше 15 000 высказываний [Текст] / В.К. Харченко. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637, [3] с.

Л.И. Плотникова
Белгород, Россия

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Функционально-эстетическое назначение нового слова в поэтическом тексте наиболее полно и основательно выявляется при коммуникативно-когнитивном подходе с учетом ономаσιологической, когнитивной и словообразовательной составляющих текста. Известно, что язык – это способ выражения творческой индивидуальности поэта и его художественного метода. Необходимость сказать новое слово побуждает авторов искать необычные формы выражения. Особенность отбора лексических средств создает особую картину мира поэта. Принадлежность к разным направлениям свидетельствует о разнообразии творческих установок в работе над новым словом. Следовательно, историю поэзии можно рассматривать как историю различного отношения к слову, и к новому слову в частности. Исследование творчества поэтов, живших и творивших в разные эпохи, позволяет представить на конкретных примерах различие их творческих установок на создание индивидуально-авторских слов и выявить функциональную нагрузку новообразований в поэтических текстах.

Коммуникативно-когнитивный подход к анализу новых слов в поэтическом тексте предполагает исследование их в контексте всего творчества поэта, с учетом реальной обстановки, идейной платформы, основной идеи произведения, его жанровой и стилистической отнесенности. Анализ ономаσιологической составляющей текста предполагает определение той реалии объективной действительности, которая обозначается автором в связи с замыслом всего произведения. Она соотносит новое слово с определенной категорией, позволяющей определить тот класс, разряд и ономаσιологическую группу слов, к которым новое слово относится.

Анализ когнитивной составляющей выявляет концептуальную организацию нового слова, то есть позволяет говорить об индивидуальных концептах, преломленных сквозь призму авторского мировоззрения и отражающих то видение мира, которое сложилось у поэта и требует своего обозначения.

Словообразовательная составляющая позволяет определить форму выражения того индивидуального смысла, который является результатом сложного процесса

восприятия, анализа и отражения мира автором. При этом выявляются словообразовательные модели и деривационные средства, выбранные художником слова в соответствии с замыслом произведения и используемые им как средства языковой репрезентации индивидуально-авторских концептов в процессе словотворчества.

Так, Велимир Хлебников, представитель поэтической школы кубофутуристов, считал словотворчество «врагом книжного окаменения языка» и проводил эксперименты со стихом, одержимый идеей создать свой словарь, построить грамматическую систему, отрицающую грамматику русского языка, законы сочетаемости слов и синтаксические правила. Эти стремления отразились в его поэтическом творчестве, отличающемся обилием индивидуально-авторских образований. Средством «исцеления» культуры В. Хлебников считал именно словотворчество:

*И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотел.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружесток.
Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок. (Творения)*

Творчество И. Северянина – представителя школы эгофутуризма – также может служить примером экспериментаторства в отдельных областях стихосложения и словотворчества. Поэт стремился выразить свой необычный внутренний мир через ассоциации с необыкновенными проявлениями окружающего мира, ср.: «*снежеет дружно, снежеет нежно, над ручейками хрусталит хрупь*», «*всюду майно*», «*кружжееет лес*», «*шмелит-пчелит* виолончель над *лиловеющей долиной*» и др.

Одним из ярких представителей так называемой «эстрадной поэзии» является А. Вознесенский, язык которого отличают игра слов, широкое использование каламбуров, новые ритмико-синтаксические конструкции. К перечисленным особенностям необходимо отнести и активное создание новообразований, характерное для индивидуального языка поэта. Ярким примером, демонстрирующим целый каскад индивидуально-авторских образований, является стихотворение «Антимиры». Коммуникативно-когнитивное направление анализа выявляет следующие особенности данного текста. Ономастологическая составляющая, связанная с определенной реальией объективной действительности, свидетельствует о том, что новообразования *Антибукашкин, антиголова, антимашины, антимирок, антимирры, антимужчины* выражают идею противопоставления как сущности нашего бытия. Данная идея находит проявление в создании автором антонимических пар, которые относятся к различным классам явлений: со значением лица (мужчины – *антимужчины*), обозначающих

конкретные предметы (машины – *антимашины*) и личные имена (Букашкин – *Антибукашкин*).

Когнитивная составляющая обусловлена теми индивидуальными знаниями, которые объективированы в новых словах. Она соотносится с общей идеей текста – идеей противоречия индивидуальных мирков совмещан, неомещан, кабарышень и кабабушек антимиркам инакомыслящих. Эта авторская идея организована такими индивидуальными концептами, для которых нет однословных обозначений в русском языке. Для их репрезентации А. Вознесенский создает ряд новообразований.

Организирующим началом стихотворения является новообразование *антимирры*, не случайно вынесенное автором в заглавие, так как в нем нашла выражение идея противопоставления, положенная поэтом в основу всего стихотворения. Противоречия жизни обозначены и парами противопоставленных узуальных слов, например: *оазисы – Каракумы, глупые – умные*.

Словообразовательная составляющая данного текста находит проявление в активном использовании автором приставки *анти-*, выражающей основную идею произведения. Слова, образованные при помощи данного префикса, относятся к потенциальным словам и созданы узуальным способом словообразования.

Таким образом, предложенный в качестве примера фрагмент коммуникативно-когнитивного анализа поэтического текста подтверждает, что данный аспект способствует выявлению функционально-прагматических особенностей новообразований, описанию индивидуально-авторских концептов, отражающих субъективное видение мира, а также способов языковой репрезентации этих концептов, то есть представляет комплексное исследование нового слова, что дает возможность по-новому подойти к проблемам словотворчества.

Уникальным явлением в русской поэзии XX века признано творчество Иосифа Бродского. Основным стержнем его поэтической системы является особый, трагический метод познания и изображения реальности. В ряду с другими выразительными средствами поэтического языка И. Бродского индивидуально-авторские образования немногочисленны. Среди них преобладают суффиксальные субстантивы со значением опредмеченного непроцессуального признака, например: «...у квартир - / вид неправильных туч, зараженных / **квадратностью**, тюлем» (Bagatelle); «Города знают правду о памяти, об **огромности** / лестниц в так наз. / разоренном гнезде» (Bagatelle); «Это – влияние грядущей **трупности**: / всякий распад начинается с воли, / минимум коей – основа статичности (1972 год); «Всему свой срок, / поскольку теснота, **незрячесть** / объятия – сама залог / **незримости** в разлуке» (Пенье без музыки) и др.

Необычное свойство может быть выражено у Бродского и при помощи других суффиксов. Оно обозначает опредмеченный признак или опредмеченное действие: «...так в ночной темноте, / обнажая надежды **беззубие**, / по версте, по версте / отступает любовь от безумия» (Как тюремный засов...); «это – вечная жизнь: / поразительный мост, неумолчное слово, / **проплыванье** баржи, / оживление любви, **убиванье** былого...» (От окраины к центру); «**Помрачение** июльских бульваров, когда, точно / деньги во сне, / пропадают из глаз, возмущенно шурия, миллиарды...» (Bagatelle); «и за постой берут / **выцветаньем** зрачка, ржавую чешую» (Прилив).

В отдельных случаях особое состояние передается в сложных словах, отражающих сложное мировосприятие поэта: «... что луг с поляной / есть пример **рукоблудья**, в природе данный» (Я всегда твердил, что судьба – игра...); «...это будет / способствовать ее **правдоподобью**» (Посвящается Ялте); «Лишь объекту **злоречья**, / вместе с шансом в пятно / уменьшаться...» (Строфы); «здесь, на земле, / от нежности до **умоисступленья** / все формы жизни есть приспособленье» (Разговор с небожителем) и др.

Особый интерес представляют окказиональные образования И. Бродского, свидетельствующие о сложных «закадровых» связях на когнитивном уровне, которые репрезентируются в необычных языковых формах, например: «...Открытью / **Инфарктики** – неизвестной части / того света» (Открытка из Лиссабона); «На закате режут, возвращаясь с полей, **муу-танки**: / крупный единорогий скот» (Открытка из Лиссабона); «**Средизимнее** море шевелится за огрызками колоннады, / как соленый язык за выбитыми зубами» (Деревянный лакоон...) и др.

Анализ извлеченных нами индивидуально-авторских образований Иосифа Бродского позволил заключить, что в большинстве своем они передают определенное свойство или состояние и органично вписаны в ткань произведения. Немногочисленные окказиональные слова, как правило, очень выразительны и дополняют необычные поэтические образы (зачастую наряду с яркими метафорами).

Таким образом, новообразования в поэтических текстах являются результатом индивидуального словотворчества мастеров слова, обусловленного эстетической функцией инноваций в художественном произведении. Коммуникативно-когнитивный подход к анализу созданных автором инноваций предусматривает выявление той объективной реальности, которая потребовала своего однословного обозначения, определение нового индивидуального знания, объективированного в новом слове, а также способа образования и тех словообразовательных средств, с помощью которых это знание было репрезентировано.

Индивидуальные образования, созданные авторами разных литературных направлений, свидетельствуют не только о различии в идейных установках, но и о различном отношении поэтов к новому слову и словотворчеству.

С.Н. Плотникова
Иркутск, Россия

ФАКТОР ДОВЕРИЯ В ВОСПРИЯТИИ: ВИДИМАЯ И НЕВИДИМАЯ КАРТИНА МИРА

Формирование у человека картины мира неразрывно связано с восприятием. Согласно Б. Уорфу, прежде всего существует некая объективная картина мира – ситуация, которую видит какой-либо человек (говорящий) и о которой он сообщает другому человеку (слушающему). В разных языках эти сообщения отличаются друг от друга по смыслу. Например, видя одну и ту же объективную картину – бегущего человека, – носитель английского языка говорит: “he is running” (смысл: действие); носитель же языка хопи говорит: “warl” (смысл: не действие, а констатация факта) [Уорф 2003: 215]. Передача разными языками разных смыслов об одной и той же объективной картине мира является, с точки зрения современной лингвистической теории, свидетельством существования разных языковых картин мира. Сам Уорф данный термин не употребляет, он делает акцент, во-первых, на смысловых различиях при передаче сообщения об одной и той же объективной картине мира в разных языках и, во-вторых, на трансформирующей роли языка в понимании объективной картины мира. Обобщая опыт своей работы в обществе страхования от огня, Уорф, в частности, отмечает, что люди, работающие на складе пустых бензиновых цистерн (empty gasoline drums), по долгу своей службы обязаны знать объективную ситуацию – то, что рядом с этими цистернами нельзя курить. Однако слово empty навязывает их сознанию другую объективную картину мира, предполагающую отсутствие всякого риска, и люди начинают курить, забывая о взрывчатых испарениях бензина в этих «пустых» цистернах. «Можно привести бесконечное множество подобных примеров – пишет Уорф, – они показывают достаточно убедительно, как рассмотрение лингвистических формул, обозначающих данную ситуацию, может явиться ключом к объяснению тех или иных поступков людей» [Уорф 2003: 162].

Э. Сепир, чью теорию развивает Б. Уорф, как известно, не упоминает ни об объективной, ни о языковой картине мира, тем не менее, он четко показывает, хотя и в других терминах, сущность этих понятий. Сепир пишет, что окружающий мир, подлежащий выражению, один и тот же для любого языка. Существует некий единый

опыт — некое восприятие, впечатление, наблюдение, то есть некое «реальное содержание», которое нужно выразить, — например, явление «падение камня». В терминах Уорфа, восприятие этого явления может быть названо восприятием определенной объективной картины мира.

Сепир объясняет взаимодействие опыта и языка следующим образом. Все люди, наблюдающие падение камня, произвольно осмысливают это явление посредством двух концептов — концепта камня и концепта падения. Однако в каждом языке это концепты соотносятся друг с другом с помощью особых формальных средств. Китайский язык просто сопоставляет эти концепты и довольствуется экономным утверждением “stone fall”. В немецком и французском языках камню присваивается категория рода, в немецком — мужского, во французском — женского (как шутит Сепир, почему так происходит, возможно, смогут объяснить нам фрейдисты). В английском языке необходимо каждый раз указывать, воспринимается ли камень как определенный или неопределенный (the stone vs. a stone). Для русского языка это различие несущественно (как еще раз шутит Сепир, “stone falls” звучит вполне хорошо для Ленина). Сепир сравнивает переход от одного языка к другому с переходом от одной геометрической системы к другой. Каждый язык пересоздает мир — задает вещи посредством языковых форм точно так же, как оси координат задают все точки данного пространства. Поэтому языки не просто по-разному выражают один и тот же опыт — они переструктурируют этот опыт. Наиболее известный постулат Сепира гласит: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной мере они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, — это всего лишь иллюзия. В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [Сепир 2003: 130-131].

Анализ взглядов основоположников понятия картины мира требуется для того, чтобы показать, что это понятие уже с самого момента своего возникновения определяется двояко. С одной стороны, указывается на существование объективного

мира, единого для всех языков, развертывающегося в определенной последовательности объективных картин мира, реальное содержание которых может быть выражено на всех языках. С другой стороны, провозглашается существование людей в совершенно разных мирах, в которых объекты представлены восприятию в соответствии с их навязанной языком категоризацией – языковой картиной мира.

Целью данной статьи является анализ особенностей формирования у человека объективной картины мира и той роли, которую играют в этом когнитивные аспекты восприятия.

Необходимо указать, что в науке отсутствует единое представление о природе восприятия. С одной стороны, под восприятием понимается обнаружение физических объектов мира чувствами воспринимающего человека – в этом случае говорят о чувственном восприятии. Вектор такого восприятия имеет направленность от мира к человеку, от имеющихся в мире предметных сущностей к органам чувств человека. В философии на протяжении веков ведутся споры о соотношении чувственных данных и физических объектов, о том, насколько «реальны» физические объекты (например, стол) и насколько их природа зависит от наших ощущений. Б. Рассел пишет об этих спорах так: «Таким образом, наш знакомый стол, который до сих пор не привлекал нашего внимания, стал источником проблем, которые полны удивительными возможностями. Единственная вещь, которую мы знаем о столе, – что он не то, чем он кажется. За пределами этого скромного результата мы свободны идти в самых разных направлениях. Лейбниц говорит нам, что это «собрание душ»; Беркли – что это идея в уме Бога; трезвая наука, едва ли менее удивительная, говорит нам, что стол – это огромное собрание электрических зарядов, находящихся в движении» [Рассел 2007: 40]. Несмотря на все эти споры – продолжает Рассел – никто из ученых не сомневается, что реальный стол существует и что, как бы сильно не зависели от нас наши чувственные данные, они свидетельствуют о независимом от нас существовании вещей, являющихся их причиной.

С другой стороны, ученые выделяют и нечувственное восприятие. Подобную концепцию восприятия встречаем у Н. Гартмана, который пишет: «Долго считали, что восприятие содержит только элементы видимого, осязаемого, слышимого, что оно заключается в совокупности ощущений. В действительном восприятии <...> исчезает граница между оптически данным и добавленным. <...> Но это еще далеко не все. В повседневном восприятии содержится много такого, что вообще не может быть чувственно воспринято. Мы видим дерево и жука, но мы видим также и жизнь в обоих и видим ее дифференцированно, как жизнь различного рода. Мы входим в комнату и видим бедность или богатство, неопрятность или хороший вкус обитателей. <...> И как

раз это, то есть невидимое, является, собственно, тем, ради чего мы воспринимаем. Мы в жизни совсем не знаем, что такое «видеть» без такого проникновения внутрь» [Гартман 2004: 59-60].

Гартман считает, что восприятие – это не мгновенный акт, а протяженный процесс. В этой трактовке мгновенное чувственное восприятие представляет собой лишь внешнюю оболочку (вновь воспринятый опыт), а нечувственное восприятие представляет собой внутреннюю часть этой оболочки (ранее воспринятый опыт). «Каждое восприятие – объясняет Гартман – каждый раз строится из двух ступеней: как мгновенная связь переживаемого и как далеко идущая во времени связь опыта. Обе эти ступени связи составляют всегда расчлененное единство. <...> Внешняя оболочка восприятия легко наполняется внутренним содержанием, которое не было чувственно воспринято, но каждый раз присоединяется и действует как данное вместе с восприятием. <...> В этом смысле мы можем сказать: «я вижу» гнев, тоску, недоверие в выражении лица; но мы еще долго оказываемся не в состоянии объяснить, «как» все это выражается в мимике» [Гартман 2004: 61].

Такое же понимание восприятия встречаем у Ж.-П. Сартра, который рассматривает в качестве того, что может быть воспринято, не только объекты и действия (типа «он колет дрова»), но также качества и состояния. «Мне жаль Пьера – пишет он, – и я помогаю ему. Для моего сознания в этот момент существует лишь одно: долженствующий-получить-помощь-Пьер. Это качество: «долженствующий-получить-помощь» – находится в самом Пьере. <...> Все происходит так, как если бы мы жили в мире, где объекты помимо таких своих качеств, как, скажем, теплота, запах, форма и проч., обладали такими качествами, как отвратительность, привлекательность, очаровательность, полезность и т. д., и как если бы эти качества были силами, определенным образом воздействующими на нас» [Сартр 2003].

Вектор нечувственного восприятия направлен от человека к миру: мир воспринимается в соответствии с тем, что о нем думает воспринимающий. Восприятие в данном случае подготовлено не самим миром, а каким-либо индивидуальным или групповым сознанием, концептуальной структурой этого сознания, которую оно накладывает на мир и в зависимости от которой человек «видит» в мире такие непредметные сущности, как любовь, красота, бедность и т. п.

В чувственном восприятии физических объектов человек «доверяет» миру: он не сомневается, что воспринимаемый им стол – это стол, а не что-то иное. Наш мир непохож на мир из «Алисы в стране чудес», где вещи то и дело меняют свою форму и назначение, увеличиваются и уменьшаются в размерах, из неодушевленных вдруг

превращаются в одушевленные, а из видимых в невидимые. Что касается чувственного восприятия, то в нашем мире человек с нормальным зрением каждый раз имеет перед своим взглядом четкую, хорошо видимую картину мира. Конечно, иногда чувственное восприятие может давать сбои, например, в темноте – тогда возникает кажимость, видение иной, по сравнению с объективной, картины мира. В случае кажимости человек перестает доверять не миру, а себе, своим органам чувств и выражает это при помощи соответствующих языковых средств (мне показалось, я принял это за другое и т.п.).

В нечувственном восприятии человек доверяет своей способности «правильно» определять наличие абстрактных вещей на основе определенных чувственно воспринятых материальных проявлений. Для смотрящего или даже для целого сообщества смотрящих такие абстрактные вещи вполне реальны, примером чему может служить наше восприятие красоты, которая каждый раз предъявляет себя нашим органам чувств одновременно со своим материальным носителем. Тем самым, красота «присутствует» в мире, в котором находится воспринимающий, и этот мир зачастую является не только личным, но и интерсубъективным. Действительное наличие абстрактных сущностей как объектов восприятия находит подтверждение в наивной языковой картине мира, в частности, в таких выражениях, как: *настоящая* любовь, *подлинная* красота, *безупречная* чистота, *реальная* поддержка, *верная* смерть, *большая* опасность, *явная* глупость, *истинное* уважение и т.п. В этих выражениях отражается то, что указанные абстрактные сущности признаются в качестве действительных, реально существующих в мире, а не кажущихся или вымышленных. Эти сущности, сами по себе незримые, тем не менее, открыты для восприятия и входят в видимую человеком картину мира. Иногда же объект, воспринятый кем-то как носитель красоты, не оценивается в качестве такового другим воспринимающим, поэтому данную картину мира он не «видит».

Проблема видимой и невидимой картины мира может быть поставлена и в более широком ракурсе – в ракурсе восприятия человеком единства, лежащего в основе явлений или, в когнитивных терминах, сценария развертывания мира. Мир по большей части возникает для нас в том виде, в котором мы этого ожидаем, исходя из когнитивного сценария, согласно которому организуется наш текущий опыт. Например, когда мы приходим в ресторан, мы видим мир в соответствии с нашими ожиданиями: наш взгляд не блуждает, он отдан тем сменяющим друг друга картинам мира, которые являются этапами сценария «Обед в ресторане» (наш приход в ресторан, усаживание за столик, изучение меню, заказ блюд и т.д.). Все другие картины мира остаются для нас невидимыми, и в случае одновременной реализации какого-либо иного сценария

отсутствие восприятия может иметь для нас тяжелые последствия. К примеру, стоящий у соседнего столика портфель может скрывать в себе заложенную террористом бомбу, и, если бы мы это «увидели», то, возможно, смогли бы помешать осуществлению данного параллельного сценария.

Коммуникация, как создающая мир общность физических и вербальных действий, протекает, стандартным образом, в рамках одного когнитивного сценария. У его участников существует доверие друг к другу, базирующееся на их знании этого общего сценария, делающем их будущие действия более или менее предсказуемыми. Общий сценарий как источник возникновения мира рамирует восприятие: предъявляет ему определенную последовательность видимых картин мира, фиксирующих особенности сосуществования человека с другими людьми, оставляя все картины мира, находящиеся «за рамками», невидимыми. Такое рамирование, так же как и доверие людей друг к другу в его пределах, крайне важно для процессов коммуникации, поскольку оно закладывает основу разумного понимания – разделение единых для всех истин о мире. Так, посетитель ресторана, хотя и не видит того, что делают повара на кухне, обычно имеет к ним полное доверие, базирующееся на уверенности в общей разумности действий в рамках всего сценария «Ресторан» в целом. Однако, если однажды человек отравился ресторанной едой, он может надолго потерять доверие ко всем ресторанам, к взаимодействию с другими людьми в рамках реализации данного когнитивного сценария.

Из этого следует, что фактор доверия имеет высокую когнитивную значимость. Человек не может знать всего, поэтому он многое должен просто принять за действительное, доверившись другим людям, – принять по умолчанию, по принципу «так должно быть, значит, так и есть». Общество борется против людей, нарушивших доверие к себе в процессе реализации социально значимых сценариев. Так, в сотрясающих современный спорт допинговых скандалах происходит разоблачение спортсменов, обманувших доверие болельщиков, которые по умолчанию принимают за действительное то, что в невидимых ими картинах подготовки к соревнованиям спортсмены действуют честно. Дискурс разоблачения делает видимыми картины мира, не соответствующие общему сценарию «Спорт» и срывающие действие этого сценария в определенной части мира.

Если было нарушено доверие и, скажем, на дружеской вечеринке произошло убийство, то мира, каковым он воспринимался всеми, кроме убийцы, не было. Когда совершается преступление, перед обществом каждый раз встает задача выяснить, каким был мир, в котором мы действительно находились. Раз кем-то был осуществлен

сценарий «Убийство», то требуется вернуться мысленным взором в прошлое и вывести невидимые картины действительного мира в зону видимости. Это необходимо, потому что для человека жизненно важно хорошо знать свой окружающий, действительный мир, а посему он должен быть открыт для восприятия. В когнитивных терминах, расследование преступления – это открытие прошлого состояния мира для восприятия, нужное для того, чтобы двигаться от действительного прошлого в действительное, а не иллюзорное будущее.

Данные теоретические положения объясняют кажущийся обыденному сознанию странным интерес общества к скандалам, конфликтам, разоблачениям, сенсациям и т.п. Становится также понятной большая социальная востребованность детективного дискурса: он служит своеобразным обучающим средством, развивающим восприятие и внимание, показывающим, что восприятие подвергается воздействию сценариев и что тайно внедренные сценарии порождают для их невольных участников невидимые ими картины мира. Кроме этого, детективный дискурс обучает, каким образом можно восстановить опущенные части опыта и воссоздать невоспринятые картины мира, находящиеся в непосредственной близости от воспринятых, на основе оставленных в них следов. В фигуре Детектива представлен «взломщик» реальности, уничтожающий монополизацию восприятия, его присвоение лежащим на поверхности сценарием. Детектив реорганизует восприятие, рамируя его вокруг глубинного сценария «Убийство».

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о когнитивной компетенции воспринимающего. Получается, что, если с самого начала в коммуникации осуществлялся сценарий «Убийство», то участник этого сценария – Жертва Убийства – оказался когнитивно некомпетентным и что, если бы он действовал подобно Детективу, то есть с ответственностью относился бы к своему восприятию, то смог бы избежать смерти?

Это сложный вопрос, требующий дальнейшего изучения, однако, скорее всего, восприятие по самой своей сути является односторонним, «привязанным» к одному текущему сценарию. У человека имеется некая «презумпция» восприятия: этот мир таков, как я думаю, его сценарий мне известен, я знаю, в каких картинах он саморазвертывается из прошлого через настоящее в будущее. Поэтому веру в мир и доверие к окружающим следует рассматривать как онтологическую когнитивную характеристику человека воспринимающего. Конечно, степень доверия может быть разной, она зависит от прозрачности мира, от его понятности для воспринимающего. Доверие также укрепляется благодаря институционализации коммуникации, внедрению

ритуализованных сценариев, не допускающих отклонений от стандартных цепочек действий.

Итак, мир как когнитивное понятие представляет собой материализацию какого-либо сложного сценария в серии ситуаций – картин мира. Мир совместно «проживается» людьми, каждый человек сливается с миром, материализует себя, в том числе и дискурсивно, внутри этого мира. Части сценария, связанные с разными людьми, реализуются одновременно, и все участники должны адекватно действовать на каждом уровне, чтобы возник следующий уровень порождения мира. Поэтому в этом процессе так важен когнитивный феномен доверия людей друг к другу – уверенности каждого человека в том, что и видимые, и невидимые им картины мира остаются в рамках легитимного сценария: допустимых распределенных фрагментов опыта.

Список литературы

1. Гартман, Н. Эстетика [Текст] / Н. Гартман. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 639 с.
2. Рассел, Б. Избранные труды [Текст] / Б. Рассел. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 260 с.
3. Сартр, Ж.-П. Трансцендентность эго. набросок феноменологического описания [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2003_02_37.htm, свободный.
4. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки [Текст] / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 157-219.
5. Уорф, Б. Наука и языкознание [Текст] / Б. Уорф // Языки как образ мира. – М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 127-156.

О.Б. Пономарева
Тюмень, Россия

КОГНИТИВНО-АССОЦИАТИВНЫЙ ТЕЗАУРУС СУБСТАНДАРТНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Неоднозначность подходов и трактовок семантической деривации требует рассмотрения этого явления не только как одного из способов словообразования, но и как многоаспектного явления языковой системы, как **явление вторичного семиозиса**, связанного с **динамикой** когнитивных процессов человеческого мышления. Динамический подход к языку, отношение к языку как к деятельности имеет длительную философскую традицию. Л. Витгенштейн рассматривал употребление языка как разновидность деятельности или как способ существования, В. Гумбольдт, Ф. Шлегель, А.А. Потебня, М. Бахтин, Н.Н. Амосова рассматривали язык как непрерывное становление.

Неустойчивое, подвижное, динамическое равновесие в развитии языка в целом и в семантической структуре слова в частности отмечали ведущие отечественные ученые В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Р.А. Будагов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, И.В. Арнольд. «Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно выражать все новые и новые оттенки» [Щерба 1957: 6]. Динамика развития лексического значения осуществляется в диахронических и синхронических процессах. В когнитивной лингвистике центральное значение многозначного слова – прототип, базовая абстрактная категория. Основное значение многозначного слова – это некая ментальная схема для осмысления других типов ситуаций, которые могут быть подведены под данную схему. Таким образом, в традиционной лингвистике делается акцент на внутреннюю структуру языка, где язык выступает как автономная система; в то время как когнитивный подход объединяет мыслительную деятельность человека и процессы, происходящие в языке, где язык – средство познания реальности, отражающее когнитивные механизмы мышления.

В свете когнитивной лингвистики слово – часть понятийной системы человека, обусловлено опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению, с помощью слов концептуализация мира человеком находит свое языковое воплощение.

Именно слово и его значение – центральное поле, в котором можно выделить центр и периферию, более яркие или слабые признаки. Многозначное слово характеризуется размытыми границами как вовне (например, когда мы имеем дело с омонимами), так и внутри (между значениями одного того же слова). **Когнитивная лингвистика рассматривает внутреннюю структуру многозначного слова как сетевую модель, элементы которой связаны между собой отношениями разной степени близости и природы** [Ченки 1996; Рахилина 2000].

Анна А. Зализняк считает, что семантическое единство многозначного слова может обеспечиваться **концептуальной схемой**, которая может быть **инвариантом, общим значением, прототипическим сценарием**, своего рода определенной формулой для представления всех значений многозначного слова как единого целого [Анна А. Зализняк 2001: 35]. На наш взгляд, **концептуальная схема, или когнитивно-ассоциативный тезаурус** является наиболее оптимальным средством для описания процессов семантической деривации и семантических сдвигов, лежащих в основе **механизма семантической деривации**. Когнитивно-ассоциативный тезаурус демонстрирует итог концептуальной интеграции различных ментальных пространств, образующих кореферентную сетевую структуру, сплав когнитивных и ассоциативных составляющих нового деривата.

Внимание многих лингвистов приковано к проблемам субстандартной (СЛЕНГОВОЙ) лексики, которая откликается на малейшие изменения во всех сферах нашей жизни. Сленг, как известно, имеет экспрессивный, оценочный характер, и широкое употребление этого пласта лексики в литературном языке в настоящее время служит подтверждением ее эффективности в плане воздействия на адресата. Механизм возникновения сленговой лексики давно интересует как отечественных, так и зарубежных ученых. Одним из наиболее распространенных способов образования слов сленга мы, вслед за В.А. Хомяковым, И.В. Арнольд, Е.С. Кубряковой, считаем семантическую деривацию.

Семантическая деривация является одним из самых продуктивных способов образования новых лексических единиц, вызванных изменениями в семантике уже существующих слов. Изучение процессов семантической деривации помогает объяснить механизмы развития языка, выявить семантические реляции и мотивационные связи, существующие между основным вокабуляром и субстандартной лексикой. Семантическая деривация ведет не только к богатству литературного языка, но и является одним из основных способов пополнения словарного состава языка субстандартной лексикой.

Непрерывный процесс создания новых слов в языке – это сложный когнитивный процесс, происходящий под влиянием экстралингвистических факторов, тем не менее, он идет в русле уже существующих прототипов, используемых по аналогии в соответствии со структурными моделями. Главный процесс речевой деятельности – продуцирование, или порождение речи, ее определенное моделирование. Исследование этих моделей приобретает особую значимость в так называемых периферийных, или маргинальных системах языка, к которым относится и нестандартная лексическая подсистема, имеющая как общие языковые черты всей системы, так и явления синкретизма (диффузности, контаминации, переходности) [Кудрина 1995]. Язык в качестве коммуникативной системы зависит от субъекта коммуникации и, таким образом, расширяет наше представление о языковой системе и о языковой картине мира в целом. Изучение субстандартной семантической деривации дает возможность соединить два подхода к изучению аспектов лексической семантики: семасиологического и ономасиологического, рассматривая лексическое значение в двух направлениях: знак → значение и значение → знак [Соссюр 2004; Уфимцева 2004; Никитин 1983].

В сфере разговорной, экспрессивной лексики с наибольшей силой проявляется один из интереснейших семантических процессов: процесс **синонимической аналогии**,

иначе называемый **синонимической деривацией**, или синонимической иррадиацией [Покровский 1973; Ульман 1962; Виноградов 1994; Апресян 1995, 2005 и др.].

Этот процесс непосредственно связан с характерной чертой просторечия – вариативностью, наиболее полно проявляющейся в семантической избыточности, за счет которой во многих случаях и создается экспрессивная окраска наименования. Обозначение одного и того же предмета, действия или их признаков двумя или более словами имеет смысл только в том случае, когда вновь возникающие наименования явлений действительности чем-то отличаются от уже существующих в языке. Специфика просторечия состоит в том, что в нем в процессе номинации главную роль играет психологический фактор, позволяющий говорящему в условиях речевой раскованности эмоционально «самовыразиться». Как правило, вновь создаваемая единица выступает синонимом к уже существующему в языке слову или словосочетанию, но это не является препятствием к появлению нового слова. Одной из наиболее характерных черт лексического просторечия является «подвижная синонимия», концентрирующая многочисленные ряды синонимов вокруг центров **синонимической аттракции** [Ullmann 1962; Беляева, Хомяков 1985].

Рассмотрим семантическую структуру субстандартных полисемных дериватов на примере семантической группы наименований лица. Цель данного исследования – выявить механизм развития новых значений у существительных, интегральная сема которых в стандарте имеет, как правило, значение «не человек» и приобретает в субстандартной лексике интегральную сему одушевленности, обозначая человека, обладающего определенными внешностными и личностными характеристиками. Среди различных видов семантической деривации метафорическое и метонимическое переосмысления представляют собой результат наиболее глубокого внутреннего семантического преобразования, нередко осложненного какими-либо сопутствующими явлениями. Высокая продуктивность данных видов семантической трансформации во многом объясняется уникальной особенностью человеческого мышления – способностью усматривать сходство или смежность между элементами физически воспринимаемой действительности и различного рода абстрактными понятиями в процессе познавательной деятельности людей.

Когнитивные модели в разговорной или субстандартной лексике характеризуются семантическим синкретизмом особого рода [Земская 2004: 33] и полисемностью, т.е. наличием в составе слова большого количества компонентов смысла. Остановимся на тематической группе, довольно широко представленной в субстандартной подсистеме, а именно: **«Человек: внешность, характер»**. Семный

анализ мотивирующих основ данных дериватов выявил следующие наиболее многочисленные группы:

животные: *alligator, animal, ape, ass, bear, beaver, cat, cow, cub, dog, gorilla, horse, lamb, mouse pig, pup, etc.* (AS, DAS, SAS). Сравним с той же группой в русском сленге (МС, НАРС): *бобер, бык, полкан, хряк (влиятельный человек); дятел (глупый человек), кукушка (голова, девушка).*

неодушевленные предметы: *article, bag, blade, brick, bucket, card, clip, etc.* Ср. в русском сленге (МС, НАРС): *клей (бабник); валет, пятак, педаль, шланг (лодырь); клавиши (весельчак), шуруп (умный человек).*

Другие группы включают:

абстрактные понятия: *rain, speed, name mark, case, etc.* В русском сленге: *мороз (глупый человек); пионерия (собир.) (новичок); процент (обманичик), итрихи, антиквариат (родители), рахит (юноша).*

овощи и фрукты: *peach, banana, apple, fruit, lemon, cabbage, peach, potato, etc;* Русский сленг: *чеснок (зубрила), женьшень, морковка (женищина), хризантема (любимая девушка), капуста (некрасивая, плохо одетая девушка), клумба, петунья (глупая девушка), слива зеленая, тыква (неопытная девушка);*

продукты питания: *sausage, cheese, ham, beef, barbecue, biscuit, cake, pancak.* Соответственно: *изюм (алкоголик), студень (глупый человек), котлета, фрикаделька (девушка), мармеладка (красивая девушка);*

птицы: *bird, canary, chicken, cuckoo, duck, etc;* Соответственно: *дрофа, сойка (проститутка), кукушка, курица (женищина), дятел (доносчик);*

Во всех когнитивных моделях можно определить **исходную понятийную область**, или ментальную сферу-источник, к которой относятся слова в их первичном денотативном значении по отношению к **новой понятийной области или к сфере-мишени**, к которой относятся те же слова в переносном субстандартном значении. Каждая когнитивная модель представляет собой определенный **фрейм**, структурирующий определенную понятийную область (концептуальную сферу) и содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия, например, **человек – это животное** [Кубрякова и др. 2004; Чудинов 2001].

Каждый фрейм состоит из **типовых слотов**, то есть элементов ситуации, или аспектов его конкретизации. Например, фрейм «человек – животное» включает такие слоты, как «кожный покров», «размер», «среда обитания», например *alligator, ape, bat, bear, ср. бабуин, корова, курица, лосиха, мартышка, хорь, щука (девушка) etc.* При характеристике слотов вводится термин **«концепт»**, представляющий собой единицу

ментального лексикона или единицу сознания, отражающую процессы мышления и познания мира в виде определенных квантов знания [Кубрякова 1996]. Всякий концепт погружен в **домены** вследствие неизолированности и включения в сетевые модели, составляющие определенный фон. Совокупность всех существующих в сознании концептов образует концептуальную систему, или **концептосферу** [Рахилина 2000]. Сравнивая понятийную структуру сферы источника и понятийную область сферы-мишени, мы можем выявить те общие концепты, которые служат основанием для развертывания процессов семантической деривации, включая различного рода метафорические и метонимические переносы, характерные для субстандартной семантической деривации в целом.

Анализ семантической структуры субстандартных семантических дериватов (135/155) выявил 13 дифференциальных компонентов значения наряду с общей интегральной семьей “человек”. Наибольшей частотностью обладает компонент “половая принадлежность”, он входит в семантическую группу 77/86 дериватов, например, *barbecue* “a sexually attractive girl” ср. фрикаделька, мармеладка. Далее идет компонент “внешность” (64/76), включая такие компоненты, как привлекательность – непривлекательность (31/40). Например, *bucket* “an ugly girl” ср. колода, коряга (некрасивая, плохо одетая девушка). Довольно частотными являются такие компоненты, как возраст (47/32): *seed* “a young man with little ability or promise of success” ср. коржик, свисток (юноша, парень); черты характера (отрицательные – положительные) в 33/56 дериватах: *job* “a tough or cynical man” ср. дрова, еж (пьяный), кекс, помойка (непорядочный человек). Важны такие компоненты, как “умственные способности”: *clunk* “a stupid person”; ср. дятел, квадрат, кирпич, мороз, пельмень, студень, тайга, тормоз, уют, якорь (глупый, бестолковый человек); поведение (23/26): *oyster* “a man who talks little” ср. трюккий, таявка, шепотник, якубович (болтун).

Таким образом, общую семантическую структуру субстандартных дериватов можно изобразить в виде следующей **когнитивно-ассоциативной схемы** (далее КАС), отражающей специфику ментальных процессов, составляющих **концептосферу** тематической группы «человек: характер, внешность»:

С человек + (С пол + С возраст + С внешность + С положение в обществе + С черты характера + С умственные способности + С физические способности + С атрибут внешности + С национальность + С одежда + С поведение) + С эмоционально-экспрессивная оценка.

Используя когнитивное моделирование, представляется возможным выделить концептуальные метафоры, наиболее характерные для субстандартной семантической

деривации. Метафоры природы, включающие мир животных и растений, составляющие большинство семантических дериватов в анализируемой группе, можно объединить общим названием «зооморфная метафора». Зооморфная метафора широко используется в эмоционально-экспрессивной и, как правило, насмешливо-уничижительной характеристике человека, его внешности и характера.

В целом, совпадение основных когнитивных моделей и выбор языковых средств для названия частей тела в русской и английской субстандартной лексике подтверждает гипотезу о типизированном характере восприятия действительности во многих сферах деятельности, носящих **антропоцентрический характер**. Высокая продуктивность данных видов семантической деривации объясняется уникальной способностью человеческого мышления усматривать сходство либо смежность между элементами физически воспринимаемой действительности и переносить их на язык. Нестандартное употребление тех или иных лексических единиц можно интерпретировать как специфическую операцию над значениями, как намеренное осложнение процесса коммуникации, фиксирование внимания к форме языкового выражения, уничижительному и ироническому восприятию окружающей действительности.

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что мыслительные категории находят выражение в языковых репрезентациях, и реальные объяснения функционирования языка можно получить только при обращении к когнитивному моделированию.

Составляя общую **когнитивно-ассоциативную схему** (далее **КАС**) субстандартных дериватов в английском и русском языке, мы обнаруживаем заметное сходство семантических компонентов и лишь небольшие расхождения в частотности их употребления.

В русском языке это **когнитивно-ассоциативная схема (КАС): С человек + С пол, С положение в обществе, С возраст, С профессия, С поведение, С внешность, С национальность/цвет кожи, С умственные способности, С черты характера, С родственные отношения, С материальные возможности, С одежда + С эмоционально-экспрессивный компонент.**

В английском языке **когнитивно-ассоциативная схема** имеет те же основные компоненты: **С человек + С пол, С положение в обществе, С поведение, С национальность (цвет кожи), С возраст, С черты характера, С внешность, С профессия, С умственные способности, С физические способности, С одежда + С эмоционально-экспрессивный компонент.**

Сравнительный анализ КАС в русском и английском языках обнаруживают некоторые различия в семантической структуре в таких компонентах, как **«родственные отношения»** и **«материальные возможности»** в русской субстандартной лексике и в компоненте **«физические возможности»** в английской субстандартной лексике.

Итак, концептосфера субстандартных семантических дериватов в тематической группе «человек: наименование лица» в обоих языках и, следовательно, ментальные процессы в основных когнитивных моделях выявляют специфику субстандартной лексической подсистемы в целом. Эта специфика характеризуется:

- **сменой актантов в процессе семантической деривации,**
- **широким использованием зооморфных и фитоморфных метафор и метонимических переносов с части на целое,**
- **использованием богатого шутливо-иронического и пейоративного импликационала, актуализирующегося в дериватах вместе с эмоционально-экспрессивными, сниженными коннотациями.**

Вместе с тем этой лексике также присуща **семантическая конвергенция и интеграция** самых различных семантических компонентов в общей семантической структуре этих дериватов, что и отражено в схемах русской и английской концептосфер.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. Избранные труды. – Т.1. – М.: Наука, 1995. – 472 с.
2. Апресян, Ю.Д. О Московской семантической школе [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1 – С. 3-30.
3. Беляева, Т.М., Хомяков, В.А. Нестандартная лексика английского языка [Текст] / Беляева, Т.М., Хомяков, В.А. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 136 с.
4. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В.В. Виноградов // История слов. – М.: Наука, 1994. – С. 47-68.
5. Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии [Текст] / А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13-25.
6. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы общения [Текст] / Е.А. Земская. – М.: Наука, 2004. – 239 с.
7. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3-12.
8. Кудрина, Н.А. Периферийные и маргинальные явления как объект лингвистического исследования [Текст] / Н.А. Кудрина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – М.: МГУ, 1995. – Т.1. – С. 280-281.
10. Покровский, М.М. О методах семасиологии [Текст] / М.М. Покровский // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Наука, 1973. – С. 357-362.
11. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е.В. Рахилина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3-15.
13. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

15. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры (1991-2000) [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
17. Ullmann, S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning [Text]. – New York: Barnes Noble, 1962. – 278 p.
18. AS – Robert, L. Chapman. American Slang [Text]. – Philip Harper Paperworks, 1994. – 560 p.
19. DAS – Dictionary of American Slang [Text] / Ed. By H. Wentworth & S.B. Flexner. – New York: Thomas Y. Crowell Company, 1975. – 766 p.
20. НАРС – Глазунов, С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики [Текст] / С.А. Глазунов. – М.: Русский язык, 1998. – 776 с.
21. МС – Молодежный сленг [Текст] // Т.Г. Никитина Молодежный сленг. Толковый словарь. – М.: Астрель, АСТ, 2004.
22. SAS – Spears, A.R. Slang American Style [Text]. – Chicago: NTC Publishing Group, 1997. – 555p.

Н.Б. Попова
Челябинск, Россия

СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАРТЕЗИАНСКОГО СИЛЛОГИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОМ КЛАССИЦИЗМЕ

Проблема понимания и интерпретации является одной из фундаментальных и взаимосвязанных проблем гносеологии, логики, философии, теории грамматического искусства, семиотики, коммуникации и т.д. Понимание трактуется как искусство постижения значения знаков, постижения смыслов, передаваемых одним сознанием другому. Интерпретация – объяснение, перевод, истолкование (от лат. *interpretatio* – «посредничество»). Интерпретация, соответственно, – это истолкование знаков и текстов, зафиксированных в письменном виде. Следовательно, понимание и интерпретация предстают в качестве различных этапов осуществления герменевтического акта – перехода от знака к смыслу. В гуманитарном знании интерпретация – фундаментальный метод работы с текстами как знаковыми системами. Это объективно практикуемая когнитивная процедура, имевшая место еще в античной культуре, рассматриваемая в большей степени как риторический прием. Понимание и интерпретация тесно связаны с процессом мышления, стратегии которого заданы в античности структурой аристотелевского силлогизма.

Силлогизм – рассуждение, особый тип умозаключения в котором имеются 2 посылки и заключение. Обе посылки, связывающие субъекты (подлежащие) и предикаты (сказуемые), объединены общим (средним) термином, обеспечивающим «замыкание» понятий в заключении силлогизма. Например: «Все металлы – электропроводны, медь – металл, значит медь – электропроводна». Посылки силлогизма разделяются на большую, из которой берется предикат заключения, и малую, из которой

берется субъект заключения. То есть предикат «быть электропроводным» - большая посылка, а субъект «медь» - малая посылка. Этой структурой аристотелевского силлогизма пользовались не только в античности, но и в средневековье, включая эпоху Возрождения. Период Нового времени в связи с интенсивным развитием буржуазных отношений, изменением отношения к целям и значению человеческого познания характеризуется разработкой нового научного метода. Это индуктивный метод Ф. Бэкона и дедуктивный метод Р. Декарта, представленные известными афоризмами: «Знание – сила» (Бэкон), «Я мыслю, следовательно, существую» (Декарт). Оба метода были противопоставлены схоластической (от слова «школа») теории силлогизма, как основной формы познания в античности и средневековье. Индуктивный метод Бэкона основывался на признании ведущей роли в познании опыта как отображения внешнего мира в сознании человека. Индуктивный метод дополняется дедуктивным методом научного познания, известного как рационалистический. По мнению Декарта, научные открытия совершаются не вследствие опытов, а вследствие деятельности ума, который направляет и сами опыты.

Суть рационалистического метода Декарта сводится к следующему. Познание опирается на разум, на интеллектуальную интуицию, которая, по Декарту, рождается в здоровом уме посредством воззрения самого ума и которая выражается в простом и ясном представлении, не вызывающем никакого сомнения. Именно разум должен из этих интуитивных воззрений на основе дедукции вывести все необходимые следствия. Таким образом, Декарт как бы возвращается к структуре аристотелевского силлогизма. Однако вместо второй посылки аристотелевского силлогизма Декарт вводит основной принцип своего дедуктивного метода – *сомнение* как исходный принцип всякого исследования. При этом Декарт приписывает несомненный характер сомнению, мышлению и бытию субъекта мышления: при обращении к самому себе, сомнение, по Декарту, исчезает. Сомнению противостоит непосредственная ясность самого факта мышления: декартовское «я мыслю» как абсолютно достоверная аксиома, из которой должно вырасти все истины. Подвергая сомнению ту или иную посылку, субъект мышления сам выводит силлогизм. Рационалистический постулат «Я мыслю» и есть основа единого научного метода всей исследовательской и художественной мысли его времени.

Французская литература 17 века, особенно классицизм, целиком и полностью зависит от структуры декартовского силлогизма. Стратегии понимания художественного текста 17 века связаны со стратегиями поиска причинно-следственной связи

картезианского силлогизма (тезиса — антитезиса — силлогизма), отражающей философско-эстетические принципы рационализма Декарта.

Композиционно и синтаксически каждое произведение, каждый текст, каждое предложение литературы 17 века представляют собой законченные логические суждения, раскрывающее причинно-следственную связь событий или умозаключений. Выдвинутый тезис, подвергается сомнению, проверяется жизнью или рассуждениями с тем, чтобы вывести истинное логическое заключение. Такая же модель является и основным способом поэтического выражения. По этой модели строятся как отдельные части развернутого предложения, так и целые предложения. Так структурируется любое высказывание, любая реплика и все произведение в целом. При этом причинно-следственная связь вписывается в поэтический текст, который доминирует в эту эпоху, в рамки идеальной симметрии, достигаемой разными видами ритмико-синтаксического параллелизма.

Наиболее полное и законченное выражение картезианский силлогизм получил в творчестве Ж. Расина. Ни стиховой, ни языковой каноны, ни классицистические единства не ограничивают творческие возможности Расина, Наоборот стратегии опоры на картезианский силлогизм, стратегии поиска тезиса, антитезиса и заключения позволяют читателю понять душевный мир его героев, мир любви, страстей, коварства, социальных и личных трагедий.

Иллюстрацией стратегии понимания картезианского силлогизма в поэтическом тексте французского классицизма и интерпретации реальной, пульсирующей в нем жизни и страсти может послужить монолог-признание Федры из одноименной драмы Расина «Федра».

Вот как начитается это страстное признание в любви:

1. 2-4 // 2-4 Oui, prince, je languis, // je brûle pour Thésée:
2. 2-4 // 3-3 Je l'aime, non point tel // que l'ont vu les enfers,
3. 2-4 // 2-4 Volage adorateur // de mille objets divers,
4. 2-4 // 4-2 Qui va du dieu des morts // déshonorer la couche;
5. 3-3 // 2-4 Mais fidèle, mais fier, // et meme un peu farouche,
6. 2-4 // 3-3 Charment, jeune, trainant // tous les coeurs apres soi,
7. 4-2 // 2-4 Tel qu'on dépeint nos dieux, // ou tel que je vous voi.

Федра, обращаясь к Ипполиту, говорит, что любит Тезея (тезис), но не такого, каким он стал (антитезис), а такого, каким Тезей был раньше и каким она видит сейчас Ипполита (силлогизм).

В антитезисе (стихи 2, 3, 4) оказывается, что Федра не любит Тезея, таким, каким он стал после женитьбы и каким попал в ад: легкомысленного и коварного обольстителя всех женщин, стремящегося «обесчестить супружеские покои». В этом антитезисе ощущается негодование героини, отрицание такого возлюбленного, нежелание думать о нем. Утверждающе и страстно звучит силлогизм (5, 6, 7 строки): Федра любит воспоминания о Тезее в Ипполите, верном, гордом и страстном (*fidel, fier, farouche*), красивом и молодом (*charmant, jeune*). Отметим, что верность стоит на первом месте, а перечисление положительных качеств Тезея-Ипполита идет по восходящей градации, и вершина ее – страстность (*farouche*).

В стихах 8-11 снова выдвигается тезис в виде описания Тезея через Ипполита: «у него были ваши глаза и ваша осанка, благородная стыдливость украшала его лицо, когда он прибыл на Крит». Тезис звучит сдержанно и достойно высокого сана героини.

Далее следует антитезис (стихи 12-15) в виде каскада эмоциональных риторических вопросов, в которых передается известная история Лабиринта, знакомая читателю 17 века по многочисленным античным легендам. Воссоздавая заново историю о Лабиринте, который соединил ее с Тезеем, Федра подменяет своего мужа его сыном и тем самым через аналогию между реальной и воображаемой историями о Лабиринте, открывает Ипполиту свою страсть:

12. 4-2 // 2-4 *Que faisiez-vous alors? Pourquoi sans Hippolyte*

13. 4-2 // 2-4 *Des héros de la Grèce assembla-t-il l'élite?*

14. 3-3 // 4-2 *Pourquoi, trop jeune encore, ne pûtes-vous alors*

15. 2-4 // 4-2 *Entrer dans le vaisseau qui le mît sur nos bords?*

То есть антитезис передает сожаления Федры о том, что Ипполит был тогда еще очень молод и не мог участвовать в спасении ее семьи и царства.

Затем следует такая же страстная серия силлогизмов: 1) ведь тогда бы он, Ипполит, победил Минотавра, 2) ему бы Ариадна, сестра Федры, дала спасательную нить для выхода из Лабиринта и 3) ему была бы отдана Федра в жены. Этих силлогизмов героине кажется недостаточно: 4) она, Федра, сама бы дала Ипполиту судьбоносную нить, или 5) она сама бы стала этой нитью и провела бы Ипполита по Лабиринту. Далее следует еще более страстный силлогизм: 6) Федра либо вышла бы с Ипполитом из Лабиринта, 7) либо погибла вместе с ним.

Как видим, структура картезианского силлогизма пронизывает весь текст Расина, все его творчество, ибо она является основой поэтического и эстетического канона французского классицизма.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов) [Текст] – СПб, изд-во Алетейя, 1996. – 364 с.
2. Михайлов, А.В. Проблемы стиля и этапы развития литературы нового времени [Текст] / А.В.Михайлов // Теория литературных стилей: Современные аспекты изучения. - М., 1982. – С. 343-377.
3. Попова, Н.Б. Информативность поэтического текста [Текст] / Н.Б. Попова.- Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1992. – 141 с.
4. Попова, Н.Б. Поэтика французского классицизма / Н.Б. Попова. – Челябинск, 2006. – 75 с.
5. Радугин, А.А. Философия [Текст] / А.А. Радугин. – М.: Издательство ЦЕНТР, 2001. – 270 с.

М.Ю. Прокопьева
Курган, Россия

СИМВОЛЫ В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ» Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

«Достоевского читают глазами для острого развлечения, а о том, что он показывает, не задумываются - голова не подготовлена».
А.Ремизов. Из записных книжек

Человек есть существо, бытие которого заключено в понимании. Интерпретация – проникновение вглубь смысловой структуры текста. Предположим, что человек «вкладывает» в текст некоторые представления. После взаимодействия с миром у человека появляются некоторые взгляды на мир, эти взгляды он фиксирует в знаковой форме. Тот вид, который приобретают фиксированные знаки, вид знаков, написанных чернилами или мелом можно назвать «твердым текстом». Но если в эту последовательность знаков не вложить смыслы, то их нельзя будет назвать текстом. Мы создаем собственные смыслы относительно последовательности знаков, опираясь на эту последовательность. Например, иногда люди читают книгу с некоторой периодичностью (через год-два), и каждый раз они видят ее иначе, поскольку меняется их опыт. Эта новизна книги обеспечивается последовательностью знаков, предложенной писателем и интерпретацией знаков читателем.

Возьмем роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Откроем его и прочитаем слова, которые написал Достоевский, мы их уже встречали и постоянно ими пользуемся. Но через него эти слова «писали» язык, эпоха, образование, эмоции и пр., что не является Достоевским, т.е. слова овеществляются в тексте. Читая книгу, в своем сознании мы создаем множество смыслов, отсюда выстраивается целостная картина произведения.

Творческое наследие Достоевского занимает значительное место в истории русской и мировой культуры. Смысл человеческой жизни, мораль и нравственность,

человек и общество, человек в обществе – эти проблемы современны каждой эпохе человеческой истории и близко касаются каждого человека. Однако сложность и противоречия в постановке и решении этих проблем писателем позволяют по-разному толковать его наследие. Роман «Преступление и наказание» является своеобразным эпицентром творчества Достоевского. Практически каждый эпизод романа подлежит нескольким прочтениям, которые не исключают друг друга, но существуют как бы на разных уровнях, в совокупности создавая весь объем текстового пространства. Линии и ряды смыслов, которые воздействуют на читателя, выстраиваются особым образом, создавая в его сознании общее ощущение от описываемых событий.

Перед нами роман о том, что такое смерть и тление, о том, посредством чего они овладевают человеком, и как в этом процессе участвуют плоть, душа и дух человека. Не только грех, порочность, эгоизм в человеке вскрыты у Достоевского с небывалой силой, но и движения правды и добра в человеческой душе, «ангельское» начало в нем. Но чем категоричнее сущностное превознесение человека, тем беспощаднее вскрывает Достоевский роковую неустроенность духа человеческого, его темные движения. Основная тайна человека, по Достоевскому, состоит в том, что он есть существо нравственное, что он всегда стоит перед дилеммой добра и зла, от которой не может никуда уйти. Путь к добру не определяется одной свободой – не разум движет к добру, а воля, сила духа. Свобода, если она оставляет нас с самими собой, раскрывает лишь хаос в душе, обнажает темные и низшие движения, то есть превращает нас в рабов страстей, заставляет страдать. Персонажи Достоевского преодолевают своеобразный порог, «онтологический порог», на них возложена миссия «преступать», они пребывают внутри сплюсненного, деформированного пространства, это – «углы», «гробы», «шкафы», «комнатенки», «норы» [Подорога 1995: 126-160]. Именно в этих пунктах ожидания скапливается энергия своеволия. Ближайшее внешнее окружение – интерьер комнаты – действует как ограничивающее движение препятствие. И тем не менее эта внешняя пространственность придает персонажам форму, которую они сами не в силах для себя создать, ибо их тела таковы, что они неспособны организовать вокруг самих себя ближайшую жизненную предметность, без которой, как известно, существование вообще невозможно.

«Когда Достоевский сосредоточивает все свое внимание на вещах, домах и квартирах, старательно и точно отражая их сущность, надо следить за малейшей деталью в описаниях, столь у него редких и скупых. Жилище Сони Достоевский описывает подробно потому, что оно не только снимок ее греховности, ее искаженного существования и душевных страданий, но еще и часть души Раскольникова, судьба

которого теперь в Сониных руках. Правильно сказано у Бердяева, что женщины в творчестве Достоевского не имеют собственной судьбы, но зато определяют собою судьбу мужчин и в ней, как бы растворяются» [Мейер 1997: 124].

Прочитав описание комнаты Сони кажется, что еще один шаг и попадешь в мир потусторонних теней, отшатнись назад и очутишься в другом безобразно тупом углу, в его безысходности, отражающей Сонину душу, зашедшую в тупик. Но там, где Соня, там и Раскольников – ему также нет выхода. Соню привела в это серое жилище ее греховная жертвенность. Такая жертвенность неминуемо порождает встречу Сони с «преступной гордыней, с носителем темной надменности» - Раскольниковым.

Поселившись здесь, Соня тем самым проникла в душу идейного убийцы и навсегда осталась в ней. Достоевский открывал новые миры и новые, не изведенные никем законы бытия. Приобщая нас к этим мирам и законам, он показывает, что все должествующее произойти наяву уже свершилось в наших душевных глубинах при содействии нашей же собственной внутренней воли, и что наши стремления, мечтания и вожеления, неведомо для нашего сознания, принимая различные формы и виды, материализуются в мире явлений [Мейер 1997].

Другой часто встречающийся символ – усмешка. Смех – это знак рождения/смерти в мифологии. В сознании наших предков смерть была не уходом, а переходом, превращением. В смерти как таковой нет ничего смешного. Приведем такой пример: мы очень любим новогодний праздник – когда рождение нового года предшествует «смерть» старого, когда вместе со старым годом «умирает» все старое. В древнем ритуале старый год «убивали», и одной из форм этого ритуального убийства было осмеивание. Осмеивая весь мир человек смеялся над всем, в том числе и в первую очередь над собой. Человек, община, время-пространство умирали для того, чтобы возродиться.

В этом смысле усмешки героев Достоевского в момент переступания ими порогов рождения/смерти метафорически подтверждают значимость происходящего в них душевного переворота. Весь путь Раскольникова к квартире старухи – это путь не столько куда-то, сколько сквозь нечто, сквозь постоянно ощущаемую преграду, сквозь слабость, сомнение, неуверенность. Когда Раскольников не находит топор, «он был поражен ужасно, ...он был раздавлен, даже как-то унижен. ... Ему хотелось *смеяться* над собою со злости... Тупая, зверская злоба закипела в нем» [Достоевский 1992: 192.] И хотя вероятность того, что дело будет решено, возрастает, все же до самого последнего момента некоторая неопределенность остается. Оттого и удар его описан как какой-то чужой, посторонний. «Силы его тут как будто не было». И только после нанесения удара

«родилась в нем сила». «Ему вдруг захотелось бросить все и уйти, ...он даже *усмехнулся* на себя» [Достоевский 1992: 197]. Сила шла от подложного топора, шла, возможно, уже с той минуты, когда Раскольников еще только-только взял его в дворницкой, ободрившись при этом «чрезвычайно». Раскольников говорит, что не он, а черт убил старушку, в его словах помимо мотива несамостоятельности, навязанности действия, можно расслышать и намек на неслучайность происшедшего: старуха-«ведьма» убита не простым, а особым, бесовским топором.

Движение у Достоевского – это трудное, стесненное движение, путь сквозь узкие проходы, сквозь щели, лазы, сквозь двери, которые не хотят открываться; это вынужденные остановки в щелях и углах, прятанье за дверями. Это движение-преодоление, двигателем которого выступает не страх периферии, а стремление вырваться из объятий сужающегося пространства, к пространству широкому и открытому. Вместе с тем герой Достоевского движется не только сквозь сужающееся пространство «коридора», он еще при этом поднимается: коридор превращается в лестницу. Раскольников, поднимаясь по лестнице, всегда стремится на последний этаж – к себе домой, к старухе, в контору.

О связи «узости», «ужаса», «духоты» и «тошноты» выразительно пишет В.Н.Топоров, восстанавливая связь тишины с ужасом (эти слова нередко встречаются по соседству друг с другом). «Вдруг он *ясно услышал, что бьют часы*. Он *вздрагнул*, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно, сообразил время и вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана. *На цыпочках* подошел он к двери, приотворил ее *тихонько* и стал *прислушиваться* вниз на лестницу. Сердце его *страшно* билось. Но на лестнице *было все тихо*, точно все спали... И необыкновенная *лихорадочная и какая-то растерявшаяся суeta* охватила его вдруг, вместо сна и отупения» [Достоевский 1992: 187-188].

Подобно указанному отношению, в тексте «Преступления и наказания» проясняется и другая связь - этимологическая: «узкий» и «ужас», а также – «духота» и «тошнота» [Топоров 1995: 100-101]. «Лестница была *узенькая*, крутая и вся в помоях. ...Оттого была *страшная духота*. ...Здесь тоже *духота* была чрезвычайная и, кроме того, до *тошноты* било в нос *свежею*, ...краской» [Достоевский 1992: 211]. Так описывает Достоевский помещение полицейского участка, куда вызвали Раскольникова и он с ужасом ждет разоблачения. Антонимичность пары *тошнота – свежесть* придает психологическому состоянию героя ощущение безысходности.

Таким образом, мы рассмотрели несколько символов, на наш взгляд, чаще всего встречающихся в романе Достоевского «Преступление и наказание». Эта малая часть

знаков помогает читателю, каждому по своему, воспринимать, овеществлять описываемые действия героев романа, ведь человек фиксирует в своем понимании текста не только собственное отношение к миру, но и множество других отношений, оказавших на него влияние посредством воспитания, обучения, образования.

Список литературы

1. Достоевский, Ф.М. Бедные люди. Преступление и наказание [Текст] / Ф.М. Достоевский. – М., 1992.
2. Подорога, В.А. Человек без кожи (материалы к исследованию Достоевского) [Текст] / В.А. Подорога // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. - М., 1995.
3. Предметный мир в романе «Преступление и наказание» [Текст] // Г.А.Мейер. Свет в ночи. – М., 1997.
4. Топоров, В. П. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления [Текст] / В.П. Топоров. – М., 1995.

Д.Б. Рязанцева
Челябинск, Россия

ФРЕЙМО-СЛОТОВЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА АНЕКДОТА

Фрейм активируется текстом анекдота как ассоциация на языковую форму или стереотипную ситуацию. Интерпретатор должен активировать те виды знания, которые касаются обнаруженных отдельных лексических единиц и грамматических конструкций [Филлмор 1988: 67]. Применительно к концептуальной системе человека фреймы представляют более или менее устойчивые обобщенные концепты, в которых закреплён прошлый опыт индивида. Фрейм понимается как когнитивная структура, тип взаимодействия между концептами, как способ организации ментального пространства. В процессе речемыслительной деятельности концептуальные фреймы позволяют предсказывать как определенные характерные черты еще не актуализованных частей текста, так и прогнозировать некоторые сведения об устройстве той предметной области, которая стоит за этими текстами [Дейк 1988: 16].

Структуру фрейма можно представить в виде слотов, конкретизирующих определенный аспект фрейма. При характеристике составляющих слота следует употреблять термин концепт, который определяется как «единица сознания, ментального лексикона» [Чудинов 2001: 46]. Для обозначения концептов чаще всего используются слова естественного языка.

Представим схему когнитивного анализа текста анекдота. Первый этап анализа текста анекдота предполагает определение лингвистического средства, генерирующего когнитивную модель ситуации, передающую комический смысл. Далее строится

фреймо-слотовая структура, ассоциирующаяся с языковой формой или стереотипной ситуацией:

Фрейм «ИМЯ»

Слот 1: [значение концепта в стереотипной ситуации, выражающее аспект фрейма]

Подслот: [концептуальные отношения между фреймом и другими концептами, выражаемые глаголом]

Филлер: [концепты, характеризующие слот на основе соответствующего подслота, выражаемые существительными или прилагательными]

Неожиданная трансформация фрейма является основным компонентом структурной организации анекдота, определяющая производимый комический эффект.

- Вовочка, ты почему стихи читаешь без выражения?

- Марья Ивановна! Какие тут могут быть выражения – это же Пушкин!

Данный пример иллюстрирует когнитивную модель комического смысла, генерируемую когнитивной двусмысленностью. В этом тексте анекдота комический смысл выражается соответственно таким лингвистическим средством как полисемия, проявляющегося в сращении двух фреймов:

Фрейм 1 «СТИХОТВОРЕНИЕ»

Слот 1: [литературное произведение]

Подслот 1: [читать]

Филлер: [с выражением, без выражения...]

Подслот 2: [учить наизусть]

Подслот 3: [рассказывать]

Подслот 4: [писать]

...

Фрейм 2 «БРАННАЯ РЕЧЬ»

Слот 1: [грубые высказывания]

Подслот 1: [ругаться]

Филлер: [осуждающие слова, выражения...]

...

Активирующийся в сознании фрейм «СТИХОТВОРЕНИЕ» вербализуется в языковой форме «стих». Это порождает соответствующую стереотипную ситуацию: чтение стиха эмоционально/неэмоционально, отраженную в языке в устойчивом словосочетании: читать с выражением/без выражения. Концептуальное значение выражения в предполагаемой ситуации должно соответствовать следующему

«воплощение, обнаружение в каком-либо проявлении» [Ожегов, Шведова 1997: 117], но в концовке анекдота происходит семантический сдвиг в связи с тем, что благодаря многозначности слова *выражение*, актуализируется другое концептуальное значение «*фраза или сочетание слов; часто употребляемых в речи (говорение, пренебрегая вежливостью, пристойностью)*» [Ожегов, Шведова 1997: 117]. Это значение характерно для другой ситуации *ругаться с выражениями*, которая способствует активации в сознании еще одного фрейма «БРАННАЯ РЕЧЬ». Таким образом, связывание двух фреймов в тексте анекдота при создании когнитивной модели комического смысла на основе когнитивной двусмысленности способствует реализации комического эффекта.

Когнитивная деятельность концептуализации анекдота состоит в конструировании когнитивной модели комического смысла, генерирующей некоторым набором лингвистических средств. Определение используемого лингвистического средства в конкретном тексте анекдота осуществляется в ходе фреймо-слотового анализа, заключающегося в выявлении семантического сдвига, осуществляемого в ходе сращения фреймов.

Список литературы

1. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52 - 92
2. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312с.
3. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография [Текст] / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.
4. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - М.: Азбуковник, 1997. – 944с.

С.В. Савельев
Коломна, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА: АСПЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным вниманием к проблемам изучения когнитивной деятельности человека в ее лингвистической репрезентации. Одна из важнейших задач когнитивной лингвистики – выяснить, как преломляется мир в сознании представителя данной лингвистической и культурной общности. В таком контексте представляется возможным взглянуть на феномен языковой игры как на особый вид концепта.

В современной науке языковая игра уже становилась объектом различных исследований, ведь трудно найти аспекты человеческого бытия, в которых не было бы элементов игры, что получает отражение и в языке. Так, Й. Хёзинга в своём труде «Homo Ludens» пишет: «Игра как категория, казалось, могла рассматриваться в качестве одного из наиболее фундаментальных жизненных элементов» [Хёзинга 1997: 45]. Игра является и формой лингвистического бытия человека, так мы читаем у М.М. Бахтина в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» о «карнавализации» культуры, основы которой Бахтин усматривал в присущей культуре игре противоположными смыслами, в их перестановках, перемене местами (жизнь — смерть, высокое — низкое, сакральное — профанное, прекрасное — безобразное, доброе — злое, увенчание — развенчание и т. п.), в игровой профанации ценностей, в снятии сущностных антиномий культуры в смехе, в утверждении релятивности культурных приоритетов в полифонии и внутреннем диалогизме формо-смысловых ходов в культуре. В этом случае особое место занимает проблема карнавального (игрового) языка, который «был выработан как особый язык карнавальных форм и символов, язык очень богатый и способный выразить единое, но сложное карнавальное мироощущение народа. Мироощущение это, враждебное всему готовому и завершённому, всяким претензиям на незыблемость и вечность, требовало динамических и изменчивых («протеических»), играющих и зыбких форм для своего выражения» [Бахтин 1990: 13].

Современные философские тенденции постклассического направления служат фоном для развертывания многочисленных постмодернистских концепций языка. Например, в рамках постструктуралистической философии, которая ставит под вопрос онтологический подход к проблеме бытия, модель концепта «язык» строится через отрицание существования универсальных форм и понятий, стоящих за языком (Ж. Деррида, , М. Фуко, П. де Ман). «Язык» деконструктивистов — некая таинственная субстанция, проявляющаяся в «игре следов» [Деррида 1998], сопровождающих осознанную мысль и которые необходимо освободить от сковывающих рамок языковых форм. Вообще, в 20 веке модели концепта предельно расширяют свой интерпретационный потенциал.

Проблематика определения сущности «игры» в целом и выделение «языковой игры» в частности рассматривается в труде В.З.Санникова, в заглавие которого вынесен непосредственно сам термин «языковая игра». Прежде чем говорить о языковой игре как объекте языковедческого исследования, автор считает необходимым чётко очертить границы понятия «игра». Исходя из энциклопедического определения «игры» как «вида непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в результате ее, а в самом процессе»,

В.З.Санников полагает, что оно неприменимо к языковой игре и понимает её как коммуникативную ситуацию в которой «говорящий играет с формой речи» - для усиления ее выразительности или же для создания комического эффекта».

В работах Е.С. Кубряковой [1991, 1997, 2000] и В.З.Демьянкова [1994] акцентируется творческая сторона языковых действий. Говоря о творческом начале в языковой игре, исследователи трактуют ее как намеренное искажения языковых форм, осознанное отклонение от стандарта, лингвистического стереотипа.

Т.А.Гридина в работе «Языковая игра: стереотип и творчество» отмечает, что «творческое начало языковой игры заключается в поиске возможных приемов выведения знака из типового (системно обусловленного) контекста его конструирования, употребления, восприятия. При этом говорящий преследует цель достичь запрограммированного прагматического эффекта, ориентируясь на системные стереотипы, закрепленные в сознании носителей языка как «догматы» узуса и нормы» [Гридина 1996: 4].

Другой исследователь проблемы языковой игры С.Ж.Нухов полемизирует с Т.А.Гридиной, выдвигая положение о том, что «говорящий не думает о догматах нормы и чаще всего не ставит перед собой конкретные цели воздействия на адресата высказывания, а руководствуется лишь стремлением выразить языковыми средствами занимающие его в момент речи мысли и чувства, т.е. можно сказать, в итоге, что он при этом облакает в языковые формы свой внутренний мир» [Гридина 1996: 17]. Анализируя различные трактовки языковой игры, С.Ж. Нухов предлагает трактовать её как «форму речевого поведения человека, при которой языковая личность, реализуя свои лингвокреативные способности, демонстрирует свой индивидуальный стиль. В языковой игре важно разделять точку зрения автора, адресанта и точку зрения реципиента, адресата. Как тот, так и другой, получают эстетическое удовольствие от игры - отправитель сообщения от своего остроумия и мастерства, получатель от способности оценить игру, умения отгадать неразрешимую, на первый взгляд, лингвистическую загадку» [Нухов 1997: 137-138].

Подводя итог анализу подходов к пониманию языковой игры Т.А.Гридиной, В.З. Демьянковым, Ж.Дерридой, Е.С.Кубряковой, С.Ж.Нуховым, В.З.Санниковым, Й.Хёзингой, можно сделать вывод, что в настоящее время языковая игра рассматривается, главным образом, как процесс использования говорящим форм речи с целью достижения комического и прагматического эффекта.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин — М.: Худ. лит-ра., 1990. — 541 с.

2. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество [Текст] / Т.А.Гридина. – Екатеринбург, 1996. – 214 с.
3. Деррида, Ж. Эссе об имени [Текст] /Ж. Деррида — М.: Изд-во «Ин-т эксперим. социологии»; СПб: Алетейя, 1998. — 190 с.
4. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1994 (6). – №4 – С. 17-33
5. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / Е.С.Кубрякова. - М.: Наука, 1991. - 238 с.
6. Кубрякова, Е.С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово): материалы науч. конференции [Текст] / Е. С. Кубрякова // Категория мира: пространство и время. — М.: Диалог — МГУ, 1997. – С. 3 — 14.
7. Кубрякова, Е.С. В начале XXI в (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) [Текст] / Е.С.Кубрякова // Когнитивная семантика. Материалы II межд. школы-семинара. - Тамбов: Из-во Тамбовского гос. ун-та, 2000. – С.6 – 7.

И.В. Сибиряков
Челябинск, Россия

ЗНАК В КОГНИТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Владимиру Моисеевичу Лейчику –
в продолжение дискуссии

Исследования когнитивных процессов так или иначе упираются в проблему сознания. Сложность, однако, заключается в том, что современная наука не имеет однозначного общенаучного определения сознания. Так, например, в IV томе третьего, стереотипного издания «Словаря русского языка: в 4-х т.» АН СССР даётся целых пять дефиниций этого термина, из которых наибольший научный интерес представляют следующие: «**СОЗНАНИЕ**, -я, *ср.* 1. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку, способность осмысленно воспринимать окружающее. <...> 2. *Филос., психол.* Высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности. <...> 3. Понимание, осознание общественной жизни человеком или группой людей» [Словарь русского языка 1988: 184]. Нетрудно заметить, что все приведенные выше характеристики сознания приписываются исключительно человеку, а не животному миру вообще.

В том же ключе трактуется категория сознания и в философских словарях: «**СОЗНАНИЕ**, одно из осн. понятий философии, психологии и социологии, обозначающее высший уровень духовной активности человека как социального существа» [Философский энциклопедический словарь 1989: 596].

Несмотря на то, что во всех приведенных выше определениях человек и находится в центре проблемы сознания, всё же остаётся совершенно неясным, как, каким образом «сущность когнитивно-дискурсивной деятельности определяется

характером взаимодействия человеческого сознания с миром» [Плотникова 2006: 68], что и является важнейшей задачей когнитивной науки на современном этапе.

И всё же есть возможность показать, как происходит взаимодействие «человеческого сознания с миром». За помощью хотелось бы обратиться к трудам в настоящее время незаслуженно почти забытого Л.С. Выготского, который всю свою творческую деятельность посвятил исследованию проблемы *сознания*. Сознание у него предстаёт не как субстанция, противопоставленная материи, но как рефлекторный механизм, поддающийся подробнейшему скрупулёзному исследованию: «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как имение их в качестве объекта (раздражителя) для других переживаний. Сознание есть переживание переживаний, точно таким же образом, как переживания просто суть переживания предметов. Но именно способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса – этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы в другую. <...> Проблема сознания должна быть поставлена и решена психологией в том смысле, – подчёркивает Л.С. Выготский в статье “Сознание как проблема психологии поведения”, – что сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов. Сознательно то, что передаётся в качестве раздражителя на другие системы и вызывает в них отклик. Сознание всегда эхо, ответный аппарат» [Выготский 1982: 88–89]. Сознание, таким образом, по Л. Выготскому, есть рефлекторный механизм, регулирующий поведение человека: «Сознание всецело и без всякого остатка сводится на передаточные механизмы рефлексов, работающие по общим законам, т. е. можно допустить, что никаких других процессов, кроме реакций, в организме нет» [Там же: 90].

Изложенные выше размышления Л.С. Выготского предвосхищают идеи ныне популярного в среде современных лингвистов-когнитологов создателя оригинальной биологической теории познания У. Матураны: «Все описанные эксперименты говорят нам нечто фундаментальное относительно организации и согласованности, или когерентности, в повседневной жизни того *непрекращающегося потока рефлексий, который мы называем сознанием* (курсив наш – И.С.) и ассоциируем с нашей индивидуальностью» [Матурана, Варела 2001: 204]. Теории Л.С. Выготского и У. Матураны объединяет то, что они не признают сознания как определённой категории, как особого способа бытия субстанции, что выгодно отличает такое понимание сознания от тех словарных определений, которые и послужили исходным пунктом настоящего исследования. Сознание для Л.С. Выготского и У. Матураны оказывается всего лишь очень сложной структурой поведения, в частности удвоения поведения. Эти положения

были предельно чётко сформулированы Л.С. Выготским в том смысле, что «вся разница между сознанием и миром (между рефлексом на рефлекс и рефлексом на раздражитель) только в контексте явлений, – считает учёный. – В контексте раздражителей – это мир, в контексте моих рефлексов – это сознание. Сознание есть только рефлекс рефлексов» [Выготский 1982: 97–98].

Изложенный выше методологический подход позволил Л.С. Выготскому обнаружить истоки когнитивно-дискурсивной деятельности сознания: «У человека легко выделяется одна группа рефлексов, которую правильно было бы назвать обратимыми. Это рефлекс на раздражители, которые, в свою очередь, могут быть созданы человеком. Слово услышанное – раздражитель, слово произнесённое – рефлекс, создающий тот же раздражитель. Здесь рефлекс обратим, потому что раздражитель может становиться реакцией, и наоборот. Эти обратимые рефлексy, создающие основу для социального поведения, служат коллективной координации поведения. Из всей массы раздражителей для меня ясно выделяется одна группа, группа раздражителей социальных, исходящих от людей. Выделяется тем, что я сам могу воссоздать эти же раздражители; тем, что очень рано они делаются для меня обратимыми и, следовательно, иным образом определяют моё поведение, чем все прочие. Они уподобляют меня другим, делают мои акты тождественными с собой. В широком смысле слова, в речи и лежит источник социального поведения и сознания» [Там же: 95].

Показательно, что эти положения теории сознания Л.С. Выготского превосхищают идеи значительно позднейшего У. Матураны: «Самосознание, сознание, разум – все эти феномены заключены в языке. Следовательно, все они как таковые имеют место только в социальной сфере» [Матурана, Варела 2001: 204].

Для более убедительного обоснования идеи рефлексорного происхождения сознания и языка и обратимости рефлексов социального контакта Л.С. Выготский опирается на результаты своих же опытов с глухонемыми: «Прекрасным подтверждением этой мысли о тождестве механизмов сознания и социального контакта и о том, что сознание есть как бы социальный контакт с самим собой, может служить выработка сознательности речи у глухонемых, отчасти развитие осознательных реакций у слепых. Речь у глухонемых обычно не развивается и застывает на стадии рефлексорного крика не потому, что у них поражены центры речи, а потому, что из-за отсутствия слуха парализуется возможность обратимости речевого рефлекса. Речь не возвращается как раздражитель на самого же говорящего. Поэтому она бессознательна и несоциальна. Обычно глухонемые ограничиваются условным языком жестов, который приобщает их к узкому кругу социального опыта других глухонемых и развивает у них сознательность

благодаря тому, что через глаз эти рефлексy возвращаются на самого глухонемого» [Выготский 1982: 96–97].

В отличие, однако, от чилийского исследователя Л.С. Выготский, опираясь на идею об обратимости рефлекторного механизма сознания, создаёт учение о психологических орудиях, с помощью которого исследовал истоки и природу когнитивно-дискурсивной деятельности человека: «В поведении человека встречается целый ряд искусственных приспособлений, направленных на овладение собственными психическими процессами, – пишет учёный в статье “Инструментальный метод в психологии”. – Эти приспособления по аналогии с техникой могут быть по справедливости названы психологическими орудиями или инструментами» [Там же: 103]. Такими психологическими орудиями, по Л.С. Выготскому, являются знаки, и язык в том числе, то есть искусственные образования, которые «по своей природе... суть социальные, а не органические или индивидуальные приспособления; они направлены на овладение процессами чужого или своего так, как техника направлена на овладение процессами природы» [Там же]. Суть такого психологического орудия, то есть знака, заключается в том, что он включается в механизм дихотомического отношения «раздражитель – рефлекс». Это отношение присуще любому живому организму, что и выделяет такой организм из неорганического мира. Однако только человек научился внедрять в дихотомию «раздражитель (А) – рефлекс (В)» ещё и средний член отношения, то есть знак. В результате такой операции изначально дихотомическое отношение приобретает следующий вид: «раздражитель (А) – знак (Х) – рефлекс (В)». Включение в структуру отношения «раздражитель (А) – рефлекс (В)» среднего члена отношения, то есть знака (Х), получило у Л.С. Выготского название *инструментального акта*. Именно овладение знаком (Х), то есть искусственным образованием, и отличает человека от самых совершенных животных.

Ещё в начале XVII в. английский философ Т. Гоббс обратил внимание на необходимость различения знаков у животных и знаков у людей. «Речь, по-видимому, является специфической особенностью человека. Ибо если некоторые животные привыкают понимать, исходя из слов, наши желания и приказания, то они при этом всё же не постигают специфических значений этих слов (они ведь не знают, для обозначения какого предмета предназначены человеческие слова), и последние являются для них лишь сигналами (signa)», – считает философ [Гоббс 1989: 232].

Тем не менее ряд современных учёных проводит эксперименты с целью доказать, что некоторые представители животного мира, находящиеся на более или менее высокой ступени развития, обладают знаковыми системами, то есть обладают пусть

даже примитивным, но всё же языком: «Разумеется, ответ зависит от того, что считать языком, – пишет У. Матурана. – Одни исследователи основной акцент делают на способности подопытных животных образовывать новые сочетания слов, другие пытаются найти зачатки закономерностей, напоминающих грамматические» [Матурана, Варела 2001: 188]. Но поскольку в когнитивной лингвистике идеи У. Матураны являются сегодня популярными, то интересно и его заключительное мнение по рассматриваемой проблеме: «Все эти исследования лингвистических способностей высших приматов – шимпанзе, горилл и орангутанов – позволяют нам понять лингвистическую историю человека. Подопытные животные принадлежат к наследственным линиям, проходящим параллельно нашим наследственным линиям в непосредственной близости от них. Несмотря на 98%-ное совпадение последовательностей нуклеиновых кислот приматов и человека, поведенческие предпочтения высших приматов сильно отличаются от наших. Возможно, это различие является тем фактором, которое ограничивает расширение их лингвистической сферы. <...> Впрочем, это неудивительно, так как различия между эволюционной историей высших приматов и людей должны быть *функцией* [курсив наш – И.С.] сохранения различных предпочтений в образе жизни» [Там же: 191–192]. Да что уж говорить о животных! У. Матурана исследовал случаи воспитания животными человеческих детей. Такие дети, обычно физически крепкие и здоровые, попадая в человеческое общество, так и не научаются говорить и быстро умирают. У. Матурана описывает чуть ли не единственный случай в истории человечества, когда одна такая девочка, обнаруженная в 1922 г. в волчьей семье, выжила: «Девочка, прожившая... ещё десять лет, постепенно изменила пищевые привычки и циклы активности. Она научилась ходить на двух ногах, хотя в экстренных случаях опускалась на четвереньки и бежала по-волчьи. Хотя она и освоила несколько слов, но так и не научилась хорошо говорить» [Там же: 115]. И это говорится о ребёнке, который появляется на свет, как сейчас принято говорить, уже наделённым языковой способностью. Отсюда следует вывод: человек не рождается Человеком, он становится Человеком, благодаря овладению знаком. Ну что ж, становится понятным, почему же всё-таки знаки у животных следует считать сигналами!

Здесь целесообразно ещё раз вернуться к размышлениям Т. Гоббса, поскольку именно он впервые высказался за необходимость различения сигналов у животных и знаков у людей: «Знаки же, которые два животных одного и того же вида подают друг другу посредством голоса, не являются речью, потому что звуки, при помощи которых эти животные выражают надежду, страх, радость и т. д., не установлены ими произвольно (курсив наш – И.С.) – указанные чувства насильственно вызывают такие

звуки в силу необходимости, обусловленной природой данных животных. Так, среди животных, если только они обладают хотя бы незначительной способностью видоизменять звучание своего голоса, случается, что они при помощи разных звуков предупреждают других в минуту опасности о необходимости бегства, созывают к еде, поощряют к пению, привлекают к любовным утехам. И всё же эти звуки не являются речью, – настаивает английский философ, – так как они *установлены не преднамеренно* (курсив наш – И.С.), а с естественной необходимостью возникают под влиянием страха, радости, влечений каждого отдельного животного. Что такие звуки не являются речью, видно из того, что животные, принадлежащие к одному и тому же виду, во всех частях света производят один и те же звуки; люди же, напротив, создали разные языки (*voces*)» [Гоббс 1989: 232–233]. Именно эту знаковую систему у животных Т. Гоббс и называет сигнальной. Следует обратить внимание на то, что и люди обладают такой же системой сигналов, которая в психологии получила название первой сигнальной системы. Вывод остаётся один: сигналы являются естественными продуктами биологической эволюции животного мира, а знаки – искусственными образованиями, свойственными только человеку. Так почему же всё-таки знаки животных являются сигналами? Ответ предельно лаконичен и прост: эти знаки не означивают, то есть эти знаки не имеют значения. А под значением следует понимать *совокупность конституирующих характеристик (компонент), определяющих функциональную направленность знака* [Сибиряков 2006: 120].

Л.С. Выготский дал убедительный анализ особенностей первой сигнальной системы, который он начал с исследования биологического развития человека: «Нет оснований предполагать, что человеческий мозг с биологической стороны претерпел в продолжение человеческой истории существенную эволюцию. Нет оснований предполагать, что мозг примитивного человека отличался от нашего мозга и был неполноценным мозгом, имел иную биологическую структуру, чем у нас. Все биологические исследования приводят нас к мысли, что самый примитивный человек, которого мы знаем, заслуживает в биологическом отношении полного титула человека, – пишет учёный в статье “О психологических системах”. – Биологическая эволюция человека была закончена до начала его исторического развития. И грубым смешением понятий биологической эволюции и исторического развития была бы попытка объяснить различие между нашим мышлением и мышлением примитивного человека тем, что примитивный человек стоит на другой ступени биологического развития» [Выготский 1982: 117]. Всё это означает, что в биологическом отношении доисторический человек, также как и все другие животные, обладал только первой сигнальной системой, которая

являлась всего лишь естественной формой поведения. Историческое же развитие человека начинается с того момента, когда он овладел искусственными формами своего поведения, то есть знаком. Таким образом, с появления знакового, а точнее, вербального поведения начинается историческое развитие человека, что и выделило его из мира животных: «Наряду с естественными (натуральными) актами и процессами поведения следует различать искусственные, или инструментальные, функции и формы поведения. Первые возникли и сложились в особые механизмы в процессе эволюционного развития и общи у человека и высших животных; вторые составляют позднее приобретение человечества, – неоднократно подчёркивал Л.С. Выготский в статье “Инструментальный метод в психологии”, – продукт исторического развития и специфически человеческую форму поведения. В этом смысле Т. Рибо называл непроизвольное внимание естественным, а произвольное – искусственным, видя в нём продукт исторического развития» [Там же: 103–104].

Овладением знаковой, а точнее вербальной системой, то есть системой, которая в психологии получила название второй сигнальной системы, открывается исторический этап в развитии человека. В чём же разница между естественными и искусственными, то есть специфически человеческими, актами поведения? В том, что при непосредственном восприятии (естественный акт) какого-либо предмета, скажем в процессе запоминания, между дихотомическим отношением «раздражитель – рефлекс» устанавливается прямая, по Л.С. Выготскому, ассоциативная (условнорефлекторная) связь, то есть связь между A и B . Когда же в эту связь внедряется психологическое орудие, иначе говоря знак (X), то вместо «прямой связи $A - B$ устанавливаются две новые: $A - X$ и $X - B$; каждая из них является таким же естественным условнорефлекторным процессом, обусловленным свойствами мозговой ткани, как и связь $A - B$; новым, искусственным, инструментальным является факт замещения одной связи $A - B$ двумя: $A - X$ и $X - B$, – ведущими к тому же результату, но другим путём; новым является искусственное направление, данное посредством инструмента естественному процессу замыкания условной связи, т. е. активное использование естественных свойств мозговой ткани» [Там же: 104]. Именно вот это внедрение искусственного образования, то есть знака, в естественное отношение «раздражитель – рефлекс» Л.С. Выготский, как было уже сказано выше, называл инструментальным актом. Именно с этого момента и начинается исторический этап в развитии человечества: «Величайшим своеобразием инструментального акта... является одновременное наличие в нём стимулов обоого порядка, т. е. сразу объекта (раздражитель – *И.С.*) и орудия (знак – *И.С.*), из которых каждый играет качественно и функционально различную роль. В инструментальном акте, таким

образом, между объектом (раздражитель – *И.С.*) и направленной на него психической операцией (рефлекс – *И.С.*) вдвигается новый средний член – психологическое орудие (знак – *И.С.*), становящееся структурным центром или фокусом, т. е. моментом, функционально определяющим все процессы, образующие инструментальный акт. Всякий акт поведения становится тогда интеллектуальной операцией» [Там же: 105]. Остаётся только добавить, что с момента превращения инструментального акта в интеллектуальную операцию начинается когнитивно-дискурсивная деятельность человеческого сознания.

Заканчивая анализ теоретического наследия Л.С. Выготского, Т. Гоббса и У. Матураны, можно с уверенностью утверждать, что знаками, то есть искусственными образованиями, владеет исключительно человек, что и выделило его из мира животных. Непонимание этого факта нередко приводит даже крупных учёных к теоретическим ошибкам. Так, например, известный нидерландский учёный Й. Хёйзинга в своей известной работе «*Homo Ludens*» утверждал: «Игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть. Да, можно с уверенностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры. Животные играют точно так же, как люди. Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных» [Хёйзинга 2004: 13].

Нет сомнения, что гранью, отделяющей человека от животного мира, является именно культура. Однако вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением нидерландского учёного, «что человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры». Можно с уверенностью утверждать, что человеческие игры существенно отличаются от игр животных, поскольку в человеческом сообществе существуют такие их разновидности, как, например, карты, шахматы, лото и т. д., которые вообще не встречаются в мире животных. Следовательно, человеческие игры должны определёнными признаками, которые делают их специфическими, отличаться от игр животных. Остаётся лишь выяснить, что же это за признаки и какое отношение они имеют к культуре. Здесь целесообразно обратиться к таким чисто человеческим играм, где невозможно провести никаких аналогий с играми в животном мире, например, картам. Сразу же становится очевидным, что здесь человек имеет дело с цифрами, поскольку одна карта обозначает семёрку, другая десятку и т. д. Все эти цифры есть то, что в человеческом сообществе давно уже принято называть знаками. То же самое мы наблюдаем и в такой игре как лото. В шахматах знаком является какая-

либо фигура. Если же теперь обратиться к таким человеческим играм, где возможны аналогии с играми в животном мире, например, бегание, прыгание, плавание и т. д., то и здесь без труда можно обнаружить активное использование человеком разнообразнейших знаков. В волейболе, например, человек считает забитые мячи, в бегании вплоть до нескольких сантиметров измеряется дистанция и время, за которое эта дистанция преодолевается спортсменом и т. д. Это и есть знаковые характеристики человеческих игр, которые ещё никогда и никто не обнаружил в играх животных. К сожалению, нидерландский учёный этого факта вообще не заметил, так как он в своей монографии так ни разу и не коснулся этой проблемы. Ну а поскольку Й. Хёйзинга сам утверждал, как это было показано выше, что «понятие культуры... в любом случае предполагает человеческое сообщество», то отсюда следует вывод, что культура появляется только тогда, когда появляется искусственное образование, то есть знак.

Непонимание того факта, что знак является важнейшим атрибутом культуры заставило Й. Хёйзингу, почти все труды которого так или иначе посвящены этому феномену, вообще отказаться от определения этого понятия. Например, в работе «В тени завтрашнего дня», которая посвящена анализу условий расцвета и упадка современной культуры, автор приходит к следующему заключению: «Слово “культура”, как оно всеми употребляется, вряд ли может быть чревато каким-либо недоразумением. Всем *приблизительно* известно, что хотят этим словом сказать. Однако выясняется, что очень трудно определить его значение в точности. Что это такое — культура, в чем она состоит? Почти невозможно дать такую дефиницию, которая бы целиком исчерпала все содержание этого понятия» [Там же: 362]. Не удалось, к сожалению, найти определения феномена культуры и в «Homo Ludens»: вместо Й. Хёйзинги это сделал Андрей Лактионов, написавший введение «Историк рассказывающий» к указанной монографии: «По мысли автора “Homo Ludens”», мировая культура есть бесконечно развившийся и усложнившийся принцип игрового начала; за пределами игры не остается ничего» [Лактионов 2004: 6], — таков итог, как считает А. Лактионов, всех размышлений нидерландского учёного о культуре.

Ну что ж! Поскольку Й. Хёйзинга так и не сформулировал определения культуры, попробуем это сделать мы. Учитывая, что знак является необходимейшим условием возникновения культуры, этот феномен следует определить как ***знаковую общественно значимую деятельность***.

Таким образом, утверждение, что знаком обладают также и животные равносильно утверждению, что животные обладают культурой.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Собрание сочинений [Текст]: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – 1982. – 488 с.
2. Гоббс, Т. Сочинения [Текст]: в 2 т. / Томас Гоббс ; пер. с лат. и англ. ; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов ; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
3. Лактионов, А. Историк рассказывающий [Текст] : от редакции / Андрей Лактионов // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хёйзинга ; пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 5–6.
4. Матурана, У., Варела, Ф. Древо познания [Текст] : биол. корни человеческого понимания / Умберто Р. Матурана, Франсиско Х. Варела ; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс–Традиция, 2001. – 224 с.
5. Плотникова, С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование [Текст] / С.Н. Плотникова // Studia Linguistica cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы / гл. ред. А.В. Кравченко. – М.: Гнозис, 2005. – С. 66–81.
6. Сибиряков, И.В. К вопросу о когнитивной теории значения [Текст] / Сибиряков Игорь Васильевич // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2006. – № 2. – С. 110–121.
7. Словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. 4.: С–Я. 1988. – 800 с.
8. Философский энциклопедический словарь [Текст] / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, А.Ф. Ильичёв [и др.]. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
9. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хёйзинга ; пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с.

Ю.В. Скоромолова
Ульяновск, Россия

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ "ЯЗЫК-МЫШЛЕНИЕ" В АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

Усвоение языка – важный аспект языковых исследований. И хотя процессы, посредством которых мы усваиваем язык, по-видимому, являются универсальными, разные культуры сильно отличаются друг от друга в области существующих отношений и мнений относительно усвоения человеком языка. Выяснив, какие процессы усвоения языка универсальны, а какие специфичны для конкретных культур, мы сможем лучше разобраться в том, до какой степени наше поведение является врождённым (биологически предопределённым) или выученным (определённым культурой).

Философские идеи, отводящие языку детерминирующую роль в отношении специфики форм духовной деятельности, были высказаны ещё в рамках предромантической философии 18 века. Вильгельм фон Гумбольдт сформулировал тезис о том, что “язык народа есть его дух, а дух народа есть его язык”, и в этом смысле

“каждый язык есть своего рода мировоззрение”, а также определял язык как “перманентную процессуальность духовного творчества”. Гердер понимал язык как форму развития человеческого духа, а младограмматиками (Пауль Г.) был сформулирован радикальный тезис о том, что “на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов” [Герд 1995: 21]. В России подобные идеи высказывали Ф. Буслаев, А. Афанасьев, А. Потебни.

В американской лингвистической традиции проблема связи языка и мышления рассматривалась направлением американской этнолингвистики, возникшим в рамках исследований культур и языков американских индейцев.

Зарождение этнолингвистики обычно связывается с именем Франца Боаса, лингвиста и этнолога, совершившего своего рода теоретико-методологический переворот в этнологии, признав общую бессознательную природу языковых процессов и культурных явлений. Лингвистический релятивизм Ф. Боаса и его учеников строился на идее биологического равенства, т.е. признании единых биологических основ языковых и мыслительных возможностей человека.

Предпосылки этнолингвистических подходов, имевшиеся в трудах Ф. Боаса, были теоретически развиты в работах профессора-лингвиста Эдварда Сепира, который утверждал, что язык – как совокупное искусство мышления – является источником сведений о том, как общество мыслит. Рассуждая о вопросах философского характера, а именно – соотношении речи и мышления, Э. Сепир приходит к мнению о том, что “сам поток речи как таковой не всегда указывает на наличие мысли”, и уточняет, что:

“С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделённый концептуальной значимостью...” [Сепир 2001: 71]. Природу языка он формулирует следующим образом: “...язык по своей сути есть функция до-рассудочная. Он смиренно следует за мышлением...” [там же: 230]. В классическом докладе “Статус лингвистики как науки” Сепир чётко формулирует свой тезис о языке как путеводителе по социальной действительности. Он пишет:

“Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе.” [Сепир 2001: 240].

Исследование социального функционирования языка привело Сепира к построению гипотезы о решающей роли языка в формировании индивидуальных

представлений об окружающем мире, лингвистической детерминированности понимания явлений реальности. Эта теория, развитая последователем Э.Сепира Бенджаменом Ли Уорфом, получила название гипотезы лингвистической относительности (языкового релятивизма).

Главное внимание Уорф уделяет влиянию языка на нормы мышления и поведения людей. В своих работах “Отношение норм поведения и мышления к языку” и “Наука и языкознание” он подчёркивает неразрывное единство мышления и языка и критикует точку зрения “естественной логики”, согласно которой речь – это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием. Тезис о том, что язык определяет способ познания человеком действительности, а также то, что язык обуславливает и детерминирует в конечном итоге поведение человека, подтверждается в работах Уорфа многочисленными примерами:

“Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений...”

...рассмотрение лингвистических формул, обозначающих данную ситуацию, может явиться ключом к объяснению тех или иных поступков людей...” [Уорф 1996: 9]. Далее приводится пример о “бензиновых цистернах”, около которых люди ведут себя гораздо осторожнее, чем рядом со складом, на котором написано “пустые бензиновые цистерны”, хотя из-за содержания взрывчатых испарений последние считаются более опасными.

У носителей разных языков, по Уорфу, ментальные образы одного и того же объекта не одинаковы. Языки различаются не только тем, как они строят предложения, но также и тем, как они членят окружающий мир на элементы, которые являются единицами словаря и становятся материалом для построения предложений. Например, в английском языке есть только одно слово для обозначения снега, в эскимосском их несколько, так что от носителя эскимосского языка требуется различать о каком снеге идёт речь: падающем или лежащем на земле.

Аналогично Уорф доказывает, что грамматические категории, такие как время или число, также вынуждают говорящих воспринимать мир определённым образом. Например, в английском языке любой глагол в личной форме обязательно должен содержать показатель времени (например, I sang, I am singing, I will sing), в то время как для языка индийского племени хопи важна степень достоверности происходящего – видимы или не видимы объекты, упоминаемые в разговоре. Сравнивая нормы мышления в европейских языках и хопи, Уорф указывает на то, что особенностью европейской

языковой системы является “объективизация” (или утрачивание связи с субъективным восприятием) и “метафоричность” (использование метафор пространственной протяжённости – т.е. размера, числа, положения, формы и движения), тогда как хопи описывает предметы и явления с точки зрения их непосредственно воспринимаемых признаков. Так, выражение *десять дней* в хопи не употребляется, эквивалентом его служит выражение, указывающее на процесс счёта – таким образом, предложение “Они пробыли десять дней” превращается в “Они прожили до одиннадцатого дня” или “Они уехали после десятого дня” [Уорф 1996: 12].

“Мы видим, – заключает Уорф, – что определить явление, вещь, предмет, отношение и т.п. исходя из природы невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка” [там же: 15].

Заслуга формулирования принципа лингвистической относительности (или языкового релятивизма) принадлежит именно Бенджамену Ли Уорфу – именно он попытался на многочисленных примерах показать относительность мировидения у носителей разных языков, или иначе – зависимость их картин мира от родных языков: “Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком.” [Уорф 1999: 93].

“Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем” [Уорф 1999:98].

Большинство положений теории языкового релятивизма находит своё подтверждение в современных когнитивных теориях.

Положение, которое, как правило, принимается всеми, касается влияния языка на познавательную деятельность его носителей, что оказывается особенно заметным в детстве. Тезис о существовании в языке более или менее специфической классификационной системы обычно подтверждается особенностями восприятия цвета, что зависит от принятой в языке терминологии.

Тезис о том, что грамматические категории являются формой познания действительности находит довольно интересные подтверждения. Так, в японском языке есть одна интересная пассивная глагольная форма, которая обозначает отсутствие ответственности за выполненное действие – некоторые лингвисты считают, что это может характеризовать японцев, часто пользующихся этой конструкцией, как склонных

возлагать ответственность на других. Существуют доказательства, показывающие, как уникальные возможности китайского языка влияют на лёгкость обработки информации.

В 60-80-е годы в рамках этнолингвистического подхода была сформулирована идеационная теория культуры У. Гуденафа, которая имела существенное значение для формирования в США так называемой когнитивной антропологии. У. Гуденаф выдвинул принципиальный тезис о том, что наилучший путь к знаниям, понятиям и суждениям, содержащимся в стандартах культуры (когнитивном коде), лежит через исследование языковых коммуникантов. Только через язык мы можем узнать способы концептуализации людьми природного и общественного мира (язык У. Гуденаф понимает как совокупность стандартов языкового поведения). Для этого необходимо установить понятийные классы, при помощи которых представители каждой культуры упорядочивают свои представления о природе и социуме. Наиболее быстрый и наглядный результат даёт рассмотрение таких классов, как термины родства, природные таксономии (названия животных, растений и др.), цветообозначения, которые и были классическим предметом анализа этнонауки. Одной из наиболее известных процедур этого анализа стал так называемый компонентный анализ, предложенный У. Гуденафом и Ф. Лонсбери.

Американской версией “социологического подхода” к исследованию языка, одновременно близкой этнолингвистике, является этнография речи Д. Х. Хаймза, трактующего её как “систему культурного поведения”. Для Хаймза, таким образом, речевая деятельность – одна из форм поведения человека в культуре, а главной задачей является исследование речевого поведения в определяющем его экстралингвистическом, социально-культурном контексте.

Идеи теории лингвистической относительности были развиты в структурно-функциональном направлении современной лингвистики, в рамках которого язык рассматривается в качестве детерминанты способов организации коллективного и индивидуального опыта: по А. Мартине, “каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта. Изучить чужой язык не значит привесить новые ярлычки к знакомым объектам. Овладеть языком – значит научиться по-иному анализировать то, что составляет предмет языковой коммуникации.”

В неогумбольдтианстве также культивировалась идея об определяющей роли языковых факторов в процессе формирования смысловой картины мира у носителя языка – как индивида, так и языкового коллектива – в “содержательной грамматике” Л. Вайсгербера, например, структуры родного языка понимаются как априорные формы организации индивидуального опыта.

Презумпция смыслообразующего потенциала языковых феноменов, лежащая в основе теории лингвистической относительности, сыграла значительную роль в становлении современной парадигмы в философии языка, рассматривающей языковую форму самовыражения человека как фундаментальную - “сущность человека покоится в языке”, по Хайдеггеру.

Список литературы

1. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст] : учебное пособие / А.С. Герд. – СПб, 1995. – 128с.
2. Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа [Текст] / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. В. 1. – М., 1960. – 160 с.
3. Иваницкий, В. В., Пименова, М. В. Американская лингвистика [Текст] : учебное пособие / Иваницкий, В. В., Пименова, М. В. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1996. – 137с.
4. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; пер. с англ. /Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика – 2-е изд. [Текст] - М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 656 с. – (Филологи мира).
5. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Американская лингвистика. Учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1996. – 137с.
6. Чесноков, П. В. Неогумбольдтианство [Текст] / П.В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании / Под ред. В. З. Панфилова. – М., 1977. – С. 7-63.

Л.В. Стецюра
Челябинск, Россия

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА» В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Медицинский дискурс является одним из древнейших видов дискурса. Под медицинским дискурсом мы понимаем совокупность медицинских тестов (устных и письменных), отражающих намерение специалиста и оперирующих специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы. Мы проводим исследование концепта «Тело человека», вербализованного в языке метафорическими конструкциями на основе медицинских научно-популярных статей немецких журналов. Печатные периодические научно-популярные журналы являются одним из важных средств передачи информации широкому кругу читателей, проявляющих особый интерес к определенным областям знаний. В научно-популярных текстах, которые должны передавать дилетанту основы знаний, часто сложное положение вещей представлено в простых привлекательных формах, или моделях. С помощью такой модели открывается неизвестное, благодаря аналогии с другими областями знаний. [Грин 2003: 306]. Основная функция текста данных изданий заключается в воздействии

на читателя, подачи информации под определенным углом зрения. Особую роль в этом играют различные метафорические выражения.

Мы полагаем, что интересный материал для понимания особенностей функционирования метафоры в медицинском дискурсе можно получить на основании анализа метафорических моделей, присутствующих в языке медицины. Метафорическая модель в медицинском дискурсе – это единица профессионального образа мира, основанная на медицинских знаниях и воплощающая в языковой форме общекультурную модель мира. Медицинские метафорические модели обнаруживают сходства и необычные характеристики привычных представлений о мире, организуют различные по происхождению фрагменты знания, помогают в создании целостной системы языковой картины мира в медицинском дискурсе.

В медицинском дискурсе мы производим анализ метафор по материалам, созданным на основе исследования здорового организма человека, который является живым целым с его согласованно действующими органами, совокупностью физических и психических свойств, а также рассматриваем материалы, связанные с обследованием больного человека с присущими ему патологиями, которые зачастую приводят к болезненным новообразованиям - опухолям, несвойственным здоровому организму.

Множество метафор связано с клеточным строением, так как клетка является простейшей единицей строения и жизнедеятельности любого живого существа. Нарушение правильной деятельности человека и расстройство здоровья ведут к болезням. Болезнь человека относится к одной из важных тем в истории развития языка. Это дает нам возможность к исследованию метафор, образованных в лексике в процессе обследования нездоровых людей.

Изучение метафорических конструкций в системе концепта “Тело человека” позволяет говорить об огромной роли метафоры как способа образования новых концептуальных единиц. Метафоры представляют собой не единичные и случайные вкрапления, а целую систему этой области знания, в которой способом метафорического переноса вербализованы ключевые понятия. Объектом исследования данной типологии стала тематическая принадлежность сфер – источников, выделенных метафорических конструкций. Метафора – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы–магнита. Сфера-источник – это та основа, признаки, свойства и значимые характеристики которой переносятся на другую область описания сферу–магнит. Тематическое разнообразие лексики, послужившее основой для метафоризации, позволяет распределить метафоры

по тематическим группам. В данной статье мы рассматриваем особенности функционирования *антропоморфной метафоры* при исследовании концепта «Тело человека».

Наиболее типичными источниками метафорической экспансии становятся сферы, наиболее структурированные в представлении человека. В соответствии с теоретическими положениями когнитивистики создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: человек концептуализирует действительность, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира, где в центре находится сам человек [Телия 1988:4].

Антропоморфную метафору представляют многочисленные единицы, образованные на основе таких аналогий, как биологические характеристики людей, а также разнообразные признаки живого существа, такие как жизнь/смерть, наличие дыхания, способность спать, просыпаться, необходимость питания, движение, физическое состояние. К этому разряду признаков относят те свойства и качества, которые являются характерными для человека.

Концепт «Тело человека» наделяется такими особенностями. Приведем некоторые примеры.

Как живому существу, клетке свойственны фазы жизни – она рождается, умирает, погибает: *Infizierte Zellen sterben an* (инфицированные клетки умирают)/ *die Nervenzellen gehen unter* (нервные клетки погибают)/ *der Organismus ist dem Untergang geweiht* (организм обречен на гибель)/ *Zellen gehen nicht zugrunde* (клетки не погибают)/ *Zellen altern und sterben* (клетки стареют и умирают)/ *abgestorbene Zellen* (отмершие клетки).

Как живые существа, части нашего тела могут быть здоровыми и нездоровыми. Их можно ранить, излечить: *Das infizierte, entzündende Gewebe* (инфицированная, воспаленная ткань)/ *die gesunde Zelle* (здоровая клетка).

Антропоморфная группа концепта является одной из самых вариативных и представляет разнообразие способов его объективации. Антропоморфные признаки – самые разнообразные. Их можно определить в виде следующих групп: гендерные признаки (выделяемые по признаку пола), эмоциональные и ментальные признаки, признаки характера, социальные признаки [Пименова 2003: 91].

К гендерным признакам можно отнести способность клетки, как мельчайшей единицы организма человека, размножаться: *der vermehrbare Zellenklon* (размножающийся клон клетки).

В основе эмоциональных признаков лежит способность приписывать эмоциональные характеристики, которые свойственны для поведения человека, разным

органам нашего организма. Беспокойство, гнев, жалость, злость, паника, подавленность, потерянности, раздражение, смятение, спокойствие, страдание, страсть, тревога, угнетение, ужас, умиротворенность, уныние и др.

В выражении die aggressiven Zellen слово Zellen (клетки) наделяется эмоциональными признаками, свойственными человеку. Клетка предстает в образе агрессора, ей приписывается эмоциональная характеристика человека. Словом-источником является прилагательное aggressiv (агрессивный), которое относится к антропоморфному коду и переносится на реципиентную сферу клетки.

Антропоморфная группа в структуре концепта «Тело человека» включают в себя признаки характера: грубость, злоба, искренность, капризность, мужество, нежность, неутомимость, робость, серьезность, трусость, такт и др.

В выражении der verdächtige Eiweißstoff слово Eiweißstoff (белок) наделяется антропоморфным признаком характера verdächtig (подозрительный). Прилагательное verdächtig (подозрительный) является словом-источником и переносится на реципиентную сферу белка, который является составной частью клетки нашего организма. Витальный признак характера клетки представлен в выражении die rastlose Zelle (неутомимая клетка).

В социальных метафорах происходит уподобление органа тела самому человеку. Он выступает в образе властителя (быть/находиться во власти, властный), влияющего существа, испытывающего влияние, мятежника (бунт, мятеж), подданного или подчиненного, помощника, угнетателя или управителя. Орган тела выражается признаками социальных ролей. К ним относятся признаки вора (проникать, пробираться), гостя (внезапный, запоздалый, посетить), посетителя (стучаться, входить, посетить), доверенного лица доверять, довериться), обманщика (обман, обманывать, не доверять, не верить), незнакомца, мучителя, мстителя, провокатора, собеседника, спасителя, распорядителя (требовать, заставлять). Приведем некоторые примеры.

Monocyten sind die Vertreter der weißen Blutkörperchen. –

Моноциты являются представителями белых кровяных телец.

Слово Monocyten (моноциты) наделяется признаком социальной роли, качествами, свойственными живому существу, человеку. Monocyten, являясь реципиентной сферой, перенимают на себя антропоморфные признаки, выступая в роли Vertreter (представителей).

Bei so viel Akteuren (Zellen)... – У такого множества актеров (клеток)...

Слово Zellen (клетки), являясь реципиентной сферой, наделяется признаком профессиональной деятельности человека (актеры).

Если говорить о социальных признаках концепта, то можно выделить *признаки занятий*, которые выражаются в основном с помощью глаголов, обозначающих деятельность, свойственную человеку и которые являются сферой-источником в метафорических моделях. Составные части тела перенимают на себя антропоморфные признаки, т.е. наделяются признаками занятий. Приведем несколько примеров:

Zellen wirken mit - клетки сотрудничают

Endothelzellen senden Hilferufe aus – эндотелиальные клетки отправляют призывы о помощи

die Monocyten machen sich an die Arbeit – моноциты принимаются за работу

Zellen folgen den Signalen nicht - клетки не следуют сигналам

Sie (Zellen) treten in Aktion – они (клетки) начинают действовать

Die Antikörper reagieren – антитела реагируют

Neue Blutgefäße verhelfen einem Tumor zum Wachstum. – Новые кровеносные сосуды содействуют росту опухоли.

Krebszellen können sich den eigenen und fremden Todesbefehlen entziehen. –

Раковые клетки могут помешать собственным или чужим приказам о смерти.

Die Krebszellen beginnen sich ihrer neuen Umgebung anzupassen.

Раковые клетки начинают приспособливаться к новому окружению.

Движение является основным признаком живого существа. Данные метафоры весьма распространены в структуре концепта «Тело человека»:

Immunzellen können allein und frei durch den Körper patrouillieren. –

Иммунные клетки могут свободно патрулировать по телу.

Beide Sorten von Zellen wandern in die Milz. – Оба вида клеток странствуют в область селезенки.

Кроме социальных признаков, отдельные органы человека, в частности, клетка наделяется ментальными признаками, такими как: догадливость, умудренность, память.

Общение - сложный процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене информацией, а также в восприятии и понимании партнерами друг друга. Субъектами общения являются живые существа, люди. В принципе общение характерно для любых живых существ, но лишь на уровне человека процесс общения становится осознанным, связанным вербальными и невербальными актами.

Die einzelnen Bestandteile einer Zelle koordiniert zusammenarbeiten. –

Отдельные составные части клетки сотрудничают согласованно.

Nicht nur Menschen, auch Zellen sind nämlich im Stande zu kommunizieren. –

Не только люди, также и клетки в состоянии общаться.

Lymphocyten knüpfen Kontakte mit Endothelzellen. –

Лимфоциты устанавливают контакты с эндотелиальными клетками.

В выражении die Zellen stimmen untereinander ab (клетки голосуют между собой) слово die Zellen наделяется признаком умственной деятельности человека, который выражен глаголом

abstimmen (голосовать). Ментальные признаки человека, которыми наделяются клетки нашего организма, можно проследить также в следующем примере:

Überwiegend in Geweben und Organen organisiert, gehen diese Zellen ihren hoch spezialisierten Aufgaben nach.

Организованные в тканях и органах эти клетки следуют своим высоко специализированным задачам.

Клетки наделяются ментальным признаком памяти. Приведем некоторые примеры.

Andere Zellen werden zu Gedächtnis-Zellen, die ... eine Art molekulare Erinnerung an einen Erreger bewahren und bei einer Konfrontation beschleunigt reagieren. –

Другие клетки становятся «клетками памяти», которые сохраняют особого вида молекулярную память о возбудителе и реагируют ускоренно на конфронтацию.

Итак, мы видим, что клетки, как и люди, могут реагировать на что-л., путешествовать, действовать, сотрудничать, приниматься за работу, т. е. выполнять такую деятельность, которая свойственна непосредственно человеку. Сфера человека в ее многочисленных манифестациях - физические, нравственные и интеллектуальные качества, социальная активность, болезни и смерть – относится к “вечным темам” в тексте исторического развития языка. Описание концепта «Тело человека» происходит в виде выделения максимально полного набора признаков, свойственных исследуемому концепту. Такие признаки формируют структуру концепта. Антропоморфные признаки представляют собой самую обширную группу витальных признаков. Именно они положены в основу большинства метафорических переносов, которые рассмотрены нами при описании концепта «Тело человека».

Список литературы

1. Грин, Н.В. Функционирование метафоры в научно-техническом тексте [Текст] / Н.В. Грин // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы II Междунар. науч. конф., Челябинск, 5-6 дек. 2003 г. / Отв. ред. Л.А. Нефедова: Челяб. Гос. ун-т. – Челябинск, 2003. – 538с.

2. Пименова, М.В. Способы представления *чувства* в языке: метафора и метонимия [Текст] / М.В. Пименова // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика». – 373 с. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 2)

3. Телия, В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Источники приведенных примеров

1. „Gesunde Medizin“, №1, 2005
2. „Spektrum der Wissenschaft“/Krebsmedizin, №3, 2003
3. „Spektrum der Wissenschaft“ /Moderne Medizin, №2, 2004
4. „Spektrum der Wissenschaft“/Seuchen, №3, 1997

Ю.В. Таратухина
Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО И КОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Общеизвестно, что любую социокультурную реальность можно рассмотреть как знаковую систему с точки зрения структурно-семиотического подхода. В этом контексте национальное культурное пространство представляет собой также не что иное как, с одной стороны, информационно-эмоциональное поле, в котором человек существует эмпирически, а, с другой стороны, «корпус текстов» (знаковых систем), посредством которых происходит хранение и трансляция информации. Каждая культура имеет некие постоянные составляющие (константы), создающие ее лингвосемантический «стержень».

С точки зрения когнитивистики все константы культуры концентрируются в концептах, образуя тем самым концептосферу данной социокультурной реальности. Таким образом, вышеуказанные явления можно охарактеризовать как культурные мыслеобразы, воплощенные в языке и дискурсе.

В науках гуманитарного цикла существует множество определений понятия «концепт»: концепт можно определить как ячейку культуры в ментальности индивида, основу лингвистической картины мира, основную семантическую единицу данной социокультурной реальности, и т.д. Исходя из структурно-семиотического подхода, концептуальная и языковая картины мира представляют собой взаимообуславливающие образования, а этническая ментальность детерминирует лексический и грамматический строй языка. Концептосфера как совокупность концептов, представляет собой семантическое поле социокультурного пространства. Однако, не стоит ограничиваться только семантическим полем, не затрагивая его эмпирическую сторону, потому что формирования концепта как понятийной единицы возникает в результате столкновения значения и опыта. Таким образом, богатство языка определяет не только его

лексической и грамматической спецификой, но и богатством концептуального мира. Можно утверждать, что это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и в целом характеризующее носителей данной культуры.

Концептуальные системы в культуре представляют собой ту ментальную организацию, где сконцентрирована и упорядочена совокупность всех концептов, находящихся в пределах сознания представителей данной культуры. Концептуальные системы в дискурсе культуры носят индивидуальный и общественный, вербальный и невербальный характер.

Как уже было отмечено выше, в семиотическом контексте культура представляет собой некий текст, существующий во времени и в пространстве.

В связи с этим, логично будет представить «текст культуры» как совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов организации содержания коммуникации.

А «дискурс культуры», как величина интерактивная, будет, в свою очередь, совокупностью вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей современной лингвокультурной общности.

Исходя из вышеперечисленного, действительность составляет *материальную фигуру коммуникации* – совокупность физических условий осуществления коммуникации представителей данной лингвокультурной общности.

Один и тот же язык, один и тот же общественно – исторический опыт, формирует у членов определенного общества сходные языковые картины мира, что позволяет говорить о некоем обобщенном тексте и дискурсе культуры. В соответствии с данным утверждением, лингвосемантическая картина мира является общекультурным достоянием нации, имеет четкую структуру и уровни организации.

Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание его экстравертивных и интровертивных детерминант.

Лингвосемиотическая модель мира в каждой культуре строится исходя из ряда универсалии, общих для любого типа этнической ментальности (концептов *пространства, времени, любви, счастья, совести, будущего, прошлого и т.д.*), с другой стороны, из некоторого количества самобытных черт, присущих только данной культуре.

Экстраполируя вышеперечисленные теоретические постулаты на русскую культуру можно сказать, что при одинаковом наборе универсальных концептов у русского народа существуют особые, только ему присущие соотношения между этими концептами, что и создает основу национального миропонимания и оценки реальности.

Самобытность русской ментальности во многом детерминирована влиянием территориальных, климатических и межнациональных факторов (сосуществование конгломерата народов).

Очевидно, что ментальность в языке отражается и на лексическом и на грамматическом уровнях.

Ключевыми словами русской ментальности, во многом характеризующими русскоязычное когнитивное пространство, являются лексем-концепты: *душа, судьба, тоска и т.д.* Они практически непереводимы на другие языки. В лексике отражено очень много символических действий, характеризующих отдельные знаковые черты национальной ментальности: *плевок (наплевать, переплюнуть, плевать я хотел...)*

Ярко выражена в исконной лексике фамильярность и бесцеремонность (*авось, небось, видать*).

В дискурсе русского национального самосознания всегда играл большую роль *концепт времени*. Традиционно эта категория рассматривалась дуалистично: время как линейная величина и время, имеющее циклический, сакральный характер. Не случайно в отечественной картине мира происходит мифологизация концептов *прошлого и будущего*. Концепт *настоящего* в русской ментальности никогда не был знаковой величиной. Концепт *будущего* в языке рассматривается как модель, причем модель скорее метафизического, сакрального характера.

Подобная ситуация в русской когнитивной картине мира происходит с концептом *пространства*, представляющим собой на семантическом уровне совокупность архетипических составляющих, характеризующих пространство не только в физическом контексте, но и в метафизическом. Категория пространства в национальной культуре изрядно мифологизировалась – именно поэтому, зачастую, она представлена многослойно и сакрально неоднородно, что зачастую обусловлено концентричной моделью мира. Доминирующий микрокосм – сам человек, далее – его дом, ближайшее окружение, окно и порог – символы границы и защищенности; значимость *верха и низа*, оппозиции *правого и левого* и т.д.

Если говорить об одушевленных концептуализациях – то самобытно в русской когнитивной картине мира представлена семиотическая фигура – *дурак*. Концепт *дурак* – скорее собирательный образ, система ценностных установок, национальная метафора. Зачастую, архетипически, в объем данного понятия, антонимично входил неординарно мыслящий человек, обладающий уровнем интеллекта «выше среднего», однако поступающий вопреки здравому смыслу (в этом контексте – один из самых знаковых сказочных персонажей). В настоящее время с помощью этого концепта квалифицируют

поведение любого индивида в случае нарушения им различных социальных норм. Однако архетипически концепт *дурак* имеет достаточно глубокую сущность – он как бы отказывается от рационалистической доминанты и истина открывается ему сама.

На уровне грамматического строя русской культуры свойственна эмоциональная насыщенность, существует большое количество глаголов, предназначенных для выражения экспрессии, также имеется в наличии богатейшая система суффиксов, служащих для выражения эмоционально-экспрессивных оттенков (воришка, шоферюга, смертушка и т.д).

Безусловно, в рамках данной работы не ставилась цель фундаментально и подробно рассмотреть вышеуказанную проблему и дать ее детальный анализ. В статье обозначены лишь базовые тенденции лингвосемиотического и когнитивного подходов к анализу культурного пространства.

И.В. Телешева
Челябинск, Россия

РОЛЬ МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ЗАГОЛОВКЕ

Специальные наблюдения показывают, что наименование моделей, фреймов и слотов нередко обнаруживаются уже в заголовке статьи. Такой заголовок настраивает адресата на восприятие метафорической структуры текста и – шире – его содержания в целом, а также часто создает эффект оценки. Как речевая единица, находящаяся перед публикацией и занимающая сильную позицию, заголовок вступает в разнообразные связи с основным текстом, что способствует повышению выразительности текста. Показательно, что публицистические заголовки постоянно вызывают интерес исследователей.

Примером могут служить следующие заголовки, включающие метафоры модели ОБЩЕСТВО – это ЗДОРОВЫЙ/БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ: «Золотая лихорадка», «Не сочтите за труп», «Оспу лечат чумой», «Правительство в белых тапочках», «Генная терапия КПРФ», «Счетка в смирительной рубашке», “First blood”, “The death and birth of Europe”, “Pain at the global pump”, “Heart attack? Here’s an aspirin”, “Old promises die hard” и др.

Как речевой элемент, заголовок обладает определенной самостоятельностью, следовательно, в качестве самостоятельного элемента может рассматриваться и метафора, употребленная в заголовке. Действительно, часто заголовок несет информацию о содержании публикации, при этом возбудить читательский интерес

способны именно заголовки, в составе которых обнаруживается метафора. Так, Э. А. Лазарева считает, что в результате взаимодействия заголовков и текстов могут возникать два основных эффекта – эффект обманутого ожидания и эффект усиленного ожидания [Лазарева 1993: 46]. А. П. Чудинов отмечает, что к названным выше двум можно причислить еще и эффект оправданного ожидания [Чудинов 2003: 138]. Детальное рассмотрение политических текстов с заголовками, имеющими в своем составе метафору, позволяет подтвердить выводы о стремлении многих авторов использовать указанные эффекты.

Эффект обманутого ожидания, как показывает Э. А. Лазарева [1993: 48], создается в том случае, когда мнение о содержании публикации, сложившееся у читателя по заголовку статьи, опровергается по мере прочтения. А. П. Чудинов поясняет, что возможны три варианта возникновения на основе метафоры эффекта обманутого ожидания. В первом случае метафорический заголовок может быть ошибочно воспринят как неметафорический, во втором случае неметафорический заголовок ошибочно воспринимается как метафорический, а в третьем – смысл метафоры до знакомства с основным текстом воспринимается иначе, чем после знакомства [Чудинов 2003: 138].

Примером может послужить статья под названием «Медведи на воеводстве» (Завтра, № 51, 2003), где речь идет об итогах парламентских выборов, а не о животных напрямую. В результате этих выборов у власти оказалась партия «Единая Россия» (известная еще как «Медведи»), которая получила 37,4% голосов российских избирателей. Автор статьи сравнивает власти с *докторами и фармацевтами*, которые прописали нужный *рецепт*, в результате чего победили «медведи». Ср.: *«Все совпало как в аптеке»*. *Что ж, возможно, это и так, однако уважаемый глава ЦИКа забыл уточнить, чья подпись стояла под «рецептом выборов», старательно исполненным «фармацевтами» из его ведомства. Разумеется, все ингредиенты «думской микстуры», прописанной гражданам России кремлевскими «докторами», можно будет проанализировать и оценить только после 18 декабря... Однако «предварительный рецепт», который был предъявлен сразу по окончании дня выборов, может многое прояснить.*

В некоторых случаях читатель воспринимает заголовок в качестве метафоры, тогда как автор вкладывает в него прямой смысл. Рассмотрим следующий пример использования эффекта обманутого ожидания в заголовке «After foot and mouth» (The Economist, May 5, 2001) под рубрикой «Экономика», что наталкивает на мысль о том, что в заголовке использована экономическая метафора. После прочтения первых двух

предложений статьи становится понятно, что речь пойдет о такой болезни, как *ящур* в прямом смысле слова (foot-and-mouth disease). В статье говорится, что волна данного заболевания достигла рекордных показателей по количеству заболевших животных в сельской местности Великобритании.

Эффект усиленного ожидания возникает в том случае, когда читатель, обратившись к заголовку, не может в полной мере понять его смысл и, следовательно, проблематику соответствующей статьи, а поэтому для выяснения смысла заголовка вынужден обращаться к основному тексту.

Например, метафоричный заголовок “Euro trouble, dollar bubble” (The Economist, June 30, 2001). Игру слов на английском языке сложно передать на русском, к тому же английское слово trouble имеет и буквальный перевод «болезнь», поэтому заголовок можно истолковать и понять по-разному. Однако при первом знакомстве с заголовком читателю становится понятно, что речь пойдет о денежной валюте *евро и долларе*, тогда как остальное остается загадкой. Статья действительно посвящена этим двум денежным единицам и соотношению их друг к другу, а также занимаемому ими положению на рынке. Ср.: *But Europe’s economic outlook remains less bad than America’s; and it is certainly not so dire as to justify the current weakness of the euro*. Автор дважды акцентирует внимание читателя, что положение с низкой стоимостью евро на рынке лишь временное, и было бы ошибочно считать, что это явление связано со *склерозом*. Ср.: *It is wrong to see British troubles as proof that the euro area is returning to its sclerotic ways; In the rest of the euro area, growth has slowed more than expected. This has triggered renewed talk of euro-sclerosis*. Теперь становится понятен не только смысл метафор заголовка и вступления, но и открывается содержащаяся в них экспрессия, ирония и негативная оценочность по отношению к этой валюте.

Эффект усиленного ожидания создает также следующий заголовок «Газ в обмен на поцелуй» (Труд, № 137, 2003), из которого читатель может догадаться, что речь, вероятнее всего, пойдет о взаимоотношениях России с другими странами и о вопросе газовых постановок. Однако остальная информация становится понятной только после прочтения статьи, где говорится, что цены на российский газ настолько низкие, что страна не получает реального дохода от его продажи и это равносильно «*бесплатным поцелуям*», в то время как «дешевый газ России превращается в специфический *наркотик* для экономики Белоруссии».

Метафора заголовка всегда в препозиции, поэтому удачный выбор метафоры, ее развитие и использование в тексте может способствовать созданию экспрессивного

эффекта усиленного ожидания, напряжения, в результате чего адресат оказывается в эмоциогенной ситуации необычности и испытывает интерес, нетерпение, любопытство.

Эффект оправданного ожидания возникает в том случае, когда смысл метафорического заголовка достаточно ясен, однако, благодаря яркому образу у адресата закономерно возникает желание более детально познакомиться с проблемой. Примером такого соотношения метафорического заголовка и основного текста может служить заголовок публикации А. Проханова «Россия, кровью умытая» (Завтра, № 37, 2004). В данном случае аллюзия на роман А. Веселого о гражданской войне только усиливает позицию метафоры, привлекая еще больше внимания со стороны адресата.

После захвата заложников в Беслане 1 сентября 2004 г. и гибели невинных детей в этой кровавой бойне, Россия представляется не иначе, как в образе замученной и окровавленной женщины, лишившейся своих детей. Ср.: *Из жуткого хаоса, из рыданий и детских криков встала исстрелянная, в ожогах, бинтах, но живая, с седыми волосами Россия, детской кровью умытая.* Автор намеренно дублирует заголовок в тексте статьи, подчеркивая и выражая боль за свою Родину, за сотни замученных детских тел. Сравнивая элитарных детей, просиживающих в ночных клубах Монако, с детьми Беслана, автор прибегает к морбиальной метафоре, говоря о культуре страны как о «*зловонной опухоли*». В завершении автор снова обращается к образу, заданному в заголовке, теперь уже покорно соглашаясь с тем, что вряд ли что можно сделать. Риторический вопрос – прямое этому доказательство. Ср.: *Кто они, эти государственники, на кого может опереться Президент, послание которого выслушала окровавленная Россия?*

Интересен также заголовок статьи “A World is Born” (Newsweek, January 6, 2003), которая вышла под рубрикой «Экономика США». Заголовок данной статьи предполагает, что речь пойдет о появлении новых положительных моментов в жизни американского общества. Пережив шок и страдания после террористических актов 2001 года, и последовавшие за ними спады в экономике в 2002 году, американское общество с началом нового года связывает только все положительное. Под рождением нового мира автор статьи имеет в виду новый и благополучный образ Америки, сумевшей пройти через все и не потерять силу духа. Ср.: ... *this was the year in which Washington... proclaimed that the 21-st century be the real birth of “American century”*. Автор намеренно повторяет метафорический заголовок в статье, таким образом, напоминая читателю о рожденном новом образе страны.

Заканчивая рассмотрение взаимодействия метафоры в заголовке с системой метафор в основном тексте, отметим, что метафора в заголовке политического текста в

абсолютном большинстве случаев активно развертывается в последующем тексте статьи, тогда как обратная зависимость обнаруживается значительно реже, то есть наличие в тексте доминантной метафорической модели вовсе не обязательно предполагает метафоричность заголовка статьи. Конечно, далеко не все современные политические тексты имеют метафорические заголовки и отличаются стройной системой метафор, однако наши наблюдения показывают, что политические лидеры и журналисты достаточно часто стремятся к тому, чтобы использовать потенциал системы концептуальных метафор.

Список литературы

1. Лазарева, Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты [Текст] / Э. А. Лазарева. – Екатеринбург, Изд-во Уральского ин-та, 1993. – 175 с.
2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, Изд-во Уральского гуманитарного института, 2003. – 194 с.

Ю.О. Трегубова
Волгоград, Россия

ТРАНСФОРМАЦИИ КОГНИТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ В ДИСКУРСЕ

Когнитивные модели, структурирующие наши знания об окружающей действительности, хранятся в нашем сознании, актуализируются и конструируются в дискурсе по мере необходимости.

Роль той или иной когнитивной категории в дискурсе неравнозначна. Различаются дискурсообразующие концепты, наиболее актуальные для данного типа дискурса, вокруг которых и строится дискурс. Как правило, это крупные когнитивные единицы – макроконцепты. Концепты, объединенные темой дискурса, образуют концептосферу дискурса. Сам дискурс может быть представлен как «совокупность апелляций к концептам» [Слышкин 2004:114].

В дискурсе представлены как минимум две когнитивные модели: одна из них относится к структуре предметно-референтной ситуации, другая конструирует «процедурную» ситуацию общения, сценарий эпизода самого коммуникативного взаимодействия. Данные когнитивные модели по-разному эксплицируются в речи, по-разному тематизируются, а также неодинаково взаимодействуют в зависимости от типа дискурса [Макаров 2003: 158-159].

Таким образом, первая когнитивная модель представлена статичными когнитивными структурами – фреймами (каркасами концептов), а вторая,

«процедурная» сторона дискурса, представлена динамичными когнитивными структурами – динамичные фреймами (сценариями).

Фреймы, когнитивно-языковые модели определенных фрагментов действительности, образуют своеобразные базы данных. В форме фреймов (типовых ситуаций) и сценариев (типовое развитие ситуаций) моделируется и жизненный контекст дискурса. Вся эта энциклопедическая информация (в том числе и прагматическая) о фрагменте окружающей действительности, организованная в форме фреймов и сценариев, моделирует знание о типичных ситуациях и позволяет правильно интерпретировать содержание текста в определенном контексте.

Фрейм как хранитель основной информации о типичных ситуациях в той или иной лингвокультуре разворачивается в рамках определенного дискурса, актуализируя все содержание слотов, релевантное для данной ситуации, и является «базисом для интерпретации дискурса» [Макаров 2003: 153].

При актуализации в дискурсе может происходить трансформация одной когнитивной структуры в другую (ср. фрейм может переходить в сценарий). Помимо этого, в дискурсе могут происходить различные трансформации составляющих когнитивных категорий.

Рассмотрим данное явление на примере актуализации фрейма «Education» в педагогическом и бытовом типах дискурса в американской лингвокультуре, где были выявлены как случаи полного раскрытия содержания слотов, так и разнообразные типы трансформаций составляющих изучаемого фрейма.

В качестве основных трансформаций были выявлены **базовые трансформации**, включающие: *тематическое сращивание*, *высвечивание* и *затемнение* терминальных узлов изучаемого фрейма; **внутриузловые трансформации** (эквивалентная замена и конкретизация терминальных узлов); **внутрифреймовые трансформации** (внутрифреймовое взаимодействие); **межфреймовые трансформации** (межфреймовое взаимодействие).

Приведем пример **базовых трансформаций**. *Высвечивание терминальных узлов* при апелляции к фрейму «Education» проиллюстрируем на материале американского бытового дискурса. Так, в романе Каслин Флин-Хью «Beyond the Blonde» в рассказе о своей младшей сестре героиня романа апеллирует к макрофреймам «*elementary education*» и «*secondary education*», высвечивая общие для них терминальные узлы «*school*» и «*grade*»: «*Melodie was a year younger than me but had already been placed out of **fifth grade** and was reading and doing math on a **high school** level*». В приведенном фрагменте бытового дискурса, при актуализации составляющих фрейма «Education»,

происходит высвечивание терминальных узлов «*school*» и «*grade*», входящих в состав макрофреймов «*elementary education*» и «*secondary education*». В эпизоде подчеркивается то, что *fifth grade* даже не входит в среднюю школу, однако девочка уже способна выполнять задания на уровне старших классов. Таким образом, при высвечивании терминальных узлов происходит акцентирование основного фокуса терминального узла, а не его содержания, вариативной части.

Затемнение терминальных узлов является противоположной высвечиванию трансформацией, то есть при такого рода трансформации происходит актуализация не фокуса, а содержания слота, через которое выводится терминальный узел.

К *внутриузловым трансформациям* мы отнесли *эквивалентную замену* и *конкретизацию* терминальных узлов. Внутриузловые трансформации происходят внутри содержания слота, то есть они основаны на взаимосвязи переменных в рамках конкретного инварианта (терминального узла). *Эквивалентная замена* подразумевает подмену одного компонента содержания слота другим, не меняя его фокуса. Суть *конкретизации содержания* терминальных узлов состоит в уточнении их фокуса.

Проиллюстрируем данные виды трансформаций примером американского бытового дискурса: «*'Boston University has offered your sister a full scholarship.'* 'How did she-' 'Apparently she just went ahead and did it,' my mother said. ***Took her SATs, got her recommendations, sent in the application.***» (К. Flynn-Hui «Beyond the blonde»). В первом предложении приведенного примера происходит подмена компонента «*she's been enrolled*» содержания слота «*organization*», субфрейма «*college/university*» макрофрейма «*higher education*» на компонент *a full scholarship*, что не меняет фокус содержания – героиня поступила в университет. Во втором предложении мы наблюдаем другой тип внутриузловых трансформаций – *конкретизацию* (в данном случае описание процесса поступления в университет).

Внутрифреймовые трансформации представляют собой взаимодействие составляющих фрейма в его рамках. На базе фрейма «Education» во внутрифреймовое взаимодействие могут вступать его макрофреймы, суб- и микрофреймы, а также их составляющие.

Среди внутрифреймовых трансформаций выделяется *внутрифреймовое взаимодействие* – пересечение содержания слотов других фреймов этой иерархии или пересечение слотов внутри одного фрейма.

Приведем пример *внутрифреймового взаимодействия* в американском педагогическом дискурсе. Героиня художественного фильма “Legally Blonde” консультируется по поводу поступления в Гарвард:

advisor: *Harvard Law School?*

Elle: *That's right.*

advisor: *But that's a top three school.*

Elle: *Oh, I have a 4.0.*

advisor: *Yes. But your major is fashion merchandising. Harvard won't be impressed that you aced History of Polka Dots. What are your back-ups?*

Elle: *I don't need back-ups. I'm going to Harvard.*

advisor: *Well then, you'll need excellent recommendations from your professors. And a heck of an admissions essay, and at least a 175 on your LSATs.*

В приведенном эпизоде происходит одновременная актуализация содержания сразу нескольких слотов субфрейма «college/university»: university (Harvard) и внутри этого слота компонент – department (Harvard Law School, top three school); subject (major, fashion merchandising, History of Polka Dots); exam (admissions essay, LSATs) и внутри этого слота компонент – exam grade (4.0, aced, 175); teaching staff (professors); organization, компонент – admission (back-ups, excellent recommendations). Таким образом, мы наблюдаем одновременное взаимодействие сразу нескольких составляющих фрейма.

К **межфреймовым трансформациям** мы отнесли **межфреймовое взаимодействие**, которое подразумевает в процессе актуализации фрейма «Education», апелляцию к другим как родственным, так и не родственным фреймам, а так же связь содержания слотов смежных и несмежных фреймов.

Рассмотрим пример американского бытового дискурса, где проявляется межфреймовое взаимодействие: «*I got an A minus on the exam, coincidentally the same grade I assigned to Jenny's legs when she first walked from behind the desk. I can't say I gave her costume an honor grade, however; it was a bit too Boho for my taste*» (E. Segal «Love Story»). В приведенном примере актуализируются переменные слотов exam (exam) и его компонент grade (grade, an A minus, an honor grade). Одновременно актуализируется фрейм «person» (Jenny) и его составляющие, в частности субфрейм «appearance» и его слоты «legs» и «clothes» (costume). При этом содержание вышеупомянутого слота «exam (grade)» переносится на фрейм «person», в результате мы сталкиваемся с межфреймовым взаимодействием.

Таким образом, при реализации в педагогическом и бытовом типах дискурса составляющие фрейма «Education» подвергаются трансформациям различного рода и уровня. В рамках педагогического дискурса выявлено меньшее количество модификаций компонентов фрейма, чем в бытовом дискурсе. Данное явление можно

объяснить тем, что изучаемый фрейм, выступая каркасом одноименного концепта, является дискурсообразующим для педагогического дискурса. Поэтому, при апелляции к этому фрейму в бытовом дискурсе наблюдается большее количество трансформаций.

Список литературы

1. Багумян, Е.В. Текстовая ситуация «социальная защита»: лингвокогнитив. аспект: на материале разностилевых англоязычных текстов [Текст] : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Багумян Елена Валентиновна - Киев, 2004. - 22с.
2. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 280 с.
3. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. –339 с.

Н.В. Ушкова
Тамбов, Россия

КОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА НОМИНАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В процессе теоретического осмысления языковой сущности аналитических структур была выработана известная **идея совместного выполнения знаковой функции их компонентами – именем существительным и глаголом** [Телия 1981]. Этот существенный тезис теории номинации объяснял характерную особенность данных языковых единиц, на которую неоднократно указывали многие исследователи, а именно на тот факт, что, будучи сложными знаками в силу расчлененности своей материальной формы, они вместе с тем воспринимаются как нечто **концептуально целое**.

Исходя из необходимости дальнейшего осмысления аналитических конструкций, нами была обоснована концепция **аналитической репрезентации** [Ушкова 2006], обеспечивающая когнитивную интерпретацию аналитического способа номинации, включая номинацию субстантивно-глагольного типа. Аналитическая репрезентация рассматривается в этом смысле как особый способ отражения в языке концептуального содержания, существующего в сознании в виде некоего неделимого целого, расчленяемого лишь в языке посредством аналитических конструкций. Аналитическую репрезентацию концепта демонстрирует, в нашем понимании, номинация, состоящая из частей и содержательно восходящая к отдельному концепту, **обладающая характерными особенностями концептуальной интеграции компонентов, асимметричным распределением информации между компонентами номинации, противоположностью свойств последних**.

Это означает, что участие имени существительного и глагола аналитической структуры в отражении знаний о мире, как, собственно говоря, и в отражении знаний о

системе языка, неравноценно. В процессе анализа аналитической номинации вычленяется лексическое значение субстантивного компонента, репрезентирующее **концептуальное содержание, ориентированное на мир**, и лексико-грамматическое значение глагольного компонента, репрезентирующего **концептуального содержание, ориентированное преимущественно на систему языка**. При этом способность передавать знание противоположного типа, как для существительного, так и для глагола, находящихся в составе аналитической конструкции, редуцированно и практически недопустимо, точнее говоря, допустимо в крайне ограниченном объеме и качестве.

Соответственно, разнообразные словосочетания, служащие средством аналитической репрезентации, объединяет общая типологическая особенность, состоящая в том, что образ ситуации задает имя существительное (например: **Sinnieren** – ins Sinnieren kommen, **Ohnmacht** – in Ohnmacht sinken, **Verbeugung** – eine Verbeugung produzieren) [Duden 1999].

Согласно широко распространенному убеждению, сущность субстантивного компонента аналитической конструкции определяется на пересечении понятий «имя ситуации», «имя абстрактное», «имя признаковой семантики», «имя событийной семантики», «имя пропозитивной семантики», а субстантивными единицами, оптимально соответствующими данной роли, являются «nomina aktionis» [Гак 1985; Eiseberg 1999: 300-301]. Среди последних в немецком языке особо выделяются имена существительные с суффиксом –ung (in **Verbindung** stürzen, eine **Hoffnung** hegen, zur **Verzweiflung** treiben) [Steinitz 1977: 105-106; Grundzüge 1984: 437; Pottelberge 2001: 403], эксплицитно демонстрирующие концептуальную соотнесенность с соответствующими глаголами (**verbinden**, **hoffen**, **verzweifeln**).

Параллельное функционирование в языке подобных имен существительных и глаголов оказывается возможно постольку, поскольку речь идет о фрейме одной и той же ситуации, содержащем идентичные терминалы, заполненные совпадающими элементами бытийной информации. Например, среди возможных ответов на вопрос „Was ist mit dir? Fühlst du dich nicht wohl?“ вероятны варианты: „Ja, **Erkältung**.“ и „Ja, ich hab’ **mich erkältet**.“ В обоих случаях бытийный фрейм – а именно из этого исходит в своих ответах говорящий – включают в себя элементы: ‘субъект (лицо)’, ‘состояние субъекта (здоровье)’, ‘внешнее воздействие на состояние субъекта (холод)’, ‘качество изменения состояния субъекта (ухудшение)’, ‘типичные проявления состояния субъекта лица в данной ситуации (признаки простуды)’.

Существительные-девербативы принято считать классическим примером транспозиции (субстантивации), одним из наиболее ярких проявлений номинализации.

При всей многочисленности толкований понятия номинализации суть ее усматривается в межкатегориальной замене «глагол → имя существительное» и определяется как «опредмечивание» действия, толкуется как переосмысливание образа признака в образ предмета [Кубрякова 2004: 192-209 и др.].

При этом традиционное утверждение об изменении категориально-грамматического значения в акте номинализации полностью согласуется с описанием номинализации как результата когниции [Ирисханова 2000]. Когнитивный аспект номинализации усматривается в одновременном отражении двух способов восприятия действительности: предметного (объект, выделяемый из пространства, воспринимается в виде застывшей картинке) и процессуального (объект предстает в пространственном и временном изменении).

Представление семантики девербатива как гибридного ментального пространства объясняет возникновение иллюзии изменения во времени (процессуальности, динамичности) **ассоциативной связью с ментальным пространством глагола (исходного глагола, от которого произведено имя существительное) – знанием о его языковых категориях, которые в условиях именной семантики не актуальны.**

Номинализация двойственна, по нашему мнению, в том смысле, что бытийный фрейм, который репрезентируется ею, отличается двойственностью: с одной стороны, он сходен с бытийным фреймом прототипического глагола – это ‘процессуальность’, а, с другой стороны, он сходен с бытийным фреймом прототипического имени существительного – это ‘статичность’. Это и позволяет считать номинализацию переходным явлением в семантике классов слов, мостиком между классом имен существительных и классом глаголов. Окончательная идентификация продуктов номинализации как имен существительных происходит на основании того, что в основе подобных единиц лежит классификационный фрейм – это ‘субстантивность’. Сказанное в определенной мере относится ко всем именам признаково-событийной семантики, поскольку в их ментальных пространствах также присутствует бытийный фрейм ‘процессуальность’, хотя это проявляется не столь явно, как в случае имен существительных-девербативов.

Именно изначальная близость фреймовых структур, лежащих в основе глагола (‘sich holen’) и имени существительного признаково-событийной семантики (‘Erkältung’), проявляющаяся в наличии совпадающего элемента ‘процессуальность’, служит базой их концептуальной интеграции (‘sich eine Erkältung holen’), движущим фактором возникновения когнитивного механизма, приводящего к регулярному формированию аналитических конструкций. В результате языковая репрезентация

концепта выглядит как регулярная последовательность **глагол → имя существительное → аналитическая конструкция**, содержащая данное имя существительное – вербальных выражений производных друг от друга фреймовых структур, отражающих, так или иначе, одну и ту же ситуацию и содержащих соответствующий бытийный фрейм.

Таким образом, известная идея «формирования аналитических конструкций под давлением имен признаково-событийной семантики, прежде всего, девербативов, активно распространяющихся в языке» [Polenz 1987: 171] в когнитивной интерпретации соответствует представлению о формировании особого рода фрейма – когнитивной структуры, лежащей в основе аналитической конструкции, благоприятным и, более того, определяющим обстоятельством которого является **функционирование в языке свободной номинализации с ее двойственной, гибридной когнитивной структурой**.

Список литературы

1. Гак, В.Г. К эволюции способов речевой номинации [Текст] / Гак В.Г. // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 28-41.
2. Ирисханова, О.К. Когнитивные аспекты номинализации [Текст] / Ирисханова О.К. // Когнитивная семантика. Мат-лы второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – С. 75-76.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
5. Ушкова, Н.В. Аналитическая репрезентация концепта в языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 и 10.02.19 [Текст] / Ушкова Надежда Васильевна. – Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2006. – 46 с.
6. Duden 1999: Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache. In zehn Bänden [Текст] / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1999.
7. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 2: Der Satz [Текст] / P. Eisenberg. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 1999. – 551 S.
8. Grundzüge 1984: Grundzüge einer deutschen Grammatik [Текст] / Akad. der Wiss. der DDR. – 2., unveränd. Aufl. – Berlin: Akademie-Verlag, 1984. – 1028 S.
9. Polenz, P. v. Funktionsverben, Funktionsverbgefüge und Verwandtes. Vorschläge zur satzsemantischen Lexikographie [Текст] / Polenz P. v. // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. – 1987. – № 15. – S. 168-188.
10. Pottelberge, J. v. Verbnominale Konstruktionen, Funktionsverbgefüge: vom Sinn und Unsinn eines Untersuchungsgegenstandes [Текст] / J. v. Pottelberge. – Heidelberg: Winter, 2001. – 482 S.
11. Steinitz, R. Zur Semantik und Syntax durativer, inchoativer und kausativer Verben [Текст] / Steinitz R. // Linguistische Studien. – Reihe A. – Bd. 35. – 1977. – S. 85-123.

К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Современная сосредоточенность усилий когнитивной лингвистики вокруг изучения концепта естественна: научное направление всегда стремится иметь свой объект и с любовью возвращает знание о нем. Естественна (для периода взросления) и множественность мнений относительно названной единицы; встречающаяся не только в исследованиях конкретного материала, но и в обобщающих теоретических работах. Так, к примеру, во вступительных статьях коллективной монографии «Антология концептов» встречаем исключаящие друг друга определения и характеристики концепта. Последний одновременно оказывается невербальной единицей, единицей, «методологически» сменившей «представление, понятие и значение», и даже «условной единицей», пребывающей в сознании (условен или безусловен самый факт пребывания – авторами не уточняется) [Антология 2007: 7-8, 10, 12]. Этим разночтениям соответствуют и такие наблюдения авторов: «Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами» и «Все когнитивные модели находят свое отражение в языковых схемах <...> Все концепты реализуются в закрепленных и свободных формах» [там же: 8, 14].

Силою вещей приходится констатировать непреходящую ценность известного определения С. А. Аскольдова (Алексеева): концепт – «туманное нечто» [Аскольдов 1926: 29].

Другой особенностью изучения языка и ментальности является бесконечное умножение постулируемых сущностей. Рожденные в силу методологических и операционных нужд термины превращаются в самодостаточные объекты изучения; и исследователи всерьез говорят о свойствах и внутренней структуре *мифотем*, *лингвокультурем*, *логоэпистем*. Эвристические потенции этого приема сильно отстают от словообразовательных возможностей эмической базы.

Эти теоретические “нестроения” были бы вполне безобидны, если бы за ними не стояли отдельные концептуальные установки, которые не ограничиваются аспектными особенностями, но сущностно меняют объект исследования. Имеем в виду, в первую очередь, соображения относительно т. н. “невербальности мышления”. С опорой на отдельные построения психолингвистики (здесь обычно ссылаются на работы Н. И. Жинкина) сторонники этой точки зрения разводят язык и мышление до полного выведения речемыслительной единицы, как бы она не называлась, из языковой сферы. (Ср., напр.: работу [Попова, Стернин 2007: 39-41]).

В действительности, тезис о “невербальности мышления” отстоять невозможно, хотя бы потому, что и само осмысление мысли возможно лишь в рефлекслируемых языковых формах. Понять (по-я-ти) можно то, что ясно, что введено в «светлую полосу языкового сознания» (выражение Л. В. Щербы), это есть конечный и искомый фазис самого мыслительного процесса, и странно было бы воздвигать непроходимую преграду между мышлением и его целью.

Рациональнее для сторонников рассматриваемой позиции было бы говорить не о “невербальном мышлении”, а о “нементальном языке”. В таком случае оставалось бы всего лишь доказать, что исполненный значений язык тем не менее лишен понятийной семантики и смысловых отношений.

Однако поистине неодолимая проблема – сама точка встречи языка и мышления. “Невербальная” концепция здесь обречена на дурную бесконечность умножения промежуточных уровней, как будто бы сближающих язык и мышление и одновременно не дающих им сойтись. Так, к примеру, вынужденно постулируются различные виды сознания: когнитивное, коммуникативное, языковое [там же: 45-50].

Другое следствие этой теории – денационализированность мышления и, как результат, полная неясность лингвоментальной специфики этноса. Поскольку последняя в языке представлена, а отрицать это, по-видимому, не возьмется никто, то придется допустить, что национально бесцветная довербальная мысль в момент кодирования ее языковым кодом получает (очевидно, принудительным путем) окраску, соответствующую национальному языку. А стало быть, наше мышление (в его результате) оказывается зависимым от языка. Неясно также, как в таком случае быть с этническими группами, утратившими язык, но сохраняющими национальные черты. По всей вероятности, пришлось бы выделять еще один уровень сознания, хранящий национальную специфичность.

Отвлечемся, однако, на занятный аргумент сторонников “невербальности”: произвольные движения рук студента, не знающего ответа на экзаменационный вопрос, свидетельствуют о попытке передать невербальный кодирующий образ [там же: 40]. Неужели студенты воспроизводят эти движения молча? Конечно, нет; произвольные эволюции сопровождают логически невнятный дискурс, заметим, явление наблюдаемое, увы, далеко не только у студентов. Кому не известно традиционное начало таких ответов: “п, это когда...”. И если уж обращаться к такого рода иллюстрациям, то разве само мучительное рождение слова не есть зримое подтверждение единства в речемыслительном процессе двух его составляющих.

Излишне добавлять, что русские классики науки о языке и “философии имени” не разрывали язык и мышление: «На слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли <...> Напротив, слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию...» [Потебня 1913: 154]; «Мы не можем отмыслить мысль от слова и слово от мысли, не можем их связи разорвать, так же, как не можем их и слить...» [Булгаков 1999: 27].

Что же касается отмеченных выше исследований концепта как «методологически» введенной и условной единицы, то трудно понять само намерение изучать такой “учрежденный” объект.

Дело, очевидно, не за тем, чтобы умножать характеристики умозрительного (как можно судить по приведенным выше характеристикам) понятия, а, скорее, в исследовании феноменального плана концепта, который единственно и обеспечивает реальность концепта (ср.: «Концепт рассеян в содержании языковых единиц» [Пименова 2003: 95] и более решительное: «Концепт реально существует именно потому, что формально его нет» [Колесов 2006: 18]).

Закономерности такого бытия концепта подробно описаны. Эта единица существует в содержательных формах слова: образе, понятии, символе см. [Колесов 2004: 63-70]. Представляя отношения между концептом и планом его речевой явленности, можно, в качестве не самой далекой аналогии, использовать формулу С. А. Алексеева (Аскольдова), представлявшего сознание и воспринимаемый мир материальной действительности как отношения «собирающего и охватывающего единства» и «собираемого и охватываемого множества» [Алексеев 1914: 277]. (Здесь к месту заметить, что в работах Аскольдова содержатся ответы на многие вопросы, которые сегодня глубокомысленно ставит перед собой гуманитарная наука).

Сказанное задает и направление исследовательского внимания. Это взгляд от слова на отношения, которые связывают мир действительности и идею. На наш взгляд, не изучение номиналистически постулируемой ментальной единицы (или пространства), но реалистический подход от данной языковеду реальности – слова – обеспечивает настоящее вхождение в концепт.

Иное дело, что конкретное встречающееся в тексте слово-репрезентант всякий раз находится в той или иной стадии смыслового преобразования. Это вынуждает исследователя не просто отмечать семантические характеристики слова, и, разумеется, не низводить их до перечня т. н. семантических множителей, удобных для сопоставления с аналогичными характеристиками слов иностранных языков.

Здесь, как и следовало ожидать, системными оказываются различия, обусловленные той или иной «сферой бытия». Так, «этические... концепты достигли уровня понятия и даже символа, а онтологические пребывают еще в образной ипостаси» [Колесов 2004: 71].

Можно добавить, что в определенных контекстах (здесь, к примеру, показательны лирико-философские тексты В. В. Розанова) возникает явление, напоминающее средневековый синкретизм слова: одновременная реализация разных ипостасей знака. С позиции современного анализирующего сознания такие явления иногда относят к языковой игре, тогда как перед нами оказывается реализация теневых, но не ушедших в небытие, смысловых потенций языка. За малостью объема данной работы мы не можем сколько-нибудь подробно обсуждать эти сюжеты и, тем более, предложить иллюстрирующий материал, однако, полагаем, что ясно высказались о некоторых волнующих нас вопросах изучения языка и ментальности.

Список литературы

1. Антология концептов [Текст]. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Алексеев (Аскольдов), С. А. Мысль и действительность [Текст] / С.А. Алексеев (Аскольдов). – М.: Путь, 1914. – 387 с.
3. Аскольдов (Алексеев), С. А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Алексеев (Аскольдов) // Русская речь / под. ред. Л. В. Щербы. – Л.: Академия, 1928. – С. 28-44.
4. Булгаков, С. Н. Философия имени [Текст] / С.Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1999. – 446 с.
5. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ [Текст] / Колесов В. В. // Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 57-72.
6. Колесов, В. В. Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма [Текст] / В.В. Колесов // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 10-21.
7. Пименова, М. В. Структура концепта *разум* [Текст] / М.В. Пименова // Mentalität und mentalis / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. – С. 95-111.
8. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / Попова, З. Д., Стернин, И. А. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
9. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Харьков, 1913. – 225 с.

Л.А. Фурс, И.В. Назарова
Тамбов, Россия

ГРАДУИРОВАНИЕ КАК КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМА

В центре когнитивного подхода к языку находятся процессы структурирования знаний и когнитивные операции, задействованные в них. Объектом данного исследования является градуирование как когнитивная операция. Значимым фактом для осмысления проблемы градуирования является выработанный в философии

градуальный подход к измерению любого качества [КФЭ 1994], а также становление понятия градуальности в лингвистике. При этом разграничивают эксплицитное и имплицитное градуирование. В основе эксплицитного градуирования, по мнению Э. Сэпира, лежит шкала оценок типа «больше/меньше, чем» [Сепир 1985: 45]. Имплицитное градуирование предполагает наличие в семантике лексических единиц указания на различную степень проявления признака.

Процесс градуирования как когнитивная операция, лежащая в основе формирования смысла градуальности, базируется на определенных когнитивных принципах и механизмах. Важнейшим принципом, организующим речемыслительную деятельность человека при формировании градуальных смыслов, выступает *принцип спецификации*. Данный принцип предполагает активную роль говорящего в осмыслении события и уточнении или выделении различных его деталей и аспектов. В качестве когнитивных механизмов, обеспечивающих градуирование проявляемых объектом свойств, служат механизмы профилирования и шкалирования. Под профилированием понимается выделение определенной характеристики оцениваемого явления или предмета, которая впоследствии отмечается как доминирующая на фоне других [Langacker 1987]. Шкалирование предполагает выявление информации о выраженности у объекта тех или иных качеств и соотнесение любого изменения в объекте с определенной точкой на шкале [БСЭ 2001].

Языковым механизмом репрезентации градуирования является лексическое значение градуатора, в качестве которого функционируют наречия. Как указывает в этой связи М.В. Бондаренко, наречия меры и степени наилучшим образом приспособлены для репрезентации градуальных шкал и способны выступать как носители градуирования признака [Бондаренко 2000]. Следует отметить, что наречие-градуатор способно вступать в синтагматическую связь с различными частями речи. При этом важным является отграничение градуаторов от других классов наречий. Как показывает тест на верификацию их функций, наречие может занимать различную позицию в структуре предложения, тогда как градуатор не допускает свободного перемещения, что свидетельствует о строго фиксированной позиции наречия-градуатора. Градуатор всегда употребляется в препозиции к опорному компоненту в словосочетании. Сравним следующие предложения: (1) *I **badly** need it*; (2) *He said it **badly***. В случае (1) “badly” является градуатором и позволяет подчеркнуть степень востребованности объекта. В примере (2) выражается оценочная характеристика манеры выполнения вербального действия. В этом случае градуирование отсутствует.

Выражение конкретной степени градуируемого признака определяется семантикой градуатора. Компонентный анализ словарных дефиниций различных градуаторов позволяет выделить следующие типы:

(1) градуаторы, указывающие на предельную степень признака (*extremely, fully, totally, utterly* и т.п.);

(2) градуаторы, выражающие высокую степень (*widely, entirely, greatly* и др.);

(3) градуаторы, вербализующие достаточную степень проявления признака (*relatively, sufficiently* и т.п.);

(4) градуаторы, специфицирующие низкую степень проявления признака (*a little, just, a bit* и др.).

Однако выделенная классификация была бы неполной без определения переходных зон на шкале. В частности, переходные зоны представлены предельно высокой степенью проявления признака, достаточно высокой степенью и умеренно достаточной. В целом же, данные показатели свидетельствуют, с одной стороны, о континуальном характере семантического пространства градуальности, а с другой, о разнообразных возможностях модификации лексического значения слова, с которым сочетается градуатор.

Наречие-градуатор способно сочетаться с различными частями речи, при этом задействованными оказываются разные когнитивные механизмы, обеспечивающие операцию градуирования. Выделяются следующие конструкции:

1) наречие-градуатор + прилагательное (Adv+Adj);

2) наречие-градуатор + глагол (Adv+V);

3) наречие-градуатор + наречие (Adv+Adv);

4) наречие-градуатор + существительное (Adv+N);

5) наречие-градуатор + причастие (Adv+Past Part.).

Роль градуатора в этих конструкциях заключается в акцентировании степени проявляемого признака, свойства, характеристики, репрезентируемой вторым компонентом. Фактически, имеет место модификация лексического значения второго компонента конструкции. При этом выделяется холистическая и партитивная модификация. В случае с холистической модификацией за основу принимается весь объем проявляемого признака, качества, свойства с дальнейшим его градуированием. Что касается партитивной модификации, то в этом случае из целого ряда характеристик вычленяется лишь одна, которая и подвергается градуированию [Фурс 2007: 84].

Следует отметить, что тип модификации значения второго компонента конструкции при градуировании определяется особенностями семантики тех частей

речи, которые способны сочетаться с градуаторами. Продемонстрируем вышесказанное на конкретных примерах.

В предложении *It's extremely thin* (H. Filding) использование наречия-градуатора в сочетании с параметрическим прилагательным *thin* позволяет градуировать степень худобы человека, акцентируя предельную точку на шкале.

В сочетании с глаголами движения, в семантике которых присутствует ассоциативно-образная схема “path”, посредством градуатора профилируется определенный этап на пути к завершающей стадии. Как правило, значимым является достижение конечной точки:

What time are you completely coming back? (LDELIC).

Сочетание градуатора с релятивным глаголом приводит к акцентированию уровня соответствия двух сущностей:

Faulkner created in Caddy Compson a heroine who perfectly corresponds to her world (W.Faulkner).

Градуирование качественной характеристики действия достигается посредством сочетания градуатора с наречием:

I was hit pretty hard (W.Faulkner).

Конструкции с существительными менее частотны. В этом случае закономерным является употребление событийных или статальных имен существительных. Градуированию подвергается объем проявляемого ими признака:

Look, there's absolutely no need to worry,' said Una, with an unusual air of calmness and control, which suddenly made me see her as the mummy I'd never really had (H. Filding).

В отношении сочетания градуатора с причастием прошедшего времени следует отметить возможность градуирования того результативного состояния, которое репрезентируется данным причастием:

Rarely has a novel appeared so completely disordered and unconnected... (W.Faulkner).

Таким образом, операция градуирования выступает основой для формирования смысла градуальности. Эта операция базируется на механизмах профилирования и шкалирования. В результате градуирования достигается модификация значения опорного компонента в словосочетании с градуатором. Установлены два типа модификации значения – партитивная модификация (с глаголами движения) и холистическая (с глаголами других тематических классов и с другими частями речи). Это позволяет утверждать, что за градуированием стоит сложная структура знания, которая выявляется посредством анализа его когнитивных основ.

Список литературы

1. Бондаренко, М. В. Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.05. / Бондаренко Мария Витальевна. – Воронеж, 2000. – 21 с.
2. БСЭ - Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.encycl.yandey.ru> . 2001, свободный.
3. КФЭ - Краткая философская энциклопедия [Текст]. - М.: Прогресс-энциклопедия, 1994. - 576 с.
4. Сэпир, Э. Градуирование: Семантическое исследование [Текст] / Э. Сэпир // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43 – 78
5. Фурс, Л.А. Когнитивное моделирование синтаксиса [Текст] / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - №4. – С. 81 – 85.
6. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1 [Text] / R. W. Langacker. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
7. LDELС - Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. - Longman Group, UK, 1992. - 1555 p.

З.С. Хабекирова
Майкоп, Россия

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Изучение метафоры и особенностей метафорического моделирования действительности является одной из актуальных проблем современного языкознания, где ведущее место занимают исследования, связанные с картиной мира, с народной ментальностью. Если раньше, согласно традициям античной риторики, метафора рассматривалась как «способ украшения речи», то сегодня анализ этой языковой единицы переместился в иную плоскость. В конце XX века метафора активно изучается в когнитивной лингвистике, где она предстает как способ познания, структурирования и объяснения мира (Н.Д.Арутюнова, А.Н.Баранов, Дж.Лакофф, М.Джонсон, А.П.Чудинов и др.). По мнению учёных, метафора есть ментальная операция, поскольку человек с помощью метафор не только выражает свои мысли, но и создает тот мир, в котором живет. «Такая метафора способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе и одновременно обнаружить их влияние на семантические процессы в лексике» [Валгина 2001: 95].

Повышенная метафоричность – типичная стилевая черта современной газетной публицистики, где значительная роль «авторского «я» ведет к усилению прагматической функции, ибо одна из главных задач публициста – оказать воздействие на аудиторию, повлиять на взгляды и убеждения читателей. И метафора является весьма эффективным средством достижения поставленной цели, поскольку обладает свойством

«подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения». Известный исследователь политической метафоры А.Н.Баранов отмечает, что «в качестве средства речевого воздействия метафора способна повлиять на процесс принятия решений» [Баранов 1991: 13].

Развивая мысль этого ученого, мы полагаем, что в газетно-политическом дискурсе метафора становится средством аргументативного воздействия, что особенно важно для установления контакта между адресантом и адресатом. Поэтому при изучении метафоры целесообразно говорить о ее коммуникативно-прагматической роли, благодаря которой газетный текст приобретает воздействующий характер. По свидетельству специалистов в области газетной прагматики, с точки зрения стратегий построения текста, метафора – уникальный способ воздействия на адресата, так как, с одной стороны, она привлекает и удерживает внимание читателя, направляя его в определенное русло, а с другой – служит средством выражения личной позиции автора, передачи имплицитного смысла [Покровская 2003: 133.]

В создании прагматических свойств метафоры немаловажную роль играет источник метафоризации, иначе тематическая сфера, откуда заимствуется лексика, подвергающаяся впоследствии трансформации значения. Как пишет Г.Я.Солганик, «актуальность тематических сфер, таких, например, как война, спорт, находящихся в фокусе массовых интересов, определяет и значимость созданных на этом материале метафор, придает им соответствующий вес» [Солганик 2002: 33] .

Исходя из тематической сферы устанавливается классификация метафор, которая помогает раскрыть специфику публицистической картины мира в эпоху преобразований российского общества. В данной статье на материале «Новой газеты» мы рассмотрим прагматическую роль медицинской, по-иному морбильной, метафоры, лежащей в основе метафорической модели «Россия – это больной организм». Популярность морбильной метафоры в современной газетной публицистике объясняется тем, что, во-первых, проблемы здоровья всегда вызывают повышенный интерес любой аудитории, а во-вторых, общая «идея», точнее пресуппозиция, присущая медицинской лексике – болезнь или нездоровье, – обуславливает такую оценочность, которая соответствует состоянию общества в период кризиса. Подобного рода метафоры особенно распространены в политической коммуникации, но в последнее время мы наблюдаем расширение их сферы употребления: сегодня морбильные метафоры встречаются в газетных текстах разной тематики, что свидетельствует о продуктивности метафорического переноса в данной тематической группе. Безусловно, метафоры, представляющие общество как больной организм, традиционны (они были известны еще в XIX веке), но «ни в какое

другое время эти метафоры не создавали такое целостное семантическое поле» [Ермакова 2000: 53].

В рамках вышеназванной модели в газетной речи нередко используется лексика, обозначающая болезни общества и его институтов: *Наше современное государство – это не средство коммуникации, а сплошной тромбофлебит* (НГ. 15.03.06); <...> *Изложенное выше говорит о том, что у нас будет очередной «бюджет деградации»* (05.09.05); <...> *Это мозаика тотальной, полной атрофии государства* (10.12.07).

Интересно заметить, что с помощью морбальных метафор выражают свои мысли не только журналисты, но и люди, связанные по роду своей деятельности с медициной. Например, академик РАМН и РАН М.Давыдов поставил точный диагноз болезни, эпидемически поразившей наше общество: *дистрофия дальновидения* (2.04.07).

Известно, что распространенность некоторых болезней грозит эпидемией, и поэтому метафора, указывающая на массовый характер той или иной болезни, – одна из самых распространенных. Так, рассуждая об отношениях России и Грузии, режиссер А.Герман с сожалением констатирует: *А.Политковская, увы, об этой нашей общей беде, способной привести к непредсказуемой эпидемии, уже не напишет* (19.10.06).

Морбальные метафоры, обладающие ярко выраженными негативными коннотациями, вызывают соответствующую реакцию аудитории – чувство тревоги, сильной обеспокоенности. Образ больной страны, который подчеркивает безысходность, поистине бедственное положение, требующее немедленного вмешательства, оказывается весьма впечатляющим: *Простое увеличение финансирования способствует деградации – распространению гниения с головы власти к ее конечностям* (05.09.05).

Нельзя не заметить, что, в публицистике конца XX – начала XXI веков под влиянием тенденции к метафоризации медицинской лексики негативные оценочные коннотации приобретают языковые единицы, не связанные с какой-либо конкретной болезнью. Так, в роли пейоративной метафоры в определенных контекстах употребляется лексема *диагноз*: *Удручающий пейзаж, на фоне которого непутевые покушения на медицинскую академию и науку могут завершиться трагическим диагнозом: погибла из-за профнепригодности министра Зурабова и ведомственной путаницы* (30.10.06).

Усилению прагматического смысла, создаваемого морбальными метафорами, способствует контекст, организованный таким образом, что благодаря особенностям словоупотребления внимание читателя заостряется на кризисном состоянии в той или иной сфере деятельности. Так, выражая свое отношение к модернизации образования,

автор считает, что сегодня оно все более и более входит в полосу социально-политического кризиса <...> Функционирующую худо-бедно и даже отчасти развивающуюся образовательную систему власть привела в состояние комы...

Произведя на свет в марте нежизнеспособных управленческих монстров, она, по существу, парализовала всю социальную сферу. <...> Система образования оказалась опрокинутой в кризис (05.09.05). Из приведенного примера видно, что метафорические единицы выступают в качестве контекстуальных экспрессивных синонимов по отношению к прямым, необразным номинациям.

Описание «болезни» предполагает указание на ее «симптомы». В публицистической картине мира состояние «больного» – общества или его индивидов, по мнению авторов газетных текстов, настолько тяжелое, что следует вести речь о совокупности признаков, именуемых синдромом. К примеру, рассказывая о незаконных действиях Р.Кадырова (в то время премьера Чечни – З.Х.), журналист вводит понятие «кадыровский синдром» и сразу же дает его пояснение: *Что такое «кадыровский синдром»? <..> Его главные отличительные черты – наглость, хамство и жестокость, выдаваемые за храбрость и мужество (11.09.06).*

В процессе трансформации медицинской лексики часто актуализируется сема, связанная с отклонением в развитии, с появлением нежелательных явлений и т.д.: *Да что толковать! Иммунитета лишается эта страна. Культурного иммунитета (11.08.05).*

Морбиальные метафоры в газетных текстах выполняют не только оценочную и инструментальную функции, но и образную функцию, хотя, конечно, публицистический образ отличается от художественного, поскольку базируется на социальной оценочности. Такие метафоры нередко встречаются в составе заголовка (или заголовочного комплекса: *Люди с ампутированными чувствами (29.04.04); С нами что-то происходит? Отсутствие слова Ани уже привело к омертвлению наших чувств (03.09.07).*

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что метафоры, созданные на основе медицинской лексики, обладают высоким прагматическим потенциалом, так как их употребление в газетном дискурсе вызывает ту реакцию аудитории, на которую рассчитывает автор публикации.

Список литературы

1. Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю [Текст] / А.Н.Баранов. – М., 1991. – 193 с.
2. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н.С.Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

3. Ермакова, О.П. Семантические процессы в лексике [Текст] / О.П.Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 33 – 66.

4. Покровская, Е.В. Понимание современного газетного текста (Прагматический аспект) [Текст] / Е.В.Покровская. – М., 2003. – 274 с.

5. Солганик, Г.Я. О специфике газетно-публицистической метафоры [Текст] / Г.Я.Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – № 2. – С. 32 – 42.

Е.М. Хакимова
Челябинск, Россия

ПУНКТУАЦИЯ И МЕТАЯЗЫКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Металингвистичность обусловлена потребностью человека обосновать, объяснить тот или иной языковой факт. Н.Д. Голев отмечает, что носителями металингвистического сознания являются все говорящие на данном языке, хотя степень развития их способности к метаязыковым рефлексиям, разумеется, не одинакова [Голев 1997]. В нашей статье речь пойдет о том, как в сознании носителей языка отражается его пунктуационная система. Нам представляется, что изучение этого вопроса непосредственно связано с гипотезой о национальных признаках металингвистической ментальности.

Постановка знаков препинания, как известно, регламентируется двумя принципами – конструктивным и коммуникативным. В первом случае в основе пунктуации лежит актуальное членение высказывания, во втором – структура членов предложения и их морфологические характеристики. Для понимания характера современных пунктуационных систем важен еще и такой момент: конструктивно-синтаксический принцип реализуется в двух вариантах, которые Б.И. Осипов условно называет французским и немецким [Осипов 1999].

К первому из этих типов, кроме французской, относятся английская и итальянская системы; здесь знаки препинания выражают смысловые нюансы, ставятся реже и чаще бывают факультативными. Английская пунктуация представлена двумя диатопическими разновидностями – британской и американской. Их сопоставительному изучению посвящена статья Л.П. Барановой. В этой работе указывается, что американский английский в употреблении знаков препинания характеризуется большей регламентированностью. В британском варианте господствует «семантико-стилистический или декламационно-психологический принцип, то есть преобладает экспрессивная, риторическая функция пунктуации, а ее реализация в тексте рассматривается как полная свобода, отсутствие всякой регламентации в расстановке знаков препинания» [Баранова 2000: 158]. «Семантико-стилистический или

декламационно-психологический принцип» соответствует в терминологии Б.И. Осипова принципу коммуникативно-синтаксическому: последний непосредственно связан с актуальным членением, а оппозиция темы и ремы сначала рассматривалась как психологическая, причем указывалось, что главным средством выражения темо-рематической структуры высказывания в языках с свободным словопорядком является интонация. Если учесть всё это, то придется признать, что исследователи определяют характер ведущего пунктуационного принципа в британском английском по-разному: Б.И. Осипов считает его конструктивно-синтаксическим, а Л.П. Баранова пишет о доминировании в британской пунктуации коммуникативного начала.

В пользу второй точки зрения свидетельствуют особенности метаязыкового сознания британцев. Поскольку одним из компонентов речевого акта является субъект, то личная позиция говорящего, его воля очень значимы, и британцы, в отличие от американцев, уделяют этому исключительное внимание. Л.П. Баранова ссылается на работу Дж. Кларка, который пишет, что, если американец не следует правилам и нормам, зафиксированным в учебниках и справочниках, его просто считают невеждой. В Европе ситуация другая: образованный англичанин склонен считать свой собственный способ постановки знаков препинания, каким бы индивидуальным он ни был, нормой независимо от того, что по этому поводу думают языковеды. В этой связи Дж. Кларк приводит пример, иллюстрирующий отмеченную особенность британского менталитета: в школьные годы коллега исследователя часто спорил со своим отчимом, выпускником Оксфордского университета, по поводу правильного произношения того или иного слова, приводя в качестве аргумента вариант, рекомендуемый словарем. На это собеседник отвечал с мягкой иронией: «Дорогой мой, словари пишутся с тем, чтобы фиксировать произношение таких людей, как я, но не определять его» [цит. по Баранова 2000: 158]. Дж. Кларк считает, что то же самое он, несомненно, сказал бы и о пунктуации.

Полагаем, что такая позиция не свойственна большинству носителей русского языка. Представители соборной, другоцентрической культуры испытывают потребность в авторитетной точке зрения за пределами индивидуального сознания, и, если участник лингвистического спора, ссылается на словарь или справочник, такой аргумент обычно убеждает оппонента. В нашей культуре словарь воспринимается как истина в последней инстанции, может быть, еще и поэтому для русской пунктуации оказался таким значимым структурный принцип, способствующий, по мнению Н.С. Валгиной, выработке твердых общеупотребительных правил расстановки знаков препинания: «Это тот фундамент, на котором строится современная русская пунктуация. Это, наконец, тот необходимый

минимум, без которого немислимо беспрепятственное общение между пишущим и читающим» [Валгина 1991: 411].

Следует, однако, отметить, что конструктивный принцип доминировал в русской пунктуации не всегда. На основании анализа древнерусских текстов Б.И. Осипов пришел к выводу о том, что наша старинная пунктуация была коммуникативно-синтаксической. С середины XVIII в. начался переход на конструктивно-синтаксический принцип, причем очень важную роль в происходивших переменах играли кодификаторские решения, в частности идеи М.В. Ломоносова. В ходе работы над формулировками правил за образец была принята немецкая пунктуационная система.

Для немецкого типа характерно стремление отмечать знаками препинания большинство синтаксических конструкций. «Конструктивизм» в экстремальном проявлении приводит к предписанию реагировать на всё, что касается статуса слова или словосочетания со стороны отношения к членам предложения и их морфологической оформленности. Отсюда целый ряд пунктуационных излишеств, предопределяющих, например, необходимость пунктуационной дифференциации структур типа *Анна – моя подруга* и *Она моя подруга*.¹ В таких конструкциях, как известно, тире ставится, если подлежащее выражено существительным в И.п., и не ставится, если функцию подлежащего выполняет личное местоимение. Подобный гиперконструктивизм вступает в противоречие с требованиями коммуникативной целесообразности, провоцируя появление ошибок в письменной речи носителей языка. Такой исход обусловлен коммуникативно-синтаксической природой пунктуации.

Доминирование структурного начала в современной русской пунктуации не означает, что коммуникативный принцип выведен за рамки системы правил. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые предписания, ориентированные на пунктуационное обеспечение синтаксических конструкций, сопровождаются оговорками и дополнениями, которые могут рассматриваться как проявление коммуникативных установок. Вернемся к примеру Б.И. Осипова *Она моя подруга*. По правилу, знак препинания обычно не ставится, если подлежащее выражено личным местоимением. Поскольку пунктуационное решение базируется на учете морфологических характеристик подлежащего, можно считать что в данном предписании реализован конструктивно-синтаксический принцип. Однако далее мы узнаём, что тире в этом случае ставится 1) при логическом подчеркивании: *Я – гражданин Советского Союза* (Маяковский); 2) при противопоставлении: *Я – фабрикант, ты – судовладелец* (Горький); 3) при структурном параллелизме

¹ Примеры Б.И. Осипова.

предложений или частей предложений: *Без тебя я – звезда без света. Без тебя я – творец без мира* (Брюсов); 4) при инверсии главных членов предложения: *Герой этого спектакля – я* [Розенталь 1994]. Воспользовавшись терминологией коммуникативного синтаксиса, можно сказать, что функция тире во всех перечисленных случаях заключается в экспликации коммуникативной структуры высказывания, поскольку разделительный знак препинания здесь маркирует границу между темой и ремой.

Коммуникативное намерение пишущего может обуславливать не только постановку знака препинания, но и его неупотребление. Так, предписание не обособлять распространенные согласованные определения (*Если вы человек себя уважающий...то непременно напроситесь на ругательства* (Достоевский)) и обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами (*Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (Горький)), если они «образуют смысловой центр высказывания» [Розенталь 1994: 162], связано с тем, что в подобных случаях соответствующие конструкции входят в рему, то есть в ту часть предложения, которая квалифицируется пишущим как актуально более значимая.

Наблюдения над материалом позволяют сделать некоторые выводы о тех отношениях, в которые могут вступать конструктивный и коммуникативный принципы в рамках одного отрезка письменной речи: а) возможна ситуация конкуренции, когда одно из написаний признается нормативным, а другое ошибочным (ср.: *Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (Горький) и **Жили Артамоновы, ни с кем не знакомясь*); б) взаимодействие может осуществляться на основании дополнительности, тогда оба написания рассматриваются как нормативные (ср. *Она моя подруга* и *Она – моя подруга*). Во втором случае реализации обоих пунктуационных принципов признаются нормативными. Наличие подобных вариантов обеспечивает пунктуационной системе гибкость, необходимую для того, чтобы при помощи ограниченного набора знаков препинания обслуживать неограниченное число семантических, интонационных и синтаксических модификаций. А осмысление пунктуационной вариантности в учебной практике способствует формированию собственно научного видения языка, которое составляют идеи системности, переходности, языкового поля и т.п.

Список литературы

1. Баранова, Л.П. Когнитивные особенности пунктуации в британском и американском вариантах современного английского языка [Текст] / Л.П. Баранова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. – Рязань, 2000. – С. 158–160.
2. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка [Текст] / Н.С. Валгина. – М., 1991. – 432 с.
3. Голев, Н.Д. Антиномии русской орфографии [Текст] / Н.Д. Голев. – Барнаул, 1997. – 148 с.

4. Осипов, Б.И. Учителю об истории русского письма [Текст] / Б.И. Осипов. – Омск, 1999. – 127 с.
5. Розенталь, Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации [Текст] / Д.Э. Розенталь. – Челябинск, 1994. – 368 с.

А.П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

В современной зарубежной науке преобладают три основных методологии исследования политической метафоры – риторическое, когнитивное и дискурсивное [Будаев, Чудинов 2006, 2007]. Каждая из этих методологии объединяет крупное научное направление.

Первое из них развивает традиционные взгляды на метафору, восходящие еще к Аристотелю. В этом случае метафора понимается как некое украшение мысли, способствующее успешности воздействия на адресата. В применении в американской лингвистике это направление обычно называют риторическим, однако в соответствии с российскими традициями названное направление в изучении метафор воспринимается как относящееся преимущественно к семантике и стилистике. Одним из первопроходцев в изучении политической метафорики по праву считается Майкл Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для исследовательской традиции изучения метафор в риторическом направлении политической лингвистики. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации [Osborn 1967]. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения.

Помимо архетипичных и специфичных политических метафор внимание исследователей в прошлом веке было направлено на анализ аргументативного потенциала политической метафорики. По понятным причинам материалом для таких исследований служили метафоры в выступлениях победивших на выборах политиков. Так, С. Дафтон [Daughton 1993] исследовала метафоры в первом инаугурационном обращении Ф.Д. Рузвельта, Х. Стелцнер рассмотрел метафоры в речи Дж. Форда [Stelzner 1977]. В работах Р. Айви проанализированы метафоры и их взаимодействие с

изложением фактов в речи Г. Трумана и его антисоветской доктрине [Ivie 1986, 1999]. Вместе с тем метафоры в идиолектах политиков, оппозиционных существующей власти и претендующих на нее, также рассматривались как важный материал для исследования метафорической аргументации в целом [Blankenship 1973; Henry 1988].

Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач. Как показывает Х. Стелцнер, американский президент Дж. Форд объявил, что намерен вести войну с инфляцией, но не смог проводить соответствующую политику и «доказать подлинность однажды произнесенной метафоры, которая требовала от него больше, чем он хотел или мог сделать» [Stelzner 1977: 297].

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира. Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект). Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Марку Джонсону и Джорджу Лакоффу, однако они создавали свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к метафоре возник значительно раньше. На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Барлетт, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи. Так, еще в 1967 году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры, а в разработанной М. Осборном теории архетипичных метафор просматриваются истоки теории «телесного разума». Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры, представляющие систему политических метафор [Jamieson 1980].

Дискурсивный анализ политических метафор направлен на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Это направление тесно связано с идеями Р. Водак и Т. ван Дейка. Примером дискурсивного исследования может служить публикация Э. Рефайе [Refaie 2001], посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в

Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Э. Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем», стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Ана [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки. Как показывает автор, все выявленные метафорические образы приносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. Подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языке, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов [Johnson 2005, Hardy 2003].

Риторическое (семантико-стилистическое), когнитивное и дискурсивное направления в современной политической метафорологии являются ведущими, но не единственными. Во многих современных исследованиях когнитивный или риторический анализ политической метафоры дополняется на основе использования методов, характерных для теории культуры (лингвокультурологии), психологии (психолингвистики), социологии, социальной философии (социолингвистики), теории дискурса, сопоставительной и типологической лингвистики. Отметим также, что в целом ряде случаев те или иные методики одни специалисты считают вариантами когнитивных, риторических (стилистических) или дискурсивных, тогда как другие специалисты определяют указанные теории как относительно самостоятельные направления.

Значительный интерес представляет также проблема параллельного использования различных научных методов в рамках одного исследования: даже предварительные наблюдения показывают, что совмещение одних методов ведет к эклектике, тогда взаимодействие других методов приводит к более полному пониманию сущности явления.

Список литературы

1. Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Метафора в политическом интердискурсе [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006.

2. Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Современная политическая лингвистика [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва, 2007.

А.П. Шаповалова
Ростов-на-Дону, Россия

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К РАСШИФРОВКЕ АББРЕВИАТУР

Переводчик при переводе и расшифровке аббревиатур руководствуется определенным методом (или стратегией), который как в фокусе концентрирует в себе его профессиональные знания, навыки, опыт. Практика показывает, что расшифровка аббревиатур как составляющая процесса перевода тоже требует применения определенного метода, своего рода алгоритма, который учитывал бы закономерности образования аббревиатур и особенности их функционирования в речи. Потребность каким-либо образом формализовать процесс расшифровки сокращений вытекает, на наш взгляд, из специфики работы переводчика: необходимости обработки большого объема информации в сжатые сроки, стресса, усталости и т.п.

Расшифровка аббревиатур, представляющая собой составляющую процесса восприятия и понимания речи, основывается на положениях о человеке как о системе переработки и хранения информации.

Расшифровка аббревиатур в процессе восприятия исходного текста и его перевода есть упорядоченный когнитивный процесс, состоящий из ряда последовательных, взаимосвязанных шагов и предназначений для установления исходного варианта аббревиатуры посредством комплекса универсальных когнитивных операций, таких как сканирование текста, выдвижение (*foregrounding*), перебор вариантов, переход с одного уровня абстракции на другой (*chunking up/chunking down*), инференция, извлечение из памяти (*retrieval*) и др. [Ожогин 2001: 152–154].

Универсальность данных операций заключается в том, что их сфера применения не ограничивается процессом расшифровки аббревиатур, но определяется рамками человеческой когниции. Эти когнитивные операции имеют возвратно-поступательный (циклический) характер ввиду своей основной функции в процессе расшифровки аббревиатур – обеспечения выдвижения и проверки возникающих в ходе расшифровки гипотез, временных по своей природе и требующих проверки с использованием все тех же когнитивных операций.

Расшифровка аббревиатур зависит от комплексного действия таких факторов, как профессиональный опыт переводчика, объем тезаурусных (фоновых) знаний, знание

предмета, степень владения иностранным языком, особенности его психологического склада, усталость и т.п.

Алгоритм расшифровки аббревиатур, применяемый в процессе перевода, содержит элемент планирования, направлен на достижение определенной цели и предусматривает некоторый порядок действий в процессе реализации задач, направленных на достижение данной цели. Алгоритм состоит из двух параллельных, взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов: анализа контекста и анализа структуры аббревиатуры. Эти этапы обладают обратной связью, обеспечивающей постоянное уточнение и дополнение выдвигаемых гипотез, что способствует элиминации неудачных вариантов расшифровки. Границы между данными этапами и последовательность когнитивных операций в рамках каждого из них достаточно условны.

При контекстуальном анализе происходит выборка релевантной эксплицитной и имплицитной информации, определяется место и роль аббревиатуры в контексте, ее грамматико-синтаксические функции, в сознании переводчика создается ее идеальный образ, обладающий характерными, выводимыми из контекста свойствами, который конкретизируется путем выдвижения гипотезы о сущности замещаемого аббревиатурой концепта.

При структурном анализе происходит разложение аббревиатуры на инициалы и выдвижение гипотезы о том, какое исходное наименование репрезентируется каждым инициалом. Структурный анализ начинается с инициала (сочетания инициалов), обладающего наибольшими ассоциативными связями с эксплицитной и имплицитной контекстуальной информацией. Таким инициалом чаще всего является базисный элемент аббревиатуры – инициал, замещающий существительное в исходном словосочетании, либо сочетание инициалов, получившее определенную устойчивость и ассоциируемость с различными свойствами, качествами и признаками материальных и идеальных объектов благодаря существованию в данном виде в составе различных аббревиатур. Расшифровка может начинаться с небазисного элемента еще и потому, что данный инициал в сознании переводчика может обладать прочной ассоциацией с эксплицитной или выводной информацией из-за неспособности переводчика ассоциировать базисный элемент с контекстом, из-за отсутствия у переводчика эффективного метода расшифровки аббревиатур или при наличии суммы перечисленных причин.

Выдвижение гипотез на этапах контекстуального и структурного анализа производится с опорой на имеющуюся на параллельном этапе контекстуальную

информацию: гипотеза относительно значения, репрезентируемого аббревиатурой исходного наименования, основанная на комплексном восприятии признаков его идеального представления, может опираться на базисный инициал, в то время как гипотеза об исходном варианте конкретного инициала основывается на гипотетических признаках искомого денотата, полученных на основании эксплицитной или выводной информации.

Выбор и обработка информации происходит путем одновременной активации множества концептов, совместимых с лингвистически представленной в сообщении информацией, из которых затем элиминируются все, за исключением самого релевантного в данном контексте, причем более одного варианта быть не может.

Существует два способа поиска и обработки информации: последовательный и параллельный. При последовательном способе в данный момент протекает только один процесс, и переход к следующему происходит только по окончании предыдущего. Параллельный способ предполагает одновременное и зачастую подсознательное выполнение нескольких когнитивных задач по поиску и обработке информации. Оба способа существуют, дополняя друг друга в рамках алгоритма расшифровки аббревиатур как составной части процесса перевода.

При анализе контекста и структуры аббревиатуры в сознании переводчика создается идеальный образ замещаемого аббревиатурой предмета, обладающий набором его характерных признаков. Поскольку каждый объект воспринимается как комплекс взаимосвязанных признаков, хранящихся в памяти в виде иерархически структурированных сетей, то инференции одного из этих признаков на этапе контекстуального анализа или выдвижения гипотезы о значении данного инициала может быть вполне достаточно для активации всей семантической сети и расшифровки всей аббревиатуры или основных ее элементов.

Расшифровка аббревиатур характеризуется комплексным применением на различных ее этапах универсальных когнитивных операций. Поскольку данные когнитивные операции объективно присущи человеку как разумному существу, неотъемлемым инструментом когниции которого они являются, то из этого следует, что алгоритм расшифровки, образуемый последовательным применением этих когнитивных операций, тоже существует в силу объективных особенностей человеческой когниции, а не является произвольным, искусственным образованием.

Поскольку в основании алгоритма расшифровки аббревиатур лежат особенности человеческой когниции, то эффективность применения данного метода определяется

практическим опытом переводчика, с одной стороны, ведущим к его сознательному применению – с другой.

Список литературы

1. Шаповалова, А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. Научное издание [Текст] / А.П. Шаповалова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2003. – 350 с.

Н.Э. Яковенко
Краснодар, Россия

ГЛОБАЛЬНЫЙ ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Важным достижением взаимодействия когнитивной науки и прагмалингвистики является создание теории ментальных пространств, которая базируется на «принципах организации знания и процедурных стратегиях семантической интерпретации» [Динсмор 1996: 385]. Данная теория представлена в работах Дж. Динсмора и Дж. Лакоффа.

Согласно Динсмору и Лакоффу, которые опираются на работу Фоконы [там же: 385], все потенциальные знания о мире представлены посредством некоторых ментальных пространств, которые «представляют собой области, используемые для объединения информации той или иной разновидности» [там же]. Ментальные пространства имеют способность порождаться и аккумулировать информацию, что происходит в процессе коммуникации. Данные ментальные пространства структурированы посредством когнитивных моделей [Лакофф 1996: 172], которые репрезентируют «среду концептуализации и мышления». Следовательно, базовые когнитивные модели, при помощи которых структурированы знания в ментальных пространствах, должны иметь высший уровень абстрактности, т.е. быть «идеальными когнитивными моделями» [Лакофф 1996: 173], поскольку они являются когнитивным каркасом ментального пространства.

К ментальным категориям могут относиться следующие понятия:

- 1) непосредственная реальность, окружающая нас;
- 2) вымышленные ситуации (на картинах, в фильмах, текстах);
- 3) прошлое или будущее ситуаций;
- 4)-гипотетические ситуации;
- 5) абстрактные категории (символы, знаки, концепты).

Ментальные пространства имеют следующие основные характеристики:

-они структурированы при помощи ментальных единиц различной семиотической ёмкости,

-их структура иерархична и организована посредством когнитивных моделей,
-пространства могут быть связаны с другими пространствами посредством специальных механизмов-коннекторов,

-пространства могут увеличивать свою когнитивную ёмкость за счёт присвоения новых знаний, которые появляются в процессе эволюции человеческого общества.

Основные положения о теории ментальных пространств заключаются в следующем:

1) когнитивные процессы и результат их формализации являются ментальными сущностями и принадлежат ментальным пространствам;

2) ментальные пространства имеют иерархическую структуру, представленную посредством моделей, сценариев, схем, концептов и т.д;

3) существуют разные виды ментальных пространств, между которыми имеют место отношения иерархии, взаимодополнения и сотрудничества. Иерархия пространств зависит от степени субъективности знаний, в них расположенных. Так, на нижнем уровне находится индивидуальные ментальные пространства, которыми обладают индивиды, далее располагается ментальное пространство конкретного социума как совокупный результат взаимодействия всех ментальных пространств представителей данного общества. На высшем уровне находится универсальное ментальное пространство как совокупный результат взаимодействия ментальных пространств социумов его, составляющих.

4) существуют стабильные и нестабильные ментальные пространства. К стабильным относятся: индивидуальные, социальные и универсальное ментальные пространства, поскольку они имеют длительный период существования. Нестабильные ментальные пространства создаются непосредственно в момент обмена информацией между участниками коммуникации, согласно конкретной ситуации и конкретным целям и существуют определённое количество времени, ограниченное рамками конкретной коммуникации. По истечении коммуникации такие пространства исчезают, оставив соответствующие изменения в стабильных пространствах [Агапова 2007: 4]. Они так же имеют иерархическую структуру: от более мелких, конкретных, когда коммуникация происходит между двумя, тремя и более людьми, к более крупным, общим, когда коммуникация имеет место между группами людей;

5) между всеми видами пространств происходит постоянное сообщение: универсальное ментальное пространство необходимо входит в когнитивные структуры индивидуальных и социальных ментальных пространств в качестве объективного базиса, который затем приобретает индивидуальные и социокультурные характеристики

[Кудряшов 2007: 102]. Нестабильные ментальные пространства создаются на основе стабильных, а те новые ментальные понятия (концепты), которые появляются спонтанно в нестабильных полях, переходят в область стабильных, обогащая их когнитивную структуру;

б) существует некое единое универсальное ментальное пространство, находящееся в постоянном процессе развития из-за эволюционных изменений, протекающих в индивидуальных и социальных ментальных пространствах, в котором расположен всеобщий когнитивный фонд (код), накопленный человечеством за всю историю его развития и, возможно, когнитивные проекты будущих трансформаций цивилизации. Последний тезис подтверждается тем фактом, что такие понятия, как «самолёт, подводная лодка, космический корабль» и др. были сначала предсказаны писателями-фантастами, но позже стали вполне реальными объектами действительности. Очевидно, что многие виртуальные сущности и явления, о которых мы только догадываемся, как позитивные, так и негативные, могут в скором времени стать вполне реальными. Как это можно объяснить? Думается, ответ кроется в процедуре порождения художественного текста, т.е. создания виртуального мира. Автор, создающий новую, нестандартную виртуальную реальность, должен обладать нестандартным, необычайно развитым, т.е. когнитивно ёмким индивидуальным ментальным пространством, в котором, вероятно, осуществляется нестандартный, интенсивный обмен информацией между разнообразными когнитивными структурами ментальных пространств, в результате которого конкретный человек получает активный доступ к знаниям, расположенным в универсальном ментальном пространстве в трёх плоскостях: прошлое, настоящее, будущее. Думается, что универсальное ментальное пространство требует самого тщательного изучения, а именно: исследования его субстанциального и процессуального аспектов. Вполне возможно, что понятие «машина времени» гораздо реальнее, чем нам кажется.

Какого же рода знания расположены в универсальном ментальном пространстве? Некоторое представление об этих знаниях можно получить, если исследовать теорию прототипов Е.С. Хун и Э.Рош. Эта теория появилась в середине 80-х годов прошлого века, но является достаточно глобальной и актуальной. В результате синтеза знаний из областей когнитивной антропологии и психологии, исследователи пришли к выводу, что базовый уровень знаний является ведущим в когнитивных процессах [Лакофф 1996: 163]. Базовый или нейтральный уровень является центральным и универсальным, поскольку он основан на обыденном опыте, не требующем владения специфическими знаниями. Абстрактный и специальный уровни знаний также представлены в

универсальном ментальном пространстве, но базовый уровень будет занимать доминирующую позицию и будет определять и направлять саму коммуникацию.

Согласно характеристикам, присущим базовому уровню, можно сделать вывод, что прототипные когнитивные единицы выполняют функцию базовых универсалий, поскольку их природа предметно-образна. Вербальное понятие «собака» можно легко заменить её рисунком или указать на реальную собаку, что гораздо труднее сделать, если необходимо материализовать понятия «мебель» или «Чау-чау». Данные базовые универсалии существуют независимо от языка, репрезентируя ментальные образы конкретных субстанций, которые могут функционировать как символы класса объектов. Таким образом, базовые универсалии – это универсальный предметный код [Жинкин 1982: 16], совокупность которых образует ментальный язык [Вежбицка 1983: 246]. Ясно, что посредством данного ментального языка можно осуществлять диалог культур без помощи языковых средств, так как в других культурах понятия, относящиеся к абстрактным и специальным знаниям, могут отсутствовать в языке, но в них останется сама система логических отношений: конкретное :: абстрактное, являющаяся своеобразным логическим ментальным стереотипом, универсальным по сути [Рахилина 2002: 375].

Список литературы

1. Агапова, С.А. О некоторых условиях успешности диалога [Текст] / С.А. Агапова // Язык. Дискурс. Текст: Материалы III международной научной конференции.- Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.-С.3-5.
2. Вежбицка, А. Из книги «Семантические примитивы» [Текст] / А. Вежбицка // Семиотика.-М.:Радуга, 1983.-С.225-252.
3. Динсмор, Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения [Текст] / Дж. Динсмор // Язык и интеллект. -М.: Прогресс, 1996.-С. 385-411.
4. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. -М.: Прогресс, 1996.-С. 143-184.
5. Кудряшов, И.А. Проблема языковой картины мира в когнитивно-дискурсивном направлении лингвистических исследований [Текст] / И.А. Кудряшов // Язык. Дискурс. Текст: Материалы III международной научной конференции.- Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.-С. 101-104.
6. Жинкин, Н.И Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. -М.: Наука, 1982.- 159с.
7. Рахилина, Е.В. Основные идеи когнитивной семантики [Текст] / Е.В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. - М.: Едиториал УРСС, 2002.-480с.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Аверьянова
Тюмень, Россия

МАНИПУЛЯЦИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ XIII ВЕКА

Целью нашего сообщения является сопоставительный анализ языковых средств, имеющих манипулятивное значение. Мы рассмотрим такие виды манипуляции, как искушение и запугивание. Материалом исследования послужили «Киево-Печерский патерик» на древнерусском языке и французский сборник житий Жака де Воражина «Золотая легенда» на латинском языке.

Е.И. Шейгал определяет назначение религиозного дискурса как объединение в вере [Шейгал 2000: 5]. По мнению М.Г. Извековой, специфика религиозного дискурса состоит в открытом утверждении ценностей, основанных на вере в Бога, тогда как в других видах дискурса они могут быть скрытыми или подразумеваемыми [Извекова 2006: 63-64]. Как утверждает Е.И. Шейгал, религиозному дискурсу, как и политическому дискурсу, присуще использование приемов манипулятивного воздействия [Шейгал 2000: 40].

Представляется, что в основе каждого вида манипуляции лежит архетип. Ю.А. Шрейдер обращает внимание на важное различие двух научных понятий “тип”. Первое определяется как наиболее характерное единичное явление, с наибольшей полнотой выражающее сущность; второе – как прообраз, основная форма, допускающая отклонения (архетип) [Шрейдер 1981: 1]. Часть описания архетипа, допускающая нормативную интерпретацию без обращения к другим частям того же описания, называется описанием мерона или *мероном* описания [Майен, Шрейдер 1976]. Предполагается, что архетип состоит из меронов, описания которых необходимо входят в описание архетипа [там же].

Очевидно, что в случае искушения речь идет о предложении двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипулируемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Искушение имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Представляется, что языковая архетипическая структура искушения может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): “Если ты (вы, он(-и)) сделаешь

(сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты(вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо”. В “Русской грамматике” такие условные предложения относятся к “предложениям со значением обусловленности”: в них соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой [Русская грамматика 1980: 562].

Рассмотрим языковые реализации, близкие к архетипу в «Киево-Печерском патерике». Условное придаточное (протасис) содержит глагол в будущем времени. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в будущем или в настоящем времени (13 искушений, или 19, 4%):

1. “Аще не кнешь зелья, скоро исцелиш...”	1. “Если не будешь пить лекарства, – быстро поправишься...” (Киево-Печерский патерик: 502-503).

Искушение преобладает в православном религиозном дискурсе (67% от общего числа манипуляций в Киево-Печерском патерике). В наибольшей степени к искушению прибегает трансцендентный Отправитель и его делегированные представители (Бог, ангелы, святые) (48,5 %), затем христиане (30,9 %), враги христианства (8,8 %), нейтральные персонажи (7,4 %), трансцендентный анти-Отправитель (бес) (4,4 %).

В латинском языке искушение имеет прототипическую языковую структуру в виде условного предложения: “Si facies id, faciam te aliquid”. Вариации могут быть различными, наименьшее отклонение – у императива с последующим предложением в будущем времени: «Face id, faciam te aliquid»

Рассмотрим языковые реализации, близкие к архетипу в «Золотой легенде». Условное придаточное (протасис) содержит глагол в Praesens indicativi. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в Futurum indicativi (22 %):

Так, святая Люси сказала больной матери: « Si credis his, quae leguntur, crede Agatham illum semper habere presentem, pro cuius nomine sustinuit passionem. Si ergo eius sepulcrum credens contigeris, perfecta continuo sanitate gaudebis »(Legenda aurea. De ancta Lucia).	«Если ты веришь в то, о чем только что читали, ты должна также верить в то, что Агата находится сейчас пред Тем, ради имени которого она претерпела мучение. И если ты веришь в это, ты обретишь здоровье, прикоснувшись к могиле святой!»

Искушение также преобладает в католическом религиозном дискурсе (47 % от общего числа манипуляций в Золотой легенде). В наибольшей степени к искушению прибегает трансцендентный Отправитель и его делегированные представители (Бог, ангелы, святые) (67,2 %), затем враги христианства и нейтральные персонажи (23 %), христиане (6,6 %), трансцендентный анти-Отправитель (бес) (3,3 %).

Очевидно, что в случае запугивания речь идет о предложении двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипулируемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Запугивание имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Представляется, что языковая архетипическая структура может быть выражена в виде условного предложения (casus realis): «Если ты (вы, он(-и)) (не) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) во вред тебе (вам, ему, им) что-либо или ты(вы, он(-и)) (не) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо». Прежде всего, рассмотрим языковые реализации, близкие к архетипу в древнерусском языке. Условное придаточное (protasis) содержит глагол в будущем времени. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в будущем или в настоящем времени (13 запугиваний, или 32,5%):

1. "Человѣкъ, что все шетесѣ, не покоряющесѣ воли сына моего и моеи, и аще мене и рещишасѣ и обѣжати вѣщоуеи, все въ вѣдѣши и съ кадицею поставлю в ѣреби моеи.
2. "...и аще мене и рещишасѣ, и реже суда суд и рѣшиши".

1. "Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле Сына Моего и Моей; если не послушаетесь Меня и захотите бежать, – Я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви Моей" (426-427).
2. "...И если ты меня не слушаешь, то прежде Божьего суда осужден будешь" (500-501).

В Киево-Печерском патерике запугивание в основном использует трансцендентный Отправитель и его делегированные представители (46 %), христиане (23 %), враги христианства (15,4 %). В целом из всех видов манипуляции запугивание используется в православном дискурсе в 33 % случаях, на втором месте после искушения.

В Золотой легенде запугивание (29,4 % от общего числа манипуляций) имеет прототипическую языковую структуру в виде условного предложения: "Si (ne) facies id, faciam contra te aliquid" («Если ты (не) сделаешь это (этого), то я сделаю во вред тебе что-либо») (26 % запугиваний). Условное придаточное (protasis) содержит в casus realis глагол в Praesens indicativi, в casus potentialis – глагол в Praesens или в Perfectum conjunctivi. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется в casus realis глагол в Futurum indicativi, а в casus potentialis – глагол в Praesens conjunctivi.

«Nisi mihi obtemperaveris, in ipsam, quam, crucem faciam te suspendi ».	Егей вновь стал принуждать Андре сделать жертвоприношения идолам, говоря ему: «Если ты откажешься повиноваться мне, я велю привязать тебя к тому кресту, который ты так хвалишь».

Мы рассмотрели основные языковые реализации двух наиболее распространенных видов манипуляции в, искушения и запугивания, оставив в стороне второстепенные для религиозного дискурса XIII века провокацию и обольщение. Как в древнерусском православном, так и в католическом средневековом дискурсах наибольшее распространение имеет искушение, запугивание занимает второе место. Обоим видам манипуляции присущи прототипические структуры, в равной степени присутствующие в древнерусском и латинском языках.

Список литературы

1. Извекова, М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. Г. Извекова. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. университет, 2006. – 204с.
2. Киево-Печерский патерик [Текст] / Подг. текста, пер. и комментарии Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XII век. - М.: Художественная литература, 1980. - С. 413-626.
3. Майен, С. В., Шрейдер, Ю. А. Методологические аспекты теории классификации [Текст] / С. В. Майен, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. –1976. - № 12. – С. 69-79.
4. Русская грамматика [Текст] / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. II. Синтаксис. - М.: Наука, 1980. - 709с.
5. Шейгал, Е. Ф. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Е. Ф. Шейгал. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2000. – 431с.
6. Шрейдер, Ю. А. Типология как основа классификации [Текст] / Ю. А. Шрейдер // Научно-техническая информация. Сер. 2. - № 11. - 1981. - С. 1-5.
7. Iacopo de Voragine. Legenda aurea [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/vorag.html>, свободный.

Е.Н. Азначеева
Челябинск, Россия

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (на материале учебных пособий по астрологии)

Понятие поведенческого текста было введено и разрабатывалось в трудах Ю.М.Лотмана и его последователей. Ю.М.Лотман анализировал поведенческий текст в рамках триады поведенческих актов: жест – поступок – поведенческий текст. К поведенческим текстам он относил образцы официального поведения (парад, ритуалы), тексты частной жизни, варианты поведения представителей отдельных слоев общества – русского дворянства 18 века, декабристов. Так, Ю.М.Лотман отмечал, например, что тексты поведения декабристов очень часто строились по литературным и театральным образцам, что является отражением сильной семиотизации жизни той эпохи [Лотман 1975].

Представляется целесообразным отличать поведенческий текст от текста жизни. Если текст жизни включает все моменты обыденной жизни, в том числе и механистические, не подвергшиеся рефлексии, то поведенческий текст – это результат осмысления текста жизни. В качестве примера поведенческого текста можно привести автобиографические тексты типа дневников или воспоминаний, в которых описываются лишь значимые моменты. Осмысление предполагает наличие описания сторонним наблюдателем или самоописания, т.е. метатекстов различных уровней. Метатекст, по аналогии с метаязыком, представляет собой "текст второго порядка", по отношению к которому собственно текст выступает как объект описания [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 297]. Метатекст имеет в большинстве случаев вербальный характер, но на его основе могут появляться другие метатексты, использующие знаковые системы искусства (балет, опера и т.п.).

Мы рассматриваем описания поведенческих текстов на основе астрологических текстов, в которых представлено системное изложение основных сведений по астрологии для специалистов и любителей; их можно отнести к эзотерическому направлению астрологии [Глоба 1991, Подводный 1992, 1993]. Тексты предсказательной астрологии мы не анализируем по двум причинам: во-первых, предсказательная астрология, по мнению некоторых астрологов, еще недостаточно развита [Подводный 1992:6], во-вторых, они имеют свою специфику, анализ которой выходит за рамки настоящей статьи. Лингвистический анализ таких текстов содержится в работе Е.В.Бабаевой [Бабаева 2003].

Работы по астрологии содержат, наряду с теоретической частью, интерпретацию астрологических карт. Это развернутая системная персонологическая классификация личности, которая отличается от подобных классификаций в психологии по двум параметрам:

1. астрологические тексты относятся к эзотерическому дискурсу, в котором человек рассматривается как часть космоса по принципу аналогии (что вверху, то и внизу), так что личность человека представлена в его взаимосвязи не только с социумом, но в максимально широком контексте;
2. в отличие от психологических работ, в которых преобладает в основном статическое описание разных типов личности, это система динамическая.

Первый уровень метаописания поведенческого текста жизни человека представлен натальной, или радикальной, картой (картой рождения) - это чертеж, на котором изображены зодиакальные знаки, дома и планеты с аспектами в том состоянии, в каком они находились в момент рождения. Согласно А. Подводному, карта это пьеса

человеческой жизни, где астрологические дома - декорации (сферы жизни), планеты - действующие лица, аспекты - отношения между ними, знаки - роли, а по транзитам планет разыгрываются события пьесы [Подводный 1992:6].

Вторым уровнем описания является интерпретация этой карты. В работах по астрологии представлены как первые два уровня метаописания, так и третий – уровень обобщения анализа множества натальных карт рождения. Читатель при чтении этих работ сопоставляет поведенческий текст своей жизни с образцами текстов поведения в данных работах и вносит коррекции в свою картину мира и представления о собственной личности. Таким образом, это тексты, пробуждающие рефлексию читателя над собственной жизнью и способствующие трансформации его собственного поведенческого текста. При работе с рефлексивными текстами читатель занимает трансцендентную позицию по отношению к собственной жизни, что способствует развитию самосознания и осознания смысла жизни.

В рамках концепции семиотики поведения рефлексия представляется как аналитическая модель семиотического поведения. Семиотика поведения в версии московско-тартуской школы различает две модели семиотического поведения: порождающую и аналитическую. Порождающая модель – это порождение знакового текста поведения, при котором проявляется тенденция к выделению в своем поведении действий, становящихся знаками для других действий поведения, связанных с данной ситуацией. Аналитическое поведение – это семиотизация восприятия элементов окружающего мира, их осмысление как знаковых [Материалы 1999]. В процессе чтения у реципиента формируется тенденция к более сложному и тонкому восприятию реальности посредством выделения элементов внешней и внутренней жизни человека и перевода незнаковых моментов в знаковые. Вследствие этого преодолеваются штампы социального сознания и подсознания, изменяются привычные методы мышления.

Поведенческая модель в астрологических текстах – это сложная многоуровневая и многовариантная система: одно лишь описание планет в натальной карте человека зависит от знака зодиака и астрологического дома, градуса, принадлежности к одной из четырех стихий (земли, воды, воздуха или огня), от количества и качества аспектов с другими планетами, конфигураций и множества других факторов. Так, различают планету в своем доме, в экзальтации, изгнании и падении и в соответствии с этим сильную, слабую, гармоничную или пораженную планету. Многовариантность возрастает также в результате наличия трех планов описания жизни человека – событийного, психологического и эзотерического.

Принцип тождества или аналогии реализуется в параллелизме характеристик персонифицированных планет (и других показателей) и личностных особенностей человека, а также обстоятельств и событий его жизни. Это выражается посредством ряда оппозиций: *злой / добрый* (Марс), *сильный / слабый* (Юпитер), *гармоничный / дисгармоничный* (аспект), *благодетельное / ущербное* влияние; *трудно / легко*, *хорошие / плохие* (условия), *избыток / недостаток* (энергии) и т.д.

Поскольку количество вариантов карты практически не ограничено, то также неисчислимы варианты возможных поведенческих текстов. Поэтому в астрологических текстах в качестве иллюстраций представлены лишь отдельные фрагменты образцов поведенческих текстов. Описание образцов поведения содержит индексы повторяемости и/или потенциальной модальности: *обычно, всегда, предпочитает, способен, умеет, может* и т.п.

Уже само понятие поведения предполагает оценку, вследствие этого аксиологическая модальность относится к доминирующим модусам поведенческих текстов. На повседневном уровне оценка карты человека константна и абсолютна: *В гороскопе человека может быть и злое Солнце, что создает тот же психологический тип, но на самом низком и злобном уровне. Его характеризуют — тщеславие, самовосхваление, позерство, самодовольство, неоправданная аффектация и т. д.* [Глоба 1991:11]. На эзотерическом уровне оценка относительна, на первый план выходит оценка уровня развития личности, характеризующегося динамикой. Наличие второго ценностного уровня является одним из отличительных признаков эзотерической астрологии по сравнению с экзотерической. Вторая ценностная система основывается на представлении о том, что натальная карта – это лишь потенциальная возможность, а её конкретная реализация зависит от эволюционного уровня развития человека. В соответствии с этим А. Подводный различает четыре уровня проработки натальной карты, П. Глоба пишет о низком, среднем и высоком пути развития: *Даже при злых планетах есть люди высокого, не очень высокого, среднего, низкого развития и совсем черные люди* [Глоба 1991:50]

Различение нескольких уровней развития предопределяет своеобразие деонтической модальности, проявляющееся в наличии нескольких систем норм. Абсолютной ценностью является лишь работа над собой, чтобы избежать падения и попытаться выйти на более высокий уровень развития. Основным в данной картине мира является концепт *Повышение сознания*, включающий слоты *самопознание* и *самоизменение* и реализующийся посредством лексем *самосознание, осознание, познание своей собственной программы, работа над собой, программа развития*

человека, знать программу, видоизменять свою программу, эволюционный рост, изменять себя, проработка, отработка кармы, получать уроки, учиться, продвигаться по пути эволюции, сознательное развитие, новый уровень развития, эволюционировать, совершенствование и т.д.

Поведенческие тексты данного типа, несомненно, выполняют регулятивную функцию. Можно предположить, что большинство персуазивных текстов, (как, например, рекламный текст, проповедь, устав организации и др.) в той или иной степени являются поведенческими, так как они призваны формировать определенный тип поведения у своих реципиентов и, следовательно, содержат его образцы. Типология поведенческих текстов может основываться на таких признаках, как цель воздействия, способ воздействия (эксплицитный / имплицитный), тип адресата (массовый / индивидуальный / элитарный), степень сакральности (утилитарный / эзотерический), коммуникативные стратегии и приемы (пробуждающие рефлексию / фасцинацию) и др. Последний параметр имеет особое значение для типологии эзотерических текстов, различающихся по степени осознанности и творческой активности познающего субъекта. Он же является критерием для выявления поведенческих текстов, использующихся в авторитарных сектах с преобладанием фасцинирующего и манипулятивного воздействия.

Список литературы

1. Бабаева, Е. В. Тексты гороскопов как отражение социальных ценностей и норм [Текст] / Е. В. Бабаева // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. Сб-к научных трудов / под ред. Ю.А.Сорокина, М.Р.Желтухиной, ИЯ РАН. – М: «Азбуковник», 200. – С. 212-220.
2. Глоба, П. П. Анализ и синтез космограммы [Текст] / П. П. Глоба. - Л.: МГП «Тритас», 1991. – 141с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / ЛЭС. - под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 686с.
4. Лотман, Ю. М. Декабрист в повседневной жизни [Текст] / Ю. М.Лотман. – Литературное наследие декабристов: Сб. под ред. В. Г.Базанова и В. Э. Вацура. Л.: Наука, 1975. – С. 25-74.
5. Материалы к словарю терминов тартуско-московской семиотической школы [Текст] / Тарту: Тартуский университет, 1999. - 408с.
6. Подводный, А. Введение в астрологию [Текст]: Лекции / А. Подводный. – Воронеж: НПО «Модэк», 1992. – 175с.
7. Подводный, А. Каббалистическая астрология. Ч. 3. Планеты. [Текст] / А. Подводный. – Воронеж: НПО, «МОДЭК», 1993. – 144с.

ТАКТИКА НЕКОРРЕКТНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ США

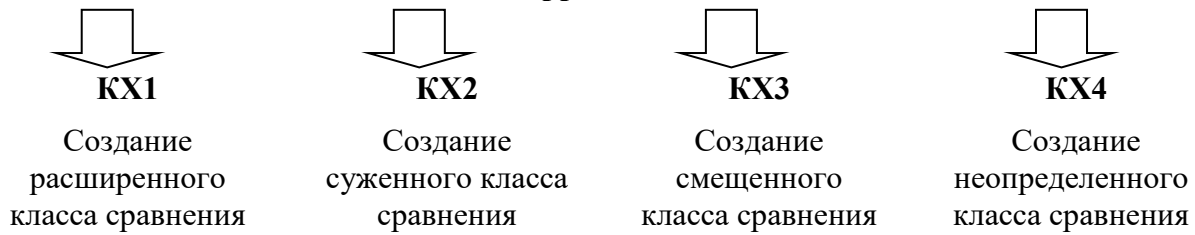
Очень часто в рекламных текстах, сопоставляющих аналогичную на первый взгляд продукцию, создается лишь иллюзия настоящего сравнения, а это значит, что сравнение является некорректным в строгом логическом смысле.

Некорректные – с логической точки зрения – сравнения представляют собой различного рода манипуляции с классом сравнения. Отсутствие реальных отличительных характеристик товара, выгодно выделяющих его среди товаров-конкурентов, заставляет рекламистов искать особые риторические приемы. Эти приемы позволяют актуализировать в сознании адресата такой класс сравнения и такие параметры сравнения, на фоне которых рекламируемая марка выглядит наиболее выигрышно. Так создается искусственный класс сравнения. Конкурирующие марки, составляющие естественный класс сравнения, при этом просто игнорируются.

Выделение тактики некорректного сопоставления обосновано наличием у нее специфических черт, отличающих ее от других тактик, реализующих стратегию сопоставления – например, тактик имплицитного сопоставления и эксплицитной автоидеализации [Аникин 2006: 156]. Ее отличие от тактики имплицитного сопоставления состоит в том, что, как и в случае применения тактики эксплицитной автоидеализации, сопоставление выражено явно, при помощи грамматических и/или лексических средств. Отличие же от тактики эксплицитной автоидеализации проявляется в том, что рекламируемый объект не выделяется как превосходящий всех конкурентов по какому-либо параметру. Однако реципиент может сделать как раз обратный вывод, ибо наличие ограничителей класса сравнения отнюдь не всегда становится очевидным при быстром прочтении (прослушивании) рекламного текста.

Опираясь на трактовку феномена некорректного сопоставления, предложенную Е.Г. Борисовой и Ю.К. Пироговой [Борисова, Пирогова 1999: 147], мы выделяем следующие коммуникативные ходы в зависимости от способа формирования искусственных классов: создание расширенного класса сравнения, создание суженного класса сравнения, создание смещенного класса сравнения и создание неопределенного класса сравнения. Схематически реализация данной тактики в рекламном дискурсе США может быть представлена следующим образом:

РТ1. Тактика некорректного сопоставления

Проанализируем реализацию тактики некорректного сопоставления посредством анализа коммуникативных ходов, ведущих к ее реализации в рекламном дискурсе США.

Коммуникативный ход 1. Создание расширенного класса сравнения

В расширенный класс включаются товары, уступающие по ряду параметров не только рекламируемой марке, но и ее непосредственным конкурентам. Рекламируемый товар в таких случаях сравнивается не со своими аналогами, а с товарами предшествующего поколения. Как правило, такие сравнения происходят в двух случаях. Во-первых, когда на рынок выходит принципиально новый революционный товар. Во втором случае сравнение с товаром, вышедшим (или выходящим) из употребления, происходит вследствие того, что новая марка ничем существенным не отличается от своих аналогов, но на фоне допотопного и громоздкого предшественника выглядит вполне современно и оригинально. Эффективности этого хода способствует тот факт, что в рекламе конкурирующих марок-аналогов часто используется тот же прием создания расширенного класса сравнения.

Расширенный класс сравнения создается, к примеру, в рекламе подгузников *"Pampers Diapers"*:

"Give your baby something you never had as a baby. A drier bottom." – *Pampers Diapers*.

В данном рекламном сообщении подгузники *Pampers* сравниваются не с аналогами конкурирующих производителей, а с заменяющими их средствами, использовавшими несколько десятилетий назад.

Действенным способом формирования расширенного класса сравнения является сравнение с неким обобщенным товаром данной продуктовой категории. Из российской рекламы многим знакомы выражения “обычная батарейка”, “обычная зубная щетка” или “обычное моющее средство”, которые дополняются показом усредненной упаковки (чаще всего белого цвета), лишенной отличительных признаков (к числу последних, разумеется, не относятся надписи “Стиральный порошок” или “Обычный стиральный порошок”). Отметим,

что за словом “обычный”, как правило, скрывается расширенный класс сравнения, то есть сравнение не с аналогами, а с товарами предшествующего поколения.

Как и в российской рекламе, в американском рекламном дискурсе можно встретить примеры сопоставления рекламируемой продукции с “обычными” товарами, под которыми понимаются товары, разработанные в соответствии со старыми представлениями о качестве, более дешевые и т.п.:

“Get a smile you can be triumphant about. Get cleaner teeth and healthier gums than with ordinary brushing. A triumph over ordinary brushing” – Oral B Triumph.

В данном сообщении зубная щетка *Triumph* от *Oral B* сравнивается с “обычной” щеткой, т.е. более дешевой. Другие дорогие щетки (например, *Reach*) исключаются из сферы сопоставления.

Интересной формой реализации данного коммуникативного хода является попытка вывести товар за рамки товарной категории путем создания специальной категории, имеющей связь с исходной. Данная разновидность коммуникативного хода 1 отличает его от коммуникативного хода 3 (“Создание смещенного класса сравнения”), так как, в случае применения последнего, рекламируемый объект в целях речевого воздействия искусственно переводится из своей в уже существующую категорию, которой он не принадлежит. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример:

“It’s more than a lipstick, it’s Lipfinity”.

В рекламе помады от *Lipfinity* не утверждается, что рекламируемый объект относится к категории других косметических средств, допустим, теней. При этом и из категории помад помада *Lipfinity* выведена с целью создания уникального образа товара.

Таким же приемом воспользовалась компания *Volkswagen*, искусственно противопоставив свою продукцию категории, к которой она на самом деле относится:

“It’s not a car. It’s a Volkswagen”.

Похожий прием можно встретить в следующих рекламных сообщениях:

“John Freda – not just shampoo. It’s a constant care for your hair”.

“It’s not just oil. It’s liquid engineering” – Castrol oil.

Коммуникативный ход 2. Создание суженного класса сравнения

Суженный класс сравнения образуют различные товары одной и той же марки. Товарная категория в восприятии потребителей временно как бы замыкается на одной марке. Рассмотрим в качестве примера рекламное сообщение компании *DHL*, занимающейся перевозками:

“Introducing a new choice in domestic shipping. DHL is bigger and better in the U.S. than ever before”

При внимательном прочтении в данном сообщении несложно обнаружить скрытое указание на то, что компания стала лучше лишь в сравнении с прошлым ее состоянием, а не с какими-либо конкурирующими фирмами. На это в частности указывают прилагательное *new* в сочетании с конструкцией *than ever before*.

В рекламе средства для умывания

“Cleanse the blemishes away faster. New St. Ives Cream Cleanser for Every day”

можно заметить, что средство обладает лучшими качествами только по сравнению со своей старой версией. Но копирайтеры пользуются тем, что реципиент склонен делать поспешные выводы, не вдаваясь в подробности (в чем и заключается высокий перлокутивный эффект большинства ходов тактики некорректного сопоставления). Это происходит благодаря такой характеристике рекламного дискурса, как ее нахождение на периферии внимания. Данная особенность выделена и подробно описана Гаеом Куком в работе “Рекламный Дискурс”. По его мнению, задача рекламных сообщений “заключается в том, чтобы привлечь и задержать внимание, зафиксировать название марки с положительными коннотациями и уйти. Многим сообщениям вообще не удастся привлечь внимание. Тем, которым удастся, удастся это сделать лишь мимолётно” [Cook 2001: 17].

Относительно часто данный прием проявляется в рекламе автомобилей:

Ford. Redesigned for leisure cruising. Redesigned for upscale living. Redesigned for fine dining. The new 2007 Expedition. More capable, more versatile. With even more space for living.

В данном сообщении новый *Ford 2007 Expedition* предстает более выносливым, разносторонним и просторным в сравнении со старым.

В следующем сообщении, автомобиль от *Mazda* предстает самым быстрым седаном, когда-либо построенным компанией. Автомобили других компаний, а также не-седаны исключаются из сферы сравнения:

Simply put, the MAZDASPEED6 is the fastest, best handling sedan we’ve ever built.

Коммуникативный ход 3. Создание смещенного класса сравнения

Смещенный класс представлен в тех случаях, когда марка сравнивается с товарами совершенно иной (нередко смежной) товарной категории. Как показали наши исследования, данный прием является одним из любимых приемов американских рекламистов (его использование отмечено нами в 22,40% примеров сообщений, созданных с использованием тактики некорректного сопоставления). Он не только

позволяет рекламодателю создать яркое и запоминающееся рекламное сообщение, но и открыто заявлять о максимальных характеристиках товара.

Приведем пример рекламы краски для волос *Colorvive*:

"Color that lasts like a cream, feels like a powder-soft dream. Colorvive"

Качественные характеристики краски усиливаются за счет ее сопоставления с кремом и метафорического сопоставления с "мечтой".

Смещение класса сопоставления можно наблюдать в рекламе фирмы *Greyhound Lines*, занимающейся пассажирскими (автобусными) перевозками:

"Go Greyhound and leave the driving to us".

Потребителю предлагается воспользоваться услугами компании *Greyhound* в противовес самостоятельному вождению автомобиля. Тем самым, компании-конкуренты исключаются из поля зрения, делая выбор потребителя очевидным.

Юмористический эффект достигается при смещении класса сравнения в рекламе компании *Matchbox Toy Cars*, производящей игрушечные машинки:

"We sell more cars than Ford, Chrysler, Chevrolet, and Buick combined" – Matchbox Toy Cars.

В данном рекламном сообщении компания-производитель игрушечных автомобилей сравнивает себя с производителями реальных автомобилей – такими известными на мировом рынке, как Форд и Крайслер. Очевидна некорректность данного сопоставления – компания должна была сравнивать себя с реальными конкурентами – другими производителями игрушек.

Если в предыдущем примере сопоставление проводилось на уровне смежных категорий, то в следующих сопоставляются, на первый взгляд, несопоставимые вещи:

- символы Америки и автомобиль – *"Baseball, hot dogs, apple pie, and Chevrolet"*;
- пасмурный день и день без сока – *"A day without orange juice is like a day without sunshine." Florida Citrus Commission*;
- кондитерский крем и крем для бритья – *"So creamy it's almost fattening." Burma Shave Shaving Cream.*

При таком сопоставлении качественные характеристики, по которым проводится сопоставление, привносятся в контекст, они нереальны и навязываются потребителю.

При этом стоит отметить, что подобные примеры – в качестве основного – используют риторический потенциал метафоры. Реципиент сообщения, безусловно, распознает этот прием, что доставляет ему, прежде всего, эстетическое удовольствие. Данное замечание позволяет нам утверждать, что эстетическая функция является весьма

значимой в подобных примерах. Очень часто оригинальность сообщения способствует созданию оригинального образа товара, а потенциальный потребитель, испытывающий удовольствие, более склонен к совершению покупки. По мнению А.Н. Баранова, “эстетическое удовольствие, полученное адресатом от чтения текста, и одобрительная оценка изобретательности рекламиста распространяются и на сам рекламируемый объект” [Рекламный текст 2000: 171]. При этом копирайтерам не стоит забывать, что основная функция рекламы – товарная; остальные функции – вспомогательны. Если злоупотребление эстетической функции препятствует продвижению маркетинга – значит, реклама неудачна.

Коммуникативный ход 4. Создание неопределенного класса сравнения

Под неопределенным классом сравнения имеются в виду случаи информационно “пустых” сравнений, сравнений ни с чем. Несмотря на неинформативность, такое сравнение может использоваться как сильный риторический прием, благодаря которому копирайтерам удастся сформулировать утверждение преимущества. Как показали наши исследования, сравнение “ни с чем” является еще наиболее распространенным ходом в американском рекламном дискурсе, чем ход создания смещенного класса сравнения (его использование отмечено нами в 45,60% сообщений, созданных с использованием тактики некорректного сопоставления).

“Пустые” сопоставления с опущенным вторым членом сравнения можно проиллюстрировать следующими примерами:

“Ford has a better idea” – FORD MOTOR COMPANY.

“Get more” – T-Mobile.

“If you ask us, it just tastes better” – Burger King.

Используя сравнительную степень прилагательного и опуская второй член сопоставления, копирайтер достигает эффект создания образа абсолютного превосходства рекламируемого объекта, в то время как в эксплицитной части сообщения суждение об абсолютном превосходстве отсутствует.

Так, лозунг *Bank of America* гласит: *“Higher Standards”*, но при этом не сообщает, по сравнению с чем стандарты рекламируемого банка выше. Это позволяет выгодно охарактеризовать банк и остаться в рамках честной конкуренции, так как отсутствует прямое указание на некомпетентность конкурентов.

Компания *AVIS*, занимающаяся арендой автомобилей, на первый взгляд, скромно заявляет *“We’re number two. We try harder”*. Фирма, не преувеличивающая своих достоинств, не может не вызвать доверия и расположения потребителей. Тем более что ее не устраивает положение “номер два” и она старается совершенствоваться. Но при

восприятии такого рекламного сообщения реципиент не учитывает того факта, что компания не указывает, по какому именно параметру она занимает второе место (что само по себе уже неплохой показатель): по количеству арендуемых автомобилей, по качеству обслуживания, по численности сотрудников или, может, по доле неисправности автомобилей на общее число рентабельных машин. Непонятными остаются ответы на следующие вопросы:

- Кто производил оценку?
- По каким параметрам?
- Кто является лидером (*"number one"*) в данной сфере?

Очень часто сопоставление с неопределенным классом (как коммуникативный ход в рамках рекламного дискурса) представляет собой абстрактный призыв – своеобразное проявление "фантомного языка", характерного также для политического дискурса (что позволяет говорить об определенной степени близости двух данных типов дискурса). Главная прагматическая задача приведенных ниже слоганов – эмоциональное мотивирование реципиента. В плане смысловой нагруженности они, чаще всего, не выдерживают критики:

"Explore more" – Kerr-McGee;

Pepsi – "Ask for more";

"Get more" – T-Mobile.

Все коммуникативные ходы, реализующие **тактику некорректного сопоставления** и создающие искусственный класс сравнения, актуализируют в сознании потенциального реципиента только рекламируемые объекты и временно как бы "стирают" из памяти марки, являющиеся их истинными конкурентами. Создание искусственного класса сравнения представляет собой маскировку под настоящее, корректное сравнение.

При этом, по нашему мнению, сложно отождествлять все отмеченные нами в рамках данной тактики примеры с приемами языкового манипулирования, которые подлежат этической и правовой оценке. В подавляющем большинстве случаев, применение проанализированных ходов может рассматриваться не как попытка дезинформирования, а скорее как риторический прием, активизирующий мыслительную деятельность реципиента и способствующий оптимизации рекламной коммуникации, но не обязательно как проявление ее манипулятивной сущности.

Список литературы

1. Аникин, Е. Е. Стратегия сопоставления в рекламе как нарушение принципа "кооперации" [Текст] / Е. Е. Аникин // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 17 / Урал. гос. пед. ун-т. / Отв. ред. А. П. Чудинов – Екатеринбург, 2006. – С. 155-162.

2. Борисова, Е. Г., Пирогова, Ю. К. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде [Текст] / Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 145-151.

3. Рекламный текст: Семиотика и лингвистика [Текст] / Под ред. Ю. К. Пироговой, П. Б. Паршина, А. Н. Баранова, А. П. Репьева. – М.: «Издательский дом Гребенникова», 2000. – 270с.

4. Cook, Guy. The discourse of advertising [Text] / Guy Cook. 2nd ed. – London; New York: “Routledge”, 2001. – 256p.

Д.Ю. Анисимова
Москва, Россия

ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СЛОВАЦКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Для системы личных местоимений (далее ЛМ) в словацком языке (равно как и в чешском, венгерском и некоторых других центральноевропейских языках) характерна речевая элиминация ЛМ в форме именительного падежа. Подобное явление в словакистике мотивируется семантической избыточностью личных местоимений [Morfológia 1966: 289], [Ondrus 1964: 80], поскольку соответствующие значения выражаются также личными формами глагола. ЛМ появляются в речи только в случае относительной логической выделенности обозначаемого ими объекта.

В докладе мы хотели бы скорректировать объем понятия «логическая выделенность» в применении к словацким ЛМ, а также рассмотреть основные предпосылки употребления ЛМ в словацком языке на материале текстов, размещенных в словацком Интернете. При этом, мы, вслед за рядом исследователей (ср., например, [Крылов, Падучева 1992: 165], [Крылов 1989: 7], [Падучева 1986: 133]) рассматриваем ЛМ в ряду дейктических местоимений – то есть местоимений, в значение которых входит отсылка к участникам речевого акта. ЛМ, таким образом, связывают сообщаемое с теми, кто его производит и с теми, кому это сообщаемое адресовано.

Если попытаться сформулировать общее условие не-элиминации словацких ЛМ, то таким условием будет наличие у говорящего представления представление о множестве дискретно мыслимых объектов, одним из членов которого является сам говорящий/слушающий. При этом говорящий/слушающий дополнительно отличаются от остальных членов множества по некоторой «выделяющей» характеристике. Таким образом, словацкие ЛМ появляются в тексте только при условии ситуативной уникальности говорящего/слушающего. Данное условие может реализоваться по-разному в зависимости от конкретной ситуации. Разными могут быть как множества, к

которым потенциально принадлежат участники речевого акта, так и критерии их выделения из этого множества.

Далее рассмотрим конкретные ситуации в приложении к основным жанрам словацкого Интернет-дискурса.

А) употребление ЛМ в заголовках.

Достаточно часто ЛМ употребляются в составе заголовков, а также в составе подписей к фотографиям. При употреблении ЛМ в составе заголовков функция ЛМ состоит во включении некоторого наименования в сферу интересов говорящего (и в потенциальную сферу интересов слушающего) и в маркировке их взаимосвязи. Это может быть некоторый класс объектов: *Droga a Ty* «Наркотики и ты», *Báseň a ty* «Gjárby и ты», *Romantický pobyt Ty a Ja* «Романтическое путешествие - Ты и Я», *Deti, my a čas* «Дети, мы и время», *Vy, more a jachta!* «Вы, море и яхта!». Также это может быть действие, которое совершает в том числе и говорящий и в дальнейшем именно совершение данного действия говорящим становится темой дискурса: *Boh nemal rád Švédov, ja áno* «Бог не любил шведов, а я люблю», *Ja milujem, ty miluješ* «Я люблю, ты любишь», *Boh je možno ešte väčší psychopat ako ja* «Возможно, Бог еще больший психопат, чем я»

В подписях к фотографиям речь, как правило, идет о небольших по объему множествах, причем в данном случае говорящий противопоставлен остальным членам множества уже самим фактом своего существования. Подписи к фотографиям могут быть двоякого характера – включающие и идентифицирующие. Включающие подписи маркируют говорящего как одного из членов множества, причем потенциальная идентификация остальных членов множества не менее важна, чем идентификация самого говорящего: *Moja rodina - manželka, ja a náš Ridgeback* «Моя семья – жена, я и наш Риджбэк». Собственно идентифицирующие подписи направлены непосредственно на идентификацию самого говорящего (который не обязательно знаком всем, кто будет смотреть его фотографии в Интернете): *To som ja* «Это я».

В) употребление ЛМ в текстах рекламного характера.

В текстах рекламного характера слушающего побуждают присоединиться к множеству объектов (подразумевается, что в него входит и сам говорящий). В данном случае происходит противопоставление говорящий (наличие выгодной характеристики)/слушающий (отсутствие выгодной характеристики). Характерно – и это уже связано со спецификой Интернет-коммуникации – что слушающий не является четко фиксированным лицом, в роли слушающего может выступать каждый, кто в данный момент читает рекламный текст. Как правило, в рекламных текстах

употребляются местоимения 2 лица: *Zapoj sa aj ty do celosvetového projektu, práve sa to rozbieha a niet načo čakať. Zaregistruj sa bez poplatkov a zarábaj, stačí mi napísať mail a ja pošlem všetky informácie.* «Стань и ты участником всемирного проекта, дело как раз набирает обороты, и нет смысла ждать. Зарегистрируйся бесплатно и зарабатывай, достаточно написать мне мейл, и я пришлю всю информацию»; *Aj Ty môžeš byť PEKNA* «Ты тоже можешь стать красивой»; *Chceš ísť aj ty študovať do Belgicka? Klikni sem.* «Ты тоже хочешь поехать учиться в Бельгию? Кликни сюда».

Более редкими являются случаи, когда говорящий иллюстрирует предлагаемую возможность на собственном примере: *Pod'me spolu fotiť, pozri ja už fotím...* «Давай фотографировать вместе, смотри, я уже фотографирую».

С) употребление ЛМ в Интернет-форумах, как и употребление ЛМ в заголовках, делится на три разновидности – употребление ЛМ при высказывании мнения, связанное с ним экземплификтивное употребление ЛМ, и экспрессивное употребление ЛМ.

При высказывании мнения, множество, в которое входит говорящий, не называется эксплицитно, однако сам жанр Интернет-форума предполагает, что это множество участников дискуссии, причем каждый член этого множества мыслится дискретно и отличается от других хотя бы потому, что он имеет свое мнение и собирается его высказать. Поэтому в данном случае ЛМ маркирует окончание «мнения слушающего/слушающих» и начало «мнения говорящего». Например: *Je zaujímavé koľko ľudí, toľko názorov, ja som si len zbežne prešiel túto diskusiu a musím sem reagovať* «Интересно – сколько людей, столько мнений, я бегло просмотрел эту дискуссию и не могу не среагировать»; *Ja si myslím, že celý ten projekt bude v miernom zisku* «Я думаю, что весь этот проект будет достаточно прибыльным»; *Neviem prečo si tak alergický na výraz "protestant" ? Ja som na toto meno hrdý* «Не знаю, почему у тебя такая аллергия на выражение “протестант”? Я горжусь, что я протестант»; *Ja sa za takého premiéra hanbím* «Мне за такого премьера (Роберта Фицо – Д. А.) стыдно» и т. п.

Экземплификтивное употребление ЛМ сходно с только что описанным, однако в данном случае говорящий не высказывает мнения, а рассказывает об обстоятельствах своей жизни, которые должны проиллюстрировать тему форума в ряду других (отдельно рассказанных в том же форуме) историй: *V Považkej Bystrici je to tak.... Ja bývam na rozkveť, ale desať mi to nieje, lebo cez mesto chodím často či peši, či na bicykli, auto nejde a je to hrozné* «В Поважской Быстрице ситуация такая... Я живу в центре, но десять минут у меня не набегает, потому что через город я часто хожу либо пешком, либо на велосипеде, машина не проезжает и это ужасно»; *Ja som zo Skalice - 15tis. obyvateľov, ale asi máme lepšieho primátora ktorý sa silamocou snažil o vytlačenie dopravy z mesta* «Я из

Скалицы – 15 тысяч жителей, но наш мэ́р умнее, он настоял на выводе транспорта из города»; *Ja sa teda v najblizšej dobe budem z PB stahovat a lutujem tych, ktory tu musia zostat, lebo nemaju inu moznost.* «В общем, я в ближайшее время собираюсь уехать из Поважской Быстрицы и мне жаль тех, кто вынужден остаться, потому что не имеет другой возможности».

Наконец, употребление ЛМ в составе экспрессивных выражений имеет место, когда происходит уже более эмоциональный обмен мнениями. В данном случае ЛМ маркирует «адресованность» экспрессивного выражения. Экспрессивная характеристика может быть обращена как на слушающего, так и на самого говорящего. *A teraz moj ex mi napisal, že už so mnou skončil a v živote mi nič nepovie ... ja krava ... mala by som umrieť a 2 ľudia by mali menej problémov* «А сейчас мой бывший мне написал, что между нами все кончено и он мне в жизни больше ничего не скажет... я дура... лучше мне умереть, тогда минимум у двух людей будет меньше проблем»; *Ty kokot!! Chod' do piče!!* «Ты козел!! Иди на фиг!!» *Čo sa staráš, ty sopl'aňa!* «Что ты стараешься, ты, сопля!»

В заголовках и в рекламе ЛМ элиминировать нельзя в принципе – это нарушит связность дискурса, в текстах форумов ЛМ в принципе могут быть элиминированы, однако их употребление мотивировано необходимостью маркировать «смену ролей» в диалоге, каждый участник которого нацелен на утверждение своего собственного понимания происходящего.

Таким образом, среди текстов, размещенных на страницах словацкого Интернета, выделяются жанры, где употребление ЛМ является обязательным и где ЛМ осуществляют необходимую связь между говорящим и теми объектами, о которых он высказывается и маркируют, что сообщаемое имеет к говорящему непосредственное отношение и входит в сферу его интересов. ЛМ употребляются либо при создании темы, как в заголовках, либо при иллюстрации темы с параллельной сменой частных подтем, как в рекламных объявлениях и форумах. В любом случае, словацкие ЛМ являются именно «маркерами темы» дискурса.

Список литературы

1. Крылов, С. А., Падучева Е. В. Общие вопросы дейксиса [Текст] / С. А. Крылов, Е. В. Падучева // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. – М., Наука, 1992. – С. 154-194.
2. Крылов, С. А. О семантике местоименных слов и выражений [Текст] / С. А. Крылов // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, ВГПИ, 1989 – 150с.
3. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: УРСС, 2004 (1986). – 288с.
4. Morfológia slovenského jazyka [Text] / Bratislava: Veda, 1966. – 900s.
5. Ondrus, P. Morfológia spisovnej slovenčiny [Text] / P. Ondrus. – Bratislava: Veda, 1964. – 350s.

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО КОМПЬЮТЕРА

Человеческий опыт представляет собой историю взаимодействия человека с окружающей средой, и в этом смысле компьютер, виртуальная среда, Интернет существенным образом определяют особенности опыта, отраженного в языке.

Массовый доступ к электронной коммуникации привел к тому, что “язык программистов” трансформировался в “язык пользователей”. Это некий усредненный, но достаточно широкий и неустойчивый, быстро изменяющийся пласт лексики, понятный специалисту, пользователю компьютера самого различного уровня и любителю компьютерных игр. Целевая установка этого подязыка – выразить корпоративное отношение к объектам действительности – обуславливает такие его стилевые черты, как *экспрессивность, образность, тенденция к сниженности и ироничности номинаций*. Это карнавальное мироощущение проявляется в том, что “протестное речевое поведение” сообщества “компьютерщиков” направляется на языковой источник жаргона – англо-американскую компьютерную лексику, которая подвергается в молодежной языковой среде пародирующей, “подчеркнуто абсурдирующей русификации” [Химик 2000: 501].

В первую очередь пользователь называет и дает оценку не только компьютеру и всему, что связано с ним, но и специалистам, составляющим программы, своим собеседникам и самому себе.

Все номинации, характеризующие мир пользователя компьютера, мы разделили на следующие подгруппы:

а) юмористические номинации, параллельные терминам: **железячник** (производное от железяка с добавлением суффикса -ник, обозначающего “человека, имеющего отношение к железу) – человек, занимающийся сборкой компьютера, **примат** (универбат) – прикладной математик, **програмер, программер** (образовано транслитерацией от англ. programmer) – программист, **сисадмин** (сокращение) – системный администратор, **сисоп** (сокращение) – системный оператор, **юзер** (образовано посредством транслитерации от англ. user) – пользователь, как правило, не специалист, **юзверь** (как результат ассоциативно-фонетической мимикрии), **юзарь** (имеет грубоватощутливый оттенок в результате опрощения);

б) номинации, называющие приверженцев определенных операционных систем и марок компьютеров: **писишник** (образовано посредством побуквенного раскрытия аббревиатуры РС с добавлением суффиксов -ш, -ник) – пользователь IBM-совместимого

компьютера, **юниксоид** (образовано посредством транслитерации с добавлением суффикса -оид) – пользователь операционной системы Unix, **фидошник** (посредством транслитерации с добавлением суффиксов -ш, -ник) – пользователь сети Фидо, **яблочник, макинтошник** (калька первого компонента и транслитерация второго с добавлением суффикса -ник, означающего “лицо, имеющее отношение к тому, что названо основой существительного”) – пользователь компьютера Apple Macintosh;

в) номинации, детализирующие специализацию программиста или пользователя: **антивирусник** – автор антивирусной программы, **апгрейдер** (образовано посредством транскрипции от англ. upgrader) – лицо, производящее модернизацию компьютера, **банищик** – человек, занимающийся баннерами (образовано в результате языковой игры), **бета-тестер** (образовано транслитерацией от англ. beta-tester) – любой пользователь бета-версии программы, сообщивший ее автору о замеченных недостатках, **выделенищик** – пользователь, использующий для подключения к Интернету выделенную линию, **геймер, гамер** (от англ. gamer) – любитель компьютерных игр (образовано посредством транскрипции и транслитерации), **думер** (от англ. “doom” – название компьютерной игры) – поклонник игры “doom” (образовано посредством транскрипции с добавлением суффикса -ер, обозначающего “лицо, имеющее отношение к процессу, указанному в основе существительного”), **интернетчик** – пользователь сети Интернет, **кардер** (образовано посредством транслитерации от англ. carder) – лицо, занимающееся незаконным использованием кредитных карточек для покупки товаров или услуг, **макрушник** – программист-системщик, работающий на Micro Assembler (образовано в результате ассоциативно-фонетической мимикрии), **модемщик** – лицо, использующее модем для подключения к Интернету, **наильник** – программист-системщик, работающий на языке C (образовано в результате языковой игры), **отверточник** – специалист по сборке компьютеров в системе компьютерной фирмы (метонимия от названия инструмента, которым работает специалист, с добавлением суффиксов -оч и -ник, означающих “лицо, имеющее отношение к тому, что названо основой существительного”), **паскудник, пасквилянт** – программист, пишущий программы на языке Pascal (образовано в результате ассоциативно-фонетической мимикрии – сниженное в первом примере, содержит мотивированный намек на ругательство “паскуда”, во втором передает шутливо-ироничное отношение, созданное тем, что заимствованный суффикс -ант сочетается в литературном языке только с иноязычными основами), **приставочник** – пользователь телевизионной игровой приставки, **РПГишник** (образовано посредством побуквенного раскрытия аббревиатуры с добавлением суффиксов -ш, -ник) – любитель компьютерных игр в жанре РПГ, **читер** (образовано

посредством транскрипции от англ. cheater – мошенник) – лицо, пользующееся чит-кодами;

г) оценочные жаргонизмы: **висельник** – неопытный системщик (образовано от метафоры висеть, зависать (о компьютере) – ломаться, переходить в нерабочее состояние), **гуру** – опытный программист (метафора), **декодер** (образовано посредством транслитерации от англ. to decode ‘декодировать’ с добавлением суффикса -ер, обозначающего “устройство или лицо, выполняющее действие, называемое основой глагола) – ироничное название программиста, пытающегося разобраться в чужой программе, **кнопкотоптатель** (метафора) – пренебрежительное обозначение неопытного пользователя, **колдун** – оценочная номинация программиста, который смог очень быстро исправить кажущиеся невосстановимыми неполадки или сбои в работе, **ламер, ламак, ламах** (образовано посредством транслитерации в первом случае, во втором и третьем – в результате искажения для придания значения пренебрежительности от англ. lamer) – неопытный пользователь с завышенным самомнением, **мексиканец, негр, хытымызлыщик** – малоквалифицированная рабочая сила в создании сайтов (в первых двух примерах – метафора, в третьем – транскрибирование аббревиатуры с опрошением с добавлением суффикса -щик), **отец** – уважаемый среди программистов и пользователей “мастер своего дела” (метафора), **редиска** – пользователь-вредитель (метафора), **урюк** – пользователь-неумеха (метафора), **чайник** – начинающий пользователь (метафора), **эникейщик** (образовано посредством транслитерации от англ. any key “любая кнопка” с добавлением суффикса -щик) – человек, выполняющий самую простую работу, связанную с компьютером (печать документов, заправка картриджа и т.д.).

Отдельного рассмотрения заслуживает анализ значений слова хакер. В русский язык оно было заимствовано в значении “компьютерный взломщик”. При этом в английском языке термин “**hacker**” имеет несколько значений:

1. программист-практик;
2. человек, умеющий писать нестандартные программы;
3. программист, умеющий работать очень быстро;
4. увлеченный системщик;
5. специалист по конкретной системе, например, UNIX-hacker;
6. эксперт в любой области;
7. человек, который любит действовать вразрез любым правилам и ограничениям;
8. компьютерный взломщик [The New Hacker`s Dictionary 1996: 262].

The New Hacker's Dictionary выделяет в значении "hacker" следующие семы: "опытный", "профессионал", "нарушитель".

Словарь "Dictionary of Personal Computing and the Internet" указывает на то, что при появлении в языке это слово обозначало "любого пользователя, увлеченного компьютером и занимающегося составлением авторских программ, отличающихся доступностью и понятностью". Современное использование этого термина связано, в первую очередь, с понятием "информационная безопасность", нарушение которой ассоциируется с работой хакера, взламывающего систему защиты (например, банка) с уголовной целью [Dictionary of Personal Computing and the Internet 1997: 85].

Словарь Dictionary of Computer and Internet Terms регистрирует только три значения слова "hacker":

1. очень опытный программист;
2. энтузиаст программирования; индивидуум, получающий удовольствие от самого процесса программирования, а не от теоретизирования;
3. взломщик компьютерных систем (занимающийся этим с целью навредить или доказать всем, что это возможно) [Dictionary of Computer and Internet Terms 1996: 168].

Данный словарь в отличие от The New Hacker's Dictionary актуализирует несколько иные семы: "опытный", "получающий удовольствие от работы", "взломщик-вредитель или эгоист".

Во французско-русском словаре по информатике и вычислительной технике значение передается семами: "профессионал-фанатик с большим опытом работы", "нарушитель закона" [Французско-русский словарь по информатике и вычислительной технике 1994:232].

Постепенно слово "**хакер**" приобрело в русском языке и другое значение: "компьютерный фанат, поглощенный работой с компьютером" В "Толковом словаре РС" В.Л. Григорьева слово хакер в значении "взломщик" описывается как выходящее из употребления [Григорьев 1997:58], однако статьи таких журналов, как "Компьютерра", "Хакер" подтверждают высокую частотность употребления слова в этом значении. Словарь Косцова, изданный в 2004 году, указывает, что в настоящее время происходит возвращение к первоначальному значению заимствования; оно обозначает людей, которые взламывают чужие компьютеры при помощи компьютерных сетей [Косцов 2004:120]. Существует еще одно слово для обозначения понятия "компьютерный взломщик" – **крякер**, **крекер** (образовано посредством транслитерации от англ. cracker (во втором примере – с заменой буквы в результате ассоциативно-фонетической мимикрии). Как показало наше исследование, **крекер** (**крэкер**, **крякер**) используется в

основном в неспециальном контексте. Мы считаем, что, скорее всего, слово хакер в значении “взломщик” закрепится в разговорной речи, а в значении “увлеченный программист” будет функционировать в терминологической лексике.

Список литературы

1. Химик, В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен [Текст]/В.В. Химик. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
2. The New Hacker's Dictionary [Текст]/ The New Hacker's Dictionary. – Cambridge: The MOT Press, 1996. – 317с.
3. Dictionary of Personal Computing and the Internet [Текст]/ Dictionary of Personal Computing and the Internet. Peter Collin Publishing. – Cambridge, 1997. – 362с.
4. Dictionary of Computer and Internet Terms (fifth edition) [Текст] / Dictionary of Computer and Internet Terms. Douglas A. Downing, Michael A. Covington, Melony Maudlin Covington. – Barron's Educational Series, New York, 1996. – 383с.
5. Французско-русский словарь по информатике и вычислительной технике (~28 000 терминов) [Текст]/ Французско-русский словарь по информатике и вычислительной технике. – М.: Изд. ВИКРА, 1994. – 605 с.
6. Григорьев В.Л. Англо-русский толковый словарь РС [Текст]/ В.Л. Григорьев – М.: Компьютер, ЮНИТИ, 1997. – 380с.
7. Косцов А., Косцов В. Толковый англо-русский и русско-английский словарь компьютерных терминов. Более 5000 слов и словосочетаний [Текст]/ А. Косцов, В. Косцов. – М.: “Мартин”, 2004. – 457с.

А.В. Белозерцев
Шадринск, Россия

ОБ ОБЩИХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВИРТУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В силу определенных объективно существующих культурно-исторических и социально-экономических факторов история англоязычного киберпространства охватывает гораздо больший период времени, нежели соответствующий аспект русскоязычного киберпространства. Это накладывает своеобразный отпечаток некоторой зависимости вектора развития русскоязычной среды Интернет от англоязычной. Тем не менее, проводимые наблюдения показывают, что, несмотря на преимущество по отношению к зарубежному киберпространству, отечественные компьютерные сети, равно как и зарубежный прототип, располагают обширным спектром специфических смыслов и форм выражения смыслов. Но перед тем как определять специфику этнокультурных и языковых особенностей различных типов киберпространства, необходимо выделить общие черты этого феномена, независимые от языковой среды.

Структура гипертекста, несущего разного рода информацию, а также логика его последовательного развертывания являются наиболее общими характеристиками

коммуникации, осуществляемой посредством компьютерных сетей, независимо от естественного языкового кода, обслуживающего этот процесс. Наличие указанного универсального свойства объясняется практически вынужденной шаблонностью построения страниц компьютерных сетей, что в свою очередь является следствием приверженности к структуре первоисточника феномена сайта. Все появившиеся позднее ресурсы, представленные в Интернет, в качестве базисной основы предполагают именно данное построение в форме гипертекста.

Еще одним универсальным свойством коммуникации в киберпространстве, представляющим собой формальный внешний признак, на сегодняшний день можно считать оформление исходного адреса любого сетевого ресурса посредством знаков, используемых внутри английского языка. Данная особенность неразрывно связана с необходимостью наличия у коммуниканта элементарных знаний и умений не только в сфере стандартных форм записи адреса в Интернет, но и в области знаков латинского алфавита, а также некоторых правил их сочетания применительно к английскому языку.

Существенно отметить, что от пользователя не требуется понимать исходное значение и происхождение той или иной аббревиатуры технического оформления сетевого ресурса, в связи с чем индивид, не связанный с функционированием Интернет профессионально, может воспринимать любую часть гипертекста и гиперпространства вообще как объективно данное, не требующее и не имеющее объяснения. Однако все уровни гипертекста, следующие непосредственно за ссылкой на тот или иной блок информации, адаптированы для максимально облегченного восприятия пользователем компьютерной сети. Кроме того, в соответствии произведенному запросу, они представлены в доступной для этого пользователя языковой кодировке.

При последующем более глубоком анализе виртуальной личностно-ориентированной коммуникации необходимо сопоставлять порядок осуществления индивидом коммуникативных действий внутри и вне пространства компьютерных сетей. Первое, что нужно отметить, это наличие дополнительных коммуникативных барьеров в киберпространстве, что затрудняет ориентировку индивида в ситуативном контексте. Отмеченные барьеры главным образом связаны с отсутствием тех невербальных индикаторов коммуникативных интенций инициатора акта коммуникации, которые имеют выражение при непосредственном речевом межличностном взаимодействии.

Среди важнейших носителей информации невербального характера необходимо называть окружающую среду (физическое окружение, пространство в общении) и физические характеристики участников коммуникации (жесты, позы, прикосновения, выражение лица, взгляд, голос). Несложно заметить, что программы, обслуживающие

лично-ориентированную коммуникацию в среде компьютерных сетей не предполагают трансляцию информации ни одним из перечисленных невербальных средств.

В определенной мере выраженным невербальным компонентом можно считать лишь пространство в общении, однако в этом случае под «пространством» нельзя понимать физическую удаленность, оцениваемую при выделении четырех типов зон общения. Пространство в данном случае представляет собой лишь некоторые параметры передаваемого текста (цвет и иные характеристики шрифта), которые могут служить индикатором характера или настроения коммуниканта, создающего этот текст.

Вместе с тем, необходимо указать на наличие в киберпространстве иных, специфических средств передачи информации невербального характера, которые не могут быть использованы вне виртуальной коммуникации. К таким средствам относятся смайлики, аватары, частотность сообщений индивида в общем поле гипертекста, уникальные идентификационные номера (UIN, IP-адрес и т.п.), а также вербально и невербально выраженные замечания коммуниканта о своей личности на его визитной карточке пользователя той или иной программы. В реальном мире подобной информации обычно нет даже на визитных картах.

Таким образом, основная нагрузка ложится на чисто вербальные, языковые средства трансляции такого рода информации. Среди них широко используются:

- разного рода повторы (семантический, синтаксический, морфологический, фонетический, пунктуационный, тематический и т.д.);
- противоречие и контраст, опирающиеся на логику или неязыковые графические средства;
- дополнение с широким использованием эллиптических конструкций;
- замена, функционирующая по принципу синонимии и омонимии в самом широком смысле;
- подчеркивание (акцентирование), также выражаемое особенностями шрифта, а иногда – расположением текста в пространстве окна программы;
- приглушение и регулировка, выражаемая посредством контрастного использования языковых и неязыковых знаков с кардинально расходящимися характеристиками.

Подобные умозаключения опираются на исследования, проведенные в области взаимосвязанности вербального и невербального поведения [Нэпп 2004: 18].

Следовательно, в коммуникативном пространстве, создаваемом посредством новых информационных технологий, фактор письменно-речевых действий

коммуникантов несет повышенную информативную нагрузку и выдвигает особые требования к навыкам осуществления подобных действий.

Быстрота, глубина и правильность ориентировки, компетентность в сфере основных понятий виртуальной среды, а также знание правил и скорость формирования и формулирования не только иницирующих, но и ответных сообщений в киберпространстве представляют собой неотъемлемые качества современной языковой личности. Они составляют комплекс умений, овладение которыми необходимо для достижения высокого уровня компетентности в вопросах коммуникации в современном мире.

Также стоит анализировать функционирование такого фактора, как потребностно-мотивационная сфера индивида. Несмотря на тесную связь с объективно существующими предпосылками к появлению этого фактора, он носит сугубо субъективный характер. Предпосылками являются параметры коммуникативного поля, создаваемого программами, обслуживающими межличностную коммуникацию в киберпространстве.

Индивид получает возможность создания нового образа собственного Я, без возможности распознавания тех или иных реальных его характеристик. Это, в свою очередь, создает совершенно новое ощущение свободы и, соответственно, новое понимание собственных коммуникативных возможностей. В киберпространстве, таким образом, намного легче осуществлять более выгодную для себя самопрезентацию, с демонстрацией сильных сторон своей личности и одновременной маскировкой любых недостатков.

Таким образом, существуют основания для дальнейшего рассмотрения поднятой проблемы с целью конкретизации универсальных и уникальных для отдельно взятой культуры особенностей реализации личностно-ориентированной коммуникации в сфере новых информационных технологий.

Список литературы

1. Леонтьев, В. П. Новейшая энциклопедия персонального компьютера 2003 [Текст]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 920 с.
2. Нэпп, М., Холл, Д. Невербальное общение [Текст]. – СПб.: «Прайм - Еврознак», 2004. – 256 с.
3. Пронников, В. А., Ладанов, И. Д. Язык мимики и жестов [Текст]. – М.: «Стэлс», 2001. – 212 с.
4. Пшегусова, Г. С. Коммуникация: социальное и виртуальное измерения [Текст]. – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2003. – 224 с.
5. Смирнов, Ф. О. Искусство общения в Интернет. Краткое руководство [Текст]. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 240 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСТИТУЕНТОВ ИНВАРИАНТНОЙ МОДЕЛИ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

Конфликтный дискурс, на первый взгляд, представляется такого рода интеракцией, где утрачена гармония и взаимное понимание между реципиентами, у которых осталось желание достичь коммуникативной цели любыми средствами. Конфликтный дискурс обладает естественной сущностью как неизбежная данность. Мы считаем, что в качестве конфликтного дискурса выступает такое речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, репрезентация которых содержит имплицитные или эксплицитные инвективы, в результате чего в целом консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга. Модель КД как структура включает в себя набор особых компонентов, которые, взаимодействуя между собой, тем самым запускают конфликтный механизм в действие. Модель КД может быть охарактеризована с точки зрения её структуры как модель коммуникативного семантического поведения реципиентов в КД. При этом социальная *форма выражения данной модели* – разная в зависимости от *места протекания* взаимодействия: а) *личная*; б) *официальная*; в) *неофициальная*; г) *общая*. С точки зрения *общего контекста*, в котором имеет место взаимодействие, переходящее затем в конфликт, мы можем выделить такие элементы данного компонента как: 1. *предварительные действия* (предварительная «оценка» оппонента коммуникантом); 2. *макродействия* («фундамент» для формирования или построения пресуппозиционной базы); 3. *протяжённость*: начало; эскалация; интеграция; конец; 4. *речевые конфликтномаркированные действия*; 5. *вектор* – направление попытки нанесения ущерба; 6. *граница* (конфликтное взаимодействие не\закрытого характера).

С точки зрения *фреймовой структуры* модели КД мы можем выделить следующие компоненты: а) *цели участников*, а именно: проявить конфликтоактивность или конфликтопассивность; б) *действия участников* («модели нападения», «модели игнорирования иллокутивной доминанты»); в) *участников*.

Следует заметить, что компоненты взаимозависимы в равной степени друг от друга. Способы репрезентации КД представляют собой варианты актуализации фреймового сценария определенного иллокутивного потенциала в рамках пресуппозиции. Каждый вариант определяется типом иллокутивной доминанты. Для определения типа иллокутивной доминанты в примерах КД, использовался способ

построения прагматограммы цепочек речевых ходов реципиентов, например: P1 – пол женский, 21 год, студентка 5-го курса; P2 – пол женский, 37 лет, преподаватель; P1 < P2; ситуация: разговор в кабинете кафедры, обеденное время:

P1: Извините, NN. (1) А вы не могли бы сейчас проверить мою работу, (1') а то я уезжаю послезавтра (1'').

P2: А у меня **сейчас** другая группа. (1a)

P1: Но они же придут только в два. (2)

P2: А что, преподаватели **должны как лошади работать?** (2a) А пообедать я **имею право?** (2a') **Вы, студенты, считаете, что все должно быть только для вас!** (2a'') **Выйдите за дверь!** (2a''')

В данном КД, в котором социальная форма коммуникаций: общественная официальная (P1 < P2), реципиенты выполняют коммуникативные роли: инициатор – преподаватель, адресат – студентка. Функциональными условиями являются представления P1 о возможности выполнения желаемого действия при условии, что срочность выполнения будет достаточным аргументом к немедленному выполнению желаемого действия, и представления P2 о невозможности выполнения желаемого действия при наличии других дел. Прагматограмма имеет следующий вид: P1. регламентив(1) + реквестив (1') + констатив (1''); P2. экспозитив (1a); P1. Констатив (2); P2. экспозитив(2a) + экспозитив (2a') + экспозитив (2a'') + директив (2a'''). Иллокутивная доминанта инициатора: экспозитив. Маркеры: противительные союзы (*но, а*); интенсификаторы (*сейчас, все, только*); противопоставленные местоимения (*мы – вы ? я*); слова с характеристикой обобщения (*студенты; как лошади*); модальные глаголы (*должны*); императив (*выйдите*); восклицательные предложения; риторический вопрос (*А что, преподаватели должны как лошади работать? А пообедать я имею право?*)

Анализ примеров КД по прагматограмме выявил в речи инициатора два наиболее часто представленных типа иллокутивных доминант, определяющих модели КД: 1) директивный тип: инъюнктивы (приказы, требования, команды, вопросы): «Отстань!!!!», «Ну и иди куда шла!», «Do it or die, do it or fucking die!», «You don't open up that case, it's gonna be the last»; 2) декларативно-экспрессивный: комиссивы (угрозы), экспозитивы (инвективы, протесты, упреки, обвинения): «Вы что, не знаете, что к преподавателю нужно обращаться по имени и отчеству?», «Совсем обнаглели, уроды!!», «Это ты целыми днями дрыхнешь, а я на всю семью вкалываю!».

Совокупность иллокутивных цепочек и конститuentов фрейма КД создает функционально-семантическое представление взаимодействия партнеров по конкретному иллокутивному потенциалу. Способы выражения иллокутивного потенциала маркируются в языковом плане эксплицитно, имплицитно и косвенно. Конституенты инвариантной модели КД, образующие ее когнитивный «каркас», на репрезентационном уровне организуются иллокутивным потенциалом типового акта

общения, внутри которого совершаются цепочки иллокутивных действий, в совокупности представляющие иллокутивную доминанту КД – директивного и декларативно-экспрессивного типа.

Способами репрезентации модели конфликтной интеракции служат так называемые схемы непосредственного перехода взаимодействия коммуникантов в КД. Реализация инвариантной модели КД осуществляется в виде комплексной интерактивной цепочки, которая образуется в качестве многошагового речевого эпизода, состоящего как минимум из инициативного (с иллокутивной доминантой «нанесение оскорбления», например) шага инициатора и ответного (с иллокутивной доминантой «переживание обиды», например) шага адресата, выражающего неприятие высказанной оценки. КД как тип человеческого взаимодействия включает в себя два способа репрезентации конститuentов – *вербальный и невербальный*. Участники коммуникации извлекают информацию об этих конститuentах, используя экстралингвистические средства (визуальное, тактильное, слуховое, обонятельное, вкусовое ощущения), которые позволяют различать соматические и «ситуационные» знаки конфликтного дискурса. Одновременно или последовательно с этим происходит вербальная реализация остальных составляющих модели конфликтного дискурса, которые выражаются лингвистически, а именно - с помощью особых маркеров, фонетических, лексических, синтаксических. Мы можем выделить конститuentы, имеющие комбинированный способ репрезентации (невербальный и вербальный), а именно: участники интеракции, консеквент и перспективы.

Список литературы

- 1 Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [Текст] / А. А. Романов – М.: Институт языкознания РАН СССР, Калининский СХИ, 1988. - 183с.
- 2 Сорокин, Ю. А. Человек говорящий в его модусах и отношениях [Текст]: обзор-дискуссия / Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А.Сорокина, М. Р. Желтухиной. – М.: ИЯ РАН, «Азбуковник», 2003. – 368с.
- 3 Сусов, И. П. Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы [Текст] / И.П. Сусов // Прагматика этноспецифического дискурса. - Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1990. – 254с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ «ДЕСЯТЬ, ОДИННАДЦАТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ И ТРИНАДЦАТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Имена числительные, имея свой объект номинации – элементы счетной системы, особое количественное значение – выражение определенного и неопределенного количества и лексическое значение – число и количество, замкнуты в своеобразную категорию количественных слов, которые лишены морфологического разнообразия.

Исследование фразеологизмов с числительными являются показательными с точки зрения выявления культурно-типологических особенностей понятия числа, отраженных в них. Фразеологизмы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Баясгалан 2006: 5], где культура выступает как исторически передаваемая система символов и норм [Сысоев 2003: 7]. По замечанию Д.Б.Гудкова, фразеологизмы наиболее наглядно отражают национальный образ мира, запечатленный в языке, им детерминируемый и в нем закрепленный [Гудков 2000: 82].

Обращение к данной теме объясняется широким употреблением чисел в различных культурах и их связью с определенными традициями, закрепленными в языке. Числа как своеобразная сфера традиционной символики и их имена способствуют выявлению предыстории, связанной с историей культуры каждого отдельного этноса, каждой языковой личности, «отражают развитие духовной культуры через язык» [Быконя 1996: 4]. А развитие в лексическом составе несет развитие цивилизации.

Рассмотрим, какие значения могут приобретать числовые компоненты «десять», «одиннадцать», «двенадцать» и «тринадцать» в составе английских ФЕ. Ряд объяснений ФЕ на русском языке взяты из англо-русского фразеологического словаря Кунина А.В., ряд из большого англо-русского словаря (автор-составитель Н. В. Адамчик). При наличии дефиниций ФЕ в англоязычных словарях - Longman Dictionary of Contemporary English; Longman Dictionary of English Language and Culture; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners - мы их также приводим.

Особого внимания заслуживает числительное «десять». В индоевропейской культуре данное числительное понимается как «две пятерки», и символизирует любовь к Богу и к ближнему, силу, единство мироздания, итог божественного создания, манифестируемого двумя началами (мужское и женское, свет и тьма, земля и небо) [Маковский 1996: 392].

Индоевропейский архетип *dekm- «десять» (с точки зрения древней нумерологии эта цифра представляет просто единицу) соотносится с *тох.* А tak «быть, существовать»; *и.-е.* *dheg- «гореть», «огонь», но также *др.-инд.* dakam «вода»; *deik- “to appear”, *анг.* thing «вещь» (*букв.* «то, что явилось от Божества»); *др.-англ.* diegan “to die”; *нем.* denken «думать» (Мировой разум). Элемент - km в *и.-е.* *de-km- «десять» восходит к *и.-е.* *km «рогатый скот» (символ Божества) [Маковский 1999: 156].

С числительным *десять* в нашем словаре зафиксировано 17 английских ФЕ, что составляет 1% от общего количества. В английской фразеологии числительное *десять* во фразеологизмах выступает:

1. в своем прямом *количественном* значении:

- know somebody as one knows one's **ten** fingers - /знать кого-л. как свои десять пальцев/, что соответствует русскому аналогу «знать кого-л. как облупленного, как свои пять пальцев».

2. в *географических* реалиях:

- Number **ten** - /номер десять/ - № 10 Downing Street; the address of the official home of the British Prime Minister/, что соответствует русскому аналогу «резиденция английского премьер-министра (Даунинг стрит), английское правительство».

3. в противопоставлениях *много — мало 10:1*:

- **ten** to one - /десять против одного/, что соответствует русскому аналогу «бьюсь об заклад».

4. в значении *презрения, негативного отношения* к кому-либо или происходящему:

- touch it with a **ten**-foot pole - не буду и близко прикасаться к чему-л. или к кому-л.

В четырех ФЕ числительное *десять* выражает *большое количество чего-либо*:

- **ten** times - /десять раз/, что соответствует русскому аналогу «в сто раз, гораздо; десять раз, неоднократно»; - **ten** out of **ten** - /десять из десяти/ used in schools to give a perfect mark, or humorously to praise someone/, что соответствует русскому аналогу «высший балл, отлично».

Так, числительное «**одиннадцать**», по сравнению с числительным *десять*, не обладает особой культурной значимостью, кроме хронологической: *в одиннадцатом часу* = *at the eleventh hour*, что означает поздний час, в последнюю минуту.

В нашем словаре зафиксировано 3 английских ФЕ с данным числительным, значение которых реализуется:

1. в *библеизмах*, свидетельствующий о единой христианской религии:

- at the **eleventh** hour - в последнюю минуту, поздний час; в самый последний момент - at the latest possible moment; originally with reference to the story in Matthew ch.20 of the

laborers who were hired “about the eleventh hour” to work in the vineyard, and who were given the same payment at those who had worked all day.

- the **eleventh** commandment - шутл. «одиннадцатая заповедь»; «не попадайся» [в Библии десять заповедей] - is a humorous term for a rule to be observed as strictly as the ten commandments, recorded from the mid 19th century, and often defined as, “Thou shalt not be found out”.

2. в *спортивных* реалиях:

- the number **eleven** - одиннадцать игроков команды в команде регби, число одиннадцать не имеет какого-либо символического смысла, а само числительное употребляется в своем прямом количественном значении.

Числительные по суеверным представлениям издавна делились на счастливые и несчастливые. Числительное «**двенадцать**» считалось счастливым числительным. В то время как числительное «**тринадцать**», по мнению Д. О. Шеппинга, относится к последним. Сакральность числительного «**двенадцать**» напрямую связана с хронологией и календарными счислениями, а также с двенадцатеричной системой счисления.

В английской фразеологии присутствует наибольшее количество ФЕ с числительным *двенадцать* - 15 ФЕ, выражающих *неопределенно-большое количество*: - to have **dozens** of things to do - иметь много обязанностей, дел; - dime a **dozen** (amer.), penny a **dozen** (British) - 1) распространенный повсюду – не очень привлекательный человек; 2) быть многочисленным.

Во всей Европе существует суеверный страх перед числительным 13, «чертовой дюжиной»: - printer's **dozen**, devil's dozen, long dozen, baker's **dozen** - «чертовая дюжина». Числительное 13 люди еще с древности считали несчастливым. Оно начинает новый цикл и как бы нарушает равновесие, достигнутое в предыдущем. "Тринадцать" символизирует смерть и начало нового рождения, поэтому оно имеет неблагоприятные приложения [Керлот 1994:580].

Стоит также отметить, числительное 13 имеет не только отрицательные, но и положительные свойства, так например, числительное 13 представлено во всех элементах герба США: мы видим над головой орла звезду, составленную из 13 звезд (ФЕ *the old **thirteen*** - «старый государственный флаг США»). В левой лапе орел держит 13 стрел, в правой — оливковую ветвь с 13 листьями и 13 ягодами. Кроме того, красных и белых полос на флаге США также 13. Американский Союз первоначально образовали как раз 13 штатов, которые приняли девиз, состоявший именно из 13 букв ("E pluribus

Unum" - "Из многих Единое"). Соединенные Штаты Америки, государство, образованное под явным воздействием числа 13, является могущественной державой.

Проведенное выше исследование показало, что числительные «десять», «одиннадцать», «двенадцать» и «тринадцать» реализуются во фразеологических словосочетаниях не только в своих нумерологических значениях, но используются для передачи дискурсивных, этических или культурологических задач коммуникации. В английской фразеологии выбор числительных диктуется историческими событиями, качества, прямого и косвенного количества, спортивными, географическими реалиями. Реализация значений происходит за счет использования количественных числительных. Числительные в составе фразеологических единиц приобретают новые лексические значения, образуя общее фразеологическое значение всей единицы.

Список литературы

1. Баясгалан, Ш. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков: дис. канд. филол. наук: [Текст] / Ш. Баясгалан – Санкт-Петербург, 2006. – 240с.
2. Быконя, В. В. Структурно-морфологическая система числительных и ее история формирования в диалектах селькупского языка: автореф. док. филол. наук: [Текст] / В. В. Быконя - Томск, 1996. – 39с.
3. Гудков, Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения [Текст] / Д. Б. Гудков. - М.: изд-во МГУ, 2000. - 120с.
4. Керлот, Х. Э. Словарь символов [Текст] / Х. Э. Керлот. - М.: Refl-book, 1994. - 602с.
5. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин. - М.: Русский язык, 1984. - 942с.
6. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь английского языка [Текст] / М. М. Маковский. – М., 1999. - 416с.
7. Сысоев, П. В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США) [Текст]: Монография / П. В. Сысоев. - М.: Изд-во «Еврошкола», 2003. - 401с.
8. Cambridge International Dictionary of English [Text] / Australia: Cambridge University Press, 1997. - 1774p.
9. Cowie A. P, Mackin R. and McCaig I. R. Oxford Dictionary of English Idioms [Text] / Cowie A. P, Mackin R. and McCaig I. R. - London: Oxford University Press, 1993. - vol. 2 - 685p.
10. Dictionary of Contemporary English [Text] / England: Longman, 1999. -1680 p.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text] / London: Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1692p.

ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В ЛИНГВИСТИКЕ

Четкого и общепризнанного определения «дискурса», которое могло бы охватить все случаи его употребления, не существует. Возможно, именно это и способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия. Своеобразной параллелью многозначности этого термина является и поныне не устоявшееся ударение в нем: чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первом слоге также не является редкостью.

Впервые, лингвистическое употребление этого термина, было его использовано в названии статьи Дискурс-анализ американского лингвиста З.Харриса, опубликованной в 1952. В полной мере этот термин был востребован в лингвистике примерно через два десятилетия. Сами по себе лингвистические употребления термина «дискурс» – весьма разнообразны, хотя в целом за ними просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. С одной стороны, дискурс – речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида; по определению Н.Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137]. С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х годов) дискурсивного анализа связана с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого прежде всего через обмен репликами; таким образом реально описывается некоторая структура диалогового взаимодействия.

Следовательно, термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», при этом подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. В противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст)(следует отметить, что именно такое понимание является предпочтительным). Иногда встречающиеся попытки заменить понятие дискурса словосочетанием «связный текст» не слишком удачны, так как любой нормальный текст является связным.

Чрезвычайно близко к понятию дискурса и понятие «диалог» («диалог» - разговор, при котором происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя собеседниками). Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает

наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса; именно в этом случае говорят о диалоге. Но если на протяжении дискурса роль говорящего закреплена за одним и тем же лицом, то такой дискурс называют монологом. Ошибочным является мнение, что монолог – это дискурс с единственным участником: при монологе адресат также необходим. По своей сути, монолог – это просто частный случай диалога, хотя традиционно диалог и монолог резко противопоставлялись [Дейк 2006].

Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения дискурса – не то же самое, что моделирование процессов понимания дискурса. В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ – те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения он и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, существует и третья перспектива – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста).

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики называются одинаково – дискурсным анализом (дискурсивным анализом) или дискурсными исследованиями (дискурсивными исследованиями). Несмотря на то, что языковое взаимодействие на протяжении веков было предметом таких дисциплин, как риторика и ораторское искусство, а затем – стилистики и литературоведения, как собственно научное направление дискурсивный анализ сформировался лишь в последние десятилетия. Произошло это на фоне господствовавшей в лингвистике на протяжении большей части 20 в. противоположно направленной тенденции – борьбы за «очищение» науки о языке от изучения речи. Ф. де Соссюр считал, что истинный объект лингвистики – языковая система. Н. Хомский призывал лингвистов изучать языковую «компетенцию» и абстрагироваться от вопросов употребления языка. В последнее время, однако, познавательные установки в науке о языке начинают меняться и набирает силу мнение, в соответствии с которым никакие

языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики.

Дискурс, как и другие языковые сущности (морфемы, слова, предложения) устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Факт существования языковых правил и ограничений часто демонстрируется с помощью негативного материала – экспериментальных языковых образований, в которых правила или ограничения нарушаются.

Помимо теоретической лингвистики, с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ [Кибрик, Паршин 2007].

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. – С. 136-137.
2. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса. [Электронный ресурс] /Т. А. Ван Дейк // Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>. 2006, свободный.
3. Кибрик, А. А., Паршин, П. В. [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик, П. В. Паршин // Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/print.htm>. 2007, свободный.

Е.Н. Боровицкая
Луцк, Украина

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Возможна ли постановка проблемы таким образом и о каких дисциплинах может идти речь?

Следует отметить, что различные подходы к изучению дискурса как целостной коммуникативной единицы являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Если при различных подходах к исследованию одних и тех же его характеристик будем стремиться к максимально точной фиксации их, то тем неопределённое будут становиться другие, дополнительно связанные с первыми, но при

всём этом мы сможем, таким образом, их легко обнаружить, как специфические дополняющие первые; в связи с чем разграничиваем различные направления к исследованию дискурса как междисциплинарного объекта.

В своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В.И. Карасик предлагает социолингвистический подход к изучению дискурса, в рамках которого выделяются три типа категорий – тип дискурса, формат текста и жанр речи как базовые характеристики текста в коммуникативной ситуации. Подчёркивается то обстоятельство, что категории дискурса представляют собой аспекты изучения весьма сложного явления, определённый угол зрения, под которым можно рассматривать текст в ситуации [Карасик 2004: 250].

Прежде чем говорить непосредственно о *социальной прагматике дискурса* как междисциплинарном направлении, следует дать концептуальное определение ему как методологическому подходу к анализу языковых и социальных явлений в современной лингвистической науке и аналитической (лингвистической) философии.

Дискурсом будем считать текст, который рассматривается в контексте коммуникативной ситуации, а *социально-языковыми средствами* – средства, с помощью которых можно исследовать особенности поведения коммуникантов в процессе их деятельности и общения.

Таким образом, *социальную прагматику дискурса* можно считать новым направлением в *социальной лингвистике*, исследующее особенности смысла высказываний как элементов определенного вида дискурса относительно социальных характеристик ситуаций; пытающееся реконструировать смысл высказывания, исходя из своих же принципов. И этот же «новый» смысл как раз синтезируется из общего смысла высказывания и смысла ситуации, детерминированной социальными характеристиками [Боровицкая 2007: 218–220].

Исследуя особенности употребления языковых средств в дискурсе, необходимо обращать внимание на его *социопрагматический аспект анализа*: цели коммуникантов, их желания, интересы (*социопрагматическую установку*); социальные роли, статусы, позиции; специфику коммуникативной ситуации (*нормальность, девиантность*), который даёт нам возможность обнаружить смысловую специфику определённого вида дискурса в структуре любой институциональной коммуникации, поскольку институциональный дискурс является определённым типом общения, выделяемым на основании социальных экстрапрагмалингвистических признаков.

Целью нашей работы отнюдь не является рассмотрение сконструированной модели институционального дискурса, как примера, применительно к его

определенному типу, на основании этих же вышеуказанных признаков. Цель работы – показать *социальную прагматику дискурса* как междисциплинарное направление, объектом исследования которого и является институциональный дискурс.

Исходя из традиционных представлений о прагматике как разделе семиотики, ещё раз уточняется проблематика социального аспекта анализа дискурса.

Перспективным к исследованию *социальной прагматики дискурса* есть разработанное Ч. Моррисом понимание прагматики как направления анализа отношения между знаками и пользователями этих знаков. Он связывал это отношение с «биотическим изменением семиозиса», со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые имеют место при функционировании знаков [Моррис 1983: 117-132].

В соответствии с этим направлением в круг интересов *социальной прагматики* входит широкий социальный контекст, информация о социальном мире коммуникантов и их интерпретационной деятельности. *Социальная прагматика дискурса* является направлением *общей семиотики* (разделом прагматики) с широким спектром проблем знакообразования (текстообразования) и смыслообразования (текстопонимания).

Социальная прагматика дискурса как направление *социальной семиотики* исследует процессы смыслообразования макроединиц (*метатекст, дискурс*) в максимально широком контексте (*социальный семиозис*) с определённой социокоммуникативной установкой, которая формируется ситуацией социокоммуникации; исследует особенности конструирования институционального дискурса в социокоммуникативной ситуации, а также образование в дискурсе смысла социально детерминированной семиотической ситуации с её различными характеристиками (*политическими, идеологическими, моральными, психологическими, экономическими и др.*).

Исследуя особенности *социальной прагматики дискурса* как возможного направления *социосемиотики*, необходимо уточнить определения ключевых его концептов: *семиотической ситуацией* будем считать ситуацию смыслообразования (восприятия вещи как знака); *социопрагматической ситуацией* – контекст, необходимое условие существования дискурса; *прагматикой смыслообразования* – особенности влияния смысла дискурсной ситуации на смысл высказывания в дискурсе.

Таким образом, *социосемиотика* исследует механизм формирования убеждений и их перехода в действие, механизм изменения и манипулирования поведением человека, «социальную эффективность» политических высказываний, лозунгов, обращений.

Относительно *социальной прагматики дискурса* как направления *социальной семиотики*, *социальная прагматика дискурса* как раз исследует сами же процессы смыслообразования дискурса (например, рекламного) как макроединицы, особенности его конструирования в социокоммуникативной ситуации, а также создания в нём смысла социально детерминированной семиотической ситуации с её характеристиками (*политическими, идеологическими, моральными, психологическими, экономическими и др.*), и особенности влияния этого же смысла на сам дискурс.

Таким образом, уточняя границы *социальной прагматики*, необходимо отметить, что всё более острым становится вопрос о соотношении *социальной прагматики* и *стилистики*, скорее общей.

Недифференцированный подход ко многим языковым явлениям влечёт к таким сферам как стилистика ролей, стилистика получателя и отправителя речи, стилистика декодирования и т.д. Сейчас всё, что способствовало возникновению подобных сфер стилистики, как раз и заставляет разбираться в этой проблеме – проблеме уточнения границ *социальной прагматики* и *социальной стилистики*, путём поиска отличий между ними, определяя, прежде всего, предмет *стилистики*.

Предметом стилистики Шарля Балли, например, в некоторой степени была аффективная окраска языковых средств при анализе спонтанной разговорной речи [Bally 1951: 276].

Коммуникация всегда нормирована (начиная с языковых норм). *Социально-прагматический анализ* предвидит структурированность её согласно с социальными нормами, относительно которых может оцениваться *девиантность дискурса, девиантность коммуникативной ситуации* (нарушения в коммуникативной ситуации нормы, которая характеризует нормальное общение с точки зрения схемы идеальной коммуникации (например, враньё). Различные значимые аспекты нормы уточняют принципы *социопрагматического анализа* отклонений в дискурсе. Отклонения в дискурсе употребляются как стилистически нормированные его единицы.

Таким образом, *норму* и *отклонение* можно считать методологическими принципами анализа *стиля*. А *стиль* – это нормированная характеристика синтаксических и семантических особенностей дискурса (система отклонения от нормы нейтрального стиля коммуникации). Таким образом, *стилистические девиации* – это своего рода нормированные прагматические девиации (вежливое обращение друг к другу дипломатов враждующих стран).

Если под *стилистикой* понимать учение об употреблении языковых конструктов в соотношении с подходом к исследованию языка в действии [Бенвенист 1974: 447],

учение о предпосылках успешного осуществления речевых актов – такое понимание *стилистики социальная прагматика* включает в круг своих интересов.

Таким образом, *социальная прагматика дискурса* безусловно является направлением и *социальной стилистики*, поскольку *социальная стилистика* исследует социально-прагматическую составляющую формирования *стиля*. В более сложных проблемных случаях особенности социоситуации (например, социально значимое событие, которое произошло в определенный промежуток времени) могут определять особенности самого *стиля*. Стилизация под *юмор* может быть оскорблением или восприниматься как оскорбление, и даже как издевательство, зависимо от взаимоотношений между коммуникантами. В конфликтных ситуациях употребление *юмора*, который воспринимался бы как *юмор* проблематично. В любом случае любое явление языкового плана становится стилистически значимым, когда оно рассматривается с точки зрения его участия в конкретной коммуникативной ситуации.

Таким образом, учитывая возможности *социальной прагматики дискурса* как перспективного направления в науке, безусловно, можно считать универсальным междисциплинарным; новым подходом к анализу языковых и социальных явлений, девиантных особенностей дискурса в современной лингвистике, аналитической (лингвистической) философии и методологии науки, исследование границ которого ещё надолго будет оставаться открытым.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: «Прогресс», 1974. – 447с.
2. Боровицкая, Е. Н. Социальная прагматика дискурса как направление социолингвистики [Текст] / Е. Н. Боровицкая // Язык и социум. – Ч. 2. – Минск: «РИВШ», 2007. – С. 218–220.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: «Гнозис», 2004. – С. 250.
4. Моррис, Ч. Знаки и действия [Текст] / Ч. Моррис // Семиотика. – М.: «Радуга», 1983. – С. 117–132.
5. Bally, Ch. Traite de stylistique francaise [Texte] / Ch. Bally. – 3-e ed. – Paris, 1951. – 276р.

«НОВАЯ РОССИЯ»: ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ О РОССИИ В БРИТАНСКИХ СМИ

Исследователи отмечают, что в сфере массовой коммуникации дискурсивный анализ применяется чаще всего в связи с исследованием социальной реальности, конструированной процессами понимания. Здесь дискурс воспринимается как «форма выражения, форма высказывания, в которую может быть вложено любое нужное содержание», как «инструмент манипуляции словом», «посредник языка власти» [Шевченко 2002]. Таким образом, основная задача подобного дискурсивного анализа такого текста – понять «замысел» автора, набор тех идей и представлений, с помощью которых автор объясняет и формирует представления в сознании читателей. Текст рассматривается как совокупность открыто представленных идей с теми, из которых автор исходит. Следует отметить, что медиа тексты отличает ряд особенностей: фиксированность и публичность темы, языковое планирование [Фрухтман 2004: 8], а также всепроникающее влияние идеологического фактора – «идеологическая модальность» [Добросклонская 2000].

Наше исследование проводилось на материале электронных вариантов публикаций о России в авторитетных британских СМИ The Economist, The Financial Times и The Guardian с ноября 2007 по январь 2008 года. Статьи, входящие в корпус отобранных текстов, были сгруппированы по тематическим блокам, относящимся к определенным дискурсивным событиям (парламентские выборы, реакция на выдвижение Д.Медведева кандидатом в президенты, решение В.Путина возглавить «Единую Россию» и др.). Целью исследования было выявить когнитивный контекст анализируемых медиа сообщений, тот смысл, который образуется в сознании носителей языка, определить то, каким является образ современной России, формируемый британскими масс-медиа в сознании аудитории.

В рассмотренных статьях преобладает негативное отношение к происходящим событиям в России и пессимистично-скептический взгляд на ее будущее. Система оценок происходящих в России событий складывается из ряда показателей, основанных на содержании текстов. В результате анализа было выявлено, что в публикациях преобладала так называемая «обоснованная критика» действий президента, властей, России в целом, подкрепляемая статистикой, негативными фактами российской действительности, мнениями экспертов, непосредственных участников событий и общественности; частым было и использование «необоснованной критики»: излагаются оценки и прогнозы самого автора, присутствуют ирония, скепсис и пессимистичная

корректировка автором мнения эксперта. Сюда же можно отнести известный прием «чтения в сердцах и умах» тех, о ком идет речь, например, политиков. Высказывания, содержащие в себе положительную оценку, либо факты, говорящие в пользу России, по нашим наблюдениям, приводятся с намерением быть (или выглядеть) объективными, однако число таких высказываний настолько незначительно, что они практически не влияют на общий негативный фон публикаций. Говоря об общей структуре статей, следует отметить то, что уже в заголовки нередко внедряются негативные стереотипы, заранее склоняющие читателя к предлагаемой точке зрения: «Putin's phoney election», «Down with democrasy». Присутствует один вид интерпретации событий - отстраненный, противопоставляющий себя («нас, жителей Великобритании, европейской страны с либеральными ценностями и демократическими институтами власти»), Кремлю (образ, объединяющий в себе президента России и его окружение, шире - высшие эшелоны власти), России как силе/действующему лицу мировой политики.

Основные выводы, к которым подводят читателя авторы рассмотренных нами статей, можно свести к следующим:

1. В России отсутствует демократия и демократические институты: « *In its (democracy) place is a country dominated by spies and bureaucrats and their acolytes in business. But the elite's overriding motive is the ruthless, and often corrupt, pursuit of personal wealth*». Более того, россияне не верят в демократию, и даже не понимают смысла этого понятия, что показывают опросы общественного мнения: «*Russian voters are confused and often contradictory about the meaning of democracy. In an opinion poll conducted by Levada Center Research for the EU-Russia Centre in February, 65 % were unable to describe what «liberal democracy» means. They were also unsure it was relevant*». Это также подтверждается недавними парламентскими выборами и их результатами: «*So Russia's election result...is merely a rigged plebiscite that confirms the continued rule of junta of ex-spooks*».

2. Понятия «управляемой», «суверенной демократии» как «особой русской демократии» вызывают недоверие и большой вопрос: «*The observers will give their verdict condemning the harassment, fraud and other abuses that characterise the Kremlin's «sovereign democracy». «Mr Putin's advisers say he is pursuing a specifically Russian system of «managed democracy*».

3. Надежды на то, что Путин приведет Россию к демократии, не оправдались, а личность его преемника Д.Медведева тоже не внушает повода для веры в перемены к лучшему: «*Mr Medvedev is not an independent politician, but an extension of Mr Putin... So far, his big selling point is that he is really a Putin-2*». Негативную реакцию вызывает

«желание» Путина и дальше оставаться у власти. Преемнику прочат второстепенную роль, ожидается, что курс страны не претерпит существенных изменений: *«The elections... marked not the end of the Putin era but a transition to a new phase in which Mr Putin will continue as a dominant figure, even if in a different role»*.

4. «Новая Россия» (в противопоставлении СССР, России 90-х до назначения Путина президентом) – «Russia Inc», движущим мотивом политики которой являются деловые интересы правящей элиты. Сила этой «страны» непрочна – высокие цены на энергоносители, шантаж и давление на потребителей ее ресурсов: *«In 2006, a resurgent Russia asserted itself principally through the energy markets by demanding higher prices for its oil and gas and threatening to cut off those refusing to pay»*.

5. На место «Холодной войны» между странами пришла «Мягкая Холодная война» («soft Cold War», основным оружием в которой являются действия дипломатов, травля иностранных организаций, отдельных лиц с целью устрашения и демонстрации силы.

6. Агрессивная внешняя политика России, ее растущее влияние на международной арене вызывает опасения, поскольку она оказывает давление на западные организации, тем самым подрывая идеалы либерализма и демократии: *«The willingness of some foreign politicians to accept Russian hospitality could be seen as a sign of how Kremlin influence is penetrating the central institutions of western democracy»*.

7. Россия движется к кризису, основной причиной которого могут стать ее внутренние экономические или социальные проблемы, рост авторитаризма и национализма: *«The great cloud on the bright Russian horizon is the Kremlin's growing authoritarianism... As in Soviet days, contradictions will be the Kremlin's downfall: perhaps frustration with bureaucracy and bad government, perhaps growing energy shortages, perhaps open feuding at the summit of power»*.

Медиа-дискурс, как и любой социально-политический (идеологический) дискурс, широко использует лексические средства, способствующие переносу акцента с информативной на оценочно-эмотивную составляющую, связанную с функцией манипуляции. Поэтому при интерпретации содержания текстов мы обращали внимание на особенности цитирования и номинации, использование отдельных стилистических приемов. Здесь можно отметить обилие слов с негативной коннотацией, относящихся к семантической группе «насилие» в описании внешней политики России («*bullying, belligerence, aggression*»), «мошенничество» - при описании того, как происходили выборы («*fraud, dirty tricks, rigging*»). Стоит особо отметить выбор средств номинации В.Путина («*the former spy and archbureaucrat, a creature of the KGB in his*

language, thinking and methods») и Д.Медведева («*Putin's man*», «*Putin 2*»). Среди часто используемых приемов можно выделить те случаи, когда автор приводит контрастирующие утверждения представителей власти и их оппонентов или критиков. Также приводятся эвфемизмы, используемые представителями российской власти и их «разоблачение»: «*The Kremlin did everything possible to stack things in United Russia's favour, through use of «administrative resources» - support from local authorities, police and courts*».

На основе анализа содержания текстов мы пришли к выводу о том, что они направлены на обоснование и оправдание жестких мер в ответ на «давление» со стороны России, призыв к сопротивлению ее «агрессии», активному осуждению недемократических порядков, а также возбуждению тревоги и настороженности по отношению к ее действиям в будущем и собственной судьбе. Многие статьи также направлены на осмысление событий, и раскрывают «истинные мотивы» российских политиков. Отсюда доминирующие эмоции – осуждение, негодование, мотивация к действиям, обличению. Активно используются негативные образы тоталитарного режима, авторитарного государства времен «Холодной Войны», диктатуры.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Теория и методы медиа лингвистики (на материале английского языка) [Текст] / Т. Г. Добросклонская. - М., 2000.
2. Распопов, И. К. Дискурсивный анализ структуры новостных сообщений [Электронный ресурс] / И. К. Распопов // Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/knp48_1/knp48_1_118-122.pdf/. 2008, свободный.
3. Фрухтманн, Я. К проблеме анализа крупных массивов текстов – применение прикладного анализа политического дискурса [Текст] / Я. Фрухтманн // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 26. — С.5-23.
4. Шевченко, А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации [Электронный ресурс] / А. Ю. Шевченко // Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shevchenko01.shtml/. 2008, свободный.

С.В. Броженко
Челябинск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В последние годы изучению роли языка в общении людей и интеллектуальном освоении человеком мира присуще сочетание лингвистического и коммуникативно-прагматического элементов исследования. Это даёт возможность определить полный объём информации, передаваемый текстом. Поскольку каждый текст отражает как предметную, так и коммуникативную ситуацию, предполагая определённое воздействие

на аудиторию, первоочередной задачей лингвистики является разноаспектное исследование компонентов этого воздействия. Реклама представляет собой многоплановое явление, как социальное, психологическое, лингвистическое так и главным образом экономическое. Важными представляются влияние рекламы, её возможность убеждения и способности рекламы запоминаться реципиентом и обеспечивать автоматизм поведения последнего.

Язык рекламы представляет собой в настоящее время целый пласт культуры, который участвует в формировании информационной среды современного человека. В связи с этим увеличивается количество исследований, связанных с развитием лингвистики текста, нацеленных на дальнейшее изучение языковых способов передачи информации, поиск способов построения и передачи текстов особой прагматической направленности, обеспечивающих общение в сфере массовой коммуникации.

Несмотря на тот факт, что прагматика как раздел теории знака существует давно, прагматический подход к описанию языковых явлений появился лишь в 60-е годы двадцатого столетия - и в настоящее время находится в состоянии становления. Однако, его влияние ощущают на себе все отрасли языкознания, что нашло выражение в повороте лингвистических исследований в сторону текста как единицы описания прагматического аспекта лингвистики. Текст рассматривается как обладающий содержательной цельностью, синтактико-смысловой связностью составляющих его компонентов и внешней информативностью. Необходимым для изучения любого текста является учёт коммуникативно-прагматического аспекта, поскольку определяет выбор автором композиционных, лексических, грамматических и фонографических средств.

Текст в рекламе является основным носителем смысла. Иллюстрация в рекламе выражает, как правило, ключевые моменты, являясь средством активизации эмоциональных реакций, а знаковость позволяет активизировать интеллектуальную активность [Костина 2003: 122]. Рекламный текст проявляет способность отображать смысловой потенциал рекламы, заложенный в неё автором.

А.В Костина в учебном пособии «Эстетика рекламы» называет следующие составляющие рекламного текста:

- слоган
- заголовок
- основной рекламный текст
- справочные сведения (содержащие адрес, контактные средства связи, условия приобретения и другую информацию)

Слоган, как правило, содержит название торговой марки, отличается краткостью, простотой, эффективностью, запоминаемостью и лёгкостью для произнесения. Объём слогана составляют в среднем до пяти слов, максимальный объём не превышает семи слов (“Samsung Electronics бросает вызов невозможному”).

Заголовок является самой важной частью рекламы, так как содержит важнейшее рекламное обращение и аргумент. Важной функцией рекламного заголовка является отражение сути рекламного сообщения.

Основной рекламный текст представляет аргументацию, доказывающую истинность заголовка.

Наличие в тексте всех перечисленных структур не обязательно. Наиболее распространёнными являются следующие сочетания:

слоган + справочные данные;

слоган + заголовок + справочные данные;

слоган + основной рекламный текст + справочные данные;

слоган + заголовок + основной рекламный текст + справочные данные.

Присутствие в тексте одной из перечисленных структур определяется видом товара или услуги, задачами и функциями рекламы, а также типом самой рекламы.

В зависимости от формы рекламной коммуникации и набора структурно-семантических компонентов можно выделить четыре типа рекламных текстов:

1. вербально-коммуникативный
2. вербально-визуальный
3. аудио-вербальный коммуникативный
4. мультимедийный коммуникативный (аудио-вербально-визуальный)

Главным средством коммуникации первого типа является слово, причём форма коммуникации должна быть письменной.

Особенностью второго типа рекламного текста является выраженная словом семантика, которая дополняется визуализированным компонентом.

Третий тип рекламной коммуникации наиболее близок к классическому представлению об акте коммуникации как таковом. Недаром радиийная реклама рассматривается как наиболее личная и личностная форма рекламного сообщения.

В четвёртом типе рекламного текста к имевшимся ранее резервам добавляется подвижность видеоряда, создаются разные зоны внимания, что позволяет максимально усложнить текстовую структуру данного типа.

Ю.В. Шатин в книге «Построение рекламного текста» выделяет три составляющие рекламного текста. Он выделяет синтактику, семантику и прагматику.

С точки зрения синтактики, по мнению Ю.В.Шатина, рекламный текст имеет формульный характер, то есть связанный жесткой последовательностью его элементов. Эти элементы таковы:

- внимание
- интерес
- желание обладать товаром
- действие, покупка

В отличие от других текстов (научных, художественных) последовательность этих действий в рекламных текстах носит определённый характер.

Согласно семантике, существует разница между коммерческой и политической рекламой, между соответствием изображения рекламному объекту и соответствием изображения нашим представлениям о ценностях.

По словам американского семиотика Ч.У.Морриса, прагматика – это дисциплина, изучающая отношение знаков к их интерпретаторам. Прагматика, по его мнению, в конечном счете, призвана ответить на вопрос, почему клиент, несмотря на критичность мышления, воспринимает рекламу и в итоге подчиняется ей.

Наряду с этим, Ю.В.Шатин различает основные приёмы воздействия на психологию клиента при создании рекламного текста. Он выделяет:

1. приём латерального программирования
2. приём внушения
3. приём создания положительного прагматического фона
4. приём изменения точки зрения клиента
5. приём «сверкающих обобщений»

Особого внимания заслуживает приём создания положительного прагматического фона, так как он наиболее широко используется в рекламе. Основное значение положительного прагматического фона в рекламе – это формирование установки, то есть создание устойчивого образа будущего состояния. Основная часть рекламируемых товаров, как правило, рекламируется на фоне красавиц, сильных мужчин, детей, счастливых семей и ласковых домашних животных. Реклама зубной пасты *Blend-a-med* происходит на фоне ослепительных улыбок счастливой семьи. Каждый из членов семьи держит в руках по надкусанному яблоку. Рекламный текст гласит: «Большинство зубных врачей советуют вашей семье *Blend-a-med*». По словам В.Г. Зазыкина, «установка должна быть положительной, образ будущего состояния привлекательным, желанным и непротиворечивым».

Говоря о видах, структуре рекламного текста нельзя не назвать стилевые принципы и стиливые приёмы, которые также важны при создании рекламного текста.

Одними из самых важных принципов в рекламе оказываются ясность и естественность текста. Наряду с естественностью ясность стиля предполагает ещё две черты – доходчивость и непротиворечивость [Шатин 2003: 80].

Следующим стилевым принципом является принцип краткости. Принцип реализуется путём употребления минимального количества слов, но передаваемого максимальное количество информации (“Tefal”, ты всегда думаешь о нас). Оригинальность и выразительность служат заключительными стилевыми принципами (“L’oreal Paris. Ведь я этого достойна!”). Исходя из этого, реклама должна быть ясной, правдивой, краткой и оригинальной, она должна быть выразительной.

Следует назвать и стиливые приёмы, то есть конкретные языковые конструкции, которые также важны при изучении рекламного текста. Следует выделить:

1. приём техники вопрошания
2. приём предположения
3. приём контраста
4. приём доброго слова
5. приём эффективных связей
6. приём запрета.

Необходимо отметить, что рекламный текст представляет собой сложную структуру, имеющую свою определённую форму, свои стилистические и прагматические особенности.

Список литературы

1. Костина, А. В. Эстетика рекламы [Текст] / А. В. Костина.- М.: Вершина, 2003.
2. Назайкин, А. Н. Практика рекламного текста [Текст] / А. Н. Назайкин.- М.: Бератор-Пресс, 2003.
3. Шатин, Ю. В. Построение рекламного текста [Текст] / Ю. В. Шатин.- М.: 2003.
4. Дайксель, А., Брандмейер, К., Глинтерник, Э. Товарный знак в Европе и в России [Текст] / А. Дайксель, К. Брандмейер, Э. Глинтерник. - С-П.: Славия, 2002.

Л.О. Бутакова, Т.С. Бережная
Омск, Россия

РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ НАИМЕНОВАНИЙ В РЕКЛАМЕ (сопоставительное экспериментальное исследование)

Подход к рекламным текстам (РТ) рубежа XIX-XX веков и настоящего времени с точки зрения их воздействия на сознание современного носителя русского языка обусловил проведение исследования поликодовой структуры РТ и специфики

рекламного имени (торговой марки) [см. более подробно Бутакова, Бережная 2006: 77-80]. Данная статья освещает только результаты экспериментального исследования восприятия современным носителем русского языка типовых фирменных наименований рекламы.

Теоретическим основанием данного экспериментального исследования являются психофизиологические наблюдения о межсловных временных связях. Имеется в виду следующее: вербальные ассоциации, данные о которых служат материалом для выводов о структуре языкового сознания, отражают межсловные связи, выработанные у респондентов в течение жизни и образующие материю так называемых «вербальных связей» в их нервной системе [Ушакова 2000: 19]. В психологии и психолингвистике признается, что «ассоциативный эксперимент фиксирует существование сложившейся системы, которая образуется как некоторый конечный результат психофизиологической деятельности» [Ушакова 2004: 11.]. Е.Ф. Тарасов проводит связь между ассоциативным полем, конструируемым из слов-реакций, ассоциированных со словами-стимулами, и «внешней формой существования образов сознания» [Тарасов 2004: 39]. Систему ассоциативных связей слов (систему соотнесенности и противопоставления слов, по А.А. Леонтьеву) признают психологической структурой значения (психологическим значением) слова [Леонтьев 1977: 11].

Цели и задачи семантического эксперимента

Психолингвистический эксперимент проводился со следующими целями:

- 1) определить, как отражены в сознании молодого современного человека наименования современных фирм; 2) выяснить, какие ассоциации рождаются у современного носителя языка при аудиальном восприятии фирменных наименований, бытовавших сто лет назад; 3) установить ядро ассоциативных реакций, полученных на каждое слово-стимул; 4) выявить степень стереотипности / креативности мышления респондентов;

Указанные цели определили необходимость решения следующих задач:

- 1) установить наиболее частотные типы ассоциатов; 2) отметить, какие тематические группы образуют полученные реакции; 3) отметить редкие реакции; 4) сравнить результаты, полученные при реагировании на современные торговые марки и фирменные наименования прошлого.

Методика семантического эксперимента

На предварительном этапе базой семантического эксперимента послужили названия рекламируемых товаров, которые были отобраны методом сплошной выборки из журналов и газет современного периода и конца 19 века.

Общее количество наименований торговых марок составило 20: 10 – из современной рекламы, 10 – из рекламы прошлого.

В эксперименте принимали участие студенты вузов города Омска в возрасте от 17 до 28 лет, всего 60 человек. Испытуемые были отнесены к двум группам. К первой группе относятся 30 человек, принявших участие в эксперименте, в котором словами-стимулами выступали наименования торговых марок, бытовавших в конце XIX – начале XX веков. Ко второй группе – 30 респондентов, принявших участие в эксперименте, анкету стимулов которого составили современные фирменные наименования. Экспериментальное исследование имело две части: свободный ассоциативный эксперимент и направленный. Условия для первой и второй группы респондентов были одинаковыми. Устно были продиктованы слова-стимулы. В первой части эксперимента реципиенты получили задание написать на каждое слово-стимул свои ассоциативные реакции в любой форме, количество возможных ассоциативных реакций не ограничивалось. Во второй части реципиентам были зачитаны те же названия рекламных марок, но в другой последовательности, и было дано задание: «Ответьте, какой товар, по вашему мнению, производится данной торговой маркой. Если вы не знаете правильного ответа, предположите, какой товар мог бы выпускаться под таким названием». Для ответа на каждое слово давалось 5-10 секунд.

Табл.1

Список слов-стимулов, использованных в эксперименте

Реклама прошлого	Современная реклама
Казими (крем)	Burberry weekend (парфюмерия)
Сакура (парфюмерия)	Покров (шоколад)
Капиллорь (средство для волос)	Провиантъ (сеть магазинов, кафе)
Триумф (шоколад)	Dunlop (автошины)
Крем (табак)	Audi (автомобили)
Фридрих Винтер (музыкальные инструменты)	Русский стиль (сигареты)
Угрин (крем против угрей)	Минима (сигареты)
Не кашляй (таблетки от кашля)	Прогресс (услуги страхования)
Ренессанс (крем)	Мейрикам (лекарство)
Vichy (минеральная вода)	Диадема (ювелирные изделия)

Ответы испытуемых были разбиты на тематические группы в рамках одного рекламного имени. Полученные результаты анализировались по следующим критериям: - близость / отдаленность ассоциаций по отношению к рекламируемому товару; степень правильности определения рекламируемого товара; степень активности ответов на

разные стимулы; критерии количества, разнообразия реакций; сравнение объема ТГ; стереотипность / оригинальность полученных ассоциаций.

Обработка результатов эксперимента позволила сделать выводы:

Активность респондентов

Активность респондентов оказалась достаточно выраженной. Нет ответа в 139 случаях реагирования на одно слово, когда предлагалось написать свободные реакции, и в 132 случаях, когда предлагалось назвать товар. Отношение полученных реакций к отказам от реагирования примерно 5:1, 674:139 (свободные ассоциации), 650:132 (товар).

Больше всего отсутствие реакций вызвали названия таких товарных марок, как *Dunlop* (69,7% – на свободные ассоциации; 55,9% – на товарные ассоциации), *Мейрикам* (64,7% – на свободные ассоциации; 47,2% – на товарные ассоциации), *Казими* (41,9%; 56,7%), *Капиллоръ* (40%; 40%). Значительный процент отказов было получено при реагировании на такие слова, как *Прогресс* (30,6% – на товарные ассоциации), *Прима* (22,9% – на свободные ассоциации; 27,8 – на товарные ассоциации), *Vichy* (21,2%; 25,8%), *Фридрих Винтер* (25,8% - на товарные ассоциации), *Burberry weekend* (22,9% – на товарные ассоциации), *Крем* (20% - на свободные ассоциации).

Отсутствие реакций в большинстве случаев мы связали с тем, что респонденту не была понятна внутренняя форма слова, например, *Казими*, *Мейрикам*, *Капиллоръ*, *Dunlop*, *Burberry weekend*. Это касается, как правило, рекламных наименований прошлого или современных иноязычных фирменных наименований с затемненным или непонятным лексическим значением. На слово *Прогресс* отсутствовали реакции при направленном эксперименте, видимо потому, что это слово плохо ассоциируется с каким-либо конкретным товаром. На слово *Крем* отсутствовали реакции, вероятно, в связи с тем, что в названии, как кажется респондентам, уже назван рекламируемый товар. Никто из испытуемых не догадался о том, что век назад под наименованием *Крем* рекламировались табачные изделия. Отсутствие товарных реакций на фирменное наименование *Фридрих Винтер* с большой долей вероятности можно связать с рекламной традицией: в настоящее время рекламируемый товар редко называется по имени человека, занимающегося его производством, тогда как в рекламе прошлого это было весьма распространенной практикой.

Ассоцирование по фонетической оболочке

Предлагаемые в качестве слов-стимулов фирменные наименования имеют разный потенциал порождения ассоциаций. Процент ассоциаций, вызываемых внешней

оболочкой языкового знака, в сравнении со всеми реакциям на это слово для разных стимулов неодинаков: от 0% до 20%.

Достаточно много реакций на фонетическую оболочку слова получено при предъявлении слов *Капиллорь* (20% - при свободном ассоциировании и 12,1% - при ассоциировании с товаром), *Фридрих Винтер* (16,5% - товар), *Dunlop* (12,1% - свободные ассоциации), *Barberry weekend* (15,2% - свободные ассоциации). Думается, что ассоциативное реагирование на внешнюю форму слова происходит тогда, когда смысл слова-стимула остается закрытым для респондента. Недаром вышеперечисленные слова вызвали отказы.

Реагирование на внутреннюю форму слова

Слова стимулы: *Крем* (66,7% - при ассоциировании с товаром), *Угрин* (16,1% - свободные ассоциации, 18,8% - товар), *Покров* (11,8% - свободные ассоциации), - имеют относительно большой процент слов-реакций на внутреннюю форму слова, следовательно, прослеживается связь слов с конкретными образами.

Больше всего таких реакций на слово *Крем*. В 66,7% всех товарных реакций на это слово используется слово «крем», но здесь работает не только фонетический, но и понятийный аспект. Респондент реагирует на содержательный компонент слова.

Степень совпадения товарной ассоциации с рекламируемым продуктом

Большой процент совпадения товарной ассоциации с рекламируемым продуктом или услугой при следующих наименованиях-реакциях: *Audi* (83%), *Угрин* (78,1%), *Провиант* (70,3%), *Не кашляй* (66,7%), *Русский стиль* (55,6%), *Диадема* (46,7%), *Покров* (26,5%).

Естественно, что это в основном рекламные наименования современных фирм. Для фирменных наименований прошлого это такие, которые имеют выраженную внутреннюю форму, «говорящую» о товаре.

Совсем нет связи ассоциаций с рекламируемым товаром при реагировании на слова: *Vichy*, *Прогресс*, *Крем*, *Капиллорь*, *Казими*. В первом случае это связано с тем, что в прошлом под этим именем производилась и рекламировалась минеральная вода, а сегодня это наименование использует косметическая фирма. Респонденты в товарных ассоциациях указали в качестве реакции на это слово «косметические продукты». Что касается второго фирменного наименования страховой фирмы, то его, видимо, просто не знает группа испытуемых. Случаи с остальными словами были прокомментированы выше.

Категория «совпадение с рекламируемым товаром» слабо выражена при реагировании на остальные торговые марки.

Итоговый вывод: в целом фирменные наименования, предложенные респондентам, не имеют прочных ассоциаций с рекламируемыми товарами.

Основные тематические группы ассоциаций

Полученные реакции в основном поддаются объединению в определенные тематические группы (ТГ). Укажем самые частотные. «Продукты питания» – 11 тематических групп, сюда можно отнести ТГ «Съедобное» – в количестве 5, «Напитки» – 3 ТГ, «Алкоголь» – 1 ТГ, тематическая группа «Парфюмерия» представлена 8 раз. «Косметика» – 5 ТГ, плюс «Косметическое средство» – 7 ТГ, «Косметический» – 1 ТГ, «Средство для очистки кожи» – 1 ТГ. Тематическая группа «Одежда» представлена 6 раз. «Техника» – 3 ТГ, плюс «Аудио-видеотехника» – 2 ТГ, «Наука и техника» – 1 ТГ. «Сигареты» – 5 ТГ. «Лекарство» – 4 ТГ. «Стройматериалы» – 3 ТГ.

Общие выводы по эксперименту

Большинство слов-стимулов вызвали определенные реакции респондентов. Современные торговые марки образуют более устойчивые ассоциативные связи имени и производимого товара, чем фирменные наименования прошлого. Это доказывает актуальный характер ассоциативных связей, обусловленный влиянием этно-культурной среды. Плохо ассоциируются с любым (реальным или вымышленным) товаром неясные слова-стимулы (некоторые торговые марки прошлого и современные фирменные наименования, написанные на иностранном языке или транслитерированные). При отсутствии семантической области, связанной с «телом» знака (словом-стимулом), у респондента возникают ассоциации только на фонетическую оболочку слова. При наличии устойчивого набора смысловых компонентов (структуры лексического значения) в сознании респондентов не возникают фонетические ассоциации. Большинство реакций вписываются в определенные тематические группы, набор которых также обусловлен дискурсивной практикой.

Список литературы

1. Бутакова, Л. О., Бережная. Т. С. Восприятие рекламного текста: теоретико-экспериментальный аспект [Текст] / Л. О. Бутакова, Т. С. Бережная // Вестник Омского университета. – 2006.- №4. - С. 77-80.
2. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах [Текст] / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. - М., МГУ 1977. – С. 5-17.
3. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – М., - 2004. - № 2.
4. Ушакова, Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслезыковой системы [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сб. статей / Под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, - 2004. – 344с.

5. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. – 320с.

А. Е. Валеева
Тамбов, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В широком тематическом разнообразии дискурсов масс-медиа несомненный приоритет принадлежит политическому дискурсу. Интерес к языку политики объясняется как особенностями жизни в современном мире – бурным развитием информационных технологий, значимостью роли средств массовой коммуникации, тенденцией к глобализации, так и собственно научными причинами – как в западной, так и в отечественной лингвистической литературе в последние десятилетия активно обсуждается комплекс вопросов, связанных с речевым воздействием, языковой манипуляцией. Основной задачей публицистического политического дискурса является при этом не столько презентация определённых общественных процессов, сколько проведение определённой идеологии, что означает стремление к формированию некоего общественного мнения или же оказанию воздействия, влияния на него.

В зарубежном языкознании изучение политического дискурса связано с именами Р. Водак, У. Мааса, П. Серио, М. Фуко, Ю. Хабермаса и др.

Целью написания данной статьи является краткий обзор исследований, посвящённых отечественному политическому дискурсу. Наиболее полно указанная проблематика представлена в работах таких лингвистов, как А.Н. Баранов, С.С. Беркнер, Д.А. Бокмельдер, Н.В. Веселова, А.В. Глухова, М.Р. Желтухина, В.И. Карасик, Э.Ю. Новикова, Е.А. Попова, Е.И. Шейгал, исследования которых условно выполнены в рамках социолингвистического, лингвокогнитивного, культурологического, лингвопрагматического подходов. Все названные выше подходы к изучению политического дискурса мы считаем возможным свести в конечном итоге к одному – лингвопрагматическому.

Социолингвистический подход к изучению политического дискурса представлен в работах В.И. Карасика, Е.И. Шейгал.

Так, в своей монографии “Языковой круг: личность, концепты, дискурс” (2002) В.И. Карасик относит политический дискурс к категории статусно-ориентированного дискурса (в отличие от личностно-ориентированного): политический дискурс представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие

представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов. Целью общения в политическом дискурсе, по мнению автора, является сохранение или перераспределение власти. Особый интерес в политическом дискурсе представляют случаи дезавуирования, т. е. признания некоторых сделанных заявлений/сообщений либо не соответствующими действительности, либо отражающими личное мнение конкретного политика [Карасик 2002: 277-298].

В исследовании Е.И. Шейгал “Семиотика политического дискурса” (2000) автор называет системообразующие признаки политического дискурса – институциональность, смысловая неопределённость, особая роль фактора масс-медиа, дистанцированность и авторитарность, театральность, динамичность, эзотеричность и гадательность [Шейгал 2000; цит. по Карасик 2002: 335-339].

Лингвокогнитивный подход к проблематике политического дискурса реализуется в работах А.Н. Баранова (Баранов, Казакевич 1991; Баранов, Караулов 1991). В ходе исследований, проведённых на материале русского языка, было выявлено, что языку политического дискурса присущи метафоричность и изменение лексического состава. В условиях, когда публичное слово приобретает повышенную значимость, метафора оказывается для политика инструментом, позволяющим тонко регулировать настроения в обществе. Парифразируя известную поговорку, А.Н. Баранов остроумно замечает: “скажи мне, какие метафоры ты используешь, и я скажу тебе, кто ты” [Баранов 1991: 190]. Когнитивный подход подчёркивает связь политической метафоры с мышлением и понятийной системой человека, что способствует более полному раскрытию природы данного феномена.

Культурологический интерпретационный подход к политическому дискурсу находит своё отражение в исследованиях Н.В. Веселовой, Е.А. Поповой, Л.В. Цуриковой.

По замечанию Н.В. Веселовой (“Ирония в политическом дискурсе”, 2003) процессы, характерные для современного медиа-пространства – авторизация политического дискурса, тенденция к расширению границ политического текста, избавление от стереотипных клише газетно-публицистического стиля, интертекстуальность и диалог – являются по своей сути реализацией постмодернистского культурологического сознания [Веселова 2003: 7].

В работе “Культурно-языковые характеристики политического дискурса” (1995) Е.А. Попова рассматривает политический дискурс как часть охватывающего все сферы жизни культурного дискурса и делает предположение, что основная часть общественных

тематик характерна также и для политической сферы. Специфика национального политического дискурса в значительной степени обусловлена, по мнению Е.А. Поповой, широким культурологическим контекстом жизни народа: страноведческими реалиями, ценностями, нормами поведения, традициями социального (институционального) поведения, уровнем развития политической культуры [Попова 1995: 9-177].

Л.В. Цурикова отмечает такую характерную черту современной политической культуры, как идеология “политической корректности”. Политическая корректность требует убрать из языка все те языковые единицы, использование которых в речи может вызвать у человека, по отношению к которому они употребляются, негативную эмоциональную реакцию, и найти для них соответствующие нейтральные положительные эвфемизмы. Такая постановка вопроса свидетельствует, по мнению автора, о попытке прямого идеологического воздействия на языковую норму [Цурикова 2001: 94-98].

С.С. Беркнер, А.В. Глухова, М.А. Литовченко изучают политический дискурс в рамках лингвопрагматического подхода.

С.С. Беркнер рассматривает язык как инструмент политики: “Когда мы говорим о языке как инструменте политики, мы имеем в виду использование языка в целях политической пропаганды, т. е. навязывание массовому сознанию определённых стереотипов ...” По замечанию автора, для осуществления воздействия в идеологизированных текстах интенсивно используется риторика и насыщенность различными языково-стилистическими средствами (идеологизированная лексика, стереотипные фразы, эпитеты, метафоры, эвфемизмы и т. д.) [Беркнер 2001: 85-89].

Функциональный аспект политической речи акцентирует А.В. Глухова, выделяющая следующие функции политической речи:

- 1) коммуникативная функция (предполагает возможность общения политического деятеля с избирателями);
- 2) идентифицирующая и дифференцирующая функция (речь выступает важным средством осознания принадлежности к определённой группе благодаря общности интересов, ценностей);
- 3) функция политической социализации (включение личности в политику, побуждение её принять некое решение);
- 4) функция политической мобилизации (вовлечение объекта в активную политическую деятельность) [Глухова 2001: 68-69].

Лингвопрагматический подход к изучению политического дискурса представлен в работе М.А. Литовченко. Всеобъемлющей задачей политического языкового действия

признаётся воздействие, проявляющееся в самых разных формах: от идеологического тоталитарного неприкрытого языкового насилия до завуалированной манипуляции. Автор отмечает важность не только формы высказывания, но и его целеустановки и способности решить поставленную говорящим прагматическую задачу [Литовченко 2003: 3-4].

Таким образом, исследование политического дискурса правомерно отнести к наиболее актуальным и плодотворно разрабатываемым направлениям современной отечественной лингвистической науки.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Русская политическая метафора. – М.: Наука, 1991. – 264с.
2. Беркнер, С. С. Язык как инструмент политики: роль стереотипов и идеологизированной лексики [Текст] / С. С. Беркнер // Эссе о социальной власти языка: сб. науч. трудов / Под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: изд-во РИЦ ЕФ ВГУ, 2001. – С. 85-89.
3. Веселова, Н. В. Ирония в политическом дискурсе: автореф. дис. к.ф.н [Текст] / Н. В. Веселова. – Н. Новгород: изд-во НГЛУ, 2003. – 16с.
4. Глухова, А. В. Речь как политическое действие: функциональный аспект [Текст] / А. В. Глухова // Эссе о социальной власти языка: сб. науч. трудов / Под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: изд-во РИЦ ЕФ ВГУ, 2001. – С. 65-84.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476с.
6. Литовченко, М. А. Прагматические особенности вербальной атаки в политическом дискурсе (на мат-ле нем. яз.): автореф. дис. к.ф.н [Текст] / М. А. Литовченко. – Тамбов: изд-во ТГУ, 2003. – 26с.
7. Попова, Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на мат-ле нем. яз.): автореф. дис. к.ф.н [Текст] / Е. А. Попова. – Волгоград: изд-во ВГУ, 1995. – 21с.
8. Цурикова, Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен [Текст] / Л. В. Цурикова // Эссе о социальной власти языка: сб. науч. трудов / Под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: изд-во РИЦ ЕФ ВГУ, 2001. – С. 94-98.

Г.Р. Власян
Челябинск, Россия

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Повышенный интерес лингвистов к диалогической речи, к проблемам коммуникации в целом, объясняется растущим пониманием значимости исследования диалога для лингвистической науки. В отличие от массовой коммуникации, монолога, коммуникации путем письменных текстов и др., именно в диалоге проявляется живое (спонтанное), двустороннее, динамичное общение, в котором особое значение придается ситуации общения, правилам, стратегиям и тактикам речевого поведения коммуникантов, соотношению их социальных ролей.

Одним из необходимых условий существования общества являются социальные нормы поведения: они регулируют социальное взаимодействие людей в процессе их практической деятельности. «Манера речи, разрешение или запрет говорить одно и не говорить другое, выбор языковых средств, как помета своей принадлежности к среде – все это заметно в наших повседневных речевых проявлениях» [Формановская 1982]. Речевой этикет воплотился в стереотипы, формулы общения, которые не строятся заново всякий раз, когда есть необходимость в их употреблении, а используются как готовые, устойчивые выражения, отложившиеся в нашем языковом сознании. При этом в диалоге проявляется уважение к собеседнику, иными словами, коммуниканты строят свое общение на вежливости.

Ведущим критерием этикетного речевого общения, на котором строятся межличностные отношения, является принцип Вежливости, сформулированный Дж. Личем [Leech 1983]. Все максимы Дж. Лича приводятся в понятиях этических норм поведения, а, следовательно, и речевого поведения, однако их влияние на речепорождение и речевосприятие велико. Указанный принцип является необходимым для конституирования диалогического дискурса, он обуславливает коммуникативное поведение коммуникантов, но не определяет основного содержания диалога.

Дж. Лич располагает свои максимы по градуальной шкале затрат и выгоды (для говорящего и слушающего): 1) максима Такта; 2) максима Великодушия; 3) максима Одобрения; 4) максима Скромности; 5) максима Согласия; 6) максима Симпатии. Центральное место в функционировании принципа Вежливости занимают статусно-ролевые отношения. Хотя коммуниканты любого статуса стремятся к соблюдению принципа Вежливости, тем не менее, лицо, обладающее более высоким статусом, имеет больше возможностей безнаказанно эти правила нарушать. Максимы Такта, Великодушия, Одобрения, в меньшей степени максима Согласия достаточно часто нарушаются коммуникантами с более высоким статусом, в то время как коммуниканты с низким статусом практически не позволяют себе нарушения данных максим. В то же время на действия максим Симпатии и Скромности статусные отношения оказывают лишь незначительное влияние.

Наблюдения за речевой практикой убеждают, что часто предпочитают вежливую ложь суровой правде.

В диалогическом дискурсе может проявляться асимметричность принципа Вежливости: что хорошо для слушающего, может оказаться неприемлемым для говорящего. Интересно утверждение Дж. Лича о том, что вежливость выгодна слушающему. Однако это не всегда так, как показывает наш материал. Конечно,

слушающий получает удовольствие, и это ему приятно, однако говорящий с помощью вежливости как тактического приема нередко достигает искомой цели.

Данный принцип направлен на предотвращение конфликтных ситуаций, т.е. он дает возможность избежать конфликтов, которые ведут к нарушению и прерыванию речевого общения.

Важность соблюдения различных максим принципа Вежливости в процессе коммуникации не одинакова, как не одинаковы и характерные реакции реципиентов (слушающих) на эти нарушения. Нарушения максим Такта и Великодушия, Одобрения и Симпатии обычно вызывают резкую негативную реакцию собеседников. Напротив, нарушение максим Скромности и Согласия в большинстве ситуаций приемлемы.

Формулы вежливости характеризуются двоякой обусловленностью: с одной стороны, существует необходимость произнести определенную формулу в определенной ситуации, с другой стороны, отмечается необходимость произнести любое приличествующее ситуации высказывание в определенных обстоятельствах. Так, после еды по-румынски, как и по-русски, обычно говорят «спасибо», а по-французски благодарность не является обязательной, но необходимость «что-то сказать» остается [Slama-Cazacu 1986: 49-50]. Иначе говоря, существуют относительно жесткие и относительно свободные формулы вежливости. Степень жесткости/ свободы зависит от ситуации общения: чем протокольное, официальнее ситуация общения, чем более акцентируется статус участников, тем более жесткими будут формулы общения, включая формулы вежливости. Вместе с тем обусловленность той или иной формулы объясняется не только официальностью ситуации, но и содержанием соответствующего нормативного действия и традициями этноса. Первоначально многие формулы вежливости были магическими заклинаниями, призывавшими милость богов. Именно поэтому при встрече у многих народов необходим длинный обмен вопросами о здоровье близких с перечислением всех родственников. Не упомянуть кого-то значит не призвать благорасположения божества к этому человеку.

Нормы вежливости привязаны к каналу общения: в США, например, не принято, по свидетельству Р.Уордхау, звонить по телефону просто так, для поддержания контакта. Если сын звонит своей матери, чтобы просто сказать «Привет!» и услышать ее голос, то она начинает беспокоиться и спрашивает: «Почему ты звонишь? У тебя что-нибудь случилось?» [Wardhaugh 1976: 105]. Телефонный разговор приравнивается к телеграмме и непременно должен содержать некоторую информацию. Разумеется, такая норма разделяется не всеми американцами.

Нормы вежливости проявляются в соотношении выражаемой и подразумеваемой информации. Можно построить следующую модель выражения информации: 1) то, что обязательно должно быть сказано (этикетные формулы общения, а также собственно обмен информацией), 2) то, что не обязательно должно быть сказано (дополнительные этикетные формулы, произносимые для смягчения категоричности, демонстрации уважения и т.д., а также словесное выражение того, что обычно понимается ситуативно), 3) то, о чем обязательно следует умолчать (табуированные темы и формы выражения, включая паралингвистические способы передачи информации), 4) то, о чем не обязательно следует умолчать (не относящаяся к теме диалога информация).

Если правила и нормы ведения диалогического дискурса игнорируются слушающим и/или говорящим, принцип Вежливости не соблюдается, тогда участникам диалогического дискурса трудно достичь взаимопонимания, и можно предположить, что их двоих или кого-то одного из них постигнет коммуникативная неудача, т.е. коммуникация станет unsuccessful.

Список литературы:

1. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. - М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. - 330с.
2. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты [Текст] / Н. И. Формановская. - М.: Рус. язык, 1982. - 126с.
3. Leech, G. N. Principles of Pragmatics [Text] / G. N. Leech. - London: Longman, 1983. - 250p.
4. Slama-Cazacu, T. The Concept of Politeness and its Formulas in the Romanian Language [Text] / T. Slama-Cazacu // The Fergusonian Impact: in Honor of Charles A. Ferguson on the Occasion of His 65th Birthday. J. A. Fishman (Ed.). - Vol.2. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. - P. 35-58.
5. Wardhaugh, R. The Contexts of Language [Text] / R. Wardhaugh. - Rowley: Newbury, 1976. - 228p.

Т.Г. Волошина
Белгород, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПАРАТАКСИСОМ И ГИПОТАКСИСОМ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале киносценариев США)

Усиление коммуникативно-прагматического подхода к исследованию лингвистических проблем привело к возникновению ряда активно функционирующих в настоящее время коммуникативно-деятельностных теорий языка.

В первую очередь, это теория речевых актов (теория речевых действий), составляющая ядро прагмалингвистики. Понятие деятельности в качестве объяснительного принципа при изучении языка как системы было использовано в 20-

30-х гг. в трудах Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, Л.П. Якубинского. Но сама речевая деятельность не была предметом пристального изучения со стороны лингвистов. Поэтому вполне закономерен интерес исследователей к попытке построения общей или частной теории речевой деятельности.

Анализ структуры диалогической речи приводит к выявлению его составляющих, терминология и статус которых постоянно уточняется и неоднозначно определяется различными отечественными и зарубежными исследователями: высказывание, реплика, речевой акт, шаг, ход, turn, zug, geprüchsschritt, move и т.д.

В данной статье мы исходим из иерархии коммуникативных единиц, разработанной Л.М. Михайловым и его последователями. Нижнюю ступень занимает минимальная единица речевой деятельности в диалогической коммуникации – «коммуникативный шаг», который реализуется одним из коммуникантов и восходит к одной синтаксической модели. На более высокой ступени находится другая единица – «коммуникативный ход», представляющий единую коммуникативную установку одного собеседника. Макро единицей диалогической коммуникации является диалогическое единство, состоящее из коммуникативных шагов и ходов, которые объединены единой темой и реализуются двумя и более коммуникантами [Михайлов 1994: 45].

Определение текстообразующего потенциала полипредикативного предложения с паратаксисом и гипотаксисом необходимо как для выявления его неизученных структурно-семантических особенностей, так и для установления правил аранжировки компонентов диалогического текста.

В фокусе нашего внимания находятся тексты сценариев, которые представляют собой разновидность драматического жанра. Не смотря на это, в текстах сценариев отражаются многие свойства, черты разговорной речи. По построению конструкций такая речь ближе к разговорной, чем к книжной литературе. Конечно, речь персонажей фильмов нельзя считать эквивалентом разговорной речи вообще. Разговорная речь свойственна повседневной устной (диалогической) речи, характерной для обиходного общения. Такая особая стилистически однородная система противопоставляется книжной речи как не кодифицированная и кодифицированная форма языка. Разговорная речь характеризуется особыми условиями функционирования, такими, как отсутствие предварительного обдумывания высказывания и предварительного отбора языкового материала, непосредственность речевого общения между его участниками, непринужденность речевого акта, связанная с отсутствием официальности в отношениях между ними и в самом характере высказывания. Разговорной речи присущи заметные

особенности на всех уровнях языковой системы – в фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе [Марузо 2004:245].

В среднем общий объём предложений в любом сценарии колеблется от 1000 до 1200, из них полипредикативные предложения составляют около 150, в то время как полипредикативных предложений с сочинением и подчинением насчитывают от 30 до 60. Небольшое количество полипредикативных предложений с сочинением и подчинением объясняется тем, что диалогические тексты (сценарии к фильмам) относятся к разговорному стилю речи.

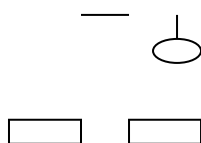
В ходе исследования было выявлено, что иницирующие ходы, реализующие полипредикативные предложения с паратаксистом и гипотаксистом, составляют единичные случаи (8%) по сравнению с подавляющим количеством примеров реагирующих коммуникативных ходов (92%), например:

George: *What's the matter, you got so many friends in this world, you can't use one more? I'm serious. If you need someone to keep an eye on them after school or something I don't have a job now, so I'm around in the afternoons.*

Erin: *Oh, that's a great recommendation. You're unemployed?*

(Erin Brockovich)

Данное диалогическое единство представлено иницирующим ходом, состоящим из трех шагов, и реагирующим ходом, состоящим из двух шагов. Первый шаг иницирующего хода представляет собой интеррогатив. Однако, рассматриваемая единица не обладает достаточной иллокуцией для того, чтобы наилучшим образом реализовать коммуникативную установку, поэтому вводится второй и третий шаг. Третий шаг представляет собой полипредикативную конструкцию с минимальным паратактическим и минимальным гипотактическим блоком закрытого типа.

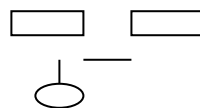

В анализируемом предложении гипотактический комплекс занимает конечное положение, что определяется коммуникативным заданием единицы в целом.

В большинстве случаев полипредикативные предложения располагаются в середине коммуникативного хода. Именно они способствуют реализации в полной мере коммуникативного замысла коммуниканта.

Единичные случаи представляют коммуникативные ходы, состоящие из одного шага, которые реализуются в форме полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом, например:

Beverly: I was hearing just everything you were doing so I put these on to give you privacy.

Spensor: I'm sorry.
(As Good as it Gets)

Анализируемый коммуникативный ход, состоящий из одного шага реализован в форме полипредикативного предложения с минимальным гипотактическим комплексом закрытого типа и минимальным паратактическим комплексом.

Как правило, в состав коммуникативных ходов входят ряд простых полносоставных или эллиптических единиц, или же к ним присоединяются одна или две сложные синтаксические единицы.

Многие исследователи отмечают, что «синтаксический облик инициирующего коммуникативного шага значительно отличается от вербального облика реакции; реагирующий коммуникативный шаг, согласно принципу заимствования синтаксической программы собеседника часто оформляется в эллиптической форме. В других случаях актант-рема функционирует в составе тематических компонентов, что обеспечивает полносоставную реализацию модели» [Колоева 2006: 92].

Особенностью полипредикативных предложений с паратакисом и гипотакисом является то, что они сохраняют свою форму в диалогических текстах либо как следствие перехода рематических компонентов в тематическую область, либо как независимая от предшествующего хода конструкция со своей тема - рематической структурой [Ракова 2007: 86].

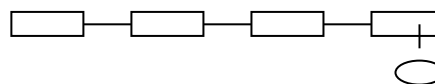
Следует отметить, что около 60% примеров приходится на минимальные полипредикативные предложения с сочинением и подчинением, что подтверждают предыдущие примеры. Если коммуникативный ход реализует обширную информацию, представленную несколькими шагами, то вероятность появления сложных синтаксических конструкций резко увеличивается.

Рассмотрим реагирующий коммуникативный ход, состоящий из трех шагов, второй из которых формируется из полипредикативного предложения с расширенным паратактическим блоком и минимальным гипотактическим комплексом закрытого типа.

Melvin: *What?*

Carol: *He's gotta fight to breathe. His asthma can just shoot off the Charts and he's allergic to dust and this is New York and his immune system bails on him when there's trouble so an ear infection. Is this bothering you?*

Melvin: (caught) No.
(As Good as it Gets)

Таким образом, несмотря на то, что для диалогического текста типичны несложные синтаксические конструкции, в арсенал его языковых средств входят различные типы полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом. В диалогических построениях преобладают предложения, которые образуют реагирующие коммуникативные ходы. В подавляющем большинстве случаев, анализируемая конструкция является составной частью диалогического хода. Данная конструкция занимает в нем центральное положение, что связано с формированием и развитием рематической линии диалогической единицы, и, соответственно реализацией большого текстообразующего потенциала полипредикативного предложения с гипотаксисом и паратаксисом.

Список литературы

1. Колоева, Л. М. Единицы диалогической коммуникации (на материале английского языка): дис. канд. филол. наук [Текст] / Л. М. Колоева. – Москва, 2006. – 171с.
2. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка [Текст] / Л. М. Михайлов. - М.: Изд-во «Высшая школа», 1994.
3. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Ж. Марузо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440с.
4. Ракова, К. И. Полипредикативное предложение: гипотактические конструкции [Текст] / К. И. Ракова. – Москва, 2003. – 160с.

И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева
Екатеринбург, Россия

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС - РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Деятельность в профессиональной сфере требует особого, специального, типа коммуникации – корпоративной, профессиональной. Постоянное нахождение в специальной области деятельности формирует личность профессионала, требует от действующего там человека приобретения соответствующих качеств, умений, вхождения в соответствующую когнитивную сферу, то есть определяет его статус. Эти процессы происходят на фоне общей активизации визуальных восприятий в жизни современного общества. Именно формирование клиповой культуры обусловило особенности современного типа коммуникативной личности. Привычка воспринимать одновременно не один текст, не одну главную мысль, тему, а несколько, становится сегодня естественной и влияет на процесс отбора информации. Происходит видоизменение, усложнение процесса восприятия произведений. При этом значимы имманентные особенности невербальных сообщений, на что указывают В.Н. Куницына и др.: *ситуативность, произвольность, синкретичность и синтетичность*

[Куницына 2001]. Все невербальные сообщения сигнализируют нынешнее состояние говорящего и его отношение к предмету разговора, к предмету восприятия; возникают произвольно, спонтанно; экспрессивное поведение трудно разложить на отдельные единицы. Отмеченные нами особенности восприятия касаются и личности архитектора-профессионала, современного зодчего.

Профессиональная коммуникативно-речевая ситуация архитектурной деятельности (в широком смысле) характеризуется как семиотически усложненная с точки зрения тех кодов, которые там используются, и включает в себя некоторые коммуникативно-речевые акты, в процессе которых необходимы коммуникативные взаимодействия профессиональной личности с партнерами. Для построения такого корпоративного общения используются разнообразные коды (речевые/неречевые, визуальные коды разных типов, а также аудиальные). Взаимодействие разных семиотических систем в поликодовых текстах, какими являются проекты, планы, рисунки, сметы, описания и т.д., позволяет осуществлять понимание более эффективно, чем это происходит в собственно вербальных текстах. Изобразительный ряд сильно действует на восприятие, объект воспринимается как нечто цельное с меньшим напряжением, чем вербальный текст. Данный факт несколько не умаляет значения собственно вербалики как основного средства познания действительности и построения языковой картины мира. Но профессиональное владение разными способами «присвоения вербальных значений», как пишет В.А.Пищальникова [Пищальникова 2005:50], способствует развитию языковой личности.

Обилие профессиональных коммуникативных ситуаций и их разнородные характеристики доказывают тот факт, что от коммуникатора-профессионала требуется умение выбирать то необходимое средство, которое позволит адекватно выстроить коммуникативную ситуацию в соответствии с поставленными целями, и свободно владеть разнообразными коммуникативными ресурсами. Для деятельности в собственной производственной сфере личность формирует особый способ организации восприятия действительности, который нами назван «стилевой креолизацией» [Волчкова, Лазарева 2007].

Этот термин означает коммуникативное качество личности, воспринимающей окружающее через его образную конкретизацию. Так же – через визуальные образы – происходит профессиональная деятельность архитектора. В профессиональной сфере архитектора постоянно присутствует визуализация как способ освоения окружающего мира: создать проект здания – значит представить его изображение, рисунок, чертеж. Определить местонахождение объекта – значит, прежде всего, изобразить (нарисовать,

сфотографировать), представить «вид» окружения. Можно сказать, что в профессиональной коммуникации зодчего особенно важно соотношение абстрактного и конкретного. «Вербализация через широкую визуализацию» - так можно кратко сформулировать суть анализируемого подхода к действиям профессионала. Человек, действующий в области архитектуры, формирует особый тип восприятия действительности, обладает специфическими свойствами интерпретации окружающего, освоения знаний. Профессиональная деятельность, существование на собственном профессиональном коммуникативном пространстве определяют своеобразные черты личности профессионала-коммуникатора, обуславливающие освоение окружающего мира.

Как видим, стилевая креолизация нашла свое воплощение в органичном совмещении конкретных, чисто архитектурных свойств (форма, цвет, организация пространства, оборудование) данного объекта и образных, на основе вербалики, способов их передачи.

Невербальные средства коммуникации (так же, как и вербальные) выполняют базовые функции коммуникации (информационную, прагматическую и экспрессивную). Невербальные знаки (жесты, мимика) чаще всего являются немотивированными индексированными знаками и раскрывают чувства, эмоции, оценочное отношение. Прагматическая функция включает в себя установление контакта, обратной связи, социальную ориентацию, побудительные и регулирующие мотивы. Экспрессивные функции включают адаптивные, эмотивные (вызывающие эмоции) и эмфатические (эмоциональное выделение какого-либо фрагмента).

Изучением роли внетекстовых элементов письменного речевого произведения занимается особая отрасль науки – параграфемика, к которой сейчас наблюдается интерес в связи с развитием визуальной культуры в социуме, на фоне новых технологий.

Расширение сферы анализа дискурса отразилось в развитии современных отраслей филологии: это параграфемика, расширение текстологического подхода за счет развития теории креолизованных текстов и интертекстов, активное изучение когнитивного пространства. Широко развивается подход к дискурсу с позиции выявления смыслов, которые появляются в результате взаимодействия вербальной и невербальной частей произведения. Отмечается интерес к параграфемной стороне произведения, и в связи с этим новую жизнь получила *теория зашит* А.А. Реформатского [Реформатский 1933], в основе которой – выявление параграфемных средств текста, применяемых для формирования целостного образа произведения, его логической структуры и усиления оценочности отдельных его частей. Создаваемый

таким образом коммуникативный фон служит местом действия «разыгрывания» коммуникативной ситуации, реализация которой обусловлена интеллектуальными действиями профессионала как личности. Использование специального дискурса, конструируемого в ходе реализации коммуникативной программы, есть результат взаимодействия особых, уникальных для каждой корпоративной сферы средств. Анализируемое нами коммуникативное пространство со стержневой составляющей «Архитектура» получило в настоящее время значительное количество языкового материала, требующего осмысления в когнитивной сфере.

Список литературы

1. Волчкова, И.М., Лазарева, Э.А. Специфика коммуникативного поля современного архитектора. [Текст] / И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева; // Языки профессиональной коммуникации. Сборник статей участников Третьей международной научной конференции (Челябинск, 23 – 25 октября 2007 г.). Челябинск, 2007, с. 90-92.
2. Куницына, В.Н., Казаринова, Н.В., Погольша, В.Н. Межличностное общение. [Текст] Учебник для вузов. В.Н. Куницына. – СПб, Питер, 2001.
3. Пищальникова, В.А. Язык как когнитивно-коммуникативный механизм [Текст] / Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире» Барнаул, изд-во Алтайского ун-та, 2005.
4. Реформатский, А.А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы [Текст] А.А.Реформатский / под ред. Д.Л. Вейса. Государственное издательство легкой промышленности, 1933.

О.Е. Гайбарян
Ростов-на-Дону, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЗНАКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Как известно, изучение знаков начинает постепенно обособляться в отдельную область знания еще в трудах Аристотеля и стоиков. Продолжение этой традиции у Бл. Августина приводит к ее окончательному выделению. Для Бл. Августина различение знака и вещи становится классификационным признаком. Эта мысль будет затем развита Локком, который противопоставил науки, изучающие знаки, всем прочим наукам.

Как пишет Вяч. Вс. Иванов [Иванов 1998: 643], развитие семиотических идей в Европе можно разделить на время, предшествующее посмертной публикации курса Соссюра (1916 г.), когда лингвисты в своих занятиях языковыми знаками главным образом интересовались их историей (в том числе исторически понимаемой внутренней формой) и последующее время, ознаменовавшееся возможностями более прямого контакта лингвистического, логического и семиотического подходов к естественному языку.

Первым русским ученым, давшим детальное обоснование необходимости исследования знаков как особой сферы научного знания и изложившим принципы феноменологического и герменевтического подхода к ней, был Г.Г. Шпет. В рукописи «Герменевтики» (1918 г.) Г.Г. Шпет напомнил мысли Августина из его “*De Doctrina Christiana*” о разделении учений, которое, по Шпету, должно стать основой классификации наук, всякое учение, согласно Августину, относится к вещам или знакам, но вещи изучаются посредством знаков. Вещью в собственном смысле называется только то, что не применяется для обозначения чего-либо другого, то есть что не является знаком. Одна и та же вещь может выступать то как знак, то собственно как вещь. Семиотику в данной работе Г.Г. Шпет рассматривает как науку о понимании. Другого человека мы понимаем по его знакам о себе – словам или другим знакам, сопровождающим его речь. Отсюда следует выдвижение на первый план задачи разработки семиотики как науки о слове-знаке. См. подробнее: [Иванов 1998: 681-683].

В соответствии с широким пониманием семиотики она находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении художественной литературы, в архитектуре и т.д., то есть везде, где непосредственным предметом анализа оказывается информационная (знаковая) система. Проблемы семиотики традиционно рассматриваются в качестве «классических», фундаментальных вопросов лингвистики, во многом определяющих ее теоретический потенциал и специфику ее инструментария в целом. С одной стороны, семиотика неотделима от структурализма, а с другой стороны, большая гибкость семиотики позволяла «вводить в семиотический дискурс неструктуралистские элементы, например – элементы теории Ч. Пирса.

В истории философского изучения категории знака четко противопоставлены две семиотические школы – онтологическая (ведущая свое начало от Ч. Пирса) и генетическая, основоположником которой был Э. Кассирер. Первая устанавливает сущностную взаимосвязь основных семиотических категорий, вторая прежде всего выделяет их генетическую взаимосвязь, так что данные школы не столько отрицают, сколько дополняют друг друга.

Ключевое понятие семиотики – знак и его интерпретация. Как известно, Ч. Пирс разграничивал понятия знака и репрезентанта: знак – это репрезентант с мысленной интерпретантой, то есть знак по определению должен быть воспринят и интерпретирован как таковой [Семиотика 2001]. Знаковая репрезентация представляет собой присущую только человеку форму объективации реального мира. Сущность знаковой репрезентации состоит в замещении и обобщении вещей. Понимание самого

явления знаковой репрезентации, его моделирование, определение значения знака зависят от того, как интерпретируется знаковая система языка и какой аспект – структурный или деятельностный (динамический) – берется за основу. Концепция трихотомии знаков (иконы, индексы, символы), разработанная основоположниками семиотики Ч. Моррисом и Ч. Пирсом, была, однако, существенно отодвинута вследствие доминанции соссюрских идей, касающихся принципиальной немотивированности языкового знака (а, следовательно, исключения из рассмотрения икон и индексов).

Семиотика предоставляет возможность интерпретации в качестве знака и текста. «В отличие от традиционной семиотики, в качестве объекта для исследования выбиравшей вслед за Пирсом и Соссюром знак и систему знаков, семиотические исследования в Москве и Тарту в качестве предмета анализа с самого начала рассматривали и текст, который может состоять из отдельных знаков и в этом смысле вторичен (надстроен над языком и принадлежит ко вторичной знаковой системе» [Иванов 1998: 703]. За 40 лет своего существования тартусско-московская школа, для которой художественная литература как система знаков была главной проблемой, сумела рассмотреть самые разные типы знаковых систем и текстов (работы Ю.М. Лотмана, Ю.И. Левина, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова и др.).

Итак, текст, будучи сам знаком и объединяя совокупность знаков, представляет собой обширное поле для семиозиса – процесса наделения знаков новыми значениями в ходе интерпретации. Общий тезаурус, на который опираются коды и субкоды, включает как филологическое обеспечение, так и знания культуры. Реципиент в своем стремлении понять текст должен подключать не только свои коды, но и реконструировать тот риторический и идеологический универсум, ту коммуникативную ситуацию, в которой было создано произведение (начался дискурс). Именно так можно отыскать ключи, приближаясь к исконному коду, восстанавливаемому в процессе интерпретации контекста [Лучинская, Симоненко 2007: 195]. Если текст есть знак, то и смысл произведения тоже становится знаком, который может быть истолкован при помощи новых мыслительных знаков, а каждая мысль может быть интерпретирована в другой мысли.

В традиционных подходах к тексту акцент делался прежде всего на пояснениях и комментариях, компенсирующих ограниченность кругозора реципиента, при этом разъяснялись реалии всех типов, а также всевозможные аллюзии, ассоциации, пародирование и т.п. Стилистический анализ, как правило, состоял в выявлении (инвентаризации) тропов и фигур, при этом форма нередко отрывалась от содержания и целостное впечатление терялось. Вообще текст до недавнего времени был статичным

материалом для лингвистического анализа; из текста черпались данные о системно-структурных параметрах языка. Современная лингвистика делает иные акценты: текст рассматривается как сложное семантическое целое, что подразумевает сопоставление и учет всех средств художественного изображения внутри текста, а также исследования параметров экстралингвистического характера. «В настоящее время все больше осознается необходимость интердисциплинарного подхода к тексту как инструменту и продукту познавательно-коммуникативной деятельности, протекающей в процессе отражения действительности субъектами познания» [Баранов 1993: 3].

Такой подход к тексту определил введение в исследовательскую парадигму субъектов текстовой деятельности: пишущего (продуциента) и читающего (реципиента), а лингвистика текста вышла на пересечение интересов смежных наук – психологии, логики, социологии, семиотики. Семиотика изучает знаки в триединстве семантики, синтактики и прагматики. В многообразии прагмалингвистических разысканий можно выделить два направления: структурное и функциональное. Первое стремится отграничить семантические способы выражения информации от прагматических; второе (функциональное) формировалось в результате выявления семиотических свойств естественного языка, развития лингвистики текста, а также психо- и социолингвистики. Как известно, Ч. Моррис, изначально стоявший на структурных позициях, в более поздних работах определил прагматику как нередуцированную семиотику, изучающую создание, функционирование и взаимодействие знаков в значимом поведении интерпретаторов. В противоположность полной семиотике, то есть прагматике, семантика и синтактика рассматриваются им как редуцированные семиотики разного уровня абстракции.

Прагматически ориентированная семиотика является, безусловно, логикой текстовой деятельности человека. Ю.С. Степанов пишет, что прагмалингвистику можно определить как полную семиотику, предметом которой является текст в его динамике, соотнесенный с главными субъектами, с «эго» автора и реципиента, творящих текст [Степанов 1985: 332]. Нередуцированная семиотика, то есть прагматика естественного языка может быть охарактеризована как наука, изучающая коммуникативные процессы с учетом широкого социокультурного контекста.

Список литературы

1. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста [Текст] / А. Г. Баранов – Ростов н/Д: изд-во Ростовского ун-та, 1993.
2. Иванов, Вяч. Вс. Очерки по предыстории и истории семиотики [Текст] / Вяч. Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. Знаковые системы. Кино. Поэтика. М.: Языки рус. культуры, 1998.

3. Лучинская, Е. Н., Симоненко, М. Ю. Семиотический подход к изучению смысла текста [Текст] / Е. Н. Лучинская, М. Ю. Симоненко // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. / Под ред. В. И. Тхорика, Н. Ю. Фанян. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007.

4. Семиотика: антология [Текст] / сост. и общая ред. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

5. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю. С. Степанов / отв. ред. В. П. Нерознак. М.: Наука, 1985.

М.А. Голованёва
Астрахань, Россия

**О РАССОГЛАСОВАННОСТИ В ДРАМАТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ КОНЦА XX ВЕКА
(на материале пьесы В.Павлова «Десятый круг»)**

Пьеса В. Павлова «Десятый круг» (1991), написанная в традициях драмы «новой волны», но приближающаяся к драме абсурда, даёт богатый материал для наблюдений над рассогласованностью и связностью в диалоге и в полилоге. В произведении отражается жизнь, лишённая смысла, причинно-следственных связей. «В поэтике преобладает «трагическая» демонстрация ложности и бессмысленности форм (в том числе языковых), в которых протекает повседневное «бытие» человека (А.Н.Дорошевич) и за которыми скрывается безысходная трагичность бытия с его иррациональной жестокостью и смертью» [Исаев 1995: 60].

Такое сложное структурно-семантическое и коммуникативно-прагматическое образование, как диалог, а также полилог, подвергается в анализируемой пьесе трансформации, следствием чего является нарушение всех условий, отмеченных Й. Швита́лла как обязательных для осуществления коммуникации: 1) лица находятся в «центрированном взаимодействии», т.е. сосредоточены друг на друге; 2) посредником в обмене выступает система символов; 3) роли говорящего и слушающего должны хотя бы раз перейти от одного участника к другому [Schwjtalla 1979: 17]. По Л.В. Щербе диалог «...состоит из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседников. Диалог – это, в сущности, «цепь реплик» [Щерба 1974: 115]. Лингвистический феномен полилога в отмеченной пьесе заключается в создании особого микрокосма речи, где плоскости отдельных сеток (или цепей) диалогов образуют слои некоего текстового «гамбургера», причём во времени каждый пласт

разворачивается параллельно остальным, но наложения реплик друг на друга не происходит благодаря неправильному шахматному порядку высказываний.

Мясник. Он, знаешь, да? Чемпион из чемпионов! (*Танцует вокруг Наташи.*) Он меня поборо! Приёмы знает! Ей-бох, как его знакомая, приходи в любое время! Всё будет!

Маргарита. Отец вроде бы и не ухаживал... Ухаживали другие, за него...

Старейшины. Он, знаешь, да! Луриха победил! Луриха!!

Балерина. Да какой он там Лурих! **Лурих.** Лурих не Лурих, но все фокусы его делал! Галстуки из кочерги вязал? (*Вяжет галстук из кочерги.*) Гири подбрасывал, а ты-то и фуэте уже сделать не можешь... Корова! **Балерина.** Сам иди! Фуэте... (*Пытается крутить.*) Ну, не могу! А ты пацану проиграл!

Отец. Я тогда бог там был! **Андрей.** Ещё форма эта... (*Одёргивает френч.*) Старейшины. Правильна! Правильна! **Наташа.** Сама не знаю, может, и влюбилась...

Маргарита. Кстати, парень мог бы написать мне из Одессы, если бы хотел... **Наташа.** Он хоть и посредственность, но нельзя было так долго его обманывать. **Маргарита.** Ну и я ничего не писала. **Наташа.** Надо было сразу сказать всё, а я обманывала. **Конвоир.** Вы же сами предупреждали, что путаться будете в показаниях. Мы же всё помним. Есть поршень, нету, а раз песок сыпал, значит, виноват! **Маргарита.** Отец всё на фронт рвался.

Андрей. Нарком сказал: придёт время, вместе пойдём... **Маргарита.** А куда было идти, когда фронт сам туда шёл. **Отец.** Нарком как знал. **Наташа.** Просто мне хотелось, чтобы муж у меня был кто-то! Хоть бы писатель, а тот был просто... Только обманывать нельзя было всё равно. **Отец.** Дополнения по личной жизни. Я любил её...

Отдельный пласт реплик – это минимальный блок реплик, «диалогическое единство» [Шведова 1980: 58], т.е. совокупность двух соседних реплик, связанных ситуативно с помощью соблюдения правил: 1) реплики связаны одной темой; 2) оно начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; 3) все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены [Лагута 2000: 30]. Вычленив отдельный пласт реплик («диалогическое единство») из потока драматического полилога, наблюдаем преобразование монолога одного из лиц в диалог, постепенное нарастание активности интеракции. В других случаях можно констатировать также и обратный процесс – прекращение речевого действия одного из говорящих, преобразование диалога в монолог.

Маргарита. Отец вроде бы и не ухаживал... Ухаживали другие, за него... **Маргарита.** Кстати, парень мог бы написать мне из Одессы, если бы хотел... **Маргарита.** Ну и я ничего не писала. **Маргарита.** Отец всё на фронт рвался.

Маргарита. А куда было идти, когда фронт сам туда шёл. **Маргарита.** Парня этого убило. При бомбёжке. Я слышала, как бомбы эти летели. С колокольчиками. **Андрей.** Он письмо написал. Одно. Родители его переехали.

Маргарита. Письмо? Я не знала... Что он написал? **Маргарита.** Всё равно я хотела бы его прочитать. **Маргарита.** Значит, его убило... **Андрей.** Да, при бомбёжке. А письмо – абсолютно целое, даже странно.

Кажущаяся хаотичность реплик в изначальном, нерасщеплённом полилоге, полученная благодаря наслоению многих диалогических цепей, исчезает при попытке выявления связей между этими цепями. С нерегулярной частотой диалогические единства вступают в семантическое соприкосновение, что усложняет схему связей. Диалог двух героев смыкается в определённой смысловой точке с диалогом других лиц.

Маргарита. Парня этого убило. При бомбёжке. Я слышала, как бомбы эти летели. С колокольчиками. **Андрей.** Он письмо написал. Одно. Родители его переехали. **Отец.** Просто я не хотел расстраивать тебя... **Маргарита.** Письмо? Я не знала... Что он написал?

Движение на отграниченном пространстве от начальной до конечной точки организованного таким образом полилога происходит благодаря его коренному отличию от многоголосия, имеющего временные рамки репликового пространства с неупорядоченной очерёдностью высказываний. Многоголосие – реализация локутивных, иногда перлокутивных актов, остающихся большей частью без ответа. Полилог – коммуникативно организованные реплики многих лиц, имеющие иллокутивную силу.

«Пьесы авторов «театра абсурда» критики называют «трагедией языка», «абсурдностью языка», указывая на полное отсутствие коммуникативного поведения персонажей, тавтологичность мышления, псевдологику доказательств их участников. В таких пьесах нет текста, т.е. законченной смысловой целостности» [Мамаева 2004: 16]. Анализируемая пьеса, близко подступая к территории абсурда, не перешагивает за его границы, что подтверждается выявленными закономерностями в её языке. Коммуникативная рассогласованность не имеет места в диалогических единствах, но проявляется в полилоге при наложении диалогических единств друг на друга. Однако это не вызывает тотальной коммуникативной рассогласованности между репликами участников коммуникации. В полилогах и составляющих их диалогах не нарушены постулаты Р. Якобсона, создавшего модель коммуникативного акта (постулаты о технических составляющих, о контексте, о коде; постулаты содержательные о детерминизме, об общей памяти, об одинаковом прогнозировании будущего, об информативности и др.) [Jakobson 1960: 27]. Кроме того, каждый отдельный диалог, а

следовательно, и полилог в целом может считаться состоявшимся, т.к. каждая отдельная реплика свидетельствует о понимании говорящим предварительно посланного ему импульса, хотя эти реплики в данный момент не есть конкретный ответ на впереди стоящую реплику. О таком понимании сказано у М.Бахтина: « Всякое понимание чревато ответной реакцией словесной или действенной... Именно на такое активное, ответное понимание установлена речь говорящего: понимание не дублирует понимание...» [Бахтин 1996: 215 – 216]. При всей сложности структуры драматического полилога нигде не отмечается коммуникативный срыв, напротив, «зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов» [Гудков 2003: 94] позволяет одинаково расшифровывать знаки обсуждаемой реальности.

На фоне кажущейся рассогласованности явственно проступает связность как центральная смысло- и текстообразующая категория дискурса драмы. Здесь уместно говорить именно о дискурсе (а не о тексте) драмы в том его понимании, какое соответствует пониманию когнитивистов: « дискурс – это прежде всего событие когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний или запросом о знаниях, с новой переработкой знания, или же оперированием знанием в определённых целях» [Кубрякова 1996: 10].

Отмеченная *видимость* размывания границ между нормой и аномалией, видимость псевдообщения актантов является одним из тех признаков, что приближают язык данной пьесы к языку драмы абсурда, однако и не позволяют ему быть таковым.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин. – Собр. сочин. М.: Русские словари, 1996. – Т.5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков – М., 2003.
3. Исаев, Г. Г. Русская литература конца 1980-х – начала 1990-х годов. [Текст] / Г. Г. Исаев // Современная русская литература (1985-1995). Хрестоматия для средней и высшей школы. - Астрахань, 1995. – С. 4-61.
4. Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова и др. - М., 1996.
5. Лагута, О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации [Текст] / О. Н. Лагута. – Новосибирск, 2000.
6. Мамаева, О. С. Коммуникативные особенности организации семантически рассогласованного диалога: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. С. Мамаева. - Тверь, 2004. - 220с.
7. Павлов, В. Десятый круг [Текст] / В. Павлов // Современная драматургия. - №5. – 1991.
8. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974.
9. Jakobson R., Linguistics and poetics: Style in Language [Текст] – New-York – London, 1960.

10. Schwitalla J. Dialogsteuerung in Interviews [Text]: Ansätze zu einer Theorie der Dialogsteuerung mit empirischen Untersuchungen. – München, 1979.

Н.Ю. Григорьева
Магнитогорск, Россия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИКСА США

Статья посвящена исследованию политических комиксов, которые как специфический языковой знак являются продуктом и транслятором политической культуры, в частности британской и американской. Политический комикс можно назвать «отражением особого рода культуры, культуры политической, которая зримо, хотя и своеобразно, отражает соответствующие процессы, происходящие в жизни» [Гринберг 2004: 111].

В специальной литературе приводятся несколько определений комикса.

Комикс – это: «графическая литература – особое искусство со своими законами построения и средствами выразительности» [Барзах 2000], «особый жанр художественного повествования в виде пространственной последовательности рисунков в сочетании с дополняющим и уточняющим их текстом» [Харитонов 2001], «серия рисунков с краткими текстами, образующая определенное связанное повествование» [БСЭ], «единство повествовательного текста и визуального действия» [Википедия].

В рамках комплексного социокультурно- коммуникативного подхода к исследованию политических комиксов понятие «комикс» служит концептуальной основой для определения данного феномена и установления важных положений о статусе комикса как социокультурной коммуникативной системы, которая реализуется в речи носителей языка в разных коммуникативных официальных, полуофициальных и неофициальных ситуациях общения и поддерживается визуально-графическими законами построения пространства и времени. «Языковая культура предполагает выявление специфических особенностей языковой знаковой системы, позволяющих ей быть оптимальным средством трансляции достижений духовной культуры» [Нещименко 2000: 36-37].

Для определения статуса комикса необходимо выделить экстралингвистические и социокультурные принципы, характеризующие сущность комикса:

- а) принцип комиксовой семиотики как эффективного воздействия на говорящего;
- б) принцип культурного образования. Язык комикса уже включен в культуру как означающее, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность индивидуума. Значение комикса как знака – это тоже культурное образование,

возникающее только в человеческой деятельности, поэтому и культура включена в язык комикса, поскольку вся она смоделирована в комиксе;

в) принцип графического изображения комиксов характеризует политическую информацию, которая легко и просто считывается, так как в сознании индивидуума появляются слова, которые он хочет высказать по поводу графического образа комикса;

г) принцип пространства и времени характеризует процесс коммуникации и момента действия в самом удачном ракурсе, в развернутой панораме или сюжете, в которых представлена не одна коммуникативная ситуация, не одна коммуникативная тема. В тематических сюжетах представлены сразу несколько коммуникантов, которые развивают свои коммуникативные темы, привносят новую субъективную и объективную информацию, необходимую для понимания процесса ситуации.

Оценивая состояние исследований комиксов (американских, британских, японских) можно считать, что комиксы приобрели статус полноправного объекта исследования как единиц языка, так и единиц речи, которые затрагивают самые разнообразные общественные проблемы и темы.

Комиксы могут быть признаны единицами языка, так как они обладают такими же формальными характеристиками, выделяющими их целостное дискретное образование, какими обладают другие языковые единицы. Комиксы могут быть признаны и единицами речи, так как они выступают как элементы системы коммуникации, где языковые единицы служат средством их реализации, а содержание и графика задаются говорящими.

Определение статуса комикса и обсуждение задействованных при этом параметров мы находим в работах Д. Олдриджа, А.А. Бергера, Е.В. Козлова и др. Авторы указывают на то, что исследование комиксов в коммуникативной системе данного сообщества является актуальной проблемой современной лингвистики.

Следуя методике определения формальных характеристик отдельных комиксов, в частности политических, мы установили характеристики политических комиксов и проследили дифференциальную представленность для доказательства их коммуникативной самостоятельности и автономности. Такими формальными характеристиками комиксов являются: форма существования (письменная, разговорная), форма реализации («публичная официальная, публичная неофициальная, частная неофициальная, частная неофициальная профессиональная, частная неофициальная семейная, конфессионально-культурная» [Никольский 1976: 55], пространственная характеристика (территориально ограниченный (региональный) комикс и не имеющий ограничений), носители комиксов (социально ограниченный круг носителей и круг

носителей, не имеющих таких ограничений), норма комикса (единообразная, сильно вариативная).

С точки зрения доказательства того, что комиксы обладают самостоятельным экстра- и интралингвистическим статусом нами были выделены конкретные сферы функционирования комиксов, которые способны удовлетворять коммуникативные потребности носителей языка и внутривидовой организации комиксов.

Рассматривая конкретные комиксы с позиции лингвистических, экстралингвистических и культурологических позиций, легко убедиться в том, что каждый комикс неоднороден. Например, он обладает разными национально-этническими особенностями, фонетическими и лексикограмматическими особенностями, временными и пространственными характеристиками, каждый комикс имеет своего коммуникативного адресанта, он отражает определенное социальное поведение и социальные роли коммуникантов.

В качестве типичных коммуникантов в политических комиксах США выступают президент, видные политические деятели, представители военной элиты и др. Тематика – актуальные проблемы как внешней политики США (война в Ираке), так и внутренней (выборы президента США), вопросы экономики (ипотечный кризис).

Для реализации своей основной цели – воздействия на говорящих – в политических комиксах используется, например, литературно-разговорный язык, который «наилучшим образом способен обеспечить успех коммуникации. Этот язык, в котором проявляются не нормированные грамматические правила, а правила, диктуемые коммуникативной ситуацией. Такая «ситуативная грамматика» предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексической единицы и правилами их сочетания в высказывании, но и в зависимости от характера отношений между говорящими, от цели общения и от других факторов, которые составляют собственно языковую (коммуникативную) и социолингвистическую компетенцию носителя языка» [Земская 1979: 18].

Вот примеры языка, почерпнутые из Интернет-ресурса США «This Modern World».

- а) «So tired...haven't slept in weeks» (невыраженность имени существительного);
- б) «What you say?» (отсутствие вспомогательного глагола);
- в) «Looks like I'm supposed to fire some people» (невыраженность местоимения it в функции подлежащего).

Таким образом, анализ материала политических комиксов США показал, что комикс обладает национально-культурной языковой спецификой.

Список литературы

1. Барзах, А. Поэтика комикса [Электронный ресурс] / А. Барзах // Режим доступа: http://www.rema.ru:8100/komment/com/1_775bar/htm // 2000, свободный.
2. БСЭ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://yandex.ru/cgi-bin/art.pl?art=bse/00036/26200.htm&encpage=bse>, свободный.
3. Википедия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wikipedia.ru>, свободный.
4. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст] / Е. А. Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 239с.
5. Нешименко, Г. П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» [Текст] / Г. П. Нешименко // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – 311с.
6. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика [Текст] / Л. Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 200с.
7. Реклама: культурный контекст [Текст] / Под. ред. А. А. Гринберг - М.: «РИП-холдинг», 2004.- С. 110-122.
8. Харитонов, Е. В. Девятое искусство [Электронный ресурс] / Е. В. Харитонов // Режим доступа: <http://academia-f.narod.ru/comicsarticle.htm> 2001, свободный.

Г.Ю. Гришечкина
Орёл, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА

В современном обществе особое внимание уделяется не только процедурам получения и переработки информации, но и технологиям адекватной передачи знания. Большой исследовательский интерес в связи с этим представляет научно-популярный дискурс, как прагматически ориентированный способ вербализации научного знания. Поэтому изучение природы и сущности научно-популярного дискурса, выявление когнитивных и коммуникативных стратегий популяризации является одним из насущных вопросов когнитивной лингвистики.

Степень «популяризации» и сходства с собственно научным повествованием, вероятно, может сильно варьироваться в зависимости от разновидности научно-популярного текста (его отношения к естественным или общественным наукам, тематики), а также в связи с общей направленностью и традициями издания, автором текста и его индивидуальным стилем.

В отношении научного стиля, например, рядом ученых замечено, что эмоционально-образные элементы гораздо чаще встречаются в текстах гуманитарного направления, чем по естественно-точным наукам [Троянская 1976: 78; Наер 1985: 21-22; Цвиллинг 1989: 29], а Н.М. Разинкина относит жанр естественнонаучной журнальной статьи к одним из «наиболее ригоризованных» [Разинкина 1976: 91]. Логично

предположить, что и в научно-популярном изложении, как подстиле научного изложения знаний, эта тенденция должна сохраняться.

Что касается зависимости «популяризации» текста от его автора, то, по мнению А.В. Степанова, «степень беллетризации научно-популярного произведения в значительной степени определяется тем, кто ее автор: ученый или писатель» [Степанов 1966: 84].

Однако, несомненно, все многообразие научно-популярных текстов объединяет общая прагматическая установка на изложение читателю-не специалисту научных знаний в популярной, развлекательной форме, в ходе чего на него неизбежно оказывается определенное воздействие – интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое.

Таким образом, научно-популярный текст представляет реализацию одновременно двух функций: сообщения и воздействия. Как известно, последняя функция наиболее ярко проявляется в публицистическом стиле, где основной целью является убеждение адресата в своей правоте и принятие им точки зрения отправителя текста [Galperin 1977: 287]. При этом данная цель достигается в публицистике как путем логической аргументации (сходство с научным стилем), так и через эмоциональное воздействие (сходство с художественной прозой) [Galperin 1977: 287]. Оба этих способа воздействия широко используются и в научно-популярной литературе, что в этом отношении сближает ее с публицистикой.

Соотношение функций сообщения и воздействия в научно-популярном произведении может быть различным в зависимости от предметно-тематической области и коммуникативного намерения автора. Разумеется, в текстах с преобладающей функцией сообщения изложение материала наиболее сближается с научным стилем [Ужахова 2003: 23-24], соответственно, тексты с доминирующей функцией воздействия носят больше общих черт с публицистическим стилем или художественной прозой.

В научно-популярном произведении оказание воздействия не является изначальной установкой, а скорее подчинено главной цели научно-популярного текста – сообщению научного знания в доступной форме.

Тем не менее, нельзя не признать, что в современных научно-популярных текстах функция воздействия часто преобладает, что объясняется Т. О. Ужаховой «широким проникновением массовой культуры во все области» [Ужахова 2003: 66].

Исходя из основных прагматических задач научно-популярной литературы, важно отметить специфику воздействия в ней сравнительно с публицистикой. В первую очередь, воздействие в научно-популярном тексте сводится не столько к убеждению

читателя в правильности своей позиции с целью принятия им точки зрения автора или даже побуждения к каким-либо действиям, сколько к тому, чтобы заинтриговать его, позволить стать «участником» событий, т.е. сделать процесс получения знаний как можно более увлекательным и несложным. Эта задача реализуется рядом характерных именно для научно-популярной литературы приемов. Среди них, в частности, выделяются: сочетание печатного текста и визуального ряда; традиционно закрепившаяся за научно-популярным подстилем форма изложения в виде схемы «вопрос-ответ», где вопрос используется для предварения объяснения и активизации внимания и интереса читателя; использование красочных примеров, поясняющих некоторые усложненные теоретические положения и др.

Важным вопросом прагматики текста является необходимость согласованности прагматики всего текста определенного типа со специфическими прагматическими условиями. К прагматическим специфическим условиям относятся особенности статуса партнеров – деятельностный статус, а также социальный и социокультурный статусы реципиента, которые, безусловно, оказывают влияние на ситуацию общения, заставляя партнеров выбирать определенные формулы речевого поведения. От ситуации зависит и модальность, под которой понимается учет релевантного для текста мира говорящего и его представление о мире слушающего или читающего. Во избежание вариативности восприятия научного текста в условиях влияния перечисленных характеристик, представляется важным учитывать их в процессе научной коммуникации.

Современный коммуникативно-социально-прагматический подход к изучению воздействия текста на реципиента занимается как вопросами углубления понимания процессов познания, так и поиском наиболее действенных способов влияния на реципиентов в процессе общения.

Исследованием воздействующей стороны сообщения занимается прагматика текста. Она рассматривает вопросы о целях автора о предпосылках в знании и способностях отправителя, а также получателя; о месте и пространстве восприятия получателя, о предпосылках в социальных отношениях между отправителем и получателем, об интенции отправителя, об интерреляции между адресатом и адресантом.

Таким образом, на современном этапе язык рассматривается в общественной практике, учитывая как его системные свойства, так и его социально-прагматический аспект. Такой коммуникативно-социально-прагматический подход к решению вопросов научной речевой деятельности обусловлен как необходимостью углубить понимание процессов познания, так и практической потребностью в выработке средств

максимального влияния на сознательное поведение людей в условиях научной коммуникации.

Все конститuentы собственно научного типа речи — высокая стандартность изложения, клишированность текстовых построений, представленность общенаучной и специальной лексики, в том числе и терминов, и т. п. — в научно-популярной литературе в том или ином объеме тоже имеют место, но функционируют там несколько иначе, чем в собственно научной.

Стилевая черта научной речи «точность» реализуется в научно-популярных текстах на разных уровнях. На лексическом уровне она проявляется в сохранении терминологизированного характера повествования. Выбор приемов объяснения терминов зависит от многих факторов, в числе которых непосредственно характер самого термина; «лексическая прозрачность» термина; конкретная наука, инвентарем которой он является; конкретная адресация работы и т. д. Наиболее распространенными и научно-популярной литературе являются такие приемы объяснения терминов, которые характерны для всех типов научных текстов: объяснение значения термина через раскрытие сущности явления, которое им названо.

Список литературы

- 1 Наер, В. Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) [Текст] / В. Л. Наер // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М.: Наука, 1985. - С. 14-25.
- 2 Разинкина, Н. М. О возможности приложения некоторых критериев эстетики к формулировке лингвостилистического понятия «функциональный стиль» [Текст] / Н. М. Разинкина // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М.: Наука, 1985. - С. 3-14.
- 3 Степанов, А. В. Проблемы стиля научно-популярной литературы [Текст] / А. В. Степанов // Вопросы стилистики: Сб. статей к 70-летию со дня рожд. проф. К. И. Былинского.- М., 1966.- С 83-87.
- 4 Троянская, Е. С. К общей концепции понимания функциональных стилей [Текст] / Е. С. Троянская // Особенности стиля научного изложения. - М.: Наука, 1976.- С. 23-82.
- 5 Ужахова, Т. О. Коммуникативно-прагматические особенности построения текстов статей в научно-популярных журналах: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. О. Ужахова. - М., 2003. - 170с.
- 6 Цвиллинг, М. Я. Специфика общественно-научного текста (к вопросу о внутрестилевой дифференциации языка науки) [Текст] / М. Я. Цвиллинг // Разновидности и жанры научной прозы. - М., 1989. - С. 28-35.
- 7 Galperin I. R. Stylistics [Text]: Textbook / I. R. Galperin. - 2nd edition, rev. - M.: Higher School, 1977. - 332p.

ТЕРМИН *ДИСКУРС* (ПАРАМЕТРЫ ТЕРМИНА, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ ОБЪЕМ ТЕРМИНА)

Такие понятия как “текст” и “дискурс” используются исследователями по-разному: то как различающиеся понятия, то, как взаимозаменяемые, следовательно, будет логичным рассмотреть, что включается исследователями в понятие “дискурс”.

В последнее время это наиболее употребляемый в лингвистике термин. К его отличительным характеристикам, бесспорно, следует отнести многозначность и использование в различных областях гуманитарного знания.

Прежде всего, обратим внимание на такую характерную черту любого термина, как его прагматичность, т.е. “зависимость содержания термина от практической деятельности, в которой он используется, от намерения и установок использующих его людей” [Городецкий 1994: 55].

Как специальный термин, *дискурс* можно исследовать с помощью параметров, предложенных С.В. Гриневым, в частности, таких как:

- этимологические параметры (источник заимствования, модель образования, этапы развития);
- интерпретационный параметр (дефиниция, иллюстративное, контекстуальное, энциклопедическое определение);
- ассоциативный параметр (родовые, видовые термины, ассоциативные термины, омонимы);
- прагматические параметры – хронологический статус: неологизм, устаревший термин, архаизм, историзм;
- ареальный статус: интернационализм или местный термин;
- распространенность: общепринятый термин, термин научной школы, авторский термин;
- употребительность: частотный термин, употребительный термин, редкий термин, окказиональный термин;
- нормативный статус: стандартизованный термин, (не) рекомендуемый термин, (не) допустимый термин;
- иллюстративные параметры (вербальные: фрагменты речевых употреблений, энциклопедическая информация; графические: рисунки, фотографии и пр.);
- макроструктурные параметры (размещение элементов информации: структура словарной статьи, выбор шрифтов) [Гринев 1996: 77].

Мы привели наиболее полный перечень параметров термина. Рассмотрим прагматический и когнитивно-семантический параметры термина *дискурс*, объединив в последней группе этимологические, интерпретационные параметры согласно классификации С.В.Гринева. Наиболее “старым” значением “discours” обладает во французском языке и означает диалогическую речь.

Уже в прошлом веке этот термин был полисемичен: в словаре немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримм “Deutsches Worterbuch” 1860 года указаны следующие семантические параметры термина *дискурс*: 1) диалог, беседа 2) речь, лекция.

Под дискурсом понимаются все формы устной или письменной речи: естественно протекающие бытовые и официальные разговоры, интервью, письменные тексты. Именно такое понимание термина *дискурс* отражено в Немецко-русском словаре лингвистических терминов, где он определяется как понятие, синонимичное диалогу или разговору. В современном философском словаре, где приводится определение дискурса, также отмечается, что понятие дискурса “нередко используется как синоним речи”.

Приведем еще некоторые дефиниции. Так, Поль Рикёр считает, что текст представляет собой “объединенные или структурированные формы дискурса”, зафиксированные письменно [Рикёр 1995: 3]. Исходя из этого определения, в котором закрепляется приоритет текста, дискурс можно рассматривать в качестве предмета лингвистики текста, а дискурсный анализ рассматривать как один из ее методов. Такой подход был характерен в период становления лингвистики текста и зафиксирован в “Кратком словаре терминов лингвистики текста” Т.М.Николаевой: “Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная” [Николаева 1983: 51].

Позже определение *дискурса* как термина лингвистики текста вышло за пределы текста, или отрезка текста, и стало включать в себя перечисление условий, в которых этот текст актуализируется. Здесь будет уместно напомнить дефиницию дискурса, предложенную В.В. Петровым и Ю.Н. Карауловым. Эта дефиниция аккумулирует воззрения на дискурс Т.А. ван Дейка, которому в современном языкознании принадлежит приоритет в описании дискурса: “...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для написания текста” [Караулов 1989: 8]. Подчеркнем, что это лаконичное определение было в

качестве отправного момента положено в основу многих современных лингвистических исследований текста.

В.З. Демьянков дал определение дискурса, которое в значительной степени углубляет предыдущие дефиниции: “Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения; часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения “этнографии речи”... Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и “несобытия”, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями” [Демьянков 1995: 9]. Это определение является наиболее полным в современной теории языкознания, и на это указал Ю.С. Степанов [Степанов 1995: 36].

Ядром этой дефиниции можно считать положение о том, что дискурс определяется не как “величина”, адекватная тексту, или даже, как ясно из приведенных выше определений, синонимичная ему, а значительно шире. Эта дефиниция заслуживает особого внимания также в связи с включением в неё характеристик, относящихся к разным дисциплинам, – от семиотики до теории коммуникации, социологии, модальной логики и др.

Дискурс изучается разными науками и их отдельными направлениями (прагмалингвистика, прагмастилистика, лингвистическая семантика, грамматика текста), междисциплинарными науками (психолингвистика, социоллингвистика).

Мы уже обращали внимание на полисемичность термина. Постепенно произошел распад полисемии. Это положение отражено в “Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике” [Англо-русский словарь 1996: 402].

Можно констатировать, что в настоящее время сформировались два основных понятия дискурса: 1) дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях, и 2) дискурс как дискурсивная практика.

Понятийная сфера дискурса в лингвистике значительно расширилась: сегодня можно встретить без особых возражений термины *диалогический дискурс* (1) и *монологический дискурс* (2). Раньше подобное употребление термина рассматривалось

бы как ошибочное, так как в случае (1) наблюдается ярко выраженная тавтология (диалог = дискурс), а во (2) – явное противоречие (дискурс = диалог).

Итак, дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура – как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная. Такая трактовка дискурса, предложенная Т.А. ван Дейком, значительно расширила семантический объём термина. В социологии, политологии, социальной семиотике термин *дискурс* стал употребляться для обозначения дискурсивной практики (такое понимание принадлежит М. Фуко). Термин *дискурс* широко использовал в своих работах известный немецкий философ Юрген Хабермас. В его работах дискурс – вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни. Одна из его известных работ называется "Комментарии этики дискурса" [Habermas 1992: 125]. Ю.Хабермас внес большой вклад в развитие теории коммуникации, он предложил для изучения социальных практик такие термины как: критический дискурс, этический дискурс [Habermas 1989: 124].

Подводя итог анализа семантического и когнитивного объёма рассматриваемого термина, приведём ещё две точки зрения, позволяющие показать значительное удаление друг от друга дефиниций данного термина. Ю.С.Степанов предложил определить *дискурс* как "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина [Степанов 1995: 39]. По всей видимости, такой подход к термину можно считать наиболее многоаспектным. Что же касается предельной лаконичности дефиниции, то, как нам кажется, она была достигнута в "Экспериментальном системном толковом словаре стилистических терминов", где дискурс понимается как "связный текст, погруженный в экстралингвистический контекст".

Список литературы

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике [Текст]. – М.: Помовский и партнеры, 1996. – Т. 1. – 656с.
2. Городецкий, Б. Ю. Терминоведение, переводоведение [Текст] / Б. Ю. Городецкий // Лингвистика текста. Translation and Text Linguistics: Сб. статей. – М.: Совместное издание ВЦП и конгресс русского языка Маастрихтского института переводчиков, 1994. – С. 54-63.
3. Гринев, С. В. Введение в терминографию [Текст] / С. В. Гринев. – М.: Московский педагогический университет, 1996. – 161с.
4. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука в конце XX века / Под редакцией Ю. С. Степанова. – М.: Институт языкознания, Рос. гум. ун-т, 1995. – С. 239-320.

5. Караулов, Ю. Н., Петров, В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Текст] / Ю. Н. Караулов, Петров В. В. // Язык. Познание. Коммуникация.: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-11.
6. Николаева, Т. М. Единицы текста и теория текста [Текст] / Т. М. Николаева // Исследования по структуре текста. / Редкол. Цивьян Т. В., – М.: 1983. – С. 27-57.
7. Рикёр, П. Герменевтика, Этика, Политика. (Московские лекции и интервью) [Текст] / П. Рикёр. – М.: Academia, 1995. – 160с.
8. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века: Сб. статей / под редакцией Ю. С. Степанова. – М.: Институт языкознания РАН, Российский гос. гум. ин-т, 1995. – С. 35-73.
9. Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns [Text] / J. Habermas // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. – 3 Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl., 1989. – S. 571-606.
10. Habermas, J. Erläuterungen zur Diskursethik [Text] / J. Habermas. – 2. – Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl., 1992. – 367s.

Т.С. Гусейнова
Махачкала, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дискурс в данной статье понимается как подвижное, живое, подверженное уточнениям и корректировкам, рассчитанное на «попутную» активизацию памяти, актуальное по содержанию, соответствующее настоящему времени, текущее речевое произведение (в письменной или устной форме), в основе которого лежит текст, могущий впоследствии перейти в категорию текстов в их классическом понимании. Именно таким произведением и является газетный материал, т.е. дискурс соотносится с понятием «публицистический текст». Особую значимость в структурно-семантической текстуре публицистического дискурса приобретают языковые единицы, обладающие концептуальным характером (например, различного рода- по происхождению, степени спаянности компонентов, частотности употребления, эмоционально-экспрессивной и оценочной направленности - устойчивые обороты и трансформы). Одним из аспектов функционирования публицистического дискурса является прагматический.

Прагматический подход к построению дискурса определяет реализацию вербальных блоков, соединенных между собой паралингвистическими средствами; каждое предложение строится по определённой схеме, каждое последующее предложение каким-либо образом связано с предыдущим определёнными лексико-структурными средствами. Следовательно, внешняя форма для реципиента не является неожиданной и не оказывает на него смыслового эффекта. В этой связи актуальность приобретают фразеологические трансформы и способы их декодирования. Но

количество таких единиц при их каскадности использования в рамках конкретного публицистического дискурса должно быть ограниченным, т.к. экспрессивные средства представляют собой рему, а рема не может быть обозначена большей частью дискурсивных смыслов. В противном случае отдельные экспрессы теряются в общем потоке образных средств, т.е. могут отойти в «шлаки» [Лотман 2000: 156], эффективность их назначения ослабевает, а содержание размывается. Таким образом, определенное «процентное соотношение»/«баланс» экспрессивных и неэкспрессивных средств языка в публицистическом дискурсе должен сохраняться. Прагматическая информация, рассматриваемая как выражение продуцентом персонального восприятия и оценки конкретных объектов действительности, базируется на изоморфизме особенностей собственно процесса познания через обусловленность конкретных логико-теоретических построений аддитивных смыслов. Аддитивность смыслов создается посредством аксиологических репрезентаций, определяющих ментальность коммуникантов, и системы рефлексивных информационных структур, которые характеризуются, прежде всего, контактоустанавливающими (фатическими) особенностями.

Прагматический аспект дискурса способствует формированию фразеологических трансформ, так как они представляются нестандартными сочетаниями в совокупности с дополнительными эксплицированными или имплицированными смыслами различной эмоциональной и оценочной направленности. Изолированная (вне дискурса) фразеологическая трансформация в плане образности существенно теряет свою значимость и даже может восприниматься как лингвистическая ошибка. Следовательно, дискурс с точки зрения прагматики возможно расценить как своеобразную попытку «оправдать» использование фразеологических трансформ и объяснить прогнозирование («назревание») новых подобных экспрессивных единиц.

Прагматическое переосмысление трансформированных фразеологических единиц приводит к формированию языковых знаков с более обобщенным, абстрактным значением, что проявляется в изменении сферы употребления таких устойчивых выражений. Аналогичный подход к узуальным фразеологическим единицам обусловлен сенсорным сопоставлением сравниваемых предметов и явлений с уже известными, которые связаны с феноменом образования фразеологической семантики. Возникшие ассоциации способствуют транспонированию элементов одной ситуации в обозначение другой, в результате чего достигается высокая степень эмоциональной напряженности, что, в свою очередь, воспринимается как явление фатичности.

Прагматический аспект функционирования публицистического дискурса обусловлен перцептивным ориентированием продуцента и реципиента в окружающем мире, а также их ментальными и аксиологическими приоритетами. Реализация фразеологических трансформ с позиций данного аспекта соотносится с креативно-фатической деятельностью индивидуумов, которая основывается на общественном тезаурусе личности, т.е. совокупности знаний, полученных по общедоступным источникам информации. Поэтому семиозис публицистического дискурса эксплицирует психолингвистические когнитивные структурные знания участников коммуникации.

Эвристический подход к восприятию прагматически направленных языковых единиц способствует расслоению, стратификации их синкретичного содержания; выделяя доминанту и периферийные компоненты. Роль доминанты отводится, в первую очередь, фразеологическим трансформам, которые в силу их психолингвистической природы воспринимаются как эвристические знаки, продукт авторской неординарной апперцепции окружающего мира (в том числе и себя) и аналитизма современного языка. Фразеологические трансформы, отвечающие авторским прагматическим интенциям, выражают различную (позитивную или негативную) оценку фактов действительности, имеющей выход на языковое воплощение эмоций и, в первую очередь, контекстуальную эмотивность.

Список литературы

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. - СПб., 2000.

Л.Д. Джакитова
Алматы, Казахстан

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Интерес к аргументации, как известно, проявляют многие дисциплины: философия, этика, психология, юриспруденция, лингвистика, риторика, логика [формальная и практическая], а также такие научные направления, как речевая коммуникация, критическое мышление, анализ дискурса, прагматика и искусственный интеллект.

Аргументация – это сложная и многогранная интеллектуальная деятельность, включенная практически во все сферы жизни человека, связанные с потребностью убеждения адресата в необходимости принятия выдвигаемого тезиса.

Основной темой и движущим мотивом общения в сфере политики, как признают многие исследователи, является борьба за власть. Поэтому политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень

воздействия. Средством воздействия выступает язык. Активно используемая в политическом дискурсе воздействующая функция языка реализуется через применение коммуникативных стратегий. Коммуникативная стратегия определяется с позиции цели общения, и в политической коммуникации под ней понимается мотивированная последовательность речевых приемов в борьбе за власть [Самарина 2006: 215].

Исследователи выделяют различные виды коммуникативных стратегий в разных дискурсах. Применительно к политическому дискурсу можно назвать следующие стратегии: саморепрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, информационно-интерпретационная, аргументативная, агитационная, манипулятивная и т.д. [Бокмельдер 2000, Иссерс 2006, Самарина 2006, Паршина 2007 др.].

Рассмотрим особенности аргументативной стратегии в политическом дискурсе.

В политической коммуникации аргументативная стратегия выполняет особую функцию: именно аргументация способствует осуществлению демократически оформленного участия граждан в выборе власти. Политическая аргументация - это одновременно и форма проведения политики, это - само по себе уже политическое действие, соединение политического и речевого действия [Юдина].

Любая стратегия общения реализуется в речевых тактиках, которые представляют собой выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках избранной коммуникативной стратегии. Как показывает наше исследование, аргументативная стратегия в политическом дискурсе реализуется более часто в тактиках *обоснованных оценок, ссылки на авторитет, прогнозирования, иллюстрирования, сопоставления.*

Тактика обоснованных оценок. Высказывания, содержащие оценку, составляют довольно значительную часть общего числа высказываний в тактиках политического дискурса, в том числе и в аргументативных. Чтобы стать хорошим аргументом, оценка должна быть обоснованна и правильно построена. *I believe the Quartet's assessment of the Gaza withdrawal is that, in fact, it has been a **successful** withdrawal, that it demonstrated that the Israelis and the Palestinians can work together in the most detailed circumstances, in the most difficult circumstances. I think there has been **excellent** security coordination and cooperation that allowed the withdrawal to take place **peacefully** and **effectively**.*

Тактика ссылки на авторитет состоит в том, что для подтверждения или опровержения какого-либо тезиса используется апелляция к известному источнику (упоминание имени конкретного исторического лица, его мнения, цитирование его слов, апелляция к анонимному престижному источнику и т.п.) *She did that yesterday, as I said, I believe. You can double check that with the Department of State.*

Тактика прогнозирования (указания на перспективу) направлена на то, чтобы выражать стратегические цели, позиции и намерения говорящего. Политики, оценивая ситуацию в стране (политическую, экономическую), часто пытаются дать прогноз развития событий в будущем. Прогнозирование включает предлагаемое решение и предполагаемый результат, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. *...it's long and yes, it's hard. But if we quit now, we are not only going to condemn generations of people of the Middle East to despair, we are going to condemn generations of Americans to continued fear and insecurity.*

Рассмотрение некоторого решения с точки зрения последствий, которые оно за собой влечет, является одним из важнейших аргументов за или против этого решения. Прогнозирование политиками развития событий бывает более убедительным, когда в высказывании указывается обусловленность перспективы определенными факторами.

Тактика иллюстрирования проявляется в использовании фактов и примеров. В зависимости от коммуникативного замысла говорящего подбираются факты негативного или позитивного характера. Факты являются наиболее надежным аргументом, так как помимо своей основной функции они реализуют установку текста на достоверность, непредвзятость (предполагается, что факты объективны), тем самым активизируя доверие аудитории к содержанию речи и к самому говорящему. Наиболее убедительны в этом аспекте статистические данные: *We have asked the American people about the approval of George Bush as President of the United States. His overall approval is 39%. But here's a number I would like to share with you as the ranking African American in the cabinet, Madame Secretary: Approve, 2%; disapprove, 84%. How troubling is that to you that only 2% of African Americans say that George Bush is doing a good job as President?*

В отличие от факта – самодостаточного события, из которого с неизбежностью вытекает правильность тезиса, пример – это только одно из ряда событий, любое из которых в равной мере подтверждает высказанную мысль [Паршина 2007: 113]: *But there is a strong local opposition to some of these plans. For example, the local government in Okinawa has called this relocation of Futenma Marine Air Corps -- Air Station unacceptable.*

Тактика сопоставления опирается на прием сопоставления. Сопоставление фактов, событий, результатов, прогнозов воспринимается адресатом как убедительные аргументы. В исследованных материалах параметрами сопоставления являются, прежде всего, темпоральные отношения *Before September 11 terrorism was viewed as something ugly, but you lived with it. Saddam Hussein was viewed as something ugly, something that was for the Iraqi people to take care of. After September 11, terrorism looked different. Saddam Hussein, who played with terrorists, and had weapons of mass destruction, looked much more*

*threatening to United States than just to his own people; реже – пространственные But that goes for British and American nuclear weapons as well. **This country** has lots of nuclear weapons and **the United States** has nuclear weapons.*

Отметим, что политический дискурс в целом характеризуется тем, что большая часть высказываний недоказуема: она не подлежит проверке на истинность. Цель аргументации как основной действующей силы политического дискурса состоит в том, чтобы представить истинными высказывания отправителя. Поэтому аргументация относится к тем способам организации политического дискурса, которые обеспечивают его максимальную результативность, заключающуюся в оказании запланированного воздействия на аудиторию.

Список литературы

1. Бокмельдер, Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: автореф. дис. ... к.ф.н. [Текст] / Д. А. Бокмельдер. - Иркутск, 2000. – 23с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. - М.: КомКнига, 2006. – 288с.
3. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. [Текст] / О. Н. Паршина // Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 232с.
4. Самарина, И. В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям «создания круга своих и круга чужих» [Электронный ресурс] / И. В. Самарина // Режим доступа: <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2006web8/yaz/Samarina.pdf>, свободный.
5. Юдина, Т. В. Дискурсивное пространство политической речи. [Электронный ресурс] / Т. В. Юдина // Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/yy/yudina.shtml, свободный.

М.В. Димитренко
Волгоград, Россия

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX В.

В изучении рефлексивного аспекта творчества внимание, как правило, уделяется допредметному уровню самосознания и самоанализа (Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др.), однако не менее важным является его отражение в самом продукте деятельности (например, в стихотворном тексте). Создавая поэтическое произведение, автор не столько выбирает речевую стратегию, сколько создает закрепленный во времени и относительно заверченный фрагмент коммуникативной реальности. Именно поэтому в поэзии одним из важнейших текстовых уровней становится рефлексия, которая может иметь как имплицитный, так и эксплицитный

характер. В последнем случае степень ее участия в создании произведения возрастает настолько, что она сама становится вектором творческого процесса.

Поэтическая рефлексия – один из показателей взаимовлияния текста, его автора и читателя. Развитие этих отношений циклично (в силу того, что читатель, как правило, представлен множеством субъектов, в разное время участвующих в ситуации общения) и в то же время непредсказуемо. Это приводит к тому, что автор вербализует те или иные психологические нюансы творческого процесса, открывая адресату внутреннюю сторону своей деятельности. Рефлексия может касаться стилистических аспектов (как например, в «Слове о полку Игореве»), перспектив взаимодействия текста и читателя (как в послании А.Д. Кантемира «К стихам моим», в стихотворении Е.А. Баратынского «Мой дар убог, и голос мой негромок...» и др.), проблем творческого потенциала произведения и его связи с автором (стихотворение А.С. Пушкина «Труд», написанное вскоре после окончания «Евгения Онегина») и т.д. Часто в фокусе поэтической рефлексии оказывается конфликт автора и языка при создании текста (один из самых ярких примеров – стихотворение А.А. Фета «Невыразимое»).

Коммуникативно-прагматическое пространство поэтического дискурса XX в. строится по принципу уравнивания ролей автора и читателя в освоении текста, однако поэт с целью создания успешной ситуации общения вынужден не только совмещать рефлексивные модели «я – текст», «я – адресат», «текст – адресат», но и трансформировать их согласно своему замыслу. Отсюда исходит необходимость аналитического и аксиологического подходов к словесному материалу произведения. Сходные процессы наблюдаются и в стихийной речи. Обычный носитель языка в поиске подходящего оформления своих мыслей часто использует *рефлексивы*, т.е. «метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной речи» [Вепрева 2002: 217]. Относительно объекта нашего исследования можно говорить о *поэтических рефлексивах*, которые направлены не столько на конкретную лексему, сколько на слово как факт языка и средоточие творческой энергии.

Ядром вербализации поэтического рефлексива в большинстве случаев выступает лексема *слово*, причем посредством контекста создается максимально широкий диапазон ее лексико-семантических вариантов.

В рефлексивной модели «текст – адресат» реализуется аксиологическая характеристика речевой деятельности: *Всего прочнее на земле печаль / И долговечней – царственное Слово* [Ахматова 1998: 368]; *Осквернили пречистое слово, / Расстоптали священный глагол* [там же: 389]. В приведенных выше примерах авторская интенция осуществляется не только при помощи употребления прилагательных с мелиоративной

семантикой, но и посредством акцентуации лексемы *слово*, написанного с прописной буквы. Для данной рефлексивной модели характерно использование слов категории состояния, безличных предложений (*Но слово низводит – до свеклы кормовой – / Честнее с головой Орфеевой – менады!* [там же: 448]. Осознание автором реальных закономерностей использования языка сквозь призму рефлексии мотивирует существование поэтического дискурса, в котором главной является социальная установка: *Да, есть слова, что жгут, как пламя, / Что светят вдаль и вглубь – до дна, / Но их подмена словесами / Измене может быть равна* [Твардовский 1989: 181]. В данном случае при помощи ряда средств (контекстуальных антонимов *слова – словеса*, столкновения паронимов *подмена – измена*) адресат получает сведения о ценностной системе координат, которой он должен руководствоваться в своем речевом поведении.

В рамках рефлексивной модели «я – текст» актуализируется когнитивный аспект словоупотребления: *Я слово позабыл, что я хотел сказать. / Слепая ласточка в чертог теней вернется. / На крыльях срезанных, с прозрачными играть. / В беспамятстве ночная песнь поется* [Мандельштам 1991: 119]. Содержание поэтических рефлексивов в подобных текстах чаще всего составляют личные местоимения первого лица, которые указывают на субъект творческой деятельности, и глаголы, употребляемые для создания метафорической ситуации взаимодействия субъекта со словом или текстом (... *выпадет, может быть, мне, / как в самом начале земного / движенья – с мечтой о творце – / такое же ясное слово / поставить в недалеком конце* [Бродский 1999: 149]; *Не для того ли мне поздняя зрелость, / Чтобы, за сердце схватившись, оплакать / Каждого слова сентябрьскую спелость ...* [Тарковский 1998: 269] и др.).

До сих пор мы рассматривали отдельные случаи функционирования поэтических рефлексивов, однако в поэзии XX в. часто встречаются произведения, которые полностью представляют собой метатекст (А.А. Ахматова «Творчество», М.И. Цветаева «Разговор с гением», А.А. Тарковский «Словарь» и др.). Рассмотрим один из таких текстов – стихотворение И.А. Бродского «Мои слова, я думаю, умрут...» в аспекте теории рефлексии Ю.С. Степанова и И.С. Семенова, которые определяют ее как «переосмысление и перестройку субъектом содержаний своего сознания, своей деятельности, общения, т.е. своего поведения, как целостного отношения к окружающему миру» [Степанов, Семенов 1985]. Исследователи выделяют пять фаз рефлексии, на протяжении которых происходит преобразование восприятия агенсом его деятельности. Стихотворение И.А. Бродского показательно в этом отношении тем, что субъект метатекста проходит все эти стадии. Попытка схематизировать содержание рассматриваемого поэтического произведения ни в коей мере не может претендовать на

анализ его концептуального и эстетического содержания. Цель такого подхода к тексту – проследить динамику рефлексии сознания автора на вербальном уровне и выявить принципы соотношения психологических и языковых явлений творчества.

Первый этап рефлексии – «актуализация смысловых структур “я” при вхождении субъекта в проблемно-конфликтную ситуацию и при ее понимании» [Степанов, Семенов 1985] – отражен в начальной строке: *Мои слова, я думаю, умрут...* [Бродский 1999: 156]. Анализируя результат своей деятельности, автор осознает противоречие, возникающее между ценностными требованиями к поэтическому произведению и реальностью.

На втором этапе рефлексии происходит исчерпание актуализировавшихся смыслов: *... и время улыбнется, торжествуя, / сопроводив мой безотрадный труд / в соседнюю природу неживую* [там же]. Низкая оценка жизнеспособности продуктов своего труда выражается в употреблении лексем, в семантическую структуру которых входит сема ‘смерть’.

Завершающая стадия рефлексивного «самоуничтожения» (третий этап рефлексии) выражается в дискредитации начальной смысловой опоры «вплоть до полного обесмысливания в контексте обнаруженных субъектом противоречий» [Степанов, Семенов 1985]: *В былом, в грядущем, в тайнах бытия, / в пространстве том, где рыщут астронавты, / в морях бескрайних – в целом мире я / не вижу для себя уж лестной правды* [Бродский 1999: 156]. Ключевая лексическая микроструктура данного катрена, расположенная в сильной финальной позиции, служит маркером окончания третьего этапа рефлексии.

Рематическая доминанта текста в последнем четверостишии, нарушающая линейное развертывание стихотворения, обозначает качественно новый этап рефлексии автора – «инновацию принципов конструктивного преодоления ... противоречий через осмысление целостным “я” проблемно-конфликтной ситуации и самого себя в ней как бы заново» [Степанов, Семенов 1985]. Такое переосмысление в тексте выражается в замене именования субъекта (от местоимения я автор переходит к обобщенному слову *поэт*): *Поэта долг – пытаться единить / края разрыва меж душой и телом. / Талант – игла. И только голос – нить. / И только смерть всему шитью – пределом* [Бродский 1999: 156].

Пятый этап, т.е. «реализация ... заново обретенного целостного смысла через последующую реорганизацию содержаний личного опыта и действенное, адекватное преодоление противоречий проблемно-конфликтной ситуации» [Степанов, Семенов 1985] остается за пределами собственно текста, но тем не менее подразумевается им, т.е.

имплицитован. Афористически сжатое обозначение программы проектируемой деятельности в последней строфе определяет перспективы развития авторского творчества. Это позволяет сказать, что цель рефлексии субъекта, этапы которой закреплены в стихотворении, достигнута.

Таким образом, метатекстовые фрагменты поэтического дискурса XX в. являются пространством, в котором рефлексия не только объединяет в одну коммуникативную ситуацию автора, текст и читателя, но и направляет творческую деятельность поэта.

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Ветер лебединый: Стихотворения и поэмы [Текст] / А. А. Ахматова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 512с.
2. Бродский, И. А. Письма римскому другу: Стихотворения [Текст] / И. А. Бродский. – М., 1999. – 215с.
3. Вепрева, И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? [Текст] / И. Т. Вепрева // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 217-228.
4. Мандельштам, О. Э. «Полон музыки, музы и муки...»: Стихи и проза [Текст] / О. Э. Мандельштам. – Л., 1991. – 142с.
5. Степанов, С. Ю. Психология рефлексии: проблемы и исследования [Электронный ресурс] / С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов // Режим доступа: <http://www.psyfaq.ru/articles/ill/ss.html>. 1985, свободный.
6. Тарковский, А. А. Белый день: Стихотворения и поэмы [Текст] / А. А. Тарковский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 384с.
7. Твардовский, А. Т. Стихотворения и поэмы [Текст] / А. Т. Твардовский. – М., 1989. – 315с.
8. Цветаева, М. И. Просто – сердце...: Стихотворения и поэмы [Текст] / М.И. Цветаева. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 464с.

А. В. Дрожащих
Тюмень, Россия

ТЕКСТ ГОДОВОГО ОТЧЕТА КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В международной деловой практике большую роль играют отчетные документы, среди которых особый интерес представляют годовые отчеты (ГО) в силу своего стилистического, структурно-композиционного и функционального своеобразия. Текст ГО ориентирован на решение разнообразных коммуникативных задач, главной из которых является информирование заинтересованных организаций и частных лиц (акционеры, клиенты, инвесторы, общественность) об итогах хозяйственной деятельности компании за календарный год. Текст ГО также выполняет важную PR-функцию, связанную с конструированием позитивного образа компании в глазах профессионального сообщества и широкой общественности, и ряд других функций (просветительская функция, организационно-директивная функция и др.). Следует

отметить, что при решении коммуникативных задач тексты данного жанра сохраняют свою национально-культурную специфику, которая достаточно четко проявляется в исследуемых нами англоязычных и русскоязычных текстах ГО банковских учреждений.

Базовым культурным параметром, который находит отражение в текстах рассматриваемого типа, выступает принцип «индивидуализм – коллективизм» [Тер-Минасова 2007: 117]. Именно этот принцип в определенной степени предопределяет специфику общей организации подачи деловой информации в ГО банковских учреждений и выбор языковых средств в конкретной коммуникативной ситуации. Так, в русскоязычных ГО банковских учреждений повествование, как правило, ведется от лица банковского учреждения, которое фигурирует в тексте под своим корпоративным названием (*Запсибкомбанк ОАО, банк «Кредиттраст», Газпромбанк* и т.д.). Одним из объяснений этого явления может быть коллективизм русского менталитета, в рамках которого успех воспринимается как плод коллективных усилий, а результаты совместной деятельности предполагают обязательность коллективной ответственности. В отличие от русской традиции, где личность растворена в коллективе, в рассматриваемых англоязычных ГО подача деловой информации осуществляется не только от имени банка как некоего института, но и от лица сообщества индивидуальных сотрудников банковского учреждения посредством личного местоимения 1 лица множественного числа 'we'. Данный подход придает излагаемым в отчете фактам более личностный оттенок и позволяет сократить дистанцию между банковским учреждением и потребителем отчетной информации. Например: *На рынке драгоценных металлов Газпромбанк работает с 2000 года* [Газпромбанк 2001: 15]; *We achieved considerable momentum in all of our basic businesses in 1992* [The Bank of New York 1992: 5].

Культ индивидуума и уважение к интересам и потребностям отдельного человека, характерные для западного миропонимания, отражаются в англоязычных ГО с помощью разнообразных языковых средств. К числу таковых можно отнести глагол *to customize*, а также словосочетания типа *individual solutions, customized products, tailor-made services for each customer* и т.д. Например: *We customize our services and provide clients with the truly individual solutions they are looking for* [UBS 1999: 27]. Хотя подобные речевые формулы постепенно проникают в русскоязычные ГО, в данной сфере деловой коммуникации при наименовании клиентуры активно используются собирательные (абстрактные) существительные в связи с ориентацией российских банков на обслуживание коллективных, а не индивидуальных интересов клиентов и отношением к потребителям банковских услуг как к общей недифференцированной массе. Например: *В целях развития клиентской базы Банк постоянно внедряет новые специализированные*

продукты для крупного и среднего бизнеса [Газпромбанк 2001: 10]; *Вклады населения остаются основой ресурсной базы Запсибкомбанка* [Запсибкомбанк 2004: 9].

Авторитарность и повышенное внимание к вопросам социальной иерархии в плане “superiority/inferiority” – отличительные особенности вертикального типа культуры - также находят широкое проявление в русскоязычных текстах ГО банковских учреждений. Для данной сферы деловой коммуникации характерна недостаточная толерантность к представителям нижних слоев общества и лицам с особым социальным статусом. Так, в разделе ГО, посвященном благотворительной деятельности банковских учреждений, находим типичные для русского бюрократического стиля речи прямые и категоричные номинации типа *бедные, слепые, престарелые, инвалиды-колясочники, дети-сироты* и т.д. В ряде случаев допускается противопоставление различных социальных слоев населения по линии статусности. Например: *Карта рассчитана на ту категорию населения, которая имеет небольшие сбережения и не может позволить себе более дорогой карточный продукт, эмитируемый Запсибкомбанком (Visa Classic или Visa Gold)* [Запсибкомбанк 2001: 15]. Подобные высказывания, которые не способствуют созданию атмосферы взаимного уважения и сотрудничества между банком и отдельными группами контрагентов, свидетельствуют о лакунарности западных коммуникативных категорий “tolerance” и “political correctness” для русского коммуникативного сознания [Стернин 2002: 23]. В англоязычных ГО, напротив, распространены эвфемизмы типа disadvantaged people и individuals in need, которые не обладают дискриминационным потенциалом, намекая на предмет речи, но не называя его конкретно. Характерным примером может служить английское слово “disabled”, в котором признак «искалеченный» вытесняется признаком «лишенный какой-либо возможности» в отличие от русского лексемы с аналогичным значением «инвалид», где указанный признак уничижительного характера выражен эксплицитно.

Интересно, что западные и российские культурные стереотипы проявляются в рассматриваемом жанре и в специфике номинаций представителей высших слоев социума. В западном понимании это конкретные состоятельные потребители банковских услуг (high-net-worth individuals, affluent customers), в то время как для российского банковского сообщества таковыми выступают абстрактные V.I.P.-персоны - представители власти и бизнес-элиты. Англоязычная аббревиатура V.I.P. в силу абстрактности и непрозрачности внутренней формы позволяет подчеркнуть существенную дистанцию власти в российском обществе и активно используется в русскоязычном банковском дискурсе для создания образа недоступного и уверенного в себе человека-победителя, указывая на его особый элитарный статус. Например:

Заинтересованность в каждом клиенте – основное условие работы с V.I.P.-клиентами [Запсибкомбанк 2004: 25]. Вообще говоря, престижность и элитарность играют важную роль именно в русскоязычных ГО банковских учреждений. В частности, ссылки на престижность банковского продукта представляют собой скрытую рекламу этого продукта и попытку косвенного воздействия на эмоциональную сферу потенциального потребителя банковских услуг через различные каналы влияния (демонстрация уровня состоятельности, принадлежность к определенной социальной группе и т.д.). Например: *Карточки Запсибкомбанка – обязательный атрибут жизни* [Запсибкомбанк 2004: 3].

Как показывает анализ, отбор языковых средств в тексте русскоязычного ГО банковских учреждений также в известной мере происходит с учетом их «престижности». Примером, подтверждающим этот тезис, могут служить иноязычные заимствования, представленные в текстах рассматриваемого типа главным образом англо-американской экономической и собственно банковской специальной лексикой (*риск-менеджмент, чиповый продукт, скоринговая модель, маржа, бэк-офис, волатильность рынка, дилинговая система, маркет-мейкер, фьючерсные операции, кросс-курс, инсайдер* и др.) и модными англоязычными клишированными речевыми формулами типа *бизнес-партнер, аттрактивный имидж банка, корпоративный дух* и др. В связи с высоким статусом западных стран в сфере экономики и банковского дела англоязычной терминологии предписывается оттенок престижности, и это обстоятельство, а также общая ориентация на Запад, свойственная русской культурной традиции, не в последнюю очередь объясняют широкое употребление англицизмов в вышеназванной сфере русской деловой речи. Использование англоязычной лексики (в том числе и в оригинальном правописании) в русскоязычных ГО банковских учреждений, по-видимому, преследует цель подчеркнуть актуальность рассматриваемой в отчете тематики и продемонстрировать респектабельность и «продвинутость» российского банковского учреждения и его способность поддерживать контакт с контрагентами на метаязыке современного международного банковского сообщества. Например: *В октябре 2003 г. Банк провел в Европе roadshow выпуска сертификатов участия в займе* [Банк «Петрокоммерц» 2003: 29]. Проникновение англицизмов в русскоязычный банковский дискурс наблюдается и в области антропонимии. Действительно, названия многих российских банков (*Банк «Кредиттраст», Уралприватбанк, ИБГ «Никойл»* и др.) и банковских продуктов (*Quick-Брокер, DiasoftDepo* и т.д.) включают элементы англоязычного происхождения, что, по мнению российских банкиров, является немаловажным для создания привлекательного образа банковского учреждения в сознании адресата.

Таким образом, проведенный анализ показал, что тексты англоязычных и русскоязычных ГО банковских учреждений обладают национально-культурной спецификой и поэтому могут рассматриваться как ценный источник национально-культурной информации. Национально-культурные особенности данного типа текстов проявляются как на лексическом, так и на грамматическом уровне, отражая картину мира, шкалу ценностей и стереотипы коммуникативного поведения западной и русской лингвокультурной общности.

Список литературы

1. Стернин, И. А. Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация [Текст] / И. А. Стернин // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности / Под ред. Л. И. Гришаевой и Т. Г. Струковой. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – С.21-28.
2. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286с.

О.Л. Заболотнева
Челябинск, Россия

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКЦИИ

Одной из содержательных характеристик лекции является её научность, поэтому, необходимо, на наш взгляд, обратиться к языку научной прозы и выявить понятия: язык, стиль, жанры научной прозы, стиль лекции.

Под литературным языком понимается «реально существующий язык, главное средство устной и письменной коммуникации в основных сферах общения (особенно на «престижном уровне») [Орлов 1991: 44]. Литературный язык характеризуется многообразием функций и используется как образец, эталон, которому стремятся подражать. Это язык образованных кругов общества, а значит это язык образовательного пространства вуза.

Стиль научной прозы оформляется как разновидность литературного языка в связи с теми конкретными задачами, которые наука ставит перед собой. Функциональный стиль научной речи относится к числу тех типично книжных стилей, для которых характерна ярко выраженная ориентация на письменную форму. Ориентация эта проявляется и в отборе лексики, и в грамматическом строе текста. Преимущественно письменное бытование во многом определило и стандартный набор грамматических моделей, речевых клише и целых блоков, которые используются в любом научном тексте [Славгородская 1985: 16].

Научный стиль любого литературного языка, несмотря на внутреннюю дифференциацию, монолитен и однороден. К научному стилю можно отнести следующие типы текстов: 1) академические тексты, представленные следующими жанрами: монография, статья, диссертация, тезисы и т.д.; 2) информационно-реферативные научные тексты (жанры: реферат, аннотация и т.д.); 3) справочно-энциклопедические научные тексты (жанры: энциклопедия, словарь, справочник); 4) научно-оценочные тексты (жанры: рецензия, отзыв и т.д.) 5) научно-учебные тексты (жанры: учебник, учебные пособия, лекция); 6) научно-инструктивные тексты (жанры: методики, программы и т.д.) 7) научно-деловые тексты (жанры: патент, нормаль, отчёт, постановление) [Троянская 1989: 23].

Написанные тексты научного доклада, лекции, научного реферата являются канонизированными образцами научного стиля и имеют свои специфические стилистические особенности (композиционно-смысловые и синтаксические). При простом чтении научного доклада перед аудиторией возникают многочисленные дополнительные моменты – прежде всего прагматического характера. В ситуации, характеризующейся наличием реальной аудитории, несмотря на преимущественно односторонний характер общения, научная речь обретает такие свойства как обращённость, подчёркнуто личностный характер, установка на такое оформление речи, при котором был бы достигнут не только собственно прагматический (убеждение аудитории), но и эстетический эффект (удовлетворение, которое аудитория получает от самой формы доклада, от логики выдвигаемых положений, от красоты и элегантности положений, от красоты и элегантности доказательств), а при наличии указанных реакций аудитории – заметное форсирование речи [Наер1985: 13].

Язык науки (язык научных текстов) характеризуется логичностью изложения материала, преобладанием композиционно-речевой формы рассуждения [Питина 1991: 56].

Наиболее характерным для стиля лекции являются слова в основных предметно-логических значениях. В этом стиле слова редко используются в переносных и других контекстуальных значениях. Образность, как правило, не свойственна стилю лекции. Поэтому в ней редко можно встретить метафоры, метонимии, гиперболы, сравнения и другие средства создания образности. Однако это не значит, что в лекциях вообще не встречается образная речь.

Наиболее характерными чертами стиля лекции является синтаксическая организация предложений и выбор лексики. Отбор лексики в стиле научной прозы подчиняется одной основной задаче: адекватно донести до читателя (или слушателя)

описываемое явление в многообразии признаков, характеризующих это явление. Поэтому слова, используемые для выражения мысли в научной прозе, имеют одно, обычно ведущее, предметно-логическое значение [Гальперин 1981: 423].

Названные требования к стилю лекции определяют его языковой облик. Лексику научной речи составляют три основных пласта: общеупотребительные слова, общенаучные и термины. К общеупотребительной лексике относятся слова общего языка, которые наиболее часто встречаются в научных текстах. Общенаучная лексика – второй пласт научной речи. Если весь лексикон научного стиля представить в виде концентрических кругов, то внешний круг составит общеупотребительная лексика, внутренний – общенаучная лексика. Третий пласт лексики научного стиля – терминология. Это ядро научного стиля, последний, внутренний круг. Термин воплощает в себе основные особенности научного стиля и точно соответствует задачам научного общения [Солганик 2000: 186].

В исследованиях, посвящённых публичной речи, подчёркивается необходимость введения в устное выступление экспрессивно-эмоциональных элементов как одного из важнейших условий его наиболее эффективного восприятия. «Изгнать эмоции из устного выступления практически невозможно... Публичная лекция – разновидность речевого действия, в структуре которого в равной мере важны элементы рационального и элементы эмоционального» [Нистратова 1985: 87].

В стиле лекции образность – необязательное вспомогательное средство. Образность в лекции – это средство проявления индивидуальной манеры изложения, которое само по себе не является обязательным. Образность обычно усиливает, оттеняет уже аргументированную логическую мысль.

Подобное изложение придает речи наглядность, красочность, конкретность, оно усиливает интерес, привлекает внимание, сокращает путь к сознанию. Внимание слушателей устойчивее, если оно связано с чувствами, с картинностью подачи материала. А воздействие на слушателей средствами образности и есть один из важнейших элементов эмоционального воздействия. Наглядность, образность делают рассказываемое лектором как бы частью личного опыта.

За ученым сохраняется право на сопоставление двух планов мышления, т.е. на иллюстративное сравнение или метафору. Предубеждение ко всякой образной речи на кафедре, как якобы к неуместной фальши и безвкусице, нельзя признать обоснованным.

Внутренняя наглядность особенно важна в области общественных наук, политических знаний, где возможности внешней наглядности (опыт, эксперимент, макет) ограничены.

Владение речью, речью образной – важный элемент культуры человека вообще и лектора в особенности.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
2. Наер, В. Л. Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей [Текст] / В. Л. Наер // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л. И. Зильберман [и др.] – М. : Наука, 1985. – С. 3-15.
3. Нистратова, С. Л. Синтаксические средства выражения адресованности в устной научной речи [Текст] / С. Л. Нистратова // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л. И. Зильберман [и др.] – М. : Наука, 1985. – С. 81-98.
4. Орлов, Г. А. Современная английская речь [Текст] : учеб. пособие для вузов по специальности «Англ. яз. и лит.» / Г. А. Орлов. – М. : Высш. шк., 1991. – 240 с.
5. Питина, С. А. Реализация условных смысловых отношений в языке английской научной литературы [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Питина Светлана Анатольевна. – Л., 1991. – 186 с.
6. Славгородская, Л. В. Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания [Текст] / Л. В. Славгородская // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л. И. Зильберман [и др.] – М. : Наука, 1985. – С. 16-31.
7. Солганик, Г. Я. Стилистика текста [Текст] : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – Изд. 2-е. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 256 с.
8. Троянская, Е.С. Обучение чтению научной литературы [Текст] / Е.С. Троянская : учеб. пособие. – М. : Наука, 1989. – 272 с.

М.А. Занина
Челябинск, Россия

МЕТАФОРА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафора (греч. *μεταφορά* - «перенос»), определяемая со времён Аристотеля как “троп или фигура речи, перенесение свойств одного предмета (явления) на другой на основании общего признака или образное выражение” уже более двух тысячелетий продолжает находиться в центре внимания философов и лингвистов, однако изучение метафоры в последние десятилетия XX века характеризуется переходом на качественно новый уровень. В центре внимания ученых вместо стилистических характеристик метафоры оказались ее когнитивные и смыслообразующие функции и возможности.

В то время как на протяжении XX века многие лингвисты считали метафору неуместной в научном стиле, сегодня большинство ученых приходят к пониманию, что метафора не просто поэтическое изобретение или риторическое украшение, но способ мышления поведения в мире. Не только наша повседневная, но и научная концептуальная система глубоко метафорична по своей природе [Плисецкая 2007].

Таким образом, с точки зрения современной лингвистики, метафора выступает не только как средство создания образности речи, но и как средство, обладающее функцией конструирования и передачи новых смыслов.

Метафора – один из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. Она выполняет когнитивную, номинативную, художественную и смыслообразующую функции. Изучение метафоры в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики показало, что метафора – не только элемент языка, но и «универсальный познавательный механизм, способ осознания мира» [Шитикова 2002: 19], поскольку она «обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфический взгляд на мир» [Телия 1996: 288].

Метафора распространена во всех жанрах речи, предназначенных для воздействия на эмоции и воображение адресата. Порожденная воображением, метафора всегда – прямо или косвенно – соотнесена с действительным миром.

Метафора углубляет понимание чувственно воспринимаемой реальности, но не уводит за ее пределы. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути, поэтому наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой. Современные тенденции, опираясь на результаты исследований в области когнитивной лингвистики, определяют метафору как средство мыслительной деятельности, согласно которым она является одной из форм концептуализации когнитивного процесса, результатом которого является формирование новых понятий. Сегодня метафору считают не каким-то «случайным феноменом, нарушающим условия истинности, но когнитивным инструментом, который модернизирует конвенции и открывает новые перспективы» [Лакофф 1987: 17]. Лингвисты постоянно обращаются к проблеме метафоры, что объясняется чрезвычайной сложностью, неоднородностью и многослойностью данного явления. Среди языковых единиц, подлежащих исследованию в рамках когнитивной теории, метафора и описание ее конкретных моделей в различных видах дискурса занимает существенное место. Современная когнитивистика рассматривает метафору как инструмент познания, структурирования и объяснения действительности.

Метафора пронизывает человеческое мышление и, следовательно, человеческий язык в целом. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в

сознании адресата языковую картину мира. При изучении процесса мышления и отображения его в языке этот вопрос нельзя оставить без внимания. Метафора играет большую роль в языке в целом и неизбежно имеет существенное значение для процесса научного описания явлений и предметов действительности.

Научный язык, в отличие от обыденного, считается формализованным и более точным. Использование метафоры в языке науки, казалось бы, дисгармонизирует со многими параметрами научного дискурса, например, противоречит основным требованиям, предъявляемым к научной терминологии - четкости номинации, т.е. соответствия термина понятию и его однозначности. Как отмечает А. Ричардс: «На протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме». Но, как отмечает Н.Д. Павлова, «в области изучения языка и речи в последние приблизительно полтора десятилетия наметилась знаменательная эволюция: язык и речь, долгое время отрывавшиеся от контекста общения, стали рассматриваться не изолированно, а в рамках того взаимодействия, которое они обслуживают». Возникает новый объект исследования и, как следствие, новое понятие — дискурс, который в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» и как «речь, "погруженная в жизнь"». Важно отметить, что такой текст нельзя оторвать от своего контекста, от «жизни, в которую он погружен» — поэтому «дискурс изучается совместно с соответствующими "формами жизни"». И такая «форма жизни», как наука представляет особый интерес. Наличие в текстовой ткани научного произведения фрагментов, организованных по принципу содержательного уплотнения, свидетельствует о том, что речемыслительная шлифовка нового знания осуществляется на основе не только строго логического развития мысли, но и *эмоционально-экспрессивного речеведения*.

М.Н.Кожина считает естественным «вторжение» в нормативную для научного стиля отвлеченно-обобщенность и строгую логичность своеобразной экспрессивности, эмоциональности и даже образности, без которых научная речь не достигала бы своей цели, а автор не убедил бы читателя в истинности своей точки зрения. Одной из ярчайших особенностей современных научных текстов является широкое использование метафор, сравнений и прочих художественных тропов и

фигур. Метафоризация и тропеическое мышление – неотъемлемая составляющая научного мышления и научного дискурса. Обращение к изучению «реального» языка науки сделало бесспорным факт наличия в нем значительной доли метафорических по своему содержанию и происхождению терминов и высказываний. Метафоры организуют концептуальную систему и задают целостное видение какой-либо предметной области.

Такой поворот связан с тем, что образ и образное мышление стали считаться высшим достижением человеческого интеллекта и обязательным компонентом творчества, в том числе и научного. В метафоре они находят свое языковое воплощение, а научное познание и научный текст немыслимы без явных и неявных образов.

Список литературы

1. Лакофф, Дж. Искусство метафоры [Текст] / Дж. Лакофф. – М.: 1987. – 17с.
2. Плисецкая, А. [Электронный ресурс] / А. Плисецкая // Режим доступа: <http://annaplis@mtu-net.ru>. 2007, свободный.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1996. – 288с.
4. Шитикова, Е. В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект [Текст] / Е. В. Шитикова. – Барнаул: 2002. – 19с.

М.Г. Заседателева
Челябинск, Россия

ГЛОССА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В лексическом составе немецкого языка, как и любого другого, заложены большие изобразительно-выразительные возможности для фиксации человеческой субъективности [Структурно-семантическая характеристика 2002]. Выбирая определенные лексические единицы и комбинируя их, автор стремится к максимальной реализации своего замысла. Главной целью при этом является воздействие, которое выбранная лексика окажет на адресата. Но согласимся с М.М. Бахтиным, который считал, что «эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления» [Структурно-семантическая характеристика 2002]. Метко выбранное слово начинает определенным образом окрашивать весь текст, выступать колоризатором, выявителем установок, оценок, вкусов, настроений говорящего [Девкин 1985: 13].

Оценка является и неотъемлемой частью таких типов текста, которые принято относить к критическому дискурсу. Считаем, что к критическому дискурсу целесообразно отнести тексты критического характера, к примеру, глоссы.

Актуальность данной статьи обусловлена значимостью дискурсивных исследований для современной лингвистики, а также недостаточной изученностью такого типа текстов как глосса.

Интересно значение данного слова. Немецко-русский словарь под редакцией А.А.Лепинга и Н.П. Страховой дает следующий перевод данного слова: 1. филол. юр. глосса; замечание (на полях), примечание; 2. ироническое замечание. В универсальном словаре Дуден значение данного слова объясняется следующим образом: 1. а) (ироническое) замечание (на полях); б) краткий (полемиического характера) комментарий (в прессе, на радио или по телевидению) по актуальным событиям или проблемам; 2. (в литературоведении) появляющееся в старых рукописях объяснение какого-либо выражения. Из данных значений немецкого слова *Glosse* нам близко следующее «краткий (полемиического характера) комментарий (в прессе, на радио или по телевидению) к актуальным событиям или проблемам». Интересно и происхождение данного слова. Первоначально оно появилось в греческом языке и имело значение «язык», но современное слово созвучно латинскому слову *glossa*.

В современной журналистике данным термином обозначают короткое, остроумное выражение собственного мнения, которое отличается от комментария и передовой статьи в первую очередь своим полемиическим, сатирическим или фельетонистическим характером. Журналистские глоссы сочиняются как на веселые, так и на серьезные темы, в связи с «большими» политическими и мелкими, локального характера событиями. Основными стилистическими чертами глоссы являются ирония и преувеличение (гипербола).

Глосса считается легко читаемым типом текста, но, тем не менее, автор ее должен не только хорошо владеть ситуацией, но и иметь литературный талант. Глоссу отличает элегантность формулировок, доказательность и поражающее остроумие.

Глоссу как разновидность критического дискурса отличает, прежде всего, социальная оценочность событий, действий и т.д. Предпосылкой данной оценочности должна быть проблемная ситуация. Социальный смысл глоссы можно сформулировать следующим образом: серьезной проблеме, как правило, дается оценка в аргументированной и остроумной форме. Для глоссы характерны переход от серьезного к несерьезному и остроумие [Sandig 2006: 495].

Как уже отмечалось, глоссу отличает, прежде всего, оценочность. Именно оценочность занимает здесь центральное место, а описание действия отступает на задний план. Поэтому темой глоссы становятся зачастую хорошо знакомые читателю события. Как правило, оценка опирается на аргументы, что предусматривает

информирование читателя. Но оценка и аргументирование осуществляются здесь в несерьезной манере, остроумно, развлекательно и т.д. Информирование здесь также изобилует оценкой, остроумием. Придание эмоционального характера является также особой формой оценки [Sandig Barbara 2006: 497-498].

Глосса имеет и некоторые особенности структурного построения, как и любой другой тип текста. В первую очередь для глоссы характерны короткие заголовки, состоящие из одного слова или словосочетания. Привычная для нас структура текста: начало – середина – окончание в исследуемом типе текста, как правило, «удваивается». В начале текста, как правило, дается утверждение или тезис, в конце текста – главный смысл или другое видение темы [Sandig Barbara 2006: 498].

Основополагающими для глоссы являются: иронизирование, игра слов, оценивающие формулировки на лексическом и грамматическом уровнях. Типичным образцом изложения материала в глоссе является аргументированное раскрытие темы. Люгер подчеркивает, что в стилистическом отношении глосса не находится на одном уровне, постоянно происходит смена, переход из одного стиля в другой. Здесь можно наблюдать постоянно признаки то нейтральной, то высокой, то разговорной стилистической окраски. Для синтаксиса характерна постоянная смена коротких и длинных предложений [Sandig 2006: 500-502].

Необходимо отметить, что очень трудно отразить все признаки глоссы. Как и нельзя утверждать, что вышеперечисленные признаки будут характерны для всех текстов данного типа.

Необходимо отметить, что данный вид текста могут сопровождать картинки, фотографии, графика. Шрифт, распределение текста на странице, цветовая гамма и т.д. могут быть различны. Как правило, это зависит от газеты, журнала, где публикуется глосса.

Объем глоссы зависит от социального смысла данного текста и от издания. Как отмечают немецкие исследователи, в газете «Zeit» он составляет 23-27 строк, в «Suddeutsche Zeitung» он значительно больше.

Стилистически глосса выполняет и различные функции: они могут характеризовать средство массовой информации, где печатаются; пишущий может представить себя особым образом; к адресату также обращаются специфическим образом. В данном типе текста особенно важна оценка и эмоциональная сторона. В текстах такого рода широко используются традиционные стилистически-реторические средства, такие как игра слов. Искусство «написать хорошую глоссу» и заключается в

соединении различных средств. Благодаря этому каждый текст индивидуален [Sandig 2006: 508-509].

В данной статье попробуем рассмотреть данный вид текста на примере одной глоссы.

В глоссе «Schöne Zeichen» авторов Тобиас Рос и Констанце Фойгт от 26 ноября 2007 года речь идет о реформе правописания в Германии, а именно об употреблении дефиса. Необходимо заметить, что данную глоссу сопровождает фотография памятника братьям Гримм. И это не случайно. Речь в тексте пойдет о правильном написании названия библиотеки университета в Берлине, которая носит их имя. И вероятно, еще потому, что именно благодаря братьям Гримм многие правила немецкого языка были упорядочены. В данном тексте явно чувствуется положительное отношение авторов к дефису и прежним правилам его употребления и явно негативное отношение к теперешнему его использованию. Авторы называют «дефис» ласково, указывают все его преимущества: "Bindestriche sind eine feine Sache. Sie sind sinnstiftend, sorgen für Zusammengehörigkeit und helfen, Missverständnisse zu vermeiden." При этом они ссылаются на самый авторитетный «Словарь немецкого языка» Дуден. И далее следует оценка новой реформы правописания, которой многое допускается, в том числе и отсутствие дефиса. Причем, немцев, привыкших к четкости, к строгому соблюдению правил, совершенно не устраивает, что дефис, по новым правилам, может быть поставлен, но это совсем не обязательно. Но авторы уточняют, что, тем не менее, есть сторонники жесткой линии орфографии, или как их называют *Hardliner der Orthographie*. И далее авторы приводят примеры того, что отсутствие дефиса делает многое непонятным. Но наибольшую боль и возмущение вызывает то, что название «Новой библиотеки университета имени Гумбольдта» (*Jacob- und- Wilhelm Grimm- Zentrum*) будет писаться без дефиса и лишь из эстетических соображений. Авторы возмущены этим: *Und das, obwohl sich gerade seine Namensträger mit ihrem Wörterbuch um Sprache und Rechtschreibung verdient gemacht haben.* Авторы продолжают далее свою мысль и говорят, что это уже не в первый раз, когда грамматика капитулирует перед оптикой. И в конце глоссы авторы выражают надежду, что принцип «неправильно, зато красиво» («*Falsch, aber dafür schon*») не восторжествует в университете. И далее прибегают к преувеличению, что тогда в студенческой столовой будет подаваться еда из пластика: *Sonst wird in der Mensa vielleicht bald nur noch Plastik-Essen serviert.*

Итак, мы увидели, что глосса является разновидностью критического дискурса. Она посвящена, как правило, одному событию или одной проблеме. Глоссы имеют ярко выраженную критическую направленность. Анализируя глоссу можно было заметить,

что авторы прибегают к разным способам выражения своего отрицательного отношения, как: ирония, преувеличение, игра слов, использование лексики с ярко выраженной отрицательной семантикой.

Список литературы

1. Девкин, В. Д. Прагматика слова [Текст] / В. Д. Девкин. - М.: МГПИ, 1985. - 109с.
2. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики [Текст] / Н. Н. Миронова. - М.: НВИ-Тезаурус, 1997. - 157с.
3. Структурно-семантическая характеристика средств выражения категории оценки в немецком и алтайском языках [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://mirrabot.com/work-36848.html>. 2002, свободный.
4. Sandig, Barbara. Textstilistik des Deutschen [Text] / Barbara Sandig. -Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2006. - 625с.

Ю.М. Иванова
Волгоград, Россия

RPG КАК ТЕКСТ И КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Сегодня RPG («role-playing games» = «ролевые игры») представляет собой значимый феномен культуры и важную часть жизни большого количества людей. В рамках исследования границ, целей и стратегий игрового дискурса мы предполагаем рассмотреть текстовую RPG в аспекте теории текста и коммуникативного события. Сегодняшние RPG берут свое начало в настольных играх: именно такую форму имеет игра «Dungeons and Dragons» (<http://www.wizards.com/default.asp?x=dnd/welcome>), лежащая у истоков ролевого движения. Использование компьютерных технологий привело к возникновению целого ряда разновидностей RPG. В данной статье мы займемся рассмотрением свойств *онлайновых текстовых RPG* на материале игр, размещенных на сайте (<http://www.lotrplaza.com>).

М.Л. Макаров определяет коммуникативное событие через его отношение к другим, более мелким *единицам дискурс-анализа* [Макаров 2003]. Под коммуникативным событием здесь понимается максимальная единица членения дискурса – акт коммуникации, границы которого определяются началом и концом общения (вступлением в общение и его завершением), и которое характеризуется постоянством таких социолингвистических переменных, как участники и хронотоп. Жанровая специфика онлайн-текстовой RPG (далее для краткости будем употреблять термин RPG как синоним онлайн-текстовой RPG) обусловлена как принадлежностью данного коммуникативного события к виртуальному, так и к игровому дискурсу. RPG происходят на специальных форумах в Интернете. Один из

участников, берущий на себя обязанности мастера игры («гейм-мастера», «ГМа» = GM; от англ. «game master»), формулирует примерную концепцию будущей игровой сессии, а заинтересовавшиеся игроки подписываются для участия и вступают в игру. В наиболее общей форме коммуникативное событие RPG состоит в том, что игроки совместными усилиями создают (чаще всего героическое, но иногда и ироническое) повествование об определенном вымышленном событии (цепи событий). Рассмотрим подробнее его содержание и особенности.

Хронотоп RPG обусловлен принадлежностью данного коммуникативного события к виртуальному дискурсу. Интересна двойственность пространства, в котором протекает игра (оно содержит следующие составляющие): виртуальное «пространство» форума (в частности, его разделенность на две зоны: IC «in character» и ООС «out of character»), 2) фикциональное пространство текста RPG. Воплощение категории времени в RPG также имеет сложную структуру: время игры состоит из фикционального времени текста RPG и реального времени, в котором протекает взаимодействие игроков. Поскольку онлайн-текстовая RPG всегда является пошагово организованной, реальное время здесь делится на неравные промежутки, отведенные для того, чтобы каждый участник мог отреагировать на сообщение-стимул, размещаемое модератором (гейм-мастером) при каждом новом повороте сюжета.

Участники RPG – члены игрового интернет-сообщества, причем многие из них не знакомы в реальной жизни, что роднит онлайн-версии RPG с другими жанрами виртуального дискурса. Кроме того, в игре они выступают под двойной маской: это собственно игровой персонаж в рамках конкретной игровой сессии, а также виртуальная личность пользователя, обладающая определенным статусом, историей и кругом общения в рамках портала.

Ролевая структура RPG формируется на основе «подписки» пользователей на конкретную игровую сессию, заявленную предполагаемым гейм-мастером. Описание сюжета будущей игровой сессии дает пользователям представление о том, какие герои могут участвовать в подобной истории.

e.g. In the days of the Numenorean King, Ar Pharazon, Dark was the time that Sauron, Lord of Lies, whispered and clawed his evil deceit into the heart and minds of the King of Numenor, and thus eventually into the minds and hearts of the great men of the Westernese. Many of the Dunedain fell to the dark falseness of Sauron. (...) The White Ravens were never a large company to start with. (...) They were at the forefront of battle, through thick and thin, they endured and endeavoured. And their legend grew... This is their Story...

За этим следует собственно подписка пользователей, предполагающих принять участие в игре: как уже было сказано, виртуальные персонажи, существующие в рамках портала, обретают вторую, игровую, идентичность, присваивая себе некую роль в начинающейся сессии. Как уже было сказано, конечной целью RPG является создание героического или иронического повествования о якобы прошедших событиях. Это означает, что совместная дискурсивная деятельность игроков должна в конечном итоге привести к возникновению произведения, обладающего всеми основными признаками авторского художественного текста [Залевская 2001], который представляет собой случай «упакованной, вторичной коммуникации» [Дымарский 2001: 45]. Таким образом, можно утверждать, что игроки ставят перед собой нелегкую задачу, состоящую в преодолении различия между дискурсивной (*первичной, непосредственной*) и текстовой (*вторичной, опосредованной, культурно значимой*) формой коммуникации. Такая коммуникативная установка приводит к тому, что результирующий продукт взаимодействия игроков характеризуется наличием ряда **парадоксов**.

Во-первых, участники игры стремятся к созданию текста, который по своим формальным и содержательным характеристикам имитировал бы авторскую художественную прозу. При этом процесс создания такого текста предполагает диалогическое взаимодействие нескольких (чаще всего от 5-6 до 20 участников).

Во-вторых, фикциональная реальность художественной прозы гомогенна в силу того, что является выражением индивидуального видения мира одним автором¹. В то же время, от текста RPG требуется та же степень гомогенности событийной структуры создаваемого текста. При этом линейность (и временная необратимость) этого коллективного повествования делает невозможными исправления или изменения, которые мог бы внести (позднее) один автор. Таким образом, в коммуникативном событии RPG диалог не столько описывает, сколько творит фикциональную реальность.

В-третьих, художественная проза чаще всего имеет одного главного героя, глазами которого не только автор, но и читатель видит мир. Это последнее условие не всегда обязательно, но внутренний мир второстепенных героев в любом случае открыт для непосредственного наблюдения читателя лишь в ограниченном числе случаев, когда это необходимо для объяснения развития сюжета или более глубокого раскрытия характеров главных героев. В тексте RPG раскрывается внутренний мир каждого героя повествования. Статус же главных и второстепенных приобретается героями в зависимости от активности и креативности игроков.

¹ Иногда создание является результатом работы коллективом авторов, но при условии, что у них есть возможность договориться по поводу спорных вопросов прежде, чем создавать окончательную редакцию текста.

Являясь игровым коммуникативным событием, RPG обладает основными признаками неагональной игры: это игра-представление [Хейзинга 2003: 27], характеризующаяся особой структурой пространства и времени, определенной как принадлежностью данного коммуникативного события к виртуальному дискурсу, так и структурой конфликта, лежащего в основе игры (конфликт между дискурсивной и текстовой формами коммуникации). Текст, являющийся результатом онлайн-текстовой RPG, характеризуется наличием ряда парадоксов, обусловленных сложной структурой игрового конфликта.

Список литературы

1. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX в.в.). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
2. Залевская, А. А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь, 2001. – 177 с.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Хейзинга, Й. Homo Ludens/Человек играющий. Статьи по истории культуры. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 496 с.

Т.А. Ильющенко
Тюмень, Россия

ТИПЫ ЕДИНИЦ В УЧЕБНОМ ГЛОССАРИИ К КОМПЬЮТЕРНОМУ УЧЕБНОМУ ДИСКУРСУ

С появлением и развитием термина «дискурс» внимание многих лингвистов оказалось направлено на изучение коммуникативных практик внутри самых различных областей человеческой деятельности. Стремительное распространение компьютерной техники и технологий во второй половине прошлого столетия повлекло развитие специального языка и терминологии. Языковые процессы, речевая деятельность в рамках компьютерной науки стали объектом изучения не только специалистов в этой области знаний, но и лингвистов. В нашей статье мы обращаемся к вопросу о том, какие типы единиц включаются в глоссарий, предлагаемый к учебному компьютерному дискурсу, и о месте глагольной лексики в глоссарии данного типа.

По Е.В. Столяровой, учебный дискурс представляет собой «комплексное, системное, языковое образование, характеризующееся коммуникативной направленностью на решение специфических задач в условиях учебного общения и функциональностью» [Столярова 1999: 6-7]. Одной из главных задач любого учебного дискурса является формирование системы понятий и представлений по данному учебному предмету. Все коммуникативные процессы, происходящие в учебном дискурсе, а также все используемые при этом языковые средства должны быть направлены на выполнение этой задачи. «От сложившейся системы представлений

зависит уровень интерпретации студентами учебной информации, её правильное многостороннее понимание», – пишет В.П. Яссман [Яссман 2004].

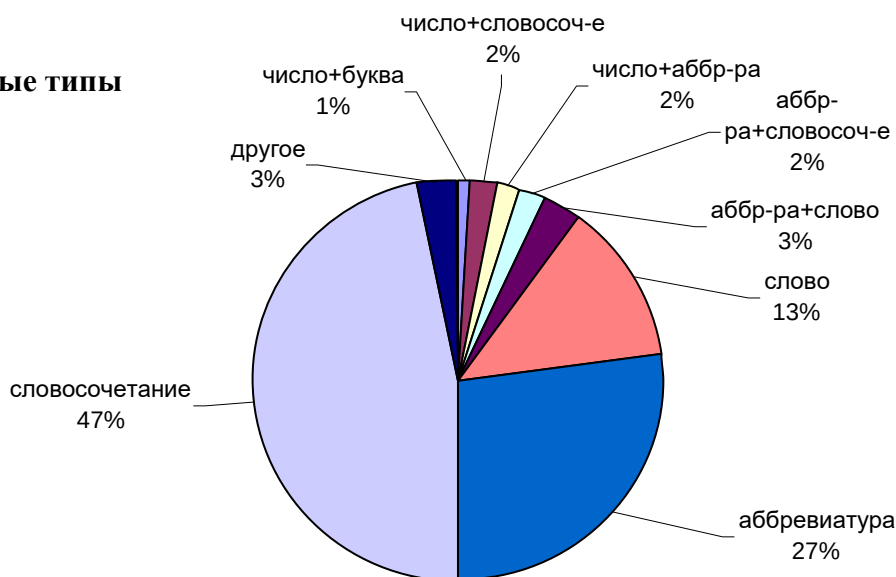
Материалом нашего исследования является учебный ресурс компании компьютерных технологий Cisco – “Cisco Networking Academy Programme for Cisco Certified Network Associate (CCNA) Certification” на английском языке. Структурное содержание данного учебного ресурса, рассматриваемого нами как учебный компьютерный дискурс, позволяет выделить в нем ряд под-дискурсов: обзорный (краткий обзор содержания модуля), собственно обучающий (основной учебный текст), практический (лабораторные и интерактивные мультимедийные задания), резюмирующий (краткое резюме), тестовый (тестовые задания) и словарный (гlossарий).

Именно в словарном под-дискурсе – специальном учебном glossарии – зафиксирована система профессиональных понятий и представлений в области компьютерных технологий, ограниченных рамками данного курса.

Учебный англоязычный glossарий к курсу CCNA включает в себя 2233 терминологических единицы. Мы провели структурный анализ этих единиц и установили 8 их структурных типов: 1) число+буква, 2) число+словосочетание, 3) число+аббревиатура, 4) аббревиатура+словосочетание, 5) аббревиатура+слово, 6) слово, 7) аббревиатура, 8) словосочетание. Наиболее частотными в glossарии являются три последних типа – слово (13%), аббревиатура (27%), словосочетание (47%). Количественное соотношение всех структурных типов можно видеть на Рисунке 1:

Рисунок 1

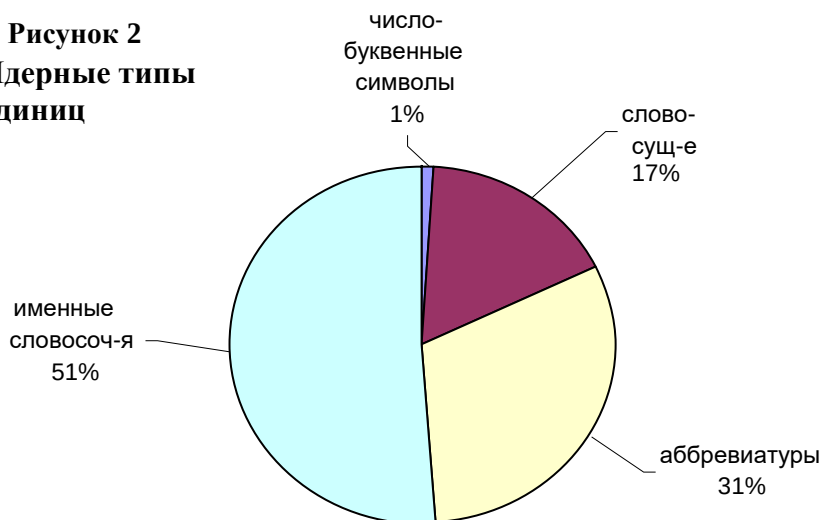
**Структурные типы
единиц**

Далее структурные единицы, включающие более одного компонента, были классифицированы по признаку ядерных (ключевых) единиц. Таким образом, 8

представленных структурных типов единиц сводится к 4 ядерным типам: 1)число-буквенный символ, 2)слово-имя существительное, 3)аббревиатура, 4)именное словосочетание (см. Рисунок 2).

Рисунок 2
Ядерные типы
единиц

Можно констатировать, что терминологические характеристики учебного глоссария к рассматриваемому компьютерному учебному дискурсу традиционны. Во-первых, по словам В.М. Лейчика подавляющее большинство терминов в современных индоевропейских языках представлено словосочетаниями [Лейчик, Никулина 2005: 30]. В данном глоссарии преобладающий тип терминологических единиц – также словосочетания (51%). Во-вторых, ядро терминологии традиционно составляют имена существительные, чаще нарицательные [Даниленко 1977: 37]. За исключением число-буквенных символов, которые являются единицами специфическими для компьютерного дискурса и которые немногочисленны (1%), ядром терминологических единиц является существительное или же отглагольное существительное (герундий). За рамками учебного глоссария остается многочисленный класс глагольной лексики, широко представленный в самом тексте учебного дискурса.

В монографии О.М. Карповой и Е.В. Щербаковой «PR: Проблемы терминографического описания» содержится наблюдение о том, что в ряде терминосистем происходит «смещение от номинативного ядра в сторону единиц, реализующих глагольную семантику». Такое наблюдение признается справедливым, в частности, для терминологий экономики, торговли, бизнеса и других видов деятельности [Карпова, Щербакова 2005: 69]. Нам представляется, что ряд вышеперечисленных терминологий может быть пополнен компьютерной терминологией (терминологией сетевых коммуникаций).

Наличие значительного количества глагольных единиц обусловлено спецификой данной предметной области. Область компьютерных технологий связана с созданием, накоплением, передачей и использованием информации, то есть с различными операциями-действиями, производимыми с какими-либо данными. Закономерно, что наименование этих процессов, действий, операций осуществляется через глагол и реализуется в дискурсе посредством различного рода глагольных структур (как предикативных, так и непредикативных).

Специфика семантики глагола по сравнению с семантикой существительных состоит в его особенном релятивном характере, то есть в обозначении не просто объектов реальной действительности, а отношений между этими объектами. Подобные отношения находят отражение прежде всего в синтагматических связях глагола. Следовательно, в учебный глоссарий к компьютерному учебному дискурсу рекомендуется включать терминологические глагольные словосочетания типа *to build a network, to connect an adapter card, to transmit data, to store information, to install a modem, to code Web page content* и т.п.

В случае, когда обучение в рамках компьютерного дискурса происходит на неродном языке (русские студенты используют англоязычный ресурс CCNA), зафиксированные в учебном глоссарии синтагматические связи глагола являются одним из определяющих факторов при переводе данных единиц.

Кроме того, в ситуации иноязычного дискурса учебный глоссарий может фиксировать также нетерминологические инструктивные глагольные единицы, выражающие различные инструкции-задания, которые требуют обязательного выполнения студентами. К таким единицам, например, относятся: *examine the computer, list the internal components, remove the PC system unit cover, assemble the PC components, observe the boot process* и т.п.

Таким образом, учебный глоссарий к компьютерному учебному дискурсу (англоязычному ресурсу CCNA) фиксирует традиционные терминологические единицы – именные словосочетания, аббревиатуры, термины-существительные, число-буквенные символы. Включение в данный тип глоссария глагольных единиц, как терминологических, так и нетерминологических способствует более успешному усвоению профессиональной терминологии и эффективной коммуникации в рамках учебного компьютерного дискурса.

Список литературы

1. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 248с.

2. Карпова, О. М., Щербакова, Е. В. PR: Проблемы терминографического описания [Текст] / О. М. Карпова, Е. В. Щербакова. – Иваново: Ивановский госуд. ун-т, 2005. – 184с.

3. Лейчик, В. М., Никулина, Е. А. Исследование терминологизмов в парадигматике: явление антонимии [Текст] / В. М. Лейчик, Е. А. Никулина // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 30-43.

4. Столярова, Е. В. Речеактовая характеристика дискурса в учебной ситуации: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Столярова – Тверь, 1999. – 19с.

5. Яссман, В. П. Психолингвистические аспекты понимания в процессе подготовки специалистов [Электронный ресурс] / В. П. Яссман // Режим доступа: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-02-7.doc>, свободный.

Н.В. Иноземцева
Оренбург, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАРКЕРОВ ДИСКУРСА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОГЕЗИИ И КОГЕРЕНТНОСТИ МАЛОФОРМАТНОГО ТЕКСТА (на материале заглавий англоязычных статей по методической проблематике)

Феномен малоформатного текста, или микротекста в последнее время активно исследуется учеными в рамках лингвистики текста. Малоформатный текст является уменьшенной копией макротекста. Они обладают общими признаками, среди которых можно перечислить цельность, связность, логическую завершенность и стилистическую маркированность.

Специфика МФТ проявляется в том, что ограниченность текстового формата вызывает стремление к экономии в использовании языковых и неязыковых явлений. Основные черты МФТ – выразительная краткость, лаконизм и сжатость изложения, с которыми связана не только экономии языковых средств, но и времени.

Таким образом, исследуемые нами заглавия англоязычных статей по обучению английскому языку рассматриваются как МФТ, поскольку они обладают всеми вышеизложенными признаками. Рассматриваемые нами МФТ включают заголовки англоязычных статей по методической проблематике, размещенные в специализированных журналах и Интернет – форумах по проблемам обучения английскому языку.

Общий объем корпуса выборки включает 650 названий статей из журналов “English For Specific Purposes”, “Humanizing Language Teaching”, “The International TEYL Journal: Research and Review Articles on Teaching English”, “Teaching English with Technology”.

Многогранность понятия "текст" предлагает такое широкое поле деятельности для исследователей, что до сих пор остаются недостаточно изученными многие аспекты,

связанные с текстом, в частности одна из важнейших текстообразующих категорий – когезия.

Прежде всего, необходимо разграничить понятия "**когезия**" (cohesion) и "**когерентность**" (coherence). Когерентность означает связность содержания текста любого объема, тогда как когезия предполагает не только смысловую спаянность внутри сверхфразовых единств или между ними, но, прежде всего языковые средства осуществления связи между двумя и более элементами в тексте. Сходной точки зрения придерживается и видный отечественный лингвист И.Р.Гальперин, согласно которому когезия – это особые виды внутритекстовых связей, обеспечивающие логическую последовательность и взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. Она задается самой системой текста в ходе его развития и поэтому является неотъемлемым признаком, присущим любому типу текста. Изучению дискурса (текста) и связности его элементов посвящено множество исследований, однако в последнее время особое внимание уделяется проблеме выделения и функционирования маркеров дискурса. Не существует четкого и единого определения термина «дискурсивный маркер». Этот термин широко используется в лингвистической литературе и соотносится с особым классом слов, принципиально важным свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса.

Маркеры дискурса (частицы, порядок слов, выделение темы и ремы, коннекторы и т.д.) представляются нам важными элементами связей внутри текста, так называемых межфразовых связей. Эти маркеры создают опоры пространства межфразовых связей внутри дискурса. Данное явление вызывает огромный интерес и освещается в различных публикациях, однако на сегодняшний день окончательного осмысления оно еще не получило. Однако нам кажется справедливым говорить о прямой зависимости между когезией как одной из наиболее важных категорий текста и дискурсивными маркерами. Различные ученые, в зависимости от подхода к изучению текста (лингвистический или психолингвистический), с различных позиций рассматривают термин “когезия”, который был введен М.А.К.Хэллидеем: “Когезия – это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который различает текст от “не-текста” и который служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое”. М.Холлидей и Р.Хасан выделяют **пять** средств когезии: референцию, субституцию, эллипсис, конъюнкцию (соединение) и лексическую когезию, хотя сами авторы указывают, что между данными категориями нет незыблемых границ. Все категории когезии – это явления структурно-грамматической и лексической связи.

Дискурсивные маркеры являются характерными признаками такого явления как конъюнкция. **Конъюнкция** (соединение) является весьма распространенной и объемной с точки зрения количества лексических единиц и разнообразия выражаемых ими логических отношений. В соединительные средства когезии входят не только слова (прежде всего союзы), но и словосочетания (*on the contrary, in such an event* и т.п.), а также целые предложения (*I mean* и т.п.).

В заглавиях исследуемых нами англоязычных статей чаще всего встречается соединительный союз *and*, реже встречаются союзы *or, as*:

[*Exams as a Source of Anxiety in TEYL*](#) (by By Michela Gronchi)

[*Testing as a Catalyst for Progress and Development*](#) (by Owen Connor, Journal “The International TEYL Journal”, 2007.)

6 Ways You Can Develop New English Language Skills or Learn New Information (Journal “[The Quarterly](#)”, 2006).

Среди языковых единиц, способных устанавливать семантические отношения между частями высказывания, то есть дискурсивных маркеров, есть не только союзы, поэтому для их названия необходимо было выбрать термин, объединяющий их в одну категорию, исходя из функции, которую данные единицы выполняют в высказывании. В исследованиях, посвященных описанию семантической структуры высказывания и средствам выражения отношений между высказываниями, используется множество терминов для обозначения показателя связи или того или иного типа отношения. Так, в трудах отечественных лингвистов для названия показателей связи встречается, например, термин «скрепы»: скрепами называются языковые единицы, выполняющие связующую функцию между частями сложного предложения или отдельными предложениями (работы М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой). Помимо термина «скрепы», существует и множество других: «логические слова» (исследования И. М. Богуславского), «дискурсивные слова» (Путеводители по дискурсивным словам под ред. А. Н. Баранова и др. (1993) и К. Киселевой и Д. Пайара (1998)), «служебные слова» и «строевые элементы лексики» (термин Л. В. Щербы), релятивы (термин М. В. Ляпон) и др. Однако, все эти термины, за исключением не получившего широкого распространения термина «скрепы», по своему объему не совпадают с выбранным нами термином «коннектор»: они либо охватывают более широкий круг явлений, либо пересекаются с ним. Так, например, термины «логические» и «дискурсивные» слова шире, чем термин «коннектор»: они включают, помимо собственно коннекторов, такие единицы, как *авось, даже, вовсе и под.*, то есть языковые единицы, действующие внутри одного [Гак 1989: 10] высказывания. А термины «служебные» и «строевые» слова

пересекаются с термином «коннектор», поскольку наряду с единицами, являющимися коннекторами в нашей классификации (например, союзы), включают и единицы, не являющиеся коннекторами, например, артикли; с другой стороны, некоторые наречия и наречные выражения, безусловно, являющиеся коннекторами, не входят в число охватываемых данным понятием единиц, являясь в традиционной морфологической классификации не служебными, а знаменательными частями речи. Поскольку ни один из перечисленных терминов не подходит для определения языковых единиц – выразителей смыслового отношения между высказываниями или его частями, – которые и являются предметом настоящего исследования, то нами был выбран более 'специальный' термин «коннектор», который более четко и точно очерчивает круг рассматриваемых явлений. Этот термин используется, в основном, в зарубежной лингвистике и, в частности, в исследованиях Женевской семантической школы, многие из позиций и методов семантического описания которой нам близки. Трактовка термина «коннектор» зависит от выбранной перспективы исследования.

В нашем исследовании принято следующее определение коннектора: *Коннектор* – языковая единица, функция которой состоит в выражении типа семантических отношений, существующих между двумя соединенными с ее помощью компонентами, имеющими предикативный характер, выраженными имплицитно или эксплицитно.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. - М., 1989.
2. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / Макаров М.Л. - М., 2003.
3. Путеводители по дискурсивным словам под ред. А. Н. Баранова и др. (1993) и К. Киселевой и Д. Пайара (1998) [Текст].
4. Journal “Humanising Language Teaching” [Text] / March, 2003.
5. Nate online articles: articles from the internet [Electronic resource] (Jun. 6, Jun. 21, 2006).
6. Journal “The International TEYL Journal” [Text] / 2007.
7. Journal “English For Specific Purposes” [Text] / 2007.
8. Journal “Teaching English with Technology” [Text] / 1998, May, 2001(Vol.1, 3).
9. Articles on Teaching ESL and EFL [Text] / 2002, 2004, 2007.
10. Journal “The Quarterly” [Text] / Vol. 26, No. 1, 2004; 2006.
11. ELT Journal [Text] / 2007.
12. Journal “Forum” [Text] / 2006.
13. Daily Yomiuri Online [Electronic resource].

ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕКЛАРАТИВНО-ПЕРСУАЗИВНЫХ ЖАНРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАТЕКСТА

Цель декларативно-персуазивных жанров – создание убедительной картины лучшего устройства мира. Политик в тексте провозглашает принципы своего видения политики. Декларация принципов не служит непосредственным призывом к действию, а должна убедить электорат в ценности, преимуществах предлагаемой модели управления и тем самым создать позитивный имидж политика. Задача политика – убедить электорат в том, что лидер обладает необходимыми знаниями, мудростью и видением перспективы, достаточными для того, чтобы улучшить жизнь электората. В качестве речевых актов декларирования выступают ассертивы и декларативы, обозначающие программную позицию или выступающие в качестве программного заявления.

Интервью как жанр имиджевого политического медиатекста представляет собой текст беседы с политическим лидером, содержащей объяснение общественно-политического значения явлений, событий, фактов на основе понимания их сути субъектом политической деятельности, и направленной на формирование или поддержание позитивного имиджа данного субъекта. Предмет отображения – информация, основанная на суждениях собеседника, его убеждения, внутренний мир, эмоциональное состояние.

Вопросы, задаваемые в ходе интервью, направлены на оптимизацию имиджа политика, коррекцию отношения граждан к политическому деятелю путем трансформации существующей в их сознании картины мира: воздействию на мир их мыслей, чувств и практическую деятельность. Основная коммуникативная цель вопросов – введение в модель мира аудитории не только необходимой информации о профессиональных и личностных качествах политика, но и модели ее позитивного восприятия населением.

В связи с этим необходимо обратить внимание на такую особенность жанра политического имиджевого интервью, как отсутствие полемичности: вопросы нацелены на конкретные ответы; и вопросы, и ответы в полной мере должны способствовать формированию оптимальной коммуникативной среды, в которой существует образ политика, поэтому вопросы интервьюера тщательно отобраны или инициированы.

Вопросы направлены на выявление того: 1) что политик сделал и продолжает делать? (моделируется взаимосвязь позитивных событий с действиями политика); 2) достоин ли он занимаемого (искомого) поста? (актуализируются личностные и профессиональные качества); 3) что это за человек вне политического контекста, чем он

интересен (демонстрируются проявления различных качеств собственной личности).
Приведем пример:

МН: *Какие законопроекты вы готовите для новой Госдумы?*

Жириновский: *На первом месте - сельское хозяйство, на втором - жилье, на третьем - дороги. Это три главных направления. Мы будем ставить вопрос об удешевлении топлива для сельского хозяйства, об организации заготовительных контор, о бесплатном выделении семьям земли и строительстве жилья на селе. Выдвинем лозунг "Назад в деревню!" и вернем туда не те 25 тысяч, которых большевики принудительно послали в деревню, а скажем молодой московской семье: "Очереди на жилье 20 лет будете ждать. А в Шатуре дадим участок и кредит на все стройматериалы, через два месяца будете жить в собственном доме, и на "Оку" даем кредит. Все! У вас дом, машина, и там работайте!"*

Статья как жанр имиджевого политического медиатекста отражает актуальную социально значимую проблему, где факты, сама проблема, лежащие в основе материала, а так же точка зрения на данную проблему способствуют формированию позитивного имиджа субъекта политической деятельности. Данный жанр подразумевает в качестве объекта отражения значимую для политического актора проблему или событие и содержит скрытую оптимизированную оценку. Такой медиатекст включает в себя цитаты, статистический материал и комментарии журналиста с позитивной оценкой.

Типичный прием, используемый в имиджевой статье – авторитетная оценка деятельности. Человек при этом получает не только сообщение о тех или иных качествах или поступках политика, но и модель одобрения из уст уважаемых и популярных личностей. Коммуникативная цель введения авторитетной оценки деятельности – донести до аудитории модель одобрения политического лидера (политической партии) и его (ее) деятельности из уст так называемых «лидеров мнений»: представителей федеральной власти, местных политических деятелей, известных деятелей науки, культуры, спорта и т.д. Например: *«Для человека моего поколения вступление в партию внушает страх, но для меня это шаг осознанный и ответственный, - призналась актриса Наталья Селезнева. - Для меня "Единая Россия" - это действительно партия реальных дел. Сегодня Россия вернула себе уважение всего мира, восстанавливает разрушенное и движется вперед, закладывая основы нашего благополучия и благополучия наших детей».*

Поздравление – жанр имиджевого политического медиатекста, в котором адресат поздравляется со знаменательным событием от имени субъекта политической деятельности с целью формирования или поддержания его имиджа. В тексте

поздравления обязательно находят отражение программные установки политического лидера (партии), что позволяет считать его декларативно-персуазивным жанром имиджевого медиатекста. Текст обязательно имеет коммуникативную рамку: вокатив – обращение к адресату и подпись субъекта политической деятельности (*Дорогие учителя! Уважаемые педагоги и наставники! <...> Председатель Высшего совета партии "Гражданская сила" Михаил Барцевский*).

Программное заявление – жанр имиджевого политического медиатекста, содержащий изложение основных задач и целей, намеченных политической партией, направленный на формирование ее позитивного имиджа. Объект отражения – программные установки партии. Программное заявление публикуется в партийной прессе.

Текстовая структура программного заявления представлена несколькими микротемами. В начальной микротеме программное заявление содержит изложение будущего политического и экономического развития страны, обоснование выдвинутых идей, указание на перспективу: *Мы - за Россию, в которой высшей ценностью является человеческая жизнь! Нас, россиян, должно быть не менее 200 миллионов. В этом гарантия будущего наших детей, нашей культуры, нашего языка.*

Последующие микротемы программного заявления в соответствии с особенностями этого жанра предлагают конкретные способы реализации предложенной программы по определенным направлениям, например, социальная безопасность, труд, культура, образование и здравоохранение, защита семьи и т.д. Например: *Мы будем бороться с "культурной колонизацией", распространением низкопробных эрзац-образцов массовой культуры. Коммерциализация не должна вытеснять просветительские и воспитательные функции учреждений культуры.*

В качестве речевых маркеров используются: 1) формы будущего времени глаголов несовершенного вида (*будем поддерживать, будем бороться, будем добиваться*); 2) формы составного именного сказуемого с глаголами в роли показателя будущего времени (*будет позитивный эффект, будет реальным вкладом, будет обращено внимание*).

В случае использования составного именного сказуемого с глаголом-связкой *будет* эффективно воздействует на адресата не только сам факт указания на возможность решения проблемы, но и указание на возможные положительные результаты, что выражается наличием (употреблением) в составе именной части сказуемого имен прилагательных и существительных с положительной оценочностью: *положительный* (эффект), *позитивный* (эффект), *реальным* (вкладом).

При указании на возможность реализации на речевом уровне маркерами наряду с глагольными формами будущего времени являются сложные формы сказуемого, включающие модальное слово и глагол совершенного вида в форме инфинитива, причем часто в безличном употреблении, что усиливает объективную необходимость действий, делает предложенные шаги категорически неизбежными: *нужно сделать, должны состояться, должно проводить*.

Заключительная микротема реализует декларативную функцию, а именно провозглашает принципы видения субъектом государственной политики. Она не содержит непосредственного призыва к действию (в отличие от агональных жанров), ее цель – убедить электорат в преимуществах предлагаемой модели управления государством и тем самым создать положительный имидж субъекта политики: *Мы будем создавать солидарное и справедливое общество для того, чтобы Россия приобрела достойный ее истории и культуры геополитический вес в мире будущего*.

Завершается текст программного заявления призывом, выраженным имплицитно: *Мы за справедливую Россию! Будущее за нами!*

Манифест – жанр политического имиджевого медиатекста, представляющий собой обращение, воззвание программного характера от лица политической партии к целевой аудитории, направленное на формирование позитивного имиджа политического субъекта. Объект отражения – программные установки партии. Манифест публикуется в партийной прессе.

Спецификой речевого оформления данного жанра являются вербальные знаки интеграции, позволяющие политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей социальной принадлежности. К ним относятся следующие маркеры: 1) инклюзивное мы (*мы выступаем за повышение уровня пенсии; своей главной целью мы считаем восстановление социальной справедливости*), 2) лексемы совместности (*процесс объединения Российской партии ЖИЗНИ...; это люди, которые объединились для того...*), 3) лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией «я свой» (*дорогие соотечественники*), 4) грамматическая форма императива (*законодательно закрепить достойную оплату труда; признать заслуги старшего поколения перед обществом*).

КРЕОЛИЗОВАННАЯ ДИКТЕМА КАК ОСНОВНАЯ ВОЗДЕЙСТВУЮЩАЯ ЕДИНИЦА СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Реклама уже несколько десятилетий является объектом пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. При этом отмечается возрастающая роль рекламы в осуществлении влияния на сознание и деятельность широких слоев населения. В то же время незаслуженно мало внимания уделяется весьма интересному аспекту – структурной организации рекламного текста и её роли в реализации установки рекламодателя на оказание желаемого воздействия на адресата.

Рекламный текст (РТ), как любой другой текст, представляет собой «функционально-семантико-структурное единство, обладает определенными правилами построения, выявляет закономерности смыслового и формального соединения составляющих его единиц» [Валгина п. 6]. Структурная организация текста находится в прямой зависимости от функций текста или, другими словами, от его коммуникативно-прагматической установки.

Изучение особенностей организации текста предполагает проблему выделения его единиц и описания их особенностей. М.Я. Блох убедительно доказывает, что элементарной единицей текста может быть как отдельное предложение, поставленное отправителем сообщения в содержательно-значимое положение, непосредственно не связанное ни структурно, ни семантически с окружающими его предложениями (этим данная единица текста отличается от сверхфразового единства, которое состоит более чем из одного самостоятельного предложения), так и группа предложений, выражающих микротему. Такую элементарную единицу текста, которая может быть представлена союзом предложений или одним предложением, М.Я. Блох называет **диктемой** (от лат. dicto, dixi, dictum – говорю, высказываю) [Блох 2004: 177].

В диктеме выявляются следующие функционально-знаковые аспекты речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация. В ходе речеобразования происходит актуализация всех четырех аспектов. В результате формируется конкретная информация, которая и является предметом рассмотрения адресата. В диктеме как непосредственной сегментной составляющей текста насчитывается 11 рубрик информации: коммуникативно-установочная, фактуальная общего типа, фактуальная специального типа, интеллективная, эмотивная, структурная, регистровая, социостилевая, диалектно-признаковая, импрессивная, эстетическая. Содержательно-целевой тип диктемы и текста в целом определяет преобладание и выдвижение тех или иных типов информации [Блох 2000: 63-64].

М.Я. Блох подчеркивает, что диктема – это «*универсальная* единица текста, как устного, так и письменного, **в любых его стилистических разновидностях**» [Блох 2000: 62]. В связи с этим особый интерес представляет исследование рекламного сообщения в контексте теории диктем, учитывая специфику, присущую этому виду текста, обусловленную его явной направленностью на воздействие.

Разработка данной проблемы сопряжена с определенными трудностями, поскольку рекламный текст является поликодовым (или креолизированным), т.е. текстом, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее комплексное воздействие на адресата [Анисимова 2003]. Поэтому важно учитывать и вербальные, и невербальные компоненты, которые не просто сосуществуют, а находятся в постоянном взаимодействии, синтезируются в один «специфический язык», дополняя и усиливая друг друга. Включив неязыковые элементы в общую структуру текста, необходимо исследовать не только свойства отдельных компонентов (вербальных и визуальных), но и отношение их друг к другу, особенности их сочетаемости в единой семантико-смысловой иерархии рекламного текста.

Исследование практического материала (рекламных сообщений из женских глянцевого журналов “GLAMOUR”, “COSMOPOLITAN”, “MARIE CLAIR”, опубликованных в период с 2005 по 2007 гг.) показало, что диктемы в составе РТ отличаются друг от друга по своей семантике, синтаксической структуре, коммуникативной функции и композиции, т.е. соотношению в них вербальных и невербальных элементов. Встречаются случаи, когда вербальный и визуальный элементы принадлежат разным диктемам и находятся в отношениях относительной автономии. Однако значительно чаще вербальный и визуальный элементы рекламного текста настолько тесно взаимосвязаны, что в отрыве друг от друга теряют свою самостоятельность как коммуникативные единицы. Они настолько структурно взаимообусловлены, что их нельзя рассматривать иначе, как особое коммуникативное и структурно-смысловое объединение, которое предлагаем называть **креолизованной диктемой (КД)**. В данной работе РТ рассматривается как диктемное построение, направленное на воздействие, в составе которого можно выделить два основных типа: монокодовые (чаще всего вербальные) и смешанные/**креолизованные**..

Воздействие признается основной функцией современного РТ. Успех воздействия определяется таким **аспектом диктемы** как **стилизация**. Эффект стилизации реализуется посредством экспрессивной (**импрессивной**) **рубрики информации**, выдвигаемой в РТ на первый план. Характерной особенностью текстов

рекламы является высокая плотность различных выразительных средств, расположенных в пределах одной диктемы. В результате стилизация диктемы получает высоко экспрессивный характер. Наличие в РТ нескольких диктем, маркированных по признаку экспрессивности, приводит к усилению эффекта, поскольку стилизация аккумулируется от диктемы к диктеме и отражается на всем тексте, определяя степень его воздействия.

Можно утверждать, что в иерархии структурно-композиционных элементов рекламного текста ведущее положение занимает **креолизованная диктема**. Именно **КД**, интегрируя в своем составе традиционные средства выразительности с экспрессивными возможностями знаков другой природы, усиливает прагматический и стилистический потенциал рекламного текста, служит повышению информационной насыщенности текста, его оригинальности, запоминаемости, и обладает максимальной силой воздействия на адресата. Этой же цели подчинено появление в тексте **стилистических конвергенций**. Конвергенцией называется схождение в одном месте приемов, участвующих в единой стилистической функции. «Взаимодействуя, стилистические приемы оттеняют, высвечивают друг друга, и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным» [Арнольд 1990: 64]. Креолизованная диктема, отмеченная конвергенцией различных приемов (в том числе основанных на выразительных возможностях иллюстрации, шрифта, цвета, формы и композиции), становится особенно заметным «островком» текста. Взаимодействуя с другими диктемами в составе рекламного текста, КД способствует созданию целостного образа предмета рекламы. В результате в обычно небольшом по объему рекламном тексте создается мощное воздействующее поле.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. На материале креолизованных текстов [Текст] / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования) [Текст] / И. В. Арнольд. – М.; Просвещение, 1990. – 300с.
3. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка [Текст] / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. - 2000. - № 4. – С. 56-67.
4. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики [Текст]: Учеб. – 4-е изд., испр. / М. Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2004. – 239с.
5. Валгина, Н. С. Теория текста [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина // Режим доступа: http://www.hiedu.ru/xbooks/tmp/teorjia_texta/v_print/013.htm#793, свободный.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В АМЕРИКАНСКОМ ШОУ-ДИСКУРСЕ

Одной из базовых биологических потребностей человека является потребность в пище. Человеческие сообщества научились использовать огромное разнообразие пищевых ресурсов для поддержания систем обитания в самых разных регионах. Но пищевые традиции – это не только простое отражение доступных в каждой конкретной среде ресурсов. В них заключены и многие культурные установки, в том числе ритуальные и символические.

В своей книге “Власть пищи” Г.Шварц писал: “Мы – то, что мы едим, то, где мы едим, с кем мы едим, как и когда мы едим” [Шварц 2008]. Пища бывает разной материальной, духовной, просветительской и развлекательной. Метафорическое моделирование, как один из методов категоризации окружающей действительности и человеческого опыта, позволяет представить шоу-бизнес и его представителей “развлекательной пищей”, которую публика употребляет. Когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Р. Джэкендофф, М.Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.Г.Гак, Д.О. Добровольский, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н.Телия, А.П. Чудинов и др.), как одно из инновационных направлений лингвистики, главное внимание уделяет человеческой когниции, исследуются не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека, которые и порождают действия на основе знаний [Маслова 2005: 7].

Исследование теории концептуальной метафоры, составление классификаций и описание функционирования метафорических моделей, актуализированных в различных дискурсах, относится к числу наиболее перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике. Концептуальная система человека преимущественно метафорична. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира [Чудинов 2003: 3].

Для авторов современных СМИ важно учитывать такой фактор как языковая личность адресата, рассматривать её как синтез индивидуального и коллективного. Языковая личность существует в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслов текстов,

продуцируемых языковой личностью, которая, являясь носителем языкового сознания, представляет собой синтез психологического и языковедческого знания [Караулов 1987: 38, Ляпон 1995: 261, Карасик 2003: 89].

Среди доминантных метафорических моделей, репрезентирующих образ современного американского шоу-бизнеса можно выделить следующие: “Entertainment is an inanimate nature world. Шоу-бизнес – мир неживой природы” (342 МЕ), “Entertainment is a holiday table. Шоу-бизнес – праздничный стол” (259 МЕ), “Entertainment is an animate nature world. Шоу-бизнес – мир живой природы” (198 МЕ), “Entertainment is a war. Шоу-бизнес – война” (97 МЕ), “Entertainment is a religion. Шоу-бизнес – религия” (89 МЕ). Данные модели являются продуктивными, динамичными, открытыми и имеют перспективы дальнейшего развертывания в рамках шоу-дискурса.

Гастрономическая метафора представляет шоу-бизнес в виде вкусного или невкусного, желаемого или не желаемого блюда, вызывающего голод или перенасыщение. Сравнивая американский и русский шоу-дискурс, характеризуя шоу-бизнес посредством гастрономической метафоры, важно отметить общие и специфические кулинарные пристрастия, пищевые привычки русских и американцев. Общим для русских и американцев является то, что представители обеих наций в массе своей любят обильно поесть, в семьях, как русских, так и американцев существует “культ еды”, но часто отсутствует “культура питания”, последствиями чего являются избыточный вес и ожирение. Отличительной чертой является то, что американцы больше внимания уделяют правильному питанию и здоровому образу жизни, но как ни парадоксально, проблемы с неправильным питанием остаются, и основными причинами этого являются занятость на работе, нехватка времени. Эти проблемы отражаются на уровне сознания и языка, проецируются из области-источника “Праздничный стол” на область-мишень “шоу-бизнес”.

К исходной концептуальной сфере “Праздничный стол” относятся наименования продуктов питания, гастрономических блюд и их ингредиентов, напитков, качество и вкус блюд, процессов приготовления и употребления пищи, реакция на потребляемые блюда, а также используемой при этом кухонной утвари. Концептуальная сфера “Праздничный стол” упорядочивается при помощи фреймо-слотовой структуры. Структуру этой концептуальной сферы составляют четыре фрейма: “Праздничные блюда”, “Процесс приготовления блюд”, “Процесс приёма пищи”, “Реакция на потребляемые блюда”.

Американский шоу-бизнес выступает в качестве сферы-мишени метафорической экспансии. Термином «шоу-бизнес» мы определяем сферу деятельности исполнителей

и организаторов концертных выступлений, насыщенных зрелищными эффектами, результат которой направлен на реализацию в массовой аудитории и получение коммерческой выгоды. Для шоу-бизнеса как явления характерна взаимообусловленность двух его сторон: культурной и коммерческой. Американский шоу-бизнес зародился в начале 20 века вместе с появлением Голливуда в 1908 г. Традиционными центрами глобального шоу-бизнеса (и прежде всего многомиллиардной музыкальной индустрии) являются США и Великобритания: именно здесь возникающие в музыке новые явления и тенденции получают (или не получают) свою первоначальную коммерческую апробацию.

Фрейм “Праздничные блюда” является самым многочисленным по количеству метафор. В состав данного фрейма входят следующие слоты: “Вкусные и невкусные блюда”, “Свежие и несвежие блюда”, “Торячие и холодные блюда”, “Острые блюда”, “Десерт”, “Напитки”, “Национальные блюда”.

The film producers saved that tidbit for the spectators in the form of sexy Monica Bellucci...[www.inform.com/Celebrity+News, Music+Stars, 2006].

Продюсеры фильма приберегли этот лакомый кусочек для зрителей в форме сексапильной Моники Белуччи ...

Автор высказывания использует развернутую субстантивную метафору-словосочетание, репрезентирующую концепты “вкусный”, “желанный”. Высказывание окрашено положительной коннотацией в сочетании с иронией, что привлекает внимание читателя и побуждает его к действию – посмотреть данный фильм.

Фрейм “Процесс приготовления блюд” включает в себя следующие слоты: “Приготовление пищи”, “Кухонная посуда”, “Кухонное оборудование”, “Кулинарные рецепты”.

The hosts of the festival like a blender mixed various music styles to please the crowd...[*Mirror*, 2006].

Организаторы фестиваля подобно блендеру смешали различные музыкальные стили в угоду толпе...

В данном высказывании используется развернутая субстантивная метафора. Высказывание окрашено негативной коннотацией в сочетании с иронией. Репрезентируя концепты “смесь”, “путаница”, “многообразие” своим высказыванием автор вызывает определенные ассоциации в сознании адресата, привлекает его внимание и побуждает к действию - посетить данный фестиваль.

Фрейм “Процесс приёма пищи” характеризует процесс поглощения “развлекательной” пищи, то как она поглощается с аппетитом или без аппетита.

Scrooge-like producers and studio chiefs may be happily to draw up a bowl of high-fiber gruel, hoarding their DVDs and DVR recordings of “Prison Break” and “Mad Men,” scoffing at television writers... [Stanley 2007].

Скряги, подобные продюсерам и владельцам студий, возможно, счастливы зачерпнуть чашу густой каши, запасаясь дисками с фильмами “Побег из тюрьмы” и “Сумасшедшие”, смеясь над телевизионными сценаристами... В данном примере автором используется развернутая глагольная метафора, репрезентирующая концепты “съесть”, “захватить”, “поглотить”. Высказывание имеет коннотацию с отрицательным вектором в сочетании с иронией. В состав фрейма “Реакция на потребляемые блюда” входят разнополярные слоты: “Положительная реакция”, “Отрицательная реакция”. Реакция на предлагаемую “развлекательную пищу”, проецируемая на сферу шоу-бизнеса, характеризует отношение публики к представителям шоу-бизнеса и процессам, происходящим в нём.

They (Pink Floyd) are our yesterday and their playing may expect only the projectile vomiting...[www.inform.com/Celebrity+News 2007].

Они (гр. Pink Floyd) – наш вчерашний день и их выступление может вызывать лишь обильную рвоту...

...the spicy pictures of Paris have only excited fans’ appetites... [http://news.softpedia.com/news 2007].

...пикантные фотографии Парис только возбудили аппетиты фанатов...

В современном шоу-дискурсе концепт «шоу-бизнес» объективируется разнообразными гастрономическими метафорами, которые отражают процессы, происходящие в шоу-бизнесе, свойства и качества, приписываемые представителям шоу-бизнеса и отношение к шоу-бизнесу в целом и его представителям в частности. В тоже время исходная концептуальная сфера “Праздничный стол” представляет собой один из фрагментов структуры концепта шоу-бизнес. Гастрономическая метафора выполняет суггестивную функцию в шоу-дискурсе, она является мощным манипулятивным механизмом, привлекая, удерживая внимание читателя, как потенциального потребителя “шоу-продукции”, и побуждая его к действию.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Аспекты языковой личности [Текст] / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – 425с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: КомКнига, 1987. – 264с.
3. Ляпон, М. В. Языковая личность: поиск доминанты [Текст] / М. В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – 398с.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст]: уч. пособие / В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256с.

5. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст]: Монография / А. П. Чудинов. - Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248с.

6. Шварц, Г. Власть пищи [Электронный ресурс] / Г. Шварц // Режим доступа: www.breath.ru. 2008, свободный.

П.В. Кропотухина
Екатеринбург, Россия

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Политическая коммуникация служит инструментом для создания особой картины мира в массовом сознании. Как отмечают многие исследователи, современный политический дискурс характеризуется высокой степенью метафоричности (А. Н. Баранов, Т. С. Вершинина, Ю. Н. Караулов, Н. В. Печерская, А. П. Чудинов и др.).

На ранних этапах развития культуры окружающие человека растения помогали ему осмыслить основные закономерности бытия, и многие из этих «наивных» представлений вошли в лексико-фразеологический фонд языка. Фитоморфная метафора является одним из примеров параллелизма образных моделей в языках. Фитоморфные образы традиционны как для русской, так и английской языковой ментальности, так как с древнейших времен являются основным элементом в структуре концептов внутреннего мира человека. В структуре метафорической модели со сферой-источником «Мир растений» выделяются следующие фреймы:

1. Фрейм «Части растений» формируют морфологические признаки растения. *Корни* являются традиционным символом жизненной силы растения, его устойчивости, основательности. В метафорическом плане данный образ используется также для обозначения причины, начала процесса или события, в то время как *плоды* осмысливаются как конечный результат, следствие. Ср.: ... *Но выход из коммунизма привел к очередному социокультурному расколу. Из общего исторического корня снова выросли две культуры: новая культура социальных верхов (условно – «нефтегазовая») и новая массовая культура (условно – культура «резервации»)* [И. Глебова]; *Не вкусив пока сладкие плоды парламентаризма, мы уже вовсю ощущаем горечь разочарования в нем* [В. Федоров]; *In the end, that is what trust in politics is all about. Bringing about change together. Creating a strong economy that allows everyone a chance of a job. Investing in education to help everyone fulfill their potential. Rebuilding the NHS so that need not wealth determines health care. Using the fruits of growth to help those in poverty* (В конечном счете, доверие политике значит следующее. Осуществить перемены вместе. Создать сильную

экономику, которая позволит каждому найти работу. Сделать инвестиции в образование, чтобы помочь каждому раскрыть свой потенциал. Перестроить систему здравоохранения, чтобы качество медобслуживания не зависело от уровня благосостояния. Использовать плоды роста, помогая нуждающимся) [Tony Blair].

2. Фрейм «Жизненный цикл растений» составляют метафорические образы, которые используются для иллюстрации динамики развития процессов, бурного роста, а также их цикличности и непрерывности. Ср.: *Не сходит со страниц желтой прессы и другая политическая поросль* [В.Толстенко]. Между тем в Совете Федерации назревает еще один скандал [Е. Ежов, А. Угланов]; *I will constantly visit schools, charitable projects and neighbourhoods that can teach us how we overcome today's great social problems. These visits won't be mere photo opportunities. They'll be serious opportunities to learn why Labour has failed and how to learn from Britain's blossoming army of successful social entrepreneurs* (Я буду постоянно посещать школы, благотворительные мероприятия и близлежащие районы, которые могут научить нас преодолевать огромные социальные проблемы наших дней. Эти поездки не станут просто предлогом для фотосъемки. Они предоставят реальный шанс понять, почему проиграла лейбористская партия, и позволят учиться у процветающей армии успешных общественных деятелей) [David Davis].

3. Фрейм «Виды растений» включает в себя видовые наименования растений. Традиционными для русского политического дискурса стали «яблоки». Ср.: *...молодые яблочники считают, что раз «Яблоко» не представлено в Думе, значит, демократии в России нет* [Я. Греков].

Метафоры данного фрейма позволяют предположить, что видовые наименования растений образно употребляются для обозначения различных партий и политических течений, а также их представителей, например, «яблочник», «апельсиновый», «лимоновец» и т.д. Другая функция метафор данного фрейма – изображение участников политических процессов как чрезвычайно активных, с одной стороны, и безынициативных, пассивных с другой, часто содержащая пейоративную окраску. Ср.: *Максимум пять партий ведут работу на местах, организуют массовые акции, рассказывают о своей деятельности в средствах массовой информации. А остальные тридцать где? Но как только нужно принять решение о назначении выборов, эти тридцать партий сразу появляются как подснежники весной* [В. Мостовицков]; *Общественная палата – это фиговый лист, прикрывающий срам власти* [В.Рыжков]. *В России оппозиция теперь – ни рыба, ни мясо, а какой-то политический планктон* [В. Цепляев]; *Government in Britain is growing like a weed. It suffocates us with regulation,*

taxation and standardization (Правительство в Великобритании растет как сорняк. Оно душил нас предписаниями, налогами и стандартизацией) [Liam Fox].

4.Фрейм «Места произрастания растений» образуют признаки растительного массива. В политическом дискурсе обеих стран достаточно регулярно используются метафорические образы, обозначающие как естественные, так и искусственно организованные места произрастания растений, говорящие о необходимости создания благоприятных условий для возникновения и развития политических структур. Образы *поля* или *почвы* связаны с предпосылками для начала какой-либо деятельности. Ср.: *Inner-city life, with its often greater everyday frictions than in the suburbs, its more uneven public amenities, and its less avoidable social questions, was a perfect breeding ground for a new kind of middle-class electorate and a new kind of politician to represent it* (Жизнь в самом городе, с зачастую большими потрясениями, чем в пригородах, его более разнородные бытовые условия и менее неизбежные социальные проблемы были благодатной почвой для появления электората среднего класса и нового типа политика, представляющего его) [Andy Beckett]; *Есть ли надежда, что ситуация изменится, и нормальная буржуазия у нас все-таки появится? На какой грядке будут ее всходы?* [В. Костиков].

5.Метафоры фрейма «Уход за растениями и их использование человеком» продолжают идею необходимости помощи и создания условий для успешного функционирования политических структур. Ср.: *Мы занимаемся публичным посевом, поэтому все наши ошибки на виду* [Т. Богданова]; *Under him [Charles Kennedy] the Liberal Democrats showed that they could garner disaffected Labour votes in the cities* (Под руководством Чарльза Кеннеди либерал-демократы показали, что могут собрать (буквально: собрать в закрома) голоса противников лейбористской партии в городах) [Simon Jenkins].

В заключение отметим, что фитоморфным метафорическим образам свойственны нейтральные и, скорее, позитивные концептуальные векторы приобщения к природе и ее дарам, и этот потенциал активно используется британскими политиками и журналистами. Однако, подчиняясь общим тенденциям в отечественной политической коммуникации, тексты, содержащие рассматриваемые метафоры, часто отличаются негативной эмоциональной окраской.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. - 2-е изд. стереотипное – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576с.
2. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. С. Вершинина. - Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2002.

3. Ермаков, С. В., Ким И. Е., Михайлова, Т. В., Осетрова, Е. В., Суховольский С. В. Власть в русской языковой и этнической картине мира [Текст] / С. В. Ермаков, И. Е. Ким, Т. В. Михайлова, Е. В. Осетрова, С. В. Суховольский. - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 408с.
4. Кондратьева, О. Н. Фитоморфные признаки концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) [Текст] / О. Н. Кондратьева // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке/ Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 75 – 83.
5. Печерская, Н. В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания [Текст] / Н. В. Печерская // Полис. – 2004. - № 2. – С. 93 – 105с.
6. Теория метафоры [Текст]: Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512с.
7. Чудакова, Н. М. «Неживая природа» как сфера-источник метафорической экспансии [Текст] / Н. М. Чудакова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 148–156.
8. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) [Текст]: монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – С. 46-238.

Л.З. Кулова
Нальчик, Россия

**ПРИЕМЫ РЕФРЕЙМИНГА
В ПРАГМАТИЧЕСКИ НАПРАВЛЕННОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ
(на материале сборника выступлений и статей
Г. Явлинского «О российской политике»)**

Мы живем в постиндустриальном обществе, где информация не только имеет приоритетное значение по сравнению с другими ресурсами, но и становится главным фактором власти и управления. Циркуляция в обществе слишком большого количества информации сегодня породила проблему критического осмысления информации с тем, чтобы самостоятельно формировать структуру своих представлений о социально-политической реальности.

В этой связи актуальным представляется анализ политического дискурса на предмет использования рефрейминга с целью изменения контекста восприятия и интерпретации той или иной информации. Материалом настоящей статьи явился сборник выступлений и статей Г. Явлинского «О российской политике».

В своем исследовании мы исходим из того, что при восприятии новой информации она вписывается в тезаурус личности, становясь частью его личного опыта. При этом, как представляется, очень важной является фреймовая семантика информации, т.е. та когнитивная рамка, в пределах которой она найдет свое место среди наличествующих знаний.

Фрейм является одним из центральных понятий когнитологии. По определению В.Е. Чернявской, фрейм – это «ментальная, психическая, познавательная рамка, определяющая мыслительный контекст мыслей и переживаний. Фрейм устанавливает рамки взаимодействия человека с миром, направляет, канализирует интерпретацию и оценку событий» [Чернявская 2006: 21]. Вот почему столь важным в прагматически направленной речи, по нашему мнению, является не столько сама информация, сколько модальная рамка, определяющая “тональность ее звучания”.

Таким образом, как представляется, с прагматической точки зрения довольно действенными являются приемы рефрейминга, позволяющие прогнозировать механизмы интерпретации информации адресатом и влиять на них в соответствии с той или иной целью.

Изменения контекста восприятия можно добиться последовательным употреблением фразеологизмов. *В результате изменений, известных как реформы 60-х гг., в результате многочисленных колебаний и широкомасштабных экспериментов система все больше смещалась к положению “между двумя стульями” (с.42).* В приведенном высказывании говорится о реформах, т.е. преобразованиях, изменениях, переустройстве, которые воспринимаются положительно, особенно, когда существующее положение оставляет желать лучшего. Наличествующую положительную модальную рамку меняет на другую, наиболее выгодную для адресанта, фразеологизм со значением *ориентироваться в своем поведении, действиях на различные несовместимые мнения, взгляды и т.п.* То есть, употребление устойчивого сочетания в данном контексте способствует тому, что информация о реформах 60-х гг. перемещается в то поле ментального лексикона реципиента, где хранится обобщенный данным фразеологизмом опыт.

Таким же действием обладают и крылатые выражения: *Наша страна перенесла множество трагедий именно потому, что долгое время в политике властвовал принцип “цель оправдывает средства” (с.386).* Здесь крылатая фраза определяет всю предыдущую политику как *пытающуюся оправдать вседозволенность некими всеобщими целями.*

Особым, очень интересным и, как представляется, одним из самых действенных способов создания рефрейминга является перифразирование: *Что делать – еще одна типично российская проблема. Сегодня она напрасно отталкивает нас своей “неоригинальностью” и революционным звучанием. В России она всегда шла в паре с вопросом о том, кто виноват. Сегодня они объединились и составили едва ли не самую*

любопытную, провокационную задачку нашего времени: *Что делать тем, кто виноват?* (с.84).

Приведенные названия классических произведений русской литературы стали крылатыми именно потому, что лаконично и очень точно отражают суть русского рефлексирующего интеллигента, который понимает всю несправедливость существующего строя, однако не в состоянии что-либо изменить. Эти “вечные” русские вопросы в ментальном лексиконе русского человека находятся в семантическом поле понятия “безысходность”, когда ищут виноватого и не находят. Перифразированием же Г. Явлинский полностью поменял контекст восприятия, сместив акценты таким образом, что *виноватые есть и именно они-то и не знают, что делать.*

Своеобразной воздействующей силой обладает следующее высказывание: *Открылась уникальная возможность – сделать “как надо”, а не “как всегда”* (с.136). В перифразируемой цитате В.С. Черномырдина *как всегда* противопоставлено *как лучше*, в то время как для носителя языка наиболее типичной является оппозиция *лучше – хуже*, поэтому она и прочитывается, как *у нас всегда все получается хуже*. В исходной цитате фреймовая рамка оформлена таким образом, что: *несмотря на желание и предпринятые действия не было возможности улучшить ситуацию*. Г. Явлинский же говорит о том, что *возможность сделать, как лучше есть, хотя и все получается как хуже*.

Довольно интересным представляется и данное высказывание: *Но и в этом случае «ход Чубайсом» политически очень невыгодный ход* (с.208). Перефразируется крылатое выражение «ход конем», что означает *предпринять обходной маневр в какой-либо борьбе, поступить хитро, даже несколько коварно*. Ведь в шахматах конь может ходить по ломаной линии. Здесь уже сама ироничная замена одного из элементов устойчивого сочетания меняет исходную модальную рамку на прямо противоположную.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает следующее высказывание: *Нелепо рассчитывать на то, что трансформацию почти столетнего “бездорожья и разгильдяйства” можно совершить за три года* (с.85). Фраза *В России две беды – дураки и дороги*, хотя и носит характер критического отношения к российской действительности, не находится в ассоциативном поле “глобальные проблемы страны”, поскольку *дурак* в русской картине мира не имеет однозначной отрицательной коннотации, а *дороги* – и вовсе нейтральное слово. Замена этих лексем диффемизмами с ярко выраженной негативной экспрессивной окраской дает возможность представить названные проблемы как действительно серьезные беды данной страны.

Еще одним способом создания рефрейминга является цитация: *Одного этого решения оказалось достаточно, чтобы “процесс пошел” именно так, как он пошел*

(с.38). Цитация в данном случае представляется достаточно эффективной с прагматической точки зрения, так как слова, произнесенные в состоянии ожидания чего-то хорошего, противопоставленные уже известным не самым лучшим последствиям, звучат крайне не выгодно для предыдущего оратора, чьи слова начинают восприниматься с иронией.

Своеобразным в этом отношении является и данное высказывание: *Мы считаем, что этот бюджет не обеспечит ни роста, ни “ростика”* (с. 195). Процитированный эвфемизм, создает впечатление некоего заигрывания со стороны его автора в противовес настоящему оратору, который прямо и конкретно делает свои прогнозы.

Прямым способом создания рефрейминга является интерпретация: *Это правительство предлагает целый ряд немедленных действий в направлении, как выражается А.Б. Чубайс, “разгрузки” бюджета. Разгрузка бюджета означает, в данном случае, проведение, например, коммунальной реформы. Коммунальная реформа в редакции А.Б. Чубайса означает повышение тарифов на квартирную плату. И таким образом предполагается “развязать” бюджет* (с.224).

Появление различных интерпретаций наиболее характерно для высказываний с неоднозначной или расплывчатой, не совсем ясной семантикой. В результате интерпретирующей цитации слушатель начинает воспринимать информацию именно в той форме, в которой ее представил тот оратор, чьи слова более конкретны и понятны, поскольку интерпретация является «целенаправленной когнитивной деятельностью, обладающей обратной связью с промежуточными (локальными) и глобальными целями интерпретатора, который не всегда уверен в целенаправленности действий у автора воспринимаемой речи » [КСКТ 1996: 31].

Исследованный языковой материал наглядно показал, что в прагматически направленной речи весьма разнообразны и достаточно последовательно работают различные механизмы рефрейминга в целях воздействия на адресата, так как для прагматического эффекта высказывания важным является не только значение самого высказывания, но и фреймовая рамка, т.е. конкретный контекст его восприятия. Так, в политическом дискурсе в целях рефрейминга широко используются фразеологизмы, крылатые выражения, перефразированные высказывания, цитаты и интерпретации.

Список литературы

1. Афанасьев, В. Г. Социальная информация [Текст] / В. Г Афанасьев. - М.: Наука, 1994. – 199с.
2. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия [Текст] / Л. А. Киселева - Л.: ЛГУ, 1978. – 160с.

3. Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина, Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: 1996. – 245с.

4. Рейман, Л. Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении [Текст] / Л. Д. Рейман // Вопросы философии. – 2001. - №3. – С. 3-10.

5. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская. - М.: Флинта~Наука, 2006. – 136с.

Т.В. Лаврентьева
Орск, Россия

ПРОЦЕДУРА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ОППОЗИТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Для решения поставленных проблем в когнитивной лингвистике в качестве ведущих методов используются концептуальный анализ во всем многообразии применяемых в нем приемов, концептуальное, или когнитивное, моделирование и прототипический анализ, а также некоторые другие.

Объектом концептуального анализа являются смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями. Структура и содержание различных концептов (концептуальные характеристики) выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты.

В настоящее время концептуальный анализ активно используется преимущественно в лексике и фразеологии. В области лингвистического анализа текста он находится на стадии разработки. Следует отметить, что уже есть образцы концептуального анализа отдельных слов текста или совокупности небольших текстов (пословиц, поговорок) – у И.Д. Гажевой, В.А. Лукина, З.Д. Мирошниковой, Е.В. Севрюгиной, Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ. Также имеются работы, где концептуальный анализ является одним из этапов лингвистического анализа текста (Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казаринов), но пока еще нет последовательной модели концептуального анализа целого текста, хотя имеются серьезные наблюдения и убедительно доказанные теоретические положения, которые позволяют ставить проблему концептуального анализа художественного текста.

Концептуальный анализ направлен на экспликацию логических свойств той идеальной модели, относительно которой производится квалификация объекта; это – содержательный итог изучения прагматики их функционирования.

К настоящему времени исследователями разработано несколько методик описания и изучения концептов: это и теория профилирования, предложенная Е. Бартминским, и теория вертикальных синтаксических полей, разработанная С.М. Прохоровой, и теория концептуального анализа для выявления глубинных, эксплицитно не выраженных характеристик имени – гештальтов, предложенная Л.О. Чернейко и В.А. Долинским, и теория вертикального контекста О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет.

Описанию когнитивных структур посвящены фреймовая семантика Ч. Филмора, теория метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сценарии Р. Шенка и Р. Абельсона, фреймы М. Мински, когнитивные прототипы Э. Рош и Дж. Лакоффа, которые лежат в основе языковой категоризации и концептуализации мира. Эти когнитивные модели как раз и можно рассматривать как основной механизм, обеспечивающий обработку и хранение информации о мире в сознании человека.

Сопоставляя процедуры концептуального анализа, используемые в лингвистике текста и в прикладной лингвистике, мы приходим к мысли о том, что, вне зависимости от сферы использования концептуального анализа, он обязательно предполагает, во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, определение базового концепта (концептов) этого пространства; в-третьих, описание обозначаемого ими концептуального пространства.

Нужно заметить, что изученные нами работы выполнены в том русле современной когнитологии, которая отождествляет языковое значение с концептом, понимая под последним комплекс культурно-обусловленных представлений человека о предмете. В соответствии с этим, различия в речевом поведении лексемы признаются релевантными для определения границ соответствующего ей того или иного концепта, и внимание исследователей сосредоточено, прежде всего, на поиске этих различий. При ориентации на двухуровневую модель значения, противопоставляющую концепт значению, отношения между многозначной лексемой, концептом и значением (значениями) обычно определяются несколько по-иному. Предполагается, что многозначной лексеме соответствует единый концепт, с которым на семантическом уровне коррелирует несколько языковых значений. Актуальным здесь становится поиск того когнитивного фактора, который обеспечивает сходство значений и структурное единство концепта.

Занимаясь изучением концепта «оппозиция», мы предлагаем следующую последовательность действий. Вслед за Р.М. Фрумкиной и В.А. Масловой мы выделяем ядро концепта – это словарные значения лексемы, являющейся именем концепта, так как именно толковые словари дают большие возможности в плане раскрытия содержания

концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Так, в рассматриваемом нами концепте «оппозиция» принадлежащие ядру лексические единицы и конструкции рассматриваются через призму четырех типов отношений – контрарности, контрадикторности, конверсивности и контрастивности. Кроме того, нами рассматриваются связи, на основании которых организовано концептуальное пространство оппозиции.

Процесс установления смыслового объема и структурной организации концептуального поля включает в себя ряд этапов:

1. определение референтной ситуации, к которой принадлежит концепт, на основе анализа экстралингвистических факторов, таких как: время написания; историческая эпоха и события, происходящие в стране в этот период; литературное течение того времени; особенности стиля автора как представителя определенного течения; анализ заглавия художественного произведения; анализ топонимов и антропонимов текста;
2. выделение и анализ семантики ключевых слов; установление их связи с заглавием; определение имени концепта;
3. установление места рассматриваемого концепта в научной и языковой картинах мира через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям;
4. обращение к этимологии имени концепта и учет ее особенностей;
5. структурирование рассматриваемого концептуального поля путем выделения ядра, приядерной зоны, зон ближней и дальней периферии.
6. изучение ядерной зоны концепта, которая может быть представлена именем концепта (либо одной из ключевых лексем);
7. приядерная зона концепта – это синонимы имени концепта, выбираемые из текста произведения и организуемые в синонимические ряды с учетом возрастания /убывания признака противопоставленности;
8. зона ближней периферии представлена единицами большей протяженности – словосочетаниями, в которых встречаются различные случаи употребления имени концепта и его синонимов, которые подвергаются грамматическому анализу. Такая работа заключается в определении нюансов значений, передаваемых словами в зависимости от окружения, например, постпозиция/препозиция имени прилагательного; употребление имени существительного с определенным, неопределенным артиклем или с притяжательным прилагательным; употребление грамматических времен и наклонений и пр.;

9. изучение зоны дальней периферии предполагает рассмотрение еще более широкого контекста (фразы, сверхфразового единства, текста в целом) с целью выделения метапонятий (фреймовое представление отношений противоположности) и установления ассоциативных связей между именем концепта и описываемыми событиями или явлениями. Ассоциативное сходство может быть трех типов: по форме, по содержанию, по форме и содержанию;

10. определение типа отношений противоположности (контрарные, контрадикторные, конверсивные, контрастивные) и отнесение оппозигов к одному из этих типов;

11. анализ установленных отношений в системе концептуального поля оппозитивности;

12. установление связей концептуального поля оппозитивности с другими концептуальными полями (в частности, с концептуальным полем согласия).

В каждой части концептосферы осуществляется учет и функционирование различных тропов и фигур речи.

В итоге концептуальное поле предстает как многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные характеристики, но и характеристики коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. Теория и практика: Учебник; Практикум. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496с.
2. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С.12-51.
3. Лукин, В. А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсные стратегии, текстовые свойства [Текст] / В. А. Лукин // Вопросы языкознания. - 2003. - №4. – С.91-110.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. - Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256с.
5. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 65-69.
6. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С.52-92.
7. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации [Текст] / Р. Шенк; пер. с англ. – М.: Энергия, 1980. – 360с.
8. Abelson, R. P. Psychological status of the script concept [Text] / R. P. Abelson // AP. – 1981. – Vol. 36.
9. Denis, M. Modèles et concepts pour la science cognitive [Text] / M. Denis, G. Sabah. Hommage à J.-F. Le Ny. – Grenoble, 1993.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

В данной статье мы выявляем закономерности функционирования различных маркеров времени в газетном тексте, а так же с помощью статистических методов раскрываем связи, которые образуют репрезентанты категории времени в публицистике. Материалом исследования послужила выборка из 300 текстов публицистического стиля, отобранных из нескольких российских газет («Комсомольская правда»; «Российская газета»; «Аргументы и факты»; «Телесемь»). На первом этапе нашего исследования анализ материала позволил выделить 29 лексико-грамматических способов (параметров) репрезентации категории времени в тексте, которые можно распределить в несколько групп.

Блок грамматических средств с темпоральной семантикой включает в себя систему временных форм глагола (настоящее, прошедшее, будущее время; временные формы модальных глаголов (мод. глагол¹)); неличные формы глагола (полное и краткое причастие); предложные конструкции без семы времени (имеющие в своем составе слова, не содержащие семы темпоральности (пр. + сущ. (без семы времени)); предложные конструкции с семой времени (включающие лексемы со значением времени (пр. + сущ. (сема времени)); временные союзы (союз); наречия со значением времени (наречие).

Список лексических средств выражения категории времени включает в себя следующие параметры: существительные с темпоральной семантикой (названия временных единиц и их частей (временная единица); названия определенных отрезков времени (опред. отрезок); названия неопределенных отрезков времени (неопред. отрезок); названия частей суток (часть суток); названия времен года (время года); названия месяцев (месяц); названия дней недели (день недели); названия длительных временных периодов по отношению к данному моменту (длительный период); слова, обозначающие возрастной период или период развития (возраст); названия праздников (праздник); существительные, не имеющие прямого временного значения (непр. вр. знач. сущ); прилагательные со значением времени, выступающие в тексте в качестве определений в именных группах (прилагательные, выражающие длительность временного отрезка (длительность); прилагательные или порядковые числительные, выражающие последовательность временных отрезков (последовательность); прилагательные, выражающие расположение во времени (расположение во времени);

¹ В дальнейшем мы будем использовать данные сокращения на приводимых ниже моделях.

прилагательные, выражающие соотнесенность с временным отрезком другого порядка (соотнесенность с другим порядком); прилагательные, выражающие соотнесенность с возрастом (соотнесенность с возрастом); прилагательные без прямого временного значения (непр. вр. знач. прил)); исторические имена (например, Петр III (имя)); глаголы с семой времени (лекс. знач. глагола).

В каждом тексте исследуемой выборки были отмечены маркеры темпоральности, относящиеся к грамматическому и лексическому способам выражения категории времени. Полученные количественные данные (по всем 29 параметрам) были внесены в таблицу, состоящую из 301 столбца. В первом столбце расположились 29 параметров репрезентации категории времени; в остальных – числовые данные представленности того или иного параметра (из 29 возможных) в каждом из 300 текстов. Табличные данные подверглись статистической обработке – факторному анализу, позволившему выделить 3 группы текстов, для каждой из которых характерна общность способов выражения времени.

В группу первого фактора вошли 122 текста (40,67% от общего числа текстов), ко второму фактору относятся 33 текста (11%), третий фактор составили 38 текстов (12,7%). 64,4% – общее число текстов, вошедших в три выделенных фактора. Тексты этих групп четко структурированы, в отличие от остальных 107 текстов (35,6%), являющихся текстами смешанного типа, где не используются строго определенные структурные временные кластеры.

Следующим этапом нашего исследования стал корреляционный анализ взаимосвязи временных параметров внутри каждого фактора (группы текстов, где между параметрами репрезентации времени установлены схожие отношения). Для этого мы отобрали тексты, относящиеся к одному из трех факторов и с помощью программы «Statistica» построили матрицу корреляций (по Пирсону) для всех 29 параметров друг с другом в рамках каждого из трех факторов.

Данные корреляционного анализа взаимосвязи временных параметров внутри каждого из выделенных факторов были представлены в виде графосемантических моделей [Белоусов 2005; Зелянская 2007], которые представляют собой систему корреляционных зависимостей между способами выражения времени и позволяют увидеть насколько параметры репрезентации времени могут быть обусловлены друг другом. Для текстов первого фактора характерна следующая временная структура – см. рисунок 1.

Рисунок 1. Графосемантическая модель способов выражения категории времени в текстах первого фактора.

Примечание. На рисунках 1, 2, 3 пунктирными линиями отмечены слабые корреляционные связи (коэффициент достоверности от 0,5 до 0,4). Обычными линиями обозначены обычные связи (коэффициент достоверности от 0,5 до 0,6); жирными линиями обозначены сильные связи (коэффициент достоверности более 0,6).

На рисунке 1 представлена система, состоящая из 18 компонентов, включающая в себя десять грамматических и восемь лексических маркеров темпоральности. Очевидно, что система структурируется вокруг грамматического маркера «прошедшее время», который является ядерным компонентом данной модели. Грамматический способ репрезентации категории времени превалирует над лексическим по количеству маркеров и по степени участия в формировании рассматриваемой системы. Между грамматическими параметрами установлены сильные связи, их функционирование носит системный характер, в отличие от лексических компонентов, находящихся в подчиненном состоянии.

На рисунке 2 изображена модель, в которой задействовано 25 компонентов, что делает ее наиболее сложной среди трех стратегий репрезентации категории времени в текстах публицистического стиля.

Количество грамматических и лексических маркеров – 10 и 15 соответственно. Самым активным в установлении корреляций параметром является «настоящее время», который выступает доминантным, хотя и не ядерным компонентом, так как в состав данной системы входят несколько подсистем, имеющих собственные ядерные компоненты, незначимые на уровне всей структуры. Лексика в этой модели играет более активную роль, чем в модели 1.

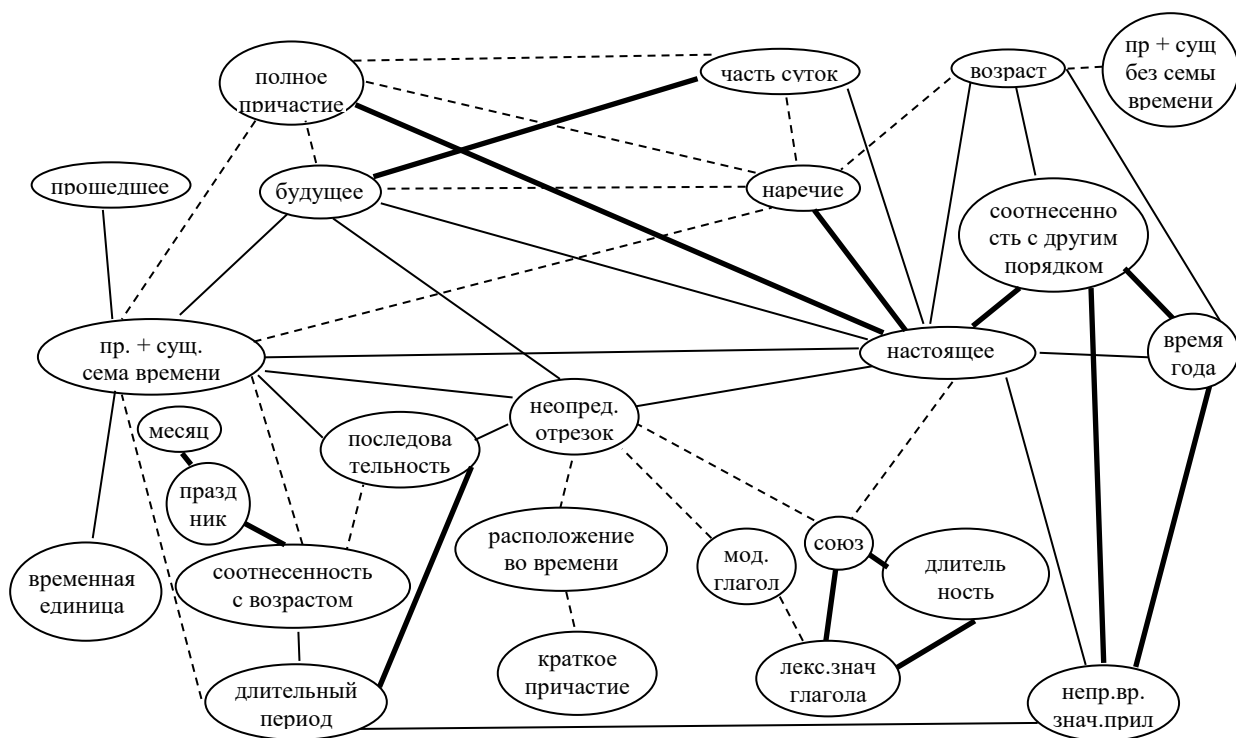

Рисунок 2. Графосемантическая модель способов выражения категории времени в текстах второго фактора.

На рисунке 3 представлена структура, состоящая из 17 компонентов. Соотношение лексического и грамматического способов в рамках данной модели составляет 65% и 35% соответственно. Доминантная роль лексического способа в образовании этой системы, проявляется в том, что трудно выделить ядерный компонент, так как она распадается на ряд подструктур, слабо связанных между собой, и данная система не так жестко структурирована как две предыдущие структуры.

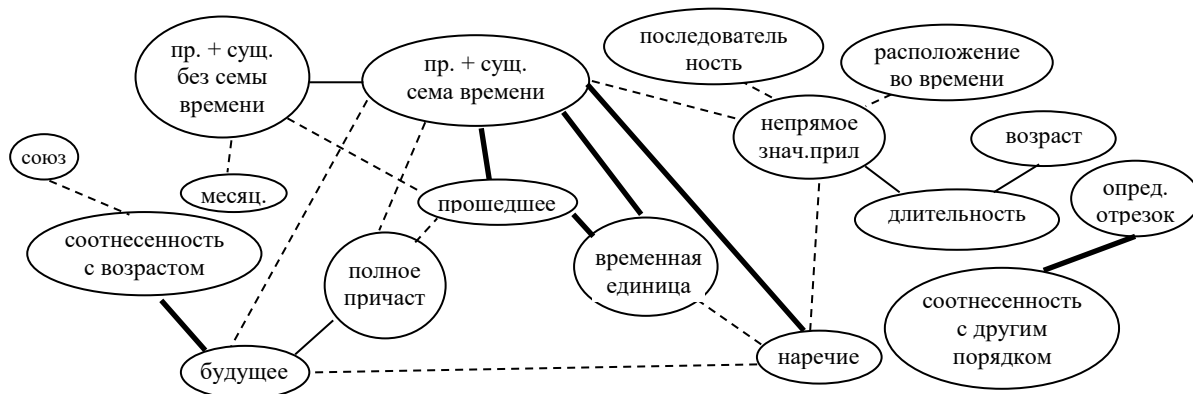

Рисунок 3. Графосемантическая модель способов выражения категории времени в текстах третьего фактора.

Таким образом, мы установили, что в публицистике существует три основных стратегии реализации категории времени в тексте, каждая из которых имеет свойственные ей особенности. Кроме того, были выявлены закономерности, являющиеся общими для всех трех моделей. В первой и второй модели структурирующую роль

выполняют грамматические маркеры «прошедшее» и «настоящее время». Разница в функционировании этих компонентов состоит в том, что прошедшее время реализуется через грамматические способы, в контексте которых оно находится, а настоящее время, имеющее больше контекстов, через которые оно может выражаться, выделяется лексическим способом. В третьей модели, где не задействованным оказалось настоящее время, и наблюдается незначительное количество грамматических компонентов, система диссипирует, распадаясь на несколько частей. Следовательно, если в тексте на первый план выдвигается лексический способ выражения времени, то подобные тексты, с точки зрения их временной организации, оказываются менее структурированы.

Список литературы

1. Белоусов, К.И. Текст: пространство, время, темпоритм: монография [Текст] / К.И. Белоусов. – Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – 248 с.
2. Зелянская, Н.Л. Культурно-семиотический потенциал заглавий художественных произведений (на материале творчества Ф.М. Достоевского 1840-х гг.) [Текст] / Н.Л. Зелянская // М.: Филология и человек. – 2007. – № 2. – С. 78-89.

В.С. Ли
Алматы, Казахстан

ОБ ОСНОВНЫХ АСПЕКТАХ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА

Становление теории дискурсивного анализа как междисциплинарного научного направления относят к 70-м годам XX в., однако, как справедливо отмечает Т. ван Дейк, первые опыты структурного анализа текстов как дискурсивной данности были осуществлены представителями русского формализма (лингвистами, литературоведами и антропологами) в годы до и после Октябрьской революции [Дейк 2000: 114]. Непосредственные же истоки теории дискурсивного анализа связаны с различными направлениями ряда отраслей знания, объектом изучения которых является язык, - с лингвистикой текста, теорией речевых актов, лингвистической прагматикой, психолингвистикой, стилистикой и риторикой, теорией речевой коммуникации. Кроме того, данные дискурсивного анализа используются в социологии, этнографии, культурологии, мифологии, литературоведении и, естественно, в философии. Теория дискурсивного анализа, таким образом, имеет точки пересечения с рядом научных дисциплин, но наиболее тесная связь у нее с лингвистикой текста. Неслучайно, что иногда понятия “анализ текста” и “дискурсивный анализ” рассматривают как тождественные в связи с отождествлением текста и дискурса. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ряде лингвистических концепций, непосредственно не связанных с теорией дискурса и не использующих ее терминологию и научный

аппарат, ставятся и решаются задачи, имеющие отношение и к дискурсивному анализу. Так, например, в концепции функционального синтаксиса (коммуникативной грамматики) Г.А. Золотовой в качестве инструмента для анализа текстов используется близкое к дискурсу понятие коммуникативных регистров речи (в последнем варианте – пять регистров: репродуктивный, информативный, генеративный, волюнтативный и реактивный) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004]. И в целом в функциональных направлениях лингвистики, в которых анализируются единицы языка с точки зрения выполняемых ими функций, имеются области пересечения с дискурсивным анализом.

Все это свидетельствует о том, что нелегко очертить круг вопросов, составляющих предметную сферу собственно дискурсивного анализа. Следует также иметь в виду наличие разных научных школ, в которых в качестве определяющих и релевантных признаются неодинаковые аспекты и характеристики дискурса (или синтаксические, т.е. лингвистические, или экстралингвистические). Однако все подходы и направления дискурсивного анализа, представленные в современной лингвистике, объединяет выбор текста как основного (или исходного) объекта анализа, поскольку вся информация о дискурсе извлекается по существу из анализа текста. Но сам текст при этом рассматривается и исследуется не как языковая данность, а как источник сведений о других (социальных, идеологических, политических, культурно-исторических, этнопсихологических, мифологических и т.п.) мирах, т.е. об особых ментальных мирах (по выражению Ю.С. Степанова “возможных мирах”). Анализ текста в таком случае предполагает обращение к различным социально-культурным и прагматическим контекстам [Арутюнова 1990], исследование которых также входит в задачи дискурсивного анализа. Дискурсивный анализ имеет также некоторые точки пересечения с филологическим анализом.

Но, несмотря на это, первичным, начальным следует считать собственно лингвистический анализ, позволяющий получить исходные и в то же время наиболее надежные и объективные данные о природе дискурса. Эти данные должны подкрепляться анализом структуры дискурса, ее уровней, как это делается в канонических грамматиках. На это обращает внимание и Т. ван Дейк: «При реальном продуцировании текстов и их восприятии пользователями языка обработка текста может идти на всех уровнях почти одновременно; каждый из этих уровней обработки может быть стратегически использован для извлечения максимума информации. Некоторые из этих выделяемых в теории уровней дискурса традиционно описываются методами лингвистических грамматик...» [Дейк 200: 124].

Таким образом, становится очевидным, что базовым, первоначальным аспектом исследования дискурса должен считаться собственно лингвистический (даже при различном подходе к этому аспекту дискурса). Другие аспекты (когнитивный, социально-психологический, прагматический, культурологический и др.) должны рассматриваться с опорой на собственно лингвистическую природу дискурса. И в этом смысле языкознание всегда занималось дискурсом и связанными с ним процессами функционирования и использования языка. Понятно, что с позиций лингвистики можно дать сугубо формальное определение дискурса как единицы языка, превышающую по объему отдельно взятое предложение, т.е. как связной последовательности предложений, составляющей текст. В таком случае понятия дискурса и текста, естественно, становятся тождественными или почти тождественными, и такое использование рассматриваемых терминов встречается нередко в лингвистической литературе. Однако подобное определение дискурса через текст и с его помощью приемлемо лишь в том случае, если акцентируется внимание на конечном продукте дискурсивной (речевой) деятельности как “целенаправленного социального действия”. Но для решения собственно лингвистических задач важнее осознать и осмыслить не столько результат этого действия (т.е. текст), сколько само это действие, именуемое дискурсом.

Понимание дискурса как речемыслительной деятельности человека, при которой происходит вербальное развертывание содержательного (а именно, событийного, пропозиционального) ряда, возвращает проблему дискурса в собственно лингвистическое русло. И прежде чем характеризовать дискурс в его связи с экстралингвистическими, прагматическими, социальными, культурно-мировоззренческими и т.п. факторами, необходимо предварительно выяснить и определить собственно языковую природу и механизм его функционирования (грамматику дискурса). Немалую пользу для решения рассматриваемой проблемы принесет обращение к накопленному (и весьма богатому) опыту описания языка как самодостаточной системы, которая организуется по принципу взаимодействия отдельных подсистем, объединенных структурной однородностью, т.е. их изоморфностью.

При собственно лингвистическом подходе к дискурсу структура и смысловая организация его подчиняются тем же закономерностям, что и основная коммуникативная единица языка – предложение, денотатом которого выступает событие. Предложение (пропозиция) как элементарная модель или языковой образ кванта мира бытия не только формирует и фиксирует наши знания о происходящем, но и

способствует, с одной стороны, осознанию этого мира и, с другой стороны, объективизации его. Эта двойственность пропозиции точно подмечена Дж. Лакоффом, который пишет: «Пропозициональные модели имеют объективистский привкус, поскольку включают сущности с их свойствами и реально существующими отношениями. Тем не менее, необходимо напомнить, что они являются именно когнитивными моделями, а не кусочками реальности. "Сущности" суть ментальные сущности, а не реальные вещи... Мне кажется, что, когда человек осознает свой опыт, проецируя на него пропозициональные модели, он налагает на мир объективистскую структуру» [Лакофф 1995: 177]. «Объективистская структура» лежит в основе и самой речемыслительной деятельности в целом и дискурса как лингвистического феномена в частности. Однако современная проблематика дискурсивного анализа выходит далеко за пределы исследования собственно лингвистического аспекта дискурса, но преимущественно касается его экстралингвистических характеристик. Так, Е.С. Кубрякова в дискурсивном анализе выделяет следующие три аспекта, одновременно являющиеся и его задачами: 1) установление связи дискурса с коммуникацией, речевым общением; 2) классификация типов дискурса; 3) описание отдельных дискурсов – книжно-письменного, политического, публицистического, философского, научного и др. [Кубрякова 2000: 17-21].

При решении последней задачи – описание отдельно взятого дискурса – исследователь сталкивается с чрезвычайно сложной проблемой общенаучного характера, которую можно сформулировать следующим образом: до каких пределов, опираясь на данные лингвистического (дискурсивного) анализа, следует идти в выводах о «ментальности особых миров» и насколько корректно особенности этой ментальности выводить непосредственно из данных языка. Попытки установления прямой зависимости и прямой связи между актуализируемыми в определенном дискурсе языковыми структурами и типом «особой ментальности» (в том числе и национально-специфичной) носят порой спорный характер и дают одновременно веские основания для совершенно иных выводов.

Социально-культурный аспект дискурса и, соответственно, дискурсивного анализа отражает кодовый характер передачи содержательной стороны дискурса, основу которой составляет именно пропозитивное значение, т.е. мыслительное содержание, выражающееся с помощью категории пропозитивности. Одновременно с этим связь дискурса с коммуникацией предполагает исследование дискурса как феномена языковой культуры, как особый культурный код. На это обращает внимание и О.Л. Чернейко,

сформулировав это положение в такой форме: «Дискурс стоит на почве языка, поскольку без языка нет дискурса» [Чернейко 2004: 419].

Безусловно, дискурс «стоит на почве языка», но он одновременно принадлежит и культуре, составляя его неотъемлемую и важнейшую часть, поскольку именно в дискурсе язык реализуется как культурный код. Таким образом, «сложившийся культурный код» непосредственно характеризует язык как результат его взаимодействия с человеком (социумом), способным не только пользоваться языком как данностью, но «обрабатывать» или «возделывать» его. Поэтому становится вполне очевидной необходимость включения в предметную область учения о дискурсе и дискурсивного анализа социально-культурного аспекта, рассматривая язык как феномен культуры.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308с.
2. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544с.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280с.
4. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136-137.
5. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143-184.
6. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] (Обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 7-25.
7. Чернейко, Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи [Текст] / Л. О. Чернейко // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка: Материалы и доклады. – М.: МГУ, 2004. – С. 418-420.

А.Ю. Любавина
Челябинск, Россия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ» И «ПР-ТЕКСТ»

Конец XX столетия ознаменовался развитием и формированием новой коммуникационной среды, новых форм коммуникационного обмена. В России, как и во многих других странах, идущих по пути демократического развития, в этот период происходит становление системы активных публичных коммуникаций, участниками которых становятся государственные и общественные институты, собственно граждане как члены социума. Общество с развивающейся демократией и цивилизованными

публичными коммуникациями порождает новый род социальной деятельности — паблик рилейшнз (PR).

Словосочетание "public relations" или в переводе с английского - "связи с общественностью" стало известно у нас с начала 90-х годов. Институт по связям с общественностью (США) определяет термин следующим образом: "Паблик рилейшнз - спланированные и осуществляемые в течение длительного времени действия, направленные на установление и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и общественностью". В систему связей с общественностью входит комплекс мероприятий, направленных на формирование благоприятного общественного мнения по отношению организации. Это подготовка пресс-релизов и статей для прессы, радио- и телематериалов, проведение брифингов, пресс-конференций, круглых столов, издание и презентация информационно-рекламных проспектов о деятельности организации, участие в специализированных выставках, спонсорство и многое другое. Поскольку основная часть информации к людям поступает из СМИ, то естественным образом СМИ становятся тем каналом, через который информационный поток PR (паблик-рилейшнз) доходит до читателя.

Современное состояние связей с общественностью в России характеризуется синтезом достижений PR-практики и ее научного, теоретического осмысления, появлением специализированных структур, профессионально занимающихся PR-деятельностью, научных школ, целой сети образовательных учреждений, ведущих подготовку по этой специальности. Все это свидетельствует о процессах становления в России связей с общественностью как особого социального института.

Одним из первых серьезных трудов, посвященных PR-текстам в России, является монография петербургского исследователя А.Д. Кривоносова «PR-текст в системе публичных коммуникаций» [Кривоносов 2001]. Между тем, весьма серьезной работой следует признать и ранее вышедшую статью С. Пономарева «Типы текстов Public Relations» [Пономарев 2001], на которую А.Д. Кривоносов делает многочисленные ссылки. Вначале попробуем уточнить, что же подразумевается под термином «PR-текст».

«PR-текст на сегодняшний день уже сформировался: появились и активно используются в практике связей с общественностью определенные жанровые разновидности этого типа текстов» [Кривоносов 2001: 7]. Группа петербургских исследователей отмечает: «Текст PR, в отличие от рекламного, в большей степени похож на обычную речь, можно сказать, в нем отсутствует (хорошо маскируется) «рекламность» [Реклама и связи с общественностью: теория и практика профессионального творчества 1999: 298].

В связи с этим скажем, что, по мнению А.Д. Кривоносова, указанная выше «рекламность» есть своеобразная форма «паблицитности» [Кривоносов 2001:54]. Между тем, возникающая таким образом трактовка, описывающая PR-текст через некую отсутствующую в нем характеристику, обозначенную как «рекламность», а саму «рекламность» через еще более неопределенную «паблицитность», на наш взгляд, заставляет усомниться в том, что это определение способно вызвать ясность.

В итоге своих размышлений о сущностных характеристиках PR-текстов представитель петербургской школы паблик рилейшнз А. Кривоносов вносит существенное уточнение: «PR -текст, распространение которого среди целевой общественности приводится по инициативе базисного субъекта PR, всегда опосредуется бесплатно. Тот же текст, опосредованный не бесплатно, становится рекламным» [Кривоносов 2001: 64].

Поясним, что термин «базисный субъект PR» введен Санкт-Петербургской школой паблик рилейшнз и трактуется следующим образом: «базисным субъектом PR признается субъект публичной сферы, на оптимизацию коммуникационной среды которого направлена деятельность определенной PR-структуры» [Кривоносов 2001: 18].

Таким образом, теперь мы имеем возможность обозначить признаки не только PR-текста как такового, но и процесс превращения его в рекламный: «PR-текст – это текст, который “в большей степени похож на обычную речь, и в котором отсутствует (хорошо маскируется) «рекламность» [Реклама и связи с общественностью: теория и практика профессионального творчества 1999:298], «которая есть ни что иное, как своеобразная форма паблицитности» [Кривоносов 2001: 54], «распространение которого среди целевой общественности приводится по инициативе базисного субъекта PR» [Кривоносов 2001: 64], «на оптимизацию коммуникационной среды которого направлена деятельность определенной PR-структуры» [Кривоносов 2001: 18] – «опосредованный не бесплатно становится рекламным» [Кривоносов 2001: 64].

PR-текст имеет свой источник — базисный субъект PR. Источники PR-текста обязательно содержат информацию, инициированную данным базисным PR-субъектом о нем самом. Под базисным субъектом PR понимаются:

- «индивиды (политические, государственные и общественные деятели, руководители организаций, бизнес-лидеры, деятели искусств и персонажи шоу-бизнеса);
- социальные общности различных типов и уровней (социально-демографические, тендерные, социально-профессиональные, социально-территориальные, этно-национальные, конфессиональные и другие общности);
- социальные организации (предприятия, организации, учреждения, фирмы и т. д.);

• социальные институты (государственные и общественные институты: органы представительной, исполнительной и судебной власти, органы местного самоуправления, правоохранительные органы, политические партии и общественные движения)» [Кривоносов 2002: 53].

PR-текст в большей степени похож на обычную речь. В нем отсутствует (или маскируется) «рекламность», подразумевающая прямое или косвенное предложение купить что-то. PR-текст должен восприниматься адресатом как нечто, не относящееся к экономической сфере общественной жизни (т.е. не должен непосредственно стимулировать активность предпринимательской деятельности) и призванное удовлетворить собственно социальные или информационные потребности индивида. Эффект от PR-текста сложно прогнозировать, потому что PR-акции нельзя оценивать по традиционным объемным показателям, характерным для определения эффективности рекламы (число и частота контактов, размер охваченной аудитории), так как объект воздействия PR — это не масса потребителей, а более сложная совокупность индивидов. Она, например, может включать лидеров мнений, т.е. людей, способных катализировать распространение PR-информации без дополнительных усилий со стороны субъекта PR [Чумиков, Бочаров 2004: 465-468].

Список литературы

1. Кривоносов, А. Д. ПР-текст в системе публичных коммуникаций [Текст] / А. Д. Кривоносов. – СПб.: С.-Петербургский университет, 2001.
2. Пономарев, С. Типы текстов Public Relations [Текст] / С. Пономарев // Советник. – 2001. - № 4 (64).
3. Реклама и связи с общественностью: теория и практика профессионального творчества [Текст] / Под. ред. М. А. Шишкиной. – СПб., 1999. – Ч. I.
4. Чумиков, А.Н., Бочаров, М.П. Связи с общественностью. Теория и практика [Текст] / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. – М.: Дело, 2004.

С.И. Маджаева
Астрахань, Россия

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

Многозначный термин-понятие «дискурс», широко используемый в гуманитарных науках, занимает одно из центральных мест в системе наиболее значимых понятий современной лингвистики. Будучи понятием многозначным, дискурс неоднократно становился предметом полемики и вызывал противоречивые толкования. Даже краткий обзор демонстрирует многоплановость данного феномена и множественность исследовательских подходов. При этом большинство исследователей признают

социально-деятельностный характер дискурса, связь лингвистических и экстралингвистических факторов в его функционировании, подчеркивают когнитивную природу и многообразие коммуникативных манифестаций.

Наиболее распространенным в современной русистике является определение дискурса, предложенное Н.Д. Арутюновой: «Дискурс (от франц. discours – речь) – это речь, «погруженная в жизнь» [ЛЭС 1990: 136-137].

Предметом данной статьи является медицинский дискурс при заболевании сахарным диабетом. В качестве объекта выступают языковые средства актуализации данного дискурса. Цель статьи состоит в выявлении некоторых способов языковой актуализации медицинского дискурса при заболевании сахарным диабетом. Материалом для статьи послужили беседы врачей с пациентами. Всего – 45.

Медицинский дискурс – это и расспрос с целью выявления причин заболевания и дружеская беседа, итогом которой, является – помощь в преодолении болезни. Медицинский дискурс являясь научным видом дискурса, функционирует благодаря влиянию языковых личностей, участвующих в общении, и «является процессуальным, деятельностным и динамическим явлением» [Манерко, 2003; 123].

В структуре медицинского дискурса выделяются основные составляющие: тема, участники дискурса и способы их выражения.

Врач является источником сведений, нужных для больного, особенно на первом этапе лечения, уже при первой встрече. Эти сведения касаются характера болезни, прогноза течения ее, методов лечения и перспектив выздоровления. В процессе беседы он должен выявить особенности собственной «концепции» пациента о болезни, его представлений о ее причинах, выраженности у него чувства угрозы для жизни и эмоционального стресса на факт заболевания, влияние болезни на социальную ситуацию («масштаб переживаний» больного)

Тематика медицинского дискурса достаточно широка и охватывает различные области медицины:

- 1) симптомы – *жажда, полиурия, потеря веса, сухость во рту, тремор, глюкозория, синдром Дауна, синдром Клайнфельтера, синдром Тернера, синдром Вольфрама, синдром Гентингтона, синдром Лоренса-Муна-Бидля;*
- 2) эмоциональное состояние – *перенапряжение, волнение, истерия, замкнутость;*
- 3) диагностика – *диабетид, диабетид интертригиозный, постинфарктный кардиосклероз, сердечная недостаточность, состояние после инсульта, окклюзивное поражение нижних конечностей;*

- 4) обследование – рентген, электрокардиограмма, длительное наблюдение;
- 5) рекомендации – соблюдать диету, выполнять посильный физический труд, стресс, лекарство, инъекции;
- 6) методы лечения – глюкотест, программа лечения и обучения при диабете, гиперинсулинемическая эугликемическая проба, визометрия, тонометрия, биомикроскопия хрусталика, офтальмоскопия, периметрия, флуоресцентная ангиография сосудов сетчатки, электрофизиологические методы исследования;
- 7) стадии заболевания – непролиферативная стадия, кетоацидотические состояния, препролиферативная стадия, фаза компенсации, декомпенсации, субкомпенсации, стадия протеинурии;
- 8) препараты ультракороткого действия – хумалог, новорапид, апидра; короткого действия – актрапид, хумулин-регуляр, инсуман-рапид; средней продолжительности действия – протафан НМ, хумулин НПХ, инсуман – базал; длительного действия – лантус, детемир.

Богатый терминологический арсенал медицинского дискурса подчеркивает его социальность и нормативность. Тематические группы «симптомы», «диагностика», «методы лечения» выступают в качестве констант медицинского дискурса.

Исследования тематических групп показывают, что в данном медицинском дискурсе функционируют общенаучные, общеупотребительные слова и медицинские термины. Общеупотребительная лексика и общенаучные слова употребляются при беседах с пациентом или его родственниками. В беседе между собой врачи и ученые-медики используют медицинские термины. Например; *Доктор, у меня понизился сахар. Меня можно выписывать / Уровень глюкозы у Меньшовой снизился. Понаблюдаем ее еще пару дней и можно готовить к выписке.*

Среди терминов в медицинском дискурсе функционируют простые (инсулин, проба, тест, стадия декомпенсации, субкомпенсации); сложные (визометрия, биомикроскопия, глюкотест, инсулинорезистентность, эндокринопатия, шприц-ручка, липодистрофия, лепречаунизм, гемохроматоз, феохромоцитома); многокомпонентные (гестационный сахарный диабет, генетический синдром, липоатрофический диабет, диабетическая полинейропатия, препараты ультракороткого действия, гликированный гемоглобин, стадия протеинурии, автономная полинейропатия).

Многокомпонентные термины представляют собой регулярные образования. Данная тенденция позволяет отразить системную организацию частной тематической терминологической группы независимо от способа выражения понятий. В результате функционирования термина не только появляются новые, но и усложняется их

структура, количество компонентов, входящих в термины последовательно увеличивается. Многокомпонентные терминологические номинации употребляются целенаправленно: они экономят умственные усилия адресата, облегчают процесс усвоения вводимых понятий, способствуют их адекватному восприятию.

Участниками медицинского дискурса являются врач, пациент и его родственники.

Врач представлен следующими грамматическими средствами: 1) личным местоимением 1.л.ед.ч. «я»; 2) личным местоимением 1.л. мн.ч. «мы»; 3) личным местоимением 3 л. мн. ч. «они». Для того, чтобы убедить своего больного, врач призывает к авторитету, например, к ученому-медику, заведующему отделением. *Ну, вот Вас посмотрел и заведующий, и консультант - кандидат медицинских наук. Они согласны с рекомендациями, которые я Вам прописал. Мы лечим Вас правильно. Многое зависит и от Вас».*

Эффективным средством при общении с пациентом, для поддержания контакта является использование местоимения *мы* в значении «мы-вместе». *Мы с Вами добились хороших результатов. Мы сняли гликемию. Теперь нам надо поддерживать сахар на этом уровне. А если мы еще и зарядку делать будем* Использование данного местоимения подчеркивает общность интересов и заинтересованность врача в лечении болезни.

Важной составляющей медицинского дискурса является интенция врача. Приоритетными интенциями являются информация, побуждение, убеждение, внушение, выражение сочувствия, положительное оценивание, предупреждение. Это обстоятельство позволяет говорить о преимущественно положительной направленности медицинского дискурса и свидетельствует об интересе врача использовать всевозможные вербальные средства для достижения своей цели – лечения и выздоровления пациента.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520с.
2. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров /РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исследований. Отд. языкознания. – М., 2000. – С.7-25.
3. Манерко, Л. А. Истоки и основания когнитивно – коммуникативного терминоведения [Текст] / Л. А. Манерко // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр. посвящается юбилею В. М. Лейчика. – М. Рязань, 2003. – С. 120-126.
4. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н. И. Формановская. – М., Рус. яз., 2002. – 216с.

**ДИСКУРС СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИЗА ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО
ТЕЗАУРУСА КОНЦЕПТА-ДОМИНАНТЫ
(на примере концепта 'Победа' в журналистском спортивном дискурсе)**

Определение понятия *дискурс*, выделение типов дискурса и его базовых операциональных единиц, создание моделей дискурсивного описания, выявление соотношения данного феномена с когнитивными (концепт, картина мира) и лингвистическими (текст, речевой жанр, коммуникативная деятельность) категориями – вот далеко не полный перечень проблем, которые занимают сегодня лингвистов.

Для настоящего исследования принципиальными оказываются несколько положений *теории дискурса*.

Во-первых, нам близка позиция В.И.Карасика, который, подчеркивая неоднозначность трактовки понятия *дискурс* в разных отраслях современного языкознания и смежных с ним дисциплин, объясняет это объективной сложностью названного феномена и многоаспектностью подходов к его описанию [Карасик 2004: 226-240].

Во-вторых, на наш взгляд, продуктивен, хотя и далеко не исчерпывающ вывод В.Е.Чернявской о двух основных типах понимания дискурса в современном языкознании: с одной стороны, дискурс – это «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве», с другой – это «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2001:14,16].

Разумеется, привлекательна сама идея изящного, лингвистически оправданного подведения вышеназванных явлений под дихотомию *дискурс/тип дискурса* (что, кстати, подмечает в уже цитированной работе и В.И.Карасик), но, кажется, реально выделяемые и описываемые *дискурсы* и их *типы* заставляют нас говорить как о более общем и более многоплановом понимании самого феномена *дискурс*, так и о разноаспектности оснований выделения *типов дискурса*.

В-третьих, существенным является выделение *статусно-ориентированных, или институциональных, дискурсов* [Карасик 2004: 233-234], в число которых входит и *спортивный дискурс*. Заметим, что внимание к особенностям данного типа дискурса со стороны ученых значительно меньше, чем к другим институциональным дискурсам, например к политическому.

В рамках спортивного дискурса в современных исследованиях выделяют собственно дискурс спортсменов, фанатский спортивный дискурс и, наконец,

журналистский спортивный дискурс, репрезентированный прежде всего в текстах спортивно ориентированного сегмента печатных и электронных СМИ [см., например, Панкратова 2005, Пикулева 2006, Снятков 2007]¹.

Итак, не ставя задачей данного исследования многоплановое осмысление теоретического понятия *дискурс*, подчеркнем лишь, что особенности анализируемого типа дискурса позволяют нам дать следующее, во многом предварительное, определение дискурса: *совокупность тематически и функционально обусловленных текстов, в том числе текстов креализованных, которая характеризуется когнитивной, речежанровой и прагмалингвистической спецификой*.

Когнитивная специфика дискурса состоит, на наш взгляд, в том, что именно в структуре дискурса репрезентируются системы базовых, доминантных для этого типа дискурса метальных единиц – концептов, концептуальных (метафорических) моделей, когнитивных метафор.

Кстати говоря, именно в отечественной лингвистике сложилась традиция рассматривать дискурс в когнитивно-дискурсивной парадигме [см. об этом, например, Будаев, Чудинов 2007:24-26, Панкратова 2005:3]

Конечно, мы осознаем, что множество концептов релевантно для разных типов дискурса (например, этические, нравственные концепты могут репрезентироваться с разной степенью частотности и семантической «проработки» в разных типах дискурса – художественном, политическом, спортивном, учебном, религиозном, массово-информационном и т.д.), однако когнитивными доминантами, характеризующими особенности соответствующих типов дискурса, являются те концепты, в которых отражена прежде всего тематическая и функциональная специфика дискурса.

Методика анализа репрезентированного в дискурсе концепта, которая предлагается нами, основывается на общем положении когнитивной лингвистики, согласно которому концепт имеет полевую структуру, где выделяется ядро, приядерная область, содержащая концептуальные признаки (концептуальные слои), менее и более абстрактные, и, наконец, периферия, «интерпретационное поле», включающее «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» и характеризующееся «слабой структурированностью» [Попова, Стернин 2002: 64].

¹В связи с этим заметим, что наши наблюдения и наше понимание спортивного дискурса позволяют говорить о взаимопроникновении спортивного и массового-информационного дискурсов, спортивного и политического дискурсов, однако развитие этой важной темы требует специального исследования, которое обязательно будет предпринято автором.

Языковая объективация концепта в тексте и – шире – в дискурсе происходит прежде всего на лексико-семантическом уровне, и данное обстоятельство позволяет нам утверждать, что элементы поля концепта (ядро, приядерная область и периферия) реализуются в разных группах лексем (*семантических группах*), заданных семантикой концепта.

Можно предположить, что семантические группы, репрезентирующие ядро и приядерную область концепта, будут содержать так называемое «ключевое слово» концепта и его производные, а также лексемы и сочетания лексем, узуально, непосредственно отражающие данный концепт в языке. Такие семантические группы в итоге составят *формальный тезаурус* исследуемого концепта.

Так, например, формальный тезаурус концепта ‘Победа’, несомненно, будет включать лексемы *победа, успех, победитель, чемпион, призер, рекордсмен, эрзацчемпион, медаль, приз, награда, рекорд, победить, выиграть, обыграть, одержать победу* и мн.др.

Функциональный тезаурус концепта представлен семантическими группами, в которые входят лексемы, устойчивые словосочетания (идиомы), опосредованно, метафорически и метонимически репрезентирующие исследуемый концепт. Именно в функциональном тезаурусе концепта, на наш взгляд, фиксируется, какова специфика интерпретационного поля концепта, а значит, каковы прагматические составляющие семантики исследуемого концепта, объективированного в определенном типе дискурса.

В функциональный тезаурус концепта ‘Победа’, например, входят такие лексемы, как *ас, гроссмейстер, обладатель, королева, темная лошадка, кусок олимпийского железа (о медали), улов (медальный), повесить на шею (медаль), обеспечить (место)* и т.д.

Формально-функциональный тезаурус концепта организуется по принципу *частеречной* принадлежности лексем: в словаре выделяются различные по семантике подгруппы *номинативов* (существительных и субстантивов), *атрибутивов* и *адъективов* (прилагательных и наречий), *предикатов* формального и функционального тезауруса.

Состав выделяемых подгрупп, особенно в сфере номинативов, как кажется, подвержен изменениям, которые являются не только свидетельством степени детализации предпринятого описания, но и – прежде всего - еще одним показателем специфики лексико-семантической реализации концепта-доминанты в дискурсе. Однако вполне предсказуемым и логичным является практически константное выявление таких подгрупп, как *наименование субъектов, различного рода объектов и атрибутов*,

непосредственно или опосредованно связанных с семантикой концепта, *предикатов*, прямо или метафорически репрезентирующих исследуемый концепт.

На наш взгляд, именно словарь знаменательных слов и словосочетаний, так или иначе манифестирующих концепт, позволяет судить о содержательной специфике концепта и - в конечном счете - дискурса, в котором концепт объективирован.

Объем, а значит, и полнота формально-функционального тезауруса концепта определяются как объемом исследованного материала, так и его репрезентативностью.

Однако мы считаем, что такого рода словарь для большинства типов дискурса – принципиально открытая и динамическая система, в которой, с одной стороны, представлены синхронные характеристики дискурса с точки зрения базовых ментальных единиц и их лексико-семантической реализации, с другой - отражены изменения (или тенденции к изменению), объективно происходящие в структуре концепта, и, как следствие, в его языковой репрезентации.

Анализ формально-функционального тезауруса когнитивной доминанты дискурса, каковой является концепт, может рассматриваться и как отдельная, весьма репрезентативная методика исследования особенностей лексико-семантической и – отчасти – грамматической реализации концепта, и как первая ступень когнитивно-языкового описания, завершающим этапом которого может быть выявление и описание базовых метафорических моделей, где означаемым является названный концепт.

Список литературы

1. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Методологические грани политической метафорологии [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. Выпуск (1)21 / Под ред. А. П.Чудинова. - Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 22-31.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И.Карасик. - М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Панкратова, О. А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. А. Панкратова. – Волгоград, 2005. – 25 с.
4. Пикулева, Ю. Б. Спортивный дискурс в аспекте толерантности [Текст] / Ю. Б. Пикулева // Язык вражды и язык согласия. - Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006.
5. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д.Попова, И. А.Стернин. - Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
6. Снятков, К. В. О репрезентации идеологии спорта в телевизионном спортивном дискурсе [Текст] / К. В.Снятков // Язык и стиль современных средств массовой информации: Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н. С.Валгиной. – М.: МГУП, 2007. – С. 371-379.
7. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований [Текст] / В. Е.Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб науч. тр. - СПб: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. - С. 11-22.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАГМАТИКИ ТЕКСТОВОГО КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Концепт текста как организованного согласно принципам синергетики коммуникативного действия связывается с поликонтинуальным характером речевой деятельности в различных типах дискурса, который влечет за собой модификацию традиционных представлений о статусе основной единицы прагмалингвистического анализа – речевого акта в коммуникативном пространстве. Речемыслительная коммуникация полипроцессуальна и существует в форме накладывающихся один на другой, пересекающихся и взаимодействующих речевых актов, каждый из которых манифестируется в своем пространственно-временном континууме (хронотопе). Это могут быть, к примеру, коммуникативные акты между

- отправителем сообщения и его реципиентом (автором текста – его читателем);
- отправителем сообщения и участником описываемых событий (автором текста и его персонажем);
- участником описываемых событий и реципиентом (персонажем и читателем текста);
- участниками описываемых событий (между различными художественными персонажами).

Таким образом, коммуникативный процесс (и текст как частный его случай) является сетью акторечевых единиц, актуализируемых в пространстве, а не на плоскости, как это имеет место в традиционной прагмалингвистике. Следовательно, существует возможность описания структуры упомянутой системы как нелинейного самоорганизующегося пространства с учетом возможного действия эмерджентных ее свойств (языковых и социокультурных), а также модификаций категорий традиционной прагмалингвистики или же особых категорий в рамках пространственного представления коммуникативного процесса. При этом важен факт наличия моделей дискурса различных типов, определяемых количеством взаимодействующих континуумов, их функциями и структурой, а также антиномия между линейностью коммуникации (текста) как последовательности пропозиций и ее пространственностью (как нелинейной совокупности нескольких континуумов-пространств речемыслительной деятельности). Предпосылкой описания пространственной автономной самоорганизующейся коммуникации будет соотнесение каждого из континуумов (речевых актов) с отдельным фреймом для ее объективной параметризации с позиции

участника данного процесса и последующего сопоставления этой позиции с позицией исследователя. Возможно допустить наличие совпадений (общих слотов) при пространственном соположении фреймов различных континуумов (речевых актов), что может быть в дальнейшем интерпретировано в качестве как прагматических свойств целостного объекта, так и в виде особой когнитивной макроструктуры текста, несводимой к свойствам ее элементов в пространстве отдельных континуумов. Данные точки соприкосновения могут быть описаны как аттракторы, определяющие целостность системы в ее развитии, а развертывание коммуникативного процесса как ситуация бифуркации при выборе того или иного континуума в качестве прагматической доминанты.

Еще одним аспектом синергетической организации текстового коммуникативного действия является полисубъектная структура данного феномена. При этом под субъектом текстового коммуникативного действия нами понимается главная, организующая рассматриваемый процесс субстанция, связанная с интенциональным аспектом соответствующего акта речи. Через интенцию отправитель сообщения кооперируется с его получателем с целью разрешения некоторой проблемной ситуации. Коммуникативно-прагматическая категория интенции детерминирует процесс производства текста. В соответствии с доминирующей целевой установкой избирается определённый предмет коммуникации, сфера действительности, субъективно отражённая в сознании продуцента речи. Предмет коммуникации отличается от лежащего в его основе фрагмента действительности тем, что он становится субъективно воспринимаемой действительностью [Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung 1981: 19].

С позиции синергетического подхода к описанию прагматической специфики текста релевантным представляется вопрос о количестве интенций, организующих пространство гетерогенного коммуникативного действия рассматриваемого типа, а также о соотношении эксплицитно заявленного автора текста и носителя его доминирующей коммуникативной интенции. Как представляется, в большинстве случаев данные участники коммуникативного действия – это лица, различающиеся социальным статусом и ролью, спецификой его профессиональной деятельности и образования, характером и т.д. Особенно ярко мультисубъектность коммуникативных акторов манифестируется в газетном тексте в виде цепочки субъектов текстовой деятельности: «заказчик» информации – редактор – журналист – редактор. При этом только один из акторов обладает доминирующей коммуникативной интенцией, интенции остальных участников текстового коммуникативного действия имеют

локальный характер, они подчинены доминирующей коммуникативной интенции в большей или меньшей мере, и эта детерминированность варьируется всякий раз в зависимости от конвенциональных особенностей структуры и семантики коммуникативных континуумов, самоорганизующая система которых образуют текстовое пространство. Производство текста, т. е. его логико-семантическая структура и манифестирующие её языковые средства, определяются не общезыковой нормой и законами определённого функционального стиля, к которому может быть отнесён текст, а реализацией замысла носителя доминирующей коммуникативной интенции, например, «заказчика» информации в газетном тексте, воплощением его явных и скрытых целей [Милостивая 2006: 72]. Возможной представляется элиминация элементов модели полипроцессуальной коммуникации в СМИ, что ведет к выпадению определенных звеньев из приведенной выше цепочки отправителей газетного текста. К примеру, подобный процесс возможен в таком жанре газетной публицистики, как выступление авторитетного в какой-либо сфере деятельности персонажа, в том числе известного писателя или актера и т.д., где последний говорит «от своего имени», не согласуя свою позицию и языковые средства, используемые для ее выражения, с другими субъектами продуцирования текста в СМИ. Но подобный процесс, скорее, исключение, конвенциональная особенность отдельных жанров публицистики, чем конститутивная черта данного типа дискурса.

В художественном тексте мультисубъектность присутствует прежде всего в виде комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями между повествовательными перспективами автора текста и повествователя-нарратора (при построении текста в форме *Ich-Erzählung*) и автора текста и художественного персонажа (при построении текста в форме *Er-Erzählung*). Последовательное использование структурных элементов указанных типов в ходе текстового развертывания неизбежно ведет к асимметрии между линейностью художественного текста как последовательности предложений и его пространственностью как совокупности речевых актов, осуществляемых параллельно или последовательно различными субъектами текстовой коммуникации. Описанный процесс позволяет говорить об эмерджентности перформативного эффекта художественного текста и его несводимости к сумме воздействующих потенциалов коммуникативных плоскостей конституентов, что, в общем и целом, может объясняться антиномией между автономией и авторской детерминированностью смысла и функций художественного текста.

Список литературы

1. Милостивая, А. И. Социопрагматическая типология публицистического текста [Текст] / А. И. Милостивая. – Ставрополь: СФ МГОПУ им. М.

Шолохова, Ставропольсервисшкола, 2006. – 152с.

2. Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung [Text]. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. - 256 S.

С. И. Митина
Саранск, Россия

ТЕКСТ КАК СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ

Слово «текст» (от лат. *textum* – переплетение, ткань) впервые употребил Юстиниан и применил его к своду законов, созданному по его распоряжению. В XIV – XV в. данный термин начинает применяться для обозначения литературных произведений. Можно высказать ряд предположений, связанных с такой трансформацией. Во-первых, этому способствует идея формирования «авторства». Еще в античности становится важным, кто и как сказал о мире. Так как с идеей «разного искажения» истин связана и идея языкового и стилевого единства текста, исходя из которой, появляются зачатки грамматической и исторической критики. Ученые-экзегеты Средневековья породили правило: прочитай текст от начала до конца, таким образом, они заложили идею герменевтического круга, где целое понимается посредством частей, а часть посредством целого. По мере уточнения смысла части может проясниться и смысл целого, а его уточнение приведет к уточнению смысла этой и других частей, посредством чего совершается круговое движение от частей к целому и вновь к частям.

Во-вторых, формируется представление о языке не как о наборе независимых друг от друга имен, а как о целом. А. Данте оформляет данную мысль в тезис – «язык как выражение души народа». Рассуждая о необходимости писать на родном языке, Данте полагает, что народный язык в состоянии достичь совершенства. Будущее языков видится ему как букет, в котором много цветов. Каждый цветок по-своему выражает божественную гармонию.

В это же время происходит процесс формирования «сюжетной литературы» в европейской мысли, связанный с идеей замысла произведения. Представить себе этот процесс можно поставив в ряд произведения, которые разделяет век: агиография – «Декамерон» – «Дон Кихот». Если первое представляет собой сборник новелл, в котором логика перехода от одной к другой отсутствует, то в «Декамероне» появляется нить, на которую нанизаны 100 новелл. Новеллы «Дон Кихота» Сервантеса не только соединены единой тканью повествования, но и проясняются одна через другую, мы не можем истолковывать их обособленно.

В Новое время оформляется термин «языкознание». В рамках языкознания текст понимается как закреплённое в знаках мировоззрение, или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством операций прочтения. Текстами теперь называют любые знаково-символические системы, выраженные средствами естественного или искусственного языка, предназначенные для кодировки, сохранения и передачи информации (смысла текстов).

Такое понимание текстов ряд авторов в XX веке Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко назовут «статическим» и «избыточным». Понимание текста, пишет М. Фуко, «является статическим, т.к. всегда подразумевает существование равного самому себе текста; оно избыточно; т.к. текст представляется тем сокровищем, откуда всегда можно черпать всякий раз непредсказуемые богатства, которое всегда умеет говорить заранее и которое всегда донесет до слушателя, если тот умеет слышать, навеянные прошлым неоспоримые суждения» [Фуко 1977: 138].

Однако текст, издавна привлекающий внимание ученых, становится объектом специального интереса лишь в XIX–XX вв., когда начинает рассматриваться как структура. М. М. Бахтин, один из первых раскрывший основополагающий характер текста в гуманитарном мышлении отмечает: «Текст первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин 1979: 308]. Мышление человека, его дух и сознание, а также человеческая культура предстают перед исследователем в форме текстов, в языково-знаковом выражении. «...Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, то это уже не гуманитарные науки», – считает Бахтин [Бахтин 1979: 282]. Мы можем понять мысль другого человека лишь тогда, когда она выражается в актах его поведения, в материальных продуктах его трудовой деятельности и в самых разнообразных текстах, включая живую человеческую речь. Во всех случаях она приобретает статус смысла, который представляет собой «инобытие» мысли, вынесенной за пределы индивидуального сознания, ставшей фактом социальной жизни. Анализ текстов с целью изучения структуры и содержания мысли имеет целый ряд преимуществ по сравнению с другими способами ее исследования потому, что методика анализа текстов в настоящее время хорошо разработана. Тексты принадлежат к числу самых привычных феноменов человеческой жизнедеятельности, без которых вообще нельзя себе представить человеческое общество. Вероятно, поэтому возникает впечатление, что текст есть нечто само собой разумеющееся, вполне понятное и не порождающее никаких особых проблем. Между тем, более внимательный взгляд легко обнаруживает, что понятие

«текст» представляет собой очень сильную абстракцию, за которой скрывается большое разнообразие конкретных явлений, различия между которыми столь значительны, что неизбежно возникают сомнения в целесообразности отождествлять эти явления самим актом подведения их под одно понятие.

В решении проблем, связанных с текстовой деятельностью, заинтересованы, хотя и в разной степени, все гуманитарные науки, но, прежде всего, лингвистика, литературоведение, философия, культурология, искусствоведение, семиотика. Естественно, стремясь уяснить сущность и формальные признаки текста, каждая из этих наук исходит из своих специфических интересов и опирается на жанровые особенности тех типов и видов текста, с которыми она имеет дело. Поэтому определения текста, разрабатываемые, в лингвистике, семиотике и философии, необязательно должны быть одинаковыми. Как и многие научные абстракции, понятие текста исторически изменялось и расширяло свой объем, но поскольку в условиях сосуществования многочисленных конкурирующих теорий и концепций результирующее определение не выработано, соответствующий термин продолжает употребляться в различных значениях. В своем исходном значении, наиболее близком к обыденному употреблению, текст понимается как письменная фиксация звуковой речи, которой присущи смысл, значение, ценность. Смысл выступает единицей текстовой реальности. Текст бесконечен, и каждая реальность – система различий в смысле. Вопрос о том, что представляет собой текст как целостный объект изучения с позиций гуманитарных дисциплин, является до сих пор открытым, так как в самой теории текста, несмотря на существующее к настоящему моменту множество определений, разных по форме и содержанию, нет еще единой точки зрения по самому объекту исследования. Поскольку текст является некой совокупностью разноплановых и разноуровневых иерархий (а не только какой-то одной, например логико-смысловой иерархии), то его многоаспектное понятие еще не до конца раскрыто и познано. В результате того, что перенесение какого-либо аналитического инструмента на другой предмет неминуемо приводит к его функционально-смысловому сдвигу, то становится совершенно очевидным, что при анализе текста различные области знания идут по своим направлениям, употребляя термин «текст» в нетождественных значениях.

Принадлежащий гуманитарной сфере текст апеллирует к его восприятию теми или иными отдельными личностями и/или социальными группами, являясь носителем устойчивых и стабильных, внеситуативно значимых сведений, идей, умонастроений, смыслов. Наиболее актуальные и современные тексты функционируют в мире коммуникаций, в чем и заключается их миссия в культуре.

Культура обладает способностью вырабатывать и хранить социальную информацию, которая содержится во множестве культурных текстов. Текст существует в определенной культуре и в какой-то мере принадлежит ей, являясь ее необходимым компонентом. Так как культура существует в значительной степени в виде ее знакового, языкового воплощения и, следовательно, в ней одновременно содержится цельная и постоянно развивающаяся парадигма смыслов и способов их передачи, то текстом как культурным феноменом может быть в этой связи определенная субстанция знаковой природы. Поэтому рассмотрение текста, безусловно, предполагает общепонятную (то есть условно принятую) в пределах данной культуры знаковую систему – язык, обязательно стоящий за текстом либо в традиционном филологическом понимании (как естественный язык), либо же в любом другом понимании (как любой из языков культуры), в противном случае это уже не текст, а искусственное или естественно-натуральное (не знаковое), хотя, возможно, и культурное явление, несущее для исследователя безлично-вещную информацию.

Характерной особенностью языков культуры является то, что они предназначены для создания уникальных текстов, открытых для их широкого и свободного осмысления. Поэтому одним из важнейших моментов функционирования языков культуры, и, соответственно, культурных текстов, является процесс понимания. Понимание текста как зафиксированного в языке мировоззрения предполагает расшифровку текста, т.е. идею, что ключ к тексту – не в нем самом, а «за ним». Понимание текста как мировоззрения распространяется на всю культуру. Не только речь или письменные источники, но и произведения искусства, и другие творения человеческого духа начинают пониматься как видение мира человеком, как «сетка», наброшенная на мир – т.е. как определенная знаковая система, несущая информацию, которую можно понять через особенности «конструирования» мира человеком.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 422с.
2. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1977. – 396с.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

В научной литературе нет однозначного понимания коммуникативной тональности.

Тональность трактуется как субъективная модальность, отражающая отношение говорящего к тексту, реципиенту и самому себе [Багдасарян 2000: 16-17], психологическая окраска речи [Тарасов 1974], выражение эмоционального настроения в тексте [Хабибрахманова 2004: 181]. В.И. Карасик отмечает двоякое понимание данного явления: эмоциональное отношение к действительности, с одной стороны, и оформление речи в определенном стилевом регистре, с другой [Карасик 2007: 384]. Мы понимаем коммуникативную тональность как установку общения, характеризующую личностные отношения между коммуникантами.

Разновидностями тональности являются коммуникативные ключи, позволяющие проинтерпретировать ситуацию общения. Вслед за В.И. Карасиком (2007) мы выделяем ряд таких ключей: информативный (непосредственный обмен информацией, желание получить ответ, на конкретный вопрос), фатический (вежливый обмен стандартными фразами, соблюдение этикета, не подразумевает реального ответа на подаваемые реплики), шутливый (обращение ситуации в шутку, от доброго подшучивания до иронии и сатиры), фасцинативный (восхищение собеседником, восприятие всего, что звучит, как некоего идеала), идеологический (позиционирование, деление всего на своих и чужих), гипотетический (абстрагированное общение, поиск истины), торжественный (ритуально-возвышенное общение), агрессивный (резко отрицательный настрой, подавление партнера) и т.д. Тональность восприятия и понимания текста обеспечивает единство интерпретации. Коммуникативная тональность в том или ином ключе проявляется как в лично-ориентированном (бытовой и бытийный), так и в статусно-ориентированном дискурсе [Карасик 2004: 274]. Следует отметить, что каждый тип дискурса имеет некоторые особенности тональностей.

В данной работе рассматривается идеологическая тональность. Идеология, согласно «Толковому словарю русского языка» С.И.Ожегова, есть “система взглядов и идей, характеризующих определенную группу, класс общества”. Идеология является константой социальной жизни. Существует некая система взглядов, которой придерживается индивид, и все, что идет вразрез с его миром, воспринимается сугубо критически и отрицательно. Мир условно делится на два лагеря, на черное и белое, на единственное верное и «неправильное».

Идеологическая тональность в общении проявляется как четкое позиционирование коммуникантов на своих и чужих. Такое позиционирование предполагает полярность оценки (свои безусловно позитивны, чужие всегда негативны), упрощенную трактовку любой ситуации, маркированное эмоциональное выражение своей точки зрения, тенденциозное заранее заданное объяснение всех фактов, поиск скрытых врагов или скрытых враждебных намерений, высокую конфликтность общения.

Прототипным видом идеологической тональности является политическая полемика. Как известно, выделяется множество жанров политического дискурса: политические дебаты, инаугурационные речи, послания президента, предвыборные выступления, лозунги, памфлеты, листовки, политические программы, политические интервью и др.

В современном мире политический дискурс часто выражен как массово-информационный дискурс на темы политики.

Идеологическая тональность в массово-информационном дискурсе находит несколько типовых способов выражения:

1. Политическое обозрение или развернутый комментарий политического характера. Например: («Президентская кампания в России в любом случае станет поводом для дальнейшего ухудшения отношений между Москвой и Западом. Особенно с учетом того, что правительство США официально заявило о приоритетности проведения в 2008 году «свободных и справедливых выборов» и объявило о кратном увеличении финансирования в Российской Федерации «институтов гражданского общества». 14.01.08, www.rian.ru).
2. Политическое интервью: («Если в ближайшие два-три года президент не сделает то, что он мы считаем нужным сделать, мы займем жесткую линию». Интервью Жириновского В.В., 12.02.08, www.gazeta.ru).
3. Политический фельетон: («То ли британские газетчики зачем-то хотели сравнить генконсула с пророком Ионой, то ли в рамках Большой Игры они победоносно подчеркивали, что русский агент наконец-то проглочен британским Левиафаном». М.Соколов, 24.01.08, Известия).
4. Политическое телевизионное шоу: («Не надо нас отделять ни от кого. Не надо нас защищать. Сами защитимся! За деньги нам не нужны друзья». «К барьеру», Жириновский vs Митрофанов, НТВ).

Таким образом, тональность рассматривается как характеристика установки в общении. Система тональностей вариативна, изучение тональностей дискурса дает

возможность для получения более полной модели общения. Идеологическая тональность ярко представлена в политическом дискурсе.

Список литературы

1. Вербицкая, М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / М. В. Вербицкая. - М., 2000. – 47с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 519с.
4. Хабибрахманова, Ю. Р. Категория тональности в жанре очерка [Текст] / Ю. Р. Хабибрахманова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.14. Екатеринбург: Ур ГПУ, 2004. – С.179-185.
5. Тарасов, Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. – С.255-273.

И. А. Наумова
Челябинск, Россия

ТРАНСПОРТНАЯ МЕТАФОРА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Процессы метафоризации современного политического дискурса находятся под пристальным вниманием отечественных и зарубежных лингвистов (Н. Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и др.).

В традиционной лингвистике метафора считается украшением речи. Когнитивная лингвистика рассматривает метафору совершенно под другим углом.

Предположение американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафора не является средством образной, поэтической речи получило мощную поддержку и широкое распространение в работах других авторитетных лингвистов-когнитологов (А.Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. В. Петров, Л. Талми, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. П. Чудинов и др.). Метафора от природы присуща человеческому познанию и сознанию, и само человеческое мышление метафорично по своей сути [Lakoff, Johnson 1980: 6].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафоры являются концептуальными, так как они существуют одновременно в двух сферах.

З. Кёвечеш дает метафоре следующее определение: «С точки зрения когнитивной лингвистики метафора определяется как понимание одной концептуальной сферы в терминах другой концептуальной сферы» [Kövecses 2002: 4].

В когнитивной лингвистике эти две сферы получили названия: “source domain” («сфера-источник») и “target domain” («сфера-мишень») [Lakoff, Johnson 1980, Lakoff 1990].

В настоящем исследовании мы определяем транспортную метафору как понимание конечной концептуальной сферы «Политика» в терминах исходной концептуальной сферы «Транспорт».

Метафорическая модель «Общество- это транспортное средство» относится к числу моделей, которые наглядно демонстрирует протекание политических процессов в современном обществе и событий и их воздействие на образы политического языка.

Итак, рассмотрим метафорическую модель «Общество- это транспортное средство» в российском политическом дискурсе.

Фрейм 1. «Виды транспорта»

Данный фрейм представлен слотами: «Автомобильный транспорт», «Общественный городской транспорт», «Железнодорожный транспорт», «Воздушный транспорт», «Водный транспорт».

Слот 1.1. «Автомобильный транспорт»

Состояние отечественной экономики образно представлено номинациями непрестижных отечественных марок легковых автомобилей. Рыночная экономика представлена названиями шикарных, надежных, мощных западных марок автомобилей. Подобное использование транспортной метафоры наглядно показывает несопоставимость рыночной экономики и нашего государства. Ср.:

Когда ваши министры и советники говорят “мы въехали в рынок” — они даже не понимают, какой яркий образ возникает. Рынок — это “Хаммер”, “Лексус”, “Порш”. Попробуйте въехать в них на “Жигуле” или “Запорожце” — что от вас останется? [А. Минкин, МК, 04. 04. 2005].

Слот 1.2. «Общественный городской транспорт»

Эффективная работа политической организации метафорически представлена в виде перемещения по заданному маршруту в автобусе. Лексема *автобус* в данном примере реализует прагматические смыслы доступности, единства и демократичности. Ср.:

Мы демократическая партия и каждый человек - уникал, пока не принимается решение, которое надо претворять. А то получится автобус: один говорит вправо, другой влево, но раз шофер сел за руль, должен довести машину до остановки. [К. Латухина, НГ, 04. 06. 2004].

В следующем примере метафоризирована лексема *трамвай*. Ассоциация с передвижением на данном виде городского транспорта подчеркивает планомерность и последовательность исторического и политического развития страны. Ср.:

Каждое поколение встречается с таким обществом, каким оно сложилось, со всеми его достоинствами и пороками. Из истории не выпрыгнешь, как из трамвая, она требует учета, она требует знания.

[Э. Панин, НГ, 30.08.2005].

Слот 1.3. «Железнодорожный транспорт»

К данному слоту принадлежит ряд концептуальных метафор с номинацией «поезд» с его стилистико-экспрессивными синонимами. Сферы деятельности представлены как устройство, обладающие огромной мощностью и способностью вытащить Россию из кризиса. Ср.:

Большинство россиян считают крупный бизнес локомотивом социального развития. Именно крупные компании становятся сегодня локомотивом социального развития регионов [А. Белова, ЮП, №139].

Лидеры предвыборной борьбы очень часто сравниваются с первым звеном железнодорожного состава, за которым идут менее успешные участники. В основе метафоризации словосочетания президентский паровоз лежит функциональное сходство паровоза и главы государства. Ср.:

Получить хороший результат на выборах, в которых участвует Путин, можно лишь уцепившись за его популярность, прицепив свой вагон к президентскому паровозу. Не формально, получив на это одобрение Кремля, а содержательно [А. Рискин, Р Г, 15.01.2004].

Элитарность политических организаций метафоризируется при помощи словосочетания фирменный поезд. Причем принадлежность к такому роду организаций не гарантирует политической неприкосновенности, что выражается в метафорическом использовании семы «отмена» (поезда). Номинативно-оценочная функция этого метафорического словосочетания проявляется в переносе прямого значения словосочетания фирменный поезд на политическую партию, причем явно прослеживается иронический подтекст данного метафорического словосочетания. Ср.:

На железной дороге и не такие штуки случаются. Уж на что фирменный был поезд «Наш дом — Россия»! Так его все равно взяли и отменили... [А. Рискин, Р Г, 15.01.2004].

Слот 1. 4. «Воздушный транспорт»

Внешняя политика государства может быть представлена в виде воздушного транспортного средства, курс которого меняется в зависимости от политического «климата» в мире. Ср.:

«Разворачивать самолет» допустимо тогда, когда другая сторона принимает решения, противоречащие нашим национальным интересам [Е. Примаков, АиФ, № 51, 2005].

Слот 1. 5. «Водный транспорт»

Сверхдержава, которая способна активно навязывать свои политические идеи и стандарты, представлена СМИ мощным ледоколом, способным протаранить любые препятствия, Ср.:

Америка - это ледокол капиталистической глобализации. Но поэтому, как ни странно, она оказывается наименее глобализованной страной [Г. Дерлугьян, Время новостей, 7.09.2004].

Динамический характер политических событий заложен в семe «движение», которая присутствует в значении лексических единиц, обозначающих транспортное средство.

Фрейм 2. «Место расположения транспортных средств»

Слот 2.1. Место расположения железнодорожного транспорта.

Метафорическое словосочетание *паровозное депо* выделено кавычками, что подчеркивает его переносный характер и придает мысли большую выразительность. В основе метафоризации данного словосочетания лежит функциональное сходство с помещением для размещения транспортных средств. Ср.:

Миронов также пообещал, что в ближайшем будущем в рядах его партии появятся известные спортсмены, актеры и политические деятели. Например, одним из главных пополнением в партийном "паровозном депо", возможно, будут непобежденный пока на ринге боксер Николай Валуев и актер Александр Балуев [Век, 24.01.2007].

Отрицательный результат деятельности политиков может быть метафорически описан в терминах препятствия, безысходности. Интересно употребление метафоры *тупик* в сочетании с прилагательным *очередной*. Совершенно эксплицитно видна авторская интенция: продемонстрировать, что в работе политиков имел место целый ряд неудач. Именно такое сочетание помогает передать всю значимость высказывания. Ср.:

Итоги очередных переговоров с Всемирной торговой организацией, которые, похоже, зашли в очередной тупик [А. Самарина, РГ, 14.03.2003].

Прагматический потенциал следующего метафорического словосочетания можно сформулировать следующим образом: в политической партии существует некий ресурс, который может использоваться отсрочено. Введение в контекст прецедентного явления создает комический эффект. Ср.:

Семигинцы переведены на запасной путь, подобно легендарному бронепоезду. Который еще выйдет из депо и покажет "кузькину мать" любой оппозиции [А. Самарина, НГ, 4.08.2004].

Слот 2. 2. «Место расположения воздушного транспорта»

Отсутствие доверия к государству со стороны организаций, обладающих реальной финансовой силой, ведет к подрыву экономического благосостояния страны. В употреблении автором метафорического словосочетания *запасные аэродромы* усматривается намерение несколько оправдать подобные действия. При помощи этого метафорического словосочетания происходит актуализация понятий «стабильность», «безопасность», «тыл», и, в результате, желание бизнесменов сохранить свои капиталы представлено совершенно естественным. Ср.:

Бизнес создает «запасные аэродромы». Бизнесмены не могут вывезти тот же завод за границу, но доходы, полученные от него, запросто [А. Овчинников, КП, №91, 2005].

Итак, метафорическая модель «Общество- это транспортное средство»- одна из продуктивных в российском политическом дискурсе. В ее состав входят фреймы «Виды транспорта», «Место расположения транспортных средств». Несмотря на небольшое количество фреймов, детальное деление на слоты указывает на высокую продуктивность и вариативность данной метафорической модели.

Номинации транспортных средств в переносном значении используются для экспликации различных прагматических смыслов: лексемы *трамвай, автобус* подразумевают доступность, единство и демократичность; *фирменный поезд* – принадлежность к элитарным кругам; *локомотив, ледокол, самолет* – движение государства по определенному курсу.

Номинации транспортной инфраструктуры в переносном значении *запасные аэродромы, запасной путь, паровозное депо* выполняют функцию сглаживания наиболее спорных политических и экономических проблем.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Н. Баранов // Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М., 1991.
2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В. Г. Костомаров. – СПб., 1999.
3. Kövecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction [Text] / Z. Kövecses. - London: Oxford University Press, 2002.
4. Lakoff G., M. Johnson. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Я.А. Нестерова
Тула, Россия

ZUR PROBLEMATIK POLITISCHER SPRACHE

Die Rede eines Politikers wird nicht von allen Rezipienten gleich interpretiert. Da sich politische Kommunikation im Allgemeinen und die Form der politischen Rede im Besonderen primär in sprachlicher Form konstituiert, beschäftigt sich, neben anderen Wissenschaften wie der Soziologie oder der Politologie, auch die Sprachwissenschaft mit diesem komplexen Bereich: Ein Zweig der angewandten Linguistik, die sogenannte Politolinguistik, beschäftigt sich mit der Analyse, Kategorisierung, Typisierung, Dokumentation und Kritik der Sprache der Politik. Im Rahmen dieser empirischen Forschungsrichtung möchte ich mich mit der Problematik politischer Sprache auseinandersetzen. Ich werde einige theoretische Aspekte der politischen Sprache untersuchen und dabei Fragen nach den Funktionen der politischen Sprache, nach ihrem Verhältnis zum politischen System und nach dem Ziel und Nutzen sprachwissenschaftlicher Beschäftigung mit politischen Texten zu klären versuchen.

Auch in der wissenschaftlichen Beschäftigung mit Sprache, die in politischen Zusammenhängen gebraucht wird, gibt es keine einheitliche Terminologie. Allgemein bezeichnet der Begriff «politische Sprache» einen Oberbegriff für «alle Arten öffentlichen, institutionellen und privaten Sprechens über politische Fragen, alle politiktypischen Textsorten sowie jede für das Sprechen über politische Zusammenhänge charakteristische Weise der

Verwendung lexikalischer und stilistischer Sprachmittel» [Burkhardt 1996: 79]. Dieser sehr weitgefaste Begriff von politischer Sprache umfasst sowohl das Sprechen über Politik, sei es im privaten, sei es im öffentlichen Bereich der Medien, als auch die Binnen- und Aussenkommunikation der Politiker. Die Beschäftigung mit politischer Sprache lässt sich definieren als angewandter, kritischer Teilbereich eines Grenzgebietes zwischen Linguistik und Politologie, welcher als «Politolinguistik» bezeichnet wird [Burkhardt 1996: 75]. Darin kann noch einmal präzisierend zwischen «politischer Sprache» und «politischem Sprechen» unterschieden werden: Während politische Sprache «Zeicheninventare und textsortenspezifische Verwendungsweisen» [Burkhardt 1996: 80] umfasst, bezeichnet politisches Sprechen den konkreten Sprachgebrauch in der politischen Kommunikation.

Es existieren in der menschlichen Kommunikation unausgesprochene Regeln, die Ausdruck einer «kommunikativen Ethik» sind. Sechs davon bilden die «Fundamentalgebote gut funktionierender Kommunikation überhaupt» [Klein 1995: 8]:

- (1) Rede wahrhaftig!
- (2) Rede fundiert!
- (3) Rede zum Wesentlichen!
- (4) Rede informativ!
- (5) Rede klar und verständlich!
- (6) Rede fair!

Die tatsächlichen Merkmale politischer Sprache stehen diesen Regeln oftmals diametral gegenüber, und ihre Nichtbeachtung erregt den Unwillen der Zuhörer. Nun ist in der Demokratie Sprache dasjenige Mittel, mit dessen Hilfe Entscheidungen herbei geführt und gerechtfertigt werden, und Diskussionen machen den größten Teil des politischen Geschehens aus. Daher verursacht eine Verärgerung über die politische Sprache Politikverdrossenheit, denn eine «unethische» Sprache muss als Vorstufe und Spiegel «unethischen Handelns» erscheinen. Stein des Anstoßes ist die sogenannte «Meinungssprache», die auch als «Politikersprache» bezeichnet wird. Sie ist «unidirektional über die Medien an die Bürger» gerichtet und somit auf «Außenwirkung» berechnet [Burkhardt 1996: 80]. Neben ihr existiert die sogenannte «Funktionssprache» oder institutsinterne «Sprache in der Politik», die in der Verwaltung eingesetzt wird. Beide Arten der Sprache sind sehr abstrakt, doch während die Funktionssprache rational und somit emotionslos ist, ist die Meinungssprache irrational und emotional. Emotionalität ist das entscheidende Hilfsmittel politischer Sprache, denn sie besitzt die größte Überzeugungskraft. Mit Hilfe der Meinungssprache lässt sich vor allem der große Anteil jener Wähler erreichen, dessen Interesse an politischen Themen und dessen Verständnis politischer Zusammenhänge gering ist und der daher seine Stimme einem Politiker oder einer

Partei aus Sympathie gibt. Aber auch engagiertere Wähler werden durch sprachlich erzeugte Sympathien und Antipathien (bewusst oder unbewusst) beeinflusst.

Die Frage nach den Funktionen politischer Sprache wurde und wird von den Politolinguisten verschieden beantwortet. Während bei Dieckmann die Funktion des öffentlich-politischen Sprechens explizit darin besteht, «beim Adressaten, den Bürgern oder Teilgruppen der Bürger, Zustimmung für politische Ziele, Programme, Massnahmen zu erlangen [...]» [Dieckmann 1981: 138], misst Klein der Persuasion weniger Gewicht bei und nennt als erste Funktion der politischen Kommunikation, den Politikern und deren Parteien zu politischem Erfolg zu verhelfen [vgl. Klein 1995: 92]. Bei Dieckmann lautet die Maximenformel für politisches Sprechen: *Spreche so, dass du deine Zuhörer überzeugst!*, bei Klein jedoch: *Spreche so, dass du politisch erfolgreich bist und setze «soviel Persuasivität, wie unter den gegebenen Umständen politisch zweckmässig»* [Klein 1995: 93] ist. Demzufolge lautet das oberste Ziel politischer Kommunikation bei Dieckmann «Persuasion», bei Klein «politischer Erfolg». Für Klein ist die Persuasion nur eines von mehreren Mitteln zur Erreichung dieses Ziels. Klein argumentiert, dass der im Gefolge der neuen Medien wesentlich veränderte öffentlich-politische Sprachgebrauch zwangsläufig auch andere Ziele verfolgt und nach anderen Kriterien verfährt, als die antike Redekunst und deren Nachfolgetheorien. Obwohl in der heutigen Zeit das oberste Ziel aller Politiker politischer Erfolg ist und die Sprache die Funktion hat, bei der Erreichung dieses Ziels mitzuhelfen, möchte ich doch darauf hinweisen, dass die Persuasion nach wie vor die dominierende Funktion der politischen Sprache darstellt. Denn letztendlich bedeutet politischer Erfolg nichts anderes als langfristig wirksame Persuasion, sei es für konkrete Ziele, sei es für einzelne Kandidaten oder für Parteiprogramme. Funktionen wie «informieren» oder «integrieren» sehe ich als Mittel zur Erreichung der Persuasion an.

Insgesamt lässt sich also sagen, dass die gesellschaftlich-politische Wirklichkeit und die politische Sprache sich gegenseitig bedingen und beeinflussen. Ich vertrete den Standpunkt, dass die Sprache nicht nur irgendein Werkzeug der Politik ist, sondern diese erst ermöglicht, da die Politik «durch Sprache entworfen, vorbereitet, ausgelöst, von Sprache begleitet, beeinflusst, gesteuert, geregelt, durch Sprache beschrieben, erläutert, motiviert, gerechtfertigt, verantwortet, kontrolliert, kritisiert, be – und verurteilt» [Grünert 1983: 43] wird. Die politische Sprache ist für den Bürger oft undurchschaubar, zweideutig oder schlicht unverständlich ist. Inhalts- und Funktionsanalyse der Politikerrede dient zur Verbesserung der Kommunikation zwischen Staatsbürger und Politiker. Genau darin sehe ich die Hauptaufgabe linguistischer Beschäftigung mit politischer Kommunikation. Indem wir Techniken, Prozesse und Strategien des politischen Sprachgebrauchs offenlegen, ermöglichen wir eine objektivere Beurteilung politischer Texte und helfen den Bürgern, eigene Entscheidungen in politischen

Belangen zu treffen. Das Dekodieren von politischen Äusserungen fällt vielen schwer. Den Zweck einer Analyse der Politikerreden sehe ich darin, den Sinn für die sprachliche Komplexität solcher Reden zu schärfen. Ausgehend von der Frage nach den Funktionen politischer Sprache und ihrem Verhältnis zum politischen System habe ich zu zeigen versucht, dass die Sprache ein wesentlicher Bestandteil der Politik, ja sogar eine ihrer Grundbedingungen ist und dass Politik und politische Sprache sich gegenseitig stark beeinflussen. Da die Sprache das wichtigste Mittel der Persuasion im politischen Handeln darstellt, muss jeder Politiker ein Mindestmass an rhetorischen Fähigkeiten aufweisen, um politisch erfolgreich zu sein. Aber nicht nur der Politiker muss diese rhetorischen Techniken und Strategien beherrschen, auch sein Publikum muss diese zu dekodieren verstehen, da es sonst keine Möglichkeit hat, an der Gestaltung der politischen Wirklichkeit mitzuwirken. Ich schliesse mich deshalb einem eher didaktischen Ansatz der Politolinguistik an und sehe die Aufgabe einer linguistischen Analyse darin, den Rezipienten die Hilfsmittel zur Verfügung zu stellen, eine Politikerrede, eine politische Diskussion oder eine politische Mitteilung dekodieren zu können, um ihnen die Bildung einer eigenen Meinung zu ermöglichen.

Список литературы

1. Burkhardt, A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung [Text] / A. Burkhardt // In: Klein, Josef / Diekmannshenke, Hajo (Hg.). Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. – Berlin/New York, 1996. – S. 75-100.
2. Dieckmann, W. Politische Sprache, politische Kommunikation; Vorträge, Aufsätze, Entwürfe [Text] / W. Dieckmann. – Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1981. – 202s.
3. Grünert, H. Politische Geschichte und Sprachgeschichte. Überlegungen zum Zusammenhang von Politik und Sprachgebrauch in Geschichte und Gegenwart [Text] / H. Grünert // SuL. – 1983. – Nr. 52. – S. 43-58.
4. Klein, J. Politische Rhetorik. Eine Theorieskizze in Rhetorik-kritischer Absicht mit Analysen zu Reden von Goebbels, Herzog und Kohl [Text] / J. Klein // SuL. – Nr. 75 / 76. – 1995. – S. 62-99.

Е.В. Ньюнэйбер
Челябинск, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Поскольку человек живет не только в материальном мире, но и в мире смыслов, он постоянно развивается и в соответствии со своими потребностями познает, оценивает и управляет происходящими вокруг него процессами. Ценности как важная часть любой культуры и один из основных видов смыслов помогают людям удовлетворять какие-либо свои потребности, исходя из поля выбора, которое предоставляет ему данная

культура [Кармин 2001: 20]. Будучи важнейшими ориентирами поведения, ценности определяют отношения человека с окружающим миром и с самим собой.

В любом национальном дискурсе система ценностей определяется исторически, учитывая социокультурные, территориальные, геополитические факторы развития нации. Помимо исторических факторов М. Лустиг также указывает на адаптацию того или иного лингвокультурного сообщества к окружающей среде [Lustig 1988: 56-57]. В качестве иллюстрации можно привести пример развития ценностной системы у жителей Ирландии и Индии в конце 19 века. Так, население Ирландии значительно превышало продовольственные ресурсы, которыми страна обладала в то время, в связи с чем возникла острая необходимость регулировать рождаемость. Учитывая тот факт, что большинство ирландцев исповедовали католицизм и считали использование противозачаточных средств неприемлемым в рамках своей веры, заключение брака стало возможным, когда женщина достигала тридцатилетнего возраста. В отличие от ирландцев продолжительность жизни индийцев не превышала двадцати восьми лет. Вследствие этого индийские женщины должны были выходить замуж в возрасте двенадцати-тринадцати лет, чтобы повысить шансы выживания населения Индии в суровых экономических условиях. Таким образом, исторические факторы вкупе с адаптацией к окружающей среде оказали значительное влияние на становление некоторых ценностных доминант в общей системе ценностей двух лингвокультурных сообществ.

Система ценностей в целом и каждый ее элемент в отдельности являются неотъемлемой частью национального менталитета. Так, доминирующими ценностями в американском национальном дискурсе считаются *свобода* (freedom), *индивидуализм* (individualism), *практицизм* (idealizing what is practical), *волюнтаризм/добровольное начало* (volunteerism), *психология богатства и достатка* (psychology of abundance), *мобильность* (mobility), *патриотизм* (patriotism), *прогресс* (progress), *американская мечта* (American Dream). Некоторые исследователи также выделяют *уважение к собственности*, *равенство*, *неофициальность*, *положительный взгляд на человеческую природу*, *уважение к достижениям других*, *прямоту и настойчивость*. Список данных ценностей может быть модифицирован, однако в таком виде они суммируют принципы, согласно которым функционирует американское общество, и их приоритетные позиции в национальном дискурсе.

По верному замечанию Н.В. Уфимцевой, язык как феномен культуры фиксирует и отражает систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном лингвокультурном пространстве, но может и фиксировать и вечные для данной

культуры ценности [Уфимцева 1998: 158]. Например, для американцев патриотизм как одна из непреходящих ценностей в первую очередь выражается в канонических песнях, посвященных своей стране, в политических текстах (Конституции, Декларации о независимости), фиксирующих основные демократические принципы, на которых строится американское общество. Патриотические тексты США ярче, чем другие тексты национального дискурса, отражают отличия от ценностных представлений других наций.

В немецком национальном дискурсе среди доминирующих ценностей А. Вежбицкая выделяет социальную дисциплину и порядок, основанный на законной власти (Вежбицкая, 1999). К типичным характеристикам немецкого менталитета относят любовь к порядку и чистоте. Утверждение *Ordnung muss sein* (Порядок должен быть) свидетельствует о том, что порядок выражается в точности, пунктуальности, аккуратности, уважении к приказу, иерархичности, основательности, целеустремленности, рационализме. Немецкая точность является ценностной доминантой в рекламных текстах, например, в рекламе аудио- и видеоаппаратуры: *German precision in sound and vision*.

По мнению В.И. Карасика, ценности в значительной мере также определяются идеологией, общественными институтами. В немецком национальном дискурсе жесткая регламентация поведения людей выражается в роли запретов, например, *Zutritt verboten!*, *Betteln und hausieren verboten!* («Проход запрещен!», « Попрошайничать и торговать в разнос запрещено!»). То, что в английском языке относится к понятию «правила», в немецком может интерпретироваться как «запреты» [Карасик 2002: 168].

Изучение ценностных доминант в любом национальном дискурсе невозможно без описания таких ключевых понятий лингвокультурологии, как «национальный менталитет», «национальная картина мира», «национальный характер», и представляется актуальным в рамках современной теории языка.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166-205.
2. Кармин, А. С. Культурология [Текст] / А. С. Кармин. – СПб: Лань, 2001. – 832с.
3. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., Институт языкознания РАН, 1998. – С. 135-170.
4. Lustig, M. W. Value Differences in Intercultural Communication [Text] / M. W. Lustig // Intercultural Communication: a reader / Edited by Larry A. Samovar, Richard E. Porter - 5th ed., Wadsworth Publishing Company, USA, 1988. – P. 55-61.

ТЕОРИЯ ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Основоположник современной западной школы дискурсного анализа М. Фуко является создателем теории, получившей название «археология знания», в рамках которой дискурс понимается как «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [цит. по Чернявская 2001: 11]. Теория дискурса М. Фуко – это теория исторической реконструкции условий возможности знаний и теорий вообще. Для французского исследователя одним из главных является вопрос различения наиболее значительных типов дискурса, форм и жанров, которые противопоставляют друг другу наука, религия, история, философия, литература и так далее. «Язык конституирует систему для всех возможных высказываний – конечную совокупность правил, которая подчиняет бесконечную множественность представлений» [Фуко 1996: 28]. Реконструировать историю мысли возможно, только исходя из определенных совокупностей дискурса посредством определения его взаимосвязей с другими дискурсами. Дискурсивность как таковая, будучи погруженной в контекст интердискурса, обретает то, что М. Фуко называет «порядком дискурса», то есть свою конкретно-историческую форму. Внешними механизмами социо-культурной регуляции дискурсивных практик выступают процедуры исключения, «разделения и отбрасывания», а также «оппозиция истинного и ложного». К внутренним (имманентным) механизмам «введения со стороны культуры определенной рамки разворачивания процессуальности дискурса относятся процедуры, которые действуют скорее в качестве принципов классификации, упорядочивания, распределения, как если бы речь шла о том, чтобы обуздать другое измерение дискурса: его событийность и случайность» [цит. по Постмодернизм. Энциклопедия 2001: 593].

Опираясь на идеи М. Фуко, представители французской школы анализа дискурса вводят понятие интердискурса для обозначения:

1. в широком смысле слова – «внешних по отношению к дискурсивной практике вневербальных процессов, которые, выступая в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов, обуславливают семантико-гештальтные характеристики»;

2. в узком смысле слова – «дискурсивно-лингвистических феноменов, выступающих по отношению к выделенной дискурсивной целостности

(последовательности) в качестве внешнего» [цит. по Постмодернизм. Энциклопедия 2001: 330].

Понятие интердискурса активно разрабатывалось школой «автоматического анализа дискурса» французского философа и лингвиста М. Пеше, сформировавшейся на рубеже шестидесятых-семидесятых годов XX века. Среди своих предшественников представители данного направления называют Ф. де Соссюра и Э. Бенвениста, Л. Альтюссера с его вариантом марксизма, сплавленного с психоанализом Ж. Лакана, М. Фуко, определившего в «Археологии знания» дискурс как социальный механизм порождения речи, М. Бахтина и его теорию диалогизма. Важнейшим положением теории анализа дискурса является концепция бессознательного в дискурсе, которая воплотилась в таких теоретических дефинициях, как «интердискурс» и «преконструкт». По мнению представителей данной школы, в любом дискурсе присутствуют следы предшествующих и окружающих его дискурсов, так что субъект дискурса не только не является его «хозяином» и источником смысла, но сам оказывается формируемым дискурсом и при этом расщепленным в пространстве сложных отношений языка и интердискурса.

Под интердискурсом понимается специфическое окружение дискурсивного процесса, то есть это те факторы, которые извне обуславливают форму и содержание дискурса. Реальность интердискурса состоит в том, что он всегда представляет существующее «до, вне и независимо» от конкретного высказывания. Поэтому интердискурс, по словам П. Серио, «не является ни банальным обозначением дискурсов, которые существовали раньше, ни общей для всех дискурсов идеей» [Серио 1999: 45]. Это лингвосоциокультурное пространство дискурсивного характера, в котором порождается и формируется определенный тип дискурса. В терминах П. Анри и М. Пеше, это то пространство, в котором разворачиваются дискурсивные формации (под формацией понимается «тип, строение» дискурса в соответствии с определенными культурно-историческими условиями).

В качестве интердискурса по отношению к конкретной дискурсивной последовательности могут выступать как те дискурсивные среды, интериоризация которых фактически репрезентирует собою процедуру конституирования данной последовательности, так и то, что по отношению к этой последовательности выступает в качестве «дискурса опровержения» (термин П. Серио). Парадоксальность отношения между дискурсом и интердискурсом заключается в том, что аксиологически артикулированный дискурс, каковым он практически всегда неизбежно является, фактически оказывается «неспособным обойтись без Другого, чему в то же время

невозможно дать имени (отсюда неразрешимая дилемма: высказать невыразимое, говорить о том, что в дискурсе не может иметь референции, или позволить этому Другому занять место в собственной речи, хотя любое эксплицитное референциальное существование этого другого отрицается)» [Серио 1999: 30]. В данном своем значении понятие интердискурса выступает функционально-семантически парным понятию «интрадискурс».

Интрадискурс – «понятие, предложенное в контексте современных аналитик дискурса, в содержании которого фиксируется феномен конституирования семантически значимой дискурсивной целостности посредством интериоризации и имманентизации исходно внешних по отношению к ней дискурсивных элементов» [цит. по Постмодернизм. Энциклопедия 2001: 336]. Другими словами, некий предшествующий дискурс или его фрагмент, включенный в состав более поздней дискурсии, трактуется как интрадискурс. М. Пеше, вводя это понятие в свои «Прописные истины», пишет, что интрадискурс – это «функционирование дискурса по отношению к нему самому (то, что я говорю теперь, по отношению к тому, что я говорил раньше, и к тому, что я скажу позже), то есть совокупность явлений «корелации», которые обеспечивают то, что можно назвать «нитью дискурса» [Пеше 1999: 271]. В терминах Н.Ф. Алефиренко, интрадискурс выступает «незримым генератором, рождающим и направляющим конфигурацию смыслов знака по ранее существовавшим артериям дискурсивного сознания» [Алефиренко 2002: 119].

Источником порождения глубинных смысловых конфигураций дискурса в рамках интрадискурса служит, по мнению М. Пеше, прекопект – «смысловой «ген», сохранившийся в недрах предшествующих дискурсов» [цит. по Алефиренко 2002: 120]. Прекопект – понятие, введенное французской школой анализа дискурса для фиксации феномена дискретного акта представленности того или иного дискурса (дискурсивного ряда) в другом дискурсе (дискурсивном ряду). Термин прекопект, разъясняет П. Серио, входит в синонимический ряд полуфабрикат, предварительная заготовка, деталь-заготовка и т.п. Прекопект – это сфокусированные знания, это следы предшествующих дискурсов, элементы которых служат предварительными заготовками для дискурсивной формации. По определению П. Серио, под прекопектом понимается «простое высказывание, либо взятое из предыдущих дискурсов, либо представленное таковыми» [цит. по Постмодернизм. Энциклопедия 2001: 627]. Другими словами, прекопект соотносится с категорией интертекстуальности и связывает дискурс, как утверждает П. Серио, с «уже сказанным» и «уже услышанным». Хотя семантика понятия «прекопект» развивается в общем контексте постмодернистской

концепции интертекстуальности, однако не сводится к ее частному моменту, поскольку в данном случае дополнительно исследуется внутренний языковой механизм адаптации исходно чужеродного дискурсивного фрагмента в конституирующийся дискурс. Строго говоря, сам факт конституирования любого дискурсивного пространства может быть интерпретирован в этом контексте как продукт имманентизации им соответствующего числа преконструктов в процедуре конституирования внутреннего посредством интериоризации внешнего. Как пишет П. Серио, «высказывания, внешние по отношению к акту текущего высказывания, вносятся в него в качестве предикативных отношений, где в каждом элементе уже наличествуют ассертивные операции, либо реализованные, либо принимаемые за реализованные в течение предыдущего акта производства высказывания, независимо от того, является ли данный акт внутренним или внешним по отношению к рассматриваемому речевому произведению» [Серио 1999: 356]. Одним из механизмов имманентизации преконструктов в дискурсивную среду выступает номинализация: по оценке П. Серио, «важным здесь является то, что номинализованное высказывание есть преконструкт, то есть субъект акта производства высказывания не берет на себя ответственность за него, оно является как бы само по себе частью уже существующей данности, предшествующей дискурсу, с помощью которой заполняется одно из мест в предикативном отношении» [цит. по Постмодернизм. Энциклопедия 2001: 627].

Итак, в рамках французской школы анализа дискурса акцент делается на то, что дискурс – в силу того, что функционирует в системе других дискурсов – выходит на уровень интердискурсивных отношений.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394с.
2. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия [Текст] / М. Пеше; пер. с фр. Л. А. Илюшечкиной // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Предисл. Ю. С. Степанова; общ. ред. П. Серио. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 225-290.
3. Постмодернизм [Текст]: энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко; отв. ред. А. И. Мерцалова. – М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040с.
4. Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] / П. Серио; пер. с фр. И. Н. Кузнецовой // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Предисл. Ю. С. Степанова; общ. ред. П. Серио. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 12-53.
5. Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций [Текст] / П. Серио; пер. с фр. В. И. Селивановой // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Предисл. Ю. С. Степанова; общ. ред. П. Серио. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 337-383.
6. Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко; пер. с фр. С. Митиной, Д. Стасовой; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 206с.

7. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований [Текст] / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-21.

О.А. Павлова
Волжский, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ УТОПИЧЕСКОГО МИФОМЫШЛЕНИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КОНТИНУУМЕ: ОТ ОНТОЛОГИЗАЦИИ КРЕАТИВНОСТИ СЛОВА К ЭСКАПИЗМУ ВИРТУАЛЬНОЙ ИГРЫ

Утопия – сложный феномен, способный выражаться во всех формах общественного сознания. Культура оказывается охваченной панутопизмом в переходные, кризисные периоды человеческой истории, когда обостряются «вечные» вопросы самоидентификации и смысла жизни. Многомерность форм утопии объясняется ее имманентностью человеческому сознанию, так как поиск идеала, стремление к абсолюту является его неотъемлемой чертой. Поэтому история утопии – это процесс метаморфоз мышления *homo sapiens*'а о мире и о себе от сакрального через эстетическое к неомифологическому.

Для европейской традиции история существования утопии состоит в том, что в XVI в. она отделяется от архетипов и воплощается как в ипостаси социокультурной мифологемы, так и в литературно-художественной, а также научно-публицистической форме. Артистическое мировидение, филологическая парадигма мышления, демиургические притязания человека, неоплатонически осознающего себя Художником-Творцом, – именно эти особенности мироощущения вызвали к жизни панутопический дискурс эпохи Возрождения. В Ренессансе, в точке пересечения порожденной христианством идеи самоценности человеческой истории и восходящей к космогоническим представлениям концепции государства как «политического тела» с унифицирующим и регламентирующим подходом к человеку, – рождается «классическая» литературная утопия, содержащая описание пространственной модели идеального мира (*u-topos*). Таковы утопические романы-путешествия XVI–XVIII вв., тяготеющие в своей поэтике к путевым записям и трактату («Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Христианополис» И.В. Андрее, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Путешествие в землю Офирскую...» М. Щербатова). В парадигме хилиазма складывается мирской вариант концепции развития – понятие о «прогнесе человеческого разума» (Ж.А. Кондорсе), что в итоге приводит к апологетированию достижений цивилизации, науки, техники. Применительно к литературной утопии победа этих идей означает, что пространственную модель идеального мира сменяет

ухрония (u-chronos), сущность которой составляет проект идеального государства, художественно создаваемый на «реальном» географическом пространстве, но удаленный в будущем на неопределенный промежуток времени. Так как наука в эпоху Просвещения и в XIX в. обрела статус мирской религии, в поэтике литературной утопии большую роль сыграли элементы научной фантастики («Год 2440» Л.-С. Мерсье, «3448 год» А.Ф. Вельтмана, «4338 год», «Город без имени» В.Ф. Одоевского). В XVIII–XIX вв. возникает критика научно-технического прогресса, зарождается индивидуализирующий подход к личности, определяющий необходимость дифференциации человеческих возможностей и потребностей. Вследствие этого позитивная утопия эволюционирует в негативную. В числе первых произведений, содержащих элементы антиутопии, – «Кандид» Вольтера, «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, «Город без имени» В.Ф. Одоевского. Эволюция утопии как социокультурной модели идет по линии ее психологизации, и ее преобладающей формой становится эупсихия (eu-psyche), основа которой заключается в идее сохранения личности в ее самоценности и уникальности. Эта установка находит отчетливое воплощение в литературном творчестве романтиков, создававших преимущественно мистико-эстетические утопии, что выражало их концепцию «универсальной поэзии», синтезирующей в своей структуре религию, мифологию, науку и все виды искусства («Генрих фон Офтердинген» Новалиса, «Гиперион» Ф. Гёльдерлина и др.). Таковы основные формы утопической модели в классические миметические эпохи.

Рубеж XIX–XX вв. в Европе и России – качественно новый этап в эволюции утопии. Своего рода «бум» панутопизма этой эпохи обусловлен как затяжным социально-экономическим кризисом, катастрофически «разрешившимся» в Первой мировой войне и «парадном» шествии революций, так и крушением религиозной веры, спровоцировавшим расцвет оккультизма и мистики. Происходившая в тот период смена эпистемологической парадигмы, связанная со становлением неклассической науки, специфически преломилась в падении интереса к миметическим искусствам. Впрочем, здесь также обнаружились два «канонических» свойства панутопизма, неизменно проявляющиеся в ментальностях переломных эпох в реконструкции циклизма, основанной на идее рукотворного «нового мира» («золотого века»). К «визитным карточкам» панутопизма мы отнесем такие качества, как неоплатонизм (игра человека в трикстера-и-демиурга) и филологическая парадигма мировосприятия, основанная на онтологизации креативности слова. Подчеркнем, что эти ментальные процессы обусловлены процессом ремифологизации сознания, что порождает осмысление писательства как «мифотворчества». Миф поэтичен по своей сути, так как выражается

при помощи слов. Но образы в мифе создаются по принципу номинации, так как слово в мифе не отделено от денотата. В связи с этим миф не только императивно выражает мысль, но и предопределяет восприятие слова как действенной креативной силы. Переводя эти рассуждения в плоскость «кодов» эстетики, подчеркнем, что при становлении в европейском Декадансе и русском Серебряном веке модернизма реконструировался романтический тип творчества. Этот тип творчества характеризуется как феноменом эстетической утопии, так и поведенческой моделью «человека-артиста», проявляющейся в пристрастии писателей к жизненным (биография-миф) и литературным (манипуляции с авторством) мистификациям. В словесном искусстве феномен артистизма (театральности) обнаружился в особом интересе писателей рубежа XIX–XX вв. к стилизации, пародии, утопии и эстетскому формотворчеству (как игре в «другие эпохи» и «идеальный мир»).

Для Европы утопические игры локализовались преимущественно на уровне «вывихнутого» интеллектуального бытия (окультиные искания и сексуальные перверсии символистов П. Верлена и А. Рембо, адепта эстетизма О. Уайльда). Особый случай представляет Германия, попытавшаяся из этих мистико-эзотерических бдений на фоне кризисных процессов в христианстве вывести кроваво-осязаемую социально-утопическую «практику» – и здесь одинаково уместно вспомнить и темные теории «распятого Диониса» Ф. Ницше, и неудачного «живописца» Гитлера, и четкий проект государства будущего в дебатах III Рейха. Но размышления об этом не составляют предмет нашего интереса, по крайней мере, в этой статье. Ибо в целом Европа, окончательного похоронив просветительский миф о человеке в баталиях Первой мировой войны, вполне благополучно, хотя и несколько трагично, развивала модернистское творчество. Модернизм, хотя и культивирует формотворчество как выражение уникальной самобытности художника-творца, пытающегося – зачастую в своей интровертной модели – усовершенствовать мир, по сути, ориентирован на архетипические истоки художественной образности, а потому утопия в модернизме так и остается областью этико-гносеологических моделирований в эстетической форме (творчество Т.С. Элиота, Д.Г. Лоуренса, В. Вулф, Р.М. Рильке, Ф. Кафки, Р. Музиля, Г. Гессе). Иная ситуация складывается в России.

В Серебряный век для реализации «жизнетворчества» «человека-артиста» наиболее адекватной моделью стала театральная утопия. В ситуации «богоискательства» театр, синтезировавший все виды искусства, реконструировал свои сакральные истоки и предстал как средоточие священных ценностей. В итоге эстетическая утопия «сомкнулась» с мистической, ибо основным условием преобразования мироздания в ней

утверждалась необходимость преобразования человека, трансформации его этико-онтологического статуса. Поскольку драма – синтетический род литературы, структурно наиболее предрасположенный для реализации синтеза искусств, а театр в своем генезисе имеет сакральные истоки, то театральная утопия становится приоритетной моделью утопического дискурса Серебряного века, основанного на мифологемах всеединства, космизма и метазнания. Однако если в мистической утопии Вяч. Иванова сакральная игра мистерии трактовалась как путь к преобразению человеческого сознания и «вселенской соборности», то в театрально-гедонистической утопии Н.Н. Евреинова театр превращается не только в перформанс «театра для себя», но и в «режиссуру жизни» толпы, предпринятую харизматической личностью. В утопических моделях В.Э. Мейерхольда и А.В. Луначарского театр выполняет функцию охранителя идеологии посредством манипуляции сознанием. Порожден этот диктат когда-то виртуально-игровой реальности утопии тем, что в Октябрьской революции был, по сути, «узаконен» просветительский миф о человеке с присущим ему отождествлением научно-технического и духовно-нравственного процессов на основе категории «прогресс», а также рационалистическим однолинейно-детерминистским истолкованием человека как «слепок» социальной среды, поведение которого можно «запрограммировать» в нужном для идеократора направлении посредством ряда манипулятивных практик.

Специфика ментальности «постмодернизма» во многом гомогенна утопическому дискурсу. Собственно, идея виртуальной реальности как цифрового киберпространства впервые появилась в сциентистской утопии «Neuromancer» У. Гибсона. Автор изобразил киберпространство как коллективную галлюцинацию миллионов людей, чьи сознания через компьютерную сеть соединены друг с другом и погружены в мир графически представленных данных компьютера. Виртуальная реальность постмодернизма – это изощренная манипуляция человеческим сознанием с помощью развитых технологий, что тождественно утопии, являющейся со времен «Государства» Платона системой манипулятивных практик идеократора. Постмодернизм, порожденный синергетикой, в своей основе реконструирует филологическую парадигму мировосприятия, концептуально значимую и для литературной утопии как «пограничного» жанра, структурированного «научно-художественным» типом вымысла, акцентирующим принцип игры художественной реальностью и «наличным» бытием. Возникающий в результате этой игры феномен «размытой» условности явственно проявляет демиургические и теургические притязания человека как творца символической реальности. Только в постмодернизме – этой симуляционной культуре тотального релятивизма и множества миров – все дело ограничивается виртуальной реальностью,

порождающей «симулякры» (Ж. Бодрийяр), которые, будучи «слишком» видимы, правдивы и доступны, все-таки вуалируют пустоту (ничто), от которой стремится убежать гедонистически ориентированный homo ludens начала XXI века.

С. В. Панченко
Екатеринбург, Россия

**НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
НА ПРИМЕРЕ МОНОГРАФИИ М.Е. ЛИТВАКА
«СЕКС В СЕМЬЕ И НА РАБОТЕ»**

Семантика броского названия монографии М. Е. Литвака, кандидата медицинских наук, психотерапевта европейского реестра, члена-корреспондента РАЕН, «Секс в семье и на работе» (Ростов-на-Дону, 2007) соответствует прагматической цели автора: заинтересовать читателя предложенной темой. Рекламный заголовок гарантирует книге коммерческий успех (5-е издание, 5000 экз.). Однако обыватель с ожиданием «клубнички», возможно, будет разочарован – текст требует обдумывания; а «некоторым ученым книга покажется научно-популярным изданием» [4]. При анализе текста в когнитивном и культурологическом аспектах становится очевидным его принадлежность к сфере науки и соответствующему стилю языка. В коммуникативном и прагматическом плане в парадигме «адресант – адресат» интересны выводы об особенностях стилистики автора.

Монография М. Е. Литвака, изданная в серии «Психологические этюды», реализует несколько целей: 1) информативную – сообщить в обобщенном виде о проведенном исследовании; 2) воздействия – побудить читателя к самооценке с последующей мотивацией к изменению взглядов и поведения в жизни. По мнению М. Е. Литвака, его основной читатель – представитель интеллигенции [73], а книга рассчитана на массового читателя. Побуждение к действию в широком смысле (чтению – анализу – изменению) заявлено в начале текста: «... Если мне удастся доказать, а потом и убедить вас, что это необходимо сделать [разрушить мифы о сексе], то, может быть, вам что-то и удастся. А теперь давайте не только читать, но и думать» [63].

Когнитивный подход самого ученого в ходе исследования проявлен последовательно и детально. Текст дает представление обо всех этапах научного мышления: 1. Наблюдение [329-330]. 2. Обобщение и конкретизация с приведением примеров: аналоги-замены сексуальных отношений в семье [226], сексуальная жизнь студентов [316]. 3. Классификация: пять стадий секса (глава 1), виды любви (глава 5), «виды коммуникативного голода» [219], типы проблемных семей (глава 6) и др.

4. Методы работы: исследование 10 тысяч семей [249], сравнение, статистика [303], анализ и синтез выводов [130-144]. 5. Ссылка: 1) на подход других ученых [173], 2) на разные сощобследования [272], 3) на данные смежных наук [233]. Все это доказывает, что «несмотря на отсутствие традиционной формы изложения, по содержанию это все-таки научная работа» [95-96].

С учетом целей автора (изложить научный материал логично, понятно, обобщенно), адресата и формы речи определен научный стиль издания, о чем свидетельствуют особенности выбора единиц текста на разных уровнях языка: 1. Книга разделена на введение, главы с подпунктами, заключение, список литературы. Используется абзацное членение, нумерация, схемы. Термины первично выделены курсивом: *материнская* и *отцовская любовь* [173-174], *открытые и закрытые группы* [279]. 2. Термины составляют лексическое ядро текста. Обобщенность и отвлеченность проявляется через абстрактную, нейтральную лексику. 3. На морфологическом уровне объективность, логичность, доказательность в тексте поддерживается частотностью глаголов-связок «быть», «являться», безличных глаголов, существительных, наличием сложных союзов, предлогов, указательных местоимений, частиц. В рамках научной стилистики в монографии многократно используется авторское «мы»: «мы расскажем о взглядах некоторых психотерапевтов на любовь» [145], «мы определили теоретический эталон счастливой семьи» [246]. 4. В синтаксисе очевидны сложные предложения, позволяющие раскрыть причинно-следственные связи в семантике текста.

Однако главной особенностью текста является публицистичность научного языка. Исходя из прагматической задачи сделать текст, содержащий и теорию вопроса, и практические рекомендации, понятным и интересным «для большого круга читателей, а не только для узкого круга ученых» [4], М. Е. Литвак использует в научной речи средства популяризации:

1. Научный стиль изменен за счет включения в текст элементов публицистического и разговорного стилей на лексическом уровне. Заимствованные термины сопровождаются русскими эквивалентами в скобках: *сенситивность* (чувствительность) [39], *экспектации* (ожидания) [251]. Оригинальна номинация 5 стадий сексуальных отношений, предложенная М. Е. Литваком: после научных терминов – идеаторно-диагностическая, производственная, пресексуальная, собственно сексуальная, постсексуальная – даны разговорные названия – «октябрытская», «пионерская», «комсомольская», «партийная». Такой параллелизм «делает названное изложение не только понятнее, но иногда и полезнее в практической жизни» [15]. В свете прагматики очевидно, что разговорная лексика легче запоминается и

воспроизводится в памяти при обдумывании содержания текста. С этой же целью в текст вводятся авторские термины: 1) нарицательные: «недочеловеки» – недоразвитые люди [109], «походно-полевой муж» (ППМ по аналогии с ППЖ в армии) [158] др., 2) собственные: Лиса Патрикеевна, Золотая рыбка, Король – подхалим, благодетель, самоактуализированный человек (поведенческие роли) [176, 194, 404]. Лаконизм и юмор в терминологии облегчают восприятие, удерживают внимание и интерес читателя. Изменение языка науки происходит и за счет замены книжной, специальной лексики на разговорную. «Ненаучные» по семантике и синтаксису конструкции используются в заголовках: «Что же делать?» [232], «Практические рекомендации в афоризмах и заморочках, или как не влипнуть» [365]. Разговорные фразы сближают научную и обыденную сферы жизни человека, автора и читателя: «А теперь небольшое резюме» [274]. Автор часто использует прием цитирования общеупотребительных выражений: «это был не какой-нибудь «темный человек», а доктор наук» [126], «проблема «не с кем»» [127]. Пословицы и фразы из песен также «оживляют» текст, соединяют научную мысль автора с положительным восприятием читателя. Текст богат эмоционально-окрашенной лексикой, что добавляет к объективности научного исследования субъективную оценку ситуаций автором: «Нельзя же подсовывать всякую гадость любимому человеку!» [167], «секс у них был великолепный» [259]. Использование в научном тексте элементов разговорной речи «переводит» его в общедоступную форму.

2. Облегчить восприятие содержания книги помогает конкретизация материала: вставка ярких деталей, имен собственных, конкретных примеров после теории. Эрудированность автора позволяет аргументировать заявленные положения через ссылки на авторитетные источники: 1) Библию [210, 31, 222, 272, 319]; 2) литературных классиков: Шекспира, Гете, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и др.; 3) выдающихся личностей: Плиния, Баха [246-247]. Коммуникация при передаче информации на основе равенства, а не с позиции «сверху» поддерживается словами «рассказ», «история», «сказка», «случай», «анекдот» при приведении после теории примеров из жизни [260, 340, 347, 349, 355], названием пациентов автора-врача «мой подопечный», «мой клиент».

3. Отправной точкой для анализа в рамках прагматики служит посылка о том, что диалогические отношения лежат в основе построения любой речи и предполагают реакцию адресата. Прагматическая установка оформлена диалогично в конце текста: «Сегодня же в первую очередь мне нужно принятие моих идей. Может быть, я не прав? В общем, дорогие мои читатели, решайте сами!» Такое обращение наряду с вариантом в ед. числе создает эффект диалога между автором и конкретным читателем. Есть и

обращения, указывающие на социальные характеристики адресата: «женщины» [138, 270], «мамы и папы» [294], «моралисты» [134]. Диалогизация письменной речи достигается использованием личных местоимений. В книге частотно как прямое обращение, например: «вы знаете» [62], «когда вы видите» [144], так и косвенное: «хочу напомнить вам» [275]. Местоимение «мы» кроме замены авторского научного «я» часто выполняет собирательную функцию и создает семантическое поле «мы вместе, т.е. общество»: «Почему мы собираемся в группы?» [275]. Несколько раз в тексте употреблено «ты» в отвлеченном и обобщенном смысле. «Я-позиция» М. Е. Литвака проявляется через выражение его эмоций, оценок ситуаций, что побуждает читателя осознать свое мнение: «Миф №8. Частое занятие сексом вредит здоровью. Вот уж ерунда» [77]. С помощью «я» М. Е. Литвак выражает позицию ученого: «В своей практической работе я пользуюсь определением любви Э. Фромма» [166]. При отражении хода вопросно-ответного мышления автор использует логические вопросы: «Итак, что такое группа?» [276]. Наряду с этим диалог с читателем строится через 1) вопросы-обращения; 2) риторические вопросы; 3) частые рекомендации: «учитесь на своих ошибках» [80], «начинайте с производства» [143]. Все это создает эффект разговора «здесь и сейчас».

4. Юмор как надуровневое явление текста «держит» в единстве его содержание и восприятие, ср. «юмор и интеллект в головном мозгу находятся в одном месте» [4]. Автор подает смешное после серьезных объяснений: «к сожалению, некомпетентность начальника не является поводом для его увольнения, как гласит наука иерархология» [50]. Яркой особенностью монографии является частое использование образных выражений: «Семья без секса, как абрикос без косточки, для других это может и хорошо, но для самой семьи – нет» [228, ср. 273].

«Под прагматикой текста следует понимать аспект функционирования языковых единиц, выбор которых определяется интенциональными воздействующими задачами отправителя текста, учитывающего ситуативные условия акта общения и принятые в данном функциональном стиле нормативные способы употребления языка», – обобщает Г. Г. Матвеева [Матвеева 1984: 5]. В свете этого книга М. Е. Литвака в прагматическом аспекте по содержанию, безусловно, является научным комплексным исследованием, а по стилистике текста – научным изданием с использованием средств популяризации изложения.

Список литературы

Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста [Текст] / Г. Г. Матвеева. – Ростов, 1984. – 132 с.

ДОМИНАНТА КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА

Принцип доминанты – универсалия, позволяющая объяснить особенности функционирования многообразных систем, создаваемых человеком, о чем свидетельствует его применение в различных культурных сферах: в науке (например, в физиологии, психологии, этнологии, искусствоведении, литературоведении, лингвистике и т. д.) и в искусстве (в музыке, архитектуре и т. д.). Выделение этого общего рабочего принципа человеческого бытия обусловлено тем, что «каждая личность несет в себе всю человеческую природу, только избравшую какой-то частный путь развития» [Гумбольдт 1984: 64]. Стремление человека к собственной «духовной индивидуальности», т.е. к себе как «выдающемуся и исключительному» [там же: 54], возможно «только благодаря перевесу какого-то одного, а значит, исключаящего все прочие начала» [там же], характеризующегося особой концентрацией личностной духовной силы. Стало быть, принцип доминанты, предполагающий сосредоточение внимания человека на одном определенном компоненте данной ему действительности, обосновывает творческое осуществление личности в бытии. На личностнообразующую значимость доминанты указывал русский психофизиолог А. А. Ухтомский, в чьих трудах принцип доминанты получил свое антропологическое обоснование. Он противопоставляет инстинкты как «устремления к наименьшему действию» [Ухтомский 2002: 139], задачей которых состоит только в борьбе с сопротивлениями [там же: 138], и доминанты, которые «с их экспансией и влекли к упражнению, обогащению организма новыми возможностями» [там же: 139]. Доминанта в учении А. А. Ухтомского рассматривается как индивидуализирующий (специфицирующий) фактор активного (динамического), развивающегося отношения организма к действительности.

Применение принципа доминанты при исследовании дискурсивной деятельности языковой личности обосновывает утверждение лингвокреативной модели идиостиля, который здесь трактуется как осуществляющийся в рамках того или иного национального языка своеобразный способ организации всех этапов дискурсивной деятельности личности (формирование вербализованного понятия, его формулирование и текстовое воплощение), обеспечивающий самовыражение «духовной индивидуальности». Доминанта дискурса выделяется в результате деятельностного взаимодействия человека и конкретного национального языка и выступает субъективным условием формирования идиостиля языковой личности. Концентрация речемыслительных усилий личности на одном из системных свойств языка ведет к

расширению его функциональных возможностей, тем самым оно и становится стилеобразующим центром дискурса. Сосредоточение психического внимания автора на доминанте позволяет описывать ее в системе категорий «языковой образ – языковое представление – языковое понятие». Идиостилевые особенности складываются при выделении (1) господствующей совокупности языковых образов, побуждающей языковую личность образовать понятие собственными силами; (2) преобладающей стратегии формулирования понятия; (3) предпочтительного состава актуализованных представлений, связанных между собой определенным структурным принципом [Катышев, Паули 2006: 50]. Например, в философском трактате Н. А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» основная идея автора о творческом призвании человека в бытии оформилась в виде деривата-темы *твор/ч/ес/тво*, при этом доминантной дискурсивной стратегией образования указанного понятия является основная анафония (полное/частичное воспроизведение звукобуквенного состава корневой морфемы или мотивирующей основы тематического деривата), а наиболее значимыми представлениями, уточняющими смысловое содержание понятия, выступают перифрастические суждения, сочетающие анафоны (дериваты, формально подобные тематическому слову) и другие языковые единицы. Например, *твор/ч/ес/тво* конкретизируемое ← *творческий акт, способность утверждать, тварное бытие, бытие Творцом, способность претворить нечто в бытие, бытие творческим субъектом, условие тварности, процесс творения, жажда удовлетворения конкретизаторы*.

Стало быть, творческий потенциал языковой личности Н. А. Бердяева раскрывается 1) в процессе познания особенностей системы русского языка и выдвижение анафонии в качестве доминанты собственной дискурсивной деятельности; 2) в способности наиболее интенсивно развить стилеобразующие возможности анафонических конкретизаторов.

1. Выделение и закрепление анафонической доминанты обусловлено основополагающей детерминантой русского языка (языка с преобладающим флективным строением), которая «формулируется как единство тенденций к грамматикализации (совмещению в слове лексического и грамматического) и фузии (превалирующей целостности слова)» [Катышев 2006: 492]. Такой характер детерминанты обуславливает свободу ассоциирования деривата-темы с уточняющими элементами, а также его содержательную многослойность [там же: 491]. Флективная природа русского языка обуславливает пластичность анафонического комплекса представлений: кроме собственно анафонов (*творческий, творить, обоготворить*), в его состав входят элементы, связанные с основой деривата-темы позиционным

альтернированием (*тварный, твердо, тварь, утверждение*), генетическим родством (*претворение, претвориться, неудовлетворенность, удовлетворение*). Доминантность анафонии в дискурсе Н. А. Бердяева определяют и сопутствующие детерминанте языкового строя структурные и семиологические свойства деривата-темы *творчество*. На разнообразие системы анафонических представлений влияет многоморфемное строение мотивирующей основы деривата *твор/ч/ес/тво* (*твор/ч/е/ство*) и принадлежность его к древнему макрогнезду с индоевропейскими корнями *tuer- : *tuōr-, а также абстрактный характер семантики, поскольку смысловой особенностью слов данного семиологического класса является преобладание вариативной содержательной части, производной от индивидуального опыта личности, над инвариантной [Чернейко 1997: 10]. Стало быть, тонкое языковое чутье, способность глубокого укоренения в системе родного языка позволяют мыслителю увидеть в анафонии широкие стилиобразующие возможности.

2) О доминантном статусе анафонических конкретизаторов в дискурсе Н. А. Бердяева в первую очередь свидетельствует их значимость в формировании индивидуально-авторского понятия, которое осуществляется посредством собственно языкового способа при сочетании внутри отдельной перифразы анафона с другими языковыми элементами. Анализ совокупности суждений, созвучных деривату-теме, позволяет сделать вывод, что *творчество* трактуется философом как онтологически присущая человеку деятельность, характеризующая его одновременно как творческого объекта и творческого субъекта, позволяющая преодолеть «мирское» и возвыситься до положения Бога.

Способность анафонических конкретизаторов раскрывать смысловой потенциал деривата-темы *творчество*, определяя основные направления индивидуального ассоциативного развертывания замысла личности, составляет их дискурсивную функцию. Ее осуществление обусловлено способностью доминантных представлений участвовать в тема-рематической организации дискурса. Например, содержание анафонического суждения *творческий акт* конкретизируется посредством следующих перифраз: *творческий акт* конкретизируемое ← *то, в чем сотворилось небывалое; то, что сотворилось не из природы творящего, через убывание сил творящего, а из ничего; то, что продолжается в тварном бытии, в человеке подобном Творцу* конкретизаторы

В свою очередь выражение *творческий акт* участвует в оформлении такой темы, как: «*тварное бытие*» (бытие, на котором лежит печать *творческого акта*) («На всяком *тварном* бытии лежит печать *творческого акта*» [там же: 116]; признание которого допускает оригинальный *творческий акт* («Лишь признание *тварного* бытия

допускает оригинальный *творческий* акт в бытии, созидаящий новое и небывалое» [там же])).

Одним из проявлений текстовой значимости основной анафонии является усиление выразительности и изобразительности при объективировании наиболее значимых для автора смыслов, что создается путем конвергенции фигур. Так, идея непрерывной динамичности бытия в высказывании «*Творческая философия сознает динамичность тварного бытия. Тварное существо вечно продолжает твориться, в нем нет границ для творческого процесса, оно не статично, оно не замкнутая данность*» [Бердяев 2002: 128] оформляется посредством межфразового повтора – зеркального отображения позиций повторяющихся перифраз – анадиплозиса (...*тварного бытия. Тварное существо...*), который усиливается эпанодосом, т.е. повторением анафонов в обратном порядке (*Творческая философия сознает динамичность тварного бытия. Тварное существо вечно продолжает твориться...*) и сочетания созвучных конкретизаторов, которые создают так называемую «этимологическую фигуру» (*Тварное существо вечно продолжает твориться, в нем нет границ для творческого процесса...*).

Список литературы

- 1.Бердяев, Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека [Текст] / Н. А. Бердяев. – Харьков: М., 2002. – С. 15-334.
- 2.Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М., 1984. – 400с.
- 3.Катышев, П. А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и литературного языка) [Текст] / П. А. Катышев // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. – Томск, 2006. – С. 488-494.
- 4.Катышев, П. А., Паули, Ю. С. О функциях анафонической доминанты (на материале идиостиля Н. Бердяева) [Текст] / П. А. Катышев, Ю. С. Паули // Речевое общение: специализированный вестник/ Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 8-9 (16-17). – Красноярск, 2006. – С. 49-56.
- 5.Ухтомский А. А. Доминанта [Текст] / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448с.
- 6.Чернейко, Л. О. Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л. О. Чернейко. – М., 1997. – 48с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В настоящее время окказиональные словообразования все чаще оказываются в центре внимания исследований лингвистов.

На наиболее ранних этапах развития неологии, можно выделить следующие аспекты, к которым обращаются лингвисты, анализируя окказиональные новообразования: словообразовательный; функционально-семантический; графический; стилистический. Обращаясь к вышеперечисленным аспектам, ученые подвергали анализу различные типы окказиональных новообразований в зависимости от сферы их употребления.

Рассматривались окказиональные словообразования в повседневной речи индивидов различных социальных статусов и возрастных категорий. Много исследований посвящено изучению окказионализмов, используемых в СМИ и различных жанрах литературы разных временных периодов. Особое внимание уделялось словотворчеству поэтов и писателей, исследователи обращались также и к словотворчеству отдельных авторов. Так к наиболее часто исследуемым продуктам словотворчества в рамках отечественной лингвистики можно отнести лексические новшества в произведениях Маяковского, Бальмонта, Цветаевой, Евтушенко, Хлебникова, Северянина. В данных работах учеными предпринимаются попытки структурно-семантического анализа, типизации словообразований по тематическому признаку, выделение различных словообразовательных моделей (продуктивных и непродуктивных), функционально-стилистическая характеристика продуктов словотворчества в тексте. В основном анализ осуществлялся с позиций системно-структурного и функционально-коммуникативного направлений.

В ходе проведенных исследований очертился объем ментального пространства, в котором мыслят об окказионализмах, как правило, в рамках лингвистики и лингвистической поэтики. Как справедливо отмечает О. Г. Ревзина: «Этот объем узок для окказионализмов, их осмысление требует расширения круга вопросов, которые могут быть к ним поставлены» [Ревзина, 1996: 308].

Современная лингвистическая наука полагает более разностороннее, объемное рассмотрение языковых явлений, в соответствии с которым адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека. «На смену исследованиям, построенным на формальных критериях пришло стремление к чету «человеческого фактора» в языкознании, так как для того, чтобы познать и понять язык

нужно обратиться к его носителю – человеку, говорящей, мыслящей личности» [Дударева и др. 2005: 134].

Данный переход современной лингвистики от позитивного знания к глубинному не мог не отразиться и на современных исследованиях словотворчества, характерной чертой которых становится стремление лингвистов к более комплексному подходу и обращение к языковой личности автора при рассмотрении данного явления.

Одним из первых отечественных исследователей, обратившихся к проблеме изучения языковой личности, является Ю.Н. Караулов. Он определил языковую личность как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений [Караулов 1989: 3].

В представлении языковой личности, согласно Ю.Н. Караулову, выделяются три уровня:

- 1) вербально-семантический, предполагающий для исследователя традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;
- 2) когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную "картину мира", давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию;
- 3) прагматический, заключающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности [там же].

При анализе индивидуальных словообразований наибольший интерес для ученых представляют прагматический и когнитивный уровни:

«Каждый человек для выражения личностных интенциональностей всегда находит собственные неординарные средства и способы» [там же]. Совершенно очевидно, что одним из сильнейших средств реализации прагматических интенций автора является словотворчество. Так, обращаясь к семантике окказиональных единиц, ученые начинают уделять внимание их прагматическому значению, определяющему эмотивно-оценочные характеристики и перлокутивный эффект данных явлений. Окказиональное словообразование как элемент прагматически направленного высказывания рассматривается на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях [Гатауллин 2001, Красникова 2004, Елисеева 2006].

Реализуя намерения автора, окказиональные новообразования репрезентируют его языковую картину мира. Окказионализм, созданный в тексте, является своего рода маркером определенного объекта действительности, отраженного в сознании автора сквозь призму его мировоззрения, складывающегося из различных факторов

окружающей среды и его индивидуальных характеристик. Поэтому все больше современных исследователей, анализируя окказиональные новообразования в тексте, обращаются к идиостилю писателей, рассматривая данные словообразования в системе его индивидуальных стилеобразующих средств не только с целью описания их функционально-стилистических характеристик, но и отражения языковой картины мира автора, определяющей его индивидуальный стиль словотворчества [Тараканова 2004, Санникова 2005, Акубекова 2007].

Необходимо отметить, что наряду с обращением к отдельным уровням языковой личности при исследовании словотворчества, учеными предпринимаются попытки и более комплексного исследования. Рассматривая словотворчество как уникальное явление языковой личности, внимание уделяется как особенностям функционирования новообразований, затрагивающим прагматический аспект с учетом социальных, функциональных и креативных мотивов речевой деятельности индивида так и когнитивные процессы, репрезентированные в новом слове [Плотникова 2004].

Анализируя окказиональные словообразования в тексте, целесообразным представляется не только рассмотрение данного феномена в структуре языковой личности, но и обращение к проблеме ее типологии. Так словотворчество в художественной литературе может рассматриваться как продукт особого типа «языковой личности словотворца», обладающей способностью континуально и продуктивно порождать эстетически ценные окказиональные единицы...» [Сичинава 2007: 10].

Обращение к языковой личности автора, являющейся организующим началом продуктов авторского словотворчества, оказывается принципиально важным при исследовании данных явлений. С одной стороны, такой подход к исследованию окказионализмов в художественном тексте является, на наш взгляд, наиболее продуктивным, прежде всего благодаря междисциплинарному характеру языковой личности как объекта исследования антропоцентрической лингвистики. С другой стороны, рассмотрение словотворчества автора с позиций антропологического подхода осложнено следующими факторами:

Во-первых, писатель представляет собой личность нестандартную, относящуюся к «верхам» языковой культуры, требующей глубокого анализа, способного «охватить» все мельчайшие нюансы сложной организации данного образования.

Во-вторых, необходимо также учитывать, что художественный текст представляет собой продукт «полисубъектный», продукт самого сложного вида коммуникации – коммуникации литературной.

Список литературы

1. Гатауллин, Р. Г. Влияние контекста на интерпретацию словообразовательных конструкций [Текст] / Р. Г. Гатауллин // Вестник Башкирского Университета. – 2001. – №3. – С. 45-51.
2. Дударева, З. М., Елизарова, Г. С., Пяткова, Н. В., Сыров, И. А. Системно-структурный и антропоцентрический принципы современной лингвистики [Текст] / З. М. Дударева, Г. С. Елизарова, Н. В. Пяткова, И. А. Сыров. – Уфа: «Гилем», 2005. – С. 88-150.
3. Елисеева, В. В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте): дис. ... канд. фил. наук [Текст] / В. В. Елисеева. – Ленинград, 1984. – 172с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М, 1987. – 264с.
5. Красникова, И. Р. Прагматика окказиональных антрополексем в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И. Р. Красникова. – Ростов-на-Дону, 2004. – 153с.
6. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности (Порождение, функционирование, узуализация нового слова): дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л. И. Плотникова. – Белгород, 2004. – 374с.
7. Ревзина, О. Г. Поэтика окказионального слова [Текст] / О. Г. Ревзина // Язык как творчество. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 303-308.
8. Сичинава, Ю. Н. Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве (на материале текстов В. Маяковского и И. Северянина): автореф. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю. Н. Сичинава. – Краснодар, 2007. – 25с.
9. Санникова, Ю. Н. Словотворчество Евгения Евтушенко (На материале имен существительных): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю. Н. Санникова. – Москва, 2005. – 227с.
10. Акубекова, Д. Г. Индивидуальный словообразовательный стиль и словотворчество (На материале произведений немецких писателей): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Д. Г. Акубекова. – Уфа, 2004. – 198с.
11. Тараканова, И. В. Окказиональные слова в идиолекте раннего У. Фолкнера как проблема филологической герменевтики: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И. В. Тараканова. – Москва, 2003. – 173с.

Н.М. Перельгут
Нижневартовск, Россия

О ВАРИАТИВНОСТИ ФАЗОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА (на примере новостных заметок)

В исследованиях текста (ориентированных, главным образом, на письменную форму речи), направленных на поиск и описание его структурных особенностей и онтологических характеристик, выделяются два главных свойства - цельность и связность [Ковтунова 1982: 4-5; Леонтьев 1976: 60-70; Николаева 1990: 267-268, 508; Филиппов 2003: 65, 134-137; Dijk 1972: 87, 132]. Наряду с этими двумя категориями называются и другие. Наиболее полное исчисление и подробное описание этих категорий дано И.Р. Гальпериным, который выделяет информативность, членимость,

когезию, континуум, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию, модальность, интеграцию и завершённость [Гальперин 1981].

Ряд упомянутых категорий связан с временными и пространственными характеристиками текста: континуум, ретроспекция и перспекция. По-видимому, к ним можно отнести и завершенность с понятием концовки, первая из которых знаменует «предел разворачиванию текста, выявляя его содержательно-концептуальную информацию, имплицитно или эксплицитно содержащуюся в названии», а вторая представляет собой заключительный эпизод или последнюю *фазу* (курсив наш – Н.П.) в разворачивании фабулы (сюжета) произведения, связанную с содержательно-фактуальной информацией [Гальперин 1981: 134-135].

Представляется возможным эти характеристики текста объединить понятием фазовости и определить её как универсальную категорию разворачивания содержания текста, которая выражается в определенной последовательности его частей.

Понятие фазы известно в грамматике относительно форм глагола. Как морфологическое понятие категория фазы (этот термин был предложен Дж. Трейджером и Г. Смитом в работе “An Outline of English Structure”, а также использован в работе У. Фрэнсиса “The Structure of American English”, или временной отнесенности - в терминологии профессора А.И. Смирницкого, Л.С. Бархударова, или ретроспективной координации / ретроспективы в концепции профессора М.Я. Блоха) соотносит во времени действия, выражаемые глагольными формами, как одновременные или разновременные – последующие или предшествующие через оппозицию *non-perfect / perfect* [Бархударов 1975: 116-117; Блох 1983: 363].

Фазовость как текстовая характеристика выполняет аналогичные функции, то есть соотносит действия (состояния) во времени, но приобретает некоторые особенности в способах и формах выражения, порожденные своеобразием более высокого уровня. Она представляет взаимосвязь и взаимообусловленность единиц или частей текста, отражающих реальные или художественные события. Предметом лингвистического анализа в данном случае является схема или структура фазовости, её языковое представление через разнообразные средства (глагольные формы, временные и пространственные обстоятельства, содержательно-тематические элементы).

В этом плане фазовость близка ретроспекции и перспекции, которые дают читателю возможность яснее представить связь и обусловленность событий. Значение этих категорий заключается в том, что они интегрируют временные срезы произведения [Гальперин 1981: 107-112]. В текстах фазовость может способствовать переакцентуации

и в связи с этим реорганизации порядка следования его единиц, быть проспективной и/или ретроспективной.

Обратимся к более подробному анализу категории фазовости текста на примере информационных, новостных заметок, исходя из положения, что фазовость может варьироваться в своей реализации в зависимости от типа текста, его функционально-стилистической разновидности. Разные способы развертывания фазовости, связанные с различными формами существования языка, его жанрово-стилевыми разновидностями, в работе называются вариативностью [см. Расторгуева 1989: 7].

Структуру заметки, как правило, составляют следующие элементы: заголовок, вводное предложение (лид – *lead*), зачин и далее – предложения, сообщающие подробности события.

Исследователями давно замечено, что текст новостных заметок имеет специфическое строение. Для них характерна концентрическая подача информации [Арнольд 2002: 347], а также особое расположение частей высказывания, когда наиболее значимая с точки зрения говорящего информация выносится на первое место [Galperin 1977: 297-301]. Считается, что новостные заметки построены в виде «перевернутой пирамиды» – описание событий идет от конца к началу в ретроспективе. Таким образом, фазовость в газетных текстах не обязательно соответствует реальной хронологической последовательности событий. Она может намеренно нарушаться в связи со стремлением автора актуализировать отдельные части сообщения, новую, наиболее значимую информацию, то есть в связи с прагматической установкой - привлечь внимание к сути события.

Анализ свидетельствует, что механизм построения новостных заметок нередко варьируется и фазовость может реализоваться не только в ретроспективном (в виде «перевернутой пирамиды»), но и в проспективном или ретро-проспективном плане.

Приведем пример новостной заметки с ретроспективной фазовостью (примеры взяты с вебсайтов газет и информационных агентств: <http://www.ngrguardiannews.com/>; <http://www.bbcworld.com/>). В анализе новостных заметок мы исходим из положения о том, что текст как продукт речевой деятельности говорящего/пишущего распадается на элементарные ситуативно-тематические единицы-диктемы, которые структурируются соответственно когнитивно-коммуникативному содержанию [Блох 2004: 28-29].

MoD releases names of soldiers killed in Iraq

The two soldiers killed while on patrol in Maysan province, southern Iraq, on Thursday were named last night as Corporal Ben Leaning, 24, from Scunthorpe, and Trooper Kristen Turton, 28, from Grimsby, both of The Queen's Royal Lancers Battle Group.

They were in a Scimitar armoured reconnaissance vehicle that was providing protection for a convoy when it was hit by an improvised explosive device.

Three other soldiers were injured, one seriously.

Ten British service personnel have been killed in Iraq this month, the worst since 2003, the year of the invasion. By Richard Norton-Taylor

В данной заметке последовательность диктем разворачивает информацию от более близкого к настоящему моменту события к более ранним.

Заголовок, вводное *“The two soldiers [were] killed...”* и предпоследнее предложение *“Three other soldiers were injured ...”* наряду с заключительным *“Ten British service personnel have been killed...”* образуют рамочную конструкцию, придавая отрывку характер цельности, завершенности и одновременно делая акцент на трагическом факте гибели солдат в период военных действий.

Рассмотрим пример новостной заметки, которая построена по несколько иной схеме, на основе ретро-перспективной фазовости.

Dam opens despite fears of archaeological disaster

Iran has opened a new dam despite global concern that flooding could harm ancient Persian archaeological sites.

Pipes were ceremonially opened yesterday for water to start flowing into an artificial lake spanning the Sivand river, 520 miles south of Tehran. The lake will be used to irrigate the area's farmlands.

The launch was delayed for months to give time for excavations by international archeological teams.

Activists have condemned the dam, calling it a "stupidity". Archaeologists say the flooding will threaten the ancient Royal Road that linked Persepolis to Susa, as well as 130 other ancient sites. Associated Press in Tehran

Данная заметка состоит из трех диктем: первые три предложения составляют одну диктему, которая сообщает об открытии дамбы для пополнения водой искусственного озера с целью орошения сельскохозяйственных земель. Далее следует диктема-предложение *“The launch ... teams”*, в которой говорится о задержке этого события с тем, чтобы дать возможность международной команде археологов завершить раскопки. Последние два предложения, каждое диктемного характера, содержат информацию об активистах, которые считают неразумными действия правительства, и об археологах, которых волнует судьба древних памятников из-за угрозы затопления. По сути эти два предложения относятся ко второй части вводного предложения, составляя с ним прерывистую диктему.

Фазовость данной новостной заметки сначала развивается в ретроспективе, а затем (в заключительном предложении) в перспективе, поскольку последнее предложение говорит о возможном затоплении древних памятников. Благодаря тесной содержательной связи заголовка, вводного и заключительного предложения, данная новостная заметка обретает рамочную конструкцию, что обусловлено степенью важности информации: сообщение о возможной угрозе в заголовке, первом и последнем предложениях важнее, чем предыстория события фактуального характера.

Переpleтение временных планов, сдвиги в порядке следования событий могут затруднять восприятие связной и цельной картины. Вместе с тем, подобная фазовость позволяет актуализировать наиболее значимые компоненты текста.

Вариативность фазовости текста характерна для текстов не только в рамках одной жанрово-стилевой разновидности, но и в большей степени для текстов разных функциональных типов. Это может найти объяснение в русле когнитивно-дискурсивного направления, в частности при включении в круг рассмотрения персонально-реляционного аспекта текста [Блох 2005: 253; Плотникова 2005].

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык [Текст]: Учебник для вузов / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука. 2002. – 384с.
2. Бархударов, Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка [Текст] / Л. С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1975.
3. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка (на англ. языке) [Текст] / М. Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1983.
4. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка [Текст] / М. Я. Блох // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сборник статей к юбилею профессора Марка Яковлевича Блоха. В 2-х частях. Часть I. / Под ред. О. В. Труновой. Барнаул - Москва, 2004. – С.10-31.
5. Блох, М. Я. Послесловие: Идеи ученого в ретроспективе и перспективе [Текст] / М. Я. Блох // И. Р. Гальперин. Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. – С. 251-254.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.
7. Ковтунова, И. И. Вопросы структуры текста в трудах академика В. В. Виноградова [Текст] / И. И. Ковтунова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
8. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста [Текст] / А. А. Леонтьев // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 103. М., 1976.
9. Николаева, Т. М. Лингвистика текста [Текст] / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 267-268.
10. Николаева, Т. М. Теория текста [Текст] / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 508.
11. Плотникова, С. Н. Я – Наблюдатель и Я – Конструктор: Дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира [Текст] / С. Н. Плотникова // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Международной научно-

практической конференции (Иркутск 14-18 июня 2005). Часть I. – Иркутск: БГУЭП, 2005.

12. Расторгуева, Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка [Текст] / Т. А. Расторгуева. – М.: Высшая школа, 1989.

13. Филиппов, К. А. Лингвистика текста [Текст]: Курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.

14. Galperin, I. R. Stylistics [Текст] / I. R. Galperin. – М.: Higher School, 1977.

15. Dijk, T. A. van. Some Aspects of Text Grammars. A study in Theoretical Linguistics and Poetics [Текст] / T. A. van Dijk. The Hague-Paris, 1972.

С.Н. Плотникова
Иркутск, Россия

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ

В современной лингвистике все более утверждается мнение о том, что порождение человеком дискурса является стратегическим, а зачастую и технологическим процессом. Вместе с тем у понятий стратегии и технологии дискурса до сих пор нет четких определений. Остается неясным, имеется ли у этих понятий самостоятельная сущность, поскольку они, как правило, приравниваются к каким-либо другим понятиям, таким как цель, план, намерение, последовательность действий и т.п. Нет также ответа на вопрос, являются ли термины «стратегия» и «технология» синонимами, соперничающими друг с другом, а если нет, то каково собственное содержание каждого из них и в чем состоит различие между ними.

Эта противоречивость прослеживается с момента введения данных терминов в изучение человеческого общения Э. Гоффманом и М. Фуко в 70-х гг. двадцатого века. Э. Гоффман, употребляя оба этих понятия (strategy, technology), не дает их определений, а сразу же включает их в контекст своих рассуждений об общении. Его основная идея по данному вопросу следующая: существуют стратегии и технологии общения, схожие с технологиями, используемыми в процессе трудовой деятельности. С помощью стратегий и технологий общения (таких как такт, почтительность, обман и т.п.) люди приспособляются друг к другу и создают социальный ритуальный порядок [Goffman 1969]. М. Фуко, в свою очередь, обращается к понятию технологии для описания власти как технологии управления людьми, используемой в результате какого-либо запроса – политического, административного, семейного и т.д. [Фуко 2004].

Как известно, для прояснения сущности того или иного научного понятия бывает полезно обратиться к его первоисточнику и первоначальной авторской трактовке. Понятие стратегии, по всей видимости, впервые объясняется в изданной в 1960 г. книге когнитивных психологов Дж. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, посвященной

планам – структурам, лежащим в основе поведения людей, животных, а также систем искусственного интеллекта. С точки зрения современной когнитивной науки термин «план» является синонимом таких терминов, как «сценарий», «фрейм», «схема».

В рассматриваемой концепции «план – это всякий иерархически построенный процесс в организме, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций. Для организма план представляет собой то же самое, что и программа для математической машины» [Миллер, Галантер, Прибрам 2000: 20]. Авторы теории отмечают, что исследователь, описывающий план поведения того или иного организма, может представить его двояко: 1) в виде развернутой всеохватывающей структуры с полностью детализированной спецификацией каждой отдельной операции, то есть на уровне микродвижений организма; 2) в виде сокращенного наброска последовательности основных операций – на уровне макродвижений организма. По отношению к организму, выполняющему план, его отдельные микродвижения определяются как тактики, а общая совокупность его макродвижений определяется как стратегия. Стратегические элементы поведения названы авторами этой теории молярными, а тактические элементы поведения – молекулярными. Они пишут, что стратегия может сообщаться человеку в вербальной форме. Например, инструктор сообщает начинающему пилоту стратегию посадки самолета в виде ряда последовательных указаний. Однако чтобы действительно суметь посадить самолет, обучающийся должен самостоятельно овладеть всеми мельчайшими тактиками – микродвижениями, которые должны войти в его мышцы и выполняться ими автоматически. Согласно этой теории, осознание стратегии не является обязательным – именно так обучается ребенок. Животные рождаются с заложенными в них стратегиями; человек же может вводить стратегии произвольно, но когда план прочно закреплен, он становится автоматическим, наподобие врожденного.

Итак, понятие стратегии было введено в гуманитарную науку как когнитивное понятие, как определенный компонент когнитивного плана (сценария), а именно: последовательность выполняемых агентом действий по достижению цели. Но в этой трактовке понятие стратегии становится избыточным. Очевидно, поэтому оно практически не употребляется в современных исследованиях по искусственному интеллекту, в которых структура когнитивного сценария описывается как состоящая из следующих компонентов: агент, цель, последовательность действий, ведущих к цели [Schank, Abelson 1996].

Однако, что касается вербальных сценариев – сценариев порождения дискурса, – то в них, как подсказывает интуиция, такой компонент, как стратегия, имеет свое

собственное содержание. Скорее всего, именно по этой причине данный термин широко применяется в лингвистических исследованиях. Вместе с тем в них, как правило, стратегия приравнивается к другим компонентам сценария или вообще заменяет собой понятия сценария (плана).

В этом отношении показательна работа О.С. Иссерс, в которой приводятся самые разнообразные определения стратегии: «стратегия представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего»; «стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели»; «стратегия <...> это своего рода «насилие» над адресатом, направленное на изменение его модели мира» и т.д. [Иссерс 2003: 54, 100, 102].

Если у дискурсивной стратегии постулируется самостоятельная сущность, то в чем она может состоять? На мой взгляд, стратегия представляет собой некий смысл (в виде концепта или пропозиции), общий для всей последовательности высказываний (речевых актов) говорящего/пишущего. Таким образом, под стратегией имеется в виду не сама последовательность речевых действий, а тот смысл, который ею выражается [Плотникова 2006].

Рассмотрим пример дискурсивного сценария в указанных выше терминах. Предположим, имеется агент (человек говорящий), у которого есть неречевая цель (добиться чего-либо от собеседника). К этой цели могут привести несколько цепочек речевых действий; какая из них будет выбрана, зависит от говорящего. Он может, к примеру, использовать речевые акты жалобы и разжалобить собеседника, чтобы тот отдал ему требуемое. Общий смысл всей цепочки речевых актов будет в этом случае совпадать со смыслом каждого отдельного речевого акта: стратегией такого дискурса будет жалоба. Говорящий, если у него есть на то основания, может использовать речевые акты директивы и приказать собеседнику отдать требуемое: в этом случае он осуществит стратегию власти. Говорящий может также прибегнуть к лжи, используя стратегию неискренности и т.д.

Схематически структура дискурсивного сценария, включающего в себя понятие стратегии, может быть представлена следующим образом (см. схему 1):

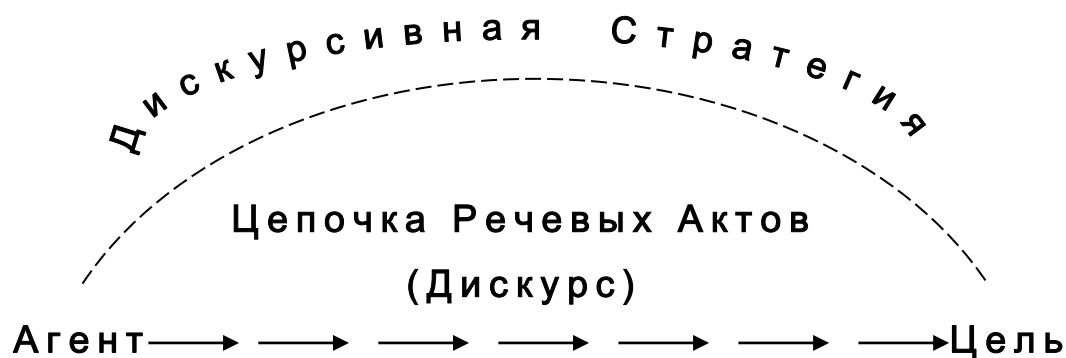

Схема 1. Структура дискурсивного сценария

Данная схема проясняет самостоятельный статус дискурсивной стратегии – она накладывается говорящим «сверху» на порождаемый им дискурс. Поэтому на одну и ту же речеактовую структуру могут быть наложены разные стратегии. Например, говорящий, которому приходится озвучивать навязанный вежливый институциональный дискурс (в интеракции типа: продавец – покупатель), может, даже не изменив в нем ни слова, изменить его стратегический смысл при помощи интонации, выразив вместо доброжелательности презрение.

Это приводит к важному выводу о том, что процесс спонтанного порождения дискурса идет от общего стратегического смысла дискурса к частным смыслам отдельных высказываний, а не наоборот. В сознании говорящего дискурс сразу же порождается как определенный смысловой гештальт, как единый смысл, который будет постепенно им выражен в подходящей для этого речеактовой цепочке. Стратегический смысл не обязательно является осознанным, напротив, чаще всего он носит неосознанный характер. Многие говорящие бывают весьма удивлены той интерпретации своего дискурса, которую они получают: «Вы надо мной издеваетесь», «Вы мне льстите», «Вы смеетесь надо мной», «Вы пытаетесь мною манипулировать» и т.п. Используя эти выражения, интерпретатор показывает, что стратегия говорящего выводится из его отдельных высказываний – она воспаряет из них как основная пропозиция, характеризующая отношение говорящего к собеседнику.

Итак, с позиции говорящего наличие у него стратегии – некоего руководящего смысла – обеспечивает управление говорящим своим дискурсом, порождение этого дискурса определенным унифицированным способом, которого говорящий преимущественно придерживается в процессе общения с другим человеком или другими людьми. Говорящий каждый раз порождает дискурс определенного типа, одноименного с его стратегией. Когда говорящий управляет собой таким образом, чтобы в данной беседе порождать преимущественно неискренний дискурс, он проецирует в

коммуникативное пространство стратегический концепт «Неискренность». Когда он управляет собой таким образом, чтобы преимущественно обвинять собеседника, он проецирует в коммуникативное пространство стратегический концепт «Обвинение» и т.д.

Реализация стратегии – это длящийся процесс, занимающий говорящего в течение определенного времени. Чтобы иметь стратегический характер, смысл должен иррадиировать себя сразу на несколько речевых актов, то есть он должен продуцировать связный дискурс. Пора уже отказаться от произвольного нетерминологического употребления слова «стратегия» типа: «стратегия придаточного предложения», «стратегия запятой», «стратегия вводных конструкций» и т.п. Если говорящий мгновенно переходит от одной стратегии к другой одновременно с переходом от одного слова или предложения к другому, то никакой стратегии у него и вовсе нет. А это означало бы, что у него отсутствует интегративный смысл данного речевого фрагмента. Согласно Э. Гоффману, такое просто невозможно, поскольку любая речь стратегична, в том числе детская речь и речь психически больных людей.

Стратегическая деятельность – это лингвокреативная деятельность, которую совершает не то или иное конкретное языковое средство, а разум данного говорящего. Благодаря понятию стратегии мы видим, что один человек может оказаться лучшим коммуникатором, чем другой. Стратегия говорящего зависит от его свободного или навязанного кем-то выбора. Свобода выбора означает такой способ управления своим дискурсом, которого говорящий *хочет* в данной ситуации. Конечно, многие стратегии неизбежно реализуются в паре – одна из них вызывает к жизни другую. Однако какой-то выбор у говорящего всегда остается. Например, если один говорящий инициирует стратегию власти, то другой может выбрать стратегию подчинения, стратегию отпора, стратегию уклонения от участия в беседе и, возможно, еще какие-то стратегии.

Свободный выбор и наличие альтернативы следует считать важнейшими характеристиками, наблюдаемыми при реализации дискурсивной стратегии. Почему мы все ведем себя по-разному? Почему там, где один ведет себя вежливо и тактично, другой бы повел себя грубо и агрессивно? Почему в одной и той же ситуации один человек сказал бы правду, а другой бы обязательно солгал? Почему один человек сочувствует окружающим и добр к ним, а другой их постоянно оскорбляет и унижает? Ответ в том, что наш собственный уникальный индивидуальный разум заставляет нас быть самими собой и выражать такие стратегические смыслы, благодаря которым наш дискурс каждый раз носит индивидуальный неповторимый характер.

Если дискурсивные стратегии осуществляются по большей части спонтанно, на основе неосознанного свободного выбора, то требуется особый термин для обозначения стратегий, реализуемых осознанно, спланированно и обдуманно и не допускающих никаких отклонений от намеченной цепочки речевых действий. В качестве такого термина в последние годы все чаще используется термин «дискурсивная технология». В современном обществе технологизация дискурса носит массовый всеобъемлющий характер. К примеру, руководители компании замечают, что среди их сотрудников есть выдающиеся, талантливые коммуникаторы; их достижения анализируются, обрабатываются, алгоритмизируются и становятся корпоративными дискурсивными технологиями [Fairclough 1996].

При создании дискурсивной технологии лучшие достижения коммуникативного разума становятся общим достоянием данного дискурсивного сообщества, реализующего уже не спонтанные, а технологичные смыслы, ведущие кратчайшим и наиболее эффективным путем к стоящей перед технологами цели. Это происходит, к примеру, при обучении персонала супермаркета производить в разговоре с покупателями только сугубо доброжелательный дискурс как на вербальном, так и на невербальном уровне; каждое высказывание является при этом заранее подготовленным и заученным применительно к определенной ситуации.

Технологичность дискурса не означает, что все участники коммуникации будут находиться в равных или взаимно выгодных отношениях. Создатели технологий зачастую разрабатывают их в пользу одних людей и против других. Во многих сферах жизни происходит борьба дискурсивных технологий, в частности в политике.

Вместе с тем подход к дискурсу как технологично созданному продукту не отрицает приоритета спонтанного стратегического порождения дискурса, обусловленного автоматически воспроизводимыми социально значимыми сценариями.

Список литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 284с.
2. Миллер, Дж., Галантер, К., Прибрам К. Программы и структура поведения [Текст] / Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 227с.
3. Плотникова, С. Н. Стратегичность и технологичность дискурса [Текст] / С. Н. Плотникова // Лингвистика дискурса-2: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация / Под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – С. 87-98.
4. Фуко, М. Ненормальные [Текст]: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2004. – 432с.
5. Fairclough, N. Technologisation of discourse [Text] / N. Fairclough // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – New York: Routledge, 1996. – P. 143-159.

6. Goffman, E. Strategic Interaction [Text] / E. Goffman. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. – 145p.

7. Schank, R. C., Abelson, R. P. Knowledge and Memory: The Real Story [Text] / R.C. Schank, R.P. Abelson // Knowledge and Memory: The Real Story. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. – P. 1-85.

С.Д. Погорелова
Тюмень, Россия

СТРУКТУРА ГЕДОНИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный: «объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п., и это вторичное членение, обусловленное весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф 1985: 5].

Язык отражает мир, реальный или воображаемый. Отношение между языковыми выражениями и миром состоит в том, что слова, словосочетания, предложения, тексты обозначают то, что есть в мире, – предметы, качества (или свойства), действия, способы совершения действий, отношения, ситуации и их последовательности, то, чему человек дает свою положительную, отрицательную или нейтральную оценку.

Оценочная речевая деятельность человека описана в многочисленных и многоплановых исследовательских работах. Исследователи по-разному подходят к определению сути понятия «оценка» в философском, логическом, психологическом и лингвистическом планах. Это обусловлено, прежде всего, сложностью процесса порождения оценки, во время которого то или иное явление должно быть не только воспринято, но и сопоставлено с существующей моделью мира или с особыми представлениями человека, пропущенными через мыслительную сферу и сферу его чувств, и в результате классифицировано.

Теория ценностей – предмет оживленных споров таких философов, как Аристотеля, Дж.Локка, Спинозы, Д.Юма. В философском словаре понятие «оценка» определяется как «акт выявления и обоснования моральной ценности тех или иных феноменов (поступков, намерений и пр.), из которых складывается сознательная человеческая деятельность.

В системе нравственных отношений оценка выполняет главным образом роль моральной санкции, социальная значимость и эффективность которой определяется

реальным весом морали среди других факторов, детерминирующих человеческое поведение.

Большую роль в изучении феномена оценки играет и лингвистика. Так М.А.Минина утверждает, что оценка является элементом значения языковой единицы любого уровня, участвует в его построении как в качестве центрального, ключевого компонента, так и в качестве одного из микрокомпонентов его сложной иерархической структуры».

При определении оценки будем исходить из того, что «оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего нас мира для нашей жизни и деятельности» (Фабело Х.), т.е. оценка – это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта.

В логике принято выделять следующие компоненты оценки: субъект, объект, основание и характер оценки (Арутюнова Н.Д., Вендина Т.И., Вольф Е.М., Ивин А.А. и другие).

В нашей работе мы рассмотрим структуру гедонистической оценки на материале романа Р.С. Фицджеральда «Ночь нежна».

Согласно классификации Г.фон Райта «Разновидности добра» гедонистическое добро совпадает примерно с тем, что в обычном языке обозначается словом «удовольствие» [Арутюнова 1988: 2].

Слово «хороший» употребляется в гедонистическом смысле в таких выражениях как «хороший запах или вкус», «хороший обед», «хорошая шутка», «хорошее время», «хорошая погода».

Характер оценки – это признание ценности (положительной, отрицательной или нулевой) объекта оценки.

Субъект оценки – лицо (или социум), определяющие ценность того или иного предмета, путем выражения оценки “We found some fine ones in the news of Americans last week”, said Nicole. В данном примере субъектом гедонистической оценки является we. Положительный характер определяется прилагательным fine.

Объект оценки – это предмет или явление, которому приписывается ценность (или антиценность). Looking at it with fascination Rosemary identified herself with it, and laughed cheerfully with it, and everything all at once seemed gorgeous. Объектом оценки является everything. Положительный характер оценки определяется, словом gorgeous.

Основание оценки – это ее мотивация или оценочный признак, т.е. то, с точки зрения чего производится оценивание.

So Rosemary found it a pleasant party, that luncheon, nicer in that there were only seven people, about the limit of a good party. Оценка дается на основании того, что there were only seven people, about the limit of a good party. Положительный характер оценки определяется, словом pleasant.

Анализ 224 случаев гедонистической оценки позволяет сделать следующие выводы:

1. Субъект оценки определяется лицом (172 случая), а также группой людей (32 случая). В 20 случаях субъект отсутствует.
2. Объектом может быть конкретный предмет (21 случай), человек (61 случай), а также какое-либо явление (65 случаев) или действие (43 случая). В 34 случаях объект отсутствует.
3. Основание оценки определяется отношением субъекта к объекту. В 195 исследуемых случаях основание отсутствует.
4. Положительный характер оценки имеет место в 159 случаях. 58 случаев гедонистической оценки имеют отрицательный характер, 7 - нулевой.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Об объекте общей оценки [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. - 1985.- №3.- С. 4-6.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988.- 339с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. - 896с.
4. Вольф, Е. М. Оценочная шкала и асимметрия плюса и минуса [Текст] / Е. М. Вольф // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. – М., 1985. - С. 36-37.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. - 228с.
6. Ивин, А. А. Основания логики оценок [Текст] / А. А. Ивин – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1970. – 230с.
7. Романовская, А. Л. Оценочный фактор в системной организации лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. Л. Романовская. – Минск, 1993. - 21с.
8. Селяев, А. В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. В. Селяев. – Нижний Новгород, 1995. - 20с.

**КОД И КОМПОЗИЦИЯ
ГРАФИЧЕСКОГО И ВЕРБАЛЬНОГО ТЕКСТОВ
(на материале сочинений-описаний по картине)**

«Словесный и иконический язык рисованных изображений, – отмечал Ю.М. Лотман, – изоморфны «внесемиотическому миру реальности, отображением которого на некоторый язык они являются» (благодаря чему возможен обмен сообщениями между этими семиотическими системами) [Лотман 1992: 18]. Вместе с тем, вербальный и графический тексты имеют знаковую природу и сближаются друг с другом по многим критериям [Елина 2003: 32-33]. Исходя из этого, мы полагаем, что экспериментальное изучение процессов трансформации текстов разной семиотической природы возможно, в частности, на материале вербального воспроизведения (описания) графических текстов – картин. Для выявления некоторых механизмов перекодирования текстов был проведен эксперимент с использованием методики, примененной К.И. Белоусовым для анализа текстов-описаний картины «Дети в лесу» [Белоусов 2005: 128].

Студентам 1-2 курсов (32 информанта) было предложено сделать описание картины А.А. Иванова «Явление Христа народу» (рис. 1). Поскольку каждый из изображенных объектов в сочинениях обозначался разными способами (например, Иисус, Спаситель, Мессия и т.д.), была проведена инвентаризация всех объектов с целью их единообразной маркировки. Принятые нами условные обозначения объектов на картине представлены на рис. 1. Затем были определены координаты объектов в каждом тексте на позиционной шкале от 0 до 1. Суммировав данные по всем текстам, мы получили статистическую картину, отражающую порядок появления объектов в вербальном тексте. На основе этих данных был проведен корреляционный анализ для выявления совместной согласованной встречаемости объектов картины в текстах-описаниях. Данные были получены в виде таблицы значений коэффициентов корреляции, а затем для удобства преобразованы в схему, представленную на рис. 2. О наличии связи между объектами говорят значения коэффициентов корреляции в полученной нами таблице. Связь считается существующей, если значение коэффициента корреляции (как положительное, так и отрицательное) превышает 0,5. В нашем случае наличие прямой корреляционной связи (положительное значение в таблице) между объектами говорит о том, что если в текстах-описаниях упоминается один объект, в большинстве случаев упоминается и другой.

Старик с бородой справа края	Холм, объекты вдали, горы
Юноша в сером плаще	Иоанн Креститель, крест
Легтионеры на лошадях	Иоанн Богослов
Группа фарисеев	Петр
Отец	Андрей
Сын	Нафанаил
«Аполлон»	Группа апостолов
Иисус Христос	Дерево
Вирюзовые одежды	Обнаженный мальчик
Поднимающийся старик	Старик с посохом
Поднимающий старика юноша	Иордан, берег
Раб	
Хозяин	
Мужчина в красном головном уборе	
Группа странников	

Рис.1. Картина А.А. Иванова «Явление Христа народу» и обозначения объектов

Полученные результаты позволяют проанализировать способы группировки объектов в текстах-описаниях и выделить принципы их объединения на основе сопоставления с расположением объектов на картине – в тексте-оригинале. Так, мы видим, что самые сильные корреляционные связи образуются между объектами, которые на картине находятся в непосредственной близости друг от друга; можно сказать, что они образуют «мини-группы», в которых наблюдается единое направление взглядов, сходство поз («Отец» – «Сын», «Обнаженный мальчик» – «Старик с посохом»), присутствуют жесты по направлению друг к другу («Иоанн Богослов» – «Андрей» – «Петр», «Хозяин» – «Раб», «Поднимающийся старик» – «Поднимающий старика юноша», «Юноша в сером плаще» – «Старик с бородой с правого края»).

Ее расположение в пространстве (на картине) по форме напоминает треугольник, вершиной которого является Иисус Христос. Сюда входят «Группа апостолов» и связанный с ней «Крест», «Группа странников» и связанные с ними «Берег» и «Группа фарисеев», а также «Легионеры на лошадях». На картине эти объекты выстраивают горизонталь противостоящих сил и различных отношений к фигуре Иисуса Христа, а горизонталь связана с деятельностью аналитического сравнения [Бродецкий 2000: 95], что, видимо, и является сущностью сюжета.

Итак, персонажи на картине группируются с разных позиций: принадлежность к природе («Обнаженный мальчик», «Старик с посохом» – они обнажены и стоят в воде, «Легионеры на лошадях» – возможно, именно потому, что они *на лошадях*), социальные отношения («Сын», «Отец», «Хозяин», «Раб»), а также идеология, поиск истины («Группа Иисуса Христа»).

Кроме того, существует ряд объектов, которые со всеми остальными коррелируют очень слабо либо не коррелируют вообще. Это, например, объект «Нафанаил», обнаруживающий только одну условную связь с объектом «Бирюзовые одежды». На картине персонаж Нафанаил отличается отсутствием взгляда и жестов. Руки его спрятаны под одеждой, цвет которой (бирюзовый), видимо, и явился основанием его единственной корреляционной связи. Также обособлена мини-группа «Юноша в сером плаще» – «Старик с бородой с правого края». На картине эти персонажи находятся рядом с группой фарисеев, но выделяются (по сравнению с фарисеями) живостью жестов юноши и взгляда старца. Видимо, для информантов представляется сложным определить, к какой именно группе принадлежат эти персонажи. Наконец, объект «Иоанн Креститель» не обнаруживает ни одной корреляционной связи (поэтому отсутствует на схеме), то есть появляется в текстах-описаниях независимо от других объектов. На картине Иоанн Креститель более других выделен размерами и жестами и является главной фигурой переднего плана.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: в процессе вербализации графического текста объекты выделяются и группируются, прежде всего, по близости расположения относительно друг друга; для одушевленных персонажей критерием группировки могут являться жесты и взгляды; группировка объектов может также осуществляться по функционально-смысловому принципу («Группа Иисуса Христа», «Природа»).

Список литературы

1. Белоусов, К. И. Введение в экспериментальную лингвистику [Текст]: Учеб. пособие / К. И. Белоусов, Н. А. Блазнова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 136с.

2. Бродецкий, А. Я. Внеречевое общение в жизни и в искусстве: Азбука молчания [Текст]: Учеб. пособие для творческих учеб. заведений, фак. педагогики и психологии / А. Я. Бродецкий. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 192с.

3. Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект): дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Е. А. Елина. – Волгоград, 2003. – 382с.

4. Лотман, Ю. М. О семиосфере [Текст] / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т.1. – С. 11-24.

О.Ю. Подъяпольская
Челябинск, Россия

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА

Эпистолярный дискурс представлен множеством разнообразных эпистолярных текстов (писем, различного рода открыток и другой корреспонденции, служащей для переписки) и представляет собой образование, включающее два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный и коммуникативный контекст, и ее результат (т.е. текст). В связи с многообразием сфер коммуникации, в которых функционирует эпистолярный текст, в данной статье мы ограничимся рассмотрением коммуникативно-прагматических особенностей эпистолярного дискурса в рамках частной переписки (письма к знакомым, родителям, друзьям, возлюбленным).

Эпистолярный дискурс является письменной формой коммуникации и фактически представляет собой нейтрализацию оппозиции «диалог – монолог», поскольку обнаруживает не только все признаки монологического высказывания (распространенность высказывания, его законченность, логическую последовательность, синтаксическую оформленность и ряд других), но и некоторые черты диалогического общения (наличие иницирующих и реагирующих реплик, не обладающих самостоятельностью и смысловой законченностью, тематическую преемственность писем, вероятность обратной связи).

Основными системообразующими категориями эпистолярного дискурса, основу которого составляют документальные автобиографические тексты, являются: категория персональности, категория адресованности, категория референции, категория модальности, а также категория имплицитности, которые обнаруживают в нем свою специфику.

Адресант и адресат эпистолярного текста в рамках частной переписки носят персонифицированный характер. Персональность эпистолярного текста выражается

прежде всего в перволичной повествовательной форме, а также в использовании имен собственных и личных местоимений для обозначения коммуникантов. На выбор средств номинации, а также на степень их клишированности / оригинальности оказывает влияние соотношение статусов коммуникантов, а также характер межличностных отношений адресанта и адресата. Необходимо также подчеркнуть, что автор и рассказчик эпистолярного текста как текста документального совмещен в одном лице (автор = рассказчик) в противоположность к тексту художественному (в данном случае основанному на вымысле, фикциональному), где автор дистанцируется с рассказчиком. Кроме того, наличие в эпистолярном тексте подписи, которая идентифицирует личность адресанта, является своеобразным «гарантом» подлинности текста.

Адресат письма, как правило, представляет собой конкретное, лично (либо косвенно) знакомое адресанту лицо. В зависимости от своеобразия модели речевой коммуникации, лежащей в основе эпистолярного дискурса, в нем могут быть выделены различные виды адресата: 1) персональный адресат-«Другой»; 2) персональный адресат, совмещенный с адресантом в процессе автокоммуникации (термин Ю.М.Лотмана).

Эпистолярный диалог с каждым из перечисленных адресатов проявляет ряд особенностей. При наличии персонального адресата-«Другого» процесс эпистолярной коммуникации отсрочен во времени и разделен в пространстве. Эпистолярная коммуникация в данном случае может быть обратима (т.е. адресант и адресат могут меняться местами). Данный вид эпистолярной коммуникации является основным в эпистолярном дискурсе и представляет собой бытовое общение, которое происходит между хорошо знакомыми людьми и сводится в основном к поддержанию контакта и решению обиходных проблем [Карасик 2000].

Коммуникация с персональным адресатом, совмещенным с адресантом в процессе автокоммуникации, предполагает отсутствие временной и пространственной дистанции. Субъект (адресант) передает сообщение самому себе как объекту передачи сообщения (адресату). В данном случае письмо сближается с дневниковыми записями и проявляет черты бытийного дискурса [Карасик 2000], в котором предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве. Автокоммуникативная модель речевого поведения может реализовываться только в частной переписке и обусловлена ее закрытостью для посторонних, а также доверительными отношениями между корреспондентами, располагающими к самораскрытию.

И первая, и вторая разновидность персонального адресата, а также адресант эпистолярного текста непосредственно вовлечены в процесс коммуникации, что находит эксплицитное выражение на формальном уровне эпистолярного текста.

Своеобразие статуса опубликованного эпистолярного текста откладывает отпечаток на модель коммуникации, реализуемой посредством переписки. При появлении признаков публичности адресат приобретает такие черты, как обобщенность и множественность. Данный вид адресата мы обозначаем как обобщенно-потенциальный (потенциальный, поскольку он не всегда предполагается при производстве эпистолярного текста и появляется лишь в случае публикации переписки). Коллективный адресат-читатель не вовлечен непосредственно в прагматическую ситуацию и выступает скорее в качестве арбитра. Процесс коммуникации отсрочен и не предполагает смену коммуникативных ролей. Кроме того, у автора эпистолярного текста отсутствует установка на данный вид адресата, что обуславливает вовлечение в процесс коммуникации своеобразного посредника-комментатора.

Как дискурс, основу которого составляют тексты документальные, эпистолярный обладает референцией к реальному миру и характеризуется объективной пространственно-временной локализованностью, актуализаторами которой выступают эксплицитно заявленные место и время написания письма, маркирующие момент речи адресанта. Неканоничность эпистолярной коммуникации (невыполнение условия единства времени и места, по Лайонзу [цит. по Падучева 1996: 244]) накладывает отпечаток на интерпретацию референции некоторых дейктических элементов, которые ориентируются не на момент речи адресанта, а на момент прочтения письма адресатом (дейктическая проекция, по Лайонзу [там же]). Данное явление связано с тем, что эпистолярный текст, с одной стороны, фиксирует пространственно-временную оппозицию адресанта и адресата, а с другой стороны, с помощью различных приемов создает «эффект присутствия», «иллюзию совмещения двух точек референции» [Виноградова 1991: 16], поскольку участники эпистолярной коммуникации стремятся преодолеть разделяющую их пространственную и временную дистанцию.

Признаком текста, характеризующегося референцией к реальному, а не к вымышленному (как в фикциональных текстах) миру, является модальность реальности, или повествовательный индикатив [Руднев 1996: 26]. Отличительной особенностью повествовательного индикатива является его связь с реальностью посредством отношения взаимной зависимости, т.е. индикативное высказывание «скоординировано» с действительностью [там же: 27]. Модальность реальности предполагает фактуальный режим повествования (необходимость излагать только то, что известно, с указанием источника информации) [Женетт 1998: 395].

Эпистолярный дискурс отвечает данным требованиям, поскольку отражает реальные события из жизни автора. Однако в некоторых случаях эпистолярный не

исключает некоторой фикциональности. Это происходит в том случае, если он является продуктом личности, стремящейся к творческому переосмыслению действительности (например, писателя). Фикциональность проявляется во включении в текст письма, например, как целых литературных произведений, так и отдельных высказываний фикционального характера, которые могут быть различным образом интегрированы в текст письма. Данный факт сближает эпистолярный дискурс в рамках частной переписки с художественным дискурсом.

Еще одной характерной чертой эпистолярного дискурса является высокий уровень имплицитной информации, которая является следствием интимного характера эпистолярной коммуникации в частной сфере и отражает установку на персонального адресата, владеющего общим с адресантом фондом знаний (пресуппозиций). Данный факт позволяет опускать известную, а, следовательно, в определенной мере избыточную информацию в тексте без ущерба для адекватного понимания написанного. Наличие у коммуникантов общего фонда пресуппозиций определяет характер имплицитности эпистолярного дискурса, которая по представленности смысловой информации может быть обозначена как поверхностная [Нефедова 2001: 254], т.е. легко поддающаяся восстановлению персональным адресатом.

Эпистолярный текст как продукт дискурса обладает определенными типологическими особенностями, включающими структурно-композиционное построение, функциональное назначение, тематическое наполнение, а также языковое оформление текста. С точки зрения структурно-композиционного построения частная переписка может включать как «полужесткие» [Рычкова 1990: 223] тексты (не полностью стандартизированные), так и «гибкие» тексты (никак не регламентируемые) [там же]. Определяющим фактором выступает степень неформальности отношений между адресатом и адресантом, которая и ведет к отклонениям от принятой модели в структурном и композиционном планах, что выражается в элиминации некоторых традиционных элементов композиции и структуры эпистолярного текста (формул приветствия, традиционных этикетных вопросов о семье, здоровье, знакомых и т.д., датирования писем).

Относительно частного письма существует широкий стилистический диапазон, что предполагает использование как относительно клишированных, так и оригинальных элементов. Ряд ученых, рассматривающих разновидности частного письма [Белунова 2000; Билецкая 1986; Прохоров 1964], отмечают, что в стилистическом отношении данный вид эпистолярия представляет собой синтез нескольких функциональных стилей. Данный факт обусловлен политематичностью и полифункциональностью

частного письма. Частное письмо, по сути, представляет собой синтезированный тип текста. Наряду с элементами разговорного стиля в нем существенное место занимают элементы книжного стиля (художественного, научного, публицистического). Среди стилевых черт частных писем могут быть названы неофициальность, неформальность, доверительность, эмоциональная окрашенность, некоторая фамильярность.

Список литературы

1. Белунова, Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): дис. ... д. ф. н. [Текст] / Н. И. Белунова. – СПб.: СПГУ, 2000. – 473с.
2. Билецкая, О. П. Реализация личностного характера общения в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса [Текст] / О. П. Билецкая. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986. – 32с.
3. Виноградова, Е. М. Эпистолярные речевые жанры: прагматика и семантика текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. М. Виноградова. — М., 1991. – 20с.
4. Женетт, Ж. Фигуры [Текст] / Ж. Женетт // Под ред. С. Зенкина. – Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472с.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
6. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русск. культуры, 1999. – 464с.
7. Нефёдова, Л. А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации: На материале французских текстов и их переводов на русский язык: дис. ... д. ф. н. [Текст] / Л. А. Нефедова. – Челябинск, 2001. – 308с.
8. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: Языки русск. культуры, 1996. – 464 с.
9. Прохоров, Е. И. Издание эпистолярного наследия [Текст] / Е. И. Прохоров // Принципы издания эпистолярных текстов. – М., 1964. – С. 6-72.
10. Руднев, В. П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста» [Текст] / В. П. Руднев. – М.: Гнозис, 1996. – 207 с.
11. Рычкова, Л. В. О понятии «тип текста» в лингвистике [Текст] / Л. В. Рычкова // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. – Гродно, 1990. – С. 220-226.

Л.С. Полякова
Магнитогорск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПОЛИТИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современное состояние политического языка в последние годы привлекает к себе все больше внимания со стороны ученых разных направлений лингвистики: (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, О.И. Воробьева, В.З. Демьянков, Е.Г. Казакевич, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, П.Б. Паршин, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.). Тем не менее, исследователи до сих пор не сошлись в едином мнении относительно трактовки данного понятия и рассматривают его неоднозначно.

Однако все ученые сходятся в одном мнении: политический деятель использует язык в своих выступлениях для того, чтобы позиционировать себя совершенно определенным человеком, заявить об определенной позиции, высказать те или иные идеи, воздействовать на ход событий. Рассмотрев данную мысль на примерах речей отечественных и зарубежных политических деятелей, мы пришли к выводу, что их язык очень специфичен и обладает существенными отличиями, которые не свойственны политическому языку других членов социума: журналистам, полит-комментаторам, избирателям.

На основе анализа подходов к пониманию «политического дискурса» и «политического языка» в работах лингвистов, из собственного исследования, мы пришли к выводу, что политический дискурс - это сложное коммуникативное пространство, средством реализации которого является политический язык, внутри которого функционирует язык политика, не только отражающий политическую реальность, но и принимающий участие в ее создании и изменении.

Мы считаем, что устоявшийся термин «политический язык» является более широким понятием, чем «язык политика», т.к.- это язык всех участников политического пространства, в то время как язык политика – это язык, детерминированный статусом политика, указывающий на его профессиональную деятельность, имеющий авторскую принадлежность.

Мы исходим из того, что образ политика – сложная конструкция, которая может быть достаточно далекой от реальной личности политика, избиратели все равно соотносят его с биологическими чертами своего пола. Соответственно, слушатели заранее наделяют политического деятеля типичными в их представлении речевыми характеристиками. Изменение стиля речи наделяет политика, в восприятии аудитории на подсознательном уровне, чертами противоположного пола. К подобной тактике прибегают политики для придания нужных в глазах избирателей качеств.

Следует также уточнить, что язык политика имеет авторскую принадлежность (несмотря на то, что в его создании принимают участие привлеченные специалисты), которая отличает одного политика от другого. Чем успешнее создается речевой портрет политика, тем более узнаваем становится и сам язык политического деятеля, и, соответственно, сам политик.

По нашему мнению язык политика обладает следующими особенностями:

- 1) он является главным фактором в создании речевого портрета политического деятеля;
- 2) функционирует внутри политического языка;

3) служит средством формирования необходимого имиджа;

4) использует различные стратегии, тактики, приемы и методы для достижения конкретной цели.

Таким образом, если **политический язык** – это язык, действующий на всем политическом пространстве, предназначенный для политической коммуникации и обладающий своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием, то **язык политика** – это конструируемый на уровне отбора языковых средств созданный для политических деятелей язык, использующий феминные/маскулинные характеристики для быстрого установления контакта с целевой женской/мужской аудиториями и для целенаправленного воздействия на гендерные группы.

Этими приемами политики успешно пользуются. Так, для публичных выступлений политика М. Тэтчер характерно предпочтение маскулинных качеств речевого поведения, что особенно ярко проявляется в торжественных речах политика. Например, в выступлении, посвященном победе над Фолклендскими островами, проводятся прямые аналогии с победой во Второй мировой войне, хотя в действительности, в контексте исторических реалий, войны как таковой на Фолкленде и не было, но такие пышные, величественные сравнения нужны были для придания уверенности, силы политику и созданию образа «воина-победителя», при этом подчеркивался вклад каждого члена нации в победу: *... every one realised that his contribution was essential for the success of the whole - каждый понимал, что его вклад был решающим для общего успеха. All were equally valuable—each was differently qualified. – Все были в равной степени полезны, каждый был специалистом в своей области; придание исключительной значимости не самому большому событию: it took the demands of war for every stop to be pulled out and every man and woman to do their best - Война потребовала устранить каждое препятствие, каждому мужчине и женщине сделать всё возможное* (Margaret Thatcher: Speech to Conservative Rally at Cheltenham, July 3, 1982). У слушателей складывается впечатление, что речь произносит не только яркий, сильный политик, но и мужественный воин-победитель, который чествует свою, абсолютно преданную ему армию, при этом возникают образы исторических персонажей – «победителей»: У. Черчилля, адмирала Нельсона. В результате происходит подсознательное перенесение маскулинных качеств воина-победителя на женщину-политика М. Тэтчер.

В то же время Т. Блэр чаще использует в своих речах типично феминные качества. Например, эмоциональное состояние политика часто передается на уровне лексики: *we are glad, we mourn, we hope, we believe*, что является использованием

характеристик типичного женского речевого поведения. Наиболее ярко это проявляется при объяснении скандала после разоблачения фальсификации разведданных по Ираку. Политик использует такие характерные для женской речи обороты, как *we couldn't admit, we had no idea, we were given inaccurate facts* – *мы не могли это подтвердить, мы и понятия не имели, нам представили не до конца проверенные факты*. То есть, с одной стороны, происходит переложение вины на других, но, с другой стороны, Т. Блэр отказывается признать свою ошибку: *We can't make headlong decisions; we will stay in Iraq for the sake of our lost people.* - *Мы не можем поступать опрометчиво, мы останемся в Ираке во имя уже понесенных жертв* (T. Blair Statement, July 7, 2005).

Наряду с данной стратегией, для языка политика характерны и другие приемы. Например, в публичных выступлениях политика Хилари Клинтон прослеживается частое применение гендерных стереотипов. Так, стереотип «равные права» превращается в ее обращении в гендерный, так как рассказ посвящен правам женщин: *Today, on International Women's Day, we have the opportunity to once again reaffirm the message that human rights are women's rights, and women's rights are human rights.* - *Сегодня, в международный женский день, мы вновь можем заявить о нашей позиции, что права человека – это права женщин, а права женщин – это права человека.* (March 8, 2007 Statement of Senator Hillary Rodham Clinton on International Women's Day)

Эта фраза содержит речевую эквилибристику: *права человека = права женщин*, за ее рамками остается вопрос, а права мужчин, это не права человека? Но данное высказывание обращено исключительно к женщинам, поэтому Х. Клинтон говорит, как феминистка. Учитывая, что речь посвящена празднику 8 марта, то есть изначально рассчитана на женщин – феминисток, можно увидеть в ее выступлении еще один прием, характерный для языка политика: гендерную тактику речевого «отзеркаливания» аудитории: *...there is still a great deal of work we must undertake to help women achieve equal rights, equal protection, and equal status in their communities.* - *... но мы еще многое должны сделать, чтобы помочь женщинам добиться равных прав, одинаковой защиты и положения в обществе.*

Х. Клинтон умело использует и традиционный стереотип американской мечты с гендерным стереотипом «послушная дочь»: *Well, obviously I believe in the basic bargain that I was raised with. You know, if you work hard, you play by the rules, you ought to be able to get ahead. And that's what I was raised with and I think that is at the heart of the American Dream.* - *Я полностью верю в одну истину, которая была основой в моем воспитании. Знаете, если вы много работаете, вы играете по правилам, то вы обязаны добиться успеха. На этом правиле я была воспитана и думаю, что оно и раскрывает сердце*

американской мечты (March 15, 2007 Senator Hillary Rodham Clinton's Remarks on Subprime Lending to the National Community Reinvestment Coalition). Х. Клинтон создает образ правильной, послушной дочери, которая добилась успеха, потому что следовала советам родителей. В сущности, этот образ полностью противоречит образу феминистки, отстаивающей права женщин, поэтому мы вновь видим также и прием речевого «отзеркаливания».

Таким образом, язык политика характеризуется использованием различных приемов, которые делают его индивидуальным и выделяют из общего пласта политического языка.

Список литературы

1. Margaret Thatcher Foundation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.margaretthatcher.org>, свободный.
2. Prime Minister's Speeches. Archive [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.number-10.gov.uk/output/Page5.asp>, свободный.
3. Senator Hilary Rodham Clinton, Senator from New York [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.clinton.senate.gov, свободный.

И.А. Попова
Белгород, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОГНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И. БУНИНА

Огонь, многополярный и антиномичный, – один из ключевых образов всех мировых культур, один из первоэлементов творения мира и необходимое условие существования человека. У каждого народа исторически сложились свои наиболее распространённые представления об огне.

Мифологическая семантика огня у древних славян связана с уютом домашнего очага, очищением, любовью, идеей справедливости, но иногда и враждебностью. Христианство дополнило этот состав представлениями о душе как частице божественного огня, о материализации Святого Духа и вечным пламенем Ада. Европейская традиция понимала, вслед за Гераклитом, огонь как символ преобразования и перерождения. В странах Востока огонь – это «солнечное пламя», жизнь и здоровье в сочетании с коннотацией высокого социального положения. Художественный дискурс И. А. Бунина, вбирающий в себя культуры народов России и Украины, Европы и Востока, репрезентирует образ огня в индивидуально-авторской манере, наполняя его качественно иным спектром значений и коннотаций, который подвергался переосмыслению на разных этапах творчества и эволюционировал, обозначая тем самым развитие авторского сознания.

Метод контекстуального анализа слова обнаруживает семантическую основу идиостиля в таких категориях, как художественное значение слова, его типология, семантическая организация слова в художественном произведении, индивидуальность словоупотребления как синтез общего и частного. Слово в художественном тексте выражает чувство и отношение, фокусирует, аккумулирует и передаёт авторскую модель мира. Образ огня как один из механизмов функционирования художественного дискурса проявляет себя в различных индивидуально-авторских тропах: метафоре, сравнении, олицетворении, эпитете, а также в их контекстуальном взаимодействии – конвергенции («соединении») и контаминации («наложении»). Индивидуально-авторские образные средства, посредством которых максимально полно способна раскрыться креативная функция языка, основываясь на накопленном когнитивном опыте читателя, обладают богатейшими прагматическими возможностями, особенно в случае их контаминации: - - Сияющий голубым эфиром дым ещё не совсем испарившегося тумана- - (В цитатах из художественных произведений пропуск текста в пределах одного предложения обозначен знаком - -), где цепочка эпитетов (подчёркнуты сплошной линией) накладывается на образ сравнения (отмечен пунктиром), предмет сравнения (полужирный курсив) – метафора. Образ в подобных случаях употребления предстаёт как сложная семантическая организация, концентрированно передающая многомерность феномена огня.

Для художественной прозы И. Бунина характерна наибольшая активность номинаций огня следующих концептуально-тематических групп: «Состояние вещества» (огонь, огонёк, костёр, пламя), «Продукты горения» (дым, чад, пепел), «Колоративы огня» (огненный, пепельный, дымный). В ранней прозе средствами огня передаются:

явления природы: гроза (- -огненными змеями молний- -), небесные тела (- -Слабо белел широкий, раздваивающийся дымно-прозрачными рукавами Млечный Путь- -), вьюга (- -в дыму вьюги- -), весна (- -серо-зелёный дымок распускающихся лозин- -), восход солнца (- -На горизонте чуть-чуть показавшееся солнце задрожало тонкой огнистой полоской.);

ночной пейзаж: - -Как несметные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещут далёкие и близкие огни: золотые, мелкие – густо насыпанные, среди тёмных садов на скутарийском берегу; роями усевшиеся сверху донизу на гору Галаты; изумрудные и рубиновые, крупные – на мачтах в Золотом Роге, на буюх, сторожевых лодках, длинно отражающиеся в зеркальной воде; редкие и сонные – в Стамбуле, спящем с открытыми блестящими глазами на своих холмах против луны...;

чувства и состояния человека: *В чаду беспричинной напряжённой весёлости- -; - - Жгучая злота, ревность разрывала мне сердце;*

портретные характеристики: *- чудесные пепельные волосы- -; - - с горящими, как уголья, радостно-бешеными и молящими глазами;*

артефакты: поезд (*В сумерки мимо неё [железнодорожной будки] проходит цепь огненных глаз*).

Пьер Фабр, представляющий европейскую систему взглядов на стихию огня, отмечает: «В природе существует два вида огня: первый является производным чистейшей серы, освобождённой от всех грубых примесей земли, – таков огонь...молнии; второй же имеет источником грубую нечистую серу, смешанную с землёй и солями, – таков огонь, получаемый от дерева и смолистых веществ» [Башляр 1993: 159-160]. Первый вид огня, по классификации П. Фабра, является одним из ведущих мотивов повести «Суходол». Второй выражается в активном метафорическом употреблении лексем тематической группы «Продукты горения» как в ранней, так и в более поздней прозе И. Бунина.

Образ огня в начале творческого пути предстаёт как стихия, с помощью которой автор поэтизирует природу, он лишён враждебности. Имеющиеся в текстах картины пожаров тоже сопровождаются положительным коннотационным. Негативные оценки чаще встречаются в изображении человеческих состояний.

Анализ зрелой и поздней прозы по тем же функциональным составляющим показал, что образ огня редуцируется до «продукта горения», самый активный участник процесса вторичной номинации – дым (*На горизонте всё что-то тлеет; солнечная дымка- - ; - - снежный дым; Далеко впереди- - рассыпаны красные и белые огни, стоит розовое зарево города, и ночь над ним и над морским заливом черна и мягка, как сажка; - - с ничего не выражающими глазами цвета сажки; пепельной вуалькой -*). Исчезает и первый, и второй тип огня, пропадают сами признаки горения. Черта идиолекта, проявившая себя в ранней прозе, – передавать номинацией дыма неоднородность состава воздуха пронизывает всё текстовое пространство прозы, перетекая в другие тематические пространства: *В оливковый весенний дымок сливалась ещё голая ивовая поросль; - - в лунном дыму- -, - - в морозной дымке, - - дымную морскую синеву- -*. Намеченная в прозе раннего периода оппозиция «огонь» – «дым» по количеству употреблений и дериватов (ср.: *огонёк, огнистый, огненно-карий, огненно-белый и дымок, дымчатый, дымный, дымно-красный, дымчато-белый, дымчато-сизый, смугло-дымчатый*) превращается в «дым» – «огонь». Функциональная направленность образа сводится к обозначению цвета, причём, как правило, сложному.

Огонь в прозе И. Бунина проходит путь от «явления горения» до «дыма». Несмотря на то, что цикл рассказов позднего периода «Тёмные аллеи» признан «Энциклопедией любви», «огня страсти» в них нет (узусы *жар любви* и *огонь любви* присутствуют в цикле только в качестве цитаций). Любовь, по Бунину, эфемерна и скоротечна. Всё, что от неё остаётся, – дым и воспоминания. Огонь, созерцающий красоту природы и передающий её, – сквозной образ, проходящий через все этапы творчества И. Бунина, «дым любви» – результат его семантической эволюции – составляют часть идиолекта Бунина-прозаика и характеризуют особенность его миропонимания.

Список литературы

1. Башляр, Г. Психоанализ огня [Текст] / Г. Башляр; пер. с франц. и вступ. ст. Н. В. Кисловой, ред. В. П. Гайдамака. – М.: Прогресс, 1993. – 176с.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений [Текст]. В 6-ти т. / И. А. Бунин; редкол.: Ю. Болдарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; коммент. А. Бабореко, статья-послесловие Л. Крутиковой. – М.: Худож. лит., 1988.

С.А. Пушмина
Тюмень, Россия

ДВОЕМИРИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Способность человеческого сознания обобщать и категоризировать свои представления о действительности складывается в понятие «картина мира», но существует мнение, что можно выделить две или более картин мира.

Интерес к проблеме изучения данного понятия всегда волновал исследователей. Данной теорией и смежных с ней занимались такие лингвисты, как Бахтин М.М., Гуревич А.Я., Евсюкова Т.В., Карасик В.И., Колшанский Г.В., Кубрякова А.П., Лотман Ю.М., Маслов В.А., Новикова Н.С., Степанов Ю.С., Стернин И.А., Черемисина Н.В., Якобсон Р.и др.; также зарубежные авторы: Abelson, E. Chrzanowska-Kluczevska, T.A. ван Дейк, U.Есо, В. Кинч, R.W. Langacker, G. Lakoff, M.A. Minsky, S.E. Palmer, R. Ruth, M.L. Ryan, Schank, P. Werth. Тем не менее, понятие «двоемирия» не получило должного освещения в литературе.

Концепция существования иных миров, отличных от нашего, возникла в литературе в XVIII веке. Пример — «Кандид» Вольтера, где один из персонажей, Панглос, заявляет, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Однако вплоть до XX века идея многомирия ни в фантастике, ни в науке своего развития не получила.

Шестидесятые годы прошлого века стали временем интенсивной разработки *идеи двоемирия* в самых разных ее вариантах. Это и параллельные миры, развивающиеся

независимо друг от друга, это и миры, развивающиеся независимо, но связанные друг с другом множеством подпространственных переходов, это миры, друг из друга вытекающие, как ручьи.

А. Костерин в статье «Личность в многомирии» отмечал, что «Многомирие или Мультиверсум – это мироздание, рассматриваемое как система параллельно существующих миров и отражающая всё многообразие вариантов всех событий, в них происходящих. Теоретическое обоснование такого подхода создал в 1954-57 годах американский физик Хью Эверетт, выдвинув гипотезу, что квантовое описание события охватывает всю реально существующую совокупность возможных вариантов этого события» [Костерин].

Впервые понятие «*многомирие*» было введено в лингвокультурологию Н.С. Новиковой и Н.В. Черемисиной. В своей статье «Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира» они отводят познанию реального многомирия и специфике его отражения в языковой и текстовой картине мира особую роль [Новикова 2000: 42].

Материалом нашего практического исследования послужила петербургская поэма Ф.М. Достоевского «Двойник». Обоснованием для выбора послужила единая фабульно-сюжетная основа произведения.

Господин Голядкин непрощеным прорывается на званый обед, опозоривает себя, и на обратной дороге встречает своего двойника, который через довольно малое время поступает в тот же департамент, в котором служил и сам господин Голядкин, и постепенно завоевывает положение в обществе, а наш герой окончательно сходит с ума.

Герой интересуется Достоевского как *особая точка зрения на мир* и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, *чем является для героя мир* и чем является он сам для себя самого [Бахтин 1979: 145].

Герой романа — г. Голядкин — один из тех обидчивых, помешанных на амбиции людей, которые так часто встречаются в низших и средних слоях нашего общества. Ему все кажется, что его обижают и словами, и взглядами, и жестами, что против него всюду составляются интриги, ведутся подкопы. Это тем смешнее, что он ни состоянием, ни чином, ни местом, ни умом, ни способностями решительно не может ни в ком возбудить к себе зависти. Он не умен и не глуп, не богат и не беден, очень добр и до слабости мягок характером. На его пути встречается Голядкин — младший, олицетворяющий *второй мир героя*.

Добролюбов в статье «Забитые люди» (1861) определил «двойничество» как центральную для повести тему «раздвоения слабого, бесхарактерного и необразованного человека между робкою прямою действий и платоническим стремлением к интриге, раздвоения, под тяжестью которого сокрушается наконец рассудок бедняка». В связи с этим Добролюбов подчеркнул, что *мир Голядкина-младшего* — лишь психологическая проекция тех робких и нерешительных мечтаний об «интриганстве», которые рождаются в голове героя под влиянием успеха окружающих его реальных интриганов: «...отчасти практическая робость, отчасти остаток где-то в далеких складках скрытого нравственного чувства препятствуют ему принять все придуманные им пронырства и гадости на себя, — писал Добролюбов», Его фантазия создает ему иной мир, *мир „двойника“*.

Рассказ автора и рассказ героя не отделены в "Двойнике" резкой гранью. "Автор рассказывает приключения своего героя от себя, - как писал Белинский об этой повести, - но совершенно его языком и понятиями." В произведении чувствуется как бы волна одного речевого потока, которая без всяких преград переносит читателя из повествования в душу (*мир*) героя, а из нее - снова к внешним событиям. Рассказчик как бы перевоплощается в свой персонаж, сливается с ним. Наверное, этим писатель достигает такой правдивости всех противоречий, парадоксов, закоулков и зигзагов описываемого им *психологического мира* [Фридлендер].

Таким образом, утверждение *чуждого сознания* как полноправного субъекта, а не как объекта является этико-религиозным постулатом, определяющим содержание романа (катастрофа объединенного сознания). Это принцип мировоззрения автора, с точки зрения которого он понимает *мир своих героев* [Бахтин 1979: 145].

Голядкин - младший - тот же Голядкин - старший, только успевающий. Все, о чем мечтает один, дается второму. Сложная жизненная тактика, продумываемая главным героем, реализуется его двойником: Зато то, что не выходит у Голядкина-старшего, совершенно удается Голядкину-младшему. Он умеет вовремя сказать нужное слово начальнику, перемолвиться еще с кое с кем, с одним полюбезничать, с другим пофамильярничать, показать твердость характера, подмаслить и польстить.

Итак, *мир Достоевского* — художественно организованное сосуществование и взаимодействие духовного многообразия, а не этапы становления единого духа. Поэтому и миры героев, планы романа, несмотря на их различный, иерархический акцент, в самом построении романа лежат рядом в плоскости сосуществования и взаимодействия, а не друг за другом, как этапы становления. Но это не значит, конечно, что в мире Достоевского господствует дурная логическая безысходность, недодуманность и дурная

субъективная противоречивость. Нет, мир Достоевского по-своему так же закончен и закруглен.

Список литературы:

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. - Изд. 4-е. - М.: «Сов. Россия», 1979. – 320с.
2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. [Текст] / В. Г. Белинский. - М., 1955. - Т. 9. - 476с.
3. Кирпотин, В. Ф. М. Достоевский [Текст] / В. Кирпотин. - М.: «Советский писатель», 1947. - С. 63-64.
4. Костерин, А. Личность в многомирии [Электронный ресурс] / А. Костерин // Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/lab-kaf/Lebedev/kosterin_lichnost.html, свободный.
5. Многомирие [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>, свободный.
6. Новикова, Н. С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира [Текст] / Н. С. Новикова, Н. В. Черемисина // Филол. науки. – 2000. - №1. – С.40-49.
7. Фридендер, М. *Комментарии: Ф. М. Достоевский. Двойник* [Электронный ресурс] / Г. М. Фридендер // Режим доступа: www.rvb.ru/dostoevski/02comm/02.htm, свободный.
8. Шаклеин, В. М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной коммуникации [Текст] / В. М. Шаклеин // Вестник МГУ, сер.19, Лингвистика и межкультурная. – 2000. – №1. – С.73-88.

М. Х. Рахимбергенова
Омск, Россия

РОССИЙСКИЙ МЕДИА-ДИСКУРС КАК СФЕРА АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Развитие мировой науки на современном этапе в немалой степени базируется на когнитивно-дискурсивной парадигме. Интересы лингвистики в настоящее время существенно сместились со структурного описания языка на тот исторический контекст, в котором язык развивается и функционирует. Можно сказать, что на данном этапе развития науки мы наблюдаем явление, называемое «когнитивной революцией» [Язык и межкультурная коммуникация 2007: 200]. В каком бы плане ни проводилось исследование, в русле лингвофилософии, семиотики, риторики, поэтики, интерпретации текста и т. д., везде объединяющим началом служит понятие дискурса, трактуемое различными направлениями по-разному.

Идея анализа различных типов дискурса оказалась чрезвычайно продуктивной для современных лингвистических исследований. При всей неоднозначности трактовок понятия «дискурс», можно отметить продуктивность данного направления, особенно в сфере изучения текстов СМИ с ее «плюрализмом» форм и порождающих моделей [Негрышев 2007: 527].

Медиа-дискурс сегодня находится в центре внимания многих исследователей, что вполне объяснимо тем, что СМИ являются мощнейшим каналом воздействия на массовое сознание. Проблематика данного типа дискурса широко представлена в исследованиях таких отечественных и зарубежных ученых, как Т. ван Дейк, Р. Фаулер, Ч. Ларсон, Р. Водак, Х. Катрнакова, Г. Тучманн, М. Н. Володина, Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова, О. В. Александрова, А. В. Олянич, И. В. Силантьев, Э. В. Чепкина, Т. В. Чернышова, В. Е. Чернявская и др.

Периодическая печать является в настоящее время важнейшим средством массовой информации и обладает значительным потенциалом воздействия через читателя на разные стороны жизни социума. Этим объясняется многообразие функций СМИ (образовательная, артикуляционная, критики и контроля), среди которых традиционно выделяют две основные – информационную и функцию воздействия (персуазивность).

В рамках вопроса об основном предназначении средств массовой информации давно ведется дискуссия о соотношении в газете «"объективного" (то есть сугубо фактуальной информации) и "субъективного". Под последним обычно понимается оценка, связанная с намеренным воздействием на читателя, зрителя, слушателя. "Объективизм" полагает основную цель mass media в информировании адресата, отводя субъекту роль едва ли не "вербального фотографа", беспристрастно фиксирующего события и факты» Так, по мнению Г. Я. Солганика, «одна из основных тенденций в развитии языка современных качественных газет – тенденция к усилению информативности, что выражается наиболее ярко в эволюции системы газетных жанров и в заголовках» [Солганик 2000:181].

С другой точки зрения, функция убеждения в публицистике «первична, публицист прямо и открыто агитирует, убеждает, пропагандирует, воздействуя на читателя, в явной форме выражая свое отношение к сообщаемому» [Чернышова 2007: 10]. Персуазивность газетного дискурса определяет активную творческую позицию журналиста.

Оставляя открытым вопрос о первичности функций воздействия или информирования, мы должны признать факт изменения их содержания. Так, изменения в информативной функции современных газетных СМИ обусловлены тем, что роль прессы – интерпретировать произошедшее событие, переводя «факт реальный посредством речевых структур в факт вербальный, факт-комментарий и давая ему определенную оценку». Таким образом, новостное событие, описанное по «формуле Квинтилиана», т. е. в форме ответов на 7 вопросов (кто? что сделал? где? какими

средствами? зачем? как? когда?) и сопровождаемое идеологическими комментариями, кануло в прошлое [Васильева 2002: 21]. Инновационным в подходе к воздействующей функции представляется «моделирование смыслового поля реципиента» как залог успешного воздействия через убеждение в СМИ [Чернышова 2007: 40].

Персуазивные приемы языка публицистики обусловлены рядом общих задач, которые решаются в процессе речевого воздействия. Так, например, сначала речь идет об организации общения. Всякое речевое воздействие начинается с привлечения внимания к речевому сообщению и к источнику сообщения. Особую сложность представляют те случаи, когда можно рассчитывать только на непроизвольное внимание объекта воздействия, что справедливо для текстов СМИ.

Одним из важных аспектов публицистического дискурса является определение его **макроструктуры**. Этот термин эксплицитно показывает общие темы текста и дает характеристику тому, что можно было бы назвать когерентностью текста. Эта ступень анализа дискурса зависит от сценариев, имеющих у коммуникантов.

Теория макроструктур предоставляет возможность исследовать особые характеристики заголовков и вводов (leads), в которых субъективно обобщается остальная часть сообщения. Выдвижение важной информации на первое место, обозначаемое как «структурирование по принципу релевантности», является общим структурным свойством газетных сообщений [Дейк 1989: 129]. Этот особый параметр пронизывает весь текст, все его уровни. Примечательно, что читатель, как правило, запоминает только макроструктуру воспринятого текста.

Именно в соответствии с теорией макроструктур нами производился отбор публикаций с упоминанием этнически «чужих».

В арсенале публицистики имеется довольно объемный корпус средств с воздействующим потенциалом. В данном исследовании мы рассматриваем те языковые средства, которые выполняют функцию индикаторов речевых тактик и, соответственно, стратегий, поскольку «делать выводы о глубинных когнитивных операциях возможно лишь на основе того, что было в действительности сказано – то есть на основе специфических сигналов в поверхностных структурах текста» [Иссерс 1999: 130]. Целый ряд таких персуазивных ресурсов языка печатных СМИ как, имплицатуры, способы искажения истины, интертекстуальные включения, языковая игра, метафора и др., позволит обосновать выделение речевых стратегий описания этнически «чужого» в российской прессе и проиллюстрировать их реализацию.

Анализ материала позволяет говорить о том, что поле этнически «чужого», суженное до *приезжих, гастарбайтеров*, предстает перед читателями либо в

ксенофобическом контексте, что интерпретировано нами как стратегия редукционизма, либо журналисты пытаются обнаружить толерантную позицию, не упрощая, а стратегически усложняя освещаемую проблему. Таким образом, стратегия компликации (усложнения) может быть противопоставлена стратегии редукционизма в соответствии с противопоставлением ксенофобической и толерантной установок авторов публикаций.

Со стратегией редукционизма в публицистике тесно связано использование журналистами стереотипов общественного сознания в процессе речевого воздействия. В данном случае речь идет об этностереотипах. В целом, стереотипизация является характерной чертой идеологизированного дискурса. Как правило, в центре стереотипа общественного сознания располагаются несколько наиболее заметных, ярких, эмоционально воспринимаемых признака: «черное – белое», «мы – они», «свои – чужие» и т. д. Таким образом, предпосылкой для эффективной реализации стратегии редукционизма является создание поляризованной модели мира, что соответствует логике феномена ксенофобии.

Стратегия редукционизма может реализоваться в тактике «угроза нашествия «чужих». В результате использования журналистами приемов редукции проблемной ситуации создается гиперболизированный, угрожающий нашествием на нашу страну образ «чужих».

Этнически «чужой» на страницах российской прессы представляет ту группу людей, которая создает реальную угрозу идеалам и основным целям коренного населения. Как отмечал Т. ван Дейк, анализируя этнические предубеждения по отношению к представителям малых этнических групп, в соответствии со сложившимся стереотипом эти люди «ведут себя необычно, странно, опасно, не совсем нормально или непонятно» [Дейк 1989: 191].

Если в общество вторгается инородец и начинает наводить свои порядки – это очень опасно (В. Шарапов. Национализм под прицелом // «АиФ» № 47, 2007 г.).

Необходимо отметить, что в анализируемых высказываниях используются такие языковые приемы и средства, которые создают контекст, необходимый для проявления у адресата состояния тревожности.

Угроза направлена на объект речевого воздействия – читателя газетной статьи как представителя «своих».

Актуализация этнической составляющей оппозиции «свой – чужой» в семантическом поле угрозы позволяет утверждать, что такой прием упрощения проблемы межэтнического противостояния достаточно продуктивен в плане коррекции модели мира читателя. Угроза позволяет акцентировать внимание на максимально

обострившейся проблемной ситуации, которую необходимо решать незамедлительно и наиболее жесткими методами.

Представляя образ этнически «чужих» в соответствии с бинарным разделением мира, журналисты – осознанно или неосознанно - редуцируют картину мира читателя. В процессе редукции авторы следуют негативному этностереотипу, существенно укрепляя его, что способствует формированию ксенофобических настроений у читательской аудитории, что не соответствует роли журналиста, которая, по мнению Э. В. Чепкиной заключается в роли «медиатора, посредника в межкультурной коммуникации», который должен «демонстрировать толерантное отношение к представителям разных культур в социуме» [Чепкина 2004: 485]. Однако, как показывают результаты исследования, журналисты часто концентрированно выражают стереотипы массового сознания, распространяя озлобленность и интолерантность в отношении определенных культурных групп.

Список литературы:

1. Васильева, Л. А. Делаем новости! [Текст] / Васильева Л. А. - М.: Аспект Пресс. 2002. - 190с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312с.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст]: Монография / О. С. Иссерс. – Омск. гос. ун-т, 1999.
4. Негрышев, А. А. О дискурсивных механизмах текстообразования в новостях прессы [Текст] / А. А. Негрышев // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. - С. 527-528.
5. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира [Текст] / Г. Я. Солганик // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.
6. Чепкина, Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации [Текст] / Э. В. Чепкина // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2005. С. 466-477.
7. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России [Текст] / Т. В. Чернышова. - Изд. 2-е, перераб. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 296с.
8. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: сборник статей I Международной конференции. 23 января 2007г., г. Астрахань / сост. О. Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 309с.

РОЛЬ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАСКРЫТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МУЗЫКАНТА

Специфика исследований в сфере профессиональной коммуникации деятелей искусства определяется их принадлежностью к так называемым элитарным языковым личностям со своеобразным профессиональным сознанием [Азначеева 2007: 78]. Профессия музыкант является ярким тому подтверждением.

В лингвистической традиции под «языковой личностью» прежде всего, понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения [Богин 1984: 3]. Детальный анализ языковой личности в контексте русского языка дает Ю.Н. Караулов. Под языковой личностью он понимает совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. По мнению Ю.Н. Караулова, структура языковой личности складывается из трех уровней: вербально-семантического (или структурно-системного), когнитивного (или тезаурусного) и прагматического (или мотивационного) [Караулов 2002: 35-37]. Мы полагаем, что эти же три уровня являются доминантными при характеристике профессиональной языковой личности.

Профессиональная языковая личность – это носитель языка, охарактеризованный на основе анализа дискурса с точки зрения использования в дискурсе системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире. Структура дискурса соотносима со структурой профессиональной языковой личности [Мишланова 2001].

В данном случае мы рассматриваем профессиональную языковую личность музыканта в публицистическом дискурсе. Под публицистическим дискурсом, вслед за Прохоровым Ю.Е., мы понимаем совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации на языке представителей данной лингвокультурной общности. Он реализуется в сфере массовой информации средствами технических и человеческих ресурсов [Прохоров 2006]. Материалом нашего исследования послужили беседы со всемирно известным скрипачом, художественным руководителем, главным солистом и дирижером камерного оркестра «Виртуозы Москвы», художественным руководителем и главным дирижером Российского

национального и Национального филармонического оркестров России Владимиром Спиваковым.

В беседе, как аналитическом жанре журналистики, профессиональная личность музыканта проявляется с разных сторон, поскольку концепция языковой личности представляет собой синтез психологического и языковедческого знания.

С точки зрения психологии, главной отличительной чертой личности музыканта является неудержимое стремление перелить свои переживания и впечатления в звуки музыки, т.е. способность «омузыкаленного» восприятия и видения мира. Особенности личности музыканта, а также всех мастеров искусства, группируются вокруг пяти «Т». Это – Талант, Творчество, Трудолюбие, Терпение и Требовательность. Большинству музыкантов свойственна огромная заинтересованность во всем том, что происходит в окружающем их мире. Этот интерес сопровождается неустанным самообразованием. Одной из черт личности музыканта является также его универсальность, стремление охватить как можно больший круг явлений в своем творчестве [Петрушин 1997: 20-37].

Все эти психологические особенности личности музыканта очень ярко проявляются в публицистическом жанре беседы, но целью нашего анализа является профессиональная языковая личность музыканта с точки зрения языка. При описании языковой личности музыканта мы ограничимся выявлением некоторых особенностей вербально-семантического, когнитивного и прагматического компонентов его языкового сознания. Как уже упоминалось, материалом для нашего анализа послужили беседы с Владимиром Спиваковым.

Вербально-семантический уровень предполагает для музыканта нормальное владение профессиональной лексикой. Этот уровень представлен профессиональным лексиконом музыканта, также встречаются и жаргонизмы: *На мой взгляд, Прокофьев получился сразу, с самых первых нот* [Спиваков 2003]; *Альты умудрились потерять ноты своей партии* [Спиваков 2002].

Лингво–когнитивный уровень определяется спецификой отражения профессиональной языковой личностью музыканта явлений действительности и представляет собой тезаурус личности, в котором запечатлена его система знаний о мире, или «картина мира». Этот уровень характеризуется тем, что в качестве его единиц выступают различные понятия, идеи, концепты, метафорические модели, дефиниции, афоризмы, из которых каждая языковая личность выбирает те, которые отражают и определяют ее жизненное кредо.

Музыканты часто дают дефиниции тому или иному явлению в своей профессиональной деятельности, но обращает на себя внимание некатегоричность этих

определений: *Опера – это практически идеальное сочетание замечательной музыки и высокого театра* [Спиваков 2002]; *Каждый фестиваль – это как бы своеобразный мозаичный портрет, составленный из того, что данный человек любил, что он играл, каких-то интересных деталей или особенностей, присущих каждой большой личности* [Спиваков 2003]; *Репетиция – это как бы интрига замышляющих людей, а концерт – всегда результат, позволяющий понять, что из замышляемого получилось* [Спиваков 2003].

Музыканты также часто прибегают к сравнениям и метафорам, т.к. художественное содержание чрезвычайно субъективно и с трудом поддается словесному описанию: *Но проходили годы, и как-то так получалось, что мой «роман» с оперой не случался* [Спиваков 2002]; *Оркестр получил возможность омолодиться, приобрести некоторые новые качества* [Спиваков 2002]; *Я же сам слышу партитуру внутренним слухом, читаю ее насквозь – это то же самое, когда вы читаете книгу* [Спиваков 2003].

Большое внимание в речи музыкантов уделяется концепту «публика», т.к. она является основным ценителем их творчества. И именно поэтому у музыкантов особое отношение к своей публике, которое напоминает взаимоотношения между родителями и детьми или учителем и учениками: *За эти годы воспиталось большое число публики, которая поначалу была достаточно консервативной и, в частности, очень боялась современной музыки* [Спиваков 2003].

Прагматический уровень воспроизводит особенности коммуникативно - деятельностных потребностей языковой личности музыканта, т.е. отражает систему ее целей, мотивов и установок. Цели и установки музыкантов на самом деле очень просты – они хотят заниматься своим любимым делом, т.е. музыкой: *Лично я вообще мечтаю играть и не получать за это никаких денег. Я не воспринимаю это как работу и часто удивляюсь: Господи, за эту красоту, за это наслаждение, которое я испытываю на сцене, еще платят деньги* [Спиваков 2003].

В целом, проведенный нами анализ, показывает, что роль публицистического дискурса в раскрытии профессиональной языковой личности музыканта велика, т.к. в нем проявляется вся ее многогранность.

Список литературы:

1. Азначеева, Е. Н. Языковая личность профессионального исполнителя классической музыки [Текст] / Е. Н. Азначеева // Языки профессиональной коммуникации: материалы междунар. науч. конф. – Челябинск, 2007.
2. Богин, Е. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. ... докт. филол. наук [Текст] / Е. И. Богин.- Л., 1984.- 31с.

3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 264с.
4. Мишланова, С. Л. Профессиональная языковая личность как категория когнитивного терминоведения [Электронный ресурс] / С. Л. Мишланова // Режим доступа: [http:// language. psu. ru/ bin/ view. cgi?art=0068 lang=rus](http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0068&lang=rus). 2001, свободный.
5. Петрушин, В. И. Музыкальная психология [Текст] / В. И. Петрушин.- М.: ВЛАДОС, 1997. – 383с.
6. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю. Е. Прохоров.- М.: Флинта, 2006. – 224с.
7. Спиваков, В. «Поклонение примитивному происходит из-за незнания истинного» [Электронный ресурс]/ В. Спиваков // Режим доступа: http://www.kulturaportal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=331&rubric_id=... 2002, свободный.
8. Спиваков, В. «Я чувствую себя современным человеком» [Электронный ресурс] / В. Спиваков // Режим доступа: http://www.kulturaportal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=493&rubric_id=1...2003, свободный.

Я.Н. Ронжина
Пермь, Россия

ОБРАЗ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Одной из наиболее трудных проблем лингвистики является проблема смысла текста. Анализ многочисленных и разноаспектных исследований позволил И.А. Герман и В.А. Пищальниковой сделать вывод, что текст является «сложным, иерархически организованным репрезентантом некоей смысловой нелинейной целостности» [Герман, Пищальникова 1999: 13]. Следовательно, функциональный, семантический и композиционно-семантический виды анализа недостаточны для понимания смысла текста, так как «целостность (системы) не есть сумма составляющих ее элементов, целостность лишь отчасти может определяться свойствами элементов» [Герман, Пищальникова 1999: 13-14]. В силу сложности объекта исследования видится необходимым поиск специальной методики анализа текста, учитывающей природу объекта как «смысловой нелинейной целостности».

По данным стилистических исследований в движении смысла текста проявляется движение творческой мысли автора (М.Н. Кожина, Г.В. Колшанский, Т.И. Сильман). Как отмечают некоторые ученые, ни один творческий процесс не проходит без участия интуиции [Бахтин 1979, Новиков 1973, Пономарев 1983]. Интуиция определяется психологами как форма познания, осуществляемая на основе неосознанной переработки информации разумом. Интуитивное мышление протекает вне сферы рассудочной деятельности субъекта (сфера бессознательного – прим. Я.Р.), но в рамках сознательного отражения действительности [Новиков 1973: 11]. Исходя из

вышесказанного, мы считаем целесообразным использовать в нашем исследовании разработанную В.Р. Ириной и А.А. Новиковым модель ситуации принятия интуитивного решения для анализа и интерпретации смысла целого текста.

Согласно концепции авторов, интуитивное познание представляет собой процесс комбинирования различных чувственных образов. Результатом этого преобразовательного процесса выступает интуитивное знание. Вслед за А.В. Славным, авторы определяют образ как «любой дискретный (отдельный) элемент знания, несущий содержательную информацию о некотором классе объектов» [Славин 1971: 15] и выделяют чувственно-наглядные и понятийные образы. Чувственно-наглядными образами выступают непосредственное восприятие и наглядное представление. Понятийные образы – это мысленное воспроизведение ранее полученных понятий, мысленное воспроизведение наиболее общих свойств и существенных сторон связей и отношений объективного мира, недоступных непосредственно органам чувств [Ирина, Новиков 1978: 133].

Авторы выделяют 4 типа комбинаций чувственных образов, исходя из того, какую функцию в структуре познания выполняют чувственно-наглядные и понятийные образы: *«исходную»*, если в образе отражены сведения об объекте, существенные черты которого неизвестны, и *«вспомогательную»*, если в образе отражен объект, сущность которого хорошо изучена» [Ирина, Новиков 1978: 134]. Необходимым компонентом процесса интуитивного познания, по мнению авторов, является «особое, специфическое конструктивное выражение ранее полученных знаний, с которыми неосознанно соотносятся вновь полученные сведения об объектах». Это своеобразный фон познавательного процесса, который направляет этот процесс и окрашивает его определенным образом. [Ирина, Новиков 1978: 135].

Анализируя преимущества модели В.Р. Ириной и А.А. Новикова, Н.Л. Мышкина называет последний компонент образом фоновой модели объекта [Мышкина 1991: 24]. Ее модель фазы интуитивных творческих процессов можно условно разделить на два уровня. На первом уровне в результате взаимодействия исходного и вспомогательного образов появляется новый образ. На втором уровне новый образ воздействует на образ фоновой модели объекта и проблемный образ, что приводит к возникновению образа новой модели объекта [Мышкина 1991: 24]. Рассмотрим эффективность предложенных моделей для решения задач лингвистического анализа текста на примере анализа произведения Ю.Н. Куранова:

Лед ноздреват, лед крошится, он распадается и темнеет. Из глубины тяжелых дымчатых озерных льдин теперь слышится какое-то движение, оно походит на длинное прерывистое дыхание. Дыхание томительно и гулко расплывается над озером, особенно в сумерки.

Над сумерками прорезается месяц, осторожный, внимательный. Его таинственный, плотными туманами завешивающий озеро свет вдруг наливает льды тяжелой черной зернью. Однако льды подвижны, они подтаивают и распространяют здесь и там широкие лиловые течения.

Лед превращается в стальное, кованное мелко и узорно, кружево, он весь звенит и дышит здесь под месяцем сквозь этот звон. Прозрачно и пустынно дышат льды, звенят узоры и расплываются к далеким от луны замглевшим берегам, чтоб на рассвете, уже совсем бесшумно раствориться в солнце и туманах.

Навсегда исчезнуть.

На первом этапе определяем название текста как исходный образ, в котором отражены неизвестные существенные черты объекта. Название «Стальное нежное кружево» вызывает противоречивые чувства, так как в нем сочетаются две, на первый взгляд, не сочетаемые вещи «стальное» и «нежное».

На втором этапе выделяем вспомогательные образы, взаимодействие с которыми поможет раскрыть исходный образ. Для этого мы используем метроритмическую матрицу, разработанную Г.Г. Москальчук [Москальчук 1998], которая, по мнению А.Ю. Корбут, «находится в зоне бессознательного языковой способности человека» [Корбут 2004: 19].

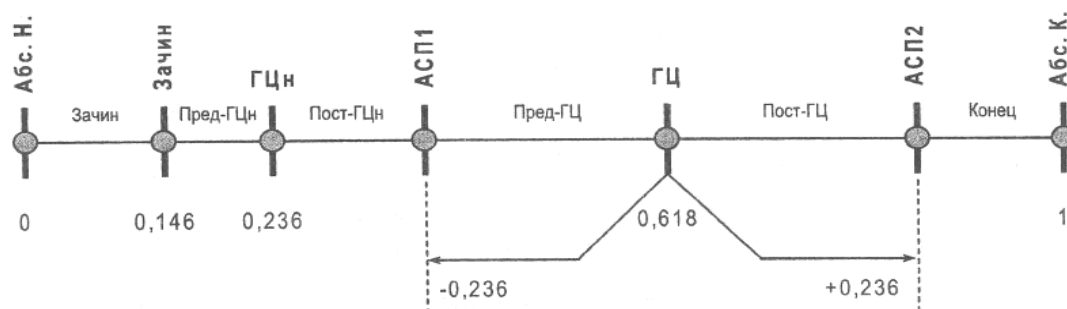

Рис. 1. Метроритмическая матрица

Метроритмическая матрица включает набор 1) позиций и срезов, 2) позиционных интервалов и 3) позиционных зон. Текст имеет следующую позиционную структуру [Москальчук 1998, 2003; Моисеева 2007: 44]:

Абсолютное начало (Абс. Н.), Гармонический центр зоны начала (ГЦн), Гармонический центр текста (ГЦ), Абсолютный конец (Абс. К.) называются позициями

и в пространстве текста имеют протяженность, равную словоформе. Зачин и Абсолютно слабые позиции (АСП1, АСП2) являются срезами и в текстовом пространстве приходятся на «разъем» между словоформами.

Итак, на втором этапе мы присваиваем порядковый номер каждой словоформе в тексте. Следует отметить, что отсчет начинается с первой словоформы первого предложения; название текста мы не включаем в матрицу. Выделяем в исследуемом тексте Абс. Н. («лед»), ГЦн («дыхание»), ГЦ («лед»), Абс. К. («исчезнуть»). Указанные словоформы считаем вспомогательными образами.

На третьем этапе моделируем процесс взаимодействия исходного образа и вспомогательных образов, в результате которого появляется новый образ, способствующий полному раскрытию исходного образа. Вспомогательный образ «лед» рассматривается как ведущий, так как является гармоническим центром всего текста. Этот образ соотносится с элементом исходного образа «стальное» на основе общих свойств: твердость, стальной/серый цвет. С элементами исходного образа «кружево» и «нежное» ведущий вспомогательный образ «лед» соотносится посредством второстепенных вспомогательных образов «дыхание» и «исчезнуть»: под воздействием *теплого дыхания лед* становится ноздреватым, узорчатым («кружево»), постепенно *лед* тает, *исчезает* («нежное»). Таким образом, появляется новый образ и раскрывает в полной мере исходный образ: стальным нежным кружевом в представлении автора выступает лед.

Следует отметить, что в данной статье мы рассматриваем проблему определения основной идеи текста и моделирования смысла целого текста. На данном этапе мы не включаем в рассмотрение взаимодействие нового образа с образом фоновой модели объекта и возникновение образа новой модели объекта.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 340с.
2. Герман, И. А., Пищальникова, В. А. Введение в лингвосинергетику [Текст]: монография / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1999. – 130с.
3. Ирина, В. Р., Новиков, А. А. В мире научной интуиции. Интуиция и разум [Текст] / В. Р. Ирина, А. А. Новиков. - М.: Изд-во «Наука», 1978. – 192 с.
4. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи [Текст] / М. Н. Кожина. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 90с.
5. Кожина, М. Н. Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка [Текст] / М. Н. Кожина // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1987. – С. 4-23.
6. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175с.

7. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 231с.
8. Корбут, А. Ю. Текстосимметрия [Текст] / А. Ю. Корбут; науч. ред. Г. Г. Москальчук. – Иркутск: Изд-во гос. пед. ун-та, 2004. – 200с.
9. Куранов, Ю. Н. Стальное нежное кружево [Электронный ресурс] / Ю. Н. Куранов // Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/k/kuranow_j_n/. 2006, свободный.
10. Моисеева, И. Ю. Textoобразование: системно-динамический аспект [Текст]: монография / И. Ю. Моисеева; науч. ред. Г. Г. Москальчук; Мин-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 344с.: ил.
11. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г. Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296с.
12. Москальчук, Г. Г. Структурная организация и самоорганизация текста [Текст]: монография / Г. Г. Москальчук; ред. и вступ. ст. В. А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 240с.
13. Мышкина, Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста [Текст] / Н. Л. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212с.
14. Новиков, А. А. Специфика «интуитивного знания» и некоторые проблемы психического отражения: автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / А. А. Новиков. – М., 1973. – 24с.
15. Пономарев, А. Я. Фазы творческого процесса [Текст] / А. Я. Пономарев // Исследования проблем психологии творчества. – М.: Наука, 1983. – С. 24-32.
16. Сильман, Т. И. Проблемы синтаксической стилистики [Текст] / Т. И. Сильман. – Л.: Просвещение, 1967. – 245с.
17. Сильман, Т. И. Заметки о лирике [Текст] / Т. И. Сильман. – Л.: Советский писатель, 1977. – 223с.
18. Славин, А. В. Наглядный образ в структуре познания [Текст] / А. В. Славин. – М.: Политиздат, 1971. – 271с.

Е.В. Сажина
Гомель, Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОТКЛИКОВ ЧИТАТЕЛЕЙ (на материале англоязычной прессы)

Стремительное развитие новых коммуникационных технологий, появление Интернета привело к возникновению новых жанров СМИ, предоставивших широкие возможности для проведения лингвистических исследований в области дискурс-анализа и речевого воздействия. Однако до настоящего времени нет четкой классификации жанров публицистики, поскольку границы публицистического стиля подвижны. Одним из малоисследованных дискурсивных жанров остается жанр откликов читателей.

Проблема жанров (типов) текста интенсивно исследуется в настоящее время не только в стилистике, но и в лингвистике текста, функциональной лингвистике, лингвопрагматике, социолингвистике. Тем не менее вопрос о типологии жанров до сих пор остается спорным. Среди различных определений жанра и подходов к его изучению выделяют три основные точки зрения. Так, следуя концепции М.М. Бахтина,

исследования жанра дискурса связывают с речевым актом или более крупной единицей. М.Н. Кожина рассматривает жанр как разновидность определенного функционального стиля. Н.С. Бабенко и ряд других исследователей понимают жанр как тип или «сорт» текста.

При отнесении текста к тому или иному жанру исследователи принимают во внимание ряд критериев. Так, определяющим признаком жанра как единицы речевого общения М.М. Бахтин считал диалогичность. Другие признаки, такие как целеполагание, завершенность, реализация оппозиции *автор – адресат*, типичная форма, связь с определенной сферой общения, проистекают из диалогичности [Бахтин 1986: 263]. При рассмотрении жанра откликов читателей мы учитываем следующие параметры: 1) сфера коммуникации; 2) коммуникативная цель; 3) характеристики адресанта и адресата; 4) стратегии и тактики адресата; 5) типовая структура; 6) характерные языковые средства [Бабенко 1993: 6–9]. В настоящем исследовании, проводимом на материале 300 откликов читателей из британской и американской прессы, будет рассмотрен такой параметр, как типовая структура откликов читателей.

Под структурой текста понимается его содержательная структура, которая хранится в памяти носителей языка в виде схематического представления [Карпилович 2007: 6]. Существуют различные подходы к трактовке понятия семантической структуры текста. Так, в рамках когнитивной лингвистики возник фреймовый подход, а также схемное представление семантики текста. Наряду с данным подходом существует денотатная концепция семантики текста, информационно-целевой подход, концепция семантики текста, учитывающая структуру познавательной деятельности. В настоящем исследовании за основу принимается концепция Т.А. ван Дейка, в которой понятие схемы получило своеобразное развитие. Наряду с понятием *макроструктуры* (семантического ядра текста), он вводит понятие *суперструктуры* как одной из высших форм, организующей макропропозиции (Дейк 1989). *Суперструктура* представляет схему текста, в которую встраиваются семантические категории. Содержание может быть любым, но существует конвенциональная схема, состоящая из категорий (компонентов), типичных для данного жанра текста. Суперструктура помогает читателю определить, какая информация в тексте является наиболее важной, а также способствует наилучшему запоминанию.

Для каждого жанра текста существует определенная суперструктура, в соответствии с которой строятся конкретные тексты данного жанра. Однако не для всех жанров текстов такие суперструктуры выделены и эксплицированы в терминах конкретных категорий (компонентов). Таким образом, опираясь на понятия

макроструктуры и суперструктуры, а также используя метод логического анализа в совокупности с частным методом дискурсивных маркеров, мы выявили суперструктуру откликов читателей в англоязычной прессе.

В ходе проведения исследования было установлено, что для откликов читателей как самостоятельного жанра характерны такие структурные компоненты как *гипертема отклика*, которая представлена упоминанием проблемы, описанной в проблемной статье, *анализ проблемы*, *выводы*. Так, в примере отклика на статью «Blame compliance for the donations scandal», посвященную проблеме денежных пожертвований и их легальности, мы встречаем наличие вышеперечисленных компонентов: *The author makes a good point but fails to address the crux of the issue* (гипертема). *The reason why governments have been so quick to set up inquiries, Next Step Agencies and supreme overseers of morality is because of society's own moral relativism which, naturally, pervades the government* (анализ проблемы). *Unless each one of us has a clearer sense of right and wrong, then we cannot place all blame on Brown and his colleagues* (выводы).

В вышеприведенном примере предложение, называющее тему дискуссии, развернувшейся в прессе, выполняет, с одной стороны, индикативную функцию. С другой стороны, оно свидетельствует о заинтересованности читателя данной проблемой, что может указывать на успешную реализацию информационной функции проблемной статьи. Анализ проблемы, осуществляемый адресатом полемического дискурса, свидетельствует о реализации цели дискурса – совместном поиске решения проблемы, и отражает индивидуальное видение причин проблемы, устранение которых, возможно, будет способствовать скорейшему нахождению выхода из проблемной ситуации. В свою очередь выводы, которые делает автор отклика, не только выполняют информативную функцию, сообщая другим читателям мнение автора отклика, но и воздействуют на сознание адресатов полемического дискурса. В результате оказания такого рода воздействия в печати могут появляться ответные отклики. Таким образом можно говорить о способности компонента семантической структуры откликов «*выводы*» трансформироваться, т.е. выполнять функции гипертемы в отклике другого читателя. Например: **Адресат 1** – *And my point in this is <...>. Rather, it's to pose this question: where Kate and Max good adjusters? As a couple did they work though the issues <...>? Did they grasp new problems <...>? My sense, no. <...> As for Kate, I'm not bothered at all by the fact <...>. It's that she had this philosophy of an «escape hatch» in the first place.*

Адресат 2 – *As for JackfromNyack's contention that Kate's escape door meant <...>, I don't see it the same way you do. Women traditionally fare worse financially when it comes to divorce, especially when there are children involved.*

В вышеприведенном примере выводы, сделанные одним читателем становятся главной темой для обсуждения в отклике другого читателя. Таким образом, мы можем говорить о существовании гипертемы, которая объединяет все отклики читателей на уровне полемического дискурса. А также можем утверждать наличие такого компонента семантической структуры откликов читателей как *подтема*, которая формируется на уровне откликов читателей.

Таким образом, в ходе проведения анализа откликов читателей из англоязычной прессы было установлено, что одним из параметров, характеризующих отклики читателей как самостоятельный жанр англоязычного полемического дискурса, является типовая структура откликов, которая представлена такими компонентами как гипертема, анализ проблемы и выводы. Функции последнего компонента могут варьироваться.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.
2. Бабенко, Н. С. О лингвистическом смысле разграничения текстов на жанры [Текст] / Н. С. Бабенко // Лексика и стиль. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1993. – С. 6–9.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312с.
4. Карпилович, Т. П. Аннотация как жанр текста в разных культурах [Текст]: учеб.-метод. пособие / Т. П. Карпилович. – Минск: МГЛУ, 2007. – 59 с.

А.Г. Салахова
Челябинск, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПОВЕДИ

В гомилетической литературе функциями христианской речи признаются следующие: «*homilia – narratio, testimonium, communicatio (prophetia), paráklesis*» [Reschke 1992: 297]. Информативная функция (*narratio*) выражается в первую очередь в повествовании, элементарной категории проповедования, характерной для нарративной проповеди. Функция самопрезентации применительно к проповеди реализуется как «свидетельство» (*testimonium*) говорящего, отражающее его искренность и достоверность сказанного. Коммуникативная функция (*communicatio*) гомилии (христианской беседы) раскрывает ее как «встречу, столкновение». Здесь встречаются, по меньшей мере, два партнера – говорящий и слушающий, проповедник и прихожане. Поскольку столкновение ситуационно обусловлено, христианское послание выполняет также функцию разъяснения данной ситуации и помощи в ее успешном преодолении. Силу пророческой речи (*prophetia*) придает Священному Писанию содержащийся в ней

критический анализ, преследующий просветительские цели, раскрывающий суть религиозного освобождения и указывающий путь в будущее с позиций вероучения. Апеллятивный характер христианской речи содержится в морально-нравоучительной проповеди (*paráklesis*), в словах предостережения и утешения.

Отправной точкой большинства лингвистических классификаций, посвященных функциональной характеристике языка, является так называемая «модель органа» Карла Бюлера [Rolf 1993]. Трем необходимым реляционным компонентам акта коммуникации (говорящий, слушающий, сообщаемое) соответствуют три функции языковых знаков: репрезентативная, т.е. функция представления предметов, положений дел и событий (*Darstellung*); экспрессивная, т.е. функция выражения внутреннего состояния, эмоций и позиций отправителя (*Ausdruck*); апеллятивная, т.е. функция, с помощью которой отправитель обращается к реципиенту и хочет воздействовать на слушателя, побудить его к определенным реакциям (*Appell*) [Бюлер 2003: 34-38].

Р. Якобсон, развивая концепцию К. Бюлера, вводит понятия знака, кода и контекста. Для каждого из шести элементов речевого акта Р. Якобсон выделяет соответствующую функцию. Это референциальная, или функция указания на референта, – часть речевого общения, которая направлена на контекст речи в широком смысле; денотативная, или интеллективная, когнитивная, функция направленности на референта – функция сообщения в собственном смысле этого слова; экспрессивная, или эмотивная, функция, имеющая целью непосредственное выражение отношения говорящего к высказываемому; конативная функция, или функция обращения, воззвания к слушающему; фатическая функция, или функция установления контакта; метаязыковая функция, – часть сообщения, в которой говорящий обращается к особенностям языкового выражения; поэтическая, или эстетическая, художественная функция, или функция воздействия [Якобсон 1975]. В тексте реализуются, как правило, несколько функций, одна из которых является основной.

К. Бринкер при создании своей классификации текстов также основывается на функциональной характеристике языка и выделяет тексты с *информативной* функцией, где приводятся сообщения как объективного характера (сообщение, доклад, описание), так и с оценочным компонентом (отзыв, рецензия, научно-популярная книга); тексты с *апеллятивной* функцией, к которым относятся рекламные и пропагандистские тексты, политические комментарии, инструкции, рецепты, проповеди и т.п.; тексты договоров, контрактов, гарантийных бумаг, обетов, предложений и т.д., функция которых в возложении (принятии на себя) обязанностей; тексты с *контактной* функцией, где отправитель выражает свое участие в определенных свершившихся событиях, например,

поздравительные открытки, соболезнования и т.п.; тексты с *декларативной* функцией, создающие новую реальность и характерные для завещаний, обвинительных заключений, назначений, передачи полномочий и т.п. [Brinker 1992].

Согласно приведенным классификациям проповедь представляет собой текст с преимущественно *апеллятивной* функцией наряду с агитационными, рекламными и политическими текстами. Однако кроме данной функции проповедь характеризуется наличием других функций. На наш взгляд для проповеди характерны следующие функции: *апеллятивная*, *информативная*, *метаязыковая*, *экспрессивная* и *риторическая* функции.

Конституирующим элементом религиозных отношений, а проповеди в особенности, является убеждающая коммуникация. Убеждение представляет собой составную часть коммуникативного процесса, в основе которого заложены такие элементы, как интенция источника сообщения, с одной стороны, и реакция, ответ получателя, с другой стороны. Убеждение в этом смысле выступает как конкретная реализация этой особенности коммуникативной деятельности, хотя последняя не сводится к убеждению, а может играть чисто информационную роль. В процессе коммуникации происходит взаимодействие интенций оратора и слушателей. Первоначально определенные интенции идут от оратора, так как именно он стремится внушить слушателям некоторые мысли, чувства и намерения к поступкам и действиям. Однако слушатели воспринимают интенции оратора не слепо и бездумно, а оценивают в их защиту аргументы, выдвигают контраргументы и на этом основании строят свое поведение, предпринимают или воздерживаются от поступков и действий. Интенции оратора должны вызвать адекватные интенции слушателей, их согласие с заявлениями и утверждениями говорящего.

Доминирующей функцией проповеди как типа публичного выступления признается *апеллятивная* функция, суть которой заключается в обращении проповедника к слушателям с целью оказания религиозно-мотивированного воздействия на поведение слушателей, формирования у них определенной позиции и совершения определенных действий. Это достигается посредством убеждения, внушения им определенных максим христианского вероучения, эмоционального воздействия.

Проповедь является не только текстом, апеллирующим к чувствам и разуму слушателей, но и просвещающим, информирующим о событиях в прошлом, к примеру, во времена Иисуса, и анализирующим причины поведения людей в описанных в Библии ситуациях. В данном случае проповедь выполняет *информативную* функцию.

Г. Гайснер разграничивает информирующую и убеждающую речь следующим образом. В информирующей речи превалирует изложение. В первую очередь она призвана сообщать, передавать новые знания; восполнять пробелы в знаниях; ликвидировать различия в знаниях реципиентов; ранжировать имеющиеся запасы знаний по степени их важности. Апеллятивный характер информирующей речи реализуется через наглядные примеры. При этом реализуются ментальные действия (думать вместе), вербальные действия (осведомиться, возразить) и акциональные действия (что-то делать). Суть информирующей речи отражает в большей степени разъяснительная проповедь, хотя в воспитательной проповеди также присутствует значительная доля новой информации [Geißner 1986].

Убеждающая речь аффективна. Ее целью являются оценка или эстетическое наслаждение. Убеждающая речь призвана затронуть эмоции, изменить мнение, отношение, позицию реципиента. Когнитивный аспект в такой речи реализуется посредством аргументации. Цель аргументации – затронуть волю через аргументы; передать новое знание, новую точку зрения. В центре внимания убеждающей речи находится не разница в знаниях (как в информирующей речи), а разница в интересах, мнениях, убеждениях, т.е. что-то «спорное». Именно воспитательная проповедь призвана вскрыть различия в точках зрения на какую-либо проблему и оценить ситуацию с позиций религиозной морали [Geißner 1986].

Наряду с информативной функцией проповедь как информирующая речь выполняет *метаязыковую* функцию посредством сообщения словарной дефиниции, лингвистического анализа, уточнения значения имеющегося выражения в языке.

Экспрессивная функция проповеди осуществляется в выражении позиции проповедника к сообщаемым фактам и событиям. В центре внимания проповеди находятся морально-нравственные проблемы бытия, слова предостережения и утешения.

Орнаментальная функция, выделяемая в современной христианской проповеди, соответствует поэтической функции Р. Якобсона и риторической функции Ж. Дюбуа. Она основана на ассоциативно-метафорическом типе связи, на «привлечении внимания к самому сообщению» [Дюбуа 2006: 55]. При произнесении проповеди решающее значение проповедник отдает выбору слов и выражений, риторических приемов убеждения. Орнаментальная функция понимается как способ эмоционального убеждения адресата в каком-либо мнении говорящего.

В отличие от манипуляции, понимаемой как «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [Стернин 2001: 72], проповедь построена на осознанном выборе

слушающего аргументов и контраргументов по отношению к речи говорящего в ходе анализа воспринимаемого сообщения. На наш взгляд, отличие манипулятивного воздействия от риторического наглядно отражается в немецком языке, где слову «убеждать» соответствуют два глагола «überreden» (уговаривать) и «überzeugen» (убеждать). Различие между ними заключается в следующем. При «уговаривании» (принуждении) говорящий пытается навязать слушателю свое мнение. При этом система координат слушателя «замыкается». Это происходит в основном вследствие избыточного эмоционального давления и с помощью суггестии. В такой речи реализуется «идеальный мир ожиданий слушателя, мир его страхов исчезает, желаемое кажется возможным» [Geißner 1986: 135]. В процессе убеждения говорящий апеллирует не к скрытым потребностям человека, не к тому, что он хочет услышать. В основе убеждения лежат когнитивные (разум), аффективные, или экспрессивные, эмоциональные, (чувство) и волюнтативные (воля) компоненты речевого воздействия.

Убеждение, в какой бы форме оно ни выступало, принципиально отличается от принуждения прежде всего тем, что оно представляет собой такой способ воздействия на мнения, взгляды и поведение людей, при котором они имеют возможность поступать по своему усмотрению, обладают свободой воли, могут осознанно и критически оценивать доводы, соглашаться или не соглашаться с ними. В отличие от этого принуждение, или манипуляция, всегда предполагает наличие насилия, ограничение свободы воли, жесткий контроль и управление действиями и поступками людей. Такое управление сознанием и поведением людей может быть достигнуто с помощью прямого физического воздействия, угрозами, приказами, мерами административного воздействия, внушением в гипнотическом состоянии, разнообразными психотропными средствами и т.п. Все эти методы потому и считаются принудительными, что они основываются на жестком и строгом контроле взглядов и поведения людей, исключаящем неповиновение, возражения и критику со стороны лиц, подвергшихся принуждению.

Рассмотрев приведенные выше теологические и лингвистические классификации функциональной характеристики языка, следует отметить, что современную христианскую проповедь отличает многофункциональность, связанная с ее многоплановой природой. Важнейшими функциями проповеди являются информативная, метаязыковая, апеллятивная, экспрессивная и орнаментальная функции, определяющие стратегический характер коммуникативного взаимодействия в проповеди.

Список литературы

1. Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2000. – 504с.
2. Дюбуа, Ж., Эделин, Ф. Общая риторика [Текст] / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин. – М.: КомКнига, 2006. – 360с.
3. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей / Под ред. Е. Я. Басина, М.Я.Полякова. - М.: Изд-во «Прогресс», 1975.
4. Brinker, Klaus. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden [Text] / K. Brinker. – Berlin: Erich Schmidt, 1992. – 163 S.
5. Geißner, Hellmut. Rhetorik und politische Bildung [Text] / H. Geißner. – Scriptor Verlag, Frankfurt/Main, 1986. – 134S.
6. Reschke, Thomas, Thiele, Michael. Predigt und Rhetorik [Text] / Th. Reschke, M. Thiele. – St. Ottilien, 1992. – 249S.
7. Rolf, Eckard. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten [Text] / Eckard Rolf. – Berlin, 1993. – 392S.

О.С. Сачава
Санкт-Петербург, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ И СКАЗОЧНЫЙ ДИСКУРС: ПОТЕНЦИАЛ ИНСЦЕНИРУЕМОГО ИНТЕРДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Задача данной статьи – показать персуазивный потенциал интердискурсивности на примере инсценируемого взаимодействия социального и сказочного дискурсов. Обратимся к самому термину «дискурс». В современной лингвистике дискурс определяется, с одной стороны, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами», «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 137]. С другой стороны, мы говорим о текстах социального, юридического, политического дискурса и т.д. В этом случае под дискурсами понимаются отдельные сферы человеческого познания и коммуникации, находящие свое выражение в совокупностях тематически соотнесенных текстов [Ср. Чернявская 2003: 33].

Такое определение дискурсов как коммуникативных сфер в совокупности с репрезентирующими их текстами вводит в координаты лингвистики относительно новое понятие интердискурсивности. Термин «интердискурсивность» «характеризует взаимодействие между различными типами дискурса, т. е. интеграцию, перекрещивание различных областей человеческого знания и практики» [Чернявская 2003: 36]. Интердискурсивность – надтекстовая, когнитивная категория, «взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий» [Чернявская 2007: 22].

В современной текстовой культуре интердискурсивные взаимодействия могут возникать в коммуникации спонтанно, а также являться целенаправленно

инсценируемыми в тексте. В последнем случае интердискурсивность – «переключение на другую систему знаний, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента» [там же: 22], актуализируемое посредством текстотипологической интертекстуальности. Например, в рамках объявления о знакомстве или текста социальной рекламы, типов текста, репрезентирующих социальный дискурс, наблюдаются эксплицитно выраженные маркеры сказки, типа текста, закрепленного в культуре за иной сферой коммуникации – сказочным дискурсом. Textoобразующий потенциал такого инсценируемого интердискурсивного взаимодействия рассмотрим на конкретных примерах.

Alima im Hungerland. (1)

Es war einmal ein Mädchen namens Alima, das lebte in der Sahelzone am Niger. (2) Alima träumte davon, dass ihre Familie endlich wieder genügend zu essen hat. (3) Eines Nachts sprach sie in den Himmel: „Bitte mach, dass wir nicht verhungern!“ (4) Aber es erschien keine Prinzessin, um ihren Wunsch zu erfüllen. (5) Keine weise Frau oder irgendeine Art von Zwerg tauchte auf, um magische Kräfte für sie arbeiten zu lassen. (6) Nicht einmal ein lausiger Frosch ließ sich blicken. (7) Alima und ihre Familie litten weiter. (8) An Hunger und an Durst. (9) Und wenn sie heute nicht gestorben sind, dann sterben sie ohne Hilfe womöglich Morgen. (10)

Ihre Spende rettet Leben. (11) Ärzte ohne Grenzen, E. V. Spendenkonto [...] (12) [Spiegel 2005: 185]. (Нумерация предложений наша – O.C.)

В приведенном тексте социальной рекламы маркерами типа текста «сказка» являются: типичное для сказочного произведения название (предложение № 1), устойчивые формулы начала и конца текста (№ 2, 10), характерное для сказки лексико-грамматическое оформление. Это типичные лексические единицы (Prinzessin, weise Frau, Zwerg, träumen, erscheinen, j-s Wunsch erfüllen), особый синтаксис, характеризующийся наличием сложноподчиненных предложений (№ 2, 3, 10). Вышеназванные эксплицитно выраженные признаки текста в совокупности на основе общекультурной и текстотипологической компетенции адресата идентифицируются им как характерные для сказки. Такое оформление сообщения как нестандартное в данных коммуникативных обстоятельствах становится средством активизации внимания читателя.

При дальнейшем прочтении мы имеем дело с характерным для сказки началом развития сюжета. Бедный герой живет единственной мечтой, которая, в соответствии с нашими представлениями, должна осуществиться в конце сказки. Однако в приведенном примере ожидаемого чуда не происходит. Подчеркнутое несоответствие сюжета заимствуемой текстотипологической модели выражается не только на содержательном

уровне, но и эксплицитно подчеркивается в поверхностной структуре текста союзом aber (№ 5), отрицательными предложениями (№ 5-7). Устойчивая формула конца сказочного текста «Und wenn sie nicht gestorben sind, dann leben sie noch heute» трансформирована: «Und wenn sie nicht gestorben sind, dann sterben sie ohne Hilfe womöglich morgen». Такое несоответствие ожидаемых в рамках сказки и описанных в тексте реальных событий усиливает персуазивное воздействие сообщения на читателя, апеллирует к эмоциональной сфере, к чувству жалости, представлениям о социальной справедливости. Перевод денег на благотворительные цели представляется как сотворение долгожданного чуда, возможный вклад в победу Добра над Злом в мире.

К социальному дискурсу относится также объявление о знакомстве.

Blondes Schneewittchen sucht Edelman zum Wachküssen und zum Verjagen der lästigen Zwerge. Schloss wäre angenehm. Wenn Sie sich trauen, mich auf Händen zu tragen und an Märchen glauben, dann schreiben Sie mir unter [...] [Die Zeit, 14.02. 1997]

В приведенное объявление о знакомстве также приносятся признаки сказки, отсылающие читателя к сказочному дискурсу. За сказкой как культурным кодом закреплены ассоциации с неким женским образом «принцессы», обладающей, как правило, положительными качествами: красотой, добротой, благородством и т.д. Соответственно, переключение в сознании адресата на тип мышления, соответствующий сказочному дискурсу, посредством текстотипологической интертекстуальности дает возможность завуалированной позитивной самопрезентации адресанта. Этой цели служит также использование некоторых типичных для сказки выражений в функции эвфемизмов. Так, идея «мне трудно одной» выражается как «zum Wachküssen und zum Verjagen der lästigen Zwerge», вместо формулировки «ищу богатого и обеспеченного» - фраза «Schloss wäre angenehm».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что инсценируемое взаимодействие социального дискурса со сказочным как переключение на иную систему знания в мышлении реципиента, актуализируемое в тексте посредством типологической интертекстуальности, обладает высоким персуазивным потенциалом. А именно: способствует активизации внимания, является основой широкого спектра эмоциональных воздействий на читателя, дает возможность завуалированной позитивной самопрезентации адресанта. Воздействующий потенциал апелляции к сказке в текстах социального дискурса обусловлен, в частности, тем, что сказка как древнейший тип текста и культурный код выражает наиболее общие, надындивидуальные представления людей о морали, справедливости, любви, вере, богатстве и бедности, счастье и горе, добродетелях и пороках, т. е. об

основополагающих социальных понятиях в культуре. Основной предпосылкой качественного скачка в восприятии текста, условием перехода от типологической интертекстуальности, текстового уровня, к интердискурсивному взаимодействию, когнитивному процессу в сознании реципиента, является текстотипологическая и общекультурная компетенция участников коммуникации.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Арутюнова Н. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь / Главн. редактор Ярцев В.Н. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136-137.
2. Чернявская, В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность [Текст] / В. Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стил. Коммуникации в экономике / Отв. ред. В.Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – С. 23-42.
3. Чернявская, В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность [Текст] / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы / Отв. ред. В.Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 7-26.

Е. Г. Сеченова
Тюмень, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В современной лингвистике в условиях сложившейся антропоцентристской парадигмы начинает формироваться особый подход к тексту как источнику информации об индивидуальных свойствах языковой личности, составителя различных типов текстов. В настоящее время в литературе нет единого мнения относительно возможности проявления личности автора в научном тексте. Как крайние существуют два мнения по этому вопросу. В одном случае считается, что предельная стандартность литературного оформления современных научных текстов приводит к их безличности, нивелировке стиля. В другом случае такая категоричность в суждениях отрицается и признается возможность проявления авторской индивидуальности в научном тексте, и даже неопределенность такого проявления.

Комментируя первую точку зрения о стандартности научного текста необходимо отметить, что научная проза долгое время рассматривалась как наиболее стабильная разновидность литературного языка. Принимая во внимание устойчивость, стабильность научного стиля, некоторые исследователи считают возможным говорить о его над-индивидуальном характере, о наличии в нем универсальных черт, характерных для целого ряда языков, например, для русского, немецкого, французского, испанского, английского [Разинкина 1985: 2]. А на основании наличия в языке науки огромного

количества общих одинаковых терминов и специальных оборотов П.И. Копанев приходит к выводу о том, что «язык науки, усиленный искусственными семиотическими системами, тяготеет к обобщениям, стремится быть четким и точным, лишенным избыточности, поскольку в результатах научного познания как можно больше устраняется присутствие личности человека, происходит дегуманизация» [Копанев 1986: 27].

Если та часть приведенной цитаты, где речь идет о точности и четкости научного языка, вряд ли у кого вызовет возражение, то мысль об «обезличенности» научного текста является дискуссионной. Данная проблема представляется особенно интересной на фоне традиционно существующего мнения о том, что основной функцией научного стиля является функция сообщения в отличие от функции воздействия и общения. Нам более близка точка зрения, все чаще высказываемая в современной лингвистической литературе, согласно которой научный текст выступает как субъектно-субъектное взаимодействие, постоянно продолжающийся открытый диалог.

Смеем предположить, что наиболее эксплицитно авторская индивидуальность проявляется в тех элементах научного издания, которые вводят читателя в книгу, ориентируют в ней, поясняют ее значение, указывают ее место в потоке ей подобных. Это — предисловие и вступительная статья. Наше внимание обращено к текстам предисловия/введения к научной монографии по лингвистике отечественных авторов (А. С. Герд, М. Н. Кожина, С. Е. Никитина, Е. И. Горошко, Р. К. Потапова, И. М. Кобозева, Ю. С. Степанов, Д. И. Ермолович). Предисловие к научной монографии — это всегда авторское произведение отдельного ученого, стремящегося воздействовать на читательскую аудиторию более эффективным способом, выбирающего особую стратегию и тактику своего речевого поведения, что сказывается на строении научного текста и, в конечном счете, на его текстовых, и в том числе стилистических нормах.

Рассматривая научное произведение, вслед за Баженовой Е. А., как политекстуальную структуру, заслуживающим внимания компонентом для нас является **рефлексивный субтекст**, в содержании которого реализуется не столько рациональный, сколько чувственный, личностно-психологический аспект познавательной деятельности. В этом субтексте происходит творческое самовыражение автора, реализуется его активность в поисках лучшего выражения мысли, более всего проявляется авторская речевая индивидуальность [Баженова 1999: 54].

В зависимости от предмета рефлексии в научных произведениях встречаются **два типа рефлексивного субтекста** (по Баженовой Е. А.). Первый из них содержит **анализ ментальных состояний**, т. е. рефлексия автора направлена на процесс научного

творчества. Например: *“В предлагаемой книге я стараюсь проследить на материале различных текстов, как функционируют отдельные.... Мне представляется, что размышления иногда полезнее постулатов”* [Глушко 1997: 4-5].

Рефлексивные субтексты, подобные процитированному, встречаются далеко не во всех произведениях в силу исторически сложившегося “аскетического” стандарта научного стиля, подчиненного рациональности, понятийности и логичности. К сожалению, “аскетическая традиция” заставляет многих авторов вплоть до сегодняшнего дня тщательно убирать из научных сообщений все то, что, по их мнению, не относится непосредственно к излагаемым результатам и использованным методам... Очевидно, что для науковедческих целей “стерилизованные” материалы пригодны лишь в весьма ограниченном масштабе” [Карцев 1984: 108-109].

Обычно содержанием рефлексивного субтекста в научном произведении является речевая рефлексия автора: **контроль за своей речевой деятельностью и поиск наилучшего способа выражения мысли**, когда автор выступает комментатором собственного текста. Подобные комментарии составляют содержание второго типа рефлексивных субтекстов научного произведения. Например: *“Рассматривая старые и новые концепции, мы сознательно предпочитаем цитирование или близкий к тексту пересказ более свободному изложению...”* [Баженова 1999: 7]. Данный пример наглядно показывает, что выбор словесной формы мысли выступает как самостоятельный пункт коммуникативной программы автора научного произведения.

Также рефлексивный субтекст представлен **дискретными “операторами субъективно-рефлексивного вмешательства”** в текст, рассредоточенными по всему пространству научного произведения, такими как: *иначе, иначе говоря, лучше сказать, иными словами, другими словами, если можно так выразиться, можно сказать, так сказать, что называется, в некотором смысле, в том смысле; не будет никакого преувеличения, если скажем* и др. Эти операторы появляются прежде всего там, где имеет место различная авторская оценка словесной формы высказывания, например прямого или переносного употребления слова, языковых достоинств предлагаемой вербализации, ее стилистических свойств, степени соответствия избираемой номинации сущности обозначаемого и др.

Таким образом, рефлексивный субтекст, будучи способом эксплицитного выражения в тексте субъективного начала познавательной деятельности - авторского “Я”, создает “интимизирующий” фон научного произведения, на котором разворачиваются основные “события” научного текста - развитие и обоснование нового знания.

Антропоцентризм, признавая подчеркнутое присутствие автора в тексте, поощряет исследователей к использованию личностных конструкций, которые предстают не проявлением авторитарности пишущей языковой личности, а выражением субъекта преэминентности знания, отражаемой в научном тексте. Частотность функционирования личностных конструкций в рамках научного текста свидетельствует не столько о степени вторжении авторского мнения в когнитивное сознание читателя, сколько о специфике намерения исследователя выразить субъективные результаты своих наблюдений в научной коммуникации. Например: *«В течение более 30 лет я вместе с коллегами...; Мне лично работать с москвичами было поучительно (Герд А. С., 2005)»*; *«Продолжая размышления на ту же тему, я хотела бы высказать еще целый ряд соображений, касающихся вопросов, не получивших в указанной мною работе своего освещения...» (Кубрякова, 2002: 5)*; *«Опыт моей работы со студентами-лингвистами... (Кобозева И. М., 2000)»*. Как свидетельствуют вышеприведенные примеры, местоимение «я» способно уже занимать в научном тексте начальную (сильную) позицию.

Итак, мы определили, что усиление диалогичности данного типа изложения является следствием тенденции к усилению субъективного начала в современной научной речи, неавторитарного характера языковой личности исследователя. Актуализация авторского «я» через реализацию рефлексивного субтекста осуществляется следующими способами:

- анализ ментальных состояний автора;
- контроль за речевой деятельностью и поиск наилучшего способа выражения мысли;
- использование дискретных «операторов субъективно-рефлексивного вмешательства»;
- эксплицитное выражение компонента знания в аспекте его индивидуального восприятия;
- употребление личностных конструкций.

Как показало исследование, стилистическая отмеченность предстает для современного исследователя прагматической основой вербализации нового знания, залогом налаживания продуктивного диалога с читательской аудиторией.

Список литературы

1. Баженова, Е. А. Интертекстуальность научного текста [Текст] / Е. А. Баженова // Текст как объект многоаспектного исследования. СПб. – Ставрополь, 1999. – С. 45-56.
2. Баженова, Е. А. Политекстуальность научного текста [Электронный ресурс] / Е. А. Баженова // Режим доступа: www.psu.ru/pub/filolog_1/1_4.rtf, свободный.

3. Глушко, М. М. Синтактика, семантика и прагматика научного текста [Текст] / М. М. Глушко. – М., 1977. – 260с.
4. Кожина, М. Н., Рычкова, Н. В. Выражение связности как критерий внутрителиевой дифференциации научной речи [Текст] / М. Н. Кожина, Н. В. Рычкова // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. – Пермь, 1988. – С. 62-71.
5. Разинкина, Н. М. О понятии стереотипа в языке научной литературы / Н. М. Разинкина // Язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С. 115-124.

Т. А. Синеева
Челябинск, Россия

**КУЛИНАРНАЯ МЕТАФОРА КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОРМУЛА
ТРАНСЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ
(на материалах Интернет)**

В поисках достоверных сведений мы все чаще обращаемся к сети Интернет, как к одному из мощнейших информационных ресурсов. Всемирная паутина оплела фактически все сферы жизни: нити гипертекста протянулись от обыденных, бытовых понятий и явлений к категориям весьма отвлеченным. Так, в ходе анализа французского медийного дискурса как источника порождения когнитивных метафор, мы выявили пласт материалов, носящих черты, характерные скорее для дискурса научного: тексты изобилуют специальной лексикой, иллюстрациями, цитатами, демонстрациями причинно-следственных связей, логическими последовательностями шагов рассуждения.

Глобальная коммуникативная цель научного произведения – сообщение о результатах проведенного исследования и объяснение способа их получения, формулировка новых идей и их обоснование. Как следствие, типичное научное изложение состоит главным образом из умозаключений, и отличительной особенностью функционального стиля научного дискурса является особый формально-логический способ представления знаний.

Присутствие метафор в рамках данного дискурса объясняется переоценкой традиционных ценностей науки, произошедшей в середине XX века, что повлекло, в частности, изменение взглядов на роль метафоры в научной сфере. Подобная метаморфоза обусловлена серьезными препятствиями, встретившимися на пути реализации неопозитивистской программы исключения из языка науки всех недостаточно определенных, «метафизических» утверждений. Стремление к точности и однозначности понятий и выражений обедняет научный дискурс, снижает его эвристические возможности. Метафора же является креативным средством научного

познания [Полозова 2002: 71-78]. Таким образом, чем дальше развивается наука, тем больше увеличивается степень метафоричности ее гипотез.

По мнению Дж. Лакоффа, в научных концепциях метафоры реализуются следующим образом. Сложные естественные системы (структуры или процессы), частично изученные и понятые человеком, могут быть представлены в умах и трудах исследователей в виде различных систем, состоящих из вербальных и визуальных образов, временных и логических связей – так называемых когнитивных моделей, метафор [Лакофф 1990].

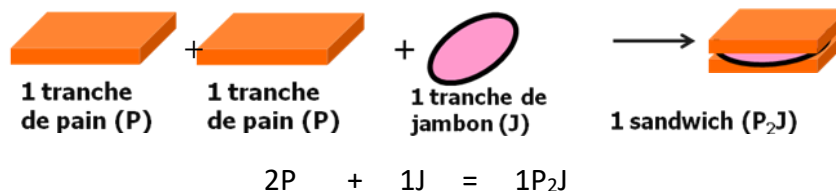
Метафора служит познанию на первоначальных стадиях, когда она сталкивается с новыми объектами или их свойствами, для которых нет ни подходящих имен, ни четких представлений. Метафоры лежат в основе большинства понятийных схем. Метафоры влияют не только на теоретические представления о мире, но и управляют поведением людей на самых различных уровнях [Порус 2005: 134]. Следовательно, можно воссоздать любые феномены объективной реальности на основе метафорической модели, служащей своеобразной формулой, по которой «вычисляется», реконструируется действительность.

Примечательно, что в результате проведенной работы мы установили факт развития довольно редкой «кулинарной» модели, которую можно признать национально-специфической для французского научного дискурса: гастрономическое искусство французов обязывает источники информации учитывать вкусы целевой аудитории, что придает дополнительную аттрактивность дискурсу.

Признанные гурманы, творцы кулинарных чудес легко поймут суть описываемых явлений, если их подать под удачным соусом. Формула «НАУКА – ЭТО КУХНЯ» оказывается применимой в различных областях научного знания: от биологии и лингвистики до кибернетики и химии.

Avancement sandwiches. Connaître la notion d'avancement et de mélange stoechiométrique. Les chiffres présents dans l'équation culinaire portent le nom de nombres stoechiométriques [www.ac-nancy-metz.fr].

В данном случае химическая формула стехиометрической смеси складывается в привычный «бутерброд». Данная метафора на первый взгляд кажется неуместной в языке химии, однако благодаря ей очевидным становится сходство молекулы с сэндвичем: булочка-колбаса-булочка. Метафорическая модель носит наглядный характер, что помогает легко запомнить на уровне ассоциаций принцип чередования атомов.

Так выглядят два «сэндвича» под микроскопом.

Tableau de la réaction

Метафора сэндвича распространена также в молекулярной физике:

L'effet CIMS (abréviation de Current-Induced Magnetization Switching), que l'on pourrait traduire en français par renversement de l'aimantation induite par un courant... l'effet fut découvert expérimentalement par différentes équipes scientifiques à travers le monde, et cela dans différentes configurations de structures nanométriques:

à Grenoble par l'équipe de Tsoi, Wider dans des structures sandwich de Co/Cu/Co [www.w3.org].

Физико-математическая четырехмерная категория пространства-времени конкретизируется и упрощается, если ее рассмотреть сквозь призму разновидности итальянской пасты: издали спагетти выглядит плоским предметом.

Remarquons qu'un tel arrangement a une dimension macroscopique égale à 1, même si les briques élémentaires (les simplexes) sont de dimension 4, de même qu'un spaghetti vu de loin semble être un objet à une dimension [http://math-et-physique.over-blog.com].

Метафору спагетти используют ученые-астрономы в целях детализации абстрактного образа магнитных полей небесных тел.

Les lignes de forces du champ magnétique sont enchevêtrées dans l'atmosphère solaire comme dans un plat de spaghetti [www.membres.lycos.fr].

Эффект неожиданности, произведенной метафорой заостряет внимание читателя на главном, помогает сконцентрироваться, а также делает язык автора более разнообразным, что особенно ценно в ходе длинных цепочек теоретических объяснений, рассуждений и выводов.

Интернет-пространство французского научного дискурса позволяет исследователям утолять не только «информационный голод», но и «жажду»:

L'enseignement des mathématiques a un triple objectif: participer à la formation intellectuelle..., fournir des outils pour les autres sciences, maîtriser les techniques de la

discipline. Tous les programmes sont un cocktail fait de ces trois ingrédients, sa composition varie selon les filières et aussi les modes intellectuelles [www.mission-laique.asso.fr].

Смысловая избыточность метафоры в научном дискурсе с одной стороны, провоцирует возможность ошибочной интерпретации информации, а с другой, представляет в некоторых случаях единственно возможные условия передачи необходимых данных.

Широкое распространение практики использования кулинарных метафор в научных текстах французских Интернет-сайтов свидетельствует о том, что научный дискурс является источником порождения когнитивных моделей, призванных помочь реципиенту структурировать чуждую сферу науки в понятиях, доступных перцептуальному опыту, а также задать направление оценочному вектору, привлечь и убедить.

Язык науки стремится найти универсальные механизмы объяснения, легкие для восприятия формулы, с помощью которых можно было бы передавать результаты исследований. Одной из таких формул является метафора. Когнитивная метафора, участвующая в познании, неотделима от научного дискурса, закрепляющего и передающего результаты познавательной деятельности.

Список литературы

1. Николаев, А. М. Описание семантики научного текста с позиций теории речевых актов (на материале рецензии на научно-техническую работу) [Текст] / А. М. Николаев // НТИ. Сер. 2. – 1998. – № 7. – С.35-41.
2. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. - М. : Прогресс, 1990. – С. 387-415.
3. Полозова, И. В. Научная реальность – метафора? [Текст] / И. В. Полозова // Высшее образование в России, 2002. - №5. – С.71-78.
4. Порус, В. «Метафора и реальность» [Текст] / В. Порус // Высшее образование в России, 2005. - №1. – С.134-141.
5. Abriet, S. Avancement sandwichs [Resource électronique] / S. Abriet // www.ac-nancy-metz.fr.
6. Besnard, F. Combien de dimensions pour l'espace-temps? [Resource électronique] / F. Besnard // <http://math-et-physique.over-blog.com>.
7. Darmon, H. Le grand boum des mathématiques [Resource électronique] / H. Darmon // www.crsng.gc.ca.
8. Définition et usages du code source [Resource électronique] // www.techno-science.net.
9. La réaction chimique et la stoéchiométrie [Resource électronique] // www.cdrummond.qu.ca.
10. Piednoir, J.-L. Amour et désamour pour l'enseignement des mathématiques [Resource électronique] / J.-L. Piednoir // www.mission-laique.asso.fr.
11. Renversement de l'aimantation induite par un courant [Resource électronique] // www.w3.org.
12. Soleil [Resource électronique] // www.membres.lycos.fr

Т.Е. Соболева
Белгород, Россия

ДИСКУРС КАК ОСНОВА ПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Речевая деятельность как часть всей деятельности человека предполагает осознанность цели, планируемость и структурированность. Структурированность речевой деятельности заключается в том, что она осуществляется посредством последовательных речевых действий, которые определяются целями коммуникации. В соответствии с новейшими подходами с точки зрения прагмалингвистики к анализу дискурса И.С. Шевченко отмечает, что исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. [Шевченко 1999: 150].

В данной статье дискурс рассматривается как текст (тексты), созданный в результате речевой деятельности, в совокупности их лингвистических параметров и экстралингвистического контекста; к дискурсу относятся «все формы устной и письменной речи: естественно протекающие бытовые и официальные разговоры, интервью, письменные тексты» [Ушакова 1997: 158].

Традиционно под текстом понимаются монологические тексты, тем не менее, известно признание диалога текстом на том основании, что он обладает признаками, создающими текст как языковую единицу: цельностью, референционной и смысловой связностью реплик, языковыми показателями данной связности. Отличие диалогического текста от монологического состоит в том, что «в создании семантической структуры диалогического текста участвуют не один, а два коммуниканта, выступающие «соавторами», «сопроизводителями» текста со стороны порождения и восприятия» [Лисоченко 1992: 19].

Вопрос о характере соотношения диалога и монолога пока остается дискуссионным. Ряд современных ученых, как лингвистов, так и философов, не признают разделение на монологическую и диалогическую речь. Диалог ими понимается в широком смысле слова: как встреча двух сознаний, и с этой точки зрения не диалогической речи нет, любой текст всегда «двупланов» и «двусубъектен» [Бахтин 1986: 473]. В связи с этим утрачивается традиционное противопоставление диалогической и монологической речи, т.к. любые формы речи предполагают адресата – реального или потенциального.

По мнению М.Н.Кожиной, «вопрос о соотношении диалога и монолога не только не нашел единого решения, но и нередко различительные признаки этих феноменов, выделенные одним исследователем, квалифицируются другими как общие или сближающие их» [Кожина 1986: 28].

В лингвистических и литературоведческих исследованиях понятие «монолог» часто используется без какого-либо определения сущности и границ этого явления; основным критерием в этом случае выступает длина высказывания персонажа до смены говорящего с указанием характера направленности монолога: монолог как обращение к публике; монолог как размышление вслух; монолог, направленный конкретному собеседнику. При этом не называется число предложений, после которого высказывание перестает быть диалогической репликой и становится монологическим высказыванием.

Е.И. Мотина отмечает, что в монологической речи преобладают в основном повествовательные предложения, хотя «иные формы высказываний также могут быть в нем представлены, но они не выполняют своих обычных функций» [Мотина 1988: 10]. Так, автор подчеркивает мысль о том, что вопросительные предложения часто не выполняют собственно вопросительных функций, а используются как риторические вопросы.

Особое внимание в статье следует уделить художественному диалогу, а понятие «монолог» использовать как внутренний диалог, который также отражает естественную коммуникацию.

Исследователи, рассматривающие художественный диалог как типизацию разговорной речи, говорят о сгущении, концентрации специфических черт естественной речи. При понимании художественного диалога как стилизации устной речи подчеркивается воспроизведение (имитация) ее особенностей, прежде всего сигнализация устности, создание впечатления похожести в определенных целях [Лагутин 1991: 18]. При выделении признаков естественной речи и художественного диалога выстраивается ряд оппозиций с анализом специфики их реализации на всех уровнях языка: устный – письменный характер коммуникации; спонтанность – подготовленность; значительный удельный вес паралингвистических средств – незначительная доля невербальной коммуникации [там же: 19].

В художественном тексте говорящий и слушающий равноправны относительно пропозиций, образующих «внутреннюю» систему коммуникации; что касается читателя, то это равноправие отсутствует, образуя тем самым «внешнюю» систему коммуникации. Художественный диалог имеет свои особенности: с одной стороны – общение персонажей друг с другом, с другой – автора с читателем. В нем всегда присутствуют

обе стороны. Более того, одна из сторон может доминировать по отношению к другой: первая - приближает художественный диалог к реальной речи, вторая сторона способствует расхождению между ними.

В случае «внутренней» системы коммуникации прямое взаимодействие между автором и читателем исключается, автора в произведении вообще «нет», а коммуникация осуществляется между персонажами, и опосредованно, через них - с читателем. В случае «внешней» системы повествование ведется от первого лица, автор как бы непосредственно участвует в процессе коммуникации с читателем.

Другими словами, речь может идти о двойной адресации каждой реплики – она предназначена, в сущности, не слушающему (персонажу, «внутреннему» коммуниканту), а читателю, что и обуславливает вышеперечисленные особенности художественного диалога.

Для прагмалингвистического анализа диалог интересен тем, что в нем практически все высказывания имеют перформативный, направленный на партнера характер. По мнению И.П. Сусова, «только в диалогической речи дано полностью все многообразие видов взаимодействия между коммуникативными интенциями общающихся и между их речевыми ходами. Поэтому диалог представляет наиболее благоприятные возможности для прагмалингвистических исследований, для выявления правил интерактивного поведения участников общения» [Сусов 1984: 9].

С прагматической точки зрения любой речевой акт – это не только высказывание содержания, но и интенции. Каждый речевой акт создает условия, предпосылки для дальнейших речевых и неречевых действий. Поэтому теория речевых актов представляет собой, по мнению Ю.С. Степанова, такую прагмалингвистическую дисциплину, «предметом которой является серьезный и достаточно длинный текст в его динамике – дискурс, соотнесенный с главными субъектами, с «эго» всего текста, с творящим текст человеком» [Степанов 1981: 332].

В дискурсе интегрируются свойства языковой и речевой систем, которые корректируются под влиянием целого ряда факторов: интерактивность, динамичность контекста, многоканальность передачи информации (пара- и невербальные знаковые системы) и т.д. Кроме того, важным для определения дискурса являются и когнитивные факторы (идеи, которые понятны и очевидны для собеседников).

В отличие от языковой системы, которая является виртуальной сущностью, где интеграция семантики и прагматики представлена в статике, в дискурсе эта интеграция принимает динамический, подвижный характер, который отчетливо проявляется и в диалоге, и в монологе. Так, для диалога более характерным является активизация

прагматических элементов (в первую очередь перлокутивной составляющей), тогда как в монологе в основном используются канонические, закреплённые в системе формы, хотя, как отмечалось выше, монолог является благодатной почвой для появления речевых актов в несобственно-прямой функции.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст]: Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986. – С. 473-500.
2. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи [Текст]: Монография / М. Н. Кожина. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 184с.
3. Лагутин, В. И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы) [Текст]: Монография / В. И. Лагутин. – Кишинев: Штиинца, 1991. – 98с.
4. Лисоченко, Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты) [Текст]: Монография / Л. В. Лисоченко. – Ростов-на Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 160с.
5. Мотина, Е. И. Язык и специальность [Текст]: Лингво-методические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов / Е. И. Мотина. – М., 1988. – 128с.
6. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики [Текст] / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР / Серия литературы и языка. – Т.40. – М., 1981. – № 40. – С. 325-332.
7. Сусов, И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы [Текст] / И. П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Сб. науч. тр. – Калинин, 1984. – С. 3-12.
8. Ушакова, Т. Н. Психологический подход к анализу дискурса [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. XII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1997. – С. 158-162.
9. Шевченко, И. С. К определению понятия дискурса в исторической прагмалингвистике [Текст] / И. С. Шевченко // Вісник Харківського Державного Університету. Романо-германська філологія. – № 435. – Х.: Константа, 1999. – С. 15-153.

Ю.В. Сорокина
Челябинск, Россия

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО АККУЛЬТУРАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В период глобализации мира, согласно мнению многих ученых, целью обучения иностранным языкам является не только передача лингвистических знаний, но также и способность к участию в межкультурной коммуникации, а именно, воспитание толерантности, уважения к другой культуре [Тер-Минасова 2000]. Следовательно, формирование межкультурной компетенции должно подразумевать обогащение не только лингвистических, но и прагматических, эстетических, этических знаний о стране изучаемого языка.

Дискурс – совокупная коммуникативная деятельность взаимодействующих сторон в рамках коммуникативной ситуации, и возникающие в результате этой

деятельности и реализуемые с помощью вербальных и невербальных знаков тексты, имеющие определенную структуру, жанровые особенности и прецедентный тезаурус [Олешков 2007]. Институциональный дискурс – это статусно-ориентированная разновидность общения, в котором коммуниканты выступают в качестве представителей определенных статусных групп. Являясь разновидностью институционального дискурса, *дидактический дискурс* есть совокупность коммуникативной деятельности двух сторон в рамках образовательной коммуникативной ситуации и имеет своей целью «социализацию нового члена общества» [Карасик 2002] и оптимизацию коммуникативного взаимодействия. Продуктом дидактического дискурса является *учебный текст*, который выступает средством обучения и должен обладать всеми свойствами текста.

Учебный текст на иностранном языке должен не только способствовать развитию навыков и умений иноязычной речевой деятельности, но и расширять кругозор, страноведческие знания, развивать мышление, повышать интерес к стране изучаемого языка, т.е. формировать коммуникативную компетенцию, включающую в себя лингвистическую, социально-лингвистическую, дискурсивную, стратегическую, социально-культурную и социальную компетенцию. Для успешного общения необходимо овладеть не только одинаковыми языковыми средствами собеседника (фонетическими, лексическими, грамматическими навыками), но и общими знаниями о мире – фоновыми знаниями.

Учебный текст должен являться средством аккультурации студентов, изучающих английский язык; чтение текстов должно способствовать диалогу между текстом и читателем, их обсуждение приводить к более глубокому проникновению и пониманию специфики и своеобразия иной культуры, текст должен развивать умения межкультурной коммуникации и помогать формированию вторичной языковой личности. Аккультурация обозначает процесс и одновременно результат влияния культуры–донора на представителей культуры–реципиента и принятие последними норм, ценностей и традиций другой культуры. Языковая аккультурация является результатом вербального контакта с носителями данной культуры и приводит к изменению в мироощущении и мировосприятии личности. Языковая аккультурация ведет к изменению системы материальных и духовных ценностей, паттернов поведения, восприятию элементов иной культуры, является приобщением индивида к культуре, усвоением им привычек, норм, свойственных данной культуре (термин введен Херсковицем М.), это процесс интеграции личности в другую культуру.

Термин «языковая личность» является стержневым и системообразующим в современной лингвистике. Человек формируется как личность только приобщившись к культуре и принимая участие в социальной деятельности и развитии языка. При усвоении вербально-семантического кода второго языка, т.е. языковой и концептуальной картин мира, формируется вторичная языковая личность. *Вторичная языковая личность* – это совокупность способностей человека к общению на втором языке на межкультурном уровне. Вторичной языковой личностью может считаться личность, овладевшая вербально-семантическим кодом языка, то есть языковой картиной мира носителей языка, и концептуальной картиной мира, позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность. Вторичная языковая личность обладает способностью реализовать себя в рамках диалога культур, то есть межкультурной компетенцией [Караулов 2003]. Ставя задачу формирования вторичной языковой личности, второй язык должен переводиться в статус «не-чужого», чтобы проникать в «дух» изучаемого языка, культуру народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация [Халеева 1999].

Таким образом, важным в настоящее время мультикультурного диалога является развитие многоязычной и поликультурной языковой личности, обоснование лингводидактического статуса категории «многоязычная и поликультурная компетенция» и формирование вторичной языковой личности. Однако формирование личности на стыке двух культур (вторичная языковая личность) – донорской и реципиентной – может протекать в форме «акцептации» (принятия), либо «реакции» (отвержение) элементов донорской культуры, поэтому важно, чтобы содержание обучения соответствовало опыту и интересам учащихся и было сопоставимо с опытом ровесников другой культуры. Главным положительным моментом формирования вторичной языковой личности является ее более рациональное видение мира, способность оценивать и сравнивать разные культуры.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264с.
3. Олешков, М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов) [Электронный ресурс] / М. Ю. Олешков // Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/announcements/filolog/OleshkovMU.doc>., 2007, свободный.
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261с.
5. Халеева, И. Н. Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» (аудитивный аспект) [Текст] / И. Н. Халеева // Тетради переводчика. – 1999. Вып. 24.

ВЫРАЖЕНИЕ ДУХА СОПЕРНИЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИТАЛИИ

Целью нашей статьи является исследование форм выражения духа соперничества, состязательности, противостояния, свойственного политическому дискурсу как сфере преимущественно агонального общения, – на материале политической прессы Италии.

Вопросы организации будущего глобального сообщества активно обсуждаются учеными разных стран, выявляя культуроспецифичность их ментальности, понимаемой как «устойчивая настроенность внутреннего мира людей, сплачивающая их в социальные и исторические общности» и как предрасположенность к определенному типу мышления и действия» [Кохановский 1996: 41-42].

Большинство политических теорий исходит из того, что человек – существо, склонное ко злу в отношениях с себе подобными, поэтому политика связана с *борьбой* за власть, *соперничеством*, *состязательностью*, *противостоянием* людей, стремящихся к престижному месту в социальной иерархии и отстаивающих собственные интересы. Эти понятия предполагают, что участники политических отношений не стремятся к социальному равенству, а пытаются доказать свое превосходство, преимущество в каком-либо отношении, дающее право на лидерство, влияние на других людей и их подчинение. Сущностью «политического» является система отношений «друзей» и «врагов», господства и подчинения, направленных на «приведение в единство разделенного на группы, классы и прослойки современного общества» [Кравченко 1989: 40]. Общение на политическом уровне при обсуждении проблем глобального мира выражает речевое намерение коммуникантов, направленное либо на достижение взаимопонимания, сотрудничества, консенсуса (*гармонизирующая модель*), либо на утверждение своего превосходства и подчинение собеседника (*агональная модель*) – [Михальская 1996: 68]. Политология рассматривает политику как сферу преимущественно агонального общения, связанную с конфликтами и речевой агрессией, поэтому в политическом дискурсе употребляется специальная лексика, связанная с выражением духа состязательности коммуникантов. *Конфликт* – «столкновение двух или более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях *противодействия*» [Василик 2001: 481]. В общей теории конфликтов выделяются три главных типа, или три уровня конфликтов: *игра*, *спор*, *война*.

Игра предполагает разрешение конфликта на основе действий по заранее определенным правилам, в результате чего выигравший получает существенные, но не

жизненно важные преимущества. А.Л. Алюшин и В.Н. Порус определяют *политическую игру* как взаимодействие участников, различающихся своими способностями, умением ориентироваться в быстро меняющихся обстоятельствах, гибкостью стратегий, избираемых для достижения цели; одни участники «состязания» охотно идут на риск, азартно включаются во все новые «игровые» ситуации, другие склонны к перестраховке; «для одних стремление к выигрышу сильнее любых моральных и юридических запретов, другие отступают..., сообразуя свои устремления со своими возможностями». Игровой характер политических отношений доставляет особое удовлетворение ее участникам и, как отмечает Ф. Знанецкий, «страстный участник политической игры действительно не интересуется идеологиями и политическими программами... настоящие идейные политики если и участвуют в этой игре, то в виде простых шахматных фигур, передвигаемых опытными, *азартными игроками*, которые, хотя и соблюдают правила, но не думают подчинять игру каким-то отдаленным целям», оттесняя даже соображения материальной выгоды, которую можно получить с помощью власти [цит. по: Алюшин, Порус 1989: 112].

В политической прессе Италии поведение участников политического противоборства сравнивается с ситуацией *спортивного состязания*, предполагающего *поражение* или *победу* и присутствие азартных болельщиков. Так, например, свой приход в политику Сильвио Берлускони назвал «выходом на поле» (“*sono sceso in campo*”), а возглавляемую им партию – «Форца Италия» (Forza Italia), что соответствует крикам болельщиков, подбадривающих свою любимую команду: «Вперед, Италия!», «Давай, Италия!». *Спортивные термины*, связанные с борьбой за победу, являются постоянным компонентом политических текстов:

ВЫПАД ПРОТИВ Уливо [коалиции левых] и судебных органов – ХОД Казини разозлил союзников в правительстве – Сенатор КОНТРАТАКУЕТ – Босси ИДЕТ В АТАКУ на Чампи, и т.д.

Спор – взаимодействие при разрешении конфликта, предполагающее только мирные средства. *Споры, дискуссии, диспуты, полемики, дебаты* на страницах газет и журналов относятся к когнитивным конфликтам, которые отражают противоположные точки зрения на события и факты. Если по отношению к одной из сторон не применяются методы насилия, и дискуссия ведется цивилизованно, то обычно не возникает опасности перехода таких конфликтов в столкновение коренных интересов сторон, однако, как свидетельствуют факты, агрессивность политических противников иногда переходит границы цивилизованности.

Слова премьера были последней каплей, переполнившей чашу, в ПОЛЕМИКЕ с Марцано – Передача прав регионам, СПОР о государственном устройстве – СТОЛКНОВЕНИЕ Берлускони – ФИАТ, и т.д.

Вот что пишет по поводу политических дебатов член правительства Эрнесто Галли делла Лоджа (Ernesto Galli della Loggia) в газете «Корриере делла Сера» за 9 апреля 2005 года:

Таким образом, я усвоил два важных урока. Первый: что дискуссия, происходящая на итальянской сцене перед публикой, обычно СОВЕРШЕННО НЕ ВНИКАЕТ В ТО, О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ, ГОВОРЯТ при этом ГЛУПОСТИ ИЛИ НЕТ, заставляет ли она ЗАДУМАТЬСЯ, или она ПЛАЧЕВНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТА. Нет, ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО ВАЖНО – это НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ находятся участники. Кто НА НАШЕЙ СТОРОНЕ, тот МОЛОДЕЦ, а кто нет – тот КРЕТИН, если при этом, как это ПОЧТИ ВСЕГДА БЫВАЕТ, ЕЩЕ И НЕ ПОДЛЕЦ.

Исследователи определяют *войну* как «бескомпромиссную борьбу до победоносного конца с применением любых, в том числе насильственных средств» [Василик 2001: 483-484], и итальянская пресса традиционно осуждает этот способ разрешения конфликтов. Авторы политических текстов используют и *военные термины*, отражающие характер боя и военных действий:

За один вечер – НАСТУПЛЕНИЕ премьера и ОТСТУПЛЕНИЕ ЛИДЕРА Лиги – СИГНАЛ ТРЕВОГИ в Уливо: безответственные реплики – Уиллер Бордон не одобряет, что министр от Лиги, «ВНОВЬ НАДЕВ ДОСПЕХИ ГАЛЛОВ», АТАКУЕТ Квиринале [президентский дворец, т.е. самого президента], который является гарантией национального единства – Это самый трудный момент с тех пор, как Романо Проди объявил о своем возвращении в политику. ПОДОЗРЕНИЯ, ОПАСНОСТИ, ЛОВУШКИ, УДАРЫ НИЖЕ ПОЯСА. Профессор знает, что РИСК ПОТЕРИ СИЛ очень высок, и готовится К ДОЛГОМУ БЕГУ С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ПРЕПЯТСТВИЯМИ. Семь месяцев – с настоящего момента до региональных выборов в апреле. Семь месяцев, чтобы НЕ ЗАДОХНУТЬСЯ НА ДНЕ БОЛОТА ЛЕВОЦЕНТРИСТОВ. Готовый ВЫНУТЬ ИЗ НОЖЕН ПОСЛЕДНЕЕ ОРУЖИЕ: СЕНСАЦИОННЫЙ УХОД (из политики), который РАССТРОИЛ БЫ ПЛАНЫ УЛИВО – Более 80 процентов американцев ... убеждены в том, что ВОЙНА МОЖЕТ БЫТЬ СПРАВЕДЛИВОЙ – Две МИРОВЫЕ ВОЙНЫ сумели убедить европейцев, - к сожалению, лишь частично, что НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЙНЫ – ЛИШЬ ВЫДУМКА ТЕХ, КТО ВОЮЕТ ЧУЖИМИ РУКАМИ – Роберт Каган в своем новом очерке о РАСКОЛЕ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ: американские марсиане ПРОТИВ европейцев –

жителей Венеры, ФИЛОСОФСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ, РЕЗКИЙ АНТАГОНИЗМ, ослабляющий Запад, ПОЛНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ на тему ВОЙНЫ – Необходима культурная революция, которой удалось бы убедить людей в БЕСПОЛЕЗНОСТИ ВОЙНЫ, и т.д.

Итальянские журналисты характеризуют поведение, характер отношений и чувства участников политического противостояния:

ФИАТ, ИСКРЫ в адрес премьера – ПОЩЕЧИНА государственным органам – Слова, которые безусловно вызывают ВЗРЫВ ГНЕВА у Босси - ...судебные органы ИСПОЛЬЗОВАЛИ СВОЮ ВЛАСТЬ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ – Председатели Палат ССОРИТСЯ и РАСХОДЯТСЯ ВО МНЕНИЯХ – И в течение одного вечера председатель Совета министров Берлускони предлагает рецепт, который ВЫЗЫВАЕТ ВОЗМУЩЕНИЕ у руководства туринского предприятия – ПОЗИЦИИ НЕПРИМИРИМЫЕ. По крайней мере, сейчас – В действительности уже после полудня ПОДНИМАЛАСЬ ЗЛОСТЬ ЛЕГИСТОВ ПРОТИВ КВИРИНАЛЕ – НЕРВОЗНОСТЬ легистов возросла вчера утром – Председатель Сената Пера: с Казини – РАЗРЫВ - ... в парламентских кругах от левых демократов и от «Маргериты» БОЕВОЙ ДУХ ВОЙСК УПАЛ. Возвращаются старые пороки: ЛИЧНЫЕ ССОРЫ, СТЫЧКИ, НЕВЕРИЕ В ВОЗМОЖНОСТЬ ПОБЕДЫ, ТРУДНОСТЬ В ВЫДВИЖЕНИИ КАНДИДАТОВ... Поэтому, чтобы не оказаться наполовину истощенными уже сейчас, в ШТАБЕ Профессора составляются ПЛАНЫ СРАЖЕНИЙ, и т.д.

Политическая ментальность итальянцев, как показывают многочисленные примеры, исходит из следующего представления о политике:

«...ПОЛИТИКА – КАК ВОЙНА. Здесь – НАШИ, ХОРОШИЕ, а с другой стороны – ОНИ, ПЛОХИЕ. Задача политика – ПОДДЕРЖИВАТЬ, СОДЕЙСТВОВАТЬ, УКРЕПЛЯТЬ СВОИХ и ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ, ОСЛАБЛЯТЬ ЧУЖИХ. Это ПРАВИЛА ИГРЫ, которые соблюдаются людьми, даже вовсе не жестокими, которые делают это СДЕРЖАННО, С ЧУВСТВОМ МЕРЫ. Но есть и такие, которые действительно НЕНАВИДЯТ ВРАГА, ХОТЯТ УНИЧТОЖИТЬ ЕГО ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ, КЛЕВЕТОЙ, БЕСЧЕСТЬЕМ, СОБИРАНИЕМ ФАЛЬШИВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» (Франческо Альберони, «Корриере делла Сера», 16 мая 2005, с. 1)

При работе с итальянской политической прессой переводчик должен обладать обширным запасом лексики, выражающей все виды состязательности и противостояния: оттенки значений при переводе, выражающие степень агрессивности и намерения партнеров (борьба или консенсус), могут сыграть значительную роль в исходе двухсторонних контактов в политической сфере, поэтому в процессе обучения

итальянскому языку необходим курс, обеспечивающий хорошие навыки студентов в работе с газетными текстами.

Список литературы

1. Алюшин, А. Л., Порус, В. Н. Власть и политический реализм (поведенческие концепции власти в политической науке США [Текст] / А. Л. Алюшин, В. Н. Порус // Власть: очерки современной политической философии Запада / В. В. Мшвениерадзе, И. И. Кравченко, Е. В. Осипова и др. – М.: Наука, 1989. – С. 95-127.
2. Кравченко, И. И. Власть и общество [Текст] / И. И. Кравченко // Власть: очерки современной политической философии Запада / В. В. Мшвениерадзе, И. И. Кравченко, Е. В. Осипова и др. – М.: Наука, 1989. – С. 37-59.
3. Михальская, А. К. Русский Сократ [Текст]: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская – М.: изд. центр «Academia», 1996. – 192с.
4. Политология [Текст]: Учебник / Под ред. М. А. Василика – М.: Гардарики, 2001. – 588с.
5. Современная философия [Текст]: Словарь и хрестоматия / Ред. В. П. Кохановский – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 511с.
6. Скворцова, Н. А., Майзель, Б. Н. Итальянско-русский словарь: 55 000 слов [Текст] / изд. 2-е – М.: Советская Энциклопедия, 1972. – 944с.
7. Kovalev il minore. Dizionario russo-italiano, italiano-russo di Vladimir Kovalev [Text] / Zanichelli Editore S.p.A., Bologna, 2000. – 1216p.

Т. Б. Троицкая
Москва, Россия

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Когнитивно-дискурсивная парадигма, отличающаяся своей антропоцентрической направленностью, дает возможность установить лингвоментальные основания процессов креативной и интерпретационной деятельности субъектов дискурса и возможностей их репрезентации в тексте. С развитием когнитивной науки особое значение получило рассмотрение роли и функции категоризации, поскольку она лежит в основе познавательной деятельности человека, связана с приобретением, осмыслением и использованием информации. Языковые категории можно рассматривать как формы языкового сознания, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о мире и о себе и которые обеспечивают единство языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях.

«Категориальный спектр в мире дискурса представляет собой средство глобальной концептуализации определенных участков картины мира (события, оценки, характеристики). В нем проявляется организующая роль языка в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности» [Бурдина 2004: 34]. Категориальные основы различных типов

дискурса характеризуются широкой амплитудой соотношения доминирующих и маргинальных позиций языковых средств, реализующих коммуникативную и прагматическую задачи дискурса. Рассмотрение отдельно взятой категории с позиций ее вербализации способствует детальному изучению структур знаний, выражаемых языком.

Наш научный интерес фокусируется на реализации полемической стратегии в публицистическом дискурсе, категориальной доминантой которой выступает адресованность.

Адресованность публицистической речи это выраженность в текстовом построении, поддерживаемым определенным кругом языковых средств, взаимодействия автора и адресата с целью достижения эффективности общения в данной сфере. При формировании какого-либо высказывания публицист строит определенную "концепцию" адресата, и процесс утверждения авторской точки зрения происходит в диалоге, во взаимодействии с этой концепцией. Таким образом, категория адресованности может выступать доминантой в организации полемического общения в публицистическом дискурсе.

Полемика предполагает противопоставление мнений двух сторон, конфликтность высказываемых суждений. Термин «*полемика*» не имеет однозначной дефиниции, дифференцирующей ее от других понятий данного лексико-семантического поля (спора, дискуссии, диспута, дебатов), но является наиболее универсальным, способным передавать любой способ конфликтного общения.

Статус полемики в языке неоднозначен. Существуют попытки интерпретации полемики как речевого жанра (Брандес М.П., Матвеев Р.А., Алексеев А.П), как типа текста (Бринкер К., Зандиг Б.), как типа дискурса (Макеев И.К.). Мы считаем нецелесообразным выделение полемики в отдельный типологический дискурс, а придерживаемся тезиса, что полемика реализуется в виде определенной персуазивной стратегии, в которой происходит столкновение мнений, суждений, интересов коммуникантов.

Под стратегией понимается комплекс конкретных мер, который включает в себя выбор языковых единиц и порядка их следования, отвечающий интенциям коммуникантов, и служащий для осуществления определенных когнитивных процессов, обеспечивающих построение новых значений в дискурсе [Ирисханова 2004: 232]. Полемическая стратегия представляется нам как концептуальное видение субъектом своего дискурсивного поведения, направленного на корректировку модели мира адресата,

видение, основанное на интенции разрешения или обострения конфликтной ситуации, и способов ее выражения в конкретных языковых средствах. Реализация полемической стратегии детерминирована социальным контекстом и типом дискурса. В публицистике полемика ведется с целью формирования мнения читателя, которому коммуникатор стремится показать и доказать ошибочность точки зрения противника.

Анализ категории адресованности предполагается вести через призму реализующих общую полемическую стратегию тактик. Если стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, то *тактикой* следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Тактики, доминантой которых выступает категория адресованности, репрезентируют отношения между коммуникантами. Их условно можно разделить на *две группы* в зависимости от основного вектора адресованности: 1) в плане восприятия текста основным адресатом полемики будет читатель журнала, 2) а в плане порождения текста автор наряду с адресованностью читателям обращается и к оппонентам, т.е. он кодирует в тексте смысловые позиции «третьих коммуникантов». Ими могут выступать авторы прецедентных тестов, представители определенных социальных институтов, эксперты, а иногда сомнению подвергается устоявшееся общественное мнение или стереотип.

Нами были выделены следующие *тактики, посредством которых осуществляется кодирование смысловой позиции читателя* в публицистическом дискурсе:

- Контактоустанавливающая тактика, целью которой является привлечение внимания читателя и поддержание его в процессе общения. Она является обрамлением полемики, служит открытию дискуссии.
- Тактика фокусирования темы, цель которой информирование о проблеме, или выдвижение основного тезиса аргументации. При реализации полемической дискурсивной стратегии фокусирование темы сопровождается экспликацией альтернативных, часто противоположных взглядов на проблему.
- Сопоставительная тактика, которая стимулирует выбор читателем альтернатив в решении проблемы. Она осуществляется путем приведения аргументов в защиту собственной точки зрения и контраргументов к мнению оппонентов.
- Тактика приглашения к совместному размышлению, которая может осуществляться с помощью коммуникативных ходов побуждения, призыва, совета, протеста и т.д.

– Тактика обобщения, которая направлена на подведение к выводу по проблеме.

Вторая группа тактик включает *тактики, репрезентирующие отношение к «третьим коммуникантам»* (оппонентам или единомышленникам). В наиболее общем виде представляется разумным разграничить это отношение на согласие и несогласие. При этом под согласием понимается не только выражение совпадения мнений, позиций, точек зрения, но и положительная оценка, одобрение. А несогласие интерпретируется как любой вид критики, сомнение в правильности или приемлемости определенной позиции, возражение, опровержение [Маслова 2007: 58]. При этом по степени категоричности выражения согласия/несогласия на основе анализа материала нами выделены следующие тактики:

Тактика полного согласия, когда мнение, намерение, желание автора письма полностью совпадают с мнением редакции или третьих лиц. Тактика полного согласия с автором предтекста важна для реализации полемической стратегии в рамках всего дискурса.

Например, положительные и отрицательные отзывы читателей на статью в рамках подборки писем читателей в журнал воспринимаются реципиентом как реплики оппонентов в споре, защищающие разные позиции.

Тактика частичного согласия, когда мнение, намерение, желание автора совпадают с мнением третьих коммуникантов отчасти, с оговорками, коммуникант выдвигает определенное условие, при котором он согласится с ними. Т.е. тактика неполного согласия, реализуется в частично положительной оценке проблемы или оппонента, с указанием на недостатки.

Тактики несогласия осуществляют критику оппонентов (от лояльной до жесткой), дискредитируют их в целом или отдельные идеи путем прямого указания на ошибку, на недостаточную изученность проблемы, на неполноту или однобокость представленной информации, или некомпетентность оппонента в данном вопросе.

Тактика полного несогласия выражает несовпадение мнений, противоположную позицию и/или отрицательную оценку компетенции оппонентов. Возможна просто негативная оценка оппонента, но чаще за ней следует обоснование и доводы в пользу противоположной точки зрения.

Тактика частичного несогласия применяется в случае, когда мнение, намерение, желание автора не совпадают с мнением третьих коммуникантов, но высказывается определенное условие, при котором он согласится с оппонентами, или в несогласии присутствует неуверенность. С целью смягчения несогласия часто используются

выражения с инициальной похвалой, т.е. положительной оценкой, предваряющей несогласие, клише, снижающие категоричность высказывания, квазивопросительные конструкции, выражающие критику взглядов оппонента.

Специфика отношений между автором и неоднородным адресатом находит отражение в способах адресации полемических текстов. Основными лингвистическими средствами адресованности в публицистическом дискурсе являются вопросительные конструкции (цитатные, интродуктивные, риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы), отрицания, противительные конструкции, модальные слова, косвенные обращения (личные и притяжательные местоимения, слова-референты, тематически связанные с одним из коммуникантов).

Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что в полемике активизируется взаимодействие собственной и чужой речи. Важность взаимодействия в высказывании «своего» и «чужого» трудно переоценить. Чтобы создать ощущение полемики автор вводит чужие голоса в текст статьи, на кого-то ссылается, соглашаясь с ним, кого-то цитирует, чтобы тут же выразить свое несогласие с приведенным мнением или оценкой, аргументирует, высказывает сомнения в собственной правоте. Органически приживаясь на новом месте, чужая речь между тем не присваивается говорящим. Как целые предложения, так и отдельные слова могут сохранять чужую экспрессию, но могут и переакцентироваться, иметь различную степень переосмысления. Для автора желательно, чтобы читатель уловил взаимодействие разных текстов, разных личных сфер. Переплетение «своей» и «чужой» речи, явное и имплицитное, принимает самые разнообразные формы, к числу которых относятся: цитирование, прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, цитатные вопросы и другое [Арутюнова 1999].

Таким образом, стратегия речевого поведения адресанта строится с учетом коммуникативного портрета адресата. Категория адресованности обладает большим потенциалом в репрезентации полемической направленности дискурса. Вектор адресованности задает тон полемике, и служит реализации прагматической интенции публицистического дискурса. Язык располагает широкими возможностями для экспликации чужого мнения и разнообразными способами оппонирования. Во всех случаях автор не просто представляет чужое мнение, но и оценивает, активно не соглашается с ним, приводит контраргументы.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова: 2-е изд., испр. – М.: «Язык русской культуры», 1999. – 896с.
2. Бурдина, З. Г. Категориальный спектр в мире дискурсов [Текст] / З. Г. Бурдина // Дискурсивный потенциал грамматического компонента в различных сферах человеческого общения. Тр./МГЛУ; вып. 482. - М., 2004. – С. 32 - 37.

3. Ирисханова, О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена [Текст] / О. К. Ирисханова. – М.: Изд. ВТИИ, 2004. – 352с.

4. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект) [Текст] / Л. Н. Маслова: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 192с.

Е. А. Тырышкина
Куйбышев, Россия

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Предметом статьи является анализ дискурса, сложность понимания которого связана с наличием многообразных концепций, по-разному интерпретирующих дискурс. Невзирая на особое внимание к термину со стороны представителей разных научных формаций, какое-либо однозначное определение «дискурса» в современной науке практически отсутствует. Этим объясняется, в первую очередь, актуальность обращения к данной теме. В силу сказанного понятие «дискурс» представляется нам сложным и многоаспектным объектом исследования.

Этот термин пришел к нам из двух языков (франц. Discourse, англ. Discourse). В «Словаре немецкого языка» Якоба и Вильгельма Гримм это слово имеет два близких к французскому толкованию (где он обозначал *«диалогическую речь, публичное выступление»*) значения: *«диалог; речь, лекция»*.

Первое собственно лингвистическое употребление термина «дискурс» встречается в статье З. Харриса «Дискурс-анализ», опубликованной в 1952 году. Под дискурсом З. Харрис понимает *«последовательность предложений, произнесенную (или написанную) одним (или более) человеком в определенной ситуации»*. Такое определение дискурса не уменьшает полезности анализа, считает автор статьи. Он пишет: *«Язык не реализуется в сбивчивых словах и предложениях, но в связном дискурсе – от одного слова к десятичному роману, от монолога до спора на Площади Юнион»* [Харрис 1952: 3].

В. Е. Чернявская рассматривает 3 научных традиции, три сложившиеся параллельно друг с другом национальные научные школы дискурсивного анализа: 1. **Англоамериканская лингвистическая традиция**, понимающая под дискурсом связную речь и сосредоточенная интерактивным взаимодействием отправителя и получателя сообщения; 2. **Когнитивно-ориентированная традиция** дискурсивного анализа Т. Ван Дейка и его последователей с центром в Амстердаме; 3. **Немецкая школа дискурсивного анализа**, связанная с именами Утца Мааса, Зигфрида Егепра,

Юргена Линка, развившаяся в свою очередь на основе концепции дискурса французского историка, социолога и лингвиста М. Фуко. Своей целью Фуко поставил выявление *«исторически бессознательного»* различных эпох, начиная с Возрождения и по XX век включительно. Ученый считал, что каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания», - понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями. Немецкая школа дискурсивного анализа делает главный акцент на идеологическом факторе по сравнению со всеми другими составляющими экстралингвистического фона при текстопорождении, рассматривая анализ дискурса как идеологически ориентированный анализ текста [Чернявская 2003: 68-69].

Структурно-семиотическое понимание концепции дискурса дано А. – Ж. Греймасом и Ж. Курте в их «Объяснительном словаре теории языка». А.Ж. Греймас и Ж. Курте интерпретируют дискурс как семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик. Термин «дискурсивные практики» получил теоретическое обоснование в работах Ж. Дерриды и Ю. Кристевой, но, как правило, применяется социологически ориентированными критиками в том смысле, который ему придал М. Фуко. Таким образом, мы действительно вправе считать дискурс объектом междисциплинарного исследования.

Нет однозначного понимания термина «дискурс» и в современной отечественной лингвистике. Когда говорят о дискурсе, то, в первую очередь, имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности. Отсюда нередкое употребление дискурса как понятия, близкого функциональному стилю, как, например, *«литературный дискурс»*, *«научный дискурс»*, *«индивидуально-авторский дискурс»* и т. д.. (Ср. *«Индивидуально-авторский стиль – многоаспектное понятие, включающее: отбор и комбинацию фактов действительного мира, помещенных в «фокус» художественного повествования; индивидуально-авторскую интерпретацию изложенного, определяемую ценностными установками личности; отбор речевых средств для осуществления творческого замысла; творческую переработку языковых средств, приспособление их к выполнению художественных задач автора»* [Тырышкина 2006: 15]. В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой о дискурсе говорится буквально следующее: *«многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях почти омонимичных: 1. Связный текст; 2. Устно-разговорная форма текста; 3. Диалог; 4. Группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5. Речевое произведение как данность – письменная игра или устная»* [Николаева 1948: 464-468].

Современные исследователи по дискурс-анализу, как правило, включают обзор различных точек зрения (Макаров М., Л., Михальская А. К., Седов К. Ф., Красных В. В., Карасик В. И., Прохоров Ю. Е. и др.). У Н. Д. Арутюновой, обобщившей различные понятия дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под дискурсом понимается *«связный текст, в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»* [Арутюнова 1990: 136-37]. В работах последних лет спектр употребления термина «дискурс» заметно расширился. Однако в большей степени исследователи останавливаются на том понимании дискурса, которое может быть полезным в риторике. В ряде работ отечественных лингвистов дискурс определяется как «фигура коммуникации» (Прохоров Ю. Е.); «система коммуникации» (Шейгал Е. И.), «вид коммуникации» (Хабермас Ю.), то есть дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста [Кубрякова 2000: 14].

Для нас важно, что в рамках этого направления дискурс рассматривается как феномен, непосредственно связанный с речевой деятельностью и коммуникацией. Это понимание в связи с рассматриваемыми нами истоками дискурсивного анализа, как видно из представленного ранее обзора, восходит корнями к теории французской лингвистической школы Ван Дейка, Бенвениста и др. лингвистов. Дискурс – это явление, которое, наряду с действительностью и текстом, организует коммуникацию. «Дискурс - это язык в использовании, язык для коммуникации» [Менеджерская 1997: 132]. В научной литературе описано несколько моделей коммуникации: информационно-кодированная, инференционная, интеракционная и др. Ценной, на наш взгляд, является методология, разработанная Д. Хаймсом. Он считал, что «интерес к речи в контекстах поведения приводит к анализу определенных моделей в конкретных естественных ситуациях, мы должны знать, для каких контекстов какие модели пригодны и как, где и когда они входят в игру» [Хаймс 1975: 51]. Д. Хаймс в модель коммуникации включает 7 компонентов: 1) участники; 2) обстоятельства; 3) цель; 4) канал; 5) тон; 6) содержание; 7) форма. Думается, что изменение одного из компонентов коммуникации влияет на идентификацию типов дискурса. Например, если в аудитории преподаватель читает студентам лекцию, то это дискурс учебный. Однако, если в этой

же аудитории преподаватель обращается к студентам с агитационной речью в качестве кандидата в Государственную Думу, то, естественно, что это иной тип дискурса, потому что изменилась статусно-ролевая характеристика участников общения, цель обращения, содержание речи, жанр и другие параметры. Представляется уместным использовать структуру коммуникации, чтобы определить основные характеристики того или иного дискурса.

Таким образом, важным для лингвистики и теории коммуникации представляется двойной подход к пониманию термина «дискурс». Первый из них представлен в работах Р. Барта, Ю. Степнова и др., где дискурс характеризуется как «связный и достаточно длинный текст в его динамике, соотнесенный с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком» [Шаймиев 1999: 46].

Вторая значимая для нас интерпретация дискурса восходит к англосаксонской традиции 1970-х годов, когда «дискурс» употреблялся в значении, близкому к термину «функциональный стиль». Слияние этих двух аспектов помогает нам приблизиться к сущности рассматриваемых в программах общественных дисциплин явлений, репрезентирующих языковую личность автора на основании изучения обширного корпуса конкретных текстов.

С учетом междисциплинарного положения термина «дискурс» мы представляем его как общение, реализуемое в ходе активных дискурсивных практик. Это определение, на наш взгляд, уместно при изучении таких общественных наук, как социология, социальная семиотика, политология.

Итак, мы выяснили, что большинство отечественных ученых-лингвистов понимают под словом дискурс вербализованную речемыслительную деятельность, реализованную в целостном речевом произведении, включающую в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические компоненты. Однако, какими бы ни были различия в определении «дискурса» мнения ученых, следует вывод: **дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности и ее результат.**

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М., 2000.
3. Менеджерицкая, Е. О. Термин «дискурс» в современной и зарубежной лингвистике [Текст] / Е. О. Менеджерицкая // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997.
4. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста [Текст] / Т.М. Николаева – Лингвистика текста. – М., 1948.

5. Тырышкина, Е. А. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного стиля Владимира Набокова [Текст] / Е. А. Тырышкина / Под ред. канд. филолог. наук, доцента ОмГПУ В. М. Физикова. – Омск, 2006.
6. Хаймс, Д. Этнография речи [Текст] / Д. Хаймс // Новое в лингвистике. Вып. VII // Общ. ред. Н. С. Чемоданова. – М., 1975.
7. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа [Текст] / В. Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. - №3.
8. Шаймиев, В. А. Краткий словарь современных лингвистических терминов в цитатах [Текст] / В. А. Шаймиев. – СПб., 1999.
9. Harris, Z. «Discursive analysis», «Language» [Text] / 1952, v. 28, №1.

С.В. Унгефук
Барнаул, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ДИАЛОГАХ С КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ УБЕЖДЕНИЯ

Исследование языковых единиц, значение и функции которых раскрываются только в ситуации общения под воздействием прагматических факторов, является одним из наиболее актуальных и активно развиваемых направлений современной лингвистики. К языковым единицам такого рода относятся индексальные и дейктические слова, глаголы пропозиционального отношения, междометия, модальные слова и модальные частицы. Признавая тот факт, что все они не обладают ни определенным денотативным значением, ни дескриптивными характеристиками, большинство лингвистов отмечает в то же время их значимость в организации коммуникативных процессов. В диалоге данные языковые единицы отражают прагматические установки адресанта: его интенции, эмоциональное состояние, субъективное восприятие собеседника и сложившегося положения дел. Функциональный аспект данных языковых средств заключается в реализации воздействия на коммуникативного партнера, регуляции его языкового и неязыкового поведения и процесса общения в целом.

Объектом нашего внимания являются модальные частицы немецкого языка. Как представляется на первый взгляд, модальные частицы изучены в лингвистике в достаточной степени. Исследования В. Виноградова, Е. Крашенинниковой, А. Кривоносова, Т. Николаевой, Т. Маркеловой Г. Хельбига, Г. Вайда, М. Куммера, Г-М.Кемме, Г. Дункель позволили установить закономерности функционирования модальных частиц в предложениях и речевых актах. Модальные частицы выделены в отдельный класс слов; описаны их семантические и синтаксические особенности. Вместе с тем проведенные исследования не могут дать исчерпывающего представления относительно условий употребления модальных частиц в речи. Перспектива исследования модальных частиц видится нам в их диалогическом анализе. Только в

диалоге модальные частицы обнаруживают определенные значения и реализуют свои коммуникативно-прагматические функции, представляя большой интерес для прагматически ориентированного исследования. При анализе диалогов с модальными частицами нам удалось систематизировать спектр их коммуникативно-прагматических значений. В совокупности с другими языковыми средствами модальные частицы могут выражать следующие значения: приказ разной степени категоричности; вопрос, детализация информации; побуждение к совместному действию; убеждение собеседника; утверждение; возмущение; констатация; сомнение; удивление; предположение и обещание. Рассмотрим функционирование модальных частиц в диалогах со значением убеждения.

Убеждение является примером корректировочного речевого воздействия, нацеленного на получение необходимых изменений в поведении или мировоззрении собеседника. Коммуникативные намерения адресанта в диалогах со значением убеждения могут быть описаны следующим образом:

- 1) стремление добиться осознания необходимости поступить соответствующим образом посредством аргументации с элементом оценки;
- 2) стремление подчинить адресата своей воле, настаивая на истинности и очевидности излагаемого факта;
- 3) стремление убедить адресата в оправданности его поведения под влиянием сложившейся ситуации.

При осуществлении воздействия адресант опирается на ряд факторов, предопределяющих интенсивность убеждения и способы его языковой реализации. К ним можно отнести социальный статус или авторитет; уверенность в собственной правоте или истинности утверждаемого факта; существование общепринятых нормативных правил, регулирующих поведение индивидуума в обществе; уверенность в оправданности действий партнера.

В диалогах со значением убеждения функционируют модальные частицы *doch*, *ja*, *einfach*, *sowieso*, *schließlich*. Их употребление прагматически маркировано. С одной стороны они выполняют функцию выражения отношения к сообщаемому факту или степени соответствия сообщаемого факта действительности [Агуца 1998: 9]. С другой стороны модальные частицы осуществляют суггестивную функцию – закауфлированное воздействие на коммуникативного партнера [Мохамед 1997: 3].

Прагмаконтекст употребления модальной частицы *doch* определяется намерением адресанта аргументировать целесообразность того или иного действия, актуализируя коммуникативно-значимый факт с элементом его субъективной оценки.

Например; „*Es ist doch ein tolles Rad*“ sagte Sieglindes Bruder, „*damit könnt ihr doch gemeinsam ...*“

„*Bis ultimatив nächsten Freitag ist dieses Ding aus dem Haus*“, schrie Wolf-Dietrich. „*Entweder dieses Tandem oder ich!*“ [Heller, 1990: 60].

В данном диалоге модальная частица *doch* выполняет две разные функции. В первом случае она усиливает субъективную оценку предмета разговора: *ein tolles Rad*. При повторном употреблении в сочетании с союзом *damit* модальная частица *doch* способствует аргументации с попыткой описания перспектив, которые могут появиться при согласии адресата с полученным предложением: *gemeinsam*.

Модальная частица *einfach* способствует убеждению собеседника в простоте выхода из проблемной ситуации, и стимулирует ответную готовность последовать ему.

Например: „*Das ist absolut kein Grund zur Beunruhigung*“, versicherte Ben. „*Das gehört einfach zum Spiel, und außerdem, Norm Schiller ...*“

„*Ja, ja, ich weiß*“, unterbrach ihn Owens. [Ruh, 1997: 103]

В данном примере убеждение в простоте решения достигается комплексом лексических единиц *absolut, kein Grund, versichern*, а также попыткой дополнительного аргументирования посредством сложносочиненного предложения с союзами *und* и *außerdem*. Модальная частица *einfach* выделяет коммуникативно-значимый элемент *zum Spiel*, побуждая адресата не воспринимать всерьез возникшую проблемную ситуацию.

Описываемое в реплике с модальной частицей *schließlich* событие идентифицируется как единственное в своем роде. Это оказывает имплицитное воздействие на собеседника и побуждает его присоединиться к мнению адресанта.

Например: „*Sie hat dich also versetzt. Das finde ich nicht fair. Karneval ist schließlich nur einmal im Jahr.*“

„*Sie kuschelt halt zu Hause.*“ [Grün 1991: 23]

В приведенном диалоге модальная частица *schließlich* образует единую коммуникативную линию с другими языковыми средствами, подчеркивая и усиливая факт исключительности события: *schließlich nur einmal*. Адресат не только соглашается с мнением коммуникативного партнера, но и приводит собственные причины разногласий с референтным лицом.

Воздействующий эффект диалогической реплики с модальной частицей *ja* основан на напоминании адресату об имевших ранее место событиях с элементом оценки в виде имплицитно выраженного оправдания его поступков.

Например: „*Du warst ja erst zwanzig*“

„*Es gibt Mädchen, die heiraten mit achtzehn.*“ [Diggelmann 1971: 13]

В приведенном примере модальная частица *ja* выполняет функцию акцентирования возраста адресата в момент принятия решения, повлиявшего на его дальнейшую жизнь: *erst zwanzig*. Посредством напоминания адресант демонстрирует субъективное восприятие поступка собеседника и оказывает на него имплицитное воздействие убеждения.

В реплике с модальной частицей *sowieso* адресант призывает смириться со сложившимся положением, демонстрируя выгодные стороны произошедшего в жизни адресата события.

Например: *Noch an mich geklammert sagte Sieglinde: „Sei froh, dass du ihn los bist, er hat dich sowieso betrogen.“*

„Ich habe ihn auch betrogen.“ [Heller 1990: 90]

Функционирование лексических единиц *sei froh, los sein* прямо указывает на благоприятный с позиции адресанта исход личных отношений коммуникативного партнера с третьим лицом. В речевом отрезке *er hat dich sowieso betrogen* констатируется имевший в прошлом место обман. Модальная частица *sowieso* привлекает внимание адресата к факту обмана, способствует его убеждению в правильности принятого решения.

Проведенный анализ диалогов со значением убеждения позволяет выделить и систематизировать коммуникативно-прагматические функции модальных частиц *doch, ja, einfach, sowieso, schließlich*.

- функционирование модальных частиц обеспечивает неоднородность значения убеждения;
- модальные частицы акцентируют значимый для общения отрезок информации;
- модальные частицы апеллируют к субъективной и интеллектуальной сфере адресата посредством упоминания важного события, имевшего место в его жизни;
- модальные частицы отражают оценочное отношение адресанта к сложившейся ситуации;
- модальные частицы усиливают прагматический потенциал убеждения.

Список литературы

1. Агуца, О. В. Вербальные функции модальных средств в современном русском языке [Текст] / О.В. Агуца. - Краснодар, 1998. - 24 с.
2. Мохаммед, И. Семантико-прагматические аспекты средств и методов языкового воздействия [Текст] / И. Мохамед. - Краснодар, 1997. - 28с.
3. Diggelmann, W. Die Vergnügungsfahrt [Text] / Diggelmann W. - Berlin: Verlag Volk und Welt, 1971. - 274S.
4. Grün, M. Friedrich und Friederike [Text] / M. Grün. - Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1991.- 94S.

5. Heller, E. Beim nächsten Mann wird alles anders [Text] / E. Heller. - Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1990. - 336S.
6. Rhue, M. Die Welle [Text] / M. Rhue. - Ravensburger Taschenbuch Verlag, 1997. - 191S.

Д.Р. Фахрутдинова
Смоленск, Россия

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ТЕКСТА ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Военный дискурс выделяется применительно к современному обществу наряду с другими видами институционального дискурса. Как комплексный коммуникативно-речевой процесс он включает совокупность устных и письменных текстов, ориентированных на обслуживание сферы военной коммуникации, прецедентные феномены, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения. Военный дискурс характеризуется жесткой иерархией базовых участников коммуникации, определенным хронотопом, открытым утверждением ценностей и норм военного института. Цель военного дискурса обуславливается функцией военной организации государства и может быть сформулирована как управление деятельностью, направленной на обеспечение военной безопасности страны.

Основу жанрового пространства военного дискурса составляют жанры, образующие его институциональный компонент: они в наибольшей степени соответствуют ведущей интенции дискурса, полно и точно отражают специфику профессиональной деятельности. К таковым принадлежит *военная доктрина*, по сути, ориентационный жанр, представленный текстом информационно-прескриптивного типа, назначение которого сообщить адресату принятую в государстве на данное (определенное) время систему официальных взглядов и положений на сущность, цели, характер возможной будущей войны, на подготовку к ней страны и Вооруженных Сил, на способы и формы ее ведения.

Предметом нашего рассмотрения в рамках данной статьи является одна из реализующихся в тексте Военной доктрины Российской Федерации коммуникативных функций – декларативная функция и средства ее актуализации в языке.¹

Следует отметить, что Военная доктрина вырабатывается и определяется политическим руководством государства. Основные ее положения складываются и изменяются в зависимости от политики и общественного строя, уровня развития производительных сил, новых научных достижений и характера ожидаемой войны.

¹ Действующая Военная доктрина утверждена Указом Президента Российской Федерации №706 от 21 апреля 2000.

Таким образом, доктрина предстает как военно-политический документ, в текстовом пространстве которого пересекаются военный и политический дискурсы, словно в подтверждение знаменитого изречения Карла фон Клаузевица «война – это есть продолжение политики другими средствами».

Риторика политического дискурса пронизывает всю структуру доктрины, но наиболее явно проступает в первой ее части – «Военно-политические основы». Именно здесь сильны позиции декларативной функции текста. Военная доктрина определяется как документ переходного периода – *периода становления демократической государственности, многоукладной экономики, преобразования военной организации государства, динамичной трансформации системы международных отношений*, что постулирует сложность решаемых страной задач на соответствующем отрезке своего развития. Декларируются историческая преемственность: *в доктрине развиваются Основные положения военной доктрины Российской Федерации 1993 года* и примат закона: *правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты, а также международные договоры Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности*. Провозглашается принципиально важное, ключевое положение, предопределяющее военную политику государства в целом: *доктрина носит оборонительный характер*.

Военная доктрина сродни публичной речи, где государство в роли Говорящего излагает мировому сообществу (Слушающему) свои жизненные позиции, из которых, в конечном итоге, вытекают основы и принципы военного строительства. Доктрина предстает как идеологизированный текст, в коем затрагиваются определенные ценностные категории. В публичной же речи особую роль играет тот аспект, который в античных учениях о красноречии назывался *loci communes* (общие риторические места, топосы). Топосы (или топики) являются «источниками изобретения, развивающими мысль»; «они указывают, с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль» [Зеленецкий 1997: 34]. Так, декларативная функция доктрины находит свое выражение в специфических взаимосвязанных друг с другом топосах, средством актуализации которых в тексте служат эксплицитные маркеры различного рода.

Топос приверженности идеям мира. Россия позиционирует себя как страж мира: страна, проводящая в жизнь *активный миролюбивый внешне-политический курс*; рассматривающая обеспечение своей военной безопасности *в контексте сотрудничества и добрососедства в международных отношениях; сохранения и укрепления всеобщего мира*; выступающая за формирование *общей и всеобъемлющей*

системы международной безопасности; отдающая предпочтение политическим, дипломатическим и иным невоенным средствам предотвращения военных угроз на региональном и глобальном уровнях.

Топос незыблемости норм международного права. В своих действиях Россия исходит из непреходящего значения основополагающих принципов и норм международного права и апеллирует к авторитету ООН и ОБСЕ: *нарушение устава ООН, попытки ослабить (игнорировать) существующие механизмы обеспечения международной безопасности – есть дестабилизирующий военно-политическую обстановку фактор; квалифицирует как "гуманитарное вмешательство" использование силовых акций без санкции Совета Безопасности ООН; рассматривает как необходимое условие для предотвращения агрессии использование возможностей ООН и других международных организаций.*

Топос демонстрации силы (военной мощи). Россия определяется в Военной доктрине как *один из влиятельных центров многополярного мира, сохраняющий статус ядерной державы.* Обладание ядерным потенциалом рассматривается как насущная необходимость, которая позволит стране *гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба агрессору.* Ядерное оружие – *это фактор сдерживания и предотвращения агрессии, поддержания международной стабильности и мира.* Мировое сообщество ставится в известность о возможности нанесения ядерного удара в критических для национальной безопасности страны ситуациях: *Россия оставляет за собой право на применение ядерного оружия.*

Топос союзничества. Доктрина декларирует приверженность страны идеям равноправного партнерства и сотрудничества государств: Россия рассматривает *в качестве партнеров все государства, чья политика не наносит ущерба ее национальным интересам и безопасности и не противоречит Уставу ООН;* выступает за *расширение мер доверия между государствами, согласование военных доктрин, планов и мероприятий военной деятельности;* за *развитие и укрепление дружественных (союзнических) отношений с соседними и другими государствами.* Особая роль отводится Белоруссии, как участнику Союзного государства: *Российская Федерация проводит совместную с Республикой Белоруссия оборонную политику, координирует с ней деятельность в области военного строительства и развития вооруженных сил.* Приоритетное значение для страны также имеет *укрепление системы коллективной безопасности в рамках СНГ.* Россия осуществляет обеспечение военной безопасности не только своей, но и союзников: *создание и совершенствование системы обороны Российской Федерации и ее союзников; гарантирует помощь союзникам в случае войны:*

привлечение и реализацию их (союзников) возможностей для достижения совместных целей в вооруженном конфликте.

Таким образом, анализ первой части Военной доктрины РФ позволяет заключить, что декларативная функция текста реализуется через топосы приверженности идеям мира, незыблемости норм международного права, демонстрации силы (военной мощи) и топос союзничества. Обращение к подобным общим местам, на наш взгляд, закономерно, поскольку доктрина как жанр предполагает экспликацию позиции и мироощущения адресанта. В культурологическом плане военная доктрина страны отражает иерархию ценностей национально-государственного развития. Декларативная функция не носит регулятивного характера и не является призывом к действию, она наводит на размышления.

Список литературы

1. Анисимова, Т. В. О принципах классификации риторических жанров [Текст] / Т. В. Анисимова // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2000. – Вып. 2 (10). – С.43-48.
2. Зеленецкий, К. П. Топики [Текст] / К. П. Зеленецкий // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 34-40.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М.: ИТДК «Гнозис», 2002. – 333с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: ИТДК «Гнозис», 2004. – 389с.
5. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М.: ИТДК «Гнозис», 2004. – 325с.
6. Шейгал, Е. И. Концепты и категории дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сборник научных трудов. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 24-39.

Е.В. Федосова
Алматы, Казахстан

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И АДРЕСОВАННОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Одним из необходимых качеств современного ученого является умение эффективно участвовать в научной коммуникации, правильно пользоваться научным дискурсом как в устной, так и в письменной форме. Обмен информацией – обязательный компонент научного процесса. Для каждого автора научного изложения важно, чтобы его исследование было описано в ясной, полной и краткой манере так, чтобы его работа могла быть повторена другими исследователями, и соответственно, оценена в научном сообществе.

Так как для нашего времени является характерным расширение сфер общения людей, увеличение числа ситуаций, когда людям необходимо убеждать друг друга, вступая в общения, то актуальным является изучение фактора адресата – эффективного учета особенностей той аудитории, на которую направлено речевое воздействие [Стернин 2004: 172].

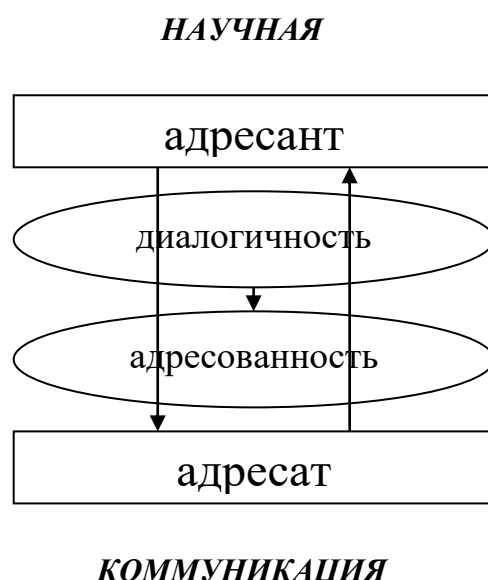
Предметом нашего исследования является научный дискурс. Так как целью данного вида дискурса является информирование, привнесение новых знаний, то мы можем считать научные тексты коммуникативно направленными, так как общение трактуется как интериндивидуальная коммуникация, направленная на передачу информации, в этом случае автор научного произведения желает быть как можно лучше понятым читателем/слушателем. Таким образом, информирование – это тип особого непрямого воздействия [Матвеева 1984: 4]. Речь (даже внутренняя, а тем более внешняя) всегда направлена на адресата, даже в случаях разговора с самим собой [Кожина 1987: 191].

Мы бы хотели затронуть вопрос о разграничении таких признаков научного текста как диалогичность и адресованность. В трактовке одного из крупнейших мыслителей и ученых XX в. М. М. Бахтина диалог является универсальным понятием, “пронизывающим всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение” [Бахтин 1979: 49]. Диалогичность научного текста, являющаяся атрибутом и условием жизнеспособности системы коммуникационного обмена информацией, сфокусированная на коммуникативной направленности на адресата, по мнению многих исследователей, является неотъемлемой частью существования текстов (хотя в XX в. считалось, что научной речи не свойственна ориентация на адресата [М.Н.Сенкевич, 1967]). Как отмечает Кожина М.Н. «...признаки научной речи, сближающие ее с диалогической - направленность на адресата и учет его в структуре текста». Признак диалогичности научной речи имеет два основания: 1) лингвистическое, протекающее из коммуникативной сущности языка; 2) гносеологическое и логико-психологическое, связанное с характером научного мышления и научного творчества [Кожина 1984: 194]. Научное изложение имеет своей основной целью воздействие на ум, а не на чувства читателя; оно рассчитано не на эмоционально-чувственное, а, прежде всего, на логическое восприятие. В процессе диалогичности происходит не только обмен информацией, но появляются точки зрения, мировоззренческие позиции, ценностные ориентации, вырисовываются подступы к истине, при этом происходит или упрочнение взглядов, мнений относительно этого вопроса, или же выработка нового взгляда; тексты, содержащие элементы

диалогичности, не просто прочитываются, они глубоко осмысляются, интерпретируются и перерабатываются читателем. В любом случае, как утверждает В.И. Кунченко, диалог с автором/адресатом дает как дополнительные знания, так и возможность привнесения в диалог своего нового смысла [Кунченко 1998: 12]. Так, подтверждением диалогичности, т.е. наличия адресата, а значит коммуникативной направленности на него, овладением вниманием адресата, может служить местоимение «мы», которое в современном научном тексте используется для обозначения субъекта изложения, и чаще всего объединяет автора и читателя, что связано в основном с «интимизацией повествования для создания контакта между автором и читателем», употребление в научных текстах побудительных предложений с глагольными формами 2л.мн.ч., в которых совмещаются значения производителя действия и адресата волеизъявления. Данные конструкции используются в форме ориентации на читателя, активизации его внимания в виде так называемых конструкций и оборотов связи (*внимательно следите за...; обратите внимание на...;*), активизации его мышления, т.е. в эвристической функции (*вспомните*), а также для создания наглядности изложения (*вслушайтесь в..., посмотрите на...*), вопросно-ответный комплекс, при этом стилистико-коммуникативные функции вопросов, как и их структура (а также формы ответов и средства связи с вопросом) довольно разнообразны, так как они побуждают к конкретным действиям, способствуют консолидации аудитории; пересказ чужого мнения в виде косвенной речи (точки зрения, высказывания) другого лица; вводные вставные конструкции соответствующей семантики (*по его мнению, как вы понимаете*), обращение к противопоставлениям, подчеркнутым использованием противительных союзов, частиц для привлечения внимания читателя к какой-то стороне содержания (например: *Думается, однако, что подобные случаи не дают основания для ...*), кроме того, сообщая адресату свои намерения, автор стремится вызвать у него нужные ассоциации, актуализировать уже имеющиеся у него знания. Эту же задачу выполняют и разного рода ссылки и напоминания, в том числе и указания на связь с предыдущими отрезками текста, использование структуры сложного предложения - дополняющего, определяющего, уточняющего, поясняющего значения в связи с раскрытием точки зрения говорящих, чужая речь в виде прямой цитации (например: *Современная психология ясно показывает, что...;*... как отмечает Дж. Берналл «...цивилизация, какой мы ее ныне знаем, в ее материальном аспекте невозможна без науки...»), что позволяет говорить здесь о феномене интертекстуальности. Ссылки, напоминания, указания на связь с предыдущими отрезками текста М.М. Бахтин обозначал как «внутреннюю диалогичность» [Бахтин 1979: 228]. Относительно вопроса адресованности, то

исследователь Т.М. Михайлюк определяет данное понятие как имманентное свойство научного текста в качестве объекта вербальной коммуникации, сквозь призму которого опредмечиваются представления о прогнозируемом адресате какого-либо типа научного текста и специфике интерпретационной программы, обусловленной экстралингвистическими особенностями специальной научной коммуникации. [Михайлюк 1991: 7]. С нашей точки зрения, адресованность представлена в научных текстах имплицитно, так как адресованность предполагает лишь владение научно-понятийным аппаратом, акцентуация на новых фактах, логический, рациональный способ убеждения, реальные факты, преобладание восходящей аргументации (от менее сильного аргумента к более сильному), изложение фактов, построенных на позитивной основе.

Таким образом, имеем попытку предположить, что адресованность является «субкатегорией» диалогичности, говоря другими словами, понятие «диалогичность» представляется гиперонимом по отношению к гипониму «адресованность».

Данная схема показывает, что «прослойкой» между адресантом и адресатом в тексте являются диалогичность и адресованность, которые показаны иерархически, т.е. диалогичность «выше» адресованности, является гиперонимом по отношению к адресованности. Хотя читатель/слушатель текста является гипотетичным, не «явным», тем не менее, данный процесс имеет двунаправленность, «обоюдность» движения, так как при прочтении /восприятии научного текста у автора и адресата возникает своеобразный вид диалога. Данный процесс является творческим, представляющим не просто получение информации, но и активную ее переработку, т.е. соотносит с уже имеющимися знаниями, упорядочивает, обнаруживает противоречия, отыскивает пути

их разрешения, что проявляется в вопросно-ответной форме, в оценке чужих смысловых позиций, в воспроизведении микродиалогов.

Подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что специфика адресата научного текста – общая научная специальность (и адресата и адресанта), принадлежность к одному направлению, прагматическая установка текста – убеждение с помощью логического обоснования. Передача содержания научного текста определяется как коммуникативно-информативная.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 316с.
2. Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста [Текст] / Г. Г. Матвеева. - Издательство Ростовского Университета, 1984. - 132с.
3. Михайлюк, Т. М. Лингвостилистические средства стереотипности научной прозы (на материале современной французской медицинской статьи): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Михайлюк Т. М. - М., МГЛУ, 1991. - 24с.
4. Кожина, М. Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка [Текст] / М. Н. Кожина. - М.: Наука, 1987.
5. Кунченко, В. И. Диалог с текстом как условие понимания философской проблемы [Текст] / В. И. Кунченко // *Hermeneutics in Russia. Volume 1.* 1998.
6. Стернин, И. А. Фактор адресата в речевом воздействии [Текст] / И. А. Стернин. - Вестник ВГУ, Серия: Филология. Журналистика. 2004. - №1. -С. 171-179.

М.А. Чернышова
Тверь, Россия

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В современном мире реклама является необходимым условием продвижения товара на рынке. Одной из характеристик рекламного дискурса называют способность рекламы не столько продавать конкретный товар или услугу, сколько конструировать образ жизни, создавая определенные ценностные ориентиры. Другими словами, целью рекламы является воздействие на потребителей и создание образа, способного вызвать необходимые положительные мысли и чувства. Как правило, в рекламе, особенно в печатной, присутствует очень мало текста. Основную нагрузку здесь несут визуальные элементы, дополнением к которым является текст. Поэтому смысловая и логическая целостность в данном случае достигается при помощи взаимодействия вербальных элементов с визуальными.

Суть рекламного объявления отражается в его информационном и эмоциональном наполнении, поэтому основная функция языка в рекламных текстах связана не столько с логичностью изложения, сколько со средствами эмоционального и

эстетического воздействия на читающего потребителя. Так как между интеллектуальным и эмоциональным планами языка существует глубокое взаимодействие, то в одних рекламных текстах можно выделить логическую доминанту, в других – эмоциональную, а в-третьих – соотношение логического и эмоционального [Гурская 1977: 39].

Воздействие на человека посредством рекламы может создавать у него социально-психологическую установку (аттитюд) – внутреннюю психологическую готовность человека к каким-либо действиям. В его основе лежат, как минимум, три компонента: когнитивный, связанный с процессом переработки информации при восприятии рекламного сообщения, аффективный, характеризующийся эмоциональным отношением реципиента к рекламе, и поведенческий, который определяется неосознаваемыми мотивами поведения человека [Золотова 1996: 17].

Дискурс рекламы всегда опирается на отношения между текстом и контекстом. Успешность интерпретации сообщения реципиентом напрямую зависит от его осведомленности об этих отношениях. В рекламных объявлениях текст субъективен и чувствителен к изменениям контекста, включающего знания об элементах, существующих за рамками текста, то есть о предметах окружающей реальности. Следовательно, культура, в которой создаются те или иные рекламные объявления, будет являться частью контекста. Очевидно, что существует определенный корпус знаний и представлений, одинаково хорошо знакомых и понятных подавляющему большинству представителей определенного лингво-культурного сообщества. Понятие лингво-культурного сообщества предполагает не только биологическую и географическую, сколько языковую и культурную общность его членов. Сознание индивида социально обусловлено и опосредовано в знаках определенной национальной культуры [Залевская 1996: 16]. В сознании человека – представителя любого лингво-культурного сообщества – хранится знание о мире, опосредованное культурой, в которой непосредственно проходит социализация личности. Таким образом, не смотря на всю индивидуальность языкового сознания каждой языковой личности, Д.Б. Гудков говорит о наличии «инвариантной общенациональной части в сознании этой личности» [Гудков 1999: 7].

Данная общенациональная часть представлена *прецедентами*, отражающими и определяющими специфику национального характера, этнического и языкового сознания. Исследователи выделяют четыре вида прецедентных феноменов (ПФ): прецедентные тексты (ПТ), прецедентные имена (ПИ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ). По мнению Ю.Н. Караулова, все прецедентные

феномены являются значимыми для личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известными широкому окружению данной личности, и к ним происходит неоднократное обращение в процессе дискурса [Караулов 1987: 216].

Д.Б. Гудков указывает на такие основные признаки прецедентности, как инвариантность, эталонность, воспроизводимость, аксиологическая маркированность, «персонофицированность». Он также подчеркивает, что прецедентные феномены являются ядерными элементами когнитивной базы, которые хранятся в ней в виде национально детерминированных минимизированных представлений [Гудков 1999: 6]. Можно предположить, что использование различных видов ПФ в рекламных текстах способствует созданию эмоционально и информативно наполненного, эффективного рекламного сообщения. Ведь акцент рекламного объявления делается не на потребительских качествах товара, а на его символических ценностях. Символы, обладающие традиционно признанными в том или ином обществе значениями, помогают реализовать прагматический потенциал рекламного сообщения. В качестве такого символа могут выступать все названные ПФ как вербальные, так и невербальные. В рамках данной статьи нас интересуют только вербальные или вербализуемые ПФ.

По мнению Д.Б. Гудкова, ПИ обладает определенной структурой, ядро которой составляют его дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты. Дифференциальные признаки составляют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. Дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета: по внешности (Кощей бессмертный), по чертам характера (Обломов) или актуализироваться через ПС [там же].

По нашим наблюдениям ПИ, используемое в тексте рекламного сообщения способно выступать как «имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 1999: 15]. Анализ структуры ПИ, используемого в рекламном тексте, пример которого приводится ниже, раскрывает механизм участия рассматриваемого прецедентного феномена в формировании психического образа в сознании потенциального потребителя и соответственно степень влияния на оценку эффективности рекламного сообщения.

Look around. There are so many people. So many cultures. So many definitions of style. And so many Kipling bags. Maybe this universal statement of unity has some higher meaning. Maybe not.

Рекламный текст сумок из натуральной кожи экзотических животных торговой марки «Kipling» дополняется иллюстрациями с изображением людей разных национальностей, помещенных в разные ситуации. В данном примере

дифференциальные признаки ПИ Kipling (свобода, природная естественность) актуализируются через ПС (жизнь и приключения человеческого детеныша Маугли среди диких зверей, населяющих джунгли). Важной является связь данного имени в сознании читающего с природой, животными, так как именно эта связь выступает предметом изображения в произведениях Р. Киплинга, в частности в наиболее известной его книге – «Книге джунглей», которая может рассматриваться как периферийный признак данного ПИ. По этому признаку легко восстанавливается ПВ – фраза из этого произведения: «Мы с тобой одной крови: ты и я». Суть высказывания наводит на мысль о единстве всего в мире, хотя в нем и существует так много людей и культур. Так вот что берется за основу единения всего в мире – сумки Kipling! Те люди, которые отдают предпочтение сумкам этой марки, уже давно решили для себя, что такое стиль. Именно это их и объединяет.

Таким образом, наличие в рассмотренном примере ПИ является мощным толчком для создания психического образа естественности (натуральности) который в свою очередь обыгрывается автором для апелляции к неким человеческим ценностям (единение с природой и друг с другом), а соответственно для оказания большего эффекта на потребителя.

В настоящей статье было рассмотрено понятие ПФ, а также его использование в рекламе в качестве одного из многочисленных способов ее эмоционального и информативного наполнения. Кроме того, была предпринята попытка оценить степень эффективности использования ПФ в текстах рекламного жанра. Анализ рекламного текста показал, что, обращаясь к ПФ, копирайтеры имеют возможность воздействовать на сознание потенциального покупателя и создавать для него новые ценностные ориентиры.

Список литературы

1. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / В. П. Белянин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 124с.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Д. Б. Гудков. – М., 1999. – 41с.
3. Гурская, Н. А. Лексические изобразительно-выразительные средства в рекламных текстах [Текст] / Н. А. Гурская // Грамматические и лексико-семантические исследования в синхронии и диахронии: Межвузовский тематический сборник. – Калинин: Калинин. ун-т, 1977. – С. 38-46.
4. Залевская, А. А. Специфика психолингвистического подхода к анализу языковых явлений [Текст] / А. А. Залевская // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – С. 6-20.
5. Золотова, Н. О. Феномен рекламы и психолингвистическая реальность [Текст] / Н. О. Золотова // Учен. зап. / Твер. гос. ун-т., 1996. – Т.2. – С.17.

6. Каинова, Т. В. Дискурсивно-семиотический подход к адаптации транснациональной рекламы: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. В. Каинова. – Тула, 2002. – 169с.

7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261с.

8. Кохтев, Н. Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов [Текст] / Н. Н. Кохтев. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1997. – 97с.

Л.А. Чуйкина
Караганда, Казахстан

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ (из опыта работы)

Конец XX века и начало третьего тысячелетия характеризуется качественными изменениями во всех сферах жизни. Мир переживает увеличение объема общеобразовательной и профессиональной информации, сейчас мало быть профессионалом в своей сфере, важнейшим условием успешной деятельности на рынке труда становится коммуникабельность, способность понимать делового партнера, умение четко и грамотно выражать свои мысли. И хотя про наше время говорят, что это время деловых людей, когда созданы все условия для развития общения, справедливости ради заметим, что функциональная неграмотность, слабое знание языка, неспособность к самообразованию характеризует многих выпускников технического вуза. Правильно подметили некоторые ученые [Егоров 2006: 51], что наряду с дефицитом учебного времени, отводимого на изучение спецдисциплин в технических вузах при кредитной и дистанционной формах обучения, существует низкий уровень общей компетенции обучающихся, что не позволяет реализовать заказ на подготовку современного высокопрофессионального специалиста. Практика подтверждает справедливость их наблюдений: часто подготовленный в своей профессии студент не умеет красиво и убедительно говорить, затрудняется свободно, не по записке произнести даже самую простую речь, не может четко выстроить высказывание. Именно хорошая речь и умение владеть словом дают возможность устанавливать и поддерживать отношения везде: на производстве, в вузе, в семье, в школе, на работе.

Чтобы современный «технар» (выпускник технического вуза) чувствовал себя уверенно на практических занятиях и семинарах, ему нужно научиться пользоваться словом таким образом, чтобы оно было четко и логически правильно, безупречно с точки зрения норм литературного языка, выразительно и ... содержательно.

Большие возможности научить «технаря» хорошо говорить представляет публицистический стиль (ПС). ПС - это функциональный стиль, который имеет широкую сферу употребления – это речи и выступления на митингах и собраниях, диспутах и беседах за круглым столом и т.д. Информация ПС адресуется широкому кругу читателей и зрителей, она предназначена для всех носителей языка, причем для ПС важно, чтобы сообщение было передано быстро, правильно. Только в таких случаях воздействие на массы – а это главная функция ПС – будет эффективным. Надо учитывать и другие особенности ПС – он может быть реализован в устной и письменной форме: это и публичное выступление, и очерки, реклама, передовая статья, фельетоны или выступления на злобу дня». Следовательно, ПС, представленный в периодической печати и в СМИ, представляет собой важную базу для формирования мировоззрения читателя и общественного мнения. Вот почему представляется практически востребованной задача научить студента технике подготовки публицистических выступлений на разные темы, раскрыть богатый инструментарий, которым располагает публицистика.

Публичное выступление имеет свои языковые средства выражения. Это, прежде всего, кодифицированная речь, звучащая по радио и на телевидении, на съезде и конференции, собрании, юбилее, в выступлениях и речах агитаторов и пропагандистов.

Публичное выступление всегда рассчитано на слуховое восприятие аудитории, которая чутко реагирует на речь выступающего. Человек, произносящий речь, приковывает сразу к себе внимание окружающих. Публичная речь – это спланированная речь. Это, в частности, может быть достигнуто тем, что выступающий заранее составляет рабочий план, который помогает не уходить от темы. В плане должны быть четко обозначены три части текста: вступление, основная часть и заключение.

Публичное выступление всегда предполагает высокий уровень языкового развития говорящего. Если мы видим, что аудитория напряжена, выступающий может внести изменения в структуру речи. Построение речи может быть удачным или неудачным, «выстраивая речь, необходимо помнить, что она (как говорили древние ораторы) должна быть сшита по мерке слушателя, как платье по мерке заказчика» [Боженкова 2004: 75].

Публичное выступление имеет свое лексико-грамматическое оформление и подчиняется определенным лексическим и стилистическим нормам. Особое место принадлежит лексике, так как «неправильное употребление слов влечет за собой ошибки в области мысли и потом в практике жизни» [Боженкова 2004: 33]. Для устного

выступления нужно уметь выбрать самый лучший вариант слов, так как публичное выступление – это культура речи, это чуткость к слову и его красоте. В публичном выступлении широко используется нейтральная лексика, межстилевая (страна, народ, люди, читать и др.). Помимо нейтральной, в ней представлена общественно-политическая лексика (ОПЛ). Часто студенты на практике затрудняются строить предложения с отвлеченными словами общественно-политического значения. Вот некоторые примеры из работ студентов: «Мы живем в XXI веке, в обществе капитализма, требующего для выживания уничтожения всех чувств и жизни только по расчету, а не по совести». Или: «Ю.Тимошенко – мой кумир, она умна, образованна, уважает даже В. Януковича. Они друг друга так ненавидят, но она как интеллигентный человек сдерживает себя». Из этих примеров видно, как необходим в публичном выступлении «правильный порядок слов», выбор служебных слов, а также выбор связок, предлогов, союзов и т.д.

Умение пользоваться словами торжественными и, наоборот, сниженными помогает правильно строить предложения: например: «В наши дни человечество достигло больших успехов в искусстве обольщения. Насилие и принуждение как способы воздействия на массы исторически себя не оправдали» (пример из работы студента).

В публичном выступлении важную роль играют слова с экспрессивно-эмоциональной окраской, но отбор такой лексики должен быть очень осторожным, чтобы не нарушалась логика речи. Следует избегать слов – сорняков, не несущих никакой смысловой нагрузки. В публичном выступлении могут использоваться фразеологизмы, пословицы и поговорки, с помощью которых создается образность и эмоциональность речи. Они помогают немногими словами сказать многое («пословица не даром молвится»), с их помощью говорящий выражает одобрение или осуждение, радость или сожаление.

Синтаксические нормы ПС регулируют выбор предложений и словосочетаний. Для публичного выступления характерны фразы и предложения немногословные, но содержательные. Синтаксис выступлений представлен предложениями с обращениями, а также восклицательными и вопросительными предложениями, при помощи которых говорящий привлекает к себе внимание, и устанавливает контакт с аудиторией.

Готовясь к публичному выступлению полезно использовать в речи различные виды повторов. Например: «Есть книги, которые читаются, есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми, есть книги, что хранятся в сердце нации» [Введенская 1995: 152].

Цитаты, вопросно-ответные реплики вносят в речь выступающего живую струю, побуждают человека к действию.

Особо отметим широкое использование троп в ПС. Умение находить их в тексте представляет для студентов определенные трудности, т.к. этот материал давно изучался в школе и в вузах негуманитарного профиля он почти не востребован. Следует напомнить, что метафоры, эпитеты, сравнения и пр. – это не средство украшения речи, с их помощью в публичном выступлении достигается высокая степень выразительности. Так, метафоры, возникающие на основе переноса сходных признаков (зверь ревет, дремлет камыш, отпущен кредит доверия и др.), придают речи оригинальность, необходимость, они легко запоминаются; сравнения и эпитеты обычно очень яркие, выразительные, поэтические.

И еще об одном признаке следует напомнить, говоря о публичном выступлении – о словесном ударе.

Ведь если речь невнятна, плохо слышна, она вообще не будет восприниматься; но если интонирование речи, соблюдение логического ударения будет нарушено, речи не будет.

Конечно, для успешного выступления одинаково важны, наряду с содержанием, и дикция говорящего, и его умение владеть малой и большой аудиторией, и произнесение текста не по бумажке, а по велению души и сердца.

Одним словом, научиться строить публичное выступление – не просто.

Так, при оценке ПВ рекомендуем студентам пользоваться следующим вопросником.

1. Соответствует ли содержание отрывка теме публичного выступления (актуальность темы).

2. Выдержана ли структура текста, соблюдается ли четкость композиции, нет ли лишних повторов, сохраняется ли точность формулировок.

3. Удачно ли применяются изобразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения, многозначные слова).

4. С помощью каких лексических средств достигается воздействие на разум и чувства слушателей: (терминологическая лексика, высокий стиль или окраска отдельных слов, имеется ли инверсия, иностранные слова и др.

5. Почему в публичном выступлении нужно избавляться от отглагольных существительных?

6. Проследите грамматическую оформленность текстов: правильность или необычность построения предложений, преобладание простых и ССП.

7. Используется ли вопросно-ответный прием, цитаты, поговорки, пословицы, фразеологизмы, риторические вопросы?

8. Итоговое заключение и оценка публичного выступления:

- правильна ли речь?
- интересен ли материал?
- убедительны ли доводы?
- уместны ли примеры?

Список литературы

1. Боженкова, Р. К., Боженкова, Н. А. Русский язык и культура речи [Текст] / Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова. - М.: Вербум, 2004.
2. Введенская, Л. А. Культура и искусство речи [Текст] / Л. А. Введенская. - Р-на-Д: Феникс, 1995.
3. Егоров, В. В. и др. О методах преподавания технических спецдисциплин при подготовке специалистов по стандартизации и сертификации [Текст] / В. В. Егоров // Материалы респ. науч.-практ. конф. / Под общей ред. А.К. Кусаинова.- Астана: Евраз. гуманит. ин., 2007. - С. 51.

Т.А. Шабанова
Екатеринбург, Россия

КРИЗИС ВТОРОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ ФЕМИНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Большинство основополагающих ценностей в культуре согласуются с метафорической структурой базовых понятий данной культуры. Эти ценности глубоко вошли в культуру народа и могут отражать, как универсальные ценности, свойственные человеку вообще, так и национально-специфические, характерные для данной национальной культуры, а также особые для определенного культурно сообщества, для отдельной конкретной социальной ситуации. Таким образом, наши культурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а образуют согласованную систему с метафорическими понятиями нашей повседневной жизни. Специалисты не утверждают, что все ценности культуры непосредственно связаны с существующей метафорической системой, но предполагают, что те метафоры, которые используются носителями языка и глубоко вошли в их сознание, очевидно, логично связаны с метафорической системой [Хорошильцева 2003: 15].

Метафоризация мужского и женского начал является одним из смыслообразующих элементов культуры, так как связана с самим способом существования человека в мире. Половой диморфизм, имеющий место в реальности человеческого существования, рассматривается сквозь призму

женственности/мужественности. Каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании. Эти категории отражают классифицирующую деятельность человеческого сознания, выводимую из сферы опыта. Половое разделение людей на мужчин и женщин – мотивировало название философских категорий женственность (фемининность) и мужественность (маскулинность), составив базу сравнения метафоры.

Отличительной чертой современной культуры является разграничение биологического и социального пола, что находит свое отражение в понятии «гендерная метафора». Под гендерной метафорой понимается перенос совокупности физических и духовных качеств и свойств, объединенных словами «женственность» и «мужественность», на предметы, не связанные с полом.

На основе полоролевых стереотипов в каждом обществе формируются определенные социокультурные нормы, которые детерминируют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли. Следовательно, гендерные метафоры социальны: мужское и женское начала конструируются в связи с культурным и социальным контекстом, становясь порой заложниками социальных идеалов и норм. Гендерная метафора демонстрирует самые разнообразные переосмысления, отдельные примеры которых представляют собой причудливые переплетения многоступенчатых преобразований. Каждая историческая эпоха формирует свои метафоры мужского и женского, которые выражают представления о феминности и маскулинности и выступают как культуροформирующий фактор. Данные обстоятельства позволяют заключить, что гендерные метафоры «живут» в теле культуры, присутствуют в нем как организующее, собирающее, направляющее начало. Они действительно способствуют познанию, установлению реальных связей между элементами мироздания, которым дается то или иное описание в современной философии культуры [Хорошильцева 2003: 37].

Нынешнее состояние культуры определяет систему ценностей, в центре которой находится идея свободы, личного успеха, и на этой основе рождается новый опыт, новый образ социальной реальности и новые гендерные представления, что дает возможность выбора человеку. Современная культура во многом противоречива, в ней

содержатся как негативные (деструктивные), так и позитивные (конструктивные) тенденции.

Исследователи современного феминистского дискурса неизменно отмечают, что в одной, оценочно нейтральной плоскости мужчина и женщина в настоящий момент не рассматриваются и почти никогда не рассматривались. При моделировании современной действительности наибольшее развитие получают метафоры с негативным оценочным потенциалом, которые создают отталкивающую, порой пугающую картину «сильной» половины человечества. Негативный полюс гораздо более насыщен и образен. При метафорическом отображении настоящей действительности вырисовывается «темный» метафорический портрет мужчины, палитра красок которого растекается от мрачно-серого до бездонно черного. Для исследуемого дискурса характерно доминирование модели (отдельные фреймы и слоты) с концептуальными векторами никчемности (*Он - полумертвая, ни на что не реагирующая масса; Он – безобидное пятно, Мужская особь - всего лишь набор условных рефлексов*), несостоятельности (*Мужская особь, недочеловек, животное; Разговор мужчины превращается в монотонное завывание*), отклонения от естественного порядка вещей (*Мужчина - это двуногое с восемью лапами; Мужская особь - незавершенная женская особь, ходячий аборт, выкидыш на генной стадии; Мужчины - эмоциональные инвалиды, Мужчина - это биологическая случайность*), паразитизма (*В самой своей сути мужчина - это пиявка, эмоциональный паразит; Общество разъела ржавчина мужской сущности; Мужчины, подобно, заразе, всегда существовали среди нас*) возбуждающие агрессивное состояние адресата, которые, негативно представляя предмет речи, создают враждебный и уничижительный образ противоположного пола. Разочарование в идеологии, компрометация социальных идеалов, общая несправедливость в системе поло-ролевых отношений, попытки элиминировать тотальное мужское доминирование определяют выбор метафорических единиц: концепты, присутствующие в качестве источников метафорической экспансии, представляют собой яркие знаки дисгармонии в отношениях полов в феминистском дискурсе.

Метафоры, продуцирующие положительные образы «настоящего» мужчины, как правило, отсутствуют, либо носят абсолютно стертый и «бесцветный» характер (*Неверно, будто женщины - низшие существа; но верно, что мужчины - высшие существа*).

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующий вывод: в результате варьирования метафорических единиц различных оттенков «темного» складывается мрачный метафорический портрет мужчины, что свидетельствует о явном нарушении

баланса в отношениях между мужчинами и женщинами в феминистском дискурсе. Мир человеческий парит на двух крылах: одно крыло — мужчина, другое — женщина. Птица не взлетит, если оба крыла не будут одинаково сильны. Если одно крыло ослабнет, полет прервется. И не стоит забывать об этом.

Список литературы

1. Солопова, О. А. Кризис «настоящего» в российском политическом дискурсе [Текст] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2007. – №22.
2. Хорошильцева, Н. А. Гендерная метафора в современной культуре [Текст] / Н. А. Хорошильцева. – Издательство Ставропольского Государственного Университета, 2003.
3. Хорошильцева, Н. А. О разграничении понятий «гендерная метафора» и «метафора пола» [Текст] / Н. А. Хорошильцева // Философские проблемы культуры, политики и права: Сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета. – 2003. – С. 15-18.

О. В. Шефер
Челябинск, Россия

ИМИДЖЕВЫЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПОКУПАТЕЛЬСКОГО СПРОСА НА КОНКУРЕНТНОМ РЫНКЕ

В связи с развитием рыночных отношений и повышением конкуренции между производителями стимулирование покупательского спроса стало одним из эффективных методов продажи товаров.

Задача активного субъекта рынка – разработать маркетинговые мероприятия и составить полностью интегрированную маркетинговую программу по созданию и продвижению товара. Маркетинговая программа представляет собой результат множества решений о том, какие повышающие ценность маркетинговые мероприятия следует использовать. Мероприятия эти бывают самыми разными и каналы их распространения тоже разнообразны [Котлер 2006: 45-46]. Традиционно их принято описывать как маркетинг-микс – набор маркетинговых инструментов, используемых компанией для достижения её маркетинговых целей. С точки зрения покупателей, предназначение каждого маркетингового инструмента состоит в увеличении выгоды потребителя. В конкурентной борьбе побеждают компании, применяющие интегрированные маркетинговые коммуникации. Наиболее эффективным при стимулировании покупательского спроса является использование в маркетинговых коммуникациях имиджевого дискурса.

Необходимость выделения данного вида дискурса продиктована возникновением новой коммуникативной ситуации и связанных с ней методов языкового воздействия для идентификации компании в обществе. В рамках этого дискурса выполняется

коммуникативная задача – информирование целевой аудитории и воздействие на неё. Цель дискурса определяется как идентификация, позиционирование предмета. Предметом такого дискурса могут являться организация/компания или личность, товар или услуга, темой – создание положительного образа.

Под *имиджевым дискурсом* нами понимается совокупность текстов, интегрированно передаваемых через вербальный и визуальный каналы, отражающих корпоративную культуру организации с целью создания положительного имиджа. Имиджевый дискурс – это прямая имиджформирующая информация, поступающая к получателю посредством коммуникативных технологий для позиционирования и продвижения в конкурентной среде.

Данный вид дискурса рассматривается нами как элемент комплекса маркетинга и форма маркетинговых коммуникаций.

В классическом маркетинге в комплекс коммуникаций входят:

- реклама;
- public relations;
- личные контакты.

При этом комплекс коммуникаций понимается как взаимосвязь и интеграция рекламы, PR-деятельности и личных контактов, нацеленных на создание позитивного имиджа производителя, отражающего корпоративную культуру и формирующего общественное мнение различных целевых аудиторий.

Наиболее эффективным способом создания положительного имиджа являются интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК). ИМК объединяют в себе все инструменты маркетинговых коммуникаций, от рекламы до упаковки, предназначенные для формирования обращений, направляемых целевой аудитории и служащих для продвижения продукции фирмы к потребителю. Маркетинговые коммуникации отличаются целенаправленный и повторяющийся характер сообщений, комплексное, интегрированное воздействие на целевую аудиторию [Алёшина 2003: 339-340]. Интеграция позволяет добиться повышения эффективности коммуникаций и укрепления приверженности клиентов/покупателей торговой марке (бренду) корпорации.

Мы относим имиджевый дискурс к современным *интегрированным маркетинговым коммуникациям*, которые синтезируются из различных жанровых форм воздействия и информирования целевой аудитории.

Исходя из целевых аудиторий, конкретизируются основные сообщения – обращения к целевым аудиториям (к каждой – своё) и определяются мероприятия, посредством которых возможно воздействие на них. Для одних целей – рекламные

объявления, основная функция которых воздействие, для других – буклеты, брошюры, проспекты, являющиеся комбинированными PR-текстами, их доминирующая функция – информирование, для третьих – журналистская статья, в основу которой положен факт. Все эти жанровые разновидности создают имидж компании.

Такие интегрированные коммуникации оказывают более сильное влияние на целевую аудиторию по сравнению с обычными маркетинговыми программами, поскольку исключают противоречия в восприятии различных видов обращений, объединенных общей темой. Это достигается за счет обеспечения совместимости обращений, поступающих к читателю по различным каналам коммуникации. Люди, охваченные интегрированными технологиями обращения, начинают, не задумываясь, автоматически идентифицировать и интегрировать различные маркетинговые обращения в общую идею. Хорошо согласующиеся друг с другом обращения особенно успешно воздействуют на целевую аудиторию и способствуют совместному решению общей задачи.

Следовательно, можно говорить, что имиджевый дискурс оказывает влияние на целевую аудиторию не только через интеграцию текстов, но и через речевое воздействие.

В имиджевом дискурсе используются практически все способы речевого воздействия:

- 1) введение новых значений, на основе которых реципиент изменит своё поведение или своё отношение к действительности;
- 2) изменение структуры значения без введения новых значений, с помощью сообщения новой информации об уже известных вещах;
- 3) изменение смыслового поля в целом для изменения отношения к окружающей действительности реципиента [Леонтьев 1977: 274-275].

Наиболее часто применяется именно третий способ, который можно назвать воздействием через убеждение или через информирование, что сказывается в применении различных жанровых форм в имиджевом дискурсе.

Речевое воздействие неразрывно связано с понятием «языковое сознание». Изучением языкового сознания занимались А. Вежбицкая, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, И.А. Зимняя, Е.С. Кубрякова, А.Н. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Т. Н. Ушакова, Р. Якобсон и др.

Под языковым сознанием нами понимается форма общественного сознания, формируемая с помощью языковых средств.

Формирование языкового сознания покупателей как одного из наиболее важных сегментов целевой аудитории компании – важный способ продвижения и стимулирования товарооборота. Имиджевый дискурс является способом речевого воздействия на языковое сознание целевой аудитории посредством интеграции информационного и воздействующего характера дискурса. Данный вид дискурса отражает в языковом сознании покупателей корпоративную культуру компании с помощью речевых средств, интеграции жанров и каналов воздействия и информирования.

Таким образом, использование компанией-производителем имиджевого дискурса, формирующего положительный имидж и являющегося формой интегрированных маркетинговых коммуникаций, способствует стимулированию покупательского спроса на конкурентном рынке.

Список литературы:

1. Алёшина, И. В. Маркетинг для менеджеров [Текст] / И. В. Алёшина. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 456 с.
2. Котлер, Ф., Келлер, К. Л. Маркетинг менеджмент [Текст] / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. 12-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 816с.
3. Леонтьев, А. А. Психология общения [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1977. – С. 274-275.
4. Панасюк, А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники [Текст] / А. Ю. Панасюк. – М. : Омега-Л, 2007. – 266с.
5. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 3-14.
6. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии [Текст] / Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 3-20.

С.В. Шибаршина
Нижний Новгород, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФРО-АМЕРИКАНСКОГО ДИСКУРСА

В последние десятилетия в лингвистике все большее внимание уделяется изучению лингво-этнического аспекта того или иного языкового явления. Такой подход способствует более разностороннему раскрытию картины мира определенного этноса или субэтнической группы, – картины, с которой связаны особенности дискурса той или иной культуры или субкультуры, что имеет четко выраженное практическое применение, в частности, в исследовании художественно-публицистического творчества и его влияния на массовое сознание.

С учетом лингво-этнического аспекта в данной работе проблемы афро-американского дискурса рассматриваются с позиций мультикультурализма. Основное

внимание уделено выявлению специфики афро-американской лексики на примере индивидуального афро-американского дискурса известного американского писателя Джеймса Болдуина, в частности, двух его публицистических произведений (эссе) – «В следующий раз пожар» (The Fire Next Time, 1963) и «Имени его не будет на площади» (No Name in the Street, 1972).

Лингвистическая проблема дискурса широко обсуждается и освещается в современных филологической и шире – гуманитарной – науке. Особенности афро-американского дискурса также нашли отражение в рамках исследований black speech.

С позиций современных подходов, понятие «дискурса» (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus – «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор») представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

Исходя из определения дискурса как связного текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текста, взятого в событийном аспекте; речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [Арутюнова 2000: 136-137], - рассмотрим дискурс в мультикультурном аспекте.

В рамках мультикультурных исследований важно подчеркнуть определение дискурса как «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова 2000: 136], которое включает явления, находящиеся вне единства высказываний и вне единого текста: это аспекты функционирования текста и дискурса в социальной среде. На этом уровне прослеживаются связи текста (и отдельных высказываний в нем) с иными текстами, дискурсами.

Культура народа – это выражение его самобытности, его опыт и история. При взаимодействии культур – сложнейшем процессе, постоянном и непрерывном, происходит влияние культур друг на друга, заимствование друг у друга отдельных элементов, а иногда и полное слияние. «Диалог» культур – важная составляющая афро-американского дискурса, что следует учитывать при рассмотрении особенностей «black speech». В этой связи следует отметить, что афро-американское сообщество как часть мультикультурного общества США было исторически социально подчиненным, поэтому при рассмотрении black speech необходимо учитывать значительное влияние доминирующей американской культуры на формирование этого явления. Афро-американская культура – это своеобразный сплав различных культурных традиций.

В африканском прошлом берёт начало устная фольклорная традиция, которая рассматривается как основной источник художественно-публицистического творчества Джеймса Болдуина [Удлер 1982: 13]. Фольклорное начало как духовные и бытовые составляющие народной традиции является существенным аспектом black speech вообще. В верованиях афро-американской культуры сохраняются многие исходные черты язычества – наследие Черного континента, что сказывается на понимании мира на уровне повседневной реальности.

Афро-американский фольклор основан на вере в силу слова, *магию* слова, поэтому афро-американскому тексту свойственно умелое использование «вербальных ритуалов» (word games) [Жапов 2001: 59]. Отсюда особая эмоциональная образность афро-американской литературной и публицистической традиции, что накладывает отпечаток на всю лексико-семантическую систему black speech. В частности, Джеймсу Болдуину свойственна высокая частотность употребления эмоционально окрашенной лексики всех морфологических классов. В эссе «Следующий раз – пожар» он активно использует антонимы, противопоставляя мир «чёрных» и «белых». Если последнему принадлежат такие слова, как «destroyed», «devastation», «crime», «loveless», «inhumanity», «fear», «danger», «impertinent», то первый должен характеризоваться такими словами, как «love», «monumental dignity», «great poets».

Образ Илайджи Мухаммеда, лидера афро-американского движения «Страна ислама», Джеймс Болдуин рисует со свойственной автору блюзовой многозначностью (блюз, как известно, основой своей имеет афро-американскую музыкальную традицию): *I associated him with ferocity. But, no – the man who came into the room was small and slender, really very delicately put together, with a thin face, large, warm eyes, and a most winning smile* [Baldwin 1963: 77]. В этом описании особое значение приобретают такие эмоционально окрашенные лексические единицы, как *ferocity, delicately put together, a most winning smile*.

Народная музыкальная традиция афро-американцев, в свою очередь, многим обязана и американской «белой» культуре, от которой она получила христианскую религию. Вхождение африканского народа в американское общество произошло на основе религии. Так родилось и само «чёрное проповедование» (black preaching), которое оказало немаловажное влияние на творчество афро-американских писателей и публицистов, во многом определив лексическое своеобразие их произведений [Жапов 2001: 94].

Поэтому Black speech во многом опиралась на образы и мотивы христианской религии. Своеобразие манеры Джеймса Болдуина достигается умелым использованием

терминологии Священного Писания: библейская терминология является одним из лексических источников для его художественно-публицистического творчества. «Чтоб я мог принять крещение» («To be baptized») – так озаглавил Болдуин вторую часть эссе «Имени его не будет на площади», используя лексическую единицу *baptized*, свойственную речи проповедника, подразумевая под «крещением» готовность обрести имя – утвердиться как человеческая личность, но при условии, что человек примет участие в борьбе афро-американского народа, причастится его исторической миссии.

Библейская лексика присутствует в создании им образа своего отца: *Between his merciless children, who were terrified of him, the pregnancies, the births, the rats, the murders on Lenox Avenue, the whores who lived downstairs, his job on Long Island – to which he went every morning, wearing a Derby or a homburg, in a black suit, white shirt, dark tie, looking like the preacher he was, and with his black lunch – box in his hand - and his unreciprocated love for the Great God Almighty – it is no wonder our father went mad* [Baldwin 1972: 15]. Болдуин в этой фразе характеризует своего отца – проповедника на Лонг-Айленде. Здесь он использует выражение *unreciprocated love for the Great God Almighty*: используя единицы эмоционально окрашенной лексики (*unreciprocated love*) и библейскую терминологию (*the Great God Almighty*), Болдуин создает образ человека, противопоставляя его веру во «всемогущество» Бога и те ужасные условия жизни, в которых он находится, – человека, который в результате всего этого «сходит с ума» (*went mad*).

Автор проникает в глубины психологии униженного афро-американца, при этом используя весьма возвышенную лексику, свойственную проповеди: «no one's hand can wipe away those tears he sheds invisibly today» [Baldwin 1963: 19], «know whence you came» [Baldwin 1963: 22] и т.д. Проповедническими мотивами проникнута и космическая масштабность его образов (по Болдуину, для «белых» афро-американец – это нечто невероятное или «upheaval in the universe», «переворот по Вселенной»).

Вторая часть эссе «Следующий раз – пожар» имеет заголовок «Снятие с креста» (Down At the Cross), где библейская терминология используется для создания образа «снятия с креста» многострадального афро-американского народа, что является аллюзией на библейский сюжет. Христианская религия была интерпретирована афро-американским народом с присущей ему эмоциональностью, страстностью, ощущением близости и душевного родства с Иисусом [Шустрова 2006: 24] – отсюда и возникает мотив креста в эссе Джеймса Болдуина.

Используя лексику, свойственную речи проповедника, Болдуин обнажает взаимопроникновение, внутренние связи, на первый взгляд, полярных явлений,

показывает противоречивость мироощущения белых американцев, своих собственных чувств. Эта возвышенная лексика усиливает эмоциональность его стиля: «blazing Hell», «Deity», «if love could not descend from Heaven», «then utter disaster was my portion» и т.д. Описывая свои чувства, он использует образы природных стихий – «flood» (наводнения); мир он уподобляет «гудящему барабану» (...*the universe is simply a sounding drum*...) [Baldwin James 1963: 44].

Таким образом, особенностью индивидуального стиля Джеймса Болдуина является частое использование эмоционально окрашенной лексики, что связано с выразительностью, страстностью всего речевого строя black speech и шире – афро-американской культуры. Отсюда и выбор автором таких лексических средств (архаизмов, поэтизмов и т.д.), которые обеспечивают максимальную передачу пережитого и переживаемого психического опыта.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – Языкознание. 2-е (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. - С.136-137.
2. Жапов, В. В. Особенности эволюции Black English как социального явления на современном этапе [Текст] / В. В. Жапов // Вестник МГУ. Сер. 19.
3. Удлер Э. М. Публицистические жанры в творчестве Джеймса Болдуина: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Э. М. Удлер. - М., 1982. – 17с.
4. Шустрова, Е. В. Когнитивные основы исследования метафоры в афроамериканском литературном дискурсе [Текст] / Е. В. Шустрова // Вестник Воронежского Государственного Университета. Сер. Лингвистика и межкультурные коммуникации. – 2006. - №2. – С.22-31.
5. Baldwin, J. The Fire Next Time [Text] / J. Baldwin. - New York: Dial, 1963. - 120p.
6. Baldwin, J. No Name In the Street [Text] / J. Baldwin. - London, Joseph, 1972. - 168p.

Т.А. Шкуратова
Ростов-на-Дону, Россия

ИЗ ОПЫТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В последние три десятилетия проблематика речевого общения является одной из наиболее привлекательных областей в сфере междисциплинарных исследований. Изучение дискурса в рамках лингвистики, психологии, теории искусственного интеллекта и социальных наук привело к интеграции многих теоретических концепций и в значительной степени изменило понимание границ лингвистического знания.

Как неоднократно было доказано, речевая деятельность говорящих в большинстве случаев мотивируется неречевыми задачами. Эффективность их решения

является одним из важнейших критериев, по которому люди осуществляют выбор языковых средств. Стремление добиться максимального результата в достижении своих целей порождает планирование, которое, в свою очередь, определяет стратегию говорящего и диктует выбор оптимальных для данной ситуации речевых действий.

За рубежом эта проблематика является объектом особого рода исследований – *compliance-gaining studies*, что в буквальном переводе означает «изучение методов достижения соответствия/ согласованности (например, предписанным требованиям, необходимым задачам и т.п.)». В современных исследованиях отечественных лингвистов вопросы речевого управления и контроля над умозаключениями реципиента рассматриваются в рамках теории аргументации, теории речевого воздействия и стратегий речевого общения.

Политический дискурс-анализ является междисциплинарным методологическим направлением, вследствие чего его терминологический инструментарий носит компилятивный характер. Сам термин «дискурс» до сих пор является спорным, и его значение варьируется в зависимости от того, в контексте какой науки он употреблен.

Важнейший постулат современной политической лингвистики – дискурсивный подход к изучению политических текстов, т.е. исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Дискурс в политике выступает средством выражения и описания действий как одного человека, так и социальных групп, вербальным способом установления и определения их социальных действий и взаимоотношений в обществе.

Теоретическое и практическое осмысление политического дискурса в исследованиях российских ученых в большинстве своем представлено изучением политической риторики, ее общей и ролевой направленности; анализируется, в частности, вербальное поведение политиков, используется метод сравнительно-исторической риторики и социологии речи [Желтухина 2000, Михальская 1996], психологии речи. Подобная закономерность объяснима хотя бы тем, что изучение дискурса на стыке разных наук берет свое начало в античных трактатах по риторике и поэтике более чем 2000-летней давности [Дейк 2000: 113].

Политический дискурс с точки зрения теории речевой деятельности представляется как социально-ориентированное общение, которое носит характер

«убеждающей коммуникации» (термин М.Р. Желтухиной) [Желтухина 2000], поэтому в ходе анализа индивидуальных речевых поведений видных политиков участвуют такие характеристики политического дискурса, как оценочность, агрессивность, полемичность; доминируют такие свойства, как лозунговость, абстракция, агитаторство, формализм и др. [Демьянков 2002].

Как и всякий другой, политический дискурс имеет полевое строение. Политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью целенаправленных речевых действий, поэтому в центре обозначенного полевого строения находятся те жанры, которые способствуют основному назначению политического дискурса – борьбе за сохранение и укрепление власти, – это парламентские дебаты, речи политических деятелей, результаты и комментарии голосования. В периферийных жанрах основная функция и характеристика политического дискурса переплетаются с функциями и характеристиками других видов дискурса в пределах одного текста. Интересную особенность политического дискурса отмечает Е.И. Шейгал, говоря, что здесь «ценности превалируют над фактами, воздействие и оценка доминирует над информированием, а эмоциональное преобладает над рациональным» [Шейгал 2004: 46].

Исходя из вышесказанного, под политическим дискурсом мы понимаем идеологически значимую форму коммуникации в сфере политики, которая относится к институциональным формам общения (реализуя свои основные функции – установление и распространение власти); в основе последних лежат определенные социальные правила и ритуалы взаимодействия личности и группы. В широком смысле политический дискурс определяется нами как связный устный или письменный текст, обусловленный ситуацией политического общения.

При создании политического текста его автор выбирает ту или иную коммуникативную стратегию, направленную на достижение целей коммуникации и воздействия. Рассмотренные публикации текстов отдельных речей президента США Дж. Буша–мл. свидетельствуют, что современный политический дискурс отличается значительным арсеналом коммуникативных стратегий и тактик.

Т.А. ван Дейк, подробно разрабатывающий понятие стратегии, считает, что стратегия значима на интертекстуальном, текстуальном и контекстуальном уровнях. Различают также стратегии адресанта и адресата, социокультурные и коммуникативные, риторические, макро- и микростратегии, дискурсные и грамматические и т.д. [Дейк 2000] В любом случае они определяют, как, какими средствами и способами общие коммуникативные цели достижимы. Возможности семантического, стилистического и

прагматического выбора будут ограничиваться такой стратегией. Отметим, что речевая стратегия базируется на интерпретации, которая и лежит в основе воздействия.

Стратегию выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Например, цель предвыборной кампании для любого кандидата – добиться поддержки большего числа избирателей. Как известно, для этого используется либо стратегия восхваления деловых и нравственных качеств «своего» кандидата, положительных сторон его программы, либо стратегия дискредитации в глазах избирателей других кандидатов. В первом случае акцент делается на благоприятных перспективах прихода к власти «правильных» кандидатов, а во втором – избирателей пугают тяжелыми последствиями «неправильного» выбора. Стратегический план может быть ориентирован как на рациональное воздействие, так и на эмоциональное, а также на сочетание аргументов различной природы.

Коммуникативная тактика - это конкретные способы реализации стратегии. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована в тактиках «пророчения» печальных последствий, к которым может привести его избрание, в упреках, в оскорблении кандидата и его близких, а также того, что для него ценно и дорого, в демонстрации его непоследовательности, некомпетентности, необразованности, алчности, несамостоятельности и т.п., в нелестных для политика сравнениях.

К приоритетным характеристикам коммуникативной тактики принято относить ее динамический характер, который и обеспечивает гибкость стратегии. Именно тактики являются практическим инструментом говорящего в реализации его намерений. Речевые тактики составляют важный аспект в описании функционирования языка.

Для реализации коммуникативной тактики используются конкретные коммуникативные приемы (коммуникативные ходы). Например, оскорбление может проявляться в распространении слухов, в навешивании ярлыков, в лжеэтимологическом толковании его фамилии, в использовании специфических метафорических обозначений, в специфических сопоставлениях и др. Коммуникативный ход имеет свои «маркеры» -- языковые элементы различных уровней. Так, например, частые повторы и варьирование определенных слов (e.g., *terrorists*, *terror*, *tyranny*) сами по себе создают стойкую картину приемлемости информации, вызывают четкий автоматизм восприятия. В данном случае мы говорим, что коммуникативный ход «повтор» во всех его разновидностях, а также смысловой повтор при перефразировании – одно из самых действенных и эффективных средств «работы» с массовым сознанием. Как видим,

когнитивный план общения носит поэтапный характер и реализуется по схеме: речевая стратегия – речевая тактика – коммуникативный ход – языковые средства.

Трудно не согласиться с утверждением, что «двадцатый век окончательно превратил личность политическую в личность говорящую». Сказанное в полной мере относится и к первым лицам в государстве: исследователи настаивают, что «президент – прежде всего оратор», и аргументируют это резким увеличением количества публичных выступлений американских президентов. «По данным официальной статистики, количество публичных выступлений американских президентов с 1945 по 1975 гг. возросло на 500%» [Гронская 2004: 287-289].

Если взять для примера публичные выступления Дж. Буша-мл., то можно заключить, что его ораторская речь представляет собой конвенциональную коммуникативную ситуацию со стандартным набором компонентов: адресант (официальное лицо государства – президент), адресат (американский социум), сообщение (речь), канал связи (коммуникативный контакт).

Описание речевых тактик, используемых в одной из самых популярных стратегий политического дискурса – стратегии дискредитации, можно представить здесь следующим образом (напомним, что дискредитация – это подрыв доверия к кому-либо, чему-либо, принижение авторитета, значения чего-либо, т. е. нами анализируются речевые действия, цель которых – вызвать недоверие, сомнение в чем-либо. Для реализации данной стратегии избираются исключительно негативные речевые действия, такие как оскорбление, издевка, насмешка, обвинение. Перлокутивный эффект этих действий состоит в умалении достоинств адресата, его осмеянии. Дискредитировать человека в глазах наблюдателя и задеть чувства самого адресата – вот две коммуникативные задачи, выполнение которых определяет успех стратегии дискредитации.):

- Тактика «прямое обвинение». Автор прямо обозначает политика и то, в чем он его обвиняет. С прагматической точки зрения, прямое обвинение, на наш взгляд, менее выгодно. При скрытом обвинении автор подводит аудиторию к тому, что она самостоятельно делает вывод, что, в свою очередь, лишь увеличивает ее уверенность в своей правоте. Она может усомниться в обвинении политика А политиком В, но никогда не усомнится в себе.

My opponent recently announced that he is the conservative -- the candidate of "conservative values," which must have come as a surprise to a lot of his supporters. (Laughter.) There's some problems with this claim. If you say the heart and soul of America is found in Hollywood, I'm afraid you're not the candidate of conservative values. (Applause.) If

you gave a speech, as my opponent did, calling the Reagan presidency eight years of "moral darkness," then you may be a lot of things, but the candidate of conservative values is not one of them. (Applause.) [President Sworn-In to Second Term January 20, 2005]

- Тактика «враждебная сторона». Активизируется оппозиция «свой-чужой», т. е., обозначая оппонента как «они», автор хочет сказать: «они - не мы, и интересы у них не наши, а поддерживать нужно тех, чьи интересы совпадают с нашими».

These changing times can be exciting times of expanded opportunity. And here, you face a choice. My opponent's policies are dramatically different from ours. Senator Kerry opposed Medicare reform and health savings accounts. After supporting my education reforms, he now wants to dilute them. He opposed reducing the marriage penalty, opposed doubling the child credit, opposed lowering income taxes for all who pay them [President's Remarks at the 2004 Republican National Convention September 2, 2004].

- Тактика «противопоставление» - противопоставление двух позиций; здесь весьма распространенным приемом является использование исторических примеров.

Again, my opponent and I have different approaches. I proposed, and the Congress overwhelmingly passed, \$87 billion in funding needed by our troops doing battle in Afghanistan and Iraq. My opponent voted against this money for bullets, and fuel, and vehicles, and body armor [President's Remarks at the 2004 Republican National Convention September 2, 2004].

- Тактика «предостережение» в сочетании с иронией - предупреждение о грядущих негативных последствиях, если избиратель сделает выбор в пользу «не-того» политика. Говорящий «программирует» сознание аудитории, настраивает ее на восприятие в нужном ему плане.

He's proposed more than two trillion dollars in new federal spending so far, and that's a lot, even for a senator from Massachusetts. (Applause.) And to pay for that spending, he's running on a platform of increasing taxes — and that's the kind of promise a politician usually keeps. (Laughter.) His tax - his policies of tax and spend - of expanding government rather than expanding opportunity -- are the policies of the past. We are on the path to the future -- and we're not turning back. (Applause.)[President Sworn-In to Second Term January 20, 2005].

И стратегия самопрезентации, и стратегия манипулирования обладают своими речевыми тактиками. Не останавливаясь на их рассмотрении в данной статье, перечислим наиболее распространенные их типы в речи американского президента. Для стратегии самопрезентации характерны тактики «позитивный фактор», «обещание», «обязательство», «положительное прогнозирование», «отождествление» (себя с нацией, народом), «самообличение», «самооправдание» и некоторые др. Стратегия

манипулирования сводится, главным образом, к пропагандистским сообщениям, которые, по мнению Г.Г. Почепцова, опираются на «автоматизм реакций потребителя, на те характеристики, которые будут обработаны им, не задумываясь» [Почепцов 1999: 127], к приему «размывания смысла», «обожествление собственной миссии спасителей человечества», «обвинение врага в зверствах» и т.п. На этом уровне более отчетливо можно проследить, как в политическом дискурсе в качестве знаков подбираются отвлеченные и абстрактные понятия с размытой семантикой; неопределенность и нечеткость границ между ними приводит к семантическим сдвигам и подмене значения. Некоторые ключевые термины политического дискурса становятся синонимами по причине сходного контекстного окружения.

Учитывая всю совокупность функций, реализуемых политическим дискурсом, методология его описания должна включать в себя семантический анализ, ориентированный на выявление лингвистических характеристик и категорий политического дискурса; изучение прагматических установок, определяющих целевую направленность коммуникации, стратегии и тактики текстообразования, и функциональный подход, предполагающий анализ политического дискурса с точки зрения специфики институциональных аспектов, которые затрагивают коммуникативную сферу и, как следствие, определяют назначение дискурса в обеспечении политического взаимодействия.

Список литературы

1. Гронская, Н. Э. Речевые стратегии политических обращений (на мат-ле речей Дж.Буша младшего) [Текст] / Н. Э. Гронская // Рус. и сопост. филолог: состояние и перспективы: Межд. науч. конф./ Под общ. ред. К. Р. Галиуллиной. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – С.287-289.
2. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. - М.: БКТ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310с.
3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Режим доступа: http://www.infolex.ru/PolDis.html#_Toc31990061, 2002, свободный.
4. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики [Текст] / М. Р. Желтухина. - М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. - 264с.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: КомКнига, 2006. – 284с.
6. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века [Текст] / Г. Г. Почепцов. - М.: "Рефл-бук", 1999. - 352с.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 325с.
8. President's Remarks at the 2004 Republican National Convention September 2, 2004. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2004/09/20040902-2.html>, свободный.
9. President Sworn-In to Second Term January 20, 2005. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/Q1/20050120-1.html>, свободный.

НАШИ АВТОРЫ:

Avakimyan Sofya Sergeevna - Monterey Institute of International Studies (MIIS), California, USA (США), e-mail: avakiman84@yahoo.com

Аверьянова Екатерина Викторовна - кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии, доктор по исследованию воображаемого Гренобльского Университета-3 им. Стендаля, Тюменский государственный университет, e-mail: katia.averianova@rambler.ru

Азмачеева Елена Николаевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: azn@csu.ru

Андреева Кира Алексеевна - доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тюменского государственного университета, e-mail: mairene@yandex.ru

Аникин Евгений Евгеньевич - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: ewganik_chel@mail.ru

Анисимова Дарья Юрьевна - кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, e-mail: daranis@mail.ru

Асмус Нина Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: asmus@74.ru

Бабина Людмила Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

Багичева Василина Вадимовна - аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Багичева Надежда Васильевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета

Байдикова Наталия Леонидовна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского института электронной техники, e-mail: nataleon22@list.ru

Белкина Ирина Валерьевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Белгородского государственного университета, e-mail: Belkina@bsu.edu.ru

Белозерцев Алексей Владимирович - ассистент кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института, e-mail: sunny@shadrinsk.net

Белоус Наталья Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей факультета иностранных языков и профессиональной коммуникации Ульяновского государственного университета, докторант Тверского государственного университета, e-mail: belous@ulsu.ru

Беляева Елена Петровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова, e-mail: alenabelyaeva@yahoo.co.uk

Блинова Евгения Александровна - аспирант кафедры общего и германского языкознания Ульяновского государственного университета, e-mail: blinova79@yandex.ru

Бойко Галина Игоревна – аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, e-mail: scorcher@mail.ru

Бопп Юлия Владимировна - ассистент-преподаватель кафедры ЛингвОМКК Сургутского государственного педагогического университета, e-mail: skuller@inbox.ru

Борисова Изабелла Захаровна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой французской филологии факультета иностранных языков Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, e-mail: isborissova@mail.ru

Боровицкая Елена Николаевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Луцкого государственного технического университета, e-mail: bolenar@mail.ru

Бочкарёва Ксения Станиславовна – преподаватель кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: xn_boch@bk.ru

Бреус Ирина Владимировна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (г. Омск)

Брильц Оксана Александровна - кандидат философских наук, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: britsoa@chelcom.ru

Броженко Светлана Владимировна - преподаватель кафедры иностранных языков Уральского Социально-Экономического Института Академии Труда и Социальных Отношений, e-mail: Sveta_angel04@rambler.ru

Бронник Лариса Васильевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета (Краснодар), e-mail: larisa-bronnik@mail.ru

Бутакова Лариса Олеговна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: larisabut@rambler.ru; butakova@univer.omsk.su

Быганова Елена Анатольевна - аспирант Московского государственного лингвистического университета, e-mail: helenabea@mail.ru

Валеева Анна Евгеньевна – аспирант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, e-mail: annaswiridowa@yandex.ru

Вандышева Анна Валентиновна - преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса (г. Шахты), e-mail: anna_valentino@mail.ru

Венедиктова Людмила Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: lnvediktova@mail.ru

Власова Юлия Анатольевна - старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Южно-Уральского государственного университета, e-mail: moskvina@74.ru

Власян Гаянэ Рубеновна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: VlasyanGR@csu.ru

Волкова Анастасия Александровна - ассистент кафедры романо-германской филологии филологического факультета Томского государственного университета, e-mail: volknas@rambler.ru

Волошина Татьяна Геннадьевна - ассистент кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного университета, e-mail: voloshina_an@belnet.ru

Волчкова Ирина Михайловна - кандидат филологических наук, профессор кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций Уральской государственной архитектурно-художественной академии

Воронова Надежда Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета, e-mail: docver1@rol.ru

Воронцова Юлия Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Белгородского юридического института МВД России, e-mail: vorontsova73@mail.ru

Гайбарян Ольга Ервандовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы факультета филологии и журналистики Южного Федерального университета (РГУ), e-mail: timili@rsu.ru

Голованёва Марина Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета, e-mail: yarrow@inbox.ru

Григорьева Татьяна Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, e-mail: tagrig8@mail.ru

Гришечкина Галина Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета, e-mail: vasilina@orel.ru

Джакитова Лаура Даулетовна – аспирант, магистр иностранной филологии, Каз Умо и МЯ (Казахстан), e-mail: galaaur@mail.ru

Димитренко Мария Владимировна – редактор, редакция журнала «Известия ВГПУ», аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского

государственного педагогического университета, e-mail: panika85@list.ru;
izvestia_vspu@mail.ru

Дробышева Ольга Вячеславовна - старший преподаватель кафедры общего и романского языкознания факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: valo11@mail.ru

Дрожащих Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тюменского государственного университета, e-mail: ndro2004@rambler.ru

Дубских Ангелина Ивановна - старший преподаватель Магнитогорского государственного университета, аспирант Челябинского государственного университета, e-mail: lina_masu@mail.ru

Евсеева Людмила Валерьевна - кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Морской государственной академии им. Ф.Ф.Ушакова (г. Новороссийск)

Еренская Анна Геннадьевна - преподаватель кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: anaer@rambler.ru

Ермакова Вера Александровна – аспирант Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (Казахстан), e-mail: vera_nasonova@mail.ru

Заболотнева Оксана Леонидовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: zoxl@mail.ru

Занина Марина Александровна - преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета, e-mail: m_zanina@mail.ru

Заречнева Елена Николаевна – методист и старший преподаватель кафедры филологического образования научно-методического центра развития основного и среднего образования Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования, соискатель при Алтайском государственном университете (г. Барнаул), e-mail: enzar@mail.ru

Заседателева Марина Геннадьевна - аспирант кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: zassedateleva@mail.ru

Зубкова Ольга Станиславовна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры иностранных языков Курского государственного университета, e-mail: olgaz4@rambler.ru

Зыкова Светлана Андреевна - старший преподаватель кафедры английского языка и методики его преподавания Нижневартовского государственного гуманитарного университета, e-mail: sveta_zyk@mail.ru; nggu_eld@nvtel.ru

Иванова Ольга Юрьевна - аспирант кафедры испанской и итальянской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина), e-mail: oyi@ukr.net

Иванова Юлия Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: julivanova@yandex.ru

Ильющеня Татьяна Анатольевна - старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, аспирант Тюменского государственного университета, e-mail: tatyana1223@mail.ru

Иноземцева Надежда Владимировна - ассистент кафедры АФМПАЯ Оренбургского государственного университета, e-mail: neddie23@rambler.ru

Карамалак Ольга Алексеевна - ассистент кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета, e-mail: red_riding_hood@inbox.ru

Карманова Зоя Яковлевна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Московского международного гуманитарно-лингвистического института, e-mail: zoyadis@rambler.ru

Киуру Константин Валерьевич - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой массовой коммуникации Южно-Уральского государственного университета, e-mail: kkiuru@mail.ru

Ковлакас Елена Федоровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Морской государственной академии им. Ф.Ф.Ушакова (г. Новороссийск), e-mail: amica1969@mail.ru

Колтышева Елена Юрьевна - аспирант кафедры английского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, e-mail: letzyar@list.ru

Кондратьева Ольга Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, e-mail: kondr25@rambler.ru

Кононова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии Федеральной Службы Охраны Российской Федерации

Котова Надежда Сергеевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: koshkinan@list.ru

Кристофорова Юлия Викторовна – преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: Ulikris@mail.ru

Кропотухина Полина Владимировна – аспирант, ассистент кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, e-mail: Pauline8@mail.ru

Кулова Лиана Замировна - магистрант второго года обучения Института Филологии Кабардино-Балкарского государственного университета, e-mail: kulova.86@mail.ru

Куприева Ирина Анатольевна - ассистент кафедры английского языка факультета РГФ Белгородского государственного университета, e-mail: kuprieva@yandex.ru

Куралева Ирена Робертовна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, e-mail: vkspb58@mail.ru

Куцова Эльвира Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Южно-российского государственного университета экономики и сервиса (г. Шахты), e-mail: elvira61@mail.ru

Лаврентьева Татьяна Владимировна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка, теории и методики преподавания французского языка Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: lavruxa@yandex.ru

Ласица Любовь Александровна - аспирант кафедры РФМПРЯ Оренбургского государственного университета, e-mail: lasitsa-la@rambler.ru

Ли Валентин Сергеевич - доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан), e-mail: i.bibekin@cp.kz

Любавина Анастасия Юрьевна - преподаватель кафедры французского языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: lunastic@mail.ru

Магировская Оксана Валериевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, докторант Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: magirovskaya@rambler.ru

Маджаева Санья Ибрагимовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков лечебного факультета Астраханской государственной медицинской академии, e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Мажитова Айла Ермековна - преподаватель английского языка Карагандинского государственного технического университета (Казахстан)

Макарова Ирина Юрьевна - аспирант кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Малышева Елена Григорьевна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, e-mail: malysheva_eg@mail.ru

Милостивая Александра Ивановна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Ставропольского государственного университета, e-mail: k-translat@bk.ru

Митина Светлана Ивановна - кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры культурологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: 3005 @ mail. ru

Могилевская Ольга Александровна - старший преподаватель Волгоградского государственного технического университета, e-mail: olya3mog@yahoo.com

Муллинова Татьяна Александровна - кандидат филологических наук, доцент подготовительного факультета для иностранных граждан Кубанского государственного технологического университета (Краснодар), e-mail: tanja.m@bk.ru

Мышкина Нелли Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета, e-mail: myshkina@pstu.ru

Наумова Ирина Александровна - преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: ira_naumova@mail.ru

Нестерова Яна Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка факультета иностранных языков Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, e-mail: yana_nesterova@home.tula.net

Ньюнэйбер Елена Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: lena.neunaber@gmail.com

Нефедова Лилия Амирянвна - доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: lan@csu.ru

Новикова Анна Вячеславовна аспирант, ассистент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета, e-mail: Novikova@yandex.ru

Олизко Наталья Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: olizko-1977@yandex.ru

Павлова Анна Владимировна - ассистент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: pavlova_a@bk.ru

Павлова Ольга Александровна - доктор филологических наук профессор Волжского гуманитарного института, филиала Волгоградского государственного университета, e-mail: vita72@km.ru

Панченко Светлана Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии, e-mail: panch@e1.ru

Паули Юлия Сергеевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, e-mail: pauliyulia@rambler.ru

Перевышина Ирина Рашидовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Белгородского государственного университета, e-mail: perevyshina@bsu.edu.ru

Перельгут Надежда Майеровна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка и методики его преподавания Нижневартковского

государственного гуманитарного университета, e-mail: perelgut@intramail.ru; nggu_eld@nvtel.ru

Питеркина Юлия Сергеевна - аспирант Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: piterkina@2-u.ru

Погорелова Светлана Давидовна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Тюменского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: svetlanap97@mail.ru

Плотникова Лариса Ивановна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, e-mail: Plotnikova@bsu.edu.ru

Плотникова Светлана Николаевна - доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Иркутского государственного университета, e-mail: ntsh22@yandex.ru

Подтихова Евгения Александровна – аспирант Оренбургского государственного университета, e-mail: eugini@yandex.ru

Подъяпольская Ольга Юрьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: oljapod@csu.ru

Полякова Лилия Сергеевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: lilit@mgn.ru

Пономарева Ольга Борисовна - доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тюменского государственного университета, e-mail: obponomareva@list.ru

Попова Ирина Анатольевна - ассистент кафедры теоретических основ начального образования Белгородского государственного университета, e-mail: porovaian@ya.ru

Попова Наталья Борисовна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего и романского языкознания факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: porova@csu.ru

Прокопьева Марина Юрьевна - преподаватель кафедры философии Курганского государственного университета

Пушмина Софья Александровна - ассистент кафедры перевода и переводоведения факультета романо-германской филологии, аспирант Тюменского государственного университета, e-mail: sophie@nightmail.ru

Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна - старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, e-mail: mairaberg@mail.ru

Ригина Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ЧГАУ, e-mail: deutsche_vita@mail.ru

Ронжина Яна Николаевна - ассистент кафедры ИЯЛиМК, аспирант Пермского государственного технического университета, e-mail: ronzi@mail.ru

Рязанцева Дарья Борисовна - преподаватель кафедры общей лингвистики, аспирант Южно-Уральского государственного университета, e-mail: lingda@mail.ru

Савельев Сергей Владимирович - ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Коломенского государственного педагогического института, e-mail: unsublimated@yandex.ru

Сажина Елена Владимировна - кандидат филологических наук, преподаватель Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Беларусь), e-mail: kisalru@tut.by

Салахова Аделина Гюль-Балаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: adelina@csu.ru

Сачава Ольга Сергеевна - аспирант кафедры немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, e-mail: olpochta@rambler.ru

Сеченова Екатерина Григорьевна - старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета, e-mail: e-sechenova@mail.ru

Сибиряков Игорь Васильевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета

Синеева Татьяна Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: SEEN@csu.ru

Скормолова Юлия Владимировна - старший преподаватель Ульяновского государственного технического университета, e-mail: ling@ulstu.ru

Соболева Татьяна Евгеньевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель Белгородского государственного университета, e-mail: sobolevat@bsu.edu.ru

Сорокина Юлия Владимировна - преподаватель кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: lija_0109@mail.ru

Старова Галина Александровна – старший преподаватель кафедры общего и романского языкознания факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: toro_toro@rambler.ru

Стецюра Людмила Викторовна - старший преподаватель немецкого и латинского языков кафедры иностранных языков Челябинской государственной медицинской академии, аспирант Челябинского государственного университета, e-mail: stetsyura@yandex.ru

Таратухина Юлия Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры «Инновации и бизнес в сфере ИТ» государственного университета Высшей школы экономики (г. Москва)

Телешева Ирина Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: telesheva@mail.ru

Трегубова Юлия Олеговна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: yulia_tregubova@mail.ru

Троицкая Татьяна Борисовна - аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, e-mail: troizkaja@rambler.ru

Тырышкина Елена Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета русского языка и литературы Новосибирского государственного педагогического университета, (Куйбышевский филиал), e-mail: nauka@kfnpgpu.ru

Унгефук Светлана Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка Лингвистического института Барнаульского государственного педагогического университета, e-mail: azovski@gmail.com

Ушкова Надежда Васильевна - доктор филологических наук, зав. кафедрой немецкой филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, e-mail: nush2001@mail.ru

Фахрутдинова Дина Равилевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Военной Академии Войсковой Противовоздушной Обороны ВС РФ, e-mail: golim@mail.ru

Федосова Елена Викторовна – аспирант, магистр иностранной филологии, Каз Умо и МЯ (Казахстан), e-mail: nisan82@rambler.ru

Фомин Александр Игоревич - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», докторант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: a_f@pochta.ru

Фурс Людмила Алексеевна - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: postmaster@furs.tstu.ru

Хакимова Елена Мухамедовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, e-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Хамидова Альбина Риннатовна - студентка 4 курса филологического факультета Башкирского государственного университета, e-mail: Sunny-Alb@yandex.ru

Чернышова Мария Андреевна - аспирант заочного отделения факультета ИЯиМК Тверского государственного университета, e-mail: nasyr.cher@mail.ru

Чудинов Анатолий Прокопьевич - доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Уральского государственного педагогического университета, e-mail: ap_chudinov@mail.ru

Шабанова Татьяна Андреевна – ассистент кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, e-mail: tatshab@yandex.ru

Шаповалова Александра Петровна - доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Ростовского института иностранных языков, e-mail: rodli@aaanet.ru

Шефер Оксана Владимировна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: oxana_csu@mail.ru

Шибаршина Светлана Викторовна - аспирант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, e-mail: lane147@bk.ru

Шкуратова Татьяна Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета филологии и журналистики Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону), e-mail: celencour@yandex.ru

Яковенко Наталья Эдуардовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой экономики Южного Института Менеджмента (г. Краснодар), e-mail: information@hsib.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

Avakimyan S.S. (California, USA) <i>Ways of expressing positive reactions or evaluations</i>	3
Андреева К.А. (Тюмень, Россия) <i>Когнитивное моделирование ментального художественного пространства (от автора к читателю)</i>	7
Бабина Л.В., Макарова И.Ю. (Тамбов, Россия) <i>Изучение деноминативных глаголов: когнитивный аспект</i>	11
Багичева В.В. (Екатеринбург, Россия) <i>Образные характеристики смерти в творчестве Янки Дягилевой</i>	15
Багичева Н.В. (Екатеринбург, Россия) <i>Метафора родства как инструмент постижения ментальности</i>	19
Байдикова Н.Л. (Москва, Россия) <i>Когнитивный аспект словообразовательной проблематики</i>	23
Белкина И.В. (Белгород, Россия) <i>Когнитивный анализ облигаторных компонентов фрейма «приобретение»</i>	27
Беляева Е.П. (Архангельск, Россия) <i>К проблеме прототипа в лингвистике</i>	30
Блинова Е.А. (Ульяновск, Россия) <i>Категория времени в когнитивной парадигме знания</i>	34
Бойко Г.И. (Москва, Россия) <i>Социокультурное пространство познающего субъекта</i>	38
Борисова И.З. (Якутск, Россия) <i>Проблема авто- и гетеро стереотипов на примере народов Якутии</i>	44
Бреус И.В. (Омск, Россия) <i>Цветовая картина мира как когнитивный феномен</i>	49
Брильц О.А. (Челябинск, Россия) <i>Условия возможности понимания (на примере процесса коммуникации)</i>	52
Бронник Л.В. (Краснодар, Россия) <i>Концепт как динамический феномен: нейрокогнитивные основания</i>	56
Быганова Е.А. (Москва, Россия) <i>Грамматические средства выражения категории социального статуса речи (на материале немецкоязычных текстов)</i>	60
Вандышева А.В. (Шахты, Россия) <i>Гендерный аспект политкорректности</i>	64
Венедиктова Л.Н. (Челябинск, Россия) <i>Аспекты изучения различных типов языковой личности</i>	68
Власова Ю.А. (Челябинск, Россия) <i>Особенности влияния профессии на личность</i>	74
Волкова А.А. (Томск, Россия) <i>Специфика реализации речевой стратегии понимания в журнальной коммуникации</i>	77

Воронова Н.Г. (Барнаул, Россия) <i>Модальная вариативность текста как реализация языковой личности продуцента.....</i>	80
Воронцова Ю.А. (Белгород, Россия) <i>Реминисценции как средство реализации коммуникативных установок текстов СМИ.....</i>	84
Григорьева Т.В., Хамидова А.Р. (Уфа, Россия) <i>Символическая насыщенность серого цвета</i>	88
Дробышева О.В. (Челябинск, Россия) <i>Гендерные особенности письменной речи</i>	92
Дубских А.И. (Магнитогорск, Россия) <i>О некоторых аспектах коммуникативной стратегии саморепрезентации</i>	96
Евсеева Л.В. (Новороссийск, Россия) <i>Лингвофилософский подход к анализу понятия «гендер»</i>	100
Еренская А.Г. (Челябинск, Россия) <i>Проблема идентификации языковой личности</i>	105
Ермакова В.А. (Караганда, Казахстан) <i>Значение и внутренняя форма как когнитивные уровни пословицы</i>	108
Заречнева Е.Н. (Барнаул, Россия) <i>Методическая интерпретация концептуального анализа</i>	112
Зубкова О.С. (Курск, Россия) <i>Психолингвистические аспекты функционирования медицинской метафоры-термина</i>	116
Зыкова С.А. (Нижевартовск, Россия) <i>Гендерная дискриминация и грамматическая категория рода в испанском языке.....</i>	120
Иванова О.Ю. (Киев, Украина) <i>Факторы формирования лингвистического конфликта в многоязыковых обществах.....</i>	123
Карамалак О.А. (Магнитогорск, Россия) <i>Многозначность в свете когнитивной парадигмы XXI века.....</i>	126
Карманова З.Я. (Москва, Россия) <i>Риторическое слово как объект междисциплинарного исследования.....</i>	130
Ковлакас Е.Ф. (Новороссийск, Россия) <i>Концепции, оценивающие роль языка в мышлении</i>	134
Кондратьева О.Н. (Кемерово, Россия) <i>Когнитивная парадигма в современной лингвистике</i>	137
Котова Н.С. (Ростов-на-Дону, Россия) <i>О некоторых способах смены лексических регистров в аспекте представления амбивалентности языковой личности</i>	141
Кристафорова Ю.В. (Челябинск, Россия) <i>Изменения значений многозначных слов в когнитивном аспекте (на материале глаголов современного английского языка, содержащих отрицательно-эмотивную коннотацию).....</i>	145
Куприева И.А. (Белгород, Россия) <i>Особенности репрезентации фрейма «внимание» глагольно-именным словосочетанием <i>pay attention</i>.....</i>	149

Куралева И.Р. (Санкт-Петербург, Россия)	
<i>Когнитивный подход к анализу категории посессивности</i>	152
Куцова Э.Л. (Шахты, Россия)	
<i>Проблема понимания в когнитивной лингвистике</i>	156
Магировская О.В. (Тамбов, Россия)	
<i>Когнитивная деятельность субъекта познания на уровне восприятия</i>	159
Мажитова А.Е. (Караганда, Казахстан)	
<i>Метаязык рекламы в синергетическом видении мира</i>	163
Муллина Т.А. (Краснодар, Россия)	
<i>Концепт как объект исследования в когнитивной лингвистике</i>	167
Мышкина Н.Л. (Пермь, Россия)	
<i>К основаниям синергетической теории языка</i>	169
Нефёдова Л.А. (Челябинск, Россия)	
<i>Восприятие текста как активный когнитивный процесс</i>	172
Новикова А.В. (Пермь, Россия)	
<i>Дихотомия «Действительный мир – возможные миры» в современной лингвистике</i>	176
Павлова А.В. (Оренбург, Россия)	
<i>Категоризация и категории (на материале категории «болезнь» в английском языке)</i>	180
Питеркина Ю.С. (Нижний Тагил, Россия)	
<i>Особенности вербализации предметной картины мира ребенком среднего дошкольного возраста</i>	183
Плотникова Л.И. (Белгород, Россия)	
<i>Индивидуально-авторские новообразования в поэтическом тексте: коммуникативно-когнитивный подход</i>	189
Плотникова С.Н. (Иркутск, Россия)	
<i>Фактор доверия в восприятии: видимая и невидимая картина мира</i>	193
Пономарева О.Б. (Тюмень, Россия)	
<i>Когнитивно-ассоциативный тезаурус субстандартных семантических дериватов антропоцентрического характера</i>	200
Попова Н.Б. (Челябинск, Россия)	
<i>Стратегии понимания и интерпретации картезианского силлогизма во французском силлогизме</i>	208
Прокопьева М.Ю. (Курган, Россия)	
<i>Символы в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского</i>	212
Рязанцева Д.Б. (Челябинск, Россия)	
<i>Фреймо-слововый анализ текста анекдота</i>	216
Савельев С.В. (Коломна, Россия)	
<i>Языковая игра: аспекты и направления исследования</i>	218
Сибиряков И.В. (Челябинск, Россия)	
<i>Знак в когнитивном процессе</i>	221
Скормолова Ю.В. (Ульяновск, Россия)	
<i>Философско-методологические основы интерпретации проблемы «язык-мышление» в американской этнолингвистике</i>	230

Стецюра Л.В. (Челябинск, Россия) <i>Антропоморфная метафора в структуре концепта «тело человека» в медицинском дискурсе</i>	235
Таратухина Ю.В. (Москва, Россия) <i>Некоторые аспекты лингвосемиотического и когнитивного подходов к анализу социокультурной реальности</i>	241
Телешева И.В. (Челябинск, Россия) <i>Роль морбиальной метафоры в заголовке</i>	244
Трегубова Ю.О. (Волгоград, Россия) <i>Трансформации когнитивных теорий в дискурсе</i>	248
Ушкова Н.В. (Тамбов, Россия) <i>Когнитивная специфика номинализации как фактор формирования аналитических конструкций</i>	252
Фомин А.И. (Санкт-Петербург, Россия) <i>К изучению языковой ментальности</i>	256
Фурс Л.А., Назарова И.В. (Тамбов, Россия) <i>Градуирование как когнитивная проблема</i>	259
Хабекирова З.С. (Майкоп, Россия) <i>Коммуникативно-прагматическая роль морбиальной метафоры в газетном тексте</i>	263
Хакимова Е.М. (Челябинск, Россия) <i>Пунктуация и метаязыковая ментальность</i>	267
Чудинов А.П. (Екатеринбург, Россия) <i>Методология зарубежной политической метафорологии</i>	271
Шаповалова А.П. (Ростов-на-Дону, Россия) <i>Когнитивный подход к расшифровке аббревиатур</i>	274
Яковенко Н.Э. (Краснодар, Россия) <i>Глобальный обмен информацией: структура и функционирование</i>	277

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аверьянова Е.В. (Тюмень, Россия) <i>Манипуляция в религиозном дискурсе XVIII века</i>	281
Азначеева Е.Н. (Челябинск, Россия) <i>Поведенческий текст как лингвистическая проблема (на материале учебных пособий по астрологии)</i>	284
Аникин Е.Е. (Челябинск, Россия) <i>Тактика некорректного сопоставления в рекламном дискурсе США</i>	289
Анисимова Д.Ю. (Москва, Россия) <i>Функции личных местоимений в словацком Интернет-дискурсе</i>	296
Асмус Н.Г. (Челябинск, Россия) <i>Особенности наименования пользователя персонального компьютера</i>	300
Белозерцев А.В. (Шадринск, Россия) <i>Об общих специфических характеристиках виртуальной личностно-ориентированной коммуникации</i>	304

Белоус Н.А. (Ульяновск, Россия) <i>Характеристика конституентов инвариантной модели конфликтного дискурса</i>	308
Бопп Ю.В. (Сургут, Россия) <i>Функционирование числительных «десять, одиннадцать, двенадцать и тринадцать» в английском дискурсе</i>	311
Борисова С.В. (Шахты, Россия) <i>Понятие дискурса в лингвистике</i>	315
Боровицкая Е.Н. (Луцк, Украина) <i>Социальная прагматика дискурса как междисциплинарное направление</i>	317
Бочкарёва К.С. (Челябинск, Россия) <i>«Новая Россия»: опыт дискурсивного анализа материалов о России в британских СМИ</i>	322
Броженко С.В. (Челябинск, Россия) <i>Особенности прагматического аспекта в рекламном тексте</i>	325
Бутакова Л.О., Бережная Т.С. (Омск, Россия) <i>Рецептивный аспект наименований в рекламе (сопоставительное экспериментальное исследование)</i>	329
Валеева А. Е. (Тамбов, Россия) <i>Политический дискурс в современных отечественных лингвистических исследованиях</i>	335
Власян Г.Р. (Челябинск, Россия) <i>Категория вежливости в диалогическом дискурсе</i>	338
Волошина Т.Г. (Белгород, Россия) <i>Реализация полипредикативного предложения с паратакисом и гипотакисом в диалогическом тексте (на материале киносценариев США)</i>	341
Волчкова И.М., Лазарева Э.А. (Екатеринбург, Россия) <i>Специальный дискурс – результат профессиональной деятельности личности</i>	345
Гайбарян О.Е. (Ростов-на-Дону, Россия) <i>Художественный текст как знаковая реальность</i>	348
Голованёва М.А. (Астрахань, Россия) <i>О рассогласованности в драматическом дискурсе конца XX века (на материале пьесы В. Павлова «Десятый круг»)</i>	352
Григорьева Н.Ю. (Магнитогорск, Россия) <i>Определение статуса политического комикса США</i>	356
Гришечкина Г.Ю. (Орёл, Россия) <i>Прагматические особенности научно-популярного дискурса</i>	359
<i>Термин дискурс (параметры термина, семантический и когнитивный объем термина)</i>	363
Гусейнова Т.С. (Махачкала, Россия) <i>Фразеологические трансформы в публицистическом дискурсе: прагматический аспект</i>	367
Джакитова Л.Д. (Алматы, Казахстан) <i>Аргументация в политическом дискурсе</i>	369
Димитренко М.В. (Волгоград, Россия) <i>Метаязыковые особенности поэтического дискурса XX века</i>	372

Дрожащих А.В. (Тюмень, Россия) <i>Текст годового отчета как носитель национально-культурной информации</i>	376
Заболотнева О.Л. (Челябинск, Россия) <i>Стилистические особенности лекции</i>	380
Занина М.А. (Челябинск, Россия) <i>Метафора в научно-техническом дискурсе</i>	383
Заседателяева М.Г. (Челябинск, Россия) <i>Глосса как разновидность критического дискурса</i>	386
Иванова Ю.М. (Волгоград, Россия) <i>RPG как текст и коммуникативное событие</i>	390
Ильющеня Т.А. (Тюмень, Россия) <i>Типы единиц в учебном глоссарии к компьютерному учебному дискурсу</i>	393
Иноземцева Н.В. (Оренбург, Россия) <i>Функционирование маркеров дискурса для обеспечения когезии и когерентности малоформатного текста (на материале заглавий англоязычных статей по методологической проблематике)</i>	397
Киуру К.В. (Челябинск, Россия) <i>Лингво-прагматический анализ декларативно-персуазивных жанров политического медиатекста</i>	401
Колтышева Е.Ю. (Ярославль, Россия) <i>Креолизованная диктема как основная воздействующая единица современного рекламного текста</i>	405
Колтышева С.Я. (Челябинск, Россия) <i>Гастрономическая метафора в американском шоу-дискурсе</i>	408
Кропотухина П.В. (Екатеринбург, Россия) <i>Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России и Великобритании</i>	412
Кулова Л.З. (Нальчик, Россия) <i>Приемы рефрейминга в прагматически направленном высказывании (на материале сборника выступлений и статей Г. Явлинского «О российской политике»)</i>	415
Лаврентьева Т.В. (Орск, Россия) <i>Процедура концептуального анализа оппозитивности в художественном тексте</i>	419
Ласица Л.А. (Оренбург, Россия) <i>Интегральная модель времени в публицистике</i>	423
Ли В.С. (Алматы, Казахстан) <i>Об основных аспектах дискурсивного анализа языка</i>	427
Любавина А.Ю. (Челябинск, Россия) <i>Определение понятий «наблик рилейинз» и «пр-текст»</i>	431
Маджаева С.И. (Астрахань, Россия) <i>Некоторые способы языковой актуализации медицинского дискурса</i>	434
Малышева Е.Г. (Омск, Россия) <i>Дискурс сквозь призму анализа формально-функционального тезауруса концепта-доминанты (на примере концепта «победа» в журналистском спортивном дискурсе)</i>	438

Милостивая А.И. (Ставрополь, Россия)	
<i>Синергетический аспект прагматики текстового коммуникативного действия</i>	442
Митина С. И. (Саранск, Россия)	
<i>Текст как смыслополагание</i>	445
Могилевская О.А.(Волгоград, Россия)	
<i>К определению идеологической коммуникативной тональности</i>	449
Наумова И. А. (Челябинск, Россия)	
<i>Транспортная метафора в российском политическом дискурсе</i>	451
Нестерова Я.А. (Тула, Россия)	
<i>Zur Problematik politischer Sprache</i>	455
Ньюнэйбер Е.В. (Челябинск, Россия)	
<i>Ценностные доминанты в национальном дискурсе</i>	458
Олизько Н.С. (Челябинск, Россия)	
<i>Теория интердискурсивных отношений</i>	461
Павлова О.А. (Волжский, Россия)	
<i>Трансформация утопического мифомышления в постмодернистском континууме: от онтологизации креативности слова к эскапизму виртуальной игры</i>	465
С. В. Панченко (Екатеринбург, Россия)	
<i>Научный текст в прагматическом аспекте на примере монографии М. Е. Литвака «Секс в семье и на работе»</i>	469
Паули Ю. С. (Кемерово, Россия)	
<i>Доминанта как субъективный фактор организации дискурса</i>	473
Перевышина И. Р., Остапова Л. Е. (Белгород, Россия)	
<i>Современные подходы к исследованию окказиональных номинаций в художественном тексте</i>	477
Перельгут Н.М. (Нижевартговск, Россия)	
<i>О вариативности фазовой структуры текста (на примере новостных заметок)</i>	480
Плотникова С.Н. (Иркутск, Россия)	
<i>Дискурсивные стратегии и технологии</i>	485
Погорелова С.Д. (Тюмень, Россия)	
<i>Структура гедонистической оценки на материале художественного произведения</i>	491
Подтихова Е.А. (Оренбург, Россия)	
<i>Код и композиция на материале графического и вербального текстов (на материале сочинений-описаний по картине)</i>	494
Подъяпольская О.Ю. (Челябинск, Россия)	
<i>Коммуникативно-прагматические особенности эпистолярного дискурса</i>	498
Полякова Л.С. (Магнитогорск, Россия)	
<i>Особенности языка политика в политическом дискурсе</i>	502
Попова И.А. (Белгород, Россия)	
<i>Семантическая эволюция образа огня в художественном дискурсе И. Бунина</i>	506
Пушмина С.А. (Тюмень, Россия)	
<i>Двоемирие в художественном тексте</i>	509

Рахимбергенова М. Х. (Омск, Россия) <i>Российский медиа-дискурс как сфера актуализации этнической составляющей оппозиции «свой-чужой»</i>	512
Ригина Н.А. (Челябинск, Россия) <i>Роль публицистического дискурса в раскрытии профессиональной языковой личности музыканта</i>	517
Ронжина Я.Н. (Пермь, Россия) <i>Образ как единица анализа и интерпретации текста</i>	520
Сажина Е.В. (Гомель, Беларусь) <i>Семантическая структура откликов читателей (на материале англоязычной прессы)</i>	524
Салахова А.Г. (Челябинск, Россия) <i>Функционально-прагматическая характеристика современной религиозной проповеди</i>	527
Сачава О.С. (Санкт-Петербург, Россия) <i>Социальный и сказочный дискурс: потенциал инсценируемого интердискурсивного взаимодействия</i>	532
Сеченова Е. Г. (Тюмень, Россия) <i>Языковые способы репрезентации автора в научном тексте</i>	535
Синеева Т. А. (Челябинск, Россия) <i>Кулинарная метафора как универсальная формула трансляции информации во французском научном дискурсе (на материалах Интернет)</i>	539
Соболева Т.Е. (Белгород, Россия) <i>Дискурс как основа прагматического анализа</i>	543
Сорокина Ю.В. (Челябинск, Россия) <i>Дидактический дискурс как средство аккультурации языковой личности</i>	546
Старова Г.А. (Челябинск, Россия) <i>Выражение духа соперничества в политическом дискурсе Италии</i>	549
Троицкая Т. Б. (Москва, Россия) <i>Дискурсивный потенциал категории адресованности в реализации полемической стратегии в публицистике</i>	553
Тырышкина Е. А. (Куйбышев, Россия) <i>Дискурсивный анализ в отечественном и зарубежном языкознании и проблемы его изучения</i>	558
Унгефук С.В. (Барнаул, Россия) <i>Функционирование модальных частиц в диалогах с коммуникативно-прагматическим значением убеждения</i>	562
Фахрутдинова Д.Р. (Смоленск, Россия) <i>Коммуникативная функция текста военной доктрины</i>	566
Федосова Е.В. (Алматы, Казахстан) <i>Диалогичность и адресованность в научном дискурсе</i>	569
Чернышова М.А. (Тверь, Россия) <i>Роль прецедентных феноменов в рекламном дискурсе</i>	573

Чуйкина Л.А. (Караганда, Казахстан) <i>О некоторых особенностях публицистического стиля при подготовке публичного выступления (из опыта работы)</i>	577
Шабанова Т.А. (Екатеринбург, Россия) <i>Кризис второго пола в современном феминистском дискурсе</i>	581
Шефер О. В. (Челябинск, Россия) <i>Имиджевый дискурс как способ стимулирования покупательского спроса на конкурентном рынке</i>	584
Шибаршина С.В. (Нижний Новгород, Россия) <i>Лексические особенности афро-американского дискурса</i>	587
Шкуратова Т.А. (Ростов-на-Дону, Россия) <i>Из опыта политического дискурс-анализа. Прагматический аспект</i>	591
НАШИ АВТОРЫ	598
СОДЕРЖАНИЕ.....	609

Научное издание

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Сборник статей участников
IV международной научной конференции
25-26 апреля 2008 года
Челябинск

Том 1

Формат 60х84 1/8. Бумага ВХИ 80 гр. Объем 77,25 усл. п. л.
Тираж 200 экз. Заказ №693

ГОУ ВПО «Чел ГУ», 454021, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129

ООО «Издательство РЕКПОЛ», 454048, г. Челябинск, пр. Ленина, 77
Изготовлено в полном соответствии с качеством
предоставленных оригиналов заказчиком
в ООО «РЕКПОЛ», 454048, г. Челябинск, пр. Ленина, 77,
тел.(351) 265-41-09, 265-49-84